

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT формируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

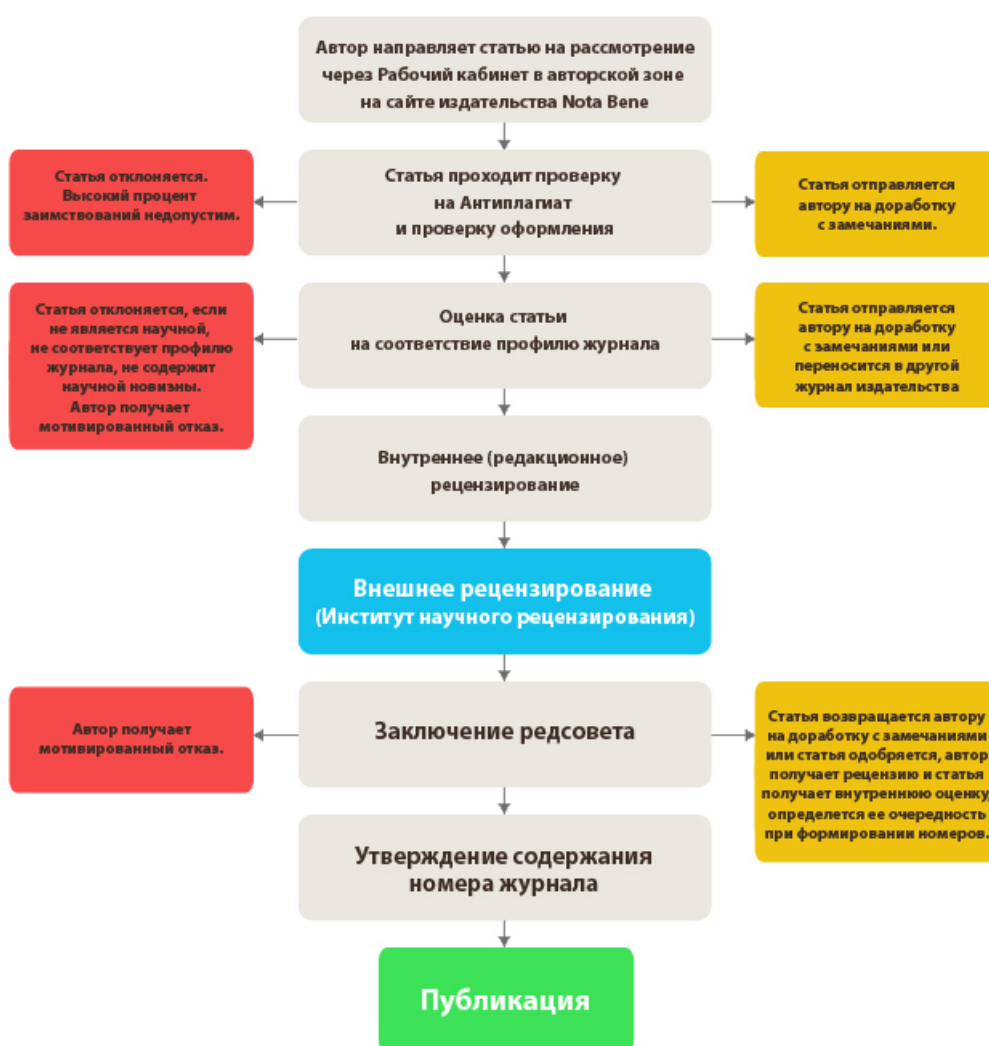
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Москвин Г.В. К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова	1
Аль-Анбаги Ш. Деловое письмо в системе современной межличностной коммуникации (на материале русской и арабской деловой корреспонденции)	9
Селеменева М.В. Принципы циклизации в сборнике А.В. Иличевского «Точка росы»	17
Октябрьская О.С. Бабушки и дедушки в произведении Ю. Кузнецовой о Варе и Оле: архетипическое и современное	28
Демахина А.В. Изображение двора Амора в «Защитнике дам» Мартена Ле Франа: куртуазное пространство и христианская любовь	37
Чжао Ц. Освещение в СМИ миграционных вопросов в контексте китайской идеологии	46
Юй Л. Китайский текст в рассказах В. Сорокина «Concrete» и «Ю»	59
Быстров Н.А. Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной области «Civil War» как объект лингвистического анализа (текстовый уровень)	69
Лочмелис Е.Р. Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут»	78
Лю Ц. Модель «машинный перевод + постмашинное редактирование перевода» на платформе YіCAT: на примере дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста» для студентов первого курса магистратуры Высшей школы перевода МГУ	90
Семёнов В.Б. Пути жанровой эволюции «Саги о Констанции» во второй половине XIV в.	100
Денисов А.Ю. А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике»	112
Ли Ц. Перевод безэквивалентной лексики в китайской политической речи на русский язык	124
Лин Ц. Влияние цикла «Донские рассказы» М. А. Шолохова на Мо Яня	138
Орлова М.В. Глагольно-именные дескрипции в современной устной русской речи: опыт анализа	148
Мусаева А.М. Символика желтого цвета в современной русской поэзии	168
Славин Б.Ф., Заровный Д.А. Журналистский идеал в контексте теорий повестки дня	177
Неренц Д.В. Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиaprостранстве	186
Булгарова Б.А., Чинённая Т.Ю., Зюкина З.С., Козловская Е.С. Междисциплинарные цифровые способы исследования политического медиадискурса	199
Пак Л.Е. К вопросу о гендерной специфике спортивного новостного нарратива	212
Акашева Т.В., Жаркова А.Д. Современные литературные музеи: от экспоната до визуализации (на примере Московского дома Достоевского)	225
Гурушкин П.Ю., Дружкова В.И. Медиатизация корпоративного конфликта в условиях цифровизации	233
Урюпина А.Д. Функционирование и перевод англоязычных и русскоязычных	241

архитектурных терминов в академическом дискурсе

Нефедова О.И. Мотив предопределения в романе «Бойня номер пять» Курта Воннегута	252
Гун А. Коан и его реализация в прозе В. Пелевина	264
Середа Д.М. Префикс от-: семантический класс «Лишение функций» в русском языке XI-XVII вв.	272
Чжан Л. Свет в прозе В. Г. Распутина	284
Англоязычные метаданные	299

Contents

Moskvin G.V. On the topic of the beginning of existential prose by M. Yu. Lermontov	1
Al- Anbagi S. Business letter in the system of modern interpersonal communication (based on Russian and Arabic business correspondence)	9
Selemeneva M.V. Principles of cyclization in the collection of A.V. Illichevsky "Dew Point"	17
Oktyabr'skaya O.S. Archetypal and modern in studying grandparents in Y. Kuznetsova's books about Varya and Olya	28
Demakhina A. The image of the court of Amour in Martin Le Franc's "Champion of Ladies": courtly space and Christian love.	37
ZHAO Q. Media coverage of migration issues in the context of Chinese ideology	46
Yu L. Chinese text in the short stories "The Concrete Ones" and "Lu" by Vladimir Sorokin	59
Bystrov N.A. Verbal-representative characteristics of «Civil War» conceptual field as a linguistic analysis (textual level)	69
Lochmelis E.R. Traditions of the 19th century ballads in the songs of the band "The King and the Jester"	78
Liu J. The "machine translation + post-machine translation editing" model on the YiCAT platform: using the example of the discipline "Stylistic post-machine text editing" for first-year graduate students of the Higher School of Translation of Moscow State University	90
Semenov V.B. Paths of genre evolution of the Constance Saga in the second half of the 14th century	100
Denisov A.Y. Anton Chekhov in school and university teaching in the 2000s–2010s: discussion in the "Chekhov Herald"	112
Li J. Translation of non-equivalent vocabulary in Chinese political speech into Russian	124
Lin T. Influence of the Cycle "Don Stories" by M. A. Sholokhov on Mo Yan	138
Orlova M.V. Verb-nominal descriptions in modern oral Russian speech: the experience of analysis	148
Musaeva A.M. The nature of the symbol, its role in a literary text (using the example of yellow color symbolism in poetry of the XX – XXI centuries)	168
Slavin B.F., Zarovniy D.A. The journalistic ideal in the context of agenda theories	177
Nerents D.V. Specifics of Artificial Intelligence Application in Modern Media Space	186
Bulgarova B.A., Chinennaya T.Y., Zyukina Z.S., Kozlovskaya E.S. Interdisciplinary digital ways of researching political media discourse	199
Pak L.E. On the issue of the gender specificity of the sports news narrative	212
Akasheva T., Zharkova A. Modern literary museums: from an exhibit to visualization (using the example of the Moscow Dostoevsky house)	225
Gurushkin P.Y., Druzhkova V.I. Mediatization of corporate conflict in the context of digitalization	233

Uryupina A.D. Functioning and translation of English and Russian architectural terms in academic discourse	241
Nefedova O.I. The Motif of Predestination in the Novel "Slaughterhouse-Five" by Kurt Vonnegut	252
Gong A. Koan and its implementation in V. Pelevin's prose	264
Sereda D.M. Prefix ot: semantic class "Deprivation of functions" in the Russian language of the XI-XVII centuries.	272
Zhang L. Light in Rasputin's prose	284
Metadata in english	299

Litera

Правильная ссылка на статью:

Москвин Г.В. К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312 EDN: ZHNLOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71312

К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова

Москвин Георгий Владимирович

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119992, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ georgii_moskvin@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71312

EDN:

ZHNLOE

Дата направления статьи в редакцию:

16-07-2024

Дата публикации:

23-07-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению вопроса о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова. В статье рассматриваются вопросы формирования экзистенциальной парадигмы в русской литературе первых десятилетий XIX века. Автор обращается к стихотворению Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» как образцовому произведению, выражающему проблематику нового времени литературы (в творчестве писателей конца 1820-х – начала 1840-х гг.), которая характеризуется идейно-стилевым разнообразием как результат взаимодействия разных интеллектуальных систем в русском художественном мышлении (мировоззрение позднего романтизма, философия объективного идеализма Гегеля и экзистенциалистские концепции Кьеркегора, и другие мыслители). Развитие экзистенциальной темы в русской литературе XIX века подтверждается лирикой М. Ю. Лермонтова и прозой писателя («Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени»).

В данной работе в основном применялись следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, герменевтический, аксиологический, а также литературно-исторический методы. Новизна статьи объясняется тем, что автор формулирует основные положения экзистенциальной литературы, уточняет их проявления в литературе 1820-х–1949-х гг. в русской литературе, сопоставляет эстетические практики с современной, прежде всего, Лермонтовской литературой. Акцентируя внимание на демонской теме, автор утверждает, что в раннем периоде творчества Лермонтова (1829–1836 гг.) замечаются две тенденции в эволюции этой темы: первая названа как демонизация героя, завершается к периоду зрелого творчества; вторая характеризуется преодолением демона в себе, или человеке, – она начинается еще с первых редакций поэмы «Демон» (произведение оказалось решающим в переходе к основной теме экзистенциальной прозы в творчестве Лермонтова), и достигает кульминации в «Герое нашего времени» (1837–1841).

Ключевые слова:

экзистенциальный, Лермонтов, вера, Кьеркегор, русская литература, жизнь, человек, демонизация героя, демонская тема, герой нашего времени

В 1828 г., в год первых стихотворений Лермонтова, Пушкин написал «скептические куплеты», как поэт назвал свои стихи в письме к Е. Хитрово — «Дар напрасный, дар случайный», — опубликованные в 1830 г. и привлёкшие особое внимание в силу их пессимистического пафоса [\[1\]](#). В своей статье об этом М. Альтшуллер отмечает «пессимистические настроения... сомнения в существовании Бога», что вызвало поэтический ответ митрополита Филарета. Для аргументации последнего тезиса Альтшуллер прибегает к толкованию, заметим, не всего стихотворения, а первых двух строк, в то время как игнорирование третьей, на наш взгляд, влечет за собой неполное понимание смысла пушкинского текста. Исследователь здесь не одинок — заблуждение повторяется в других комментариях и становится традиционным. Присмотримся к тексту пристальнее.

Прежде всего, частые упоминания о жизненных невзгодах Пушкина не могут и не должны служить основанием для объяснения смысла его художественных произведений. Во-вторых, вопрос: «Жизнь, зачем ты мне дана?» — означает растерянность конкретного человека перед фактом своего существования. Это не пессимистическое настроение, а онтологический запрос. Между «смертью» и «казнью» есть различие. Смерть — неизбежный исход, как бы *плановый*; казнь — бессмысленное обращение в Ничто, «страх и трепет» перед ним составляет существование человека. «Кто меня волшебной властью / Из ничтожества воззвал?» означает не сомнение в Боге, а недоумение человека, наделенного страстью и умом, для него бесцельными. Вспомним откровение двухлетней давности у Пушкина: «Как труп в пустыне я лежал / И Бога глас ко мне воззвал». Без воззвания или призывания Бога все дары мертвы, отсюда третья строфа («Цели нет передо мною / Сердце пусто, празден ум») посвящена не эмоциональному усилению мысли второй — это жалоба, потребность в Боге, Вере. Нелепыми и суетными поэтому являются всякие домыслы и спекуляции по поводу безбожия поэта. Начало потребности в оплодотворяющей жизнь и деятельность человека вере наблюдается в 1823 году — первый кризис («Свободы сеятель пустынный», «Телега жизни», «Демон»); возобновляется в 1828 году («Дар напрасный...»); затем в 1833 году в стихотворении «Осень» звучит: «Громада тронулась и рассекает волны... Куда ж нам плыть?».

Небезынтересно, что такие «кризисы» повторяются у Пушкина с интервалом в пять лет.

Мы обратились к творчеству Пушкина с целью показать, что Лермонтов входит в русскую поэзию во время конфликтного *со-существования* в европейском культурном сознании мировоззрения позднего романтизма, философии объективного идеализма Гегеля и экзистенциалистских концепций Кьеркегора, других мыслителей. В русском художественном мышлении это сочетание столь разных интеллектуальных систем проявилось как идейно-стилевое разнообразие отечественной литературы, прежде всего, в творчестве писателей конца 1820-х – начала 1840-х гг. — универсальности творчества Пушкина, христианского подвижничества литературы Гоголя, субъектноцентричного художественного мира Лермонтова, психологических и стиливых исканий раннего Достоевского, мистических опытов В.Ф. Одоевского и др. Что касается основных направлений постромантического стиливого дискурса литературы, то, обобщая, назовем два наиболее заметных и продуктивных. Во всей европейской литературе детерминистское художественное мышление порождает и развивает реализм, в отечественной литературе — критический. Романтизм, исчезая как ведущее стиливое явление времени первой трети XIX века, оставил свое главное достижение — человека (литературного героя) как субъекта бытия — ставшее основой для появления различных форм иррационалистических тенденций.

В ранней лирике Лермонтова, в период до начала его прозы, откровения, выражавшие потребность юного поэта в объяснении сущего для человека, возникали в минуты страдания любви или ощущения пустоты существования, когда он «к чему-то тайному стремился... к тому, что обещал нам Бог» («Н.Ф. И. ...вой», 1830), или чувства обреченности («На жизнь надеяться страшась...», «Отрывок», 1830), или плена безысходности («Душа сама собою стеснена / Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...», «1831-го июня 11 дня», 1831). В 1829 г. в поэзии Лермонтова начинает складываться проблематика, распространившаяся во всем творчестве поэта, и ее *нерв* составит тема Демона. Кажется, Лермонтов следует за европейской традицией (Альфред де Виньи, Т. Мур и др.), однако в ее поэтическом осмыслении обнаруживается своеобразие, возникавшее, возможно, под влиянием Пушкина. Так, например, в «Демоне» (1823) интонирование последнего стиха «И ничего во всей природе благословить он не хотел» свидетельствует не о впечатленности лирического субъекта Демоном, а напротив, — его полном отрицании (или в стихотворении 1828 г. «Ангел» у Пушкина, как чудо, происходит внутреннее преображение Демона: «Не все я в мире ненавидел / Не все я в мире презирал»). Аргументом в пользу высказанного утверждения может служить синтаксическая, композиционная организация стихотворения – возрастающая градация, вызванная перечислением *безверий* Демона, резко обрывается, что образует тот специфический интонационный рисунок, который мы наблюдаем в онегинской строфе. Этот эффект можно назвать *моментом снятия напряжения*, в данном случае смыслового.

В творчестве Лермонтова 1829–1836 гг. замечаются две тенденции в эволюции демонской темы, как и во всей художественной *концептосфере высших иерархий*. Первая состоит в наделении противоположных сущностей признаками, присущими им порознь, т.е. едва ли не смешении их литературных образов, например, в раннем стихотворении «Послушай, быть может, когда мы покинем...» (1832): «Ты ангелом будешь, я демоном стану!» или две редакции стихотворения «Мой демон» (1829 и 1830–1831) с одинаковым зачином: «Собрание зол его стихия...», или в поэме «Азраил» (1831). В ранней прозе названный принцип неразделения сущностей, казалось бы, сохраняется. В «Вадиме» про Ольгу сказано: «Это был ангел, изгнанный из рая за то,

что слишком сожалел об человечестве» [\[2, с. 13\]](#) (Заметим, что Ольга-Ангел, подобно Демону, изгоняется из рая). Сам герой портретируется неоднократно, словно Демон: нищие «уважали в нем... демона, но не человека» [\[2, с. 13\]](#); «Какой-то бешеный демон поселился в меня, но он не имел влияния на поступки мои, он только терзал меня [\[2, с. 33\]](#) «Полоса яркого света ... упала на губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой...» [\[2, с. 39\]](#), «Вадим стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшею Маргаритой...» [\[2, с. 73\]](#). И во втором периоде творчества Лермонтова отмеченный выше прием по-прежнему сохраняется, хотя и эволюционирует в силу усложнения идейной мотивированности поведения героев. С наибольшей наглядностью он проявляется в герое «Маскарада» Арбенине, хотя стилистика этого образа все еще несет отпечаток ранней, если можно так выразиться, *демонизации* героя: «Но иногда опять какой-то дух враждебный / Меня уносит в бурю прежних дней...» [\[3, с. 307\]](#) Ср.: «Носясь меж дымных облаков / Он любит бури роковые...» («Мой демон»).

Первая тема, назовем ее *демонизацией героя*, завершается к периоду зрелого творчества. Манифестация второй темы — преодоления демона в себе, или человеке, — начинается еще с первых редакций поэмы «Демон», достигает полного развития в лирике 1837 г., в частности, в стихотворениях «Молитва» (1836–1837) и «Когда волнуется желтеющая нива» (1837) (Сказанное подтверждается в работе Киселевой И. А., см.: [\[4\]](#)) и, наконец, достигает кульминации в «Герое нашего времени» (1837–1841).

Что касается поэмы «Демон», то, как первым заявил академик Н.П. Дашкевич, «у Лермонтова Демон, "душой измученною болен", охваченный мечтою еще в большей степени, чем у всех предшествовавших поэтов, приближен к человеческой душе» [\[5, с. 501\]](#). В. В. Бугорская в этой связи отмечает, что «академик Н. П. Дашкевич видел мотив такой постановки проблемы в желании автора» [\[6, с. 300\]](#) раскрыть в своем Демоне преимущественно неудовлетворение своим существованием, далеко, однако, отстоящее от полного раскаяния» [\[5, с. 510–513\]](#). В. В. Бугорская, комментируя выражение «полное раскаяние», пишет: «На наш взгляд, Лермонтова интересовало само рассмотрение явления падения, его причин и возможности разрешения конфликта с Богом, конфликта между Вселенским Отцом и вселенским сыном» [\[6, с. 300\]](#). Дополним, что само определение — раскаяние — едва ли применимо к Демону, речь идет о литературной условленности. Роль поэмы «Демон» настолько велика в литературе времени, значима для его иррациональных идей и *реставрации* веры человека 1830–1840 гг., что Лев Шестов в своей книге о философии Кьеркегора, говоря о духовном кризисе датского философа, неожиданно вспоминает лермонтовскую поэму: «Киргегард, слагавший пламенные гимны страданию, Киргегард, презрительно отвергавший земные радости <... > и бессмертие, и блаженство, и вечность не смыкают воспоминаний о позоре пережитого им в конечном существовании и еще меньше могут заменить ему те радости, которых он был лишен. Словно он повторяет демона Лермонтова: "Я позавидовал невольно неполной радости людской"» [\[7, с. 151\]](#). Замечание Шестова можно рассматривать в свете устойчивого мотива Лермонтова стремлении литературного героя-демона к земной жизни («Демон», «Азраил», «Ангел смерти») — мотив, который еще предстоит корректно осмыслить, но также, что не менее важно, он включает лермонтовские идеи в современную поэту философскую парадигму.

Поэма «Демон», создаваемая Лермонтовым всю творческую жизнь, так и не была закончена. Мы, разумеется, считаем 6-ю (1838) или 8-ю (1839) редакции поэмы условно дефинитивными, а скорее все же этапными, в которых Лермонтов подвел итог

созданному, но не поставил точку, о чем свидетельствуют вероятные попытки ее продолжить. Так, в отмеченной редакции 1839 г. торжествует финал 1 части «Фауста», сюжет Маргариты, в то время как русский Демон в человеке не преодолен. Тем не менее лермонтовский демон все более не властен над человеком — тезис, в доказательство которого Лермонтов последовательно находит художественные аргументы. Рассуждения о тождестве, частичном или полном, образов лермонтовских героев и демонской сущности, преимущественно касающихся Печорина в «Герое нашего времени», представляют собой абберации восприятия и толкования произведений автора. Мы полагаем, что поэма «Демон» явилась в творчестве Лермонтова *решающим* произведением в переходе к основной теме экзистенциальной прозы.

Прежде всего, требует уточнения содержание терминологического сочетания *экзистенциальная* проза. Само понятие экзистенции носит всеохватный характер как онтическое, по Мартину Хайдеггеру, — порядок сущего, VS онтологическому (порядку бытия). В 1840-е гг. понятие экзистенции стало широко употребляться в философских работах Серена Кьеркегора, явление, в котором отразился процесс гуманизации общества, т.е. выделении человека и его существования как особо значимых категорий общего бытия. Отмеченные тенденции вызваны социально-историческими изменениями конца XVIII – начала XIX вв., приведшими, что важно для нашей статьи, к появлению антропоцентрических философских систем (С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр и др.) и возникновению соответствующих эстетических практик.

Мы уже упоминали выше, что, например, «скептические куплеты» Пушкина «Дар напрасный...» вызваны вовсе не сомнением в Боге, а потребностью человека в вере, преодолении духовного кризиса периода смены XVIII – XIX вв. — состояние, с особой силой выразившееся в русской литературе первых десятилетий XIX века. Отметим, прежде всего, духовную эволюцию творчества Пушкина, совершившего, по определению И. А. Ильина, «свой духовно-нравственный путь от разочарованного безверия — к вере и молитве» [8, с. 339], духовное подвижничество Гоголя, Лермонтова, в творчестве которых потребность в вере явно и органично объединилась с художественным талантом. Выше мы обратились к стихотворению Пушкина «Дар напрасный...», утверждая, что оно не выражает сомнение в Творце, это — жалоба и потребность в вере. В духовном творчестве Гоголя самым важным является преодоление, или лучше сказать — отсутствие страха перед Ничто как экзистенциальной проблемой. Так, В. А. Воропаев пишет: «Праведная христианская кончина Н. В. Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь. Перед смертью он дважды исповедался и приобщился Святых Тайн, а также соборовался елеем. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: “Как сладко умирать!”. За этим ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: “...имею желание разрешиться и быть со Христом...”» (Флп. 1: 23) [9, с. 78]. О духовности и стремлении к вере Лермонтова уместно, на наш взгляд, привести утверждение С. В. Шувалова: «Нигде в творчестве Лермонтова мы не найдем прямого отрицания потусторонней жизни; вера в духовность и, следовательно, в неуничтожимость своего существа является у него фактом непосредственного сознания, и потому отказаться от этой веры он не мог, если бы даже хотел» [10, с. 135-164].

Безусловно, жизнь человека всегда была предметом внимания литературы, однако возникающие в связи с этим темы и мотивы имели косвенное отношение к главному — проблеме существования человека как субъекта бытия, ценностного и духовного. Высказанное определение позволяет выделить три тематические и проблемные сферы

русской экзистенциальной литературы, основу которой составило творчество Лермонтова: духовная (вера), личностная (содержание жизни), социальная (адаптация к жизни в мире и обществе).

Первым условием, насыщающим существование человека смыслом, т.е. его оправдывающим, согласно современным Лермонтову концепциям экзистенции, является вера, для которой нет искушения, сомнений и греха (для первого экзистенциалиста, еще не знавшего о своем значении в истории философии, Серена Кьеркегора, безупречными были библейские величины истинной веры — Авраам и Иов). Разумеется, юный поэт не был в какой-либо мере осведомлен о теологических или философских тонкостях в вопросах веры, однако уже с отроческих лет он, помимо поэтического погружения в таинства поэзии и мистерии любви, был смущен вошедшим в традицию представлением о несовместимости высоких и низших начал жизни (например, «Не обвиняй меня, Всесильный...», «Молитва», 1829). Поэтому в творчестве Лермонтова стала насущной идея не изгнания, но преодоления в себе темной сущности, определившаяся как сверхзадача поэмы «Демон».

В прозе Лермонтова названная идея получила художественную разработку в зрелый период, в романе «Герой нашего времени»; для осмысления «Вадима» релевантным оказался тезис о главном противоречии в душе героя: «Он верил в Бога, но также и в дьявола» (сцена в церкви, начало бунта). В «Княгине Лиговской», в силу стилизового автобиографизма, автор не может оторваться от описания переживания, пусть художественного, однако обстоятельств жизни частного человека (мы полагаем, что главным препятствием для создания произведения «Я хочу рассказать вам» явилась именно его автобиографическая основа). Сказанное касается исключительно экзистенциальной перспективы развития образа, прерванный роман отличается чрезвычайно тонким литературным анализом нравов светского общества, изображением картин социальной жизни непривилегированных слоев населения, элементами психологической прозы. В произведении, тем не менее, намечена экзистенциальная проблематика, обнаруживающаяся в томлении и нерешительности, т.е. воли к утверждению личностного бытия *первого* Печорина. Лермонтов, осознавая невозможность художественного продолжения романа, главное — в разрешении фатального в жизни явления поражения любви [\[11, с. 179-180\]](#), останавливает работу над ним. Повторимся, что *строительные* идеи «Княгини Лиговской» входили как источник в идейный состав «Героя нашего времени», но не получали должного художественного обобщения.

Заметим, что в русской литературе вопросы экзистенции (существования, жизни) человека в современной исторической действительности, духовной атмосфере гуманизации общества, возникали как ведущая проблематика времени, такие вопросы, как русская хандра Онегина, или копеечная цель поэчного пути Чичикова, или загубленный подвиг служения Башмачкина и др. Роман «Герой нашего времени» явился первым прозаическим произведением в творчестве Лермонтова, в котором проявились идейно-стилевые признаки экзистенциальной прозы. Определение «первый» в известной мере условно, поскольку возможно было употребить выражение «и последний опыт», если бы не два коротких произведения: очерк «Кавказец» и начатая повесть «Штосс», вероятно, имеющая романский потенциал.

Библиография

1. Альтшуллер М. Г. Диптих Пушкина и псевдопалинодемия митрополита Филарета // В книге «Между двух царей». СПб: Академический проект 2003. – 352 с.

2. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. – 900 с.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. – 757 с.
4. Киселева И.А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 91–106.
5. Дашкевич Н. П. Статьи по новой русской литературе. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1914. – 696 с.
6. Бугорская В. В. Образы ангелов в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского университета. Серия Истории и филологии. 2020. Т. 30. № 2. С. 296–302.
7. Шестов Л. И. Киргегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс. Гнозис, 1992. – 304 с.
8. Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 328–355.
9. Воропаев В. А. Требование Н.В. Гоголя на полях Библии // Русская речь. 2018. № 3. С. 77–81.
10. Шувалов С. В. Религия Лермонтова // Венок Лермонтову / Юбилейный сборник. М.-Пг.: Изд. т-ва "В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых, 1914. С. 135–164.
11. Москвин Г. В. Измена // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014. С. 179–180

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В первые десятилетия XXI века появился ряд исследований, в которых раскрывается экзистенциальная проблематика в прозе Лермонтова, выявляются схождения идей, высказываемых его героями, с идеями датского философа С. Кьеркегора – так в лермонтоведении (и шире – в истории русской литературы) стало утверждаться представление о Лермонтове как первом русском писателе-экзистенциалисте, а его прозу стали определять не только как философско-психологическую, но и экзистенциальную. При этом, как правило, в этом контексте исследователи говорят о романе «Герой нашего времени», очерке «Кавказец» – то есть о поздних – итоговых – произведениях писателя. Вместе с тем вопрос о зарождении такого художественного мышления, о его истоках даже не ставился. Ценность рецензируемой статьи «К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова» состоит в самой постановке проблемы, а выводы показывают закономерность творческой эволюции Лермонтова.

Однако начинает автор свою статью не с анализа ранних произведений Лермонтова, что было бы закономерно, а с анализа стихотворения Пушкина «Дар напрасный...» И этот материал не является избыточным. Напротив, он позволяет вписать идеи Лермонтова, его жизнеотношение, философские искания в контекст эпохи. Надо заметить, что автор обнаружил и указал на созвучие пушкинской поэтической рефлексии с теми вопросами, которые позже сформулирует лермонтовский герой в своем журнале.

В этом же ряду упомянуты стихотворения «Свободы сеятель пустынный...», «Телега жизни», а также духовный опыт Гоголя.

Сам автор так формулирует цель подобной преамбулы – «показать, что Лермонтов входит в русскую поэзию во время конфликтного со-существования в европейском культурном сознании мировоззрения позднего романтизма, философии объективного идеализма Гегеля и экзистенциалистских концепций Кьеркегора, других мыслителей»,

наследуя главное достижение романтизма – «человека (литературного героя) как субъекта бытия — ставшее основой для появления различных форм иррационалистических тенденций».

Основная часть статьи – анализ творчества Лермонтова в свете заявленной проблемы. Автор уже в ранней лирике поэта фиксирует «откровения, выражавшие потребность юного поэта в объяснении сущего для человека», особо выделяет в ней формирование двух тенденций в демонской теме и показывает, как они соединяются / сливаются в первом прозаическом опыте – романе «Вадим». Закономерным стало и обращение к поэме «Демон», над которой Лермонтов работал всю жизнь и которая рассматривается в работе как «решающее произведение в переходе к основной теме экзистенциальной прозы». Отметим важное наблюдение о том, что «лермонтовский демон все более не властен над человеком».

Финальная часть статьи посвящена собственно экзистенциальной прозе Лермонтова. Прежде всего, дано понимание термина, прокомментирована проблема веры, выделены «три тематические и проблемные сферы русской экзистенциальной литературы, основу которой составило творчество Лермонтова: духовная (вера), личностная (содержание жизни), социальная (адаптация к жизни в мире и обществе)».

Таким образом, в статье предложена новая концепция формирования экзистенциальной прозы в творчестве Лермонтова и в русской литературе в целом. Выводы убедительны и аргументированы. Статья будет востребована в вузовском преподавании истории русской литературы, в издательской практике. Также она будет интересна широкому кругу читателей.

Статья рекомендуется к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Аль-Анбаги Ш. Деловое письмо в системе современной межличностной коммуникации (на материале русской и арабской деловой корреспонденции) // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71318 EDN:

RKRQUV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71318

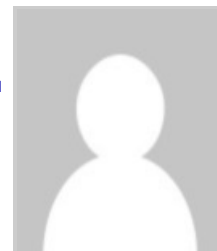
Деловое письмо в системе современной межличностной коммуникации (на материале русской и арабской деловой корреспонденции)

Аль-Анбаги Шайма Тамер Хасан

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ shaimatamerhasan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Профессиональный язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71318

EDN:

RKRQUV

Дата направления статьи в редакцию:

22-07-2024

Дата публикации:

29-07-2024

Аннотация: Объектом исследования стали особенности современной деловой переписки на русском и арабском языках; предметом исследования – место современных русских и арабских деловых документов в системе межличностной коммуникации, особенности выражения в современном деловом письме личности автора, формирование образа автора. Обращено внимание на те трансформационные процессы, которые обнаруживаются в современном деловом письме в соответствии с изменением степени проявления в нём личности автора. Усиление личностного начала в деловом письме связывается с процессами демократизации общения, гуманизации общества, информатизации коммуникативного пространства, распространения электронных писем. Научная новизна исследования состоит в раскрытии специфики образа автора в

современных деловых письмах, отражающей лингвокультурные и исторические особенности носителей русского и арабского языков. Исследование проводилось на основе общенаучных методов наблюдения и описания, анализа и синтеза с использованием специальных лингвистических методов (структурного, типологического, сравнительно-сопоставительного, метода компонентного анализа), а также функционального и психолингвистического подходов. В результате исследования выявлено, что в русском и арабском деловом письме тенденция к усилению личностного характера переписки проявляется в разной степени. В современных русских деловых письмах используется целый комплекс языковых средств, в том числе синтаксического уровня, с помощью которых корреспонденции придаётся личностный, неофициальный характер. Это побудительные, восклицательные и вопросительные предложения, вводные слова, определённо-личные и двусоставные предложения. Синтаксис обладает большим потенциалом в выражении личностного начала. В арабском деловом письме личностное начало проявляют авторы, занимающие высокие должности, а остальные стараются составлять деловые письма обезличенно, стандартно, стереотипно. Делается вывод о связи замеченных особенностей с арабскими культурными традициями, с превалированием в арабской культуре коллективного над личным.

Ключевые слова:

официально-деловой стиль, деловое письмо, деловая корреспонденция, русский язык, арабский язык, межличностная коммуникация, автор, адресат, личностный характер, электронное письмо

Введение

Современный мир невозможно представить без деловой коммуникации, от продуманности которой зависит коммерческая успешность предприятия или организации, перспективы сотрудничества участников делового общения, характер отношений между ними. В деловой сфере сложились определённые стереотипы поведения, основными из которых являются высокая стандартность, строгость, отстранённость, минимальное проявление личностных качеств корреспондентов. Главным в деловом общении принято считать решение текущих дипломатических, хозяйственных, коммерческих и других вопросов, а не межличностное взаимодействие и коммуникативный комфорт коммуникантов. Однако в течение последних нескольких десятилетий, начиная в основном с рубежа XIX–XX вв., ситуация начала меняться. В деловой коммуникации разных стран мира начинает более явно звучать личностное начало, проявляется индивидуальность автора. Причины этого мы видим, во-первых, в демократизации общения, во-вторых, в гуманизации общественного пространства, увеличении внимания к личности каждого из его участников, повышении значимости личностного по сравнению с общественным, изменении социальной роли личности. В письмах начинает создаваться индивидуальный образ автора, что влияет на языковые и стилистические средства, которые здесь используются. С одной стороны, деловые письма по-прежнему являются принадлежностью «официального публичного и полуофициального интерперсонального общения (при отсутствии доверительных межличностных отношений)» [\[1, с. 54\]](#), с другой стороны, именно межличностные отношения начинают играть в нём всё более значимую роль.

Обзор литературы

Современное деловое письмо и изменения в его содержании, стилистике, структуре достаточно активно изучаются лингвистами. Анализируются электронные деловые письма, занимающие всё более значимое место в деловой коммуникации, в том числе средства речевого этикета в них [2], вариативность деловой интернет-коммуникации [3], проникновение в неё элементов устной речи, менее формальный характер делового письма [4, с. 334] и т. п. Наблюдается большая эмоциональная насыщенность современных деловых писем [5]. Д. А. Новиков отмечает по этому поводу: «Экспрессивность, недопустимая к употреблению в официально-деловом стиле, все чаще обнаруживается во многих его жанрах, в частности в деловых письмах» [6, с. 50].

Изменению личностного начала делового письма в системе современной межличностной коммуникации уделяют внимание немногие современные лингвисты. Ы. Е. Чо отмечает усиление личностного начала в современной русской деловой переписке, проявляемое в содержательной части писем при стандартности их структуры [7, с. 53]. По мнению Л. В. Селезневой, использование в деловой сфере языковых единиц и соблюдение норм «все больше обусловлены коммуникативной целесообразностью и коммуникативной компетентностью составителя письма» [8, с. 204], то есть зависят от особенностей его личности. Происходит усиление в деловом письме «фактора адресата», от специфики восприятия которого зависят коммуникативное поведение автора, выбор им «средств адресации (обращений, местоимений, метатекста, вводных слов, клише)» [9, с. 336]. Проявлением личностного начала можно объяснить и применение авторами деловых писем фатических элементов: комплиментов, признаний, шуток и др. [10, с. 131]. В результате коммуникативное пространство делового письма формируется на пересечении интересов и личностных особенностей двух субъектов общения – адресата и адресанта. Эти две стороны, по выражению И. А. Тортуновой, для более успешного взаимодействия начинают использовать в деловых письмах «новые, более современные черты, направленные на кооперативную и двустороннюю коммуникацию» [11, с. 85]. Необходимо рассмотреть современное деловое письмо как явление межличностной коммуникации, с точки зрения отражения в нём личностных особенностей автора. Сопоставительное исследование позволит сделать это более аргументированно.

Цель статьи – выявить особенности русского и арабского делового письма как компонентов современной межличностной коммуникации, в том числе оценить трансформации образа автора и личностного начала в современной деловой корреспонденции.

Материалом для практического исследования стали тексты около трёхсот деловых писем на русском и арабском языках (иракские), касающиеся сфер дипломатии, образования, торговли и др.

Результаты исследования

Для современного носителя языка важно выразить себя в создаваемых им произведениях любого стиля и жанра. Формируется «модальный тип личности с преобладающей ориентацией на индивидуально-личностные ценности, нормы поведения и деятельности» [12, с. 139]. Проникает такое речевое поведение и в сферу делового письма, для которого по его жанровой природе характерны выработанные в течение столетий развития официально-делового стиля личностная отстранённость, холодность, официальность, стандартизированность. Человек в деловом письме должен говорить не от собственного имени, а от имени организации, и поэтому всячески снижать личностный

характер коммуникации, в то же время сегодня это происходит не всегда.

Деловое общение на русском языке становится более личностным, в нём в большей степени проявляется индивидуальность автора. Образ автора как личности формируется при помощи:

- определённо-личных предложений, с помощью которых создаётся атмосфера личностной заботы об адресате, внимания к нему: *«Будем рады Вашему участию в конференции», «Предлагаем Вам партнерскую программу...»*. Предложения со сказуемым в форме единственного числа вносят в письма разговорный стилистический оттенок: *«Ещё раз прошу простить»*, создают атмосферу интимного взаимодействия;
- двусоставных предложений вместо односоставных: *«Мы рады представить Вам нашу компанию...»*, в которых грамматически лишнее местоимение призвано акцентировать внимание на личности автора, создать более отчётливый его образ;
- вопросительных конструкций, например, вопросно-ответной, формирующей диалогизм текста: *«Что надо сделать с учетом сложившейся ситуации? Наши предложения...»*;
- восклицательных предложений, которые ранее встречались только в стандартно оформленном обращении (*«Уважаемый Сергей Александрович!»*), а в настоящий момент используются для воздействия на эмоции адресата: *«Мы гарантируем Вам отличный сервис, привлекательные цены и высококачественную продукцию!»*;
- побудительных предложений со сказуемыми в форме глаголов повелительного наклонения, которые ранее практически не встречались, поскольку императивность выражалась с помощью косвенных средств, а сегодня появляются: *«Сотрудничайте с нами, и Вам гарантирован успех!»*;
- вводных конструкций, с помощью которых автор письма создаёт собственный образ живого человека, способного сочувствовать коммуниканту даже в условиях невозможности сотрудничества с ним: *«К большому сожалению, мы вынуждены отказаться от вашего весьма выгодного предложения»*.

В результате в русскоязычных деловых письмах уменьшается дистанция между автором и адресатом, формируется пространство непосредственного, лично и эмоционально окрашенного общения. Автор демонстрирует свою заинтересованность не только в дальнейшем деловом взаимодействии, но и в коммуникации; адресат ощущает себя вовлечённым в работу, готовым к сотрудничеству. Убеждение адресата в необходимости такого сотрудничества происходит незаметно, не за счёт содержательных, логических средств, а с помощью эмоциональных, психологических.

Усиление личностного начала русского делового письма неизбежно влечёт за собой расшатывание нормы [\[13\]](#). Выражая себя, начиная писать персонализированно, автор отходит от стандарта, проявляемого, в числе прочего, и в соблюдении литературных норм письменной речи. Данное следствие анализируемого процесса, несомненно, является негативным.

В арабских деловых письмах общая тенденция к усилению в деловой переписке личностного начала также не может не проявиться, однако это происходит в значительно меньшей степени. Для арабской коммуникативной традиции характерно превалирование общественного, коллективного над личным, проявление подчеркнутого уважения и почтения к адресату. Автор традиционно старается отступить на второй план, подчеркнуть свою отстранённость, не проявить индивидуальность, приуменьшить свою

значимость. Здесь наблюдается обезличивание делового общения, что, в частности, проявляется посредством отсутствия в письме собственного имени автора ни в начальной, ни в заключительной частях письма. При этом должность, звание и другие общественно значимые признаки адресанта обязательно будут указаны.

Проявление личностных качеств во многом зависит от той должности, которую занимает арабоязычный адресат, от его веса в обществе. Если это достаточно высокая должность, то авторское «я» звучит более уверенно. Например:

أنقل لكم اعتذارنا عن عدم الحضور في الوقت الحاضر بسبب المشاغل الكثيرة واستلام مهام الوزارة الى عهد قريب وما يترتب على ذلك من تبعات دقيقة تستغرق منا اغلب الوقت، ونحن اذ نتمن مساعدتكم الإنسانية تجاه العراق شعباً وحكومة، والنهوض بواقع الحال الى الأفضل، نعلمكم عن استعدادنا للحضور في شهر تشرين

Перевод: «Примите искренние извинения по поводу того, что наша встреча не состоялась. Я не смог прибыть на неё в связи с происходящим в настоящий момент принятием на себя служебных обязанностей и связанными с этим многочисленными хлопотами, которые отнимают значительное количество времени». Автор (министр здравоохранения Ирака) в этом письме-извинении сообщает адресату обстоятельства, которые помешали ему прибыть на встречу, при этом извинение звучит достаточно сердечно и лично. Личные обстоятельства позиционируются как важные потому, что автор занимает значимое положение в обществе. В то же время для автора современного русского делового письма важно заявить свою субъектность, проявить индивидуальность независимо от той должности, которую он занимает. Арабскому адресанту, если он не занимает высокую должность, демонстрировать в письме собственный оригинальный образ мешает субординация, традиционное желание быть частью коллектива, не выделяться на его фоне.

В арабском деловом письме действие тенденции к усилению личностного начала в деловой переписке, формированию в деловом письме образа автора ослаблено в силу культурных и исторических причин, однако и здесь данная тенденция действует, пусть и менее заметно. Более личный характер переписки делает общение эффективнее, облегчает коммуникацию, помогает субъектам общения установить более тесный контакт, а значит, скорее и лучше решить свои деловые проблемы.

Заключение

Изменения, происходящие в социальной, технологической и политической сферах жизни общества обязательно влияют на отношения между людьми, на восприятие ими самих себя и друг друга, что, в свою очередь, оказывает воздействие на используемые ими в речи стили, жанры, языковые средства. Усиление личностного начала в современном русском деловом письме в настоящий момент можно считать не только тенденцией, но и свершившимся стилистическим фактом. Помимо демократизации общения и гуманизации общественной жизни, на повышение личностного характера взаимоотношений в деловой сфере, по нашему мнению, влияет переход значительной части деловой документации в интернет-пространство, которое, по самой своей сути, диктует снижение официальности и стандартности коммуникации. Для автора русского делового письма очень важна прагматическая составляющая коммуникации; он стремится убедить в чём-то адресата и обеспечить тем самым успешность, в том числе коммерческую, собственного предприятия. Усиление личностного начала становится одним из способов достижения этой цели и даже манипуляции сознанием адресата. Автор делового письма стремится к личностной самореализации, и деловая переписка приобретает личностную окраску.

Арабское деловое письмо подвержено трансформациям личностного начала в меньшей степени, чем русское. Это связано с особенностями арабской культуры, для которой характерно коллективное начало. Автор в арабском письме старается менее ярко проявлять себя; личностное начало является сильным только в деловых письмах, авторы которых занимают высокие должности, имеют значимое общественное положение.

Отличия в скорости, с которой распространяется тенденция к усилению личностного начала в русской и арабской деловой переписке, могут быть связаны с преимущественным тяготением русской культуры к европейской языковой традиции и с большим консерватизмом арабского культурного пространства.

Перспективы проведенного в данной работе исследования состоят в выявлении и описании других языковых, стилистических, структурных, содержательных особенностей русских и арабских деловых писем, которые в настоящий момент испытывают трансформации, подвергаются изменениям под воздействием различных экстралингвистических факторов.

Библиография

1. Шаклеин В. М. Дифференциация русского языка в условиях развития новых информационных технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2011. № 1. С. 52–55.
2. Кириллова О. Н. Средства речевого этикета электронного делового письма // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 45. С. 1605–1612.
3. Сатучина Т. Ю. Фактор социальной дистанции, детерминирующий вариативность деловой интернет-коммуникации (на материале электронных писем) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 2. С. 76–79. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-2-76-79.
4. Литвякова Т. А. Эволюция этикетных рамок в русском деловом письме (на примере обращения) // Наука и образование транспорту. 2021. № 2. С. 332–334.
5. Литвякова Т. А. Эмоциональная насыщенность как важный элемент письменной коммуникации (на примере делового письма) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 3. С. 103–112.
6. Новиков Д. А. Элементы экспрессивности в официально-деловых письмах исполнительных органов государственной власти // Российский лингвистический бюллетень. 2021. № 2 (26). С. 50–54. DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.21.
7. Чо Ы. Е. Усиление личностного начала в современной русской деловой переписке: положительные и отрицательные моменты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 1. С. 53–60.
8. Селезнева Л. В. Речевые формулы деловой переписки как индикаторы коммуникативной компетентности автора // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 204–209.
9. Селезнева Л. В. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: влияние фактора адресата на стиль деловой корреспонденции // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 335–338.
10. Дьяченко М. П. Межперсональность в письменной деловой коммуникации: межкультурная бизнес-среда // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 3 (43). С. 130–135. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.13.
11. Тортунова И. А. Лингвистический «образ» современной деловой переписки //

Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 80–86.

12. Человек в социокультурном измерении: монография / И. В. Глушко, Т. М. Зуева, М. Н. Крылова, И. М. Лаврухина, А. В. Яровой. Зерноград: АЧИИ, 2022. 222 с.

13. Крылова М. Н. Типичные ошибки в языке деловых бумаг // Современные научные исследования: проблемы и перспективы: материалы IV международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2019. С. 172–179.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение для публикации в журнале «Litera» статья «Деловое письмо в системе современной межличностной коммуникации (на материале русской и арабской деловой корреспонденции)» посвящена изучению трансформаций языковых особенностей делового письма, которые происходят в наше время. Устоявшиеся языковые клише, используемые ранее в деловой корреспонденции, которой были присущи высокая стандартность, строгость, отстранённость, минимальное проявление личностных качеств корреспондентов, претерпевают изменения, связанные с усилением в них личностного начала. Причины этого автор видит в демократизации общения, «в гуманизации общественного пространства, увеличении внимания к личности каждого из его участников, повышении значимости личностного по сравнению с общественным, изменении социальной роли личности». Появление индивидуального образа автора сопровождается формированием системы языковых и стилистических средств, используемых адресантами. Их изучение является целью автора статьи.

В начале статьи дается анализ существующей литературы по проблематике, в результате которого отмечается потребность рассмотрения современного делового письма как явления межличностной коммуникации, с точки зрения отражения в нём личностных особенностей автора, что предлагается осуществить в рецензируемой статье на материале около трехсот деловых писем из различных сфер (дипломатии, образования, торговли и т.д.) на русском и арабском языках в сопоставительном аспекте.

Как отмечает автор статьи, личностный характер делового общения достигается за счет различных средств, среди которых выделяются использование определённо-личных предложений, которые создают атмосферу личностной заботы об адресате; предложения со сказуемым в форме единственного числа, которые создают атмосферу интимного взаимодействия; двусоставных предложений вместо односоставных; вопросительных конструкций, формирующих диалогизм текста; восклицательных предложений, которые используются для воздействия на эмоции адресата; побудительных предложений со сказуемыми в форме глаголов повелительного наклонения; вводных конструкций, с помощью которых адресант представляется живым сочувствующим человеком. Обозначенные языковые средства характеризуют современный деловой текст как лично и эмоционально окрашенный, в котором убеждение адресата происходит «не за счёт содержательных, логических средств, а с помощью эмоциональных, психологических». Исследователь также подмечает такое негативное следствие подобного процесса, как отход от соблюдения литературных норм письменной речи.

Наблюдая за развитием арабского делового письма, автор делает вывод о том, что сложившаяся традиция, которой характерно «превалирование общественного, коллективного над личным, проявление подчёркнутого уважения и почтения к адресату», не позволяет более открыто выражать свою индивидуальность, обращаясь с деловым письмом к коммуниканту. Подобная индивидуализация допустима, отмечает

автор, в случае, если адресантом является человек, занимающий высокую должность. Однако, на наш взгляд, такой вывод недостаточен, так как в качестве примера приведено единственное письмо; необходимы уточнения и привлечение более широкого материала для исследования, включая переписку на уровне малых фирм и организаций, чтобы четче проследить линию развития подобного рода писем в арабской практике делового общения.

В целом, в статье характеризуются причины усиления личностного начала в современной деловой переписке, достаточно подробно описываются языковые особенности, которые демонстрируют индивидуальность русскоязычного адресанта. Автору можно было бы порекомендовать тщательнее рассмотреть языковые изменения арабских деловых писем. Тем не менее, считаем, что статья «Деловое письмо в системе современной межличностной коммуникации (на материале русской и арабской деловой корреспонденции)» написана на актуальную тему, содержит ценные наблюдения, поэтому может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Селеменова М.В. Принципы циклизации в сборнике А.В. Иличевского «Точка росы» // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71355 EDN: QSPMZP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71355

Принципы циклизации в сборнике А.В. Иличевского «Точка росы»

Селеменова Марина Валерьевна

ORCID: 0000-0003-0083-9802

доктор филологических наук

профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин и истории права, Московский городской
университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова

107045, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 28

✉ marselem78@yandex.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.8.71355

EDN:

QSPMZP

Дата направления статьи в редакцию:

24-07-2024

Дата публикации:

31-07-2024

Аннотация: Объектом исследования является поэтика циклизации эпических текстов в современной литературе. Предметом исследования выступают структурные и смысловые аспекты циклизации малой и средней прозы. В качестве материала исследования выбран сборник «Точка росы» Александра Викторовича Иличевского. Автор статьи подробно рассматривает такие аспекты темы, как способ выражения авторской позиции через синтезирующий действие образ повествователя, пространственно-временная организация, обеспечивающая единство восприятия разделов сборника, и лейтмотивная структура, семантически скрепляющая разножанровый эпический текст. Особое внимание в статье уделяется заголовочно-номинативному комплексу сборника, в котором отражены основные приемы циклизации, и автобиографизму повествования, который определяет отбор пространственных образов, сюжетосложение, ценностные ориентиры и

обуславливает все содержательные аспекты циклизации. Автор обращается к геософским основам сборника, чтобы раскрыть зависимость идейного содержания ключевых пространственных образов от духовных исканий повествователя. В качестве важного инструмента циклизации рассматриваются межкультурные взаимосвязи, которые переданы автором через литературные аллюзии и кросс-культурный подход к отражению современного мира. Исследование основано на системно-целостном анализе художественного текста с элементами структурного и сравнительно-типологического анализа. Цикл рассматривается автором статьи как наджанровое единство, выявляются приемы циклизации структурного и содержательного характера. Основными выводами проведенного исследования являются выявленные принципы циклизации, включающие принцип автобиографизма, принцип параллелизма состояний природы и внутреннего мира личности, принцип межкультурных взаимосвязей, принцип лейтмотивности. Особым вкладом автора в исследование темы является уточнение принципов циклизации эпического текста в современной литературе. Автором проведен системно-целостный анализ поэтики эпического цикла в творчестве Александра Иличевского на примере сборника «Точка росы», выявлены композиционные и идейно-смысловые основы синтеза разножанровых эпических текстов в единое художественное произведение. Научная новизна исследования заключается в разработке методологии исследования поэтики эпического цикла в современной литературе как наджанрового образования, в выявлении опорных приемов циклизации прозы А.В. Иличевского на основе сборника «Точка росы», в систематизации художественных основ эпического цикла, включая лейтмотивы, способы выражения авторской позиции, пространственно-временную структуру.

Ключевые слова:

цикл, циклизация, заголовочно-номинативный комплекс, автобиографизм, повествователь, лейтмотив, локус, пространственные образы, наджанровое единство, межкультурные взаимосвязи

Поиск точек пересечения разных картин мира, обобщение разнонаправленных процессов смыслообразования и распада утративших ценность смыслов в современном мире находит отражение в произведениях, имеющих циклическую природу. Современный литературный процесс отражает диалектику фрагментарности и целостности в таких эпических циклах, как «Нулевые», «Десятые», «Петербургские повести» Р. Сенчина, «Пустые поезда 2020 года» Д. Данилова, «Идти бестрепетно» Е. Водолазкина, «Спрятанные реки» и «Девять девяностых» А. Матвеевой, «Любовь в седьмом вагоне» О. Славниковой. Эти и подобные произведения создаются на стыке документального и художественного способов отражения мира и предполагают движение от мозаичности тем, мотивов, сюжетных линий к жанровому и стилевому синтезу. Среди современных эпических произведений, имеющих циклическую природу, выделяются сборники Александра Иличевского, в которых выстраивается глубинная взаимосвязь малых и средних жанров, а автобиографический материал тонко вписывается в общекультурный контекст.

Актуальные подходы к изучению цикла и процессов циклизации предполагают как опору на академические исследования М.Н. Дарвина, В.И. Тютю, В.А. Сапогова, И.В. Фоменко, Л.Е. Ляпиной, О.В. Мирошниковой [\[6, 7, 8, 12\]](#), так и учет новейших концепций [\[2, 3, 5\]](#). Циклизации лирических форм посвящен обширный корпус исследований, тогда как

проблема формирования циклов эпических текстов содержательно осмыслена, главным образом, на материале отдельных произведений. Примером могут служить работы М.П. Абашевой и М.В. Куриленко [11], А.Ю. Большаковой [4], Е.Л. Пивоваровой [13], Е.В. Пономаревой [14]. Проза А.В. Иличевского в аспекте циклизации как текстопорождающей основы ранее основательно не рассматривалась, но следует отметить значительный вклад в изучение жанрово-тематического диапазона его творчества Т.Л. Рыбальченко, О.В. Сизых, Н.А. Томиловой, Л.Г. Тютеловой [15, 18, 19, 20].

Литературным циклом исследователи называют «группу произведений, составленную и объединенную самим автором и представляющую собой художественное целое» [6, с. 392]. Цикл рассматривается в современной науке и как особый жанр, и как наджанровое образование, и как совокупность текстов, образующих книгу. Согласимся с Ю.Д. Бурмистровой, что «рассмотрение цикла как «наджанрового объединения» наиболее перспективно, поскольку такой взгляд учитывает как самодостаточность текста, входящего в цикл, так и его взаимосвязь с другими фрагментами цикла» [5, с. 74]. Как отмечалось нами в более ранних исследованиях, «к числу циклообразующих факторов в прозе относят единство проблематики, общность сюжетных конфликтов и коллизий, образно-стилистическое решение, единый образ автора. Вторичными жанровыми признаками цикла являются общая атмосфера произведения, сквозные мотивы и образы, вариативное развитие тем, особая пространственно-временная организация, обрамляющие новеллы и лейтмотивность повествования» [16, с. 181].

С целью выявления смысловых и структурных основ циклизации в прозе Александра Иличевского обратимся к сборнику повестей и рассказов «Точка росы» (2022). Процесс циклизации в прозе А.В. Иличевского предполагает создание смыслового единства при сохранении самостоятельности и даже некоей самодостаточности каждого текста, включенного в сборник. Малые и средние формы в книге образуют наджанровое единство за счет включения в один из четырех циклов: «Мар-Саба», «Точка росы», «Горло Ашулука», «Английская дорога».

Поэтика заглавий циклов сборника свидетельствует о том, что важным инструментом циклизации выступают **пространственные образы**. Мар-Саба – это монастырь, в котором есть башня для паломников. Для обитателя башни небо и пустыня сливаются, «сразу оказываешься в самом небе» [10, с. 76]. Ашулук – левый рукав Ахтубы, водный лабиринт, в котором «пространство казалось сгустившимся до отдельной вселенной» [10, с. 395]. Английская дорога – это Рязанская железная дорога «с британским акцентом», т.е. построенная английскими инженерами. Символ детства, в котором все зыбко, хрупко, временно, в ожидании перемен. Но поскольку «жить у железной дороги нельзя без мечты» [10, с. 373], то этот пространственный образ также является универсальным микромиром ребенка, разомкнутым в макромир взрослых. Точка росы – это «температура воздуха, при которой начинает конденсироваться роса» [10, с. 216]. В прозе Иличевского этот физический термин становится метафорой максимального напряжения и концентрации жизненных опор героя, после чего наступает неизбежный финал, точка в отношениях и завершение отрезка жизненного пути. Таким образом, заголовочно-номинативный комплекс сборника полностью выстроен на основе пространственных моделей. Башня, река, железная дорога, точка на карте Сан-Франциско – любой локус в сборнике сопряжен с пространством Вселенной и наделен чертами вневременности.

В самом начале повествования **мотив пути** задан и как лейтмотив, и основное средство

циклизации. Путь героя-повествователя причудливым образом соединяет точки на карте земли и выступает основным художественным приемом, объединяющим рассказы и повести в цикл. Один из ключевых локусов сборника – берег Каспийского моря. Этот локус у Иличевского воплощает «внутреннее понимание счастья, покоя, единения с мирозданием» [10, с. 13]. Он перекликается практически со всеми прочими пространственными образами, поскольку мыслится как точка отсчета, исток всего жизненного пути героя.

Ключевым циклообразующим элементом сборника Иличевского является **образ автора**, обладающий автобиографическими чертами, и **концепция времени**. Рассказы всех четырех циклов сборника нанизаны на временную ось, в которой «будущее заблудилось и примостилось отдохнуть по ту сторону планеты» [10, с. 9]. В части рассказов Иличевский переносит читателей в прошлое, которое воспринимается через призму знаков и предвестников будущего, в основном корпусе текстов происходит фиксация момента настоящего с прогностикой последствий текущих событий.

Время в прозе Иличевского одухотворено, персонализировано, наделено свойствами личности: «...мое будущее заблудилось и примостилось отдохнуть по ту сторону планеты» [10, с. 9]. Поиски заблудившегося будущего, просвечивающего во всех значимых встреченных персонажах, связывают все четыре цикла сборника и, таким образом, выполняют функцию лейтмотива. Заблудившемуся будущему герой-повествователь противопоставляет философию пребывания в текущем моменте, принцип *Care diem* («Лови день») Горация: «они говорили только о том, что вокруг и сейчас, ни слова о прошлом, ни слова о будущем» [10, с. 29, 30]. Фиксация на настоящем позволяет Иличевскому наделить автобиографического персонажа **функцией наблюдателя**.

Наблюдатель не оценивает, не вмешивается в ход событий, он фиксирует факты и ситуации. Например, рассказы о Сан-Франциско («West Sacramento», «Round Table») связывает образ повествователя-разносчика пиццы. Эта работа дает возможность «знакомиться с самым нутром города» [10, с. 21] и наблюдать человеческие типы: «Город уже повернулся ко мне своим лицом, я передвигался по сетке его улиц, как эритроцит по венам» [10, с. 56]. Иличевский использует традиционный реалистический подход, обозначенный, например, в автобиографической новелле О. де Бальзака «Фачино Кане»: «Я изучал нравы предместья, его жителей, их характеры. Я был одет так же плохо, как рабочие, и они не сторонились меня... Слушая этих людей, я мог до конца войти в их жизнь. Я чувствовал на своей спине их лохмотья, я шел в их дырявых башмаках. Их желания, их нужды – все переселялось в мою душу...» (Бальзак О. де. Собр. соч. в 24 т., т. 11, с. 406). Становясь частью среды, герой сближается и практически сливается с ней, но не вовлекается в ее процессы, сохраняя остроту зрения и слуха чужака.

Появление героя-наблюдателя в новой для него среде изображается в сборнике через мотив приземления самолета. В рассказе «Alabama Song» повествователь «свалился с небес, как кузнечик, прибыв по воздуху самым дешевым способом – с десятком пересадок» [10, с. 46]. В рассказе «Солнечные рыбы» прибытие самолета воспринимается как начало новой главы жизни героя: «...так совершилось мое приземление в новую жизнь: будто перо обмакнули в чернильницу» [10, с. 10]. Использование данного мотива позволяет сближать далекие пространства, мгновенно переключать оптику с одного локуса на другой и сюжетно оправдывать стремительное включение героя-наблюдателя в новые жизненные коллизии.

Важным атрибутом героя-наблюдателя является фотоаппарат: фотография становится способом не только фиксации, но и принятия новой реальности. Ставя между собой и миром фотокамеру, герой и отстраняется от действительности, и в тоже время получает возможность лучшее ее изучить, сохранить на снимках самое важное. Фотоаппарат воспринимается как продолжение героя, наделяется признаками телесности («будто этот кусок ледяного стекла был моим сердцем» [\[10, с. 132\]](#)). Эта деталь ранее использовалась Иличевским в квадриге «Солдаты Апшеронского полка» (цикл романов «Матисс», «Перс», «Математик», «Анархисты») для акцентирования внимания на отстранении героя от реальности и, в какой-то мере, защиты от нее: «...объектив – лучший барьер зрению перед миром, матрица – лучшая сетчатка, шторка – веко. Щелк – и меня нет, мне теперь это не нужно видеть, перемалывать, тосковать. <...> Мне необходим щелчок затвора, как отбивка того, что происходит, я обязан выдержать ритм, пусть фотоаппарат пуст, переполнена флеш-карта, но он обязан щелкнуть» [\[9, с. 271\]](#). В «Точке росы» фотография, скорее, инструмент постижения реальности, а не отстранения от нее, например, герой рассказа «Два страха», заблудившись в тайге, воспринимает процесс фотосъемки как терапевтическое и обнадеживающее средство: «...когда я совсем падал духом, я искал кадр» [\[10, с. 129\]](#). Символично то, что у героя на снимках остаются только отражения, сами таежные картины не сохраняются, чтобы в дальнейшем было проще забыть страшное приключение.

Инструментом циклизации в прозе Иличевского также выступают **основные природные стихии**. Вода (море или река) часто описывается совокупно как исток и конец, колыбель и могила. У героев «Точки росы» особые отношения с водой, отсылающие к художественному миру А. Платонова. В рассказе «Солнечные рыбы» герой вспоминает, как был оставлен отцом на одной из скал посреди морской глади Каспия. Отец уплыл на долгое время и, когда вернулся, сын «был уже раздавлен солнечным ударом» [\[10, с. 13\]](#). Этот рассказ является переосмыслением платоновского сюжета о Саше Дванове и его отце («Чевенгур»). Митрий Иванович «втайне <...> вообще не верил в смерть, главное же, он хотел посмотреть – что там есть: может быть, гораздо интересней, чем жить в селе или на берегу озера; он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды, – и она его влекла» (Платонов А. Чевенгур: Роман и повести, М., 1990, с. 9). Н.М. Малыгина, комментируя чевенгурский мотив погружения героя на дно озера Мутево, отмечает: «Для них погружение в воду означало переход в иное измерение, возвращение в состояние «вещества существования», из которого можно при благоприятных обстоятельствах воскреснуть для новой жизни» [\[11, с. 51\]](#). Отец рассказчика из «Солнечных рыб» вырос на Каспии сиротой, «море было ему роднее материнской утробы» [\[10, с. 13\]](#), в его «веществе существования» граница между жизнью и смертью такая же зыбкая и проходимая, как и у платоновских героев. Для его оставленного и чудом выжившего сына водная стихия также воплощала детскую веру в бессмертие («Дома лечить меня никто и не думал, я просто проспал сути и встал как новенький» [\[10, с. 13\]](#)).

Особые отношения с водой у многих героев сборника «Точка росы». Охотник Николай («Два страха») дает озерам имена и чувствует особую близость с водной стихией: «Все озера в его владениях дед звал поименно, потому что его дед тоже озера эти звал. И я зову» [\[10, с. 118\]](#). Герой рассказа «Старик» воспринимает воду как символ вечности и неизменности миропорядка: «Я всегда любил реку. В юности, в детстве течение влекло воображение к морю, в любовь и приключения, в живописные от незримости хлебные страны. Теперь на реке мне покойно, и взор обращен, напротив, к верховью, к

пониманию того, что река тысячелетия прежде также текла в ровном бесчувствии, постигая забвение от края до края» [\[10, с. 150-151\]](#).

Водная стихия наделяется Иличевским женским чертами, например, в рассказе «Соль» Поэт неожиданно вспоминает возлюбленную, которая «стала его главной хлябью когда-то» [\[10, с. 140\]](#). Причиной неожиданно нахлынувших воспоминаний становится супруга дипломата, которая голосом и внешностью напоминает о далекой любви из прошлого. Концентратом морской стихии становится соль, которую Поэт насыпает в карман незнакомке, всколыхнувшей воспоминания молодости: «...он решил частички древнего океана – того, над которым носился дух земли безвидной и пустой, высохшие капли вечности, ее кристаллы, поместить в подобающую оправу» [\[10, с. 140\]](#). Женщина, воплощающая водную стихию, хлябь, соль, дополняет в художественном мире Иличевского традиционный архетип женщина-земля, т.е. порождающее, материнское начало. Земля в «Точке росы» часто показана как зыбь, вязкая, рыхлая, топкая, т.е. непрочная опора. Антитеза земля/море таким образом ослабляется, земля и море как природные стихии не поляризуются, а дополняют друг друга.

С водной стихией и женственностью, имеющей водную, топкую, поглощающую природу в «Точке росы» связан мотив бездетности, причем часто сознательной. Так в рассказе «Соль» супруга дипломата «не хочет детей вообще, но боится себе признаться, и не желает расстраивать мать с отцом» [\[10, с. 137\]](#). Надя Штефан («Облако») наделена женственностью самодостаточной, ее красота – источник наслаждения, а не продолжения рода («Детей у них с самого начала не завелось, а потом она и не хотела» [\[10, с. 89\]](#)). Дом Нади на берегу Днестра – пространство, постоянно заливаемое водой. Героиня ходит по затопленному дому и двору, словно сливаясь с природой: «Выступая навстречу рассвету, она несла себя жертвой, наградой, являла бесполезную красоту зарослям, птицам, насекомым» [\[10, с. 91\]](#). Из дома в воде героиня переезжает в Венецию – город на воде, и так же сливается с городом, как с водной стихией природы: «Город, Венеция. Город – ее возлюбленный, она отравлена его красотой, которой люди только мешают» [\[10, с. 99\]](#). Дом в Молдавии, где Надя жила с мужем, и дом в Венеции, где Надя работала сиделкой старухи-графини, – антидома на воде, где нет места любви и детям.

Бездомье и бездетность героини показаны через образы-символы двух птиц – аиста и ястреба. Аист как вестник жизни и ястреб как вестник смерти появляются в переломные моменты жизни героини (распада семьи, решения уехать на чужбину). Редкие попытки найти близкого человека (случайная связь с профессором математики) или помечтать о ребенке («младенец ее нерожденный иногда наливался плотью мечты, но каждый раз замещался перистой пустотой, будто ястреб бил влет по голубю» [\[10, с. 102\]](#)), сталкиваются с реальностью. В реальности вместо ребенка – старуха, вместо близости – одиночество. Происходит сближение двух полюсов жизни – молодости и старости: душа молодой женщины оказывается «оплодотворена тлением» [\[10, с. 101\]](#). Героиня становится кентавром: в молодом теле Нади поселяется душа старухи. Перед смертью Наде снова является ястреб («ястреб прячет голову под крыло, чтобы никогда больше не проснуться» [\[10, с. 108\]](#)), и героиня возвращается в родственную ей водную стихию, становится ее частью. Вместо предания тела земле показано, как «блещет равнина воды» [\[10, с. 108\]](#).

Земля как исток жизни, как опора и порождающее лоно показана Иличевским через женские образы, открывающие другую грань красоты, – образы женщин, мечтающих о

детях или вынашивающих ребенка. В рассказе «На крышах мира» героиня, стремящаяся к материнству, надевает маску, чтобы попасть к Стене Плача и притронуться к «детородному камню». В рассказе «Слава» подножье Эчки-Дага становится местом обитания двух общин – хиппи и будущих матерей. При всей разнонаправленности жизненных стратегий эти обитатели бухты исповедовали любовь и свободу. Повествователь специально приезжал в это место каждый год в сентябре, поскольку «величественная красота беременной женщины ценилась им высоко» [\[10, с. 144\]](#). Герой-повествователь, который является наблюдателем, ассоциирует себя с морской стихией. Будущие матери – носительницы земной силы, «специально составленное из камней родильное ложе» [\[10, с. 145\]](#) символизирует тяжесть и святость процесса родоразрешения.

В целом в сборнике тема новой жизни является сквозной, актуальный локус повествователя – дом на краю Иерусалима на границе с Вифлеемом, что сразу вводит в повествование библейский контекст: «На вершине горы, тянувшейся перед моим окном, когда-то пророк разговаривал с ангелом. И где-то на западном ее склоне Мария, почувствовав схватки, спешила с ослика и поторопилась вернуться в Вифлеем» [\[10, с. 26\]](#). Библейские мотивы и образы вплетаются в повествование настолько органично, что древность кажется современностью, новозаветные сюжеты соседствуют с событиями рассказов и повестей: герой рассказа «Бутылочка» засыпает в пещере посреди пустыни и в качестве средства утоления жажды находит молоко, предназначенное для младенца; в рассказе «West Sacramento» герой-повествователь ловит рыбу, чтобы победить свою тоску по оставленной родине. Рыба как символ веры (в христианстве рыба – акроним имени Иисуса Христа) нужна ему, чтобы вновь обрести почву под ногами, найти заблудившееся будущее (исходный мотив всего сборника). Рыба, которую повествователь не поймал в Западном Сакраменто, видится ему на Тверском бульваре в Москве: «Я посмотрел вверх, и мне показалось, что в порывах метели пронеслась та самая огромная рыба» [\[10, с. 24\]](#). Таким образом, поиск веры у Иличевского сопряжен с поиском дома. Опорные точки на этом пути – Каспий, Москва, Иерусалим. Каждый пространственный образ показан через оптику дома/бездомья и дан как этап не пути-путешествия, а пути-странствия, точка духовного роста.

Каспий – локус детства, символ дома и веры в бесконечность Вселенной. В Сан-Франциско повествователю приснятся те глубоководные рыбы, которые привиделись ему в детстве на Каспии: «Рыбы проплывали надо мной в ослепительной тьме, хватали за волосы ртами и тянули вверх, прочь из глубины забвения» [\[10, с. 13\]](#). Каспий – сквозной пространственный образ, который маркирует «своих» (иранец из рассказа «Солнечные рыбы», Юрий Иванович из рассказа «Два страха») и выступает архетипом дома, проецирующимся на все дальнейшие точки жизненного пути.

В Москве, «непомерно большом городе», повествователь фокусирует внимание на нескольких ключевых пространственных образах. Сокольники – это локус любви и юности. В «Элегии для N.» этот район выступает отправной точкой воспоминаний: «В Сокольниках еще звенят ее коньки, скрежещет тормоз зубчатый и пируэт» [\[10, с. 15\]](#). Пресня – «баснословный район» [\[10, с. 31\]](#), который является местом баррикад и адресом «Облака в штанах». Это типичная столица, в которой ежедневно происходят как заурядные, так и чрезвычайные события. В рассказе «Сухоцвет» Пресня – это место обитания двух псов Шерлока и Макара, дружбы, конфликтов, любви, смерти. Тверской бульвар – это сердце Москвы, куда герой-повествователь приходит сразу после возвращения на Родину. Москва у Иличевского в основном зимняя, заснеженная,

освещенная тусклыми фонарями. Воспоминания о столице – это, как правило, мысли «о том первом снеге, об улице Живописной, об ажурном мосте у ворот Серебряного Бора» [\[10, с. 66\]](#). Даже в тех рассказах, где создан образ шумной и праздничной столицы, герои существуют слово на обочине это праздника жизни: «Москва дышала огнями, толпы брели вблизи смотровой площадки, взрывали мотоциклы байкеров <...> Что-то холодно, скоро станет как стекло...» [\[10, с. 341-342\]](#). В рассказе «Медленный мальчик» Воробьевы горы, Нескучный сад, Малая Грузинская выступают фоном общего неблагополучия и несчастливой семейной жизни героев. Как Каспий впитал счастье детства, так Москва вобрала надежды и разочарования юности.

В сборнике «Точка росы» череда оставленных домов формирует **лейтмотив бездомья**. Вспоминая квартиры, дома, общежития, hostels, в которых жил, любил, страдал, герой-повествователь обобщает: «Дома, в которых жил, сняты один за другим. В них теперь птицы и дождь идет. Ходишь внутри, ищешь, где бы приткнуться. Все нежилое, и то дождь идет, то холод, то теперь чужие люди...» [\[10, с. 74\]](#). Оставленные дома у Иличевского мокнут под дождем, новые жилища залиты солнцем, поскольку в них «воздух движим новизной» [\[10, с. 75\]](#).

Точкой сборки всех семантически значимых локусов выступает Иерусалим. Этот город показан как перекресток разных культурных кодов и синтез всех нравственно-философских поисков героя-повествователя. Описание актуального мироощущения героя содержит отсылку к рассказу «Как я ловил человечков» Б. Житкова. Повествователь ощущает себя «крохотным матросом корабля, идущего под парусами рукавов Святой Девы» [\[10, с. 26\]](#). Придуманный мир крошечных человечков, для которых заготовлен сахар на палубе кораблика, спроецирован на окружающий повествователя мир оживших библейских легенд. Город зрелости, мудрости и первичных итогов жизни воспринимается как своеобразное повторение мира детства, возвращение на страницы «Малой истории искусства». «Крохотный матрос корабля» выстраивает отношения паритетности с огромным миром: «Человек, конечно, мал, ничтожен даже, но все это – и пустыня, и звезды – ничего не значит без этой пренебрежимо малой величины» [\[10, с. 80\]](#). Этот тезис доносится до читателей через композицию сборника (перенос действия с Каспия в Москву, в Алабаму, Эльмау, Венецию, Иерусалим, Иличевский монтирует действие как множественность пересечений жизненных дорог обитателей разных домов, городов, стран, эпох) и через внутреннюю смысловую прошивку (лейтмотивы пути, дома, природных стихий обеспечивают идейный и художественный синтез действия, раскрывают философию человека-странника, испытывающего бунинскую «тоску всех стран и всех времен»).

Исследование показало, что **основными принципами циклизации прозаических текстов** у А.В. Иличевского являются *принцип автобиографизма* (события прошлого и настоящего выступают в сборнике как повод рассказать о персональных жизненных уроках, как аналогия с событиями далекого прошлого, как материал для литературных аллюзий), *принцип параллелизма состояний природы и внутреннего мира личности*, *принцип межкультурных взаимосвязей*, *принцип лейтмотивности* (при кажущейся несвязности и разнородности сюжетного материала рассказы и повести, пронизанные сетью общих лейтмотивов, воспринимаются как единое повествование).

Библиография

1. Абашева М.П., Куриленко М.В. Поэтика циклизации в прозе Юрия Буйды // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С.

72–80. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-2-72-80

2. Барковская Н.В., Верина У.Ю., Гутрина Л.Д. Книга стихов как теоретическая проблема // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 20-29.

3. Белоусова О.О., Дашевская О.А. Поэтика цикла и книги в современном литературоведении // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 6–14.

4. Большакова А.Ю. Средневековая традиция в прозе В. П. Астафьева: жанр и цикл // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 342-366. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7282

5. Бурмистрова Ю.Д. «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева и проблема циклообразования // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 72–80.

6. Дарвин М.Н. Цикл // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк.; Академия, 1999. С. 329-338.

7. Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001.

8. Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение: материалы междунар. науч. конф. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.

9. Иличевский А.В. Солдаты Апшеронского полка: Матисс. Перс. Математик. Анархисты: романы. М.: АСТ, 2013. 1082 с.

10. Иличевский А.В. Точка росы: повести и рассказы. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 428 с.

11. Малыгина Н.М. Элементы сюжета и мотивы романа «Чевенгур» в рассказе Платонова «Река Потудань» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 1. С. 44–55.

DOI:10.51762/1FK-2021-26-01-03

12. Мирошникова О.В. Лирическая книга: архитектура и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века): уч. пособие. Омск, 2002. 140 с.

13. Пивоварова Е.Л. Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX века: к постановке вопроса // Вестник ВГУ. Сер.: Филология, журналистика. 2018. № 1. С. 40-43.

14. Пономарева Е.В. Циклизация и серийность малой прозы как явления литературного процесса XX-XXI вв. // Литературоведческий журнал. 2014. № 1. С. 100-118.

15. Рыбальченко Т.Л. Роман А. Иличевского «Матисс» в контексте романа А. Платонова «Счастливая Москва»: антропологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №3 (41).

16. Селеменева М.В. Принципы циклизации «городских» рассказов Ю.В. Трифонова // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 10(34). С. 181-184.

17. Селеменева М.В. Своеобразие Московского текста Александра Иличевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Вып. 22. № 4. С. 627-639. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639

18. Сизых О.В. Пространственная модель концептуальной метафоры в сборнике А.В. Иличевского «Ослиная челюсть» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2013. Вып. 8. С. 168-175.

19. Томилова Н.А. Историческая травма в романе А. Иличевского «Матисс» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 99-103.

20. Тютелова Л.Г., Сидоренко Л.С. Роль городского пространства в романе А.

Иличевского «Чертеж Ньютона» // Семиотические исследования. Том 3, № 4 (2023). С. 48-56. doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-48-56

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современный литературный процесс в сопоставлении с классикой также нуждается в серьезном и концептуальном анализе. Появляется достаточное количество текстов, авторы которых стремятся сформировать качественное художественное полотно, доставляющее эстетическое удовольствие читателям. Рецензируемая статья касается принципов циклизации в сборнике Александра Иличевского «Точка росы». На мой взгляд, и в этом соглашусь с автором работы, процесс циклизации в прозе А.В. Иличевского «предполагает создание смыслового единства при сохранении самостоятельности и даже некоей самодостаточности каждого текста, включенного в сборник. Малые и средние формы в книге образуют наджанровое единство за счет включения в один из четырех циклов: «Мар-Саба», «Точка росы», «Горло Ашулука», «Английская дорога». Таким образом, материал актуален, исследовательски нов, тема соотносится с одной из рубрик издания. Приятно видеть в работе ориентир на серьезные теоретические разработки: «актуальные подходы к изучению цикла и процессов циклизации предполагают как опору на академические исследования М.Н. Дарвина, В.И. Тютю, В.А. Сапогова, И.В. Фоменко, Л.Е. Ляпиной, О.В. Мирошниковой [6, 7, 8, 12], так и учет новейших концепций [2, 3, 5]. Циклизации лирических форм посвящен обширный корпус исследований, тогда как проблема формирования циклов эпических текстов содержательно осмыслена, главным образом, на материале отдельных произведений». Показатель систематизации данных высокий, точка зрения автора формируется на базе расширительного порядка. Структура текста выверена, логика анализа поддерживается на протяжении всего сочинения. Особой отличительной чертой данного материала является точный литературоведческий анализ (не исключен и уровень эмпирики): например, «в самом начале повествования мотив пути задан и как лейтмотив, и основное средство циклизации. Путь героя-повествователя причудливым образом соединяет точки на карте земли и выступает основным художественным приемом, объединяющим рассказы и повести в цикл. Один из ключевых локусов сборника – берег Каспийского моря. Этот локус у Иличевского воплощает «внутреннее понимание счастья, покоя, единения с мирозданием» [10, с. 13]. Он перекликается практически со всеми прочими пространственными образами, поскольку мыслится как точка отсчета, исток всего жизненного пути героя», или «Инструментом циклизации в прозе Иличевского также выступают основные природные стихии. Вода (море или река) часто описывается совокупно как исток и конец, колыбель и могила. У героев «Точки росы» особые отношения с водой, отсылающие к художественному миру А. Платонова. В рассказе «Солнечные рыбы» герой вспоминает, как был оставлен отцом на одной из скал посреди морской глади Каспия. Отец уплыл на долгое время и, когда вернулся, сын «был уже раздавлен солнечным ударом» [10, с. 13]. Этот рассказ является переосмыслением платоновского сюжета о Саше Дванове и его отце («Чевенгур»)» и т.д. Как видно из представленных фрагментов, вариации оценки литературного контекста также значимы для исследователя, что весьма ценно при объективности смысловых нитей литературных произведений. Работа целостна, тема исследования раскрывается полно, серьезных фактических неточностей не выявлено. На мой взгляд, материал удобно использовать при освоении курсов филологического порядка, в

частности «Истории новейшей русской литературы». Стиль соотносится с собственно научным типом, термины и понятия используются в режиме унификации: например, «В целом в сборнике тема новой жизни является сквозной, актуальный локус повествователя – дом на краю Иерусалима на границе с Вифлеемом, что сразу вводит в повествование библейский контекст: «На вершине горы, тянувшейся перед моим окном, когда-то пророк разговаривал с ангелом. И где-то на западном ее склоне Мария, почувствовав схватки, спешила с ослика и поторопилась вернуться в Вифлеем» [10, с. 26]. Библейские мотивы и образы вплетаются в повествование настолько органично, что древность кажется современностью, новозаветные сюжеты соседствуют с событиями рассказов и повестей...» и т.д. Автор приходит к выводу, что «основными принципами циклизации прозаических текстов у А.В. Иличевского являются принцип автобиографизма (события прошлого и настоящего выступают в сборнике как повод рассказать о персональных жизненных уроках, как аналогия с событиями далекого прошлого, как материал для литературных аллюзий), принцип параллелизма состояний природы и внутреннего мира личности, принцип межкультурных взаимосвязей, принцип лейтмотивности (при кажущейся несвязности и разнородности сюжетного материала рассказы и повести, пронизанные сетью общих лейтмотивов, воспринимаются как единое повествование)». Список источников достаточен, формат включения правильный. Таким образом, констатирую: статья «Принципы циклизации в сборнике А.В. Иличевского «Точка росы» имеет цельно завершенный вид и может быть допущена к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Октябрьская О.С. Бабушки и дедушки в произведении Ю. Кузнецовой о Варе и Оле: архетипическое и современное // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71401 EDN: PZDPBT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71401

Бабушки и дедушки в произведении Ю. Кузнецовой о Варе и Оле: архетипическое и современное

Октябрьская Ольга Святославовна

доктор филологических наук

профессор, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 967

✉ svyatolga@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71401

EDN:

PZDPBT

Дата направления статьи в редакцию:

30-07-2024

Дата публикации:

06-08-2024

Аннотация: В статье исследуется архетипическая природа и авторское наполнение образов бабушек и дедушек на примере современных произведений для детей и подростков, написанных в 2020-х годах. В основе статьи – трилогия Юлии Кузнецовой о Варе и Оле. Выявляются разные психологические типы старших героев трилогии, их проявление и влияние на героев-детей, а также соотношение архетипов старших родственников с конкретной реализацией характера каждого из героев в произведении Кузнецовой. Выявляются психологические особенности данной возрастной группы, а также их индивидуальная природа. В данной работе актуализированы темы коммуникации в семье, дружеском коллективе, соседских отношениях, а также проблемы, связанные с преодолением старых обид и восстановления дружеских связей. Представлена достаточно оригинальная типология характеров бабушек и дедушек,

актуальных для современной действительности. Значимость и своевременность данной статьи обусловлена важностью поставленных проблем, а также современным и практически неизученным материалом исследования, коим являются произведения Ю. Кузнецовой, только входящих в научный оборот. Для осмысления данных аспектов в статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический и сравнительно-типологический методы. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование путей коммуникации старших взрослых между собой и дедушек-бабушек с внуками и их приятелями. Основным результатом данной работы стало исследование разных типов характеров бабушек и дедушек, путей их взаимодействия друг с другом и с младшим поколением и способов их самореализации. Актуальным в данной статье становится исследование практически нового и малоизученного художественного материала, вызывающего неподдельный интерес как у ровесника-адресата, так и взрослого читателя. При этом решались следующие задачи: выявление архетипических, индивидуальных личностных особенностей образов бабушек и дедушек; анализ дружеских взаимоотношений, отношений приятельства и вражды-конкуренции в повестях Ю. Кузнецовой о Варе и Оле; выявление особенностей развития основных сюжетных линий и образной системы анализируемых повестей, а также жанрового своеобразия исследуемых произведений. Ключевыми аспектами статьи стали вопросы о типологии характеров старших взрослых и своеобразия их влияния на поколение внуков.

Ключевые слова:

Детская литература, взросление ребенка, архетип бабушки, типология характеров, современная детская повесть, детская психологическая повесть, возрастная психология, визуал, типы личности, наставник-воспитатель

Процесс воспитания подрастающего поколения и формирования характера личности ребенка /подростка немыслим в большинстве случаев без старшего поколения, в частности, участия бабушек и дедушек. Художественная литература, особенно адресованная детям и подросткам, точно отражает этот тип взаимоотношений двух поколений – детей и их дедов, прочно опираясь на архетипическую основу данных явлений. Начиная с дедушки Ирины В.Ф. Одоевского, нянь А.С. Пушкина и И.А. Гончарова, бабушек Н.Г. Гарина-Михайловского и М. Горького, наставников из произведений Л.Н. Толстого и И.С. Шмелева, образы бабушек-дедушек-нянь-наставников, их архетипичная природа и индивидуальность становятся предметом научного исследования.

Настоящая статья посвящена осмыслению образов дедушек и бабушек, выявлению их архетипической основы и индивидуализации в конкретных произведениях русской детской литературы самого последнего времени. Заявленная проблема *актуализирована*, прежде всего, самим фактическим материалом, который вышел в свет недавно и лишь начинает изучаться литературоведческой наукой, а также весьма важными и актуальными проблемами воспитания подрастающего поколения, поднятыми в трилогии Юлии Кузнецовой о Варе и Оле. Это вопросы, связанные с особенностями взаимоотношений взрослых и детей, их коммуникации и взаимопонимания, что остается насущной проблемой как для ребенка, так и его родственников. *Своевременность и актуальность* данного вопроса определена важностью выявления тех аспектов жизни ребёнка, которые способствуют не только его самореализации в семье, дружеском и

школьном коллективе и адаптации в социуме, но и выявлению личностных качеств каждого индивида, а также необходимостью формирования системы нравственных ценностей. Исследование проблемы взаимоотношений ребенка со старшими родственниками и отражение её в художественной литературе для детей имеет большую теоретическую и практическую значимость. *Теоретическая значимость* данной статьи обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу исследования психологической основы художественного произведения, типологии характеров как детей, так и взрослых. *Практическая значимость* данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах. Теоретической базой данной статьи стали фундаментальные труды литературоведов, а также работы современных учёных, занимающихся данной проблематикой. Так, к разным аспектам исследования психологической прозы обращаются Л.Я. Гинзбург [\[1\]](#), Г. С. Спиридонова [\[2\]](#) и др. Своеобычность героя и авторская интерпретация характеров осмыслены в работах М. М. Бахтина [\[3\]](#). Особый вклад в исследование архетипов русской и мировой литератур внес Е.М. Мелетинский в основополагающей работе о литературных архетипах [\[4\]](#), что актуализирует рассмотрение образов внуков-дедов/бабушек как архетипических и одновременно концептуально авторских. Данный вопрос неоднократно обсуждался критикой и литературоведением в научной сфере. Так, Е.И. Шевчугова [\[5\]](#) в статье «Архетип бабушки в произведениях И. А. Гончарова, М. Горького и В. П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация» на примере произведений русской классической литературы рассматривает важные архетипические черты характеров бабушек, а также их индивидуализацию в конкретных произведениях. Исследователю важно показать сходство героинь всех трех произведений («Обрыв» И.А. Гончарова, «Детство» М. Горького, «Последний поклон» В.П. Астафьева), а также те различия, которые маркируют самостоятельный авторский взгляд и конкретную историческую эпоху. Процесс воспитательного воздействия бабушек и дедушек на внуков в русской и зарубежной современной литературе исследуют Е.М. Шастина, О.В. Шатунова, Д.Ф. Гизетдинова [\[6\]](#) в проблемной статье «Влияние старших родителей на формирование внуков в детской литературе XX-XXI веков». О типологии старух-бабушек рассуждает И.Л. Савкина [\[7\]](#) в статье «У нас уже никогда не будет этих бабушек?». Ж.К. Гапонова и Е.В. Никкарева [\[8\]](#) размышляют о роли старших родственников в сохранении духовно-нравственных ценностей и трансляции культурного кода семьи, рода, общества в русской литературе для детей и юношества конца XX-начале XXI вв. Рецептивная эстетика помогла этим же авторам [\[9\]](#) рассмотреть вопрос о значимости образа бабушки с позиции читателя и его читательского опыта.

Г.Н. Божкова и Д.Ф. Гизетдинова [\[10\]](#) анализируют преемственность современной детской литературы как русской, так и зарубежной, культурным традициям и знаковым архетипам при создании образов бабушек и дедушек.

Именно данная проблема выходит на первый план в трилогии Юлии Кузнецовой о Варе и Оле. Писательница в немудреном сюжете не просто воспроизводит жизнь, быт и характеры девочек младшего школьного возраста, но и показывает незаметный для читателя-ребенка процесс воспитания героинь, при этом представляет его как многовекторный. Как взрослые способны поделиться собственным опытом, многому научить ребенка, направить его поведение в нужное русло, а также успокоить и подбодрить свое чадо или внушить ему уверенность в собственных силах, так и ребенок благодаря своим искренности, тяге к справедливости, желанию прекратить конфликт

подталкивают своих старших и младших родственников к определенным поступкам, к верному решению. Кроме того, сами дети способны что-то перенять у своих ровесников и друзей. Идея взаимовоспитания и эмоционально-опытной коммуникации оказывается в основе отношений Вари и Оли и друг с другом, и с бабушкой Оли – Мариной Георгиевной, и с Анной Александровной, и с бабушкой Тан.

Примечательно, что когда взрослые беседуют с внуками, они друг друга стараются именовать с чёткой зависимостью от родственно-возрастных отношений – бабушка Вари, дедушка Толик, дед Слива, бабушка Тан и т.д. А вот в личной беседе они называют друг друга так, как было принято в их детстве или взрослой приятельской среде: Танька, Анька, Мариша, Мишка и т.д.

Фактически в трилогии деды и бабушки выступают в двух ипостасях: во-первых, они бабушки и дедушки Вари и Оли, родители их отцов и соседи по отношению друг к другу, взрослые, умудренные жизненным опытом люди; во-вторых, они ровесники, росшие вместе и с разных ракурсов вспоминающие собственное детство и детскую дружбу.

Вместе с тем мир детства в данной трилогии формируется не только за счёт привычных для детского произведения явлений: создания полноценных детских характеров, выстраивания взаимоотношений маленьких героев, особенностей их коммуникации друг с другом и старшими, но самое главное – воспроизведение того культурного кода, с помощью которого формируется характер младшего школьника. Это и круг чтения и интересов ребёнка, воспроизведение горизонта читательских ожиданий представителями разных психологических типов, и интересы младшего школьника, игры и развлечения, которые создаются во многом за счёт воспитательной деятельности взрослых, в том числе бабушек и дедушек. Так, именно бабушка и мама предопределили круг чтения Оли, что помогает ей быть в курсе всех книжных новинок и даже делиться своим читательским опытом и с Варькой, и с классом. У Варьки круг чтения и интересов предопределен более ранним общением с бабушкой, погибшим несколько лет тому назад. Некоторая ретардация сюжета и мотив воспоминаний, связанных, прежде всего, с Варькой, показывает крепкую связь уже погибшего деда и внучки, перенимающего все его привычки и навыки. Большое внимание уделено проблеме восприятия прочитанной литературы детским сознанием. Это не только чтение того или иного произведения, а попытка обсуждения его прежде всего с бабушкой, а также с подругой, с одноклассником, споры и толкования той или иной проблемы, дискуссии с близкими родственниками по поводу прочитанного, заполнение читательского дневника и изображение самых важных моментов книги в рисунках. Именно визуализация литературных сюжетов и отдельных мизансцен, воспроизведение в рисунках и эскизах героев прочитанных книг помогает Оле достаточно свободно рассуждать о прочитанном, использовать книжные образы для иллюстрации собственных мыслей и действий, быть своеобразным книжным навигатором для Варьки и т.д. Однако во многом данный культурный код приходит и от деда, который рассуждает и говорит с Олей и супругой, используя определенные литературные константы, апеллируя к знаковым книжным фигурам. Таким образом, широта кругозора Оли определяется не столько определенными параллелями, сколько общей творческой атмосферой семьи и собственной способности к развитию.

Варя же не получает такого творческого посыла от своей семьи, так как ее родители – ученые-вулканологи, мало занимающиеся ребенком в силу специфики профессии и вечной занятостью на службе. Книжный кругозор Варьки только начинает формироваться, а желание ее бабушки воспитать во внучке усидчивость и требование читать книги в качестве наказания встречает обратную реакцию ребенка. Бабушка Аня в

силу своего возраста и представления об идеале воспитанного ребенка пытается не воспитать, а перевоспитать внучку и навязать ей определенное занятие (чтение книги, вышивка или вязание), чем вызывает еще больший негативизм у Вари. В этом плане Анна Александровна во многом противопоставлена бабушке Тан, которая добивается БОльших результатов спокойной уверенностью речи, предложением разных идей, умением заинтересовать девочек и вовлечь их в необычную для них игру, воспроизводящую сказочную атмосферу.

Писатель не просто показывает процесс коммуникации старших взрослых с детьми, но и дифференцирует эти отношения и выстраивает определенную типологию детских и взрослых натур, выявляя основополагающую роль бабушек и дедушек в воспитании героинь и формировании их характеров. Сразу выявляется доминанта бабушек над дедушками. Основным воспитательным потенциалом Кузнецова наделяет бабушек, которые не только выполняют свои обязанности по воспитанию внучек, но и соответствуют каждая своей архетипической природе, берущей начало как в мифологической традиции, так и в литературной. Так, мифологическая архетипическая традиция выделяет такие характерные черты бабушки, как хлопотливость и заботливость, связь с родом, бабушка выступает хранителем родовой памяти и связующим звеном между предками и потомками, которым именно бабушка передает сакральные знания, историю рода и т.д., она же становится своеобразным хранителем магических знаний и т.д. При этом литературная архетипичность создаёт образ асексуальной, маргинальной по отношению к более молодым членам семьи, заботливой женщины, которая имеет характерные признаки старости. Кузнецова в трилогии ориентируется на отдельные архетипические черты определенного типа персонажа, но и создаёт своеобразный тип бабушки. Дедушки не столь активны и мобильны, чем бабушки. Мифологическая архетипичность старика связана с такими явлениями, как мудрость, жизненный опыт, рассудительность, граничащие с некоторой отстраненностью от жизни. Литературная архетипичность связывает образ деда с любовью к внукам и заботой о них, а также с некоторой утратой силы, но не умений и мастерства, которые он и передает внукам. Так, дедушка Вари погиб несколько лет тому назад, хотя память о нем очень важна – все на даче наполнено результатами его труда, а героиня считает себя дедушкиной внучкой, продолжателем его традиций и сходной с ним по характеру. Его мастеровитость, художественный вкус и изобретательность на слуху у всех взрослых героев трилогии, а плоды его деятельности отличаются прочностью и изысканностью. Однако в паре Анна Александровна – дед Михаил главную роль играет супруга. Детские воспоминания бабушки Марины утверждают именно такую расстановку сил между Анной и Михаилом: «У них Аня верховодила. Вот уж генерал! С утра объявляла: идем туда-то! И Таня с Мишкой слушались» [\[11, с. 400\]](#). Кинэстетическая модальность ощущений Михаила передалась и его внучке Варьке – это героини-практики, экспериментаторы, но сила воли и характера Варьки, умеющей настоять на своем и сделать все по-своему, противостоит податливости Михаила. Если Варька – кинэстетик гипертивного типа, то Михаил, скорее, кинэстетик педантичного типа, для которого характерны склонность к порядку, усидчивость, скрупулезность во всем.

Дедушка Оли Толик тоже зависим от своей супруги, он часто ворчит на жену и внучку, а героине дороги именно отношения с бабушкой. Любое непослушание бабушке Марине грозит деду Толику неприятностями – гипертонический криз, перелом руки и т.д. Однако отношения Марины и Толика весьма гармоничны. Они оба сохранили обаяние молодости и желание подшутить над партнером, но и вовремя прийти на помощь партнеру – неслучайно Оля ставит эти отношения даже в пример родителям: «они и сейчас молодые, перешучиваются, подтрунивают друг над другом, а еще у них столько занятий

интересных» [11, с. 106]. Именно дедушка Толик в соответствии с архетипической природой данного типа многому учит и родную внучку, и её друзей – Гришку и Варьку: чистить грибы, удить рыбу, строить горку и т.д. Но именно он в определенные моменты теряет свою архетипические корни и походит на ребенка, практически полностью подчиняясь супруге и находясь от неё в зависимости. Неслучайно эту детскость понимает и Оля, когда сравнивает отношения дедушки-бабушки и родителей. Если родители ведут взрослые разговоры, они абсолютно соответствуют своему возрасту и во многом осуществляют лишь наставническую функцию по отношению к дочери, то бабушка с дедушкой готовы разделить забавы внучки, по-юношески подколоть друг друга и т.д.

В трилогии появляется и сосед героев дед Слива, который воплощает, скорее, дистимный тип личности, характеризующийся социопатией, угрюмостью, неразговорчивостью, пессимистическим взглядом на жизнь, заниженной самооценкой. Маленькие героини могут лишь наблюдать позитивную роль бабушки Тан в социализации Сливки и зарождающимися чувствами между ними.

Отцы тоже играют небольшую роль в воспитании Вари и Оли. Но если отец Оли часто рядом с ней, только предпочитает не вмешиваться в воспитательный процесс, то отец Варьки – вулканолог – находится слишком далеко от дочери, на Севере, что делает его схожим по типу отношений с дочерью с воскресным папой. Героиня идеализирует отца, ждёт встречи с ним, надеется на решение всех проблем с появлением его рядом. И именно неожиданное и чудесное появление родителя в новогоднюю ночь на подмосковной даче позволяет говорить о жанровых чертах святочного рассказа в данном произведении. Мать Варьки практически не появляется на сцене, а мама Оли способна помочь дочери уладить какие-то проблемы в школе, направить её деятельность и помочь проявить оригинальные способности.

Таким образом, основным воспитательным потенциалом Кузнецова наделяет бабушек, которые не только выполняют свои обязанности по воспитанию внучек, но и соответствуют каждой своей архетипической природе, берущей начало как в мифологической традиции, так и в литературной. Кузнецова в трилогии ориентируется на отдельные архетипические черты данного типа персонажа, но и создаёт своеобразный тип бабушки, воплощая его в трёх разных образах – бабушки Оли Марины Георгиевны, бабушки Вари Анны Александровны и бабушки-соседки – бабушки Тан, то есть Татьяны Александровны Николаевой. Так, **тип строгого наставника, воспитателя, блюстителя порядка и одновременно романтической героини** воплощает в себе бабушка Вари. Ей доверена важная миссия – присматривать за Варей, пока её родители находятся в длительной производственной командировке. Её педантичный тип личности заставляет забыть собственное детство и навязывать Варьке не то, что было важно лично ей, маленькой Ане, а то, как, по её мнению, должна себя вести девочка девяти лет. Одновременно визуальная модальность получения информации заставляет Анну Александровну стараться воспитывать во внучке и её подруге чувство прекрасного, умение понять прелесть летнего вечера, ощущение запаха прекрасного цветка и т.д. Именно бабушка Аня умеет красиво и стильно одеваться и превращает свой дачный участок в райский сад.

Бабушка Марина – **традиционный тип хлопотливой бабушки-заботы, родоначальницы семьи**, умеющей вязать, образцово вести хозяйство, вкусно стряпать (готовит кашалотку, варит варенье, которое все-таки иногда у нее пригорает, делает желе, печёт пироги и т.д.), но именно она отличается от архетипического истока задором, умением быть популярным блогером, а также быть интересной, неожиданной и

привлекательной для своего мужа. Она становится связующим звеном между прошлым и настоящим. В её доме хранятся старинные елочные игрушки, фотографии прошлых лет. Эмотивная природа её личности позволяет бабушке Марине воспринимать происходящее весьма эмоционально реагировать на выпады соседа, поведение мужа или внучки и т. д. Одновременно она готова вникать в проблемы Оли, примирять как девочек-школьниц, так и взрослых соседей (Варю и Олю, а также Тан и Анну Александровну), она не только знакомит внуку с историей семьи, но и является хранителем тайны отношений бабушки Тан и Анны Александровны, подводит внуку к важным и серьёзным «взрослым» откровенным беседам по душам в максимально благоприятной форме – вести «смородиновые» или «шиповниково-рябиновые» разговоры.

Наконец, бабушка Тан менее всего отвечает архетипу бабушки. Она не только принимает участие во всех забавах девочек, но и сама их генерирует, опираясь на свой детский опыт и воображение. Это **тип спасителя, мудрого советчика, креативного наставника и одновременно хранителя сакральных знаний**. Этот гипертив не просто знакомит героинь с играми, вызывавшими когда-то детский восторг – игра в резиночку, с бумажной куклой, которой надо нарисовать, раскрасить и вырезать наряды, производство духов и девичьих секретиков, постройку шалаша из крапивы или иглу из снега, она предлагает те занятия, которые подойдут для разных типов детского темперамента, она предлагает творческий поиск, она учит видеть хрупкость и красоту природы, а также уметь не только себя занять, но и выжить в лесу. В то же время она реализует потенциал своей архетипической природы – она обладает сакральными знаниями и щедро делится этим с героями. Именно она учит своих «кукушечек» делать вишнёвый чай, печь пирог, мастерить кукол и т.д. К её дому прилетают «дождевые летуны <...> феи дождя, летают они на зонтиках» [\[11, с. 321\]](#) и т.д. Она не просто учит героинь мечтать, но и креативно мыслить, верить в волшебство и видеть его рядом. Вместе с тем благодаря сложившимся обстоятельствам (дед Михаил погиб в автокатастрофе, сопровождая бабушку Тан в больницу со сломанной ногой) Анна Александровна фактически навязывает героине роль разлучницы и вредительницы. При этом только вмешательство Вари и Оли в отношения взрослых помогает не только восстановить доброе имя Тан и снять с нее несправедливо навязанную ей роль.

Таким образом, старшие родственники и соседи главных героинь трилогии Кузнецовой выполняют важные эмоционально-воспитательные функции. Каждый из взрослых героев самобытен и оригинален, у них разный темперамент, тип характера, несмотря на сходные статусы (Марина Георгиевна, Анна Александровна, Тан – бабушки, Михаил, Слива, Толик – деды). Вместе с тем именно эта многовекторность помогает младшим героиням понять разнообразие и сложность жизни, постичь цену дружбы и родственных связей, увидеть красоту и сказочность природы, усвоить определенные нравственные ценности. В произведении все роли чётко распределены и статусно закреплёны, что делает его цельным, дидактически значимым и весьма увлекательным.

Библиография

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977. – 443 с.
2. Спиридонова Г.С. О психологизме детской литературы (на примере русской литературной сказки) // Мир науки, культуры, образования. №2 (75). 2019. С. 438-441.
3. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.1.М.: Русские словари; Языки славянской культуры. 2003. С. 69-263.
4. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994. 136 с.
5. Шевчугова Е.И. Архетип бабушки в произведениях И. А. Гончарова, М. Горького и В.

- П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация // Сибирский филологический форум. 2018. №4 (4). С. 31-36.
6. Шастина Е.М., Шатунова О.В., Гизетдинова Д.Ф. Влияние старших родителей на формирование внуков в детской литературе XX-XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2018. №8 (86). Ч.1. С.61-64.
7. Савкина И.Л. У нас уже никогда не будет этих бабушек? // Вопросы литературы. 2011. №2. С.109-135.
8. Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. 2022. Т. 27. №4. С. 141-153.
9. Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. «Прививка» от беспамятства: репрезентация образа бабушки в литературе для детей и подростков // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: семейный дискурс русской и мировой литературы. Коллективная монография. Ярославль, 2020. 271 с. 58-69.
10. Божкова, Г. Н. , Гизетдинова Д.Ф. Образ дедушек и бабушек в детской литературе XX-XXI веков // Development of the creative potential of a person and society : Materials of the VI international scientific conference, Prague, 17-18 января 2018 года / Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – С. 56-60.
11. Кузнецова Ю. Варя и Оля – подружки навек. – М.: Пять четвертей, 2021. 452 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Бабушки и дедушки в произведении Ю. Кузнецовой о Варе и Оле: архетипическое и современное», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению особенностей идиостиля писателя, композиции прозы для детей и образов героев.

В данном исследовании автор обращается к изучению творчества современной российской детской писательницы Юлии Кузнецовой.

Настоящая статья посвящена осмыслению образов дедушек и бабушек, выявлению их архетипической основы и индивидуализации в конкретных произведениях русской детской литературы самого последнего времени.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: описательный, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

Материалом исследования послужил русскоязычный текст трилогии «Варя и Оля».

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены работы

исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей по данной и смежным тематикам, несомненно, обогатило бы сей труд. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, детской литературе, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Бабушки и дедушки в произведении Ю. Кузнецовой о Варе и Оле: архетипическое и современное» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Демахина А.В. Изображение двора Амора в «Защитнике дам» Мартена Ле Франа: куртуазное пространство и христианская любовь // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71336 EDN: QCUPQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71336

Изображение двора Амора в «Защитнике дам» Мартена Ле Франа: куртуазное пространство и христианская любовь

Демахина Алла Васильевна

аспирант; кафедра истории зарубежной литературы; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ aldem94@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71336

EDN:

QCUPQH

Дата направления статьи в редакцию:

24-07-2024

Дата публикации:

08-08-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье становятся особенности изображения типичного куртуазного пространства (двора Амора) в контексте христианской концепции любви Мартена Ле Франа, выраженной в его поэме «Защитник дам» (ок. 1441–1442 гг.). Двор Амора, аллегорической фигуры, олицетворяющей именно куртуазную любовь, обычно описывался как сад. Однако Мартену, представителю духовенства, ближе не куртуазные, а христианские ценности; любовь для него является символом гармонии, абсолютным идеалом. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить отличительные черты описания двора Амора в поэме Мартена (по сравнению с его традиционным изображением в средневековых аллегорических поэмах); определить основные принципы организации данного пространства в тексте и связь этих принципов с

воззрениями автора на любовь; пояснить роль рассматриваемого эпизода в произведении. В работе применяются методы комплексного и контекстуального анализа текста, а также описательный и культурно-исторический методы исследования. Научная новизна исследования заключается в том, что анализ пространства в «Защитнике дам» Мартена Ле Франа впервые осуществляется последовательно. Также данная французская аллегорическая поэма не знакома российскому читателю и не исследована в отечественном литературоведении. В результате анализа было выявлено следующие особенности: усложнение пространства двора Амора (изображается не только сад, но и замок, церковь, кладбище, госпиталь); дублирование двора Амора во владениях Венеры; построение противопоставления этих пространств на основе ряда оппозиций (верх-низ, свет-тьма и т. д.). Пространство в поэме обретает нравственную характеристику, происходит усиление христианских мотивов при описании куртуазных локусов, особенности изображения этих локусов соотносятся с образами Амора и Венеры и отсылают к двум сторонам любви соответственно (любви идеальной, христианской и любви обманчивой, чувственной). Куртуазный (на первый взгляд) эпизод служит для привлечения внимания публики, так как Мартен стремится донести свои взгляды до широкого круга читателей из аристократической среды.

Ключевые слова:

Мартен Ле Фран, средневековая французская литература, аллегория, аллегорическая поэма, куртуазная любовь, христианская любовь, идеальное пространство, Амор, Венера, спор о женщинах

Мартен Ле Фран родился ок. 1410 г. в Нормандии, получил образование в Париже и сделал блестящую церковную карьеру. Его поэма «Защитник дам» («Le Champion des dames», ок. 1441–1442 гг.) написана в форме видения, состоит из пяти книг, сопровождается кратким прозаическим прологом, обращенным к герцогу Филиппу Бургундскому. Большую часть текста занимают продолжительные дебаты аллегорических фигур Честная Воля и Злоязычие (на стороне Злоязычия выступают и другие аллегии, например, Краткий Совет, Гнусная Мысль, Притворство): они затрагиваются такие темы, как достоинство и добродетели женщины, любовь, брак. Поэма создана в контексте «спора о женщинах» — широкой литературной дискуссии, начавшейся в XV в. во Франции и касающейся, прежде всего, нравственной природы женщины, ее статуса и положения в обществе. Рыцарь Честная Воля выражает точку зрения автора, выступая в роли «защитника дам». Первая книга поэмы вступительная: в ней рассказывается о не увенчавшемся успехом нападении Злоязычия на замок Амора и о прибытии ко двору Амора рыцаря Честная Воля. Также значительное место в первой книге занимает описание владений божеств любви (Амора и Венеры), по которым рассказчик гуляет в сопровождении спутника по имени Валентин (вероятно, это Святой Валентин, покровитель влюбленных).

Швейцарский исследователь Ж.-К. Мюлеталер указывает на то, что Мартен не ограничивается поддержкой женщин, но обращается к актуальным историческим событиям и политическим вопросам эпохи (например, высказывается положительно об укреплении отношений между бургундским двором и королем Франции) [\[1\]](#). Таким образом, тема любви оказывается важной для Мартена Ле Франа не только в связи с «женским вопросом», но и в политическом контексте: в частности, именно в недостатке любви он видит источник политических проблем и неудач Франции; с точки зрения Мартена, «любовь... затрагивает как поэта, так и сеньора, как искусство править, так и литературу» [\[1, с. 83\]](#).

Также, по мнению исследователя, сама концепция любви Мартена Ле Франа, выраженная в поэме, преодолевает рамки любви куртуазной, это скорее любовь христианская. Ж.-К. Мюлеталер не считает, что Мартен стремится выстроить стройную философскую систему, хотя и находится под влиянием различных церковных авторитетов: от Августина Блаженного до Николая Кузанского [\[1\]](#). В целом, концепцию любви у Мартена можно охарактеризовать следующим образом: любовь — это воплощение небесной благодати, универсальная движущая сила, источник мировой гармонии, абсолютный идеал.

В связи с этим особый интерес вызывает начальный эпизод поэмы — посещение рассказчиком двора Амора (чтобы отделить античного персонажа от средневекового, мы отдаем предпочтение этому варианту написания его имени, ведь «бог Любви» изображался в средневековой литературе скорее не как античный божок, а как благородный сеньор). Данный сюжет типичен для куртуазных аллегорических поэм [\[2, с. 140, с. 230\]](#), а Амор является олицетворением и высшим носителем ценностей именно куртуазной любви. (Следуя за концепцией швейцарского исследователя А. Корбеллари, мы понимаем куртуазную любовь как совокупность дискурсов о любви между представителями благородного сословия, которая строится по правилам и должна соответствовать идеальным образцам [\[3\]](#).)

В своей статье, посвященной системе персонажей в «Защитнике дам», британский исследователь Л. Брук объясняет значение начального эпизода следующим образом: Мартену «...нужно было создать не только персонажей, но и подходящее символическое пространство, в котором они могут действовать» [\[4, с. 114\]](#), также «...подобный сюжет, вероятно, соответствовал горизонту ожидания читателя или слушателя после успеха «Романа о Розе»» [\[4, с. 103\]](#). Данное объяснение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Отметим также, что упомянутые нами исследования лишь частично затрагивают описание Мартеном королевств божеств Любви.

Таким образом, основное внимание мы обратим на то, какие особенности изображения пространства позволяют Мартену вписать свою христианскую концепцию любви в куртуазную «рамку»; также в конце попробуем предположить, зачем Мартен Ле Фран переписывает типично куртуазный эпизод в ином контексте.

Двор Амора в средневековых текстах обычно изображается в виде сада (иногда сада и замка), при этом используется набор образов, отсылающих к земному раю: вечная весна, зеленые деревья, часто отдельно стоящее высокое дерево, а также родник или фонтан (источниками данных образов служат Книга Бытия, реке Песнь Песней, а также *топос/locus amoenus* античной литературы [\[5-7\]](#)). Первый подобный сад, вероятно, встречается у Андрея Капеллана в его трактате «О любви» [\[5, с. 343\]](#), а самый известный сад — в аллегорической поэме XIII в. «Роман о Розе» («Roman de la Rose»; поэма состоит из двух частей; первая принадлежит перу Гийома де Лорриса, а вторая — Жана де Мена), которая сильно повлияла на последующую аллегорическую литературу. (Так как в поэме говорится о нескольких садах [\[6\]](#), уточним, что в данном случае речь идет о том саде, где обитает Амор и который описан в «куртуазной» части Гийома де Лорриса.)

Характеризуя изображение двора Амора в «Защитнике дам», мы хотели бы в первую очередь выделить две особенности:

- Пространство царства Амора в целом существенно усложняется: помимо сада и замка, при дворе есть церковь, госпиталь и кладбище; также отдельно упоминаются ад и рай Любви.

- Последовательно сравниваются два королевства: Амора и Венеры. Таким образом, каждый локус присутствует в тексте в двух воплощениях.

Первая особенность, т. е. добавление в пространство королевства Амора новых локусов, позволяет автору представить двор Амора не только как сад, но как полноценный двор знатного сеньора, создать своего рода микрокосм Любви. Это изменение Мартен заимствует из поэмы Ашиля Колье «Приют Амора» («L'Ospital d'Amours», ок. 1440 г.), где при дворе Амора впервые появляются госпиталь и кладбище [\[8\]](#); упоминание ада и наказания для неверных влюбленных также уже встречается в произведении Ашиля.

Стоит отметить, что именно описание сада у Мартена Ле Франа наименее подробно. О саде Венеры мы узнаем, что там цветет розовый куст (вероятно, отсылка к первой части «Романа о Розе»), а также есть некое водное пространство (Венера и ее придворные купаются). А описание сада Амора, где рассказчик завершает свое путешествие по королевствам двух богов Любви, в целом довольно традиционно: в саду царит веселье и радость, растут плодовые деревья, есть источник. Рассказчик прямо говорит, что сад этот напоминает земной рай.

Вторая особенность характерна только для поэмы Мартена Ле Франа. Заметим, однако, что с разделением двух божеств Любви по функциям мы уже сталкивались в «Романе о Розе»: в первой ее части Амор — это олицетворение куртуазной любви, ограниченной определенными правилами, предписывающими «влюбленному полную покорность, преклонение перед дамой <...> Венера же воплощает в романе стихию плотской чувственной страсти» [\[9, с. 12\]](#). При этом во второй части, написанной Жаном де Меном, чувственная любовь оценивается положительно. С подобной точкой зрения Мартен Ле Фран не согласен, по его мнению, такая любовь ведет к иллюзорному удовольствию, а также вполне реальному страданию при жизни и наказанию после смерти (см. далее). (Отметим также, что Мартен Ле Фран вполне открыто спорит с Жаном де Меном в третьей книге своей поэмы.) У Мартена, напомним, противопоставление божеств Любви основано на несколько ином принципе, поскольку если Венера олицетворяет любовь плотскую, как и в «Романе о Розе», то Амор становится воплощением не куртуазной, а христианской любви.

Сравнение двух царств — Амора и Венеры — строится на ряде оппозиций:

- свет и тьма

Замок Амора находится на возвышении, стены замка необычайно крепки, так что пушки не могут их пробить, ведь они целиком сделаны из «fins dyamans» («чистых алмазов») [\[10, с. 101\]](#), которые отражают лунный свет (осада замка происходит ночью) и ярко освещают поле битвы. О замке Венеры говорится, что сама богиня «Le fist faire... Aprez celui du dieu d'Amours» («Повелела его сделать... По образцу замка бога Любви») [\[10, с. 49\]](#). И хотя замки очень похожи, «Il est bien fol... Qui n'y congnoist la difference» («Безумен тот... Кто не понимает в них разницы») [\[10, с. 49\]](#). Замок Венеры находится в темном лесу.

Часовня Амора сделана из хрусталя, богато украшена и напоминает рассказчику храм, внутри колонны из золота и серебра, сияющие словно солнце, престол из рубина, дарохранительница, украшенная драгоценными камнями.

- верх и низ

Часовня Венеры расположена под землей. Службу ведет кюре Глупый Разум, который «... ne peult regarder le ciel: / Le soleil lui fait mal es yeulx» («...не может смотреть на небо: /

От солнца больно его глазам») [10, с. 65]. А в часовне Амора каждый прихожанин устремляет взор вверх, «vers le Dieu du ciel» («к небесному Богу») [10, с. 75].

На кладбище Венеры рассказчик видит могилы и гробы, покрытые пылью, колючими ветками и мхом. Рассказчик и его спутник обнаруживают в земле «trou ardent» («пылающую дыру») [10, с. 60], заглянув в которую, можно увидеть «monde despris» («презренный мир») [10, с. 61], где летают черти и откуда раздаются «les cris, les estraintes de dens» («крик и, скрежет зубов») [10, с. 61]. Валентин объясняет, что это мучаются души, наказанные за службу «amour vaine» («пустой любви») [10, с. 62], а перед ними один из кругов ада, а если спуститься ниже, можно дойти до самого Люцифера. Валентин, своей функцией проводника напоминая Вергилия из «Божественной комедии», ссылается на Данте: «Le florentin poete Dante / A escript merueilleusement / La paine de la vie mechante» («Флорентийский поэт Данте / Прекрасно описал / Кару за злую жизнь») [10, с. 61]. Спутник рассказчика говорит, что страдание после смерти ожидает любого, кто предан Венере.

А на кладбище Амора могилы необыкновенно красивы, сделаны из белого мрамора, усыпаны благоухающими цветами, окружены высокими зелеными деревьями. Есть и отдельное огороженное пространство — монастырь, где похоронены самые благородные служители Амора. Среди них упомянуты захоронения реальных исторических личностей, в частности, Марии Бургундской (дочери Жана Бесстрашного, герцога Бургундского). Особенно красива часовня, где похоронена Анна Бургундская (другая дочь Жана Бесстрашного). Мартен даже называет эту часовню «petit paradis» («маленький рай») [10, с. 84]. Сам рай Амора герои не видят, однако Валентин поясняет, что души праведных влюбленных воспарили вверх, на небеса.

- духовность и телесность (чувственность)

В часовне Амора царит радость, рассказчик слышит пение ангелов, там звучат как любовные гимны, так и религиозные христианские песнопения, над входом высечены слова, отсылающие к евангельским заповедям Христа: «De tout cuer Dieu aime» («Всем сердцем возлюби Бога») и «Ton prochain aime comme toy» («Возлюби ближнего твоего, как самого себя») [10, с. 71]. Службу проводит аббатиса Милосердие. Поведение прихожан достойное, и во время службы в церковь вносят два сердца, соединенных в одно благодаря чуду (это отсылка к Арраскому договору, заключенному в 1435 г. между Калом VII и Филиппом Бургундским — которому Мартен и посвящает свою поэму).

В часовню же Венеры рассказчик и его спутник входят, не помолившись, на что особо указывает Мартен. В часовне много жалующихся и скорбящих, прихожане приносят к престолу дары: не только баллады, рондо, драгоценности, розы, листья растений, но и собственные сердца, души и даже «breulles» («внутренности») [10, с. 63]. Некоторые «deschirent leurs reaux» («раздирают себе кожу») [10, с. 64]. Кюре Глупый Разум описан следующим образом: уродливый, с медвежьими ногами и ослиными ушами, с когтями, подобными орлиным (что напоминает довольно типичное описание некуртуазных персонажей: вспомним, например, пастуха из рыцарского романа Кретьена де Труа «Ивзйн, или рыцарь со львом»). К тому же, его речи не похожи на проповедь и прославляют сиюминутное чувственное удовольствие. Возле часовни находится обезображенная статуя Бахуса, бога вина. В руках Бахус держит бутылку, откуда вино стекает в небольшой бассейн: верные Венере влюбленные пьют его, так что вокруг часовни много пьяных.

Мартен не делает подробного описания зданий, где при дворе Амора и Венеры лечат бо

льных. Однако рассказчик обращает внимание читателя на то, какие разные больные на ходятся в каждом из госпиталей. В госпитале Венеры лежат паралитики, прокаженные, и зуродованные, у некоторых из ушей идет кровь, у других проткнуты сердца и глаза (вероятно, стрелами Купидона, кривого на глаз сына Венеры) — картина неприятная, «телесная». А в госпитале Амора слышатся тихие вздохи, там оказывают помощь пострадавшим в битве против Злоязычия — благородным защитникам замка Амора.

- гармония и дисгармония (хаос, ложная гармония)

Если в королевстве Амора все гармонично (у замка действительно крепкие стены, способные выдержать осаду, в церкви действительно проходит католическое богослужение и т. п.), то в королевстве Венеры все обманчиво. Церковь древняя, но так и не достроена, к тому же проходящая в ней служба не похожа на христианскую. А замок, который построил аллегорический персонаж Земное Удовольствие, только выглядит крепким, а на самом деле находится на грани разрушения. (Это напоминает описание дома Фортуны из «Романа о Розе».)

Данное противопоставление продолжается и в описании внешнего вида божеств Любви. Венера только кажется прекрасной, однако если обойти богиню и взглянуть на нее с другой стороны, становится очевидна ее истинная сущность. Рассказчик и Валентин видят, что «*Le dos Venus est creux et faux / Et proprement en tel point mis / Que le tronc d'une vieille sauls / Cavé et rongié de fourmis... L'amer venin est en la queue*» («Спина Венеры вогнутая и притворная / И точно в таком виде, / Словно ствол старой ивы, / Источенной и обглоданной муравьями... Желчный яд [у нее] в хвосте») [10, с. 55]. Данное описание вызывает ассоциации с Фортуной из «Романа о Розе». Отметим, что непостоянство обеих богинь подчеркивается постоянной сменой одежды.

В связи с этой деталью особый интерес представляет одеяние Амора: на нем рассказчик видит «*images vifs*» («живые картины») [10, с. 23]. Кольчужный воротник изображает небо, как ясное, так и затянутое тучами, из которых идет дождь и снег, а в нижней части воротника море, по которому идут корабли и в котором плавают рыбы. На правом рукаве можно увидеть Адама и Еву в саду, а на левом рукаве весь животный мир. На груди у Амора изображены люди, верные заветам правильной любви. И все одеяние украшено изображениями деревьев, трав, драгоценными камнями и металлами.

В результате мы приходим к следующим выводам:

1) Описывая королевства Амора и Венеры, Мартен выстраивает очевидную нравственную вертикаль:

- с «верхом», небом, а также светом, гармонией, красотой, духовностью ассоциируется именно двор Амора, а двор Венеры представляет собой его искаженную копию, перемещенную вниз и во тьму (церковь под землей, замок в темном лесу);

- для Мартена важно кто и как именно наполняет описываемое пространство: в частности, если поведение влюбленных, преданных Амору, благородно (и в церкви, и в госпитале), то последователи Венеры предаются пьянству (при этом они уже расплачиваются за неверный выбор, так как должны приносить жестокие жертвы Венере и страдают от крайне неприятных болезней);

- в верхней и нижней точках пространства находятся рай и ад Любви соответственно: правильных влюбленных ожидает благое воздаяние после смерти, а неправильных — наказание.

2) При описании пространства усиливаются христианские мотивы в целом (молитвы, заповеди, чудо, ад и рай) и библейские мотивы в частности: обращая внимание читателя на источающие или отражающие свет драгоценные камни и металлы, из которых сделаны замок и церковь Амора, Мартен, вероятно, стремится привнести в текст топику Нового Иерусалима, при описании которого подобные мотивы активно используются (см. Откровение Иоанна Богослова 21:11-21).

3) Характеристики пространства соотносятся с изображением олицетворений любви и двумя концепциями любви соответственно. Венера, обманчивая на вид, как и локусы, находящиеся при ее дворе, представляет собой ложный идеал. А Амор выступает в качестве символа вселенской гармонии, тем более что одеяние Амора — это отдельный локус, даже целый микрокосм, отражающий не только двор сеньора, но всю вселенную, объединяющий стихии, людей, животных, растения и элементы.

Таким образом, Мартену удастся переписать типично куртуазный эпизод и подчинить светскую концепцию куртуазной любви христианской традиции. Куртуазная фигура Амора у него олицетворяет любовь чистую, духовную, абсолютно идеализированную, верную заветам христианского Бога. Амор становится олицетворением мировой гармонии, а его двор — идеальным микрокосмом, где есть место самым разным проявлениям человеческого бытия (светская и религиозная жизнь, болезни, смерть, загробный мир) и где воплощаются подлинные ценности, заслуживающие благого воздаяния после смерти (на контрасте с обманчивым и греховным царством Венеры).

На наш взгляд, Мартен начинает поэму с посещения двора Амора, так как ему важно донести до читателя свою концепцию любви (которая значима в контексте и его позиции в «споре о женщинах», и его политических воззрений), но сначала читателя нужно заинтересовать, чтобы он захотел ознакомиться с содержанием произведения в принципе. Этот эпизод, будучи типичным для куртуазных поэм в целом и вызывающий ассоциации с «Романом о Розе» в частности, играет роль *captatio benevolentiae*, т. е. служит для привлечения внимания публики (публики, очевидно, аристократической, у которой куртуазная литература имела успех [\[11, с. 19-57\]](#)). Мартен создает произведение, которое соответствует «горизонту ожидания» читателя лишь на первый взгляд, на самом деле он играет с этим «горизонтом ожидания», вплетая в куртуазный дискурс христианские мотивы (и политическую тематику: вспомним отсылку на Арраский договор, а также могилы знатных дам Бургундского двора, упоминание о которых должно было понравиться Филиппу Бургундскому, главному адресату поэмы, на чье покровительство рассчитывает Мартен). «Христианизация» Мартеном Ле Франом светской концепции куртуазной любви говорит о его стремлении к переосмыслению идеалов куртуазности, которые, с его точки зрения, менее важны, чем истинная христианская любовь, что он и пытается донести до читателя.

Библиография

1. Mühlethaler J.-C. Amour et identité politique: le Champion des dames de Martin Le Franc // Music and Culture in the Age of the Council of Basel. Turnhout: Brepols, 2013. P. 73-84.
2. Strubel A. «Grant senefiance a». Allégorie et littérature au Moyen Âge. Paris: Champion, 2002.
3. Corbellari A. Retour sur l'amour courtois // Cahiers de Recherches Médiévales. 2009. № 17. P. 375-385.
4. Brook L. Les personnages allégoriques dans Le Champion des Dames: analyse des préliminaires d'un conflit moral et historique // Le moyen français. 2007. № 60-61. P. 107-115.
5. Strubel A. L'allégorisation du verger courtois // Vergers et jardins dans l'univers

médiéval. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 1990. P. 343-357.

6. Голикова А.А. Изображение пространства в средневековой аллегорической поэме: «Психомехания» Пруденция и «Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мена / дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

7. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: Том 1. / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021.

8. Buzon C. de Le songe allégorique de L'hôpital d'amour d'Achille Caulier (vers 1440) // Lieux d'hospitalité: hospices, hôpital, hostellerie. Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Biais Pascal, 2001. P. 383-397.

9. Забабурова Н. В. Средневековый французский «Роман о Розе»: его история и судьба // Литературные шедевры Средних веков / пер. Н. В. Забабуровой; сост. Ю. И. Губатов. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2014. С. 5-25.

10. Martin Le Franc Le champion des dames. Éd. publiée par R. Deschaux, 5 t. Paris: Honoré Champion, 1999.

11. Poirion D. Le poète et le prince: l'évolution du lyrisme courtois de Guillaume de Machaut à Charles d'Orléans. Paris: Presses universitaires de France, 1965

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность темы исследования объясняется не таким частотным обращением в массе критики к творчеству Маретна Ле Франа. Как отмечает автор статьи, «Мартен Ле Фран родился ок. 1410 г. в Нормандии, получил образование в Париже и сделал блестящую церковную карьеру. Его поэма «Защитник дам» («Le Champion des dames», ок. 1441–1442 гг.) написана в форме видения, состоит из пяти книг, сопровождается кратким прозаическим прологом, обращенным к герцогу Филиппу Бургундскому. Большую часть текста занимают продолжительные дебаты аллегорических фигур Честная Воля и Злоязычие (на стороне Злоязычия выступают и другие аллегории, например, Краткий Совет, Гнусная Мысль, Притворство): они затрагиваются такие темы, как достоинство и добродетели женщины, любовь, брак». Текст поэмы заслуживает должного внимания и может быть рассмотрен с установленных методологических позиций: «основное внимание [мы] обратим на то, какие особенности изображения пространства позволяют Мартену вписать свою христианскую концепцию любви в куртуазную «рамку»; также в конце попробуем предположить, зачем Мартен Ле Фран переписывает типично куртуазный эпизод в ином контексте». В целом текст работы логически строг, выверен, формальные требования издания учтены. Считаю, что материал обладает должной научной новизной, он может быть применим практически. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «по мнению исследователя, сама концепция любви Мартена Ле Франа, выраженная в поэме, преодолевает рамки любви куртуазной, это скорее любовь христианская. Ж.-К. Мюлеталер не считает, что Мартен стремится выстроить стройную философскую систему, хотя и находится под влиянием различных церковных авторитетов: от Августина Блаженного до Николая Кузанского [1]. В целом, концепцию любви у Мартена можно охарактеризовать следующим образом: любовь — это воплощение небесной благодати, универсальная движущая сила, источник мировой гармонии, абсолютный идеал», или «замок Амора находится на возвышении, стены замка необычайно крепки, так что пушки не могут их пробить, ведь они целиком сделаны из «fins dyamans» («чистых алмазов») [10, с. 10], которые отражают лунный свет (осада замка происходит ночью) и ярко освещают поле битвы. О замке Венеры говорится, что

сама богиня «Le fist faire... Aprez celui du dieu d'Amours» («Повелела его сделать... По образцу замка бога Любви») [10, с. 49]. И хотя замки очень похожи, «Il est bien fol... Qui n'y congnoist la difference» («Безумен тот... Кто не понимает в них разницы») [10, с. 49]. Замок Венеры находится в темном лесу» и т.д. Ссылки и цитации даются в нормативном режиме, правка в данном случае излишня. Автор не исключает в ходе анализа поэмы и т.н. литературный контекст, это важно для объективности оценки: «Если в королевстве Амора все гармонично (у замка действительно крепкие стены, способные выдержать осаду, в церкви действительно проходит католическое богослужение и т. п.), то в королевстве Венеры все обманчиво. Церковь древняя, но так и не достроена, к тому же проходящая в ней служба не похожа на христианскую. А замок, который построил аллегорический персонаж Земное Удовольствие, только выглядит крепким, а на самом деле находится на грани разрушения. (Это напоминает описание дома Фортуны из «Романа о Розе»)). Выводы по работе созвучны основной части, фактически тема раскрыта, цель исследования достигнута. Автор итогом тезирует, что «Мартен создает произведение, которое соответствует «горизонту ожидания» читателя лишь на первый взгляд, на самом деле он играет с этим «горизонтом ожидания», вплетая в куртуазный дискурс христианские мотивы (и политическую тематику: вспомним отсылку на Арраский договор, а также могилы знатных дам Бургундского двора, упоминание о которых должно было понравиться Филиппу Бургундскому, главному адресату поэмы, на чье покровительство рассчитывает Мартен). «Христианизация» Мартеном Ле Франом светской концепции куртуазной любви говорит о его стремлении к переосмыслению идеалов куртуазности, которые, с его точки зрения, менее важны, чем истинная христианская любовь, что он и пытается донести до читателя». Считаю, что статья самостоятельна, оригинальна, интересна; авторская точка зрения высказана объективно и аргументировано. Рекомендую статью «Изображение двора Амора в «Защитнике дам» Мартена Ле Франа: куртуазное пространство и христианская любовь» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжао Ц. Освещение в СМИ миграционных вопросов в контексте китайской идеологии // Litera. 2024. № 8.

DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71393 EDN: QEXLUV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71393

Освещение в СМИ миграционных вопросов в контексте китайской идеологии

Чжао Цинсун

кандидат политических наук

аспирант, факультет журналистики

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Нахимова, 3к2, кв. 102

✉ qingsongzhao666@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71393

EDN:

QEXLUV

Дата направления статьи в редакцию:

02-08-2024

Дата публикации:

09-08-2024

Аннотация: Основной целью исследования является анализ влияния китайской идеологии на подачу миграционных вопросов в СМИ. В рамках работы проведен контент-анализ 40 текстов китайских новостных изданий за период 2004-2024 годов. Выделены основные темы, такие как эмиграция из Китая, отток талантов, иммиграция в Китай, нелегальная иммиграция и эмиграция элит. Анализ показал, что освещение миграции в китайских СМИ тесно связано с государственной идеологией, основанной на марксизме с китайскими особенностями, коллективизме и абсолютном подчинении руководству Коммунистической партии Китая. Также большую роль играет новый китайский национализм, в том числе в рамках концепции «Китайской мечты». Важной составляющей медийной политики является система многократной проверки и самоцензуры материалов, что обеспечивает точность и согласованность информации. Исследование выявляет уникальные особенности китайской медийной политики в

контексте миграции и позволяет сравнить её с международными подходами. Автором статьи был проведен анализ текстов китайских новостных СМИ, анализ китайских документов, посвященных вопросам миграции, вопросам медиаполитики и вопросам идеологии. Использовались также такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция. В целом, сейчас можно выделить несколько направлений работы СМИ, на которые журналистам необходимо обратить внимание при публикации материалов о миграции. Во-первых, с ростом популярности self-медиа (новые медиа, распространяемые на платформах социальных сетей) и усложнением проблем миграции под влиянием мультикультурализма, механизм проверки сообщений СМИ об иммиграции, основанный на китайской идеологии, необходимо значительно оптимизировать. Это позволит и дальше продвигать такие аспекты, как власть КПК, марксизм, коллективизм, китайский национализм и «Китайскую мечту», предоставляя читателям достоверную и идеологически выверенную информацию о миграционных процессах в стране, тем самым регулируя чувствительную для страны тему, позволяя избежать незапланированных сдвигов общественного мнения.

Ключевые слова:

миграция, Китай, медиа, идеология, китайские СМИ, китайская мечта, политика, КПК, тенденция, социальное отношение

Введение

На протяжении последних десятилетий освещение вопросов миграции является важной темой в китайских СМИ. Миграция является важным аспектом как внутренней, так и внешней политики Китая. Начало XXI века охарактеризовались третьей волной миграции в Китае. У этой миграции, характерной для эры глобализации, были различные причины (экономические, политические, семейные и прочее), однако так или иначе Китай в настоящее время является четвертой в мире страной по количеству мигрантов, проживающих за рубежом. С другой стороны, по мере развития, Китай также столкнулся в определенной степени с кадровым голодом, и к 2020-ым гг. государством также были предприняты первые попытки создать программы привлечения иностранных талантов на работу и учебу в Китае. Таким образом, сейчас такие темы, как эмиграция из Китая и иммиграция в Китай занимают значительную часть материалов китайских СМИ. Понимание того, как китайские СМИ представляют миграционные вопросы, помогает анализировать, как государство использует медиа для реализации своей политики, включая миграционное законодательство, в опросы национальной безопасности и социальную интеграцию мигрантов.

При этом идеология является важной составляющей государственного режима Китая и играет важную роль в функционировании китайского общества. Китайские СМИ играют важную роль в формировании и направлении общественного мнения. Освещение миграционных вопросов в рамках китайской идеологии позволяет государству контролировать дискурс и формировать патриотическое, националистическое или социалистическое восприятие миграции среди населения.

Анализ того, как китайская идеология влияет на освещение миграционных вопросов в СМИ, предоставляет уникальную возможность для сравнения с подходами других стран. Он позволяет выявить особенности китайской медийной политики и её отличия от международных стандартов.

Целью данного исследования является выявление влияния китайской идеологии на освеще

шение в СМИ миграционных вопросов. Объектом исследования являются материалы китайских СМИ о вопросах миграции в период последних 20 лет (2004-2024 гг.). Предметом исследования является идеологический аспект освещения вопросов миграции в китайских СМИ. Методология данного исследования включала в себя контент анализ текстов китайских новостных СМИ, анализ китайских документов, посвященных вопросам миграции, вопросам медиаполитики и вопросам идеологии. Использовались также такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция.

Вопросы китайской идеологии

Развитие человеческой цивилизации сопровождается изменениями социальной идеологии. Являясь важной частью философской системы, идеология отражает основные концепции общества и представляет собой общее понимание людьми происходящего. Марксистская философия подчеркивает, что формирование и исчезновение идеологий в основном сопровождаются сменой эпох. По мере китаизации марксизма, в Китае постепенно формировалась идеология социализма с китайскими особенностями, и как важная часть социальной системы и социальных отношений, она обеспечивала систематическую поддержку в строительстве социализма с китайской спецификой. Ориентируясь на специфический процесс китаизации марксизма, а также сочетая идеи Мао Цзэдуна, теорию Дэн Сяопина, важные идеи «Тройного представительства» Цзян Цзямэня, научный взгляд на развитие социалистической мысли с китайскими особенностями Си Цзиньпина в новую эпоху, можно сказать, что китайская идеология, основанная на идеях марксизм-ленинизма, является уникальным философско-политическим феноменом, оказывающим важное влияние на все сферы жизни страны, в том числе и медиа.

К основным чертам китайской идеологии можно отнести полное подчинение руководству КПК, поддержку марксизма и коллективизацию. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Китай имеет долгую пятитысячную историю. Новый этап развития Китая как государства начался во второй половине XX в., когда во главу страны встала Коммунистическая партия Китая. В этот период в целях обеспечения стабильного социально-экономического развития Китая и поддержания надлежащего общественного порядка по всей стране было сформировано идеологическое понимание абсолютного подчинения руководству партии. Согласно китайской идеологии, народ абсолютно доверяет партии, решительно подчиняется ее руководству и выполняет ее решения. При абсолютном подчинении руководству партии она может разрешить застарелые социально-идеологические споры и сыграть чрезвычайно важную роль в стабилизации социальной среды.

Формирование китайской идеологии связано с интеграцией древней китайской культуры в идеологию марксизма. С китаизацией марксизма и под руководством Коммунистической партии Китая в исторической перспективе и экономическом измерении жизнь китайского народа значительно улучшилась. Таким образом, большинство в стране согласны с тем, что основные позиции марксизма в идеологии страны должны быть укреплены. За последние почти 100 лет марксистская мысль указала направление для достижения национальной независимости Китая, национального освобождения и социалистического строительства. Ключевым моментом является глубокая интеграция марксистской научной теории и китайской социалистической практики, что подчеркивает руководящую позицию марксизма в построении социализма с китайской спецификой. Таким образом, идеология страны после основания Нового Китая демонстрировала твердую приверженность марксизму. [1] После 18-го Съезда КПК (2012 г.) Коммунистическая партия Китая взяла за основу марксистскую мысль и увязала растущие потребности людей в лучшей жизни с низкой производительностью и несбалансированными механизмами распределения, что еще больше опр

еделило идеи развития, ориентированные на людей, и укрепило сплоченность. 20-ый съезд КПК (2022 г.) в полной мере доказал роль марксизма в построении социализма с китайской спецификой. За последние десять лет ситуация внутри страны и за рубежом претерпела значительные изменения, и китайская нация достигла значительного обновления. Поэтому приверженность марксизму как важной части социальной политики продолжает оставаться важнейшей чертой китайской идеологии.

Социальная идеология - это проявление общественных отношений. С точки зрения национального развития, политическая система не является абсолютным фактором влияния. Такими факторами можно считать укрепление национальной сплоченности посредством унификации социальной идеологии, ключом к которой стало стремление сбалансировать взаимосвязь между индивидуальными и коллективными интересами. Выбор между индивидуальными и коллективными интересами в рамках социальной идеологии определяет стабильность социальной среды. Коллективные интересы превыше всего и являются символом целостности страны и нации. Поэтому, когда возникает противоречие между личными и коллективными интересами, идеология диктует примат коллективных интересов. Таким образом, идеология, сформированная социализмом с китайской спецификой, обладает высокой социальной ценностью, которая в основном проявляется в стабильности общественного порядка, а также способствует беспрепятственному выполнению важнейших государственных решений и снижению ненужного сопротивления. Это также является предпосылкой для быстрого экономического развития Китая.

В Китае все сферы жизни общества подчиняются государственной идеологии, в том числе это касается и сферы медиа. Так, в 2017 г. государственным управлением по делам печати, издательского дела, радио, кино и телевидения были опубликованы идеологические указания для новых медиа. Основной задачей медиа, согласно данному документу, является придерживание согласованной государством ориентации общественного мнения, активное освещение общей ситуации в партии и стране, продвижение национальной идеологии, распространение «позитивной энергии» и создание благоприятной атмосферы в обществе. Данный документ призывает бороться с пошлостью и кликбейтом в СМИ («непристойности, пропаганда азартных игр, насилия и другие тексты, аудио- и видео материалы и фотографии, которые угрожают общественной морали и нарушают национальные законы и нормативные акты, публиковаться не должны»^[21]), противостоять распространению всех видов вредной и ложной информации («поиск истины на основе фактов»), подвергать тексты многократным проверкам на достоверность и оригинальность, использовать литературный язык, не применять кричащие кликбейтные заголовки, избегать искажения фактов, усилить управление сетевой деятельностью в соответствии с национальным законодательством, усилить надзор и управление и запретить аутсорсинг, аренду или передачу бизнеса по сбору новостей и редактированию веб-сайтов и веб-каналов. Документ также предлагает продолжить внедрение системы идеологической ответственности за тексты и другие медиа-материалы, уточнить предмет ответственности авторов, распределить управленческие обязанности по всем аспектам закупок, сбора и распределения информации, а также создать и усовершенствовать систему подотчетности. В отношении тех, кто публикует новостные репортажи в нарушение закона и нормативных актов, должны быть проведены серьезные расследования в отношении обязанностей пишущих репортеров, ответственных редакторов, директоров отделов, дежурных главных редакторов и другого связанного с ними персонала в соответствии с законом и нормативными актами.

Важным элементом китайской идеологической политики в области СМИ является концепция «Три рецензии и три корректуры» (三审三校). Это традиционная система в области издательского дела. В частности она включает предварительное рецензирование (предварит

ельное рецензирование содержания, структуры и логики текста), рецензирование (углубленный анализ содержания, стиля и формата текстов, прошедших предварительное рецензирование), окончательное рецензирование (окончательный контроль качества и оценка рисков текста), начальную корректуру (вычитка языка и формата текста), повторную проверку (углубленная корректура грамматики, стиля и формата текстов, прошедших предварительную проверку), окончательную вычитку (окончательная проверка на предмет точности и полноты). Благодаря многократному просмотру и корректуре обеспечивается точность, последовательность и объективность контента. Корректур по нескольким ссылкам значительно сокращает количество ошибок, вызванных пропусками или неточностями. Также проверка по этой системе повышает доверие читателей к текстам. Таким образом, тексты китайских СМИ должны подвергаться многократным проверкам, которые включают в себя, в том числе, многократную самоцензуру.

Анализ материалов СМИ

В рамках настоящего исследования было проанализировано 40 текстов китайских СМИ, касающихся миграционных вопросов, во временном диапазоне с 2004 по 2024 гг. С момента образования Нового Китая китайские СМИ публиковали различные репортажи по вопросам иммиграции. Ранее материалы СМИ сводились к публикации сухих фактов, сегодня же освещение вопросов миграции в китайских СМИ больше не ограничивается цифрами, а постепенно изучает влияние проблем миграций на общество и их решение, расширяя освещение событий в СМИ и внедряя инновационные методы освещения событий в СМИ.^[3]
 Благодаря разнообразным медиа-платформам актуальные проблемы иммиграции своевременно и точно освещаются во всех сферах жизни.^[4]

По результатам исследования данные тексты можно разделить по следующим основным тематическим направлениям: эмиграция из Китая (30%), отток талантов (17%), иммиграция в Китай (17%), нелегальная иммиграция (27%), эмиграция элит (9%).

Освещение иммиграционных проблем китайскими СМИ отражает отношение страны к ним. Поэтому анализ тем и характер их освещения может указать на наиболее актуальные для китайского общества проблемы. Как мы можем видеть из приведенного количественного анализа, наиболее частыми темами являются вопросы эмиграции из Китая и нелегальная иммиграция (как из Китая, так и в Китай). Статьи о китайской эмиграции обсуждают причины иммиграции из Китая, сложности интеграции как китайцев за рубежом, рекитаизацию китайских иммигрантов за рубежом и в том числе их возвращение на родину. Важной тенденцией здесь является очеловечивание эмигрантов из Китая. Как минимум в нескольких их статьях приводятся интервью с реальными мигрантами, где рассказываются конкретные кейсы, раскрывающие как причины эмиграции, так и сложности в интеграции в общество новой страны проживания. Такое отношение может быть связано с национальной идеологией большого Китая, в рамках которой все проживающие за границей китайцы, даже утратившие китайское гражданство, остаются частью китайской нации и объектом интереса государства. Не смотря возможные негативные последствия подобной эмиграции, например, отток капитала и талантов, данная ситуация не рассматривается как проблема для китайского общества, а, скорее, как его черта. Особенно концепция большого Китая проявляется в рамках материалов о миграции с Тайвань. В данных статьях используется риторика, описывающая ситуацию как «Атмосферу одной семьи по обе стороны пролива»^[5].

Стоит отметить, что тенденция показывать китайских эмигрантов не как «предателей родины», а скорее как «блудных сыновей» выражается также и в отражении причин эмиграции

и китайцев. Ни в одной статье политические причины не были указаны как причины для переезда из Китая. Основными указанными причинами указываются экономические (работа, стоимость жизни), социальные (безопасность и социальная защищенность), образовательные и семейные, но не политические. Это также позволяет во-первых избежать косвенной критики политики КПК, и, во-вторых, позволяет не отторгать китайских эмигрантов от китайского общества. Таким образом, все мигрировавшее население в рамках национальной идеологии продолжает рассматриваться как часть китайской нации. В настоящее время политика в отношении зарубежных китайцев проводится под лозунгом «консолидировать сердца, объединять умы, развивать возможности для возрождения великой китайской нации»^[6]. «Пекин активно проводит патриотическое воспитание молодого поколения зарубежных китайцев. Для развития родственных чувств к Китаю у детей зарубежных китайцев, в особенности тех, кто родился за границей, правительство Китая регулярно организует специальные туристические поездки под лозунгом «Приобщение к китайским корням».»^[7] Кроме того, развивая китайскую диаспору за рубежом, Китай также стремится формировать китайское лобби, что позволит обеспечивать проведение благоприятной для Китая политики. Данный аспект политики и идеологии находит полное отражение в материалах СМИ о миграции, поскольку в них создается единой китайской нации по обе стороны океана.

Другое направление текстов, связанное с тенденцией оттока талантов из страны, не может не волновать китайское общество. Однако, в рамках политики распространения благоприятной информации данная тема, хотя и часто поднимается в СМИ, освещается очень аккуратно. Так, например, отмечается, что «Нет так называемого "масштабного оттока талантов" <...> Масштабы и темпы миграции населения нашей страны невелики, и международный обмен кадрами еще предстоит скорее усилить, чем ограничить. <...> Данные также показывают, что 70% иностранных студентов в нашей стране вернулись домой для ее развития.»^[8] Как видно из данного текста, материалы СМИ направлены на то, чтобы снизить градус общественной озабоченности проблемой оттока кадров. В рамках государственной идеологии СМИ не должны подвергать сомнению государственную политику, которая в настоящее время не противодействует китайской эмиграции. Массовый отток населения также указывал бы на проблемы в китайском обществе, что также противоречило бы государственной идеологии «Китайской мечты» (中国梦, «Китайская мечта о возрождении великой нации», действующий лозунг КНР и социально-политический курс). Более того, также СМИ не должны создавать чрезмерное волнение общества и подвергать риску общественную безопасность.

Здесь можно привести в пример скандал 2013 г., когда в СМИ просочилась информация, что в 2013 г. из страны эмигрировало 9,3 миллиона человек. Данная информация, в дальнейшем растиражированная китайскими СМИ, содержала искажение фактов, случайное или преднамеренное: на самом деле 9,3 миллиона человек – это общее количество мигрантов китайского происхождения в мире к 2013 г., а не только за 2013 г. В дальнейшем большое количество СМИ принялось за опровержения этих материалов, на стабилизацию проявившего напряжение и озабоченность этим вопросом китайского общества были потрачены значительные ресурсы. В том числе и по причине этого скандала после 2013 г. к материалам СМИ о вопросах миграции стало уделяться повышенное внимание в аспекте проверки достоверности и вычитке материалов.

Таким образом, освещение в СМИ проблемы оттока талантливых кадров как правило сводится к «тушению» общественной обеспокоенности по данному вопросу. СМИ придерживаются распространения благоприятных для общества новостей и не прибегают к острым темам, спорной статистике, алармистской риторике и кричащим заголовкам.

Схожей, менее популярной, однако периодически встречающейся в медиа темой является проблема оттока капитала за границу. Здесь риторика более выразительная. В то время как отток кадров может в перспективе сыграть на руку правительству Китая и китайскому обществу (например, посредством создания китайского лобби), отток капитала уже не может служить благоприятному развитию страны. Поэтому ряд СМИ указывает на то, что «люди, которые стали богатыми в первую очередь благодаря реформам и политике партии, а также связанные с государственным капиталом, не должны иммигрировать, как только они получают прибыль. Правительство должно установить ограничения на них и отток богатства, а также призвать их выполнять свои обязанности по содействию общему процветанию общества».^[9] Как видно из данного высказывания, оно полностью подчиняется китайской идеологии в вопросах превалирования коллективных, общественных интересов над индивидуальными. Хотя отношение о миграции элит в китайских СМИ разнится, концепция превалирования общественных интересов над индивидуальными занимает ключевую позицию в текстах. Например, в статье, которая оправдывает эмиграцию экономических элит, отмечается: «несмотря на то, что многие бизнесмены уже иммигрировали, они по-прежнему усердно работают в стране и на самом деле не покидают Китай окончательно. Многие люди даже активно занимаются благотворительностью.»^[10] Таким образом, важным аспектом здесь является факт участия гражданина в жизни страны. В рамках освещения вопросов миграции в Китае часто используется мотив коллективного блага, возвышающийся над индивидуальным благом. Это важнейшая черта современной китайской идеологии, ведущая происхождение от марксизма.

Еще одна важная тема, освещающаяся в китайских новостях, это проблема нелегальной миграции. Здесь позиция Китая однозначна негативна, как в вопросах нелегальной миграции в Китай, так и из Китая. Большое внимание посвящено борьбе с мафиозной организацией «змеиные головы», занимающейся незаконным перемещением людей через границу. Во всех статьях подчеркивается верховенство закона и обязанность всех жителей Китая следовать ему. Говоря об идеологии борьбы с нелегальной миграцией, отмечают «коллективизация, интернационализация и разведывательная деятельность»^[11] (поиск достоверной информации). Также большой упор делается на мнение партийного руководства, что подчеркивает на верховенство власти КПК. Например, в статьях нередко встречаются цитаты партийных чиновников, а цитата «Китайское правительство придерживается принципа открытости внешнему миру, гарантирует и поощряет нормальные обмены между китайским и иностранным персоналом в соответствии с законом, защищает законные права и интересы въезжающего и выезжающего персонала, решительно выступает против контрабанды и борется с незаконной и преступной деятельностью, организованной с целью контрабанды, и контрабандным провозом в соответствии с законодательством Китая. Национальная иммиграционная администрация будет продолжать осуществлять практическое сотрудничество правоохранительных органов с соответствующими национальными компетентными ведомствами на основе равенства и взаимного уважения и совместно поддерживать нормальный порядок перемещения международного персонала и расширять обмены»^[11] и вовсе кочует из статьи в статью в практически неизменном виде множество раз. Также большую часть текстов занимают цитаты Си Цзиньпина, касающиеся будущего управления безопасностью в стране, в том числе и вопросами незаконной миграции. Все это указывает на то, что при освещении такой важной темы, как миграция, СМИ стараются придерживаться официальной позиции партии и именно ее доносить до читателей. Это также является частью стратегии влияния идеологии страны на материалы СМИ.

Последняя тема, часто встречающаяся в материалах новостных изданий, это иммиграция иностранцев в Китай. В Китае последнее время крайне озабочены привлечением таланто

в из-за рубежа. Отмечается, что «В последние годы китайское правительство предприняло усилия по корректировке своей политики управления иммиграцией, чтобы способствовать нормальному притоку людей». Однако при этом многократно подчеркиваются два тезиса, а именно, то, что привлекаются исключительно редкие, необходимые для развития Китая таланты, и то, что речь идет исключительно о легальной иммиграции. Большое количество материалов подчеркивает, что речь идет в первую очередь именно о высококлассных специалистах. Например, право на ПМЖ предлагается предоставлять «лауреатам и известным наград, профессорам и исследователям из всемирно известных университетов и научно-исследовательских институтов, высшему руководству и техническому персоналу всемирно известных предприятий и финансовых учреждений, а также иностранцам, внесшим значительный и выдающийся вклад в экономическое и научно-исследовательское развитие Китая». Таким образом, не смотря на декларируемую «открытость», Китай остается достаточно закрытой для иностранной иммиграции страной, что можно увязать с идеологией китайского национализма. Как отмечает Д.В. Кузнецов «совершенно очевидным является тот факт, что в последнее время в Китае наблюдается рост национализма, причем наибольшее распространение идеи китайского национализма получили среди представителей молодого поколения граждан КНР. Отчасти эти процессы контролируются властями КНР, которые в значительной степени заинтересованы в том, чтобы жители страны имели определенные идеологические ориентиры, придерживались их в своих взглядах» [\[12\]](#). Таким образом, в современном Китае национализм составляет важную часть современной идеологии, основанной на идеях китаецентричности. Здесь можно обратить внимание на идеологическую концепцию «китайской мечты», суть которой заключается в возрождении китайской нации. В рамках этой концепции и возвращение потомков китайских мигрантов на родину, и привлечение высококлассных зарубежных специалистов видится как механизм по укреплению и развитию политических и экономических сил Китая.

Таким образом, как очевидно из анализа выбранных текстов, материалы китайских СМИ, касающиеся миграционных вопросов, глубоко идеологизированы и отражают основные интересы правительства. Освещение проблем иммиграции в соответствии с китайской идеологией направлено на то, чтобы сформировать образ миграции как явления, которое служит экономическому развитию страны. При освещении вопросов иммиграции в средствах массовой информации наблюдается сильная тенденция подчеркивать, что коллективные интересы превыше всего. Средства массовой информации в Китае контролируют ситуацию с общественным мнением в вопросах миграции, гарантируя, неизменность общественного мнения [\[13\]](#). Исходя из влияния средств массовой информации на общественное мнение, при освещении вопросов иммиграции противоречия в идеологической сфере сводятся к минимуму, что обеспечивается многочисленными и многократными системами проверки и самоцензуры текстов.

Выводы и рекомендации

Идеология накладывает свой отпечаток на то, что и как пишут китайские СМИ о миграции. В целом, говоря об идеологическом аспекте освещения в китайских СМИ вопросов иммиграции, можно отметить, что он сочетает в себе как классическую марксистскую китайскую идеологию, так и современные ее трактовки. Как уже отмечалось выше, к основным чертам классической китайской идеологии можно отнести верховенство власти КПК, марксизма и превалирование общих интересов над частными. Кроме того, следует отдельно выделить концепцию «Китайской мечты», введенную Си Цзиньпином.

В рамках «Китайской мечты» входит мечта о возрождении нации, своеобразное переосмысление китайского национализма. Миграция – весьма чувствительная тема в контексте и

деологии «Китайской мечты». В рамках миграционных вопросов национализм играет важную роль в формировании дискурса СМИ. В рамках материалов СМИ необходимо создать привлекательный образ Китая, при этом не «демонизируя» мигрантов. По этой причине статьи о миграции подчеркивают, что миграции способствуют экономическому развитию страны и не влияют на нее негативно. Кроме того, эмигрировавших китайцев СМИ продолжают рассматривать как часть китайской нации, что крайне важно в рамках нового китайского национализма «Китайской мечты».

В рамках китайской идеологии необходимо показывать миграцию (как в страну, так и из страны) как всеобщее благо, минимально останавливаясь на проблемах, ее вызывающих. Поэтому можно сделать вывод, что наиболее ярко раскрывается такой идеологический аспект, как стремление к коллективизации и общему благу. Многократно подчеркивается, как миграция может благотворно послужить развитию страны, а осуждению предаются лишь те мигранты, которые либо делают это незаконно, либо выводят значительные средства за рубеж.

Аспект верховенства партийной власти проявляется не столько в содержании текстов, сколько в подходе к их написанию и редактированию. При написании статей журналисты твердо следуют указаниям партии в вопросах редактирования текстов и часто подвергают их самоцензуре. Согласно императиву партии, медиа должны направлять и формировать общественное мнение, и делать это строго в рамках марксистской идеологии и в едином ключе. Для этого производятся многочисленные проверки, особенно внимательным в сфере материалов о миграции они стали после скандала 2013 г., когда в СМИ просочились недостоверные данные о количестве эмигрировавших из страны китайцев, чем значительно взбудоражили общественное мнение и вызвали его негодование. Подобная нестабильность общественного мнения могла нанести урон авторитету КПК, в связи с чем проверки были значительно ужесточены и подобных ситуаций более не повторялось.

В целом, сейчас можно выделить несколько направлений работы СМИ, на которые журналистам необходимо обратить внимание при публикации материалов о миграции. Во-первых, с ростом популярности self-медиа (новые медиа, распространяемые на платформах социальных сетей) и усложнением проблем миграции под влиянием мультикультурализма, механизм проверки сообщений СМИ об иммиграции, основанный на китайской идеологии, необходимо значительно оптимизировать. Так, необходимо внедрить механизмы множественной проверки и динамической проверки. В контексте китайской идеологии сообщения СМИ по вопросам иммиграции должны проходить многоуровневую проверку. Во-первых, редакция должна самостоятельно проверять содержание; во-вторых, средства массовой информации должны не только просматривать редакционное содержание, но и проводить обзор связанных с ним репортажей и других медиа; наконец, компетентные новостные агентства должны рассматривать идеологическую подоплеку сообщений об иммиграции, определяя могут ли эти сообщения быть опубликованы в средствах массовой информации.

В контексте китайской идеологии влияние сообщений СМИ по вопросам миграции на общественное мнение является постоянным. Следовательно, для стабилизации общественного порядка и обеспечения того, чтобы сообщения по вопросам миграции служили социальному развитию, на основе соблюдения многочисленных механизмов проверки необходимо также усовершенствовать механизм динамической проверки. Так называемый динамический анализ подразумевает тот факт, что соответствующие учреждения и персонал должны учитывать общественное мнение, вызванное соответствующими отчетами о миграции, в качестве ориентира в процессе идеологической проверки материалов об иммиграции.

Во-вторых, необходимо усилить контроль над так называемыми self-media, заставив блог

еров проверять свои тексты на идеологическое соответствие так же, как это делают профессиональные журналисты. Вопросы иммиграции являются важной частью социальных проблем. Создатели селфи-медиа могут размышлять о связанных с иммиграцией проблемах, но платформы должны усилить контроль за соответствующим контентом, особенно когда речь идет об идеологических аспектах. Платформы Селфи-медиа должны внедрять сторонние службы надзора и определять, есть ли нарушения в освещении иммиграции вопросы, основанные на комментариях аудитории.

В-третьих, для контроля за идеологическим содержанием медиа в контексте сообщений о миграции необходимо применять современные технологии. Учитывая эту ситуацию, средства массовой информации, освещающие вопросы миграции, должны использовать интеллектуальный метод контроля, то есть использовать платформы больших данных для контроля общественного мнения, и создать модель общественного мнения в средствах массовой информации для освещения вопросов миграции. Когда общественное мнение значительно отличается от ожиданий, правительство должно использовать интеллектуальный метод контроля. Платформы больших данных дадут раннее предупреждение и укажут на идеологически неверную направленность текстов, которая может вызвать возмущение общественное мнения, а также предложит возможные стратегии преодоления. Стоит отметить, что, хотя интеллектуальный метод надзора, основанный на технологиях больших данных и искусственного интеллекта, улучшил качество контроля за сообщениями СМИ по вопросам миграции, результаты контроля по-прежнему необходимо определять вручную, учитывая сложность и скрытность китайской идеологии ^[14]. С увеличением базы данных СМИ об иммиграции, а также с совершенствованием алгоритмов общественного мнения и идеологического контроля интеллектуальные методы контроля постепенно заменят традиционный ручной контроль, что также является неизбежным результатом освещения иммиграции в СМИ в контексте китайской идеологии.

Данные направления изменений позволят совершенствовать механизм надзора над материалами СМИ о миграционных вопросах и позволят СМИ эффективнее влиять на общественное мнение в рамках китайской идеологии. Это позволит и дальше продвигать в материалах СМИ такие аспекты, как власть КПК, марксизм, коллективизм, китайский национализм и «Китайскую мечту», предоставляя читателям достоверную и идеологически выверенную информацию о миграционных процессах в стране, тем самым регулируя чувствительную для страны тему, позволяя избежать незапланированных сдвигов общественного мнения.

Библиография

1. Чэнь Сюцин. Современные характеристики и вызовы идеологической безопасности нашей страны // Социолог. 2024. №1. С.173-181.
2. Национальная иммиграционная администрация провела пресс-конференцию, посвященную основной информационной сети иммиграционного управления в первом квартале 2024 года // Веб-сайт Национальной иммиграционной администрации, 18.04.2024
3. Е Цыкун. Исследование международного сотрудничества в современном глобальном управлении миграцией. Народный университет общественной безопасности Китая, 2023.
4. Хань Сяофэн. Дубайский город драконов: новый ландшафт китайского общества зарубежных иммигрантов. Педагогический университет Шэньси, 2022 г.
5. Ли Хайфэн. Новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК // China Review News. 12.10.2007.
6. Анохина Е. С. Китайские диаспоры США и Канады и «Новая» китайская миграция. // Вестник Томского государственного университета. 2012. №355. С 51-54.

7. Академия социальных наук внесла уточнение: средний показатель иммиграции за последние три года составил всего 190 000 человек//People's Day. 19.06.2014
8. Богатые спровоцировали волну иммиграции, опасаясь краха экономики Китая//szhgh.com . 02.11.2011
9. СМИ задавали вопросы о "третьей волне иммиграции" для жизни и иммиграции для детей// Газета CPPCC участвовала во взаимодействии. 31.12.2012 URL: <https://www.chinanews.com/hr/2012/12-31/4450083.shtml> (дата обращения: 10.07.2024 г.).
10. Управление въезда-выезда Министерства общественной безопасности представляет три характеристики нынешних нелегальных иммигрантов//Синьхуа. 21.11.2005// Газета CPPCC участвовала во взаимодействии. 31.12.2012 URL: https://www.gov.cn/jrzg/2005-11/21/content_104900.htm (дата обращения: 10.07.2024 г.).
11. В деятельности нелегальной иммиграции наметились новые тенденции, и представитель Национальной иммиграционной администрации выступил с заявлением // Актуальные новости. 07.02.2024 URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1803472807760014547&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.07.2024 г.).
12. Кузнецов, Д. В. Китайский национализм и внешнеполитическая составляющая массового сознания жителей КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : Материалы IV международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 14–19 мая 2014 года. 2014. С. 455-468.
13. Ван Южань. Средства массовой информации имеют ограниченное влияние на общественное мнение, связанное с иммиграцией // Китайский журнал социальных наук. 2021. №04.
14. Е Байхэ. Русская лилия. Критический дискурсивный анализ новостных сообщений об "иммиграционном кризисе" в британских СМИ. Университет Ланьчжоу Цзяотон, 2021

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Все чаще в научных проектах появляются темы связанные с освещением и анализом действий СМИ Китая. Это не может не радовать, ибо объективность развития средств информации, форм регулирования общественного мнения является тем пределом, который так или иначе должен быть представлен широкой аудитории. Автор статьи отмечает, что «на протяжении последних десятилетий освещение вопросов миграции является важной темой в китайских СМИ. Миграция является важным аспектом как внутренней, так и внешней политики Китая. Начало XXI века охарактеризовались третьей волной миграции в Китае. У этой миграции, характерной для эры глобализации, были различные причины (экономические, политические, семейные и прочее), однако так или иначе Китай в настоящее время является четвертой в мире страной по количеству мигрантов, проживающих за рубежом. С другой стороны, по мере развития, Китай также столкнулся в определенной степени с кадровым голодом, и к 2020-ым гг. государством также были предприняты первые попытки создать программы привлечения иностранных талантов на работу и учебу в Китае». Пожалуй, с этим сложно не согласиться, признать данный факт очевидным. Цель и задачи исследования наукоемки: «целью данного исследования является выявление влияния китайской идеологии на освещение в СМИ миграционных вопросов. Объектом исследования являются материалы китайских СМИ о вопросах миграции в период последних 20 лет (2004-2024 гг.). Предметом исследования является идеологический аспект освещения вопросов

миграции в китайских СМИ. Методология данного исследования включала в себя контент анализ текстов китайских новостных СМИ, анализ китайских документов, посвященных вопросами миграции, вопросам медиаполитики и вопросам идеологии. Использовались также такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция». В целом и методологическая база инверсивна, что позволяет провести анализ полновесно и целостно. Стиль работы соотносится с научным типом, серьезных недочетов не выявлено. Диалог с оппонентами / читателями выровнен: «Китай имеет долгую пятитысячную историю. Новый этап развития Китая как государства начался во второй половине XX в., когда во главу страны встала Коммунистическая партия Китая. В этот период в целях обеспечения стабильного социально-экономического развития Китая и поддержания надлежащего общественного порядка по всей стране было сформировано идеологическое понимание абсолютного подчинения руководству партии. Согласно китайской идеологии, народ абсолютно доверяет партии, решительно подчиняется ее руководству и выполняет ее решения. При абсолютном подчинении руководству партии она может разрешить застарелые социально-идеологические споры и сыграть чрезвычайно важную роль в стабилизации социальной среды». Термины и понятия, которые используются в тексте статьи унифицированы: «В рамках настоящего исследования было проанализировано 40 текстов китайских СМИ, касающихся миграционных вопросов, во временном диапазоне с 2004 по 2024 гг. С момента образования Нового Китая китайские СМИ публиковали различные репортажи по вопросам иммиграции. Ранее материалы СМИ сводились к публикации сухих фактов, сегодня же освещение вопросов миграции в китайских СМИ больше не ограничивается цифрами, а постепенно изучите влияние проблем миграций на общество и их решение, расширив освещение событий в СМИ и внедрив инновационные методы освещения событий в СМИ.[3] Благодаря разнообразным медиа-платформам актуальные проблемы иммиграции своевременно и точно освещаются во всех сферах жизни[4]». Ссылки даются в формате издания, серьезная правка излишня. Считаю, что работа имеет должный логический ценз, вариатив связности имеет нужную магистраль: например, «Таким образом, освещение в СМИ проблемы оттока талантливых кадров как правило сводится к «тушению» общественной обеспокоенности по данному вопросу. СМИ придерживаются распространения благоприятных для общества новостей и не прибегают к острым темам, спорной статистике, алармистской риторике и кричащим заголовкам». Предел диалога мнений выходит на конструктивный уровень, отчасти он может быть продолжен: «Как отмечает Д.В. Кузнецов «совершенно очевидным является тот факт, что в последнее время в Китае наблюдается рост национализма, причем наибольшее распространение идеи китайского национализма получили среди представителей молодого поколения граждан КНР. Отчасти эти процессы контролируются властями КНР, которые в значительной степени заинтересованы в том, чтобы жители страны имели определенные идеологические ориентиры, придерживались их в своих взглядах». Считаю, что выводы по тексту серьезные, точны, обстоятельны: «Данные направления изменений позволяют совершенствовать механизм надзора над материалами СМИ о миграционных вопросах и позволят СМИ эффективнее влиять на общественное мнение в рамках китайской идеологии. Это позволит и дальше продвигать в материалах СМИ такие аспекты, как власть КПК, марксизм, коллективизм, китайский национализм и «Китайскую мечту», предоставляя читателям достоверную и идеологически выверенную информацию о миграционных процессах в стране, тем самым регулируя чувствительную для страны тему, позволяя избежать незапланированных сдвигов общественного мнения». Автору удалось раскрыть заявленную тему, цель работы как таковая достигнута, фактические задачи исследования решены. Рецензируемая статья «Освещение в СМИ миграционных вопросов в контексте китайской

идеологии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юй Л. Китайский текст в рассказах В. Сорокина «Concrete» и «Ю» // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71446 EDN: POWZEE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71446

Китайский текст в рассказах В. Сорокина «Concrete» и «Ю»

Юй Линхун

ORCID: 0000-0003-2461-8318

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ yu_linghong@yahoo.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71446

EDN:

POWZEE

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2024

Дата публикации:

14-08-2024

Аннотация: Статья посвящена выявлению и анализу китаизмов и других маркеров китайской культуры в рассказах Владимира Сорокина «Concrete» и «Ю», входящих в сборник «Пир» в 2001 году. Автор подробно рассматривает китайские мотивы в вышеуказанных рассказах, а также анализирует восприятия образа Китая в социальнокультурном контексте в России. Напомним, что в предыдущем романе «Голубое сало» уже прослеживается заинтересованность автора Китаем. Влияние китайской культуры на творчество Сорокина заметно и в рассказах «Concrete» и «Ю». На основе раблезианских гастрономических гипербол писатель продолжает свой лингвистический эксперимент, опираясь на идею русско-китайского симбиоза в футурологическом мире. Важно отметить, что Сорокин всегда шел в ногу со временем, «впитывая» в себя дух эпохи. Так, в его творчестве нашли отражение геополитическая идея «неоевразийства» Дугина 1990-х годов, а также нарастающий интерес россиян к китайской культуре.

Придерживаясь постмодернистской эстетики, Сорокин в своих текстах подвергает деконструкции сам исторический процесс, намекая на возможную «китайскую гегемонию» в будущем. Помимо этого, в обоих рассказах проявляется интерес Сорокина к китайской философии. Например, даосская идея о переходе противоположностей друг в друга может быть соотнесена с противопоставлением в творчестве Сорокина эстетики безобразного прекрасному. Автором был проведен анализ произведений писателя с использованием структурно-семиотических и культурно-исторических методов, позволяющих более глубоко понять китайские мотивы в творчестве Сорокина. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе китайских «элементов» в упомянутых рассказах, что, позволяет, с одной стороны, проиллюстрировать особенности создания «новорусского» языка Сорокиным, его творческий метод, с другой — отображает те социокультурные тенденции, которые были небезынтересны автору и нашли свое отражение в его творчестве. Используя в качестве стилистической доминанты гастрономические гиперболы раблезианского типа и типичные постмодернистские приемы Сорокин в «Пире» деконструирует историю и прогнозирует «китайскую гегемонию». В результате показано, что китайская культура играет немаловажную роль в творчестве и сознании Сорокина: писатель изображает столкновение и диалог между разными культурными цивилизациями, пытаясь найти выход для России через «алхимический брак» с Китаем.

Ключевые слова:

Владимир Сорокин, Concretnые, Ю, китаизмы, китайский текст, транскультура, даосизм, образ Китая, тотаритаризм, постмодернизм

Владимир Сорокин является одним из самых известных писателей в современной русской литературе. Будучи ярким представителем концептуализма и постмодернизма, он известен в своем творчестве деконструкцией различных узнаваемых дискурсов и тошнотворными натуралистическими описаниями. Между тем он и является гурманом — кулинария имеет особое значение в произведениях Сорокина: «это нечто, пусть неявно, но стимулирующее автора» ^[1]. Так, в 2001 году писатель публикует свой сборник «Пир», состоящий из 13 рассказов, где отдельное внимание уделено теме еды. В беседе с Борисом Соколовым писатель отмечал: «Меня всегда интересовала еда, и как физиологический акт, приносящий удовлетворение, и как язык коммуникации, объединяющий людей» ^[2]. В другом интервью он заявил: «Если брать кухни разных народов, то это, по сути, это языки» ^[3]. В «Пире» Сорокин наполняет в свои литературные и языковые эксперименты гастрономической образностью, что привлекло особое внимание критиков. Соколов в своей статье указывает, что «едой, равно как и её потребителями, по мысли Сорокина, может стать все. Растения, животные, рыбы, птицы, люди, вещи, слова, буквы, речи, события, лозунги, молитвы, чувства, жуткие продукты генной инженерии в обществе будущего, экскременты и даже пустота» ^[4]. По мнению Липовецкого: «Сорокин исследует кулинарную образность, представляя ее как процесс буквального поглощения культуры (в конечном счете, превращаемой в экскременты)» ^[5].

Кроме, казалось бы, противоестественного союза еды и литературы, показано, что в этом сборнике Сорокина находят свое развитие новорусского языка будущего, который уже прослеживался в предыдущем романе «Голубое сало». Отмечено, что большая часть неологизмов в «Голубом сале» происходит из иностранных слов, в том числе включая обилие

китаизмов. В отличие от других используемых в романе иноязычных слов, писатель употребляет китаизмы в качестве ругательств и совершает языковое насилие. По признанию писателя, у него «довольно давно и спонтанно возникла очарованность Китаем» [6]. Кроме того, он утверждал, что «Китай можно спокойно изучать через китайскую кухню» [7]. Как видно из приведенных цитат, анализ влияния китайской культуры на Сорокина сквозь призму гастрономической образности имеет под собой необходимые основания.

Рассказ «Concretные» написан как пьеса и строится на диалоге трех «китаизированных» молодых человек в будущей Москве. В этом квазиисторическом мире молодежь говорит на гибридном новорусском языке с обилием окказионализмов и авторских неологизмов, что является прямым продолжением «лингвистической» линии, берущей начало в «Голубом сале». Варваризмы, большую часть которых составляют китаизмы, англицизмы и галлицизмы, выполняют функцию фонетической заумы в рассказе. Тем не менее, когда речь идет о китаизмах, можно заметить, что, по сравнению с большим количеством обценной лексики и матерных высказываний в «Голубом сале», в рассказе только одно слово — «вамбадан» — [8] используется Сорокиным как ругательство, остальные же употребляемые слова являются обиходно-бытовыми выражениями. Более того, объяснения почти всех заимствованных китаизмов можно найти в словарики, который помещен в конце рассказа, что делает речь молодых людей в рассказе более доступной и понятной. Китаизмы здесь не мешают восприятию текста, а придают рассказу особый комический эффект и экзотический характер за счет их необычного произношения. Как указывает Соколов: «Сорокин умеет придать какой-то внутренний драматизм даже заведомой абракадабре, так что читается она просто захватывающе. <...> Поэтика может не зависеть от смысла речь — доказывает Сорокин» [9].

По сравнению с «Голубым салом», в рассказе наблюдается больше предложений, которые полностью состоят из транслитерации китайских слов. Например, существуют такие китайские фразы, как «Во баолэ!» (Я сыт), «Во элэ!» (Я голоден), «Ни хэдянь шэньмэ?» (Что будете пить?), «Ни цзяо шэньмэ?» (Как вас зовут?) [10] и т. д. Употребление изысканно «округлых» фраз на китайском языке в «Concretных» может в какой-то мере являться свидетельством размышлений Сорокина над судьбой будущей России. Родной язык, часто подвергающийся влиянию иностранных языков и культур, занимает особое место в русской ментальности: «Язык – народ, в нашем языке это синонимы, какая в этом глубокая мысль! Это отождествление языка и народа прочно закрепилось в русской национальной психологии, в русской литературе» [11]. Известно, что многие отечественные литераторы призывали и призывают к защите чистоты русского языка, но творчество Сорокина тяготеет к противоположному полюсу — не только в «Concretных», но и в его других произведениях часто встречается так называемый «макаронический стиль».

С одной стороны, заимствованные китаизмы и кальки из китайского являются важным элементом художественного мира Сорокина — использование значительного количества неологизмов и окказионализмов, созданных писателем для передачи языка футурологической России, считается типичным приемом постмодернистского коллажа и языковой деконструкции. С другой стороны, это может быть рассмотрено и как метод размышления Сорокина над будущими отношениями между Китаем и Россией. Известно, что «макаронически» произведения могут быть отражением естественного состояния в культурах с широко распространенным билингвизмом или подверженных сильному влиянию другого языка» [12]. В художественном мире Сорокина описывается будущее России, оказавшейся под сильным влиянием китайской культуры, что в какой-то мере может свидетельствовать о тяготении писателя к идее русско-китайского симбиоза. Сорокин сам не раз упоминал о своем

интересе к Китаю: «В Китае потрясает громадная потенция, чисто физиологическая. <...> Они совсем другие, поэтому меня и завораживает идея китайской гегемонии. Завораживает идея алхимического брака между Китаем и Россией. Мне кажется, из этого может выйти нечто великолепное» [\[13\]](#).

Кроме китайских вкраплений в новорусском языке, в «Concretных» существует еще один интересный нюанс, на который стоит обратить внимание. В рассказе герои направляются в литературно-гастрономические путешествия в «TRIP-КОРЧМУ», расположенную между улицей Вернадского и Мао Цзэдуна [\[14\]](#). Мао Цзэдун, вождь китайской компартии и первый лидер КНР, в середине 1960 гг. возглавил пролетарскую культурную революцию и стал единственным кумиром миллиарда китайцев. Сопровождаясь чудовищными зверствами, культурная революция вызвала волну самоубийств среди интеллигенции и привела к упадку общественной жизни. Как указывают исследователи: «...его борьба с антисоциализмом являлась в большей степени борьбой за личную власть, за беспредельное утверждение собственного политического могущества на фоне тотального неприятия инакомыслия и подавления всякой инициативы в процессе социалистического строительства» [\[15\]](#). Это и обосновывает утверждение, что Мао — «китайский Сталин» [\[16\]](#). Можно считать, что Сорокин неслучайно выбирает улицу Мао Цзэдуна вместо реально существовавшего Ленинского проспекта — кроме намеренной постмодернистской «манипуляции» историей России и Китая, писатель таким образом деконструирует культ личности и тоталитарную культуру в общем.

В «Concretных» также читается пародия на идеологический контекст России 1990-х гг. На волне капиталистической глобализации и психологической путаницы возникла геополитическая идеология «неоевразийства», пытающаяся найти пути к достойному существованию для народов и ставшая одним из наиболее популярных идейных течений в переходные годы. Помимо улицы Мао Цзэдуна, писатель нарочно выбирает улицу (проспект) Вернадского, названную в честь В. И. Вернадского, сын которого, Георгий Вернадский, являлся одним из лидеров евразийского движения, идеи которого впоследствии унаследованы неоевразийством [\[17\]](#). Т. Филимонова отмечает в своей статье: «В 1999 году, когда вышел роман “Голубое сало”, в российской политике неоевразийство часто ассоциировалось с синойсферой. В массовом понимании евразийства и неоевразийства часто подчеркивались новые политические связи между Россией и Китаем» [\[18\]](#). Учитывая год издания «Голубого сала» (1999), можно считать, что данное высказывание подходит и к рассказу «Concretные», опубликованному в 2001 году. Подобная тема и поднимается в работе Б. Солова, который развивает мысль о том, что сюжет перекрестия улиц Вернадского и Мао Цзэдуна в «Concretные» прогнозирует «китайское засилье» в будущем [\[19\]](#). Таким образом, TRIP-КОРЧМА, расположенная между улицей Вернадского и Мао Цзэдуна, является своего рода политической пародией-аллегорией Сорокина на идею неоевразийства.

Если говорить о рассказе «Ю», в котором действие перенесено в будущее, то еда рассматривается как дело государственной важности: «Повара — это сердце мира» [\[20\]](#). Сам Сорокин утверждал в своем интервью о схожести столь разных, на первый взгляд, областей — кулинарии и литературы: «Собственно, приготовление пищи, приготовление какого-то сложного блюда — это, в общем, некий сюжет. В самом процессе много литературного» [\[21\]](#). Весь рассказ о поваре Ю строится на противопоставлении натуральной и клонированной пищи, в деталях описывается процесс их приготовления. В этом фантастическом мире тоже говорят на гибридном языке с китайскими и английскими вкраплениями: «Сорокин в традициях восточной кухни смешивает, комбинирует, делает попытки завуалирова

ть ингредиенты разных языков, и на выходе получает рассказ "Ю", полный словесных монстров, готовых к непосредственному "употреблению в пищу" читателем» [22].

Стоит отметить, что удельный вес китаизмов в «Ю» гораздо ниже, чем в рассказе «Concreteные». Более того, подавляющее большинство китайских слов разбросаны в рассказе без дальнейших разъяснений — они в основном используются в названиях кулинарных шедевров повара Ю: «Охота императора Цзе-вана на вепря», «Красавица Си Ши под цветущей сливой», «Пьяный Ли Бо», «Гуси над Хуан Хэ», «Цао Цао пытается разбойника», «Любовь Тао Юань-мина», «Лисица-оборотень» [23] и т.д. Анализируя ряд названий блюд, можно отметить, что большая часть из них взята из китайской истории или связана с древнекитайской литературой. Кроме этого, китайские имена (Тянь Хуа, Шуйцайхуа, Лю Рех, Цань Дай-жу) и некоторые ингредиенты китайских блюд (фаршированные кочаны по-сычуаньски, сянгю жоу) тоже встречаются на страницах рассказа. Чуждо звучащие китайские наименования без дальнейших объяснений не только создают восточный колорит в рассказе, но и в очередной раз доказывают, что фонетический облик китаизмов для Сорокина важнее, чем их смысловые значения.

В отличие от прямой транскрипции бытовой речи «Concreteные», в рассказе «Ю» используется ряд китайских фразеологизмов, переведенных Сорокиным на русский язык. Например, «приказать слюне журчать» (кит.: 垂涎欲滴, жажда), «красть колокол, заткнув уши» (кит.: 掩耳盗铃, обманывать самого себя), «когда дерево падает — обезьяны разбегаются» (кит.: 树倒猢猻散, когда падает главарь, за ним валятся и все помощники). Более того, писатель создает немало таких псевдокитайских выражений, как «перебирать невидимую чечевицу» [24], «находить горшок с барсучьим салом» [25] и т.д.

Отмечается, что «Ю» содержит в себе больше элементов китайского культурного кода, чем «Concreteные». Кроме языковой стратегии, в рассказе «Ю» также существует много других элементов китайской культуры, проникающих в повседневную жизнь футурологической России. Во-первых, здания, по своим очертаниям напоминающие китайские иероглифы, — Дворец в форме иероглифа шунь (благополучие). Во-вторых, предметы обихода, копирующие элементы китайской культуры, — «замок Долголетия» [26], под которым подразумевается украшение в форме замка-амулета, — благословение на долгую жизнь; широкая труба из расщепленного бамбука, «бамбуковая жена» [27], своеобразное приспособление для проветривания помещения. Такое всестороннее культурное влияние Китая на Россию в художественном мире «Ю» отражает социально-психологическую ситуацию в России на рубеже XX — XXI веков: на фоне экономического кризиса и напряжения в обществе стало заметно, что после введения политики реформ и открытости Китай начал стремительно развиваться, а укрепление и углубление российско-китайских отношений способствовало культурному обмену и сближению двух стран. В этом отношении образ Китая оказался важным элементом в современной русской литературе. На это обратили внимание и китайские исследователи: «Было бы удивительно, если бы в произведениях современной русской литературы не возникло феноменов и эстетических явлений, связанных с Китаем. Как древний и загадочный, так и современный Китай используется писателями как средство для привлечения внимания русских читателей» [28]. Таким образом, Сорокин в своем тексте хорошо иллюстрирует растущий интерес россиян к языку и культуре Китая.

Еще следует отдельно сказать о китайской философии в «Ю». Об этом свидетельствует само имя героя, произношение которого напоминает иероглиф «有», что значит «присутствующий». «Ю» вместе с «У» (кит. 无, «отсутствующий») составляют антиномическую пару в даосской системе. В отличие от понятий «бытие» и «небытие» в онтологическом дуализме

ме западной философии, между китайскими «Ю» и «У» нет такого противоречия. По мнению основоположника даосизма Лао-цзы, они условны, преходящи и могут меняться местами. В финальной части рассказа повар Ю, изначально созданный как продолжатель традиции натуральной пищи, вписан в историю как «Проводник-Естества-Напоминавший-О-Силе-Противоестественного» [29]. Невозможность пробудить во Властелине мира вкус к Естеству, неизбежно привела к гибели Ю, после чего его навечно поставили в центре Главной Праздничной Кухни в назидание потомству — на случай, если то попытается использовать вместо клонированных продуктов натуральные. Повара Ю помнят вечно и после его смерти, что в некотором смысле подтверждает учение древнего даосизма: все вещи в действительности не отрицают, а дополняют друг друга. Как Лао-цзы указывает в «Дао-дэ цзине»: «天地万物生于有,有生于无» («Все вещи в мире исходят из сущего [Ю], а сущее исходит из несущего [У]» [30]); «此两者,同出而异名» («То и другое являются совместно, но именуются по-разному» [31]).

Диалог между Ю и другими поварами перед Выпускным Банкетом тоже наполнен даосской философией. Именно высказывание Ю о том, что он не хочет стать придворным поваром, показывает его желание получить это звание:

«– Моя? – – хотеть того, чего не хочется. Например – колпака придворного повара.

– Ты не – – хочешь им стать?

– Наоборот. Я + + не хочу им стать, а значит – Я ИМ СТАНУ!» [32]

Обратимся в следующей фразе Лао-цзы: «逝曰‘远’,远曰‘反’» («“Всегда в движении” значит “удаляется без конца”, “удаляется без конца” значит “возвращается”» [33]). Эту фразу можно понять таким образом: с одной стороны, все сущее вечно движется и меняется; с другой — оно находится в круговороте бытия. У каждой вещи две стороны, и эти две стороны могут перетекать друг в друга. Когда вещь достигает своего предела, она переходит в противоположное — иными словами, в каждой вещи существует перспектива взаимной обратимости или взаимной проницаемости. В даосизме имеется такое совершенное состояние, известное как «Мин» (кит.明, «просветление»), которое подразумевает осознание неизменных законов, управляющих изменением вещей. Чтобы достичь состояния просветления, необходимо знать законы природы и соблюдать их. Если говорить неким общим «правиле» для человека, то оно следующее: «Если человек хочет достичь чего-нибудь, он начинает с противоположного, а если он хочет сохранить что-либо, он допускает в это что-то противоположное. Желаящий быть сильным должен начать с ощущения, что он слабый» [34].

Подобный пример, демонстрирующий применение Сорокиным даосской мысли «перехода в собственную противоположность» появляется в другом эпизоде рассказа: накануне Выпускного Банкета повара Ю, MUO MUO и Petroff не спали и медитировали на шарах, после чего MUO MUO признается, что его одолевает беспокойство. По мнению Ю, «милый сердцу MUO MUO беспокоится, потому что + + хочет [надеть желтый колпак придворного шеф-повара]. А нужно – – хотеть. Тогда все будет gold» [35]. Кроме вышеуказанных, то, что Ю в итоге превратили в его полную противоположность, тоже о даосской философии «перехода в собственную противоположность».

Идея о «переходе в собственную противоположность» как способе достичь состояния просветления в даосизме в определённой мере перекликается с эстетикой безобразного в творчестве Сорокина: «Искусство, убеждает нас автор “Пира”, как раз и должно создава

ть нетленный чудный образ, отображая действительность крови и кала» [36]. По признанию самого Сорокина, его в литературе «интересует именно безумие: чем чудовищнее тексты, тем это лучше» [37]. В художественном мире Сорокина общепринятые нормы и правила человеческого общества показались бы неуместными: художественный мир «Ю», например, состоит из большого количества натуралистических сексуальных и кровавых сцен, чудовищного обжорства, актов дефекации и т.д. С этой точки зрения писатель и выражает свое отношение к традиционной эстетике, основанной на категории «прекрасного», доказывая что в литературе прекрасное и безобразное могут переходить друг в друга.

Как в «Голубом сале», так и в рассказах «Concreteные» и «Ю» Сорокин, увлеченный созданием футурологического языка, продолжает лингвистический эксперимент, создавая гибридный новорусский язык с обилием китайских вкраплений. Было показано, что Сорокин в своих текстах выстраивает оригинальную сатирическую модель будущего, основанную на предельном смешении различных культур, в частности, китайской и русской. Используя в качестве основного «метода» раблезианскую гастрономическую гиперболизацию, Сорокин изображает столкновение и диалог двух разных культурных цивилизаций, пытаясь найти выход для будущей России. Мы видели, что Сорокин, с одной стороны, с точностью ловит «нервные узлы общества» [38] (уже упоминалось, что геополитическая идея «неевразийства» Дугина 1990-х годов и растущий интерес россиян к китайской культуре нашли отражения в его творчестве), с другой — «подпитывается» философскими идеями Востока.

Библиография

1. Соколов Б. В. Моя книга о Владимире Сорокине. — М.: АИРО-XXI, 2015. С. 131.
2. Соколов Б. В. Моя книга о Владимире Сорокине. — М.: АИРО-XXI, 2015. С. 37.
3. Сорокин В.Г. Диалог о еде / беседовал И. Смирнов // Современная русская литература. 2001. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/texts/eda.htm>
4. Соколов Б. Жрать «Пир» Владимира Сорокина. 2001. Режим доступа: <https://srkn.ru/criticism/sokolov3.shtml>
5. Липовецкий М. Н. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. 2013. № 120. С. 234.
6. Сорокин В. Г. Собачье сердце / беседовал И. Кормильцев // Rolling Stone. 2006. № 11. С. 38-42.
7. Сорокин В.Г. Диалог о еде / беседовал И. Смирнов // Современная русская литература с В. Курицыным. 2001. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/texts/eda.htm>
8. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 363.
9. Соколов Б. В. Моя книга о Владимире Сорокине. — М.: АИРО-XXI, 2015. С. 36.
10. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 363.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. — Ленинград: Наука, 1981. Т. 23. С.423.
12. Марусенков М. П. Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина. Заумь, гротеск и абсурд. — СПб.: Алетейя, 2012. С. 128.
13. Сорокин В. Г. Собачье сердце / беседовал И. Кормильцев // Rolling Stone. 2006. № 11. С. 38-42.
14. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 351.
15. Бондарева В. В. Политическая оппозиция Мао Цзэдуна в середине 1960-х гг.: курс на «Культурную революцию» // Научный диалог. 2015. №8 (44). С.76.

16. Иванов Г. Китайский Сталин. Почему Мао Цзэдуна часто сравнивают с советским вождём? // Аргументы и факты. 2012. Режим доступа: https://aif.ru/society/history/kitayskiy_stalin_pochemu_mao_czeduna_chasto_sravnivayut_s_sovetskim_vozhdyom
17. Орлик И. И. Евразийская идея: возникновение и эволюция // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. №4. С. 9.
18. Filimonova T. «Chinese Russia: Imperial Consciousness in Vladimir Sorokin's Writing» // Region. 2014. Vol. 3. № 2. Pp. 228.
19. Соколов Б. В. Моя книга о Владимире Сорокине. — М.: АИРО-XXI, 2015. С. 37.
20. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 430.
21. Сорокин В. Г. Россия хранит золотые запасы мракобесия / беседовал А. Архангельский // Огонек. №10. 2017. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3235600>
22. Хабибулина М.Н. Кулинарная vs культурная трансгрессия в рассказе В. Сорокина «Ю» // Русская и белорусская литература на рубеже XX-XXI веков. — Минск: РИВШ, 2014. С. 182-188.
23. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 446.
24. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 446.
25. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 449.
26. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 445.
27. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 448.
28. 郑永旺. 当代俄罗斯文化软实力与文学关系研究. [М].北京:中国社会科学出版社, 2023年. 261页. (Чжэн Юнван. Исследование взаимосвязи между мягкой силой и литературой в современной российской культуре — Пекин: Изд-во Китай. акад. обществ. наук, 2023. С. 261.)
29. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 449.
30. Лао Цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин): с комментариями и объяснениями/ пер. с кит., сост., предисл., коммент. В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2018. С. 101.
31. Лао Цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин): с комментариями и объяснениями/ пер. с кит., сост., предисл., коммент. В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2018. С. 21.
32. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 440.
33. Лао Цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин): с комментариями и объяснениями/ пер. с кит., сост., предисл., коммент. В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2018. С. 70.
34. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. — СПб.: Евразия, 1998. С. 122.
35. Сорокин В. Г. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Ad Marginem, 2002. Т.3. С. 440.
36. Соколов Б. В. Моя книга о Владимире Сорокине. — М.: АИРО-XXI, 2015. С. 57.
37. Сорокин В.Г. Самое скучное — это здоровые писатели / беседовал С. Шаповал // Столица. 1994. № 42 (204). С. 44.
38. Сорокин В. Г. Доктор Сорокин / беседовал И. Гавриков. 2005. Режим доступа: <https://srkn.ru/interview/gavrikov.shtml>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проза Владимира Сорокина в массе критических источников рассмотрена достаточно объемно: есть серьезные статьи, изыскания, монографические работы, диссертационные проекты. Исследователей привлекает многое что, детально разбираются сюжеты, подвергается анализу образы, темы, не исключается, безусловно, и смысловой вектор его текстов. Собственно, и т.н. «китайский текст» упоминается в качестве одного из производных авторского дискурса. На мой взгляд, это правомерно, синтез разных культур дает возможность, отчасти, и предугадать развитие отечественной, да и мировой истории. Рецензируемая статья относится к работам аналитического типа, методика анализа рассказов / малых форм, которые выбраны автором, современна, конструктивна. Общая оценка «китайского текста» у В. Сорокина дана в логически выверенном режиме, должная аргументация превалирует в тексте рецензируемого сочинения. Научной (критической) базой работы являются труды М.Н. Липовецкого, Б.В. Соколова и других исследователей. Стиль статьи соотносится с собственно научным типом: например, «Рассказ «Concretные» написан как пьеса и строится на диалоге трех «китаизированных» молодых человек в будущей Москве. В этом квазиисторическом мире молодежь говорит на гибридном новорусском языке с обилием окказионализмов и авторских неологизмов, что является прямым продолжением «лингвистической» линии, берущей начало в «Голубом сале». Варваризмы, большую часть которых составляют китаизмы, англицизмы и галлицизмы, выполняют функцию фонетической зауми в рассказе», или «В художественном мире Сорокина описывается будущее России, оказавшейся под сильным влиянием китайской культуры, что в какой-то мере может свидетельствовать о тяготении писателя к идее русско-китайского симбиоза. Сорокин сам не раз упоминал о своем интересе к Китаю: «В Китае потрясает громадная потенция, чисто физиологическая. <...> Они совсем другие, поэтому меня и завораживает идея китайской гегемонии. Завораживает идея алхимического брака между Китаем и Россией. Мне кажется, из этого может выйти нечто великолепное» и т.д. Ссылки и цитации даются в режиме издательского норматива. Однако считаю, что статью следует высчитать, чтобы убрать явные ошибки и опечатки: например, «кроме, казалось бы, противоестественного союза еды и литературы, показано, что в этом сборнике Сорокина находят свое развитие новорусского языка будущего...», или «весь рассказ о поваре Ю строится на противопоставлении натуральной и клонированной пищи, в детях описывается процесс их приготовления» и т.д. Детально автор статьи останавливается на языковом уровне текстов В. Сорокина, разбирает их точно, объективно: «в отличие от прямой транскрипции бытовой речи «Concretные», в рассказе «Ю» используется ряд китайских фразеологизмов, переведенных Сорокиным на русский язык. Например, «приказать слюне журчать» (кит.: 垂涎欲滴, жажда), «красть колокол, заткнув уши» (кит.: 掩耳盗铃, обманывать самого себя), «когда дерево падает — обезьяны разбегаются» (кит.: 树倒猢猻散, когда падает главарь, за ним валятся и все помощники). Более того, писатель создает немало таких псевдокитайских выражений, как «перебирать невидимую чечевицу» [24], «находить горшок с барсучьим салом» [25] и т.д. Сорокинский нонтекст в работе также учтен, это необходимо для полновесности анализа, раскрытия темы: например, «как в «Голубом сале», так и в рассказах «Concretные» и «Ю» Сорокин, увлеченный созданием футурологического языка, продолжает лингвистический эксперимент, создавая гибридный новорусский язык с

обилием китайских вкраплений. Было показано, что Сорокин в своих текстах выстраивает оригинальную сатирическую модель будущего, основанную на предельном смешении различных культур, в частности, китайской и русской. Используя в качестве основного «метода» раблезианскую гастрономическую гиперболизацию, Сорокин изображает столкновение и диалог двух разных культурных цивилизаций, пытаясь найти выход для будущей России...» и т.д. Серьезных недочетов в работе не выявлено, материал уместно использовать в формате изучения творчества Владимира Сорокина. Тема как таковая раскрыта, поставленная цель достигнута. Рекомендую рецензируемую статью «Китайский текст в рассказах В. Сорокина «Concretные» и «Ю» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Быстров Н.А. Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной области «Civil War» как объект лингвистического анализа (текстовый уровень) // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71463 EDN: PTCEJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71463

Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной области «Civil War» как объект лингвистического анализа (текстовый уровень)

Быстров Никита Александрович

ORCID: 0009-0005-9683-7116

аспирант; кафедра английского языкознания; Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

121615, Россия, г. Москва, Рублевское, 18к1

✉ nikbyst.notabene@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71463

EDN:

PTCEJH

Дата направления статьи в редакцию:

12-08-2024

Дата публикации:

19-08-2024

Аннотация: Политический дискурс является крайне динамичным и постоянно изменяющимся явлением, основной целью которого является убеждение реципиента в собственной правоте, а также создание в его сознании определенной системы эмоциональных образов, влияющих на интерпретацию окружающего мира и, соответственно, его поведение. Эти образы скрываются за концептуальными структурами, которые, взаимодействуя между собой в рамках дискурса, создают концептуальные комплексы, направленные на решение общей концептуальной задачи. Данная особенность дискурса актуализирует задачу изучения коммуникативно-прагматических параметров вербального разворачивания в дискурсе концептуальных структур. Целью данной работы является анализ вербально-репрезентативных

характеристик концепта "Civil War" на текстовом уровне в современном американском политическом дискурсе, а также его коммуникативно-прагматические свойства. Автор использует методы дискурсивного, контекстуального, концептуального и дефиниционного анализа для выявления особенностей данного контекста и анализа функционирования концептуальных структур в рамках этого контекста. Исследование продемонстрировало, что концепты могут находить свою репрезентацию в отдельных структурно-содержательных элементах текста, направленных на эффективное достижение единой коммуникативно-прагматической задачи, т.е. оказать воздействие на процесс интерпретации адресатом такого текста. Новизна исследования обусловлена привлечением элементов концептуального анализа к исследованию коммуникативно-прагматического потенциала текста и попыткой рассмотрения текстового целого в качестве репрезентанта содержательной области концепта. Дальнейшая разработка лингвопрагматических и концептологических подходов к изучению национальных политических дискурсов составляет теоретическую значимость исследования. Также результаты исследования могут использоваться при разработке учебных пособий по лингвистике текста для студентов-филологов, а также специализированных пособий по изучению языка для студентов переводческого и политологического профилей.

Ключевые слова:

политический дискурс, прагматика текста, когезия текста, когерентность текста, коммуникативно-прагматическая задача, интерпретация, концепт Civil War, концептосфера, концептуальный анализ, дискурсивный анализ

Политический текст выделяется среди всех текстов прочих жанровых направленностей значимой ролью функции воздействия. Кроме того, политики и журналисты стремятся создавать сложную систему образов и ассоциаций, чтобы с ее помощью повлиять на свою аудиторию. Эти особенности выявляют необходимость изучения политического дискурса с коммуникативно-прагматических и концептологических позиций.

Лингвистика текста тесно связана с понятиями «когезия» и «когерентность». Явление когезии многие лингвисты понимают как взаимосвязь элементов внутри самого текста, тогда как когерентность – это такая организация элементов дискурса, чтобы замысел автора был понятен адресату [\[1, p. 21\]](#). Иными словами, «речь идет о внутренней (структурной) и внешней (прагматической) связности» [\[2, с. 40\]](#).

Данное суждение иллюстрирует крепкие связи между понятиями когезии и когерентности и областью лингвопрагматики. Как область исследований «прагматика» возникла во второй половине XX столетия, когда Ч. Моррис ввел данное понятие в научный оборот, отделив прагматику от семантики и синтактики и указав, что она касается отношений знаков и их интерпретаторов, то есть говорящего и воспринимающего [\[3, p. 6-7\]](#). Действительно, вопрос интерпретации крайне важен при анализе прагматических аспектов текста. Как отмечают исследователи: «одно и то же событие может быть по-разному вербализовано, что впоследствии влияет и на то, как событие запоминают и затем припоминают» [\[4, с. 702\]](#). С точки зрения теории речевых актов [\[5: 6\]](#), исследовательскую важность приобретает то, «какое действие совершает или пытается совершить говорящий, используя высказывание, каких целей он при этом хочет достичь» (из И. М. Кобозева, Интенциональный и когнитивный аспекты смыслового высказывания: дис. д-ра филол. наук, с. 112). Такие высказывания, или речевые акты, с точки зрения их целевой установки являются единицами прагм

атических исследований [\[7, с. 106\]](#)

Существуют различные мнение о том, считать ли прагматику самостоятельной дисциплиной или ее стоит включать в состав лингвистики. Так, И.П. Сусов ввел термин «прагмалингвистика», область исследования которой определяется исследователем как изучения использования людьми естественного человеческого языка в качестве орудия социального действия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций общения на основе социальных постулатов и стратегий [\[8, с. 5\]](#). С другой стороны, сторонники идеи разграничения прагматики и лингвистики, утверждают, что объект исследования прагматики невозможно вести лишь к лингвистическому материалу [\[9\]](#), учитываться должны также социальная, культурная и эмоциональная стороны коммуникации [\[10, с. 50; 11, с. 14-15\]](#).

При всех разночтениях, так или иначе, исследователи сходятся в том, что прагматика имеет целью исследовать закономерности использования языка в ситуациях реального общения. В качестве объекта также рассматривается то, с какими целями и в каких условиях было порождено то или иное высказывание, а также то, как интерпретируются знаки как говорящим, так и реципиентом/реципиентами.

Обратимся к термину «концепт». Специалисты в области концептологии определяют концепт как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [\[12, с. 40\]](#). Существуют разные взгляды на структуру концепту. С одной стороны, исследователи выделяют понятийную, метафорическую и ценностную стороны концепта [\[13, с. 3325\]](#). С другой стороны, концепт имеет ядерно-периферийное строение с базовыми (ядерным), околядерными и периферийными смысловыми элементами [\[14, с. 96\]](#).

В концепте заключен «синтез языка и этнического самосознания, языка и социума, языка и культуры» [\[15, с. 122\]](#). Данное утверждение иллюстрирует тесную связь между концептом и языком, выражаемой в том факте, что многие явления концептуализации отражаются именно в языке [\[16, с. 756\]](#). Некоторые исследователи указывают на то, что «языковой знак можно также уподобить выключателю – он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и “запуская его в процессе мышления”» (из З. Д. Попова, И. А. Стернин. Когнитивная лингвистика: учебное издание, с. 38).

И хотя концепты, как факты сознания и культуры, и проявляются в языке, они могут и не находить однословного выражения [\[17, с. 17\]](#). По этой причине репрезентация концепта может происходить в разных формах языкового выражения: отдельных лексемах, фразеологических образованиях, а также текстах целиком [\[18, с. 90\]](#).

Можно заключить, за концептом всегда стоят вербально невыражаемые ассоциации и образы, с которыми взаимодействует языковая система. При этом, такие образы и ассоциации зачастую принадлежат всему этническому коллективу. Общественная реальность концептуально опосредована и не существует без различных интерпретаций и толкований [\[19, с. 9\]](#).

Как было сказано ранее, концепт может быть выражен языковыми единицами разного объема. Проиллюстрируем данное суждение примерами вербальной представленности концепта «Civil War» в статье «Trump Voters Are America Too», опубликованной в американском журнале «The Atlantic» (из Leibovich M. Trump Voters Are America Too. The Atlantic).

Концепт «Civil War» является одним из ключевых концептов американской концептосферы. Поясним, что концептосферой исследователи называют совокупность национальных ко

нцептов [\[20, с. 150\]](#). Моделирование концепта заключается в анализе «словарных толкований единиц, репрезентирующих концепт, и с учетом речевых контекстов» [\[21, с. 1223\]](#).

Проанализируем словарные дефиниции словосочетания «civil war» в словарях Cambridge Online Dictionary, Britannica, Dictionary.com, Oxford Learners Dictionary, Collins Dictionary. К примеру, Cambridge Online Dictionary предлагает следующую дефиницию: «*a war fought by different groups of people living in the same country*» (Cambridge Dictionary Online: civil war), что в целом совпадает с теми определениями, которые даются другими словарями. Также обратимся к специализированным словарям. Так, The Concise Dictionary of Politics and International Relations дает такое определение: «*state violence should be sustained and reciprocated, with significant numbers of casualties*» (из Brown G. W., McLean I., McMillan A. The Concise Oxford Dictionary of Politics and International Relations. Civil War). Данные определения позволяют выделить следующие, но, разумеется, не единственные, компоненты содержательной стороны концепта, которые можно определить как ядерные: «division» (что обусловлено разделением внутри одной национальной общности) и «violence» (что мотивировано большим количеством жертв среди гражданского населения). Отсутствие значительных различий в определениях указывает на то, что концепт обладает высокой концептуальной устойчивостью, то есть «в коммуникативном пространстве крайне низка вероятность несоответствия ассоциативных связей в понятийном аппарате адресанта и адресата и, как следствие, ошибочная интерпретация» [\[22, с.12\]](#).

Для выявления способов вербальной репрезентации концепта в тексте необходимо проанализировать отдельные структурно-содержательные элементы текста: название статьи, лексические и лексико-фразеологические средства, а также различные интертекстуальные включения. Для удобства анализа все примеры будут пронумерованы.

Название статьи, «Trump Voters are America Too» (1), говорит об имплицитном разделении и современного американского общества, подразумевая, что какая-то часть американского общества не является «Америкой». Таким образом, данный структурный элемент является репрезентантом компонента языкового значения «division».

Рассмотрим примеры использования лексических структурных элементов с точки зрения их концептуального наполнения. Так, в тексте местоимения «they» во всех его инвариантах (2). В тексте местоимение «they» используется шесть раз, местоимение «them» – два раза, а «their» – пять для описания сторонников экс-президента Дональда Трампа. Фразы вроде «*they're every bit as American*» и «*their noisy new savior*» позволяют автору дистанцировать себя и свою аудиторию от тех людей, кому посвящена статья, противопоставляя себя им. Подобное дистанцирование «обезличивает» оппонентов, превращая их в безликую массу «они», что может привести к еще большей отчужденности в обществе. Подобное использование местоимений позволяет сделать вывод о том, что данный структурный элемент является средством репрезентации концепта «Civil War» и его компонента содержательной области «division».

Компонент значения «division» имплицитно выражен в тексте также другими лексическими и средствами. Так, средством выражения такого противопоставления может служить глагол «to reconcile» (3): «*If Trump wins in 2024, his detractors will have to reckon once again with the voters who got us here – to reconcile what it means to share a country with so many citizens who keep watching Trump spiral deeper into his moral void and still conclude, "Yes, that's our guy"*». Согласно словарю Cambridge Dictionary анализируемый глагол имеет два значения: «1. to find a way in which two situations or beliefs that are opposed to each other can agree and exist together; 2. to adjust the way you think about a fact or situatio

n that is opposed to another fact or situation so that you can accept both» (Cambridge Dictionary Online: to reconcile). Можно сказать, что с помощью данного глагола автор передает мысль о необходимости примирения противоборствующих идей, что говорит о существовании разделения по тем или иным параметрам. Тем не менее важно также принять во внимание третье словарное значение глагола: *«to reconcile yourself to a situation is to accept it even if it is unpleasant or painful, because it cannot be changed»*. Эта дефиниция позволяет предположить, что предлагаемое примирение неприятно, и сделать вывод об агональном характере используемого лексического средства.

Помимо собственно лексических единиц, для выражения компонентов содержательного поля концепта могут использовать и более сложные средства (4): *«When political elites insisted «We're better than this!» – a close cousin of «This is not who we are» – many Trump disciples heard "We're better than them"»*. В данном отрывке наблюдается передача прямой речи, имитирующей гипотетический спор между сторонниками двух политических партий. Противопоставление двух практически идентичных фраз *«We're better than this!»* и *«We're better than them»* позволяет говорить о создании образа разделенного общества, где две противоположные стороны антагонистичны и даже враждебны друг другу. Таким образом, можно заключить, что в данном отрывке посредством имитации прямой речи находят свою репрезентацию компоненты *«division»* и *«confrontation»*.

Теперь обратимся к примерам использования интертекстуальных включений, которые также представляют концепт *«Civil War»*. В первую очередь интересны прецедентные тексты, взятые в качестве источников таких включений.

В тексте используется фраза *«That's not who we are»* (5), которая часто использовалась экс-президентом Бараком Обамой на своих политических выступлениях. При этом частотность использования была настолько высока, что на видео-хостинге YouTube появилось видео, где 44-й президент США произносит ее в совокупности 46 раз (из Youtube-канала Washington Free Beacon, 46 Times President Obama told Americans 'That's Not Who We Are'). Этой фразой оратор четко разделяет действия, которые свойственны американской нации (т.е. относящиеся к «мы»), и действия, которые для нее нехарактерны, а значит люди, совершающие их, неявно исключаются из «мы» и становятся «они». Многие американцы, противники политики администрации Б. Обамы, рассмотрели в этом попытку обозначить их в глазах общественности «неамериканцами» (из Scalia, C.J. Why Obama says 'That's not who we are': Column. USA Today). Сама по себе фраза порождает раскол в обществе, делит его на категории. Интересно также то, что в ответ на такое разделение некоторые оппоненты политика начали усугублять раскол, манифестируя свое еще большее отдаление от определенной прослойки американского общества (6): *«I am not sure who the «we» is that he constantly refers to. Does he mean the Muslims, the Liberals, the Pro-Abortion crowd, the Climate Change nazis...who? Because as a president who is anti-Israel, anti-America, pro-Muslim and pro-abortion, I am certainly not part of any «we» crowd that includes him»* (из Grider, G. Mind Control: 46 Times President Obama Repeated the Phrase 'That's Not Who We Are'. Now The End Begins).

Другая фраза, которая используется в анализируемой статье, это фраза *«When they go low, we go high»*, сказанная Мишель Обамой в поддержку кандидата в президенты Хиллари Клинтон в 2016 году. Полная ее версия звучала следующим образом (7): *«When some one is cruel or acts like a bully, you don't stoop to their level. No, our motto is: 'When they go low, we go high'»* (из Ng, K. Michelle Obama explains her catchphrase 'When they go low, we go high'. Independent). В таком контексте становится понятно, что местоимения *«their»*, *«our»*, *«they»* и *«we»* призваны продемонстрировать различия между двумя политическими полюсами американского общества, разделить их и отдалить друг от друга. Последн

ей цели также служат крайне оценочные прилагательное «cruel» и существительное «bull у», которые стигматизируют противников и усиливают антипатию между сторонами. Оценочным здесь также выступает глагол «to stoop», который, согласно Кембриджскому онлайн-словарю, означает «to bend the top half of the body forward and down». Таким образом, у читателя создается впечатление, что одна часть американского общества будто возвышается над другой, при этом действия противников оратора и ее окружения – это движение вниз, а их действия – это движение вверх.

Таким образом, можно заключить, что источники выбранных для статьи выполняют ярко выраженные агональную и разделительную функции, призванные показать разделение американского общества.

Необходимо обратить внимание на реакцию автора статьи на второе высказывание (8): «*In retrospect, so many of the high-minded appeals of the Obama era – «We are the ones we've been waiting for»; «When they go low, we go high» – feel deeply naive*». Здесь используется прилагательное с крайне положительной коннотацией «high-minded», которое Кембриджский онлайн-словарь определяет как «*having very high moral standards of behaviour*». Из данного определения можно заключить, что автор поддерживает смыслы, заложенные в цитируемых фразах, и ретранслирует их на свою аудиторию, хотя допускает их наивность и несоответствие действительности.

Несмотря на то, что данная работа уделяет первостепенное внимание концептуальной структуре «Civil War», отметим, что в тексте представлен целый концептуальный комплекс (т.е. «совокупность взаимодействующих между собой концептов, реализуемых в пределах данного дискурса в целях решения общей концептуальной задачи» [23, с. 88-89]), на что указывает присутствие в тексте примеров развертывания значений других концептуальных структур. Например, в тексте представлена лексика, связанная с религиозными практиками (9): «*their noisy saviour*», «*many Trump disciples*», «*portent*», «*thoughts and prayers*». В этих лексических средствах находит свою репрезентацию концептуальная структура «Faith», за которым скрываются образный ряд, связанный с христианской верой, Иисусом Христом (saviour) и его учениками-апостолами (disciples).

Кроме того, в тексте присутствует развертывание компонента значения «confrontation», реализуемое с помощью повторенного дважды словосочетания (10) «murder weapon». Данный компонент находится на пересечении содержательных областей двух концептов: «War» и «Civil War», отличающихся набором ядерных компонентов, но тем не менее находящихся в близком семантическом родстве.

Присутствующий в тексте комплекс примеров вербального разворачивания концептуальных структур направлен на выполнение единой коммуникативно-прагматической задачи донесения центральной идеи всего текста: разделение американского общества на группы-антагонисты. При этом, прослеживается интенция автора показать одну группу лучше, чем другую, для чего используются средства, отображенные в примерах 3, 4, 5, 6, 7 и 8. Таким образом, вербальная репрезентация концептуальной структуры служит целям, заложенным в текст автором, а также способствует верной и изначально задуманной интерпретации со стороны реципиента. Кроме того, агональный потенциал текста (то есть внушить читателям публикации агрессивный настрой по отношению к представителям противоположного лагеря) помогают раскрыть средства, описанные в примерах 4, 7, 10.

Влияние коммуникативно-прагматических параметров текста на интерпретацию написанного можно проиллюстрировать с помощью примера 9, где автором были заложены религиозные образы. Данный образный ряд используется для описания кандидата в президент

ы США Дональда Трампа и его сторонников, которых автор имплицитно сравнивает с христианским Мессией и его паствой, которой движут не разум, а слепая вера в своего «спасителя». Таким образом, описываемая часть американского общества в глазах читателей публикации представляется журналистом в виде «фанатиков», с которыми нельзя иметь ничего общего, но с чьим существованием придется мириться и с которыми придется делить страну (пример 3). Данный образ способствует также репрезентации компонента «division», являющегося ядерным элементом семантического поля концепта «Civil War». Этот пример явно иллюстрирует способность компонентов семантического поля концептов пересекаться в рамках дискурса, создавая сложную картинку или иерархию образов в сознании адресата текста.

В заключение скажем, что для адекватного анализа вербально-репрезентативных характеристик концептуальных структур на текстовом уровне, необходимо провести разбор отдельных структурно-содержательных элементов текста. Концептуальное наполнение каждого из элементов создает в сознании адресата сложную систему образов и ассоциации, включающую в себя пересекающиеся концептуальные области. Таким образом, вербальное представление такого комплекса направлено на достижение определенного коммуникативно-прагматического эффекта, благодаря которому коммуникант стремится внушить своей аудитории желаемые смыслы и повлиять на их поведение и интерпретацию происходящих событий.

Библиография

1. Cutting J. *Pragmatics and Discourse*. London, N.Y.: Routledge, 2002.
2. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 6. Филология и искусствоведение. 2016. №2 (177). С. 39-43.
3. Morris C. W. *Foundations of the theory of signs*. Chicago: Chicago University Press, 1938.
4. Вишнякова О. Д., Липгарт А. А., Мартюшова Н. О. Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. №4. С. 700-706.
5. Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford: At the Clarendon Press, 1962.
6. Searle J. R. *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
7. Которова, Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. №1. С. 98-115.
8. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: Калининский гос. ун-т. 1983. С. 3-15.
9. Mey J. L. *Pragmatics: An introduction*. Oxford: Blackwell, 2001.
10. Alba-Juez L. *Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation* // Russian Journal of Linguistics. 2016. No. 20 (4), Pp. 43-55.
11. Alba-Juez L., Larina T. *Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives* // Russian Journal of Linguistics. 2018. No. 22(1), Pp. 9-37.
12. Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997.
13. Макашова В.В. Аксиологический аспект лингвокультурного концепта УЧЕНИЕ в китайских идиомах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №10. С. 3324-3329.
14. Гаджиева А.А., Магомедова С.М. Лингвокультурный концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ в современном англоязычном медиадискурсе // Научные исследования и инновации. 2021. №8. С. 95-102.

15. Беликов С.В. Роль ассоциативного эксперимента в формировании лингвокультурного концепта «ХАРБИН» // Филология и человек. 2023. №2. С. 122-135.
16. Бахрамова М.М., Таштемирова З.С. О понятии «концептосфера» в современной лингвистике // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2024. №5. С. 755-759.
17. Карасик В.И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // Общая и русская лингвоаксикология: монография / М.С. Милованова (отв. ред.). М., Ярославль: Канцлер, 2022. С. 14-39.
18. Пименов Е.А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Anthropologie. Ландау: Empirische Pädagogik; Кемерово: Графика. 2004. №10. С. 89-94.
19. Fairclough N. Critical discourse analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis. Gee J. P., Handford M. (eds.). London, N.Y.: Routledge, 2012. Pp. 9-20.
20. Мурзубраимова Д.У., Молдоташова Т.С., Кудайбердиева Г.Г., Кулубекова А.О. Концепт и концептосфера в исследованиях ученых-лингвистов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №12-4. С. 148-152.
21. Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В. Моделирование многомерного лингвокультурного концепта на материале концепта СТАРОСТЬ // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. №4. С. 1211-1234.
22. Шагбанова Х.С. Лингвокультурная природа концепта «патриотизм» // Litera. 2023. №4. С. 11-19.
23. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство / на материале современного английского языка/: Монография. М.: МАКС Пресс. 2002

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лингвистические работы в рамках концептологии последнее время не редкость, при этом именно политический дискурс становится основной языкового анализа. Думаю, что подобный ракурс рассмотрения вполне оправдан, так как он дает возможность полновесно оценить развитие языковой системы в режиме функциональности. Представленный у публикации текст имеет цельный вид, он самостоятелен, тема соотносится с одной из рубрик издания. Привлекает в работе умение автора синкретически свести блок теоретических изысканий с собственно практической частью. Стиль соотносится с научным типом: например, «политический текст выделяется среди всех текстов прочих жанровых направленностей значимой ролью функции воздействия. Кроме того, политики и журналисты стремятся создавать сложную систему образов и ассоциаций, чтобы с ее помощью повлиять на свою аудиторию. Эти особенности выявляют необходимость изучения политического дискурса с коммуникативно-прагматических и концептуалогических позиций», или «обратимся к термину «концепт». Специалисты в области концептологии определяют концепт как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [12, с. 40]. Существуют разные взгляды на структуру концепту. С одной стороны, исследователи выделяют понятийную, метафорическую и ценностную стороны концепта [13, с. 3325]. С другой стороны, концепт имеет ядерно-периферийное строение с базовыми (ядерным), околождерными и периферийными смысловыми элементами [14, с. 96]» и т.д. Как видно из представленных фрагментов работа с критическими источниками также имеет аналитический тон. На мой взгляд, актуальнее и выбор языкового материала: автор

отмечает, что «как было сказано ранее, концепт может быть выражен языковыми единицами разного объема. Проиллюстрируем данное суждение примерами вербальной представленности концепта «Civil War» в статье «Trump Voters Are America Too», опубликованной в американском журнале «The Atlantic» (из Leibovich M. Trump Voters Are America Too. The Atlantic)». Общие методологические принципы выдержаны, какой-либо путаницы или разночтений в терминах не выявлено. Вполне уместен и анализ, он точен, аргументирован: «название статьи, «Trump Voters are America Too» (1), говорит об имплицитном разделении современного американского общества, подразумевая, что какая-то часть американского общества не является «Америкой». Таким образом, данный структурный элемент является репрезентантом компонента языкового значения «division», или «другая фраза, которая используется в анализируемой статье, это фраза «When they go low, we go high», сказанная Мишель Обамой в поддержку кандидата в президенты Хиллари Клинтон в 2016 году. Полная ее версия звучала следующим образом (7): «When someone is cruel or acts like a bully, you don't stoop to their level. No, our motto is: 'When they go low, we go high'» (из Ng, K. Michelle Obama explains her catchphrase 'When they go low, we go high'. Independent). В таком контексте становится понятно, что местоимения «their», «our», «they» и «we» призваны продемонстрировать различия между двумя политическими полюсами американского общества, разделить их и отдалить друг от друга» и т.д. Практико-ориентированный характер работы свидетельствует о том, что материал уместно использовать в вузовской практике при изучении дисциплин лингвистического порядка. Автор не исключает в работе т.н. промежуточные выводы, они поддерживают общую логику раскрытия вопроса: например, «таким образом, можно заключить, что источники выбранных для статьи выполняют ярко выраженные агональную и разделительную функции, призванные показать разделение американского общества». На мой взгляд, базовая цель исследования достигнута, поставленный спектр задач решен. Итоги по тексту созвучны основной части. Исследователь тезисует, что «для адекватного анализа вербально-репрезентативных характеристик концептуальных структур на текстовом уровне, необходимо провести разбор отдельных структурно-содержательных элементов текста. Концептуальное наполнение каждого из элементов создает в сознании адресата сложную систему образов и ассоциации, включающую в себя пересекающиеся концептуальные области. Таким образом, вербальное представление такого комплекса направлено на достижение определенного коммуникативно-прагматического эффекта, благодаря которому коммуникант стремится внушить своей аудитории желаемые смыслы и повлиять на их поведение и интерпретацию происходящих событий». Актуальность представленной в статье проблемы не вызывает сомнений, при этом работа может быть импульсом для новых изысканий в смежной тематической области. Текст не нуждается в серьезной правке, список источников достаточен. Рекомендую статью «Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной области «Civil War» как объект лингвистического анализа (текстовый уровень)» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лочмелис Е.Р. Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71295 EDN: NFKABE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71295

Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут»

Лочмелис Елизавета Романовна

ORCID: 0009-0004-0395-5483

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М.
В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ dostfm182181@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71295

EDN:

NFKABE

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Дата публикации:

19-08-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению тех признаков жанра литературной баллады, которые нашли свое отражение в песнях группы «Король и Шут» (автор текстов — Андрей Князев). Это, в частности, ситуация столкновения человека с иномирными сущностями, когда персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства попадает в гармонизированную сферу «здешнего» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия. Кроме того, в балладе актуализируется амбивалентная природа обрядов перехода (происходит инверсия мотива). В ряде песен группы «Король и Шут» действие, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье, тогда как сюжетная ситуация излагается лапидарно, язык довольно прост, а сами события развиваются динамически за счет диалогов между персонажами текстов. Методологическая основа: творчество панк-группы «Король и Шут» рассматривается с опорой на

литературоведческую методологию (анализируются тексты песен, выявляются жанровые признаки, позволяющие отнести их к литературным балладам). В заключении статьи автор приходит к следующим выводам: рок-поэт обращается к романтической балладе ввиду кризисности своего мироощущения, поскольку этот жанр несет в себе элегическую тональность, а также мотив трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя, который оказывается внутренне соприроден миру «страшной сказки», выходцем из которой он и предстает на сцене. Научная новизна статьи связана, прежде всего, с предметом исследования: показано, что панк-рок не входит в разрыв с традицией, а, напротив, опирается на нее и сохраняет константные признаки жанра баллады, открывает скрытую тягу к культурному диалогу и встраивается в традицию. Таким образом, исследование вносит вклад в изучение русской рок-поэзии как феномена современности, а также углубляет понимание механизмов того идейно-тематического и культурного диалога, в который рок-поэт вступает с предшествующей ему классической традицией.

Ключевые слова:

баллада, романтизм, трансформация жанра, жанровые признаки, панк-рок, рок-поэзия, обряды перехода, инверсия, литературная баллада, романтическая баллада

В данной статье предпринята попытка выявить некоторые константные признаки жанра литературной баллады, а после — доказать, что в творчестве «Короля и Шута», а также групп, ориентирующихся на «КиШ», заметна опора на жанровую традицию и классические образцы, а значит, их тексты могут быть рассмотрены как опыт реконструкции балладных форм.

Литературный жанр — понятие, подразумевающее определенное формально-содержательное единство целого комплекса структурных элементов текста, что обуславливает, с одной стороны, его устойчивость, даже инертность, а с другой — подверженность разного рода трансформациям^[1]. Последнее приводит к тому, что одно и то же жанровое обозначение может охватывать широкий спектр явлений, варьирующихся на разных этапах историко-литературного процесса, что хорошо видно на примере баллады, установление жанровых границ которой всегда представляло известную сложность, о чем свидетельствует следующее замечание Мерзлякова: «<...> мы просим <...> определить нам, что такое баллада, имеет ли она правила и границы <...>»^[2, с. 188]. Ср.: «...таинственный вид стихов, и известный в Англии как традиционная баллада»^[3].

Прежде чем переходить к анализу рок-баллад, представляется правильным выявить тот спектр как формальных, так и содержательных характеристик, которые препятствуют окончательному разрушению этого жанра, поскольку категории жанра присущи «исторические конвенции» — «комплекс норм и правил игры», сообщающих, каким образом читателю «следует подходить к данному тексту», и «тем самым обеспечивающих понимание этого текста»^[4, с. 186].

Так, русская литературная баллада, в частности ее наиболее распространенный и продуктивный англо-шотландский вариант^[5], — «затейливый»^[2, с. 187] лиро-эпический жанр, который «пришел к нам из Германии и Англии»^[2, с. 187] (см. переводы В. А. Жуковского и Э. Шиллера, Гёте и В. Скотта) и оформился в начале XIX в. в системе координат, заданных эстетикой романтизма.

Романтическая баллада — небольшое сюжетное стихотворение с динамичным развитием действия, в основе которого лежит необычный случай (мотив встречи человека с чудесным, фантастическим, иномирным, а потому пугающим, взятый в качестве сюжетообразующего ^[6]) Англо-шотландская и близкая ей немецкая разновидности баллады (в отличие от французской, связанной со «строгой строфической формой» ^[7, с. 35]) характеризуются с овмещением лирического («отказ от безличного в пользу личного повествования» ^[7, с. 38]), эпического (сюжетность, наличие персонажей) и драматического (диалогические реплики, играющие важную роль в сюжетостроении; позднее — отделка речевого портрета персонажей) начал (см. подробнее работы Боровской ^{[8], [9]}). Опора на диалогические построения и вопросно-ответную структуру в целом ведет к усилению динамики и напряженности действия.

В основе такой баллады традиционно лежит фольклорный сюжет, что не позволяет исключать из числа основных признаков жанра «атмосферу чудесного, таинственного, фантастического» ^[10, с. 4] и заложенное в памяти жанра ощущение его генетической связи с долитературными образцами (прежде всего, сказкой и балладой народной). Неслучайно Андрей Князев отмечает, что в массовом сознании балладные тексты ассоциируются прежде всего со страшными сказками: «Сторонний наблюдатель обобщит все творчество “КиШа” одним словом — сказки...» ^[11, с. 1]

Так, центральным событием в русской литературной балладе, как и в фольклорной сказке, зачастую становится столкновение человека с иномирными сущностями (мертвецами, духами, потусторонними силами) ^[3, с. 51]. Однако, в отличие от сказки, герой которой перемещается из «своего», освоенного пространства (яви) в мир мертвых (навь) с целью ликвидации недостачи ^[12, с. 44], баллада характеризуется прямо противоположной разработкой ситуации пересечения границы: персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства (часто — мертвый жених, как, например, в балладе «Людмила» Жуковского или «Ольга» Катенина) попадает в гармонизированную сферу «здешнего» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия.

Неслучайно поэтому то, что в балладе актуализируется амбивалентная природа обрядов перехода. Невеста не оживает в новом статусе, вместо свадебного обряда конструируется похоронный, и дом подменяется могилой: «Дом твой — гроб; жених — мертвец» ^[13, с. 13], то же и у Катенина: «— “Дом — землянка”. — “Как в ней?” — “Тесно”» ^[14, с. 94].

Описанные выше инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут». Действие в них, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье. Сюжетная ситуация излагается лапидарно. Язык довольно прост, что также является одной из характерных черт баллады ^[15, с. 71]. Действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен.

Так, в песне «Фред» главный герой отправляется чистить свой колодец, в котором находит скелет, наряженный в «девичье платье» ^[16], и «зачем-то» ^[16] относит его домой. Колодцы в фольклоре традиционно связываются со «смертью, переходом в другой мир» ^[17], а также с мотивом «перерождения в новом качестве» ^[17] (часто герои по возвращении становятся лучше, краше), здесь же мертвая переносится в мир живых, а «мертвый жених» заменяется «невестой». Важно отметить негативно окрашенную семантику деталей (грязный колодец, «мутная вода» ^[16]), предвещающих дурное: наутро у Фреда отнимаются ноги

, и он сходит с ума, однако бессознательность его действий акцентирована заранее («И зачем-то, вот вопрос, / В дом к себе его отнес»^[16]). Традиционный для волшебной сказки и мотив «истинной любви» («Стал свою находку / Называть судьбою»^[16]), возвращающей зачарованную принцессу к жизни, пробуждающей ее и всех жителей заколдованного замка, также трансформируется, поскольку постепенно подводит Фреда, одержимого своей любовью, к смерти: «От любви безумной / Каждой ночью лунной / Мертвая вставала, / Плоть обрастала»^[16] и «Быть хочу всегда с тобой! / Представлять тебя живой, / Верь мне, верь мне, верь мне, верь! / Стоит твоя жизнь моих потерь!»^[16]

Другим «проходом» в мир мертвых в сказках традиционно выступает избушка на курьих ножках — жилище Бабы-Яги, старой ведьмы-каннибалки^[18], локализованное на границе с «темным лесом» (потусторонним царством). Тот же локус инверсированно воссоздан в песне «Верная жена»: «Дождливой ночью парень, выбравшись из леса, / Вдруг одинокую избушку увидал»^[19]. Герой направляется не в лес, а из него и надеется переночевать в избе, дверь ему открывает «старуха дряхлая»^[19] и, ни о чем не расспрашивая, впускает в дом, готовит постель и «сытно»^[19] кормит (мотив переодевания и принятия пищи как часть обряда перехода). Ночью странник просыпается оттого, что слышит громкий стон из подвала (локус, функционально и символически эквивалентный могиле), и спрашивает старуху: «Скажи мне, бабушка, что за шум?»^[19] Она отвечает, что в подвале «по ночам поет» дух ее «покойного деда»^[19]. Герой решает спуститься в подвал и изгнать злого духа, а старуха закрывает ведущую туда дверь. Вскоре из подвала раздается «крик предсмертный»^[19] и чавканье «страшного деда»^[19]. В отличие от сказки или, к примеру, песни «Садовник», рассказывающей о юноше, которого сестры заставили отправиться за цветами в чужой сад: «Братец, в сад чужой, ты, пойд, пойд / И чужих цветов ты нам принеси»^[20] (повторяющийся эпитет «чужой» маркирует наличие запрета, нарушение которого приводит героя к смерти), в песне «Верная жена» запрет нарушается как бы невольно. Старуха не сама съедает путника, однако не запрещает ему спуститься вниз, хотя и знает, что «каждый норовит нос сунуть в <...> подвал»^[19]. Таким образом, добро в тексте не торжествует над злом — старуха становится причиной смерти героя, однако она действительно оказывается «верной женой» своему мужу, несмотря на то что сама его сгубила.

Заколдованный лес является основным местом действия многих других текстов «Короля и Шута», так, в нем локализованы (или с ним связаны) сюжеты песен «Лесник»^[21], «Охотник»^[22], «Медведь»^[23]. Перечисленные тексты отмечены диалогической структурой (включением прямой речи персонажей), а также сохранением фабулы, то есть представляют собой сюжетные произведения, действие которых развивается в сказочном пространстве условного европейского Средневековья (охотника, например, зовут Себастьян, а горбун — из песни «Вдова и горбун»^[24] — Иоганн). Кроме того, песни наполнены фольклорными, мистическими и подчас пугающими мотивами.

Сюжет песни «Лесник» воспроизводит классическую сказочную схему: уставший путник просит ночлега у лесника и остается в его сторожке. Лесник дружелюбно принимает его и говорит, что «среди животных» у него «нет <...> врагов»^[21] и что он любит «подкармливать волков»^[21]. Гостеприимство лесника, его непринужденная болтовня «о том о сем»^[21] мешают гостю заподозрить какую-то связь между этими, на первый взгляд, никак не соотнесенными друг с другом репликами, в итоге развязка оказывается новеллистически в незапой — лесник возвращается с «ружьём наперевес» и объявляет: «Друзья хотят пок

ушать, / Пойдем, приятель, в лес!»^[21]

Интересно, что тот же прием использован и в песне «Ели мясо мужики», рассказывающей о конюхе, который пригласил на ужин любовников своей жены и, притворившись веселым и радушным хозяином, угостил их мясом. Однако пирующие и пьяные мужики не могли даже предположить того, что конюх убил и изжарил собственную жену, оттого и не понимали, о чем в действительности говорил упрекавший их человек: «Я за ней не уследил — в том моя вина, / Но скажите, правда вкусная она?»^[25]

Похожий хронотоп воссоздан в тексте песни «Тайна хозяйки старинных часов»^[26]: «покупатель старинных часов»^[26] случайно попадает в древний особняк, «укрывшийся среди жутких лесов»^[26], и находит часы, стрелки которых «замерли <...> сто с лишним лет назад»^[26]. Гость остается переночевать и тайно читает часы («...древнюю вещь ото сна пробудил»^[26]), после чего хозяйка начинает стареть и наконец обращается в прах.

Мотив остановившегося времени, или сна, подобного смерти (известен по таким сказкам, как «Спящая красавица» Шарля Перро, «Спящая царевна» Жуковского, «Белоснежка» братьев Гримм и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина), встречается и в песне «Рыбак». Ее сюжет рассказывает о том, как рыбак заснул в лодке и не заметил, что «на воду лег туман»^[27], заставивший его плыть домой «наугад»^[27]. Возвратившись домой, рыбак обнаружил, что «часы стоят»^[27], «мухи в воздухе висят»^[27], а сын «стоит, разинув рот»^[27], и «в прыжке со стула замер кот»^[27].

Хендерсон в своей классификации традиционных для английской баллады тем и мотивов выделяет следующие: *несчастливая любовь* (связанные с нею мотивы горя, страсти, стремящейся преодолеть все преграды), *любовь к не-людям*, *месть за измену и прелюбодеяние*, *запретная любовь между братом и сестрой*^[3, с. 29-57].

Практически все эти темы и мотивы, за исключением инцестуальной связи, представлены в творчестве группы «Король и Шут», а также в ряде других российских рок-групп. Здесь можно назвать самостоятельный проект Андрея Князева — «КняZz», группы «Rotten Tote n» и «Спектакль Джо».

Из песен группы «Rotten Toten» заслуживают внимания «Торговец волосами», «Мертвый висельник» и «Ужин у вдовы». Последний текст рассказывает о женщине, которая сжила со свету мужа и в полночь принимала в своем доме мертвецов: «От мертвеца на память осталась голова, / Много интересного бы рассказать могла»^[28] и «И каждый вечер, полночь лишь пробьют часы, / К ней в дом приходят выпить чаю мертвецы»^[28].

Группа «Спектакль Джо» возникла после смерти Михаила Горшенева и во многом продолжила традиции «Короля и Шута». В частности, интересны песни «Принцесса фей» (о связи человека с принцессой фей) и «Портрет», сюжет которой рассказывает о том, как портрет старика ожил и заговорил, заставив лирического героя шагнуть в картину и обменяться с ним местами: «Только фокус мой не в этом, будешь ты теперь портретом, / А я жить буду дома твоего»^[29].

Мотив любви к созданию иного мира присутствует в таких песнях «Короля и Шута», как «Та, что смотрит из пруда» и «Девушка и граф».

В первом тексте переход границы описывается классически: русалка «уводит» на дно ху дожника, который «тосковал о чем-то своем»^[30], тот «погружается в вечный сон»^[30]. Од

нако, вопреки фольклорной традиции, вредительство русалки оказывается ненамеренным — она начинает плакать и спрашивать: «Ах, зачем же умер он?»^[30] (реплика построена так, точно русалка удивлена тем, что оказалась причастна к смерти художника, и не желала ее).

В песне «Девушка и граф» сюжетная ситуация связана с тем, что «прекрасная дама», мечтающая обрести бессмертие, прогуливается с графом по залитой лунным светом аллее парка, в отдалении, во мгле, виднеются «очертания замка»^[31]. Граф, очевидно, является вампиром: несмотря на то, что это не утверждается прямо, его характеристика постепенно складывается в целостный образ. Прежде всего сам выбор дворянского титула определяет ассоциативный ряд и отсылает к прецедентному имени: граф — граф Дракула (герой одноименного романа Брэма Стокера, хотя сюжет был широко известен и ранее, см., например, «Сказание о Дракуле воеводе» Федора Курицына, написанное в конце XV в.). Далее по косвенным характеристикам воссоздаются и другие детали образа, в массовом сознании связанного с готическим романтизмом: считается, что вампиры обладают особым магнетизмом и притягательностью («Девушка графа очень нежно обнимала»^[31], «Какой у вас глубокий взгляд, как он влечет и манит! / Я не могу себя понять: меня к вам сильно тянет. / Вы так таинственны, заморозили вы меня, / И в вашей власти плоть и кровь моя!»^[31]), являются ночными, питающимися кровью созданиями, чье бессмертие обрекает их на вечное одиночество («...граф всегда один под леденящим сводом тьмы»^[31], «Утро станет сном, и будет вечно длиться ночь!»^[31]), а потому начинает осмысляться как проклятие («О, сколько их, готовых кровь отдать за наслаждение!»^[31]).

Мотив мести за измену представлен в песне «Ведьма и осел», которая построена как монолог лирической героини — ведьмы, с «нелегкой судьбой»^[32], чья любовь «на беду <...> обречена»^[32]: «В детстве цыганка мне одна предсказала, будто я / Если сильно полюблю, то любимого сгублю, / Что измены не прощу и жестоко отомщу: / Не специально, но со зла превращу его в осла»^[32]. Несмотря на то что сюжет имеет трагическое завершение (осел решил «приблизить свой конец»^[32], «что-то выпил, что-то съел и, бедняга, околе л»^[32]), воспринимается он как почти комическая история в силу того, что нарушается читательское ожидание: оказывается, что героиня в действительности недолго ревновала и делала все возможное, чтобы «как-нибудь облик милого вернуть»^[32].

В «Кукле колдуна», одной из известнейших песен группы «Король и Шут», именно трагически завершившаяся любовь (несмотря на предупреждения героя, девушка стала жертвой, «невольницей» колдуна, который заставляет «охотиться на людей»^[33]) толкает героя на попытку рискнуть и разрушить темные чары: «Много книжек я читал, / Много фокусов видал / Свою тайну от меня не пытайся скрыть!»^[33] Пространственная организация текста воссоздает несколько наивных клише готического романтизма: герой направляется в комнату своей возлюбленной, тайком пробираясь по «темному, мрачному коридору»^[33] замка или склепа. Единственное, что, как он надеется, способно защитить его, — наперсный крестик («Крестик на моей груди, / На него ты погляди»^[33]), однако финал песни открытый — не вполне ясно, достиг ли герой своей цели, выжил ли он или только успел почувствовать опасность за мгновение до того, как повествование оборвалось: «Все происходит как в страшном сне. / И находиться здесь опасно мне!»^[33]

При этом в творчестве группы «Король и Шут» заметен процесс лиризации и монологизации баллады, сопряженный со снятием ключевой для мифопоэтического сознания оппози

ции «свой» — «чужой» и смещением действия и героев в один план. Так, есть тексты, построенные как исповеди героев-злодеев («Некромант»^[34], «Хозяин леса»^[35]), описанных как «мученики своего таланта»^[34], обреченные на «вечную муку»^[35] и «вечную скуку»^[35]; жизнь их «полна страданий»^[34], поскольку они остались людьми только наполовину: «Человек исчез, его больше нет, / А из тела его демон вышел на свет»^[35] или «Наполовину человек — наполовину я мертвец! <...> Я будто волк среди овец»^[34]. То же в песне «Медведь», отмеченной мотивом оборотничества. Пьяный колдун превращает медведя в человека: «Забрали чары / Души покой. / Возник вопрос / — Кто я такой?»^[23]

Внутренний конфликт достигает своего апогея в песне «Отражение»^[36] — водная гладь становится той границей, которую герой намерен перейти: «Против меня восстала сущность моя»^[36] и «Средство есть лишь одно — сгинь на дно»^[36]. Альтер-эго, двойник, «принесший в <...> жизнь страдания»^[36], — тот, «кто пришел из зазеркалья»^[36].

Таким образом, рок-поэт обращается к романтической балладе^[37], поскольку этот жанр, помимо нарратива и фантастики, несет в своем ядре элегическую тональность (печальные размышления о несправедливости жизни и ее смысле), а также ощущение трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя на смерть. Отсюда и лиризация, и монологизация баллады, и исповедальность ее тона.

При этом отмеченная исследователями «периодичность возвращения жанра баллады»^[38. с. 234] и его актуализации во многом обусловлена тем, что поэзия становится средством осмысления ирреального реального, в которое погружен человек XX–XXI вв., а герой баллады оказывается внутренне соприроден ее миру, причастен к нему — к вселенной «страшных сказок», выходцем из которой он и предстает на сцене, — или даже физически в него перемещен, что символически маркирует кризисность мироощущения панк-рок поэта.

Библиография

1. Боровская А. А. Эволюция жанровых форм в русской поэзии первой трети XX в. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009. 210 с.
2. Мерзляков А. Ф. Письмо из Сибири // Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 187–188.
3. Henderson T. F. The ballad in literature. Cambridge [Eng.]: The University Press; New York, G.P. Putnam's Sons, 1912. ix, 128 p.
4. Компаньон А. Демон теории: Литература и здравый смысл. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 333 с.
5. Atkinson D. The Anglo-Scottish ballad and its imaginary contexts. Cambridge: OpenBook Publishers, 2014. xv, 207 p.
6. Прозоров Ю. М. «Занялся от страха дух...»: «ужасное» в эстетике и поэзии В. А. Жуковского // Русская литература. 2016. No 2. С. 19–50.
7. Боровская А. А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2009. 47 с.
8. Боровская А. А. Диалогизация баллады в русской литературе конца XIX – начала XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3 (69). С. 101–107.
9. Боровская А. А. Ролевые баллады в русской поэзии первой трети XX в. // Гуманитарные исследования. 2008. № 4 (28). С. 102–110.
10. Мухина З. И. Русская литературная баллада 1830-х – 1850-х годов: история и

поэтика жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000. 19 с.

11. Князев А. Король и Шут. Старая книга. М.: Издательство АСТ: Кладезь, 2018. 280 с.

12. Пропп В. Я. Морфология сказки / Гос. ин-т истории искусств. Л.: Academia, 1928. 152 с.

13. Жуковский В. А. Людмила // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. С. 7–13.

14. Катенин П. А. Ольга // Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 91–98.

15. Gummere, F. B. The popular ballad. New York: Houghton Mifflin, 1907. xiv, 360 p.

16. Князев А. С. «Фред» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/fred.html> Дата доступа: 19.07.24.

17. Голубева Е. В. Колодцы как сакральный пространственный локус // Молодой ученый. 2009. № 10 (10). С. 222–225. URL: <https://moluch.ru/archive/10/702/> Дата доступа: 19.07.24.

18. Ладыгин М. Б., Ладыгина О. М. Краткий мифологический словарь. М.: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2003. 223 с.

19. Князев А. С. «Верная жена» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vernaya-zhena.html> Дата доступа: 19.07.24.

20. Князев А. С. «Садовник» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-gardener-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

21. Князев А. С. «Лесник» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/lesnik.html> Дата доступа: 19.07.24.

22. Князев А. С. «Охотник» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/ohotnik.html> Дата доступа: 19.07.24.

23. Князев А. С. «Медведь» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/medved.html> Дата доступа: 19.07.24.

24. Князев А. С. «Вдова и горбун» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vdova-i-gorbun.html> Дата доступа: 19.07.24.

25. Князев А. С. «Ели мясо мужики» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-men-were-eating-meat-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

26. Князев А. С. «Тайна хозяйки старинных часов» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/204/> Дата доступа: 19.07.24.

27. Князев А. С. «Рыбак» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-fisherman-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

28. Алексеев Е. («Rotten Toten») «Ужин у вдовы» // URL: https://vk.com/topic-172324813_40190081 Дата доступа: 19.07.24.

29. «Спектакль Джо» «Портрет» // URL: <https://genius.com/Joes-theatre-portrait-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

30. Князев А. С. «Та, что смотрит из пруда» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-she-who-looks-out-of-the-pond-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

31. Князев А. С. «Девушка и граф» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-girl-and-an-earl-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

32. Князев А. С. «Ведьма и осел» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-witch-and-a-donkey-lyrics> Дата доступа: 19.07.24.

33. Князев А. С. «Кукла колдуна» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/666/> Дата доступа: 19.07.24.

34. Князев А. С. «Некромант» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/nekromant.html> Дата доступа: 19.07.24.

35. Князев А. С., Горшенёв М. Ю. «Хозяин леса» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/hozyain-lesa.html> Дата доступа: 19.07.24.

36. Князев А. С. «Отражение» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-reflection-lyrics>

Дата доступа: 19.07.24.

37. Левченко О. А. Русская романтическая баллада 1820—30-х годов: Материалы к библиографии // Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей. Псков, 1994. С. 191–217.

38. Верина У. Ю. Обновление жанра баллады в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Т. 27, вып. 2. С. 229–23

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья написана на актуальную тему (актуальность её, на наш взгляд, определяется необходимостью глубокого научного литературоведческого и лингвостилистического анализа текстов современных песен как исключительно значимого культурно и социально материала), на недостаточно исследованном на сегодняшний день стилистически материале песенных текстов группы "Король и шут". В ней автор предпринимает попытку выявить сюжеты, мотивы и стилистические особенности традиционной русской баллады XIX века, характерные для текстов песен группы, явно носящих стилизационный характер. В ходе исследования сделано несколько важных наблюдений на уровне сюжетного анализа, наиболее интересные из них, на наш взгляд, связаны с мотивом перехода персонажей песен между мирами. Статья в целом написана научным языком, в едином научном стиле (точечные замечания см. далее).

Тем не менее, при общей довольно высокой оценке статьи, мы считаем, что она нуждается в авторской доработке как технического, так и содержательного характера.

1. Если автор берётся говорить именно о стилизации, он должен понимать, что стилизация – явление стилистики, а значит, её маркеры должны обнаруживаться, в первую очередь, непосредственно в тексте, на уровне языка, а не общих сюжетных схождений. Нам кажется, что статья заметно выиграет от более детального анализа именно текстов, их лексических и синтаксических особенностей, значимых в контексте вопроса стилизации. Пока автор пишет, что "язык довольно прост", но ничем не доказывает это положение (не говоря уже о том, что выбранный материал очевидно имеет куда более тонкие и интересные сближения с балладой на языковом уровне, чем общая простота). Конечно, можно отложить анализ такого рода для будущих исследований, но тогда целью статьи не может являться доказательство того, что тексты "Короля и шута" являются стилизацией.

2. Если речь идёт о текстах песен, излишними представляются рассуждения о сериале, посвящённом группе, и – тем более – биографии участников коллектива. Рассуждения автора небезынтересны, но выходят за рамки темы и "выпадают" из текста. Необходимо более обоснованно связать с темой или исключить. Например: "Отражение фронтмена — Горшка — персонифицировано в сериале «Короле и Шут» (одним из продюсеров выступил Андрей Князев, то есть конечный продукт можно считать результатом творческой рефлексии участника группы и автора текстов непосредственно) в виде демонического шута, который появляется тогда, когда Горшок переходит в изменённое состояние сознания (алкогольное опьянение или психоделический опыт), в котором и происходят споры с этим «злым двойником», подталкивающим к тому, чтобы уйти из жизни на пике популярности. Такого рода «переключения» между плоскостями — реальной, биографической, рассказывающей о становлении группы, её развитии,

внутренних конфликтах и, наконец, смерти Горшка, и фэнтезийной (создатели определили жанр сериала как «панк-сказка») — позволяют воплотить на экранах сюжеты таких песен, как «Лесник», «Охотник», «Медведь», «Внезапная голова», «Ели мясо мужики», «Вдова и Горбун»[24] и др."

3. Несмотря на распространённость сценических имён Горшок и Князь, необходимо указать реальные имена исполнителей при каждом или хотя бы первом упоминании, а не в конце статьи.

4. Ссылки оформлены неверно. Прямые цитаты с указаниями страниц никак не могут ссылаться на разные источники, тем более разноязычные: "В основе такой баллады традиционно лежит фольклорный сюжет, что не позволяет исключить из числа основных признаков жанра «атмосферу чудесного, таинственного, фантастического»[8, с. 4],[9, с. 196],[10] и заложенное в памяти жанра ощущение его генетической связи с долитературными образцами (прежде всего, сказкой и балладой народной). Неслучайно Андрей Князев отмечает, что в массовом сознании балладные тексты ассоциируются прежде всего со страшными сказками: «Сторонний наблюдатель обобщит все творчество "КиШа" одним словом — сказки...»[11, с. 1],[12]".

Статья перспективна и может быть принята к повторному рассмотрению после авторской доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Русская рок-поэзия достаточно серьезно изучается в рамках литературного процесса второй половины XX века. Много качественных, конструктивных, «сложных» исследований. Стоит отметить, что интерес привлекает все – это и формат, и стилистика, и язык, и смысловые линии, не является исключением жанровая верификация. Собственно на анализ традиции баллады в текстах группы «Король и Шут» и направлена рецензируемая статья. Считаю, что предмет исследования правомерен, при этом он соотносится с одной из рубрик издания. Как отмечает в начале труда автор, «в статье предпринята попытка выявить некоторые константные признаки жанра литературной баллады, а после — доказать, что в творчестве «Короля и Шута» заметна опора на жанровую традицию и классические образцы, а значит, их тексты могут быть рассмотрены как опыт реконструкции балладных форм». В работе представлен как теоретический, так и практический уровни. На мой взгляд, неплохо дана справка относительно жанра баллады, уместен т.н. историко-культурный срез. Например, «русская литературная баллада, в частности ее наиболее распространенный и продуктивный англо-шотландский вариант[4], — «затейливый»[2, с. 187] лиро-эпический жанр, который «пришел к нам из Германии и Англии»[2, с. 187] (см. переводы В. А. Жуковского из Шиллера, Гёте и В. Скотта) и оформился в начале XIX в. в системе координат, заданных эстетикой романтизма», или «центральным событием в русской литературной балладе, как и в фольклорной сказке, зачастую становится столкновение человека с иномирными сущностями (мертвецами, духами, потусторонними силами)[3, с. 51]. Однако, в отличие от сказки, герой которой перемещается из «своего», освоенного пространства (яви) в мир мертвых (навь) с целью ликвидации недостачи[10, с. 44], баллада характеризуется прямо противоположной разработкой ситуации пересечения границы: персонаж из «чужого», «потустороннего» пространства (часто — мертвый жених, как, например, в балладе «Людмила» Жуковского или «Ольга» Катенина)

попадает в гармонизированную сферу «здешнего» мира, чем нарушает ситуацию равновесия и каузирует трагические последствия» и т.д. Как видно, ссылки и цитации даются взвешено, умеренно, при этом верно и точно. Анализ текстов «Короля и Шута» объективен, методологически верен (уровень эмпирики также не следует исключать): «описанные выше инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут», действие которых, как и в переводных балладах романтизма, происходит в условном европейском Средневековье, тогда как сюжетная ситуация излагается лапидарно, язык довольно прост, что также является одной из характерных черт баллады[13, с. 71], а само действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен...», или «Важным представляется негативно окрашенная семантика деталей (грязный колодец, «мутная вода»[14]), предвещающих дурное: наутро у Фреда отнимаются ноги, и он сходит с ума, однако бессознательность его действий акцентирована заранее («И зачем-то, вот вопрос, / В дом к себе его отнес»[14]). Традиционный для волшебной сказки мотив «истинной любви» («Стал свою находку / Называть судьбою»[14]), возвращающей зачарованную принцессу к жизни, пробуждающей ее и всех жителей заколдованного замка, также трансформируется, поскольку постепенно подводит Фреда, одержимого своей любовью, к смерти: «От любви безумной / Каждой ночью лунной / Мертвая вставала, / Плотью обрастала»[14] и «Быть хочу всегда с тобой! / Представлять тебя живой, / Верь мне, верь мне, верь мне, верь! / Стоит твоя жизнь моих потерь!»[14]» и т.д. Считаю, что работа интересна, стиль сочинения ориентирован на нучный тип. Должное внимание автор уделяет сюжетике песен группы «Король и Шут», что в принципе верно. Например, «сюжет песни «Лесник» воспроизводит классическую сказочную схему: уставший путник просит ночлега у лесника и остается в его сторожке. Лесник дружелюбно принимает его и говорит, что «среди животных» у него «нет <...> врагов»[18] и что он любит «подкармливать волков»[18]. Гостеприимство лесника, его непринужденная болтовня «о том о сем»[18] мешают гостю заподозрить какую-то связь между этими, на первый взгляд, никак не соотнесенными друг с другом репликами, в итоге развязка оказывается новеллистически внезапной — лесник возвращается с «ружьем наперевес» и объявляет: «Друзья хотят покушать, / Пойдем, приятель, в лес!»[18]». Но иллюстраций, примеров, собственно самих разборов должно быть больше! Текст желательно увеличить в объеме, не помешает еще и сопоставительная вставка с другими рок-командами, есть ли в их творчестве «балладный реверсив», такой ли он или выглядит иначе. Поэтому в формате рекомендаций говорю относительно этого. В целом же работе отвечает требованиям, она будет полезна для тех, кто изучает историю рок-поэзии, отечественную музыкальную культуру. Выводы по тексту созвучны основному блоку; ряд базовых позиции относительно разверстки темы прописаны: «рок-поэт обращается к романтической балладе[27] (небольшому сюжетному стихотворению с динамичным, напряженным развитием сюжета, в основе которого лежит необычный случай), поскольку этот жанр, помимо нарратива и фантастики (мотив встречи человека с чудесным, фантастическим, иномирным, а потому пугающим, взятый в качестве сюжетообразующего[28]), несет в своем ядре элегическую тональность (печальные размышления о несправедливости жизни и ее смысле), а также ощущение трагической неразрешимости жизненных коллизий и внутренних конфликтов, фатальной обреченности героя на смерть, отсюда и лиризация, и монологизация баллады, и исповедальность ее тона». Таким образом, можно констатировать, что материал актуален, нов, нетривиален, но он нуждается в расширении, дополнении аналитической части. Статья «Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» после доработки может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут»» выполнена на интересном и неизученном материале – в ней анализируются тексты популярной группы, которые представляют собой небольшие истории, основанные на сюжетах из фольклора, мифов и легенд. Как правило, исследователями отмечается, что они ориентированы на поэтику «страшных сказок», на что собственно и указывал Андрей Князев, но в данной статье они вписываются в иную традицию. Исходный тезис данной работы состоит в том, что в текстах группы выявляются константные признаки жанра баллады и «заметна опора на жанровую традицию и классические образцы». Данное положение последовательно доказывается в ходе анализа, который опирается на серьезную теоретическую базу. Автор статьи выявляет основные признаки жанра, его содержательные и структурные характеристики, чтобы потом атрибутировать их в рок-балладах группы «Король и Шут». В частности, отмечаются такие элементы, как сюжетность, наличие персонажей, совмещение лирического и эпического, диалогические построения и вопросно-ответная структура, встреча с иномирными сущностями, использование обряда перехода. По наблюдениям автора статьи, «инверсированные сказочные мотивы и обряды перехода можно встретить в ряде песен группы «Король и Шут», а «действие развивается динамически за счет диалогов между персонажами песен». Основная часть статьи представляет собой последовательное и системное иллюстрирование этого наблюдения. Анализируются такие тексты группы «Король и Шут», как «Фред», «Верная жена», «Лесник», «Охотник», «Медведь», «Тайна хозяйки старинных часов» и др. В них рассматриваются хронотоп, трансформация фольклорных элементов, мотив сна, остановившегося времени, мотив ожившего портрета и т.д. Важно, что творчество группы рассматривается в динамике, прослеживается варьирование приемов (например, отмечается процесс лиризации и монологизации баллады, что сказывается на форме текста – появляются исповеди героев-злодеев). Отметим, что автор статьи не только системно рассматривает тексты песен с точки зрения специфики воплощения в них содержательно-структурных параметров баллады, но и выходит на типологические обобщения. Выводы убедительны, их достоверность обеспечивается изучением обширного литературного материала и опорой на классические методы литературоведческого исследования. Список литературы, которым сопровождается статья, состоит в основном из работ А.А. Боровской, текстов группы и исследований о специфике жанра баллады на разных этапах бытования жанра. Думаю, что автору стоит обратить внимание на диссертацию Пивкиной Е.В. «Специфика жанра баллады в отечественной поэзии 1990-2000-х гг.», которая написана на материале, хронологически близком к деятельности группы, что позволит в дальнейших исследованиях вписать баллады не только в романтический историко-литературный контекст, но и рассмотреть своеобразие жанровых поисков авторов песен в синхронии. Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лю Ц. Модель «машинный перевод + постмашинное редактирование перевода» на платформе YiCAT: на примере дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста» для студентов первого курса магистратуры Высшей школы перевода МГУ // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71506 EDN: MYZKDK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71506

Модель «машинный перевод + постмашинное редактирование перевода» на платформе YiCAT: на примере дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста» для студентов первого курса магистратуры Высшей школы перевода МГУ

Лю Цзинпэн

кандидат филологических наук

преподаватель; Высшая школа перевода; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

108802, Россия, г. Москва, ул. Красулинская, 21, кв. 104

✉ ljpesti@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71506

EDN:

MYZKDK

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2024

Дата публикации:

20-08-2024

Аннотация: В данной статье автором анализируется процесс машинного перевода и постмашинного редактирования китайскими студентами на занятиях по дисциплине «Стилистическое постмашинное редактирование текста» при помощи платформы для перевода YiCAT, которая использует модель сочетания машинного перевода и постмашинного редактирования в целях организации учебного процесса и распределения учебного времени. Правительство России в 2017 году утвердило «План цифровой экономики Российской Федерации», в результате чего процесс цифровизации

постепенно проник во все научные сферы. Автор статьи приходит к выводу о том, что российским университетам следует обращать большее внимание на обучение машинному переводу и постмашинному редактированию перевода. Помимо этого, в статье представлена идея о том, что кафедры перевода современных университетов должны фокусироваться на внедрении и применении переводческих технологий и новейших инструментов перевода в рамках обучения навыкам перевода. В России имеется лишь несколько сотен статей, затрагивающих особенности машинного перевода. Большинство из них посвящены изучению имеющихся ограничений, возможностей развития и путей улучшения систем машинного перевода. В то же время статей, затрагивающих особенности постмашинного редактирования текста перевода, представлено чрезвычайно мало. Число таких статей не превышает нескольких десятков. Таким образом, в области исследований постмашинного редактирования перевода существует множество вызовов, которые следует решить как можно скорее для того, чтобы сфера постмашинного редактирования перевода могла соответствовать эпохе искусственного интеллекта. Одновременно с этим российским вузам следует обратить внимание на преподавание дисциплин, затрагивающих средства машинного перевода и навыки постмашинного редактирования. Крупные переводческие факультеты должны активно использовать переводческие технологии и инструменты машинного перевода на занятиях, добавлять новые учебные дисциплины, подразумевающие ознакомление и применение студентами подобных технологий и инструментов, а также встраивать такие дисциплины в рамки имеющихся программ обучения специалистов в области перевода. Все это позволит вузам сформировать надежную основу для воспитания современных и квалифицированных специалистов, отвечающих требованиям новой эпохи.

Ключевые слова:

постмашинное редактирование перевода, китайско-русский машинный перевод, план обучения специалистов, платформа для перевода, новая модель перевода, Высшая школа перевода, эпоха искусственного интеллекта, обучение навыкам перевода, переводческая деятельность, новая эпоха

Введение

Машинный перевод (Machine Translation, MT), также известный как автоматический перевод или компьютерный перевод, — это процесс применения компьютеров для преобразования текста на одном естественном языке (исходный язык) в текст на другом естественном языке (целевой язык). По мере бурного развития интернет-технологий, а также стремительного расширения объемов информации, представленной на различных языках, технология машинного перевода постепенно перестала быть исключительно развлекательной, став эффективным инструментом преодоления естественных языковых барьеров в обществе. В условиях постепенного развития технологии машинного перевода все больше исследователей обращает внимание на вопрос возможностей постмашинного редактирования перевода [\[1\]](#).

В настоящее время машинный перевод во многих случаях помогает или даже заменяет человека при переводе. Однако, несмотря на быстрое развитие данной технологии, машинный перевод по-прежнему имеет определенные качественные недостатки. На практике переводчикам сложно выполнить большой объем переводческой работы за ограниченное время в современных рабочих условиях, используя только человеческие ресурсы. Вместо этого многие переводчики используют средства машинного перевода, а также выполня

ют постмашинное редактирование перевода. Таким образом, постмашинное редактирование текста является необходимым компонентом в работе современных письменных переводчиков. Однако, как в России, так и в Китае существуют пробелы в области построения систем оценки сложности постмашинного редактирования, проектирования вспомогательных систем перевода, а также разработки и исследований инструментов постмашинного редактирования. Помимо этого, в России имеется лишь несколько сотен статей, затрагивающих особенности машинного перевода. Большинство из них посвящены изучению имеющихся ограничений, возможностей развития и путей улучшения систем машинного перевода. В то же время статей, затрагивающих особенности постмашинного редактирования текста перевода, представлено чрезвычайно мало. Число таких статей не превышает нескольких десятков. Таким образом, в области исследований постмашинного редактирования перевода существует множество вызовов, которые следует решить как можно скорее для того, чтобы сфера постмашинного редактирования перевода могла соответствовать эпохе искусственного интеллекта. Одновременно с этим российским вузам следует обратить внимание на преподавание дисциплин, затрагивающих средства машинного перевода и на выки постмашинного редактирования. Крупные переводческие факультеты должны активно использовать переводческие технологии и инструменты машинного перевода на занятиях, добавлять новые учебные дисциплины, подразумевающие ознакомление и применение студентами подобных технологий и инструментов, а также встраивать такие дисциплины в рамки имеющихся программ обучения специалистов в области перевода. Все это позволит вузам сформировать надежную основу для воспитания современных и квалифицированных специалистов, отвечающих требованиям новой эпохи. Данный вопрос уже был актуализирован некоторое время назад. Так, в четвертом выпуске журнала «Вестник Московского государственного университета» за 2019 год декан факультета «Высшая школа перевода» Гарбовский Н. К. совместно с заместителем декана факультета Костиковой О. И. опубликовали статью «**ИНТЕЛЛЕКТ ДЛЯ ПЕРЕВОДА: ИСКУСНЫЙ ИЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ?**». Авторы статьи утверждают следующее: «Сегодня рождается новое понятие — «цифровой перевод», определяющее новый вид технологии перевода, систему сетевого взаимодействия переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств, искусственного интеллекта (ИИ), призванный повысить эффективность переводческого искусства и качество переводческой продукции. Перевод в цифровую эпоху представляет собой сложную систему противоречивых отношений в бинеме «человек — умная машина» [2]. Помимо этого, в 2022 году Гарбовский Н. К. и Костикова О. И. сформировали учебно-исследовательскую группу. В состав группы вошли 3 преподавателя китайского языка Высшей школы перевода МГУ и 4 аспиранта. В результате исследования с 8 февраля 2022 года была запущена новая дисциплина для китайских студентов первого курса магистратуры под названием «Стилистическое постмашинное редактирование текста». Причина создания данной дисциплины заключается в том, чтобы соответствовать тенденциям развития эпохи искусственного интеллекта, а также в обновлении программы обучения специалистов для развития всесторонних переводческих компетенций, отвечающих потребностям современных цифровых технологий.

1. Организация дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста»

При подготовке программы дисциплины авторы изучили и проанализировали множество источников на русском и китайском языке, включавших научную литературу и статьи, которые затрагивали процесс обучения навыкам постмашинного редактирования перевода. Было установлено, что большая часть существующих исследований сосредоточена на ошибках и стратегиях англо-русского машинного перевода. Небольшое количество исследований было посвящено ошибкам и стратегиям перевода в рамках китайско-русского маш

инного перевода. Существует лишь несколько исследований, посвященных процессу обучения постмашинному редактированию китайско-русского перевода, а также типам ошибок, возникающих в процессе постмашинного редактирования, и методам их исправления. При этом в представленных исследованиях в основном использовались такие средства машинного перевода как Google Translate и DeepL Translator, в результате чего у данных исследований имеется единый объект, в то время как полученные результаты не имеют широкого применения. Поскольку разные языки имеют различные лингвистические характеристики, а разные системы перевода - разные характеристики перевода, типы ошибок в машинном переводе отличаются.

Программа обучения и профессиональной подготовки по данной дисциплине должна охватывать такие аспекты, как технологии машинного перевода, стратегии постмашинного редактирования перевода, лингвистические знания и т. д. Существуют некоторые исследования, в которых рассматривается отношение студентов к постмашинному редактированию перевода и их пользовательский опыт, а также способы разработки эффективных учебных программ по постмашинному редактированию [\[3\]](#). Данные исследования стали источником важной информации о возможностях постмашинного редактирования при подготовке соответствующей дисциплины.

«Стилистическое постмашинное редактирование текста» — это обязательный курс второго семестра для студентов магистратуры первого курса, который дает 2 кредита и подразумевает освоение программы в течение 72 академических часов (32 академических часа отводится на занятия лекционного типа и семинарского типа; 40 академических часов отводится на самостоятельную работу обучающихся).

Содержание дисциплины разделено на следующие модули:

1. Ознакомление с существующими программами машинного перевода, сравнительный анализ преимуществ и недостатков каждой программы;
2. Постмашинное редактирование перевода по теме «новости»;
3. Постмашинное редактирование перевода по теме «общественные тексты»;
4. Постмашинное редактирование перевода по теме «кулинария и ресторанное меню»;
5. Постмашинное редактирование перевода по теме «инструкции»;
6. Постмашинное редактирование перевода по теме «описание города»;
7. Постмашинное редактирование перевода по теме «деловая переписка».

Результаты обучения по дисциплине:

Формируемые компетенции	Планируемые результаты обучения по дисциплине
С-ПК-3 Владение когнитивно-коммуникативными умениями восприятия и порождения связных письменных текстов различной функциональной направленности в соответствии с языковой и речевой нормами языков, используемых в процессе коммуникации: русско	Знать специфику восприятия и порождения связных письменных текстов различной функциональной направленности в соответствии с языковой и речевой нормами языков, используемых в процессе коммуникации. Уметь осуществлять профессиональный пи

го языка, первого иностранного языка	сьменный перевод текстов различной функциональной направленности с учетом данной специфики. Владеть когнитивно-коммуникативными умениями восприятия и порождения связных письменных текстов различной функциональной направленности, необходимыми для осуществления письменного перевода.
ПК-5 Способность осуществлять перевод и реферирование письменных произведений речи различных жанров и использовать их при решении профессиональных задач	Знать принципы и методику переводческого анализа, а также лингвостилистические особенности речевых произведений различной жанровой направленности. Уметь эффективно применять данные знания в процессе осуществления письменного перевода с учетом лексических, грамматических и стилистических особенностей текстов разной жанровой направленности. Владеть навыками реферирования и профессионального перевода деловой документации, официальной корреспонденции и медиа-текстов различной жанровой направленности.
ПК-9 Способность порождать и творчески видоизменять оригинальные аутентичные тексты различных типов и жанров на русском и изучаемых иностранных языках	Знать особенности различных регистров коммуникации, грамматические, синтаксические и стилистические нормы исходного и переводящего языков, нормы и правила оформления текста перевода, критерии оценки качества перевода. Уметь анализировать структуру и содержание текстов оригинала и перевода, давать адекватную оценку качества перевода, осуществлять редактирование перевода текстов различных типов. Владеть различными приемами и методами редактирования текстов различных типов.
ПК-10 Способность использовать современные базы данных и информационно-поисковые системы в профессиональной деятельности	Знать методику поиска информации с использованием баз данных международных организаций, корпусов, тезаурусов, профессиональных глоссариев и других современных источников информации. Уметь эффективно и максимально быстро найти достоверный источник необходимой информации. Владеть навыками решения различных переводческих задач с использованием современных баз данных и информационно-поисковых систем.

Итоговой экзамен по дисциплине проводится в форме зачета с соответствующими вариантами оценки: зачтено/ не зачтено.

2. Учебная платформа для дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста»

YiCAT (официальный сайт YiCat: <https://www.yicat.vip>)— это онлайн-платформа управления переводами, разработанная компанией Shanghai Yizhe Information Technology Co., Ltd. (Tmxmal), цель которой заключается в том, чтобы предоставлять пользователям более быстрые и эффективные решения по переводу и локализации. С момента своего запуска на платформе YiCAT поддерживается профессиональный уровень обслуживания, а также ведутся разработки новых решений в таких областях, как анализ многоязыковых больших данных, машинный перевод с применением искусственного интеллекта, обработка естественного языка, интеллектуальная обработка текста и обработка файлов в различных форматах и т. д. Платформа YiCAT предлагает пользователям на выбор множество продуктов, включая групповую версию, корпоративную версию и университетскую версию платформы. Любую версию платформы можно бесплатно использовать по запросу, что очень удобно для пользователей. В результате проведенного сопоставления нескольких схожих платформ мы пришли к выводу о том, что YiCAT действительно является подходящим средством для преподавания и практики в рамках дисциплины постмашинного редактирования. Данная платформа подходит для преподавательской деятельности по переводу, основанной на реальных переводческих проектах, что позволяет преподавателям выполнять задачу по обучению наиболее качественно и системно, а также надлежащим образом воспитывать специалистов, сочетающих как языковые, так и необходимые технические навыки. Ключевые причины выбора данной платформы следующие:

1. Платформа практики перевода, идеально подходящая для студентов

Процесс перевода отображается визуально. Преподаватели могут в любое время проверять ход выполнения заданий учащихся. Они могут настраивать различные опции, такие как самостоятельная оценка студентов, взаимная оценка и оценка преподавателя, а также накапливать корпус перевода в процессе практики.

2. Интеграция нескольких систем машинного перевода

Платформа подключена к десяткам китайских и зарубежных систем машинного перевода, таких как Google и Baidu, между которыми происходит плавное переключение в процессе работы. На платформе поддерживается процесс редактирования машинного перевода, а также функция быстрого вызова средств машинного перевода для удовлетворения потребностей отдельных проектов и задач.

3. Глубокая интеграция технологий искусственного интеллекта

В сочетании с алгоритмами искусственного интеллекта платформа может автоматически наполнять перевод специальными отметками, автоматически оптимизировать результаты машинного перевода, а также интегрировать указанную терминологическую базу данных или базу памяти в результаты машинного перевода, позволяя пользователю удобнее внедрять перевод в работу.

4. Поддержка 30 основных форматов файлов

Платформа поддерживает 30 форматов файлов, таких как doc/docx, xls/xlsx, ppt/pptx, pdf

, txt, html и т. д.

5. Наличие 46 языков

Платформа использует 46 языков, в том числе: китайский, английский, японский, корейский, русский, немецкий, испанский и португальский.

6. Сохранение формата файлов

Платформа поддерживает экспорт в 30 файловых форматов. Экспортируемое оформление и содержание остается неизменным, в то время как открытие и чтение документов становится более удобным для пользователя.

7. Сохранение записей перевода

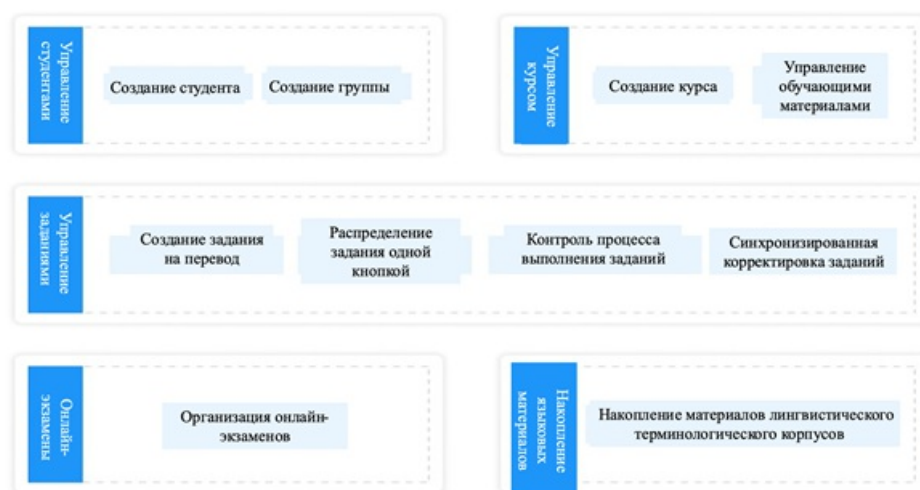
Платформа сохраняет записи о сделанных переводах. При повторном скачивании не требуется дополнительная оплата.

8. Преобразование PDF-документов

На платформе поддерживается функция преобразования PDF в форматы Word, PPT и Excel с точным сохранением содержания и оформления исходного файла.

9. Упрощение процесса обучения и интегрированное управление

При помощи данной платформы преподаватель может объединять разработки учебных курсов и программ, формировать классы, подготавливать домашние задания и экзамены, осуществлять корректировку перевода, а также использовать иные функции. Все это позволяет сделать процесс обучения переводу проще, реализовать его в более замкнутом формате. Процесс управления выглядит следующим образом:

Максимальное количество студентов — более 500 человек; количество файлов в одном проекте — 300; количество предложений в одной базе памяти — 3 000 000; количество записей в терминологическом корпусе — до 1000.

Этапы обучения в рамках дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста»

1. Эффективное распределение учебных часов и разделение 16 занятий на пять этапов обучения.

Вступительный этап (1-я и 2-я недели обучения). Студенты знакомятся с процессом работы платформы YiCAT и средств машинного перевода, выполняют простые упражнения по машинному переводу новостных статей, а также выполняют редактирование машинного перевода. На этом этапе стоит задача дать студентам быстрее привыкнуть к применению платформы. Предполагается, что студенты уже встречались ранее с новостными статьями во время обучения в бакалавриате. Независимо от того, практикуются ли студенты в аудировании или в чтении, большинство выбирает новостной стиль, который требуется при переводе новостных текстов.

Поскольку учащиеся только находятся на вступительном этапе дисциплины, чтобы уменьшить чрезмерную тревогу, связанную с обучением, преподаватель может снизить сложность заданий и дать задания для группового выполнения. Это также позволит студентам развивать навыки работы в команде.

Начальный этап (с 3-ей по 6-ю неделю обучения). Студенты уже знакомы с правилами и использованием платформы. Студенты могут попытаться перевести тексты базового характера, такие как общественные тексты или ресторанные меню. Тексты такого типа тесно связаны с жизнью студентов и достаточно просты с точки зрения грамматической структуры, что делает их умеренно сложными для перевода. Данный подход позволяет повысить интерес учащихся к редактированию машинного перевода.

Продвинутый этап (с 7-ой по 10-ю неделю обучения). Для того, чтобы осуществить плавный процесс обучения и постепенно повысить уровень сложности, на данном этапе происходит изменение содержания переводческих задач. В частности, происходит переход от перевода коротких общественных текстов к более длинным предложениям, представленным в инструкциях. При переводе инструкций машинный перевод имеет множество весомых преимуществ. Например, с помощью лингвистических корпусов или базы больших данных машина может точно подобрать нужный вариант перевода отдельных терминов, что значительно повышает эффективность работы переводчика.

Финальный этап (с 11-ой по 15-ую неделю обучения). После 10 недель обучения студенты могут перейти к практике перевода текстов различных стилей. К примеру, возможен перевод на тему городского описания или деловой переписки. Преподаватели проводят проверку окончательного перевода, после чего оставляют свои комментарии. Помимо этого, преподаватели осуществляют корректировки перевода, делают отметки и выбирают лучший перевод при помощи специальных инструментов на платформе. Во время обсуждения переводов в классе все студенты делятся своим переводом. Студенты суммируют виды ошибок машинного перевода и предлагают соответствующие стратегии перевода для каждого неправильного варианта. На основе определенных стратегий перевода студенты повторно просматривают переводы каждой группы и составляют отчеты, указывая на ошибки, возникшие после собственного редактирования машинного перевода.

В течение контрольного периода (16-я неделя) в конце семестра организуется устный и письменный экзамены.

Заключение

Инструменты перевода на основе применения искусственного интеллекта являются современным и быстрым методом перевода, повышающим эффективность работы переводчика. Однако у данного метода существует ряд определенных недостатков. В настоящее время постмашинное редактирование перевода особенно важно. При этом систематическое обучение стратегиям перевода и воспитание более развитого мышления у переводчиков, выполняющих постмашинное редактирование перевода, является еще более важной задачей.

ей [\[4\]](#).

С помощью платформы YiCAT учащиеся могут проходить курсы постмашинного редактирования перевода, что значительно повышает эффективность их обучения и позволяет преподавателям в режиме реального времени отслеживать прогресс студентов, выполняющих задания. Помимо этого, на платформе происходит архивирование данных и коммуникация участников процесса обучения, что позволяет преподавателям проводить оценку результатов и успеваемости студентов в любое время. Данные о процессе обучения также позволяют проследить закономерности в приобретении учащимися знаний о переводе, что дает возможность преподавателям корректировать учебные материалы с учетом ошибок учащихся при переводе. Это значительно оптимизирует эффективность обучения. По сравнению с традиционными моделями обучения под руководством преподавателя, студенты чувствуют большее удовлетворение при использовании модели онлайн-обучения постмашинного редактирования, которая также повышает их чувство сопричастности. Таким образом, модель, применяющая сочетание машинного перевода и постмашинного редактирования, закладывает основу для развития специалистов в области перевода, требующихся в условиях новой эпохи.

Библиография

1. 肖志清, 金鸣. 国内机器翻译译后编辑研究现状、问题与展望——基于中国知网数据库(1995—2022 年)[J]. 民族翻译, 2022(04):68-76. (Сяо Чжицин, Цзинь Мин. Современное состояние, проблемы и перспективы исследований постмашинного редактирования перевода в Китае: на основе базы данных CNKI (1995–2022 гг.). Национальный перевод. 2022 (04): 68–76)
2. Гарбовский, Н. К., Костикова О. И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22.Теория перевода. 2019. №4. С. 3-25
3. 王华树, 刘世界. 人工智能时代翻译技术转向研究[J]. 外语教学, 2021(05):42. (Ван Хуашу, Лю Шицзе. Изменения в технологии перевода в эпоху искусственного интеллекта. Обучение иностранным языкам. 2021 (05): 42)
4. 程维, 魏子杭. 翻译技术教学中的高阶思维培养 [J]. 上海翻译, 2021(3):39-44. (Чэн Вэй, Вэй Цзыхан. Воспитание развитого мышления в преподавании технологиям перевода. Шанхайский перевод. 2021(3): 39-44)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Модель «машинный перевод + постмашинное редактирование перевода» на платформе YiCAT: на примере дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста» для студентов первого курса магистратуры Высшей школы перевода МГУ», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике изучения переводов, а именно машинного перевода, который уже на протяжении десятилетия успешно применяется в переводческом сообществе для облегчения труда переводчика и увеличения объема выполняемой работы. Кроме того, отметим, что компьютерная лингвистика и искусственный интеллект в области перевода и речи являются одной из перспективных отраслей в наши дни, малоисследованной и формирующейся на наших глазах.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых

в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается не только к лингвистическим аспектам исследуемого вопроса, но и к методическим, а именно к применению данного материала в подготовке будущих лингвистов на специализированных факультетах. Итогом теоретических изысканий явилось разработка дисциплины для китайских студентов первого курса магистратуры под названием «Стилистическое постмашинное редактирование текста».

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

В практической части автор подробно описывает и анализирует разработанный курс, выделяя его преимущества. Однако, в работе не представлено никаких статистических данных о прохождении курса, также отсутствуют педагогические измерения успешности студентов, посещающих занятия и данные о приобретении новых компетенции в сравнении с контрольной группой студентов.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает всего 4 источника! К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по данной и смежной тематике.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Модель «машинный перевод + постмашинное редактирование перевода» на платформе YICAT: на примере дисциплины «Стилистическое постмашинное редактирование текста» для студентов первого курса магистратуры Высшей школы перевода МГУ» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Семёнов В.Б. Пути жанровой эволюции «Саги о Констанции» во второй половине XIV в. // Litera. 2024. № 8.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71523 EDN: NHDYIH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71523

Пути жанровой эволюции «Саги о Констанции» во второй половине XIV в.

Семёнов Вадим Борисович

ORCID: 0000-0003-2532-5381

кандидат филологических наук

доцент, кафедра теории литературы; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, ГСП-1, стр. 51

✉ vadsemionov@mail.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71523

EDN:

NHDYIH

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2024

Дата публикации:

20-08-2024

Аннотация: В данной статье предметом исследования является эволюция фабулы в исторической перспективе. Материалом служит общность средневековых западноевропейских сочинений с похожими сюжетами, известная как «Сага о Констанции». К исследованию были привлечены ее образцы, относящиеся ко второй половине XIV века. Целью исследования было определить пути эволюции обобщенного сюжета «Саги» в отмеченный период относительно ее состояния в предшествующие периоды. Попутно решалась задача выведения охватывающей все образцы «Саги» фабульной формулы с подробной детализацией в виде выделенных мотивов, в свою очередь объединяющихся в две основные фабульные ситуации и два соответствующих этим ситуациям мотивировочных мотивных комплекса. Также с учетом выведенной общей для образцов «Саги» формулы в дальнейшем были выведены формулы четырех

конкретных произведений указанного периода. Ведущим методом исследования был мотивный анализ, а методологией – историческая поэтика и литературная компаративистика. Эти формулы помогают лучше осознать устройство сюжетов, их сходства и отличия, а также они показывают, в какую сторону сюжет имеет тенденцию изменяться, например, какие элементы какого жанра могут активно проникать в исходную фабулу и придавать событийному материалу новую окраску. Средневековый литературный материал хорошо формализуется, подобно образцам фольклора, и прием представления сюжетов в виде фабульных формул для более наглядного сличения различных литературных текстов позволяет достичь значимых результатов в сравнительно-историческом исследовании. В этом заключается новизна представленного исследования, так как до сих пор выбранные произведения сличались для поисков отдельных мотивных соответствий, но не было попыток вывести общую формулу для всей совокупности произведений данной группы.

Ключевые слова:

Сага о Констанции, Эмаре, Лион Буржский, обвиненная королева, оклеветанная жена, средневековый роман, лэ, жеста, мотивировочный комплекс, фабульная ситуация

В XIII в. начала складываться, к рубежу XIII-XIV вв. сложилась и к середине XIV в. начала эволюционировать, приравниваясь к разнообразным жанровым формам эпического повествования, единая история о женской судьбе, структура сюжета которой объединила многие памятники Средних веков и следующих эпох. В западном литературоведении в конце XIX в. эта история получила название «Сага о Констанции» [\[1, p. 1\]](#). Ее прямой сюжет полностью совпадает с фабулой, в чем проявляет родство с повествовательными структурами фольклора, а фабула базируется на двух крупных событиях (эти события воплощены последовательными цепочками событий и действий персонажей как мотивов, и мы будем именовать их *ФС, фабульными ситуациями*). Первая ситуация в целом представляет собой вынужденное расставание с супругом, временный распад семьи (в виде бегства героини или ее изгнания третьими лицами), вторая, финальная, – долгожданное воссоединение. И первой, и второй ситуациям предшествует повествование об иных событиях и действиях – тех, которые в совокупности используются для мотивировки какой-либо основной фабульной ситуации, подводят к ней, мотивируют ее появление (их совокупность мы называем *МК, мотивировочным комплексом*).

Особенность абстрактной фабульной схемы этой единой истории в том, что две основные ситуации и предшествующие им мотивировочные комплексы всегда воспроизводятся на своих местах (*МК-ФС-МК-ФС*), при этом внутри МК отдельные известные мотивы могут целиком исчезать, как и новые появляться, а внутри ФС мотивы не исчезают, а только варьируются (не изменяется то, что жена некоего правителя оклеветана, но маска клеветника может быть надета на того или иного из числа родственников мужа: родную мать, приемную мать, тетушку, зятя, и т.д.; то, что жена правителя в результате ее оговора вынуждена будет оставить его замок или город, неизменно, но ход фабульного действия может направить ее в гущу огромного леса или же в неуправляемой лодке в открытое море).

Автор данной статьи уже рассматривал произведения начального этапа жизни «Саги о Констанции», памятники XIII в., и вывел упрощенную формулу фабульной схемы, достаточную для их описания [\[2, с. 191-192\]](#). Однако история развивалась, и уже в следующем веке от ее основного ствола стали отходить в сторону различные жанровые ветви, рост кото

рых поначалу был вызван тем, что какие-то мотивы МК со временем затвердевали и начинали казаться такими же неотъемлемыми частями истории, каковыми были мотивы ФС (так, около 1270 г. Филипп де Реми де Бомануар создал «Роман о Безручке», в начале которого героиня из-за угрозы инцеста со стороны отца отрубала себе руку, и потом подобный поворот сюжета стал чаще и чаще появляться в образцах «Саги»), или наоборот: отдельные мотивы МК присутствовали в «Саге» изначально и, по-видимому, должны были ощущаться средневековыми читателями эпических сочинений как обязательные – но неожиданно исчезали, чего никогда не произошло бы с мотивами ФС (самый старый мотив «Саги», из которого она начала развиваться, мотив инцеста, был отменен Николасом Треветом, который в 1320-1330 гг. в своих «Хрониках» заместил его не менее драматизированным мотивом кровавой свадьбы: в начале сюжета героиня выходила замуж за обращенного султана Сирии, но злобная свекровь приказала фанатичным язычникам убить своего сына и остальных обращенных прямо на свадебном пиру, на глазах невесты).

В данной статье нашей первой задачей будет детализация и коррекция фабульной формулы на основе рассмотрения следующих образцов «Саги о Констанции» (Констанция – имя героини Тревета, а потом и Дж. Чосера, который в 1393 г. в «Рассказе Законника» воспроизвел в стихах его прозаический сюжет), относящихся к кульминационному периоду ее бытования – ко второй половине XIV в. Большие формы Дж. Гауэра и Дж. Чосера мы оставим в стороне, а обратимся к сочинениям, возможно, менее известным. Вторую задачу мы видим в том, чтобы на примере этих сочинений обозначить те различные *жанровые* пути развития истории, составившей «Сагу», которые наметились для нее в этот кульминационный период.

Сначала составим детализованную фабульную формулу «Саги», основываясь на новых данных из произведений XIV в., о которых речь ниже. Формула, как и прежде, будет состоять из четырех привычных рубрик, которые теперь представим так:

МК I + ФС I + МК II + ФС II

Теперь перечислим мотивы, которые должны будут войти в формулу. Имеющие статус дополнительных будут забраны в круглые скобки. На равно частотные вариации одного и того же мотива будут указывать арабские цифры. Косая черта укажет на вариативность мотива или вариативность его позиции в сюжете.

(A) – мотив сражений с сарацинами (мужа или отца героини, или кого-либо, кто влияет на события в сюжете), ставший особенно актуальным в эпоху Османских завоеваний. В – король замыслил инцест (B1 – король влюбился, B2 – короля убедили посторонние лица). (C) – отрубленная рука героини. (D) – угроза сожжения на костре. (E) – бароны сочувствуют героине. F – героиня покидает владения отца (F1 – она убегает, F2 – её изгоняют). (G) – в скитаниях она избегает опасности нежелательного брака/секса. (H) – встретившееся лицо с функцией покровителя предоставляет ей жилье (часто это управляющий королевского замка). I – местный правитель влюбляется в героиню, следует скорая свадьба. (J) – героиня скрывает настоящее имя и происхождение. K – некто из числа родственников жениха (часто его родная мать) оказывается недоволен. L – отъезд молодого супруга по важному поводу надолго (часто на войну), он оставляет героиню беременной. M – она рождает (M1 – одного сына, что дает возможность в ФСII наделить его функцией того связующего звена, благодаря которому воссоединение родителей состоится, M2 – двух сыновей, что позволит ввести в МКII мотив похищения детей дикими (часто геральдическими) зверями). N – антагонист подменяет письма, героиня оклеветана. (O) – звери уносят детей вскоре после обязательного сюжетного повтора F1 или F2. (P) – отшельник или лицо духовного звания берет на себя заботу о детях и их воспитание (мотив появляется, если

есть предшествующий мотив киднеппинга). Q – героиня прибывает в Рим (редко в иной крупный город). R – находит жилье и, возможно, покровителей (часто это семья сенатора, редко иные лица: купец, священник и проч.). S – вернувшийся домой муж после расследования наказывает антагониста (рядом возможен мотив A как конкретизирующий, после каких событий в его жизни возвратился муж или что может помешать ему сразу пуститься на поиски героини; если тут наказание пропущено, то мотив S появляется в финале как дополнительный). (T) – поиски героини (к удивлению, они не являются обязательным элементом фабулы, часто воссоединение семьи обусловлено не ими, а волей случая). U – встреча мужа и жены по прошествии длительного времени в том месте, где жена обитает (часто в доме ее покровителя). (V) – воссоединение с детьми (если фабула включила мотив O). (W) – воссоединение с отцом, также прибывшим к святым местам в город, где живет героиня, на покаяние. (X) – если в фабуле присутствовал мотив отрубленной руки (C), то здесь рука воссоединена с героиней чудесным образом при содействии духовного лица (святого, понтифика и проч.). Y – судьбы потомков героини в будущем устраиваются наилучшим образом: они наследуют обширные владения и титулы предков. В итоге складывается общая для образцов «Саги о Констанции» XIII-XIV вв. детализованная формула последовательности фабульных мотивов:

МК I: (A), B1/B2, (C), (D), (E), F1/F2 +

ФС I: (G), (H), I, (J), K, L, M1/M2, N, (C), (D), (E), F1/F2 +

МК II: (O), (P), Q, R, (A), S/, (T) +

ФС II: U, (V), (W), (X), /(S), Y

Первый путь эволюции «Саги» предполагал репродукцию базовой эталонной истории с минимальными сюжетными изменениями. Его воплощение мы встречаем в латинском прозаическом сочинении, созданном в начале второй половины XIV в., – «Ystoria Regis Franchorum et Filie in qua Adulterium Comitere Voluit» («История короля франков и дочери, с которой он хотел прелюбодействовать»). Этот образец «Саги» сохранился в единственной рукописи *Paris, Bibliothèque nationale de France, latin, 8701* (f. 142r-147r). В ней текст поделен на 17 нумерованных, но озаглавленных глав, и Г. Сюшье в 1910 г. на основе этих заглавий создал следующий *синопсис*:

«I. Мы читаем, что у короля Франции была прекрасная дочь, в которую он влюбился. Однажды на рассвете он подходит к ней и делает ей нечестивые предложения. II. Девушка сначала отказывается. III. Но позже она обещает отцу подчиниться его воле через четыре дня. Тем временем она убегает, переодевшись мужчиной. IV. Этой ночью, когда она думает, что находится достаточно далеко, она надевает свою женскую одежду. Приехав в город вассального графа своего отца, она находит приют у матроны, которая вышивает серебром и которая принимает ее, чтобы та помогла ей в работе. Граф, проходя перед домом, видит ее и влюбляется в нее. V. Граф посылает за матроной и обещает ей вознаграждение, если ей удастся уговорить прекрасную незнакомку. VI. Она скорее уедет из города, чем поддастся желанию графа. VII. Прежде чем узнать о ее бедствии, граф решает жениться на ней. VIII-IX. Она соглашается, и свадьба происходит без промедления. Мать графа, которая все еще жива и живет монахиней в монастыре, осыпает сына упреками за то, что тот женился на чужой. X. Вот король Франции хочет устроить прием и приглашает герцогов, графов, баронов королевства. Туда же едет и наш граф, оставив жену беременной. Всего через несколько дней после своего отъезда она родила двух сыновей, о рождении которых объявила мужу в письме, посланном гонцами. Граф испытывает огромную радость. Однако письма графа к графине перехватываются матерью графа и заменяю

тся другими письмами, полными резкости и угроз. XI. После девятимесячного отсутствия граф думает о возвращении. Графиня, из-за писем с угрозами опасаясь за свою жизнь и жизнь своих детей, бежала вместе с ними благодаря помощи лодочника. После нескольких дней пути лодка прибывает в Рим, где графиня снимает жилье и продолжает работать вышивальщицей. XII. Граф, вернувшись домой, узнает, что его жена сбежала с детьми, и винит в этом жестокость судьбы. XIII. Когда двум мальчикам графини исполнилось двенадцать лет, кардинал проезжает верхом перед резиденцией графини. Он видит двух мальчиков, которые ему нравятся, и умоляет их мать отдать их ему. Поскольку он хочет взять на себя их образование, она соглашается. XIV. Папа хочет устроить большой прием и приглашает всех королей, графов, герцогов и принцев христианского мира. Когда граф прибыл в Рим, он поселился у кардинала, с которым давно дружил. Случайно графиня видит его там, она зовет своих сыновей к себе домой, а на следующий день идет с ними в дом кардинала и становится на колени перед графом. XV. Она рассказывает ему причину своего бегства, и граф радуется, что нашел свою семью. XVI. Вернувшись в свою страну, граф отправился расспросить гонцов и узнал, что его мать перехватила письма и заменила их другими. XVII. Граф отправляется в монастырь и приказывает бросить виновницу в огонь со связанными руками. После смерти своего короля англичане избирают королем старшего из сыновей графа. Другой наследует своему отцу в графстве» [3, pp. 62-63].

Формула фабульных мотивов памятника: МК I: B1, F1 + ФС I: (H), I, K, L, M2, N, F1 + МК II: Q, R + ФС II: U, (S), Y. Она наглядно демонстрирует выделенность развернутых ФС на фоне скупых на события МК. Учитывая развитие истории в XIII в. есть основания предположить, что такой состав фабульных мотивов соответствует тому начальному состоянию «Саги о Констанции», в котором эта обобщенная история вошла в следующий век. Для начального этапа развития «Саги» был характерен очевидный *географический разброс* событий (Англия, Греция, Испания, Византия, Рим, Венгрия, даже упоминаемые Янсенем Эникем «Русские земли»). В первой половине XIV в. именно во Франции появляются *локализованные* варианты «Саги» – «Роман о графе Анжуйском» Жана Майара и история о дочери графа Пиктавии (т.е. Пуату) из «Небесной лестницы» Жана Гоби-младшего. Таким же локализованным вариантом является и «Ystoria Regis Franchorum», все события которой разворачиваются на землях французской короны. Тем значимее финальное упоминание о том, что один из сыновей героини получил корону от англичан, потерявших своего короля: эта деталь представляется нам прямым свидетельством исторических корней «Саги», ведь ее самой ранней версией является «Vita Offae Primi» («Житие Оффы Первого»), памятник, время создания которого относят к концу XII века.

В тот же период в Англии было создано анонимное произведение на среднеанглийском языке объемом в 1035 стихов в жанре *бретонского лэ* – «Emaré» («Эмаре»). Поэма сохранилась в известной рукописи *London, British Library, MS Cotton Caligula A.II* (f. 71r-76v). В ее заключительной строфе (а именно в стихах 1030-1032) анонимный поэт сообщает, что «это одна из бретонских лэ, которые пели в былые дни, и люди называют <ее> "Playn d' Egareye"». Собственно имена *Emaré* (от старофр. *esmarie* - страдальца) и созвучное ему *Egareye* (от старофр. *esgaree* - изгнанница), сменяемые героиней по ходу сюжета, мотивированы его событиями так же, как это было в романе «La Manekine» («Безручка») трувера Филиппа де Бомануара, героиня которого, Жои (*Joie*, радостная), лишала себя руки и принимала имя Безручки. Поэма на современные языки не переводилась, но читателям до ступен ее *синописис*, созданный в недавнее время Э. К. Спирингом:

«Эмаре, единственное дитя императора Артия, теряет мать во младенчестве и воспитывается в доме Абро, женщины, которая учит ее вежливости и тонкому шитью. Король Сицилии посещает Артия и дарит ему великолепно вышитую ткань. Артий жаждет увидеть свою

взрослую дочь; когда она приезжает, он влюбляется в нее и получает разрешение папы жениться на ней. У него есть платье, сделанное из ткани, и, увидев ее в ней, он обнаруживает свое кровосмесительное намерение. Когда Эмаре отказывается, Артий бросает ее в платье <плыть в лодке в море> по течению, чтобы <он начал> только сожалеть об этом. После недели плавания Эмаре достигает Галиса, и ей дает убежище Кадор, королевский управляющий; переименовав себя в "Эгаре", она преподает вышивку в его доме. Король видит "Эгаре" в ее одежде и влюбляется. Кадор говорит, что она дочь графа, и она здесь, чтобы учить его детей куртуазности, и король женится на ней вопреки желанию своей матери. В то время как "Эгаре" беременна, король отправлен своим сюзереном сражаться с сарацинами. "Эгаре" рождает сына Сеграмура, но письмо Кадора королю с этой новостью подменено письмом матери короля, в котором говорится, что "Эгаре" родила чудовище. Щедрый ответ короля также подменен его матерью на приказ, чтобы "Эгаре" в ее платье была отправлена в море с ее ребенком. Среди штормов, в лодке без руля и запасов еды, "Эгаре" кормит грудью ребенка, пока течение не приносит их в Рим. Там ее находит богатый торговец Журдан, ослепленный ее одеянием, и велит своей жене заботиться о ней. "Эгаре" шьет вышивку в доме Журдана и учит Сеграмура куртуазности. Ее муж возвращается домой и изгоняет свою мать. Позже, ища покаяния в Риме, он случайно останавливается у Журдана. "Эгаре" посылает Сеграмура прислуживать ему; мальчик напоминает королю о собственном сыне, и он предлагает усыновить его. Теперь Сеграмура посылают пригласить короля поговорить с Эмаре, которую считают умершей; когда он видит ее в ее одеянии, они воссоединяются. Артий также прибывает в Рим в поисках отпущения грехов; Сеграмур воссоединяет его с дочерью и становится его преемником на троне императора» [4, pp. 61-62].

Фабульная формула «Эмаре»: МК I: B1, (A), F2 + ФС I: (H), I, (J), K, L, (A), M1, N, F2 + I K II: Q, R, S + ФС II: U, (W), Y. С одной стороны, как показывает формула, перед нами традиционная история, даже с широкой географией событий (в сюжете среди прочих действует король Сицилии, который вводит в свой рассказ язычников Вавилона, а героиня попадает в Galys, т.е. Уэльс). С другой стороны, формула не передаст, насколько большой объем текста может захватить долженствующий быть второстепенным мотив. В первом МК появляется мотив борьбы с сарацинами, который мог бы быть свободным, но в этом произведении приобретает иной статус: в синопсисе Спининга не отражены прибытие в гости к Артию короля Сицилии, поднесение последним в дар отцу героини необычного отреза ткани со вплетенными в него драгоценными камнями и изящной вышивкой по углам (там были изображены известные влюбленные пары Амадас и Идойна, Тристан и Изольда, Флорис и Бланшефлёр, а также сама вышивальщица, дочь языческого эмира, и ее возлюбленный, сын султана Вавилона), не отражен и рассказ гостя о том, как дочь эмира вышивала семь лет этот шедевр, чтобы подарить любимому, и как отец короля Сицилии силой оружия отвоевал его у султана.

Мотив этого необычного подарка, опосредованно вводящего тему сражения с сарацинами, переходит в разряд сюжетообразующих: исследователи подчеркивают, что разглядывание Артием этой волшебной ткани, особенно по превращении ее в платье, в котором он видит свою дочь, оказывается подпаданием под магический эффект, присущий дару [5, p. 341]. Действительно, впервые увидев ткань, Артий почувствовал: "thys ys a faury" (ст. 104, «это волшебство»). А когда дочь надела платье из этой ткани, волшебство до предела усилило инцестуальные намерения отца, потому что "she semed non erthely wommon" (ст. 245, «она казалась неземной женщиной»). Да и объем, который занял этот фрагмент с мотивом дара, с его подробным описанием и с финальным указанием на символизм золотой швейной работы (ст. 168: "stuffed wyth ymagerye", т.е. «насыщенная образностью»), явн

о указывает на его особую значимость. Поэма невелика, в 1035 стихов. Для бретонских лэ вообще характерна лапидарность повествовательной манеры, избегание и предметной, и сюжетной детализации. А тут немногим менее пятой части всего текста оказалось занято рассказом о даре. И даже по синопсису видим, что одеяние Эмаре играет важную роль на протяжении всего сюжетного действия: король Галиса и влюбляется в нее, когда это одеяние на ней, и много лет спустя узнает ее в том же одеянии. Вывод, который можно сделать об «Эмаре»: оставаясь в поле притяжения старых, эталонных версий «Саги», этот образец бретонского лэ намечает новый путь исторического движения старой истории – ко *многолинейности* сюжета, так как история, рассказанная Артию королем-дарителем, в зародыше содержит возможность быть развернутой в отдельную сюжетную линию.

К середине XIV в. относятся ранняя стихотворная версия истории, известной как «*La Belle Hélène de Constantinople*» («Прекрасная Элен Константинопольская»). Памятник сохранился в трех рукописях. Основная – *Arras, Médiathèque municipale, MS 742* (f. 1r-199v). Здесь памятник объемом в 15538 александрийских стихов, организованных в 399 лесс, озаглавлен «*Le Roman d'Elaine, Femme au Roy d'Angleterre*» («Роман об Элен, жене короля Англии»). Известны также *Lyon, Bibliothèque municipale, MS 767*, в которой памятник в *эксплиците* назван «*Cronique d'Elaine*» («Хроника Элен»), и содержащая отдельный краткий фрагмент сочинения *Oxford, Bodleian Library, MS Douce 381*. Такое расхождение названий в вариантах одного текста неслучайно: этот образец «Саги о Констанции» в отдельных частях сюжета проявляет черты разных не перемешивающихся жанров, т.е. в его сюжете протекает процесс *гибридизации* [6, pp. 73-74]. Вот сверхкраткий *синопсис* от Э. Арчибальд (мы приведем лишь его первую половину, относящуюся к первому МК, первому ФС и к началу второго МК: Арчибальд создала настолько краткий пересказ, что из него выпали многие важные сюжетные детали, и читателям может быть, например, непонятно, как Леон и Брак, сыновья героини, превратились в Мартина и Бриса, и т.д.):

«Антуан, император Константинополя, помогает римлянам во время осады сарацинов и получает в награду руку дочери императора; она умирает, рожая их дочь Элен. Антуан влюбляется в свою дочь; когда Папа снова просит о помощи против сарацинов, Антуан просит взамен разрешения жениться на Элен. Папа неохотно соглашается; он очень обеспокоен, когда Антуан требует свою награду, но голос с небес объявляет, что Антуан никогда не сможет исполнить его нечестивое желание. Антуан возвращается в Константинополь и говорит Элен, что они поженятся на следующий день. Она сбегает на лодке, прибывает во Фландрию и живет в монастыре. Встревоженная интересом местного короля к ней, она снова отправляется в путь на своей лодке, но попадает в плен к пиратам. Капитан делает ей предложение, но ее молитвы вызывают шторм, в котором все, кроме нее, тонут. Она причаливает на доске около Ньюкасла на севере Англии и встречает короля Генриха, который женится на ней, к ужасу своей матери.

Рим снова подвергается нападению: Антуан уехал искать свою дочь, поэтому Папа просит помощи у Генриха, который соглашается и поручает свою беременную жену заботам герцога Глостера. В Риме Генрих видит портреты своей жены, которые были написаны на колоннах папского дворца по приказу Антуана; Папа рассказывает ему эту историю. Элен рождает сыновей-близнецов; ее свекровь подделывает письмо, объявляющее о рождении двух чудовищ, и ответ, приказывающий сжечь королеву и ее детей. Вместо этого герцог Глостер отрубает ей одну руку, прикрепляет ее к одному из близнецов и выставляет их в сех напоказ в лодке, которая прибывает на остров под названием Констанс. Пока Элен дремлет, волк уносит ребенка с рукой, которого затем воспитывает отшельник. Лев забирает другого ребенка, и, в конце концов, отшельник тоже его находит: он называет близнецов Браком и Лионом. Генрих побеждает сарацинов и возвращается в Англию. Антуан п

рибывает в Баварию, где он мешает языческому королю жениться на его собственной дочери и обращает страну в христианство. Генрих обнаруживает предательство своей матери и сжигает ее. Два короля встречаются в Булони, совещаются и отправляются на поиски Элен...» [7, pp. 247-248]. Добавим, что после многочисленных приключений второстепенных героев (к ним относятся муж, отец, сыновья героини и другие короли и святые), составляющих самую большую сюжетную часть, второй МК, семья в финале воссоединена, а невредимая рука чудесным образом прирастает к Элен.

Фабульная формула такова: МК I: (A), B1, F1 + ФС I: (G), F1 (G), I, (J), K, L, (T), (A), M2, N, (C), (D), F1 + МК II: (O), (P), (A), S, (B1), (T), R, Q, (A), (A), Q, (A), (A), (T) + ФС II: (), U, (W), (X), Y. «Прекрасная Элен» представляет третий путь развития «Саги». Во-первых, некоторые мотивы, задающие персонажам характеристики, вступают в сочетания с другими и изменяются: например, отец Элен со своей извращенной любовью является вместе с тем и героем, дважды по сюжету спасающим Рим от сарацинов, а потом и предотвращающим инцест в семье баварского короля, и даже неоднократно крестящим язычника. Во-вторых, намеченная в «Эмаре» тенденция к развитию сюжетной многолинейности уже в полной мере себя проявляет. Так, в МКII можно заметить следующие один за другим мотивы на одну тему – борьбы с сарацинами. Эти событийные мотивы А относятся к разным линиям – линиям отца, мужа, сыновей героини. То же и с мотивами Т: поиски героини ведутся разными персонажами то отдельно, то вместе. Вообще, в «Прекрасной Элен», использование сюжетного приема умножения мотива, кажется, достигает пика. Героиня «Саги» традиционно убегает от отца, а потом от злых козней свекрови (или иного антагониста), но в этом ее образце героиня убегает от возможного брака с королем Фландрии, а потом от связи с главарем пиратов. И в этом случае приходится констатировать, что представленная формула, сама по себе достаточно насыщенная, не может передать мелочей: мы отбирали в нее все фабульные события, так или иначе связанные с линией жизни героини, но, если смотреть на сюжет «Прекрасной Элен» как на сюжет многолинейного романа, в формулу войдут многие пропущенные детали, потому что укрупнятся (в частности, Брис, сын Элен, однажды попадает в плен, из которого его спасает влюбившаяся в него сарацинская принцесса, – всё это особо значимо для сюжетной линии самого Бриса). В-третьих, в историю об ударах судьбы, выпавших на долю женщины, в «Прекрасной Элен» как в образце «Саги» впервые вплетены мотивы из параллельно развивавшейся истории об ударах мужской судьбы: похищение детей дикими зверями, их воспитание лицом, заменившим родителей, и, наконец, воссоединение с родителями. Данные фабульные события хорошо известны по имеющему агиографический уклон рыцарскому роману начала XIV в. «Сэр Изумбрас» и по более раннему житию св. Евстафия, которое в Средние века присутствовало в популярных сборниках назидательных повестей «Золотая легенда» и «Римские деяния» [8, с. 90]. Эти мотивы как усиливают мелодраматизм сюжетного действия, так и придают тексту религиозную окраску. В целом, можно отметить, что пути развития «Саги о Констанции» во второй половине XIV в. различались жанровой окраской и сложностью фабулы (наряду с текстами незамысловатыми в рукописи оказывались включенными сочинения, обладающие многособытийностью и многолинейностью сюжета) – и равно правно существовали в литературе указанного периода.

К этому периоду относится и появление четвертого пути. Если в «Прекрасной Элен Константинопольской» линия героини сохраняла статус линии основной, то в сложенном в то же время героическом эпосе «Lion de Bourges» («Лион Буржский») история «Саги о Констанции» отошла на второй план, а на линии, подобные второстепенным в «Элен», был перенесен сюжетный акцент. Недаром история «Саги» оказалась отодвинута в финальную часть «Лиона Буржского»: в этой огромной жесте объемом в 34298 александрийских стихов в сюжет старой истории, встроенный в новый контекст, начинается лишь с 27778 стиха, т.

е. занимает приблизительно пятую часть текста памятника.

За много лет до подготовки первого комментированного издания «Лиона Буржского» его будущие редакторы У. Киблер и Ж.-Л. Пишери на протяжении 1974-1975 гг. в медиевистском журнале «Олифант» публиковали синопсис жести. Длина синопсиса была адекватна многолинейности и многособытийности сюжета романа, поэтому ниже мы с опорой на их синопсис той части сюжета, которая представила вариант «Саги о Констанции», передадим событийную канву в существенно сокращенном виде [\[9, pp. 249-259\]](#).

Эрпен Кипрский был в крестовом походе, когда получил известие, что жена при смерти. Он успел вернуться, чтобы услышать ее последние слова – просьбу не жениться, если только женщина не будет ее копией. Бароны хотели, чтобы у их повелителя родился в новом браке мальчик, и стали убеждать Эрпена в необходимости повторного брака, разрешение на который они даже получили у понтифика в Риме. У Эрпена была четырнадцатилетняя дочь Жуайез, и только она была похожа на мать, о чем после долгих поисков невесты сообщили Эрпену бароны. Он объявил Жуайез, что они вступят в брак, но следующим утром она, чтобы не быть подобием матери, отрубила свою левую руку и бросила в море, где ее проглотил осетр. Эрпен разгневался и собрался сжечь дочь, но бароны пригрозили восстанием, и он изгнал ее, отправив в море на корабле.

Оливье, сын героя жести, был королем Испании. Находясь в Каффо, в замке, который он подарил пастуху Эли и его жене Беатрис, заботившихся о нем в детстве, он взглянул в окно и увидел прибывающий в порт корабль с самой красивой, но однорукой девушкой на борту. Он поспешил ее встретить и влюбился с первого взгляда. На его расспросы Жуайез отвечала, что она дочь рыбака с Родоса, а по имени Тристуз. Он признался в любви, и на следующий день назначили свадьбу. Беатрис была недовольна тем, что Оливье выбрал в жены простолюдинку, и замыслила разрушить брак. Когда Оливье вскоре отправился воевать, она подделала письмо короля к управляющему замком Генриху с приказом сжечь жену и двух рожденных ею детей под страхом его и всего его рода казни. Генрих и местные бароны имитировали сожжение, а Жуайез с детьми вынужденно отправилась в море на корабле. Никем не управляемый корабль доставил беглецов в гавань Рима. Жена сенатора заметила странный корабль и поспешила с мужем в порт. Они взяли Жуайез и детей под свою опеку.

Оливье возвратился в замок Каффо с радостью, что обнимет свою Тристуз, но обнаружил их пропажу. Расследование показало, что виновна Беатрис, но по просьбе Эли Оливье простил свою приемную мать. Несколько лет спустя Оливье в сопровождении Эрпена Кипрского прибыл в Рим, чтобы рассказать о своих приключениях Папе. Случайно они остановились в гостинице, которую часто посещала Жуайез. После ужина Оливье увидел одного из детей, играющего с золотым кольцом, и узнал то самое кольцо, которым обвенчался с Жуайез. А Эрпен разглядел, что ребенок точь-в-точь как Оливье, и попросил их отвести к его матери. Сын взял отца за плащ и повел его в комнату больной Жуайез. Она упала перед ним на колени, но Оливье поднял ее и рассказал о великом обмане, который был совершен. Тогда же произошло великое чудо: на кухне повар чистил осетра и нашел в его брюхе руку, которую Жуайез давным-давно выбросила в море. Жуайез узнала, что это ее рука; она отнесла ее Святейшему Отцу, который чудесным образом восстановил ее. После этого Эрпен вернулся на Кипр, а Оливье возвратил Жуайез и детей в свое королевство.

Фабульная формула вставной истории на фоне формулы сюжета «Прекрасной Элен» выглядит простой: МК I: (A), B2, (C), (D), (E), F2 + ФС I: I, (J), K, L, M2, N, (D), (E), F1 + М II: Q, R, (A), S + ФС II: U, (W), (X). Заметно сильное влияние на эту вставку сюжета ром

ана Бомануара «Безручка» как раннего образца «Саги о Констанции»: тема отрубания руки и финального обнаружения никак не поврежденной временем конечности в выловленной рыбе, имитация сожжения героини, ее аллюзивное имя (*Joieuse*, 'радостная', – и *Joie*, 'радость', у Бомануара), и т.д. [10, p. 348] Кроме того, имя *Joieuse* в сюжете «рифмуется» с именем *Trestouze* ('печальная'), но мы это наблюдали и в предыдущем примере «Саги» (*Emaré / Egarye*). Своеобычных фабульных черт у вставной истории по сути всего две: Оливье не казнит, а прощает временную антагонистку второплановой героини, приемную мать (обратим внимание на то, что это единожды происходит в западноевропейских образах «Саги», следующий раз мы встретим тему прощения только в «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина); судьба детей не оглашается по возвращении в Испанию, поскольку же ста не завершается этим и вообще ее сюжет раскрывает более важные деяния – битвы рыцарей на Святой земле. Наконец, если Жуайез – в масштабах целого сюжета жесты оди н из персонажей второго плана, следует заметить, что есть и более важные второстепенные персонажи, например, Белый рыцарь, сопутствующий Лиону и Оливье и, очевидно, представляющий небесное воинство, поддерживающее крестоносцев. В целом, эпическая поэма не ограничивается лицами, живущими «здесь и сейчас»: в ней встречаем короля Артура, фею Моргану и других известных персонажей из различных средневековых повествований, а из плоскости собственного сюжета анонимный автор жесты вышел в трехмерное пространство истории французской литературы (так, с Оливье – в напоминание об эпосе о Роланде – оказывается связана тема волшебного рога). Таким образом, историю об обвиненной королеве оказалось возможным не только дополнять новыми, вставными мотивами, как это было в «Прекрасной Элен», но и без дополнений к ней саму сделать дополнением к постороннему развернутому сюжету.

Подводя итог рассмотрению путей эволюции «Саги о Констанции» во второй половине XV в., можно констатировать, что это период активной сюжетно-жанровой трансформации фабульного материала, который осознавался уже давно привычным «окостенением» сцепления определенных мотивов и что действия авторов разных версий «Саги» были нацелены на обновление старой истории.

Библиография

1. Gough A. B. The Constance Saga. Berlin: Mayer & Müller, 1902. 84 p.
2. Семенов В. Б. «Сага о Констанции»: о параллелях из средневековых европейских литератур XIII в. к сюжету «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 4. С. 186-193. DOI: 10.33979/1998-2720-2023-101-4-186-193
3. Suchier H. La Fille sans Mains // Romania. 1910. Tome 39. № 153. Pp. 61-76.
4. Spearing A. C. "Emaré": The Story and its Telling // Edwards, A. S. G. (ed.) Medieval Romance, Arthurian Literature: Essays in Honour of Elizabeth Archibald. Cambridge: D.S. Brewer, 2021. Pp. 61-76.
5. Donovan M. J. Middle English Emaré and the Cloth Worthily Wrought // Benson, L. D. (ed.) The Learned and the Lewed: Studies in Chaucer and Medieval Literature. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1974. Pp. 337-342.
6. Jeay M. La Belle Hélène de Constantinople: Hybridation ou syncrétisme générique? // Gingras F., Doudet E. et Trachsler R. (eds.) Motifs merveilleux et poétique des genres au Moyen Âge. Paris: Classiques Garnier, 2016. Pp. 73-82.
7. Archibald E. Incest and the Medieval Imagination. Oxford: Clarendon Press, 2001. 295p.
8. Семёнов В.Б. Поэтика и топика средневекового английского романа «Сэр Изумбрас» (XIV в.) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 1 (75). С. 86–93. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-86-93

9. Kibler W. W., Picherit J.-L. Lion de Bourges (conclusion) // Olifant. 1975. Vol. 2. No. 4. Pp. 246-259.

10. Fenster T. S. Joie Mêlée de Tristouse: The Maiden with the Cut-off Hand in Epic Adaptation // Neophilologus. 1981. № 65(3). Pp. 345–357.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Пути жанровой эволюции «Саги о Констанции» во второй половине XIV в.», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению единой истории о женской судьбе, структура сюжета которой объединила многие памятники Средних веков и следующих эпох, получившей название «Сага о Констанции» западном литературоведении.

В данной статье первой задачей автор ставит детализацию и коррекцию фабульной формулы на основе рассмотрения следующих образцов «Саги о Констанции» (Констанция – имя героини Тревета, а потом и Дж. Чосера, который в 1393 г. в «Рассказе Законника» воспроизвел в стихах его прозаический сюжет), относящихся к кульминационному периоду ее бытования – ко второй половине XIV в.

Работа является теоретической. Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что во введении отсутствуют ссылки на работы предшественников, что не позволяет в полной мере оценить авторский вклад в приращение научного знания.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается как к общенаучной методологии, так и к методам литературоведения. Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых присутствуют работы как на русском языке, так и зарубежных исследователей на языке оригинала.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации российских ученых по данной и смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории литературы и истории зарубежной литературы. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Пути жанровой эволюции «Саги о Констанции» во второй половине XIV в.» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Денисов А.Ю. А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике» // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71547 EDN: OOHGSO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71547

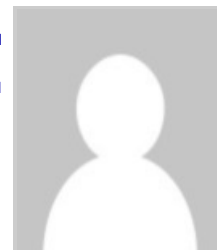
А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике»

Денисов Александр Юрьевич

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Колмогорова, 1

✉ audenisov@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71547

EDN:

OOHGSO

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2024

Дата публикации:

25-08-2024

Аннотация: Предметом исследования являются особенности и основное содержание представленной на страницах информационно-библиографического издания "Чеховский вестник" в 2000–2010-е гг. дискуссии о проблемах преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветских средних и высших учебных заведениях. Проблема необходимости создания новых, адекватных постсоветской социокультурной ситуации учебных и методических пособий, а также проблема распространения научного знания о жизни и творчестве А.П. Чехова привлекла внимание ведущих современных чеховедов, побудила их к созданию новых учебных материалов, организации специальных конференций и в целом к дискуссии по данной проблеме. Дискуссия позволяет судить о новейших проблемах и вызовах как академического чеховедения (и в целом литературоведения), так и школьной практики преподавания творчества А.П. Чехова и

литературы в целом. Анализ материалов, представленных на страницах информационно-библиографического издания "Чеховский вестник", позволяет увидеть особенности динамики данной дискуссии и современного чеховедения в целом. Основной вывод данного анализа состоит в том, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пытались ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х появление новых учебников в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х отчасти решило эту проблему, однако создало новую: на смену недоступности качественной информации пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и зачастую у учителей/преподавателей. Снижение общего культурного уровня приводит к усилению разрыва между академическим литературоведением и школьной практикой и усилению межпоколенческого культурного разрыва, попытки ученых-чеховедов влиять на школьное изучение Чехова и вообще русской литературы сталкиваются с проблемой непопулярности, невостребованности научного гуманитарного знания в обществе.

Ключевые слова:

Антон Павлович Чехов, чеховедение, преподавание литературы, учебная литература, русская классическая литература, школьный литературный канон, чтение, литературное образование, постсоветская Россия, система образования

В 1990-е гг. в России возникла потребность в новом освещении жизни и творчества А.П. Чехова (как и всей истории русской литературы) в учебной литературе для студентов и школьников и в методической литературе для преподавателей. Связано это было, во-первых, с распадом СССР и отказом от прежних идеологических догм, а во-вторых, с необходимостью учесть значительнейшие достижения отечественного чеховедения в 1970-е–1980-е гг. (издание ПССП, исследования З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой, А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, И.Н. Сухих и др.). На рубеже 1990-х–2000-х гг. появилось сразу несколько новых вузовских и школьных учебников по истории русской литературы с разделом о Чехове, а также несколько пособий, посвященных преподаванию Чехова в школе.

В 2001 году издательством МГУ был опубликован учебник по истории русской литературы 1870-х–1890-х гг. под редакцией В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой и В.Б. Катаева, главу о Чехове для него написал В.Б. Катаев. Акцент в главе сделан на мировом значении и мировом признании чеховского творчества (понять А.П. Чехова – значит «прежде всего объяснить, благодаря чему его творчество приобрело всемирное и все возрастающее признание» [\[1, с. 551\]](#)), его «универсализме» [\[1, с. 551\]](#). В.Б. Катаев приводит базовую для исследователя Чехова литературу (ПССП, сборники «Чехов в воспоминаниях современников», 68-й и 100-й тома «Литературного наследия» и т.д.), а также впервые в учебном пособии обозначает специфику советского чеховедения, его проблемы и ограничения, наиболее отчетливо проявившиеся в официально признанных работах В.В. Ермилова [\[1, с. 552–554\]](#). 1970-е гг. автор главы характеризует как «перелом», связанный с подготовкой ПССП, работами А.П. Чудакова, Э.А. Полоцкой, Т.К. Шах-Азизовой и др. и поддержанный в 1980-е–1990-е исследованиями И.Н. Сухих, А.С. Собенникова, Р.Е. Лапушина и др. [\[1, с. 554–555\]](#). Кроме того, В.Б. Катаев выделяет некоторые лакуны в чеховедении, а также упоминает зарубежные школы чеховистики [\[1, с. 554–555\]](#). Таким

образом, постсоветский студент впервые получил, во-первых, краткий обзор истории становления и развития чеховедения от зарождения в конце XIX в. до конца XX в., а во-вторых, представление о новейших исследованиях и современном состоянии науки о жизни и творчестве А.П. Чехова. При анализе ранних юмористических рассказов В.Б. Катаев, как кажется, склоняется к характерной для советского периода социологизирующей интерпретации и пишет, что рассказы «Унтер Пришибеев» и «Хамелеон» могут служить «образцами социальной сатиры времен Александра III» [1, с. 566–567], однако далее выходит за рамки узкосоциологического истолкования, отмечая, что в «Смерти чиновника», «Хамелеоне», «Унтере Пришибееве» автор «рассматривает очередную разновидность стереотипа, шаблона мышления и поведения» [1, с. 567]. В.Б. Катаев опирается на собственную концепцию, предложенную впервые еще в «Прозе Чехова: проблемы интерпретации» (1979), когда пишет, что «ложность представлений, которые кажутся их носителям абсолютной правдой, будет показывать Чехов в большинстве своих произведений» [1, с. 567] и что «пестрота мира в ранних чеховских произведениях – это понятая и запечатленная писателем пестрота различных видов осознания мира и ориентации в нем» [1, с. 568]. Социологизирующей, в духе советского чеховедения, можно считать трактовку В.Б. Катаевым пьесы «Иванов», в которой, как считает автор главы, А.П. Чехов «откликается на ситуацию, прямо подсказанную эпохой 80-х годов. <...> Как герой его пьесы, считал Чехов, все русское интеллигентное общество от «возбуждения» двух предшествующих десятилетий пришло в 80-е годы к «утомлению», утрате прежних верований» [1, с. 578]. Так же узкосоциологически интерпретируется «Человек в футляре», в котором, по мнению автора главы, писатель дает «краткую, точную, сатирическую, порой гротескную характеристику жизни всей русской интеллигенции и вообще России в только что закончившееся царствование Александра III» [1, с. 587]. Отчасти социологизирование характерно и для интерпретации В.Б. Катаевым «Вишневого сада», в котором, по мнению исследователя, драматург «зафиксировал то состояние русского общества, когда от всеобщего разъединения, слушания только самих себя до окончательного распада и всеобщей вражды оставался лишь один шаг» [1, с. 611], т.е. главной идеей пьесы автор главы считает предощущение, ожидание социальных катаклизмов. Интересно подкрепляющее важную для В.Б. Катаева концепцию Чехова как автора всемирного сопоставление «Скучной истории» с «Фаустом»: «ученый, достигший вершин своей науки, разочарован в прожитой жизни» [1, с. 581]; «духовные искания своего современника Чехов ставил в ряд духовных исканий человечества» [1, с. 581]. Спорным представляется решение автора главы (и редактора учебника) включить в список рекомендуемой литературы биографию А.П. Чехова, написанную Д. Рейфилдом («Anton Chekhov — A Life», 1997), о недостатках которой писали и сам В.Б. Катаев, и другие исследователи. В целом В.Б. Катаеву удалось представить жизнь и творчество А.П. Чехова адекватно новой, постсоветской, социокультурной ситуации, несмотря на некоторое тяготение в интерпретации чеховского творчества к характерному для советского чеховедения социологизированию.

В том же 2001 году был издан учебник для вузов по истории русской литературы XI–XIX вв. под редакцией В.И. Коровина и Н.И. Якушина, адресованный студентам негуманитарных специальностей; главу об Чехове для него написал П.Н. Долженков. Анализ произведений А.П. Чехова в этой главе иногда подменяется их пересказом: так происходит со «Скучной историей», «Палатой №6», «Случаем из практики». На наш взгляд, когда автор главы пишет, что в художественном мире Чехова «счастье и радость кратковременны, а чаще всего они – несбыточная мечта. Сумеречные настроения,

томление в оковах жизни, непрерывное тихое страдание – это и есть едва ли не сама суть жизни»; что у Чехова «серость, пошлость, грубость, враждебность, нелепость – неизменные атрибуты жизни, изначальные ее характеристики. <...> такова жизнь» [3, с. 554], он лишь воспроизводит наиболее общие места скептически настроенной по отношению к А.П. Чехову прижизненной критики. В действительности художественный мир А.П. Чехова более разнообразен и сложен, сам П.Н. Долженков отмечает далее, что «даже в самых невеселых произведениях писателя всегда есть хотя бы слабый луч надежды на то, что возможна иная жизнь, и мечта о ней. Как бы ни была тяжела жизнь, но она все-таки не состоит только из пошлости, скуки, страданий и зла» [3, с. 554]. К сожалению, издание не снабжено ссылками на упоминаемую и цитируемую литературу, и студент, прочтя, что «следует согласиться с мнением Л.Я. Гинзбург о том, что писатель воплощал в них сознание и мироощущение своей эпохи» [3, с. 555] не знает, где искать у Л.Я. Гинзбург эту мысль. Автор главы ссылается на концепцию своего учителя В.Б. Катаева, отмечая важнейшую в творчестве А.П. Чехова «гносеологическую проблематику» [3, с. 557]. Необходимо отметить иногда встречающееся в главе ложное отождествление мировоззрения А.П. Чехова-человека и идеи в художественном мире Чехова-писателя, например: «Свобода, справедливость, объективность, скептицизм по отношению ко всем существующим в его время «общим идеям» и поиски «настоящей правды», неведомой людям, — вот краеугольные камни мировоззрения и творчества Чехова» [3, с. 560]. Интерпретируя рассказ «Человек в футляре», П.Н. Долженков ведет скрытую полемику с В.Б. Катаевым (и с официальными советскими интерпретациями этого произведения): автор главы соглашается с тем, что в формировании «человека в футляре» «большую роль сыграла эпоха реакции», но настаивает, что этот образ «гораздо шире, нежели отражение реакции, которая к моменту написания рассказа была уже позади» [3, с. 564]. Ключевая тема этого рассказа, по мнению исследователя, – страх перед жизнью, который «часто бессознательный, является одной из важнейших движущих сил поведения и ориентации человека в мире в прозе Чехова» [3, с. 566]. Взамен узкосоциологическому истолкованию П.Н. Долженков делает акцент на интересе А.П. Чехова к тому, как люди (персонажи) мыслят и поступают в связи с теми или иными переживаниями. Наиболее подробно автор главы анализирует чеховскую драматургию, предлагая как весьма интересные и оригинальные наблюдения (например, о символизме «Дяде Вани»: «Ситуация «жизнь, уходящая неизвестно на что», весь ужас которой заключается в том, что все лучшее в нас, все жизни человеческие уходят неизвестно на что, в зияющую пустоту по имени профессор Серебряков, — универсальная ситуация пьесы, и Серебряков начинает восприниматься как фигура символическая, как символ неведомого человеку мира» [3, с. 579-580]), так и те, согласиться с которыми трудно либо в силу отсутствия примеров из текста (утверждение, что в «Трёх сёстрах», «создавая образ жизни-страдания, Чехов в неявном виде использует даже образы дантовского ада» [3, с. 581]), либо в силу противоречия их известному о чеховской поэтике (утверждение, что в тех же «Трёх сёстрах» драматург «утверждает жизненную позицию своих героинь как единственно достойную человека в жизни-страдании. Ее можно охарактеризовать как мужественный стоицизм» [3, с. 581]; сам же П.Н. Долженков далее добавляет, что у Чехова «никогда не бывает однозначности» [3, с. 581]). Полемичным по отношению анализу В.Б. Катаева и к советскому чеховедению в целом можно считать и интерпретацию П.Н. Долженковым «Вишневого сада», содержание которого, как отмечает автор главы, нельзя сводить только к «неумолимому историческому процессу развития капитализма в России», как это принято [3, с. 582]. Как замечает исследователь, ко времени создания пьесы «в социальном отношении комедия... была не очень-то

актуальной, не была она и новостью для литературы» [\[3, с. 582\]](#). Однако автор главы не предлагает достаточно внятной и развернутой иной интерпретации пьесы. Исследователь утверждает, что в «Вишневом саде» представлены «легкомысленные, растерянные, плохо отдающие себе отчет в том, что происходит, и в том, что они делают, похожие на детей люди», которые «изображены на фоне громадного мира и неумолимого, всепожирающего времени» и «претендуют на то, чтобы быть хозяевами этого мира, переделывать его согласно своим представлениям» [\[3, с. 582\]](#). Разве Раневская и Гаев «претендуют на то, чтобы быть хозяевами этого мира, переделывать его согласно своим представлениям»? Несмотря на отдельные спорные положения, глава о Чехове, написанная П.Н. Долженковым, еще в большей степени, нежели работа В.Б. Катаева, предлагает новый, отличающийся от характерного для советского периода, взгляд на жизнь и творчество А.П. Чехова.

В 2003 году был опубликован учебник по истории русской литературы XIX века для 10 классов гуманитарного профиля с главой о Чехове, подготовленной Р.Б. Ахметшиным. Важная особенность, отличающая этот учебник от многих других, состоит в том, что вопросы для размышления, предлагаемые в конце каждого параграфа, предполагают не пересказ (обобщение) только что прочитанного, как это принято в такого рода изданиях, а действительно размышление: прямых ответов на эти вопросы в тексте главы нет. Некоторые вопросы весьма сложны, предполагают высокий уровень филологической подготовки и просто высокий культурный уровень школьника, например: «В чем, по вашему мнению, проявляется основное достоинство короткого рассказа? Какие изобразительные возможности открывает стремление к лаконизму?» [\[4, с. 401\]](#); «Как отношение к памяти позволяет нам распределить образы героев в системе персонажей [в «Чайке»]?» [\[4, с. 413\]](#); «Представьте себе, что рассказ «Спать хочется» написан на основе реальных событий. Как можно охарактеризовать мастерство Чехова-психолога? Насколько удачно, по вашему мнению, проникновение в сознание девочки Варьки?» [\[4, с. 401\]](#). В изложении биографии А.П. Чехова встречаются некоторые неточности: автор главы пишет, что первые признаки чахотки появились в 1888 году [\[4, с. 413\]](#), однако первое кровохарканье произошло четырьмя годами ранее, о чем Чехов писал в письмах в декабре 1884-го (Н.А. Лейкину от 10 декабря, П.А. Сергеенко от 17 декабря); о семье Чеховых: «...пятеро детей, а надеждой, утешением родителям всегда был только Антон» [\[4, с. 402\]](#) – детей в семье было шестеро (Александр, Николай, Антон, Иван, Мария, Михаил). Как и в главе, написанной П.Н. Долженковым, в тексте Р.Б. Ахметшина некоторые произведения А.П. Чехова лишь пересказываются («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Злоумышленник», рассказы «маленькой трилогии») или упоминаются («Хамелеон», «Унтер Пришибеев»). В параграфе «Формирование стиля» автор высказывает некоторые общие суждения о стиле А.П. Чехова, но практически не подкрепляет их конкретными примерами, из-за чего они могут остаться для школьника «абстракциями» («импрессионизм», «натурализм» Чехова и т.д.) [\[4, с. 424–428\]](#). Не вполне ясно, почему, по мнению автора главы, рассказ «Студент» может быть понят как «свидетельство полного равнодушия автора к изображаемым героям и идеям, хотя автор сам упоминал его в качестве доказательства своего глубокого интереса к изображаемому, интереса к жизни и т.д.» [\[4, с. 429\]](#). Если П.Н. Долженков считал главной темой «маленькой трилогии» – страх человека перед жизнью, то Р.Б. Ахметшин, тоже уходя от узкосоциологической трактовки, называет «лейтмотивом «маленькой трилогии»» «ощущение загубленной жизни» [\[4, с. 436\]](#). Однако частично к социологизированию тяготеет интерпретация автором главы «Палаты №6», в которой, по его мнению, автор

«ставит проблему социального устройства и показывает, что общество, халатно относящееся к больным людям, действительно порочно – но разлагается» [4, с. 443]. Это так, но разве не более важна философская («гносеологическая») проблематика повести? Как и В.Б. Катаев, Р.Б. Ахметшин подчеркивает укорененность чеховского наследия в мировой культуре, говоря о влиянии чеховского способа изображения сумасшествия на модернистское «изображение абсурда «нормальной» человеческой жизни (Кафка, Беккет и др.)» [4, с. 446]; отдельный параграф также посвящен «Чехову и «новой драме»» (Г. Ибсен, А. Стриндберг, Б. Брехт). На наш взгляд, когда автор главы пишет о скептицизме А.П. Чехова («Доктор Чехов знал, что болезнь подтачивает физические и психические силы человека и лечение ее требует изоляции. Продолжительные недуги и боли лишают человека свободы и поэтому являются несправедливостью природы. Однако данное противоречие является неразрешимым и становится одним из оснований чеховского скептицизма» [4, с. 447]), имеет место то же, что иногда у П.Н. Долженкова, неразличение личности (мировоззрения) автора с возможной идеей конкретного художественного произведения. Спорным представляется обращение автора главы, не являющегося медиком, к медицинской терминологии при анализе образа Лиды Волчаниновой («Дом с мезонином»), которая, «видимо, своей социальной активностью... компенсирует некое расстройство невротического происхождения...» [4, с. 449]. Как и П.Н. Долженков, наиболее подробно и всесторонне Р.Б. Ахметшин анализирует чеховскую драматургию («Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад»). Что касается анализа «Трех сестер», спорным нам представляется лишь утверждение, что в этой пьесе «добиваются цели только Наташа и Соленый» [4, с. 483]: Соленый не получает и не может получить любовь Ирины, которая, видимо, была ему нужна. Относительно «Вишневого сада» мы не можем согласиться с утверждением автора главы, что «утрата ощущения реальности... делает героев сознающими, они извлекают из этого более или менее последовательные выводы» [Ахметшин, 2003: 490]. Всё, что делают действующие лица в финале комедии, на наш взгляд, является скорее реагированием на новые обстоятельства, чем сознательным, активным действием, поступком. После текста главы предложены темы рефератов, для каждой расписаны цель и рекомендуемый план и предложен небольшой список литературы. Завершает главу обширный (21 пункт) список рекомендуемой литературы, при этом каждая позиция снабжена авторской аннотацией. Текст, написанный Р.Б. Ахметшиным, предлагает школьникам действительно глубокое погружение в биографию и творчество А.П. Чехова, но и требует от тех углубленных знаний и углубленного интереса.

На работы В.Б. Катаева, П.Н. Долженкова и Р.Б. Ахметшина откликнулась рецензией в «Чеховском вестнике» (2003, № 12), озаглавленной как «Размышления провинциального педагога на полях столичных учебников», О.М. Скибина. Действительно, как оговаривает автор статьи, текст представляет собой не рецензию в строгом смысле (с подробным анализом достоинств и недостатков рецензируемых изданий), но именно размышление по поводу них. О.М. Скибина фиксирует отличие ситуации начала 2000-х гг. от ситуации 1990-х гг.: «Если десять лет назад перед нами стояла проблема: где взять новый учебник, то теперь мы в таком же раздумии: какой предпочесть?» [6, с. 12]. Однако автора статьи интересуют не только учебные и методические пособия, но и – шире – практика преподавания творчества А.П. Чехова в вузе и в школе. Пытаясь ответить на вопрос «почему студенты не любят Чехова», О.М. Скибина отмечает, что Чехова «всю жизнь изучают на бегу» (имеется в виду нехватка академических часов и расположение темы «жизнь и творчество А.П. Чехова» в конце программы 10 класса/курса истории русской литературы 3-й трети/второй половины XIX века), из-за

чего он остается «вроде бы классиком, но каким-то не совсем настоящим, под-конец семестровым» [\[6, с. 13\]](#); а в учебниках – штампы, клише: «поиски давно искомой и обретенной формулы завершаются цитированием общеизвестного, а потому и правильного» [\[6, с. 13\]](#). Затем автор статьи переходит к проблеме репрезентации жизни и творчества А.П. Чехова в учебной литературе и замечает, что наиболее острой проблемой для пишущих «остается проблема языка и методологии: как описать уже неоднократно описанное?..» [\[6, с. 14\]](#). О.М. Скибина отмечает специфический, устаревший язык учебников прежней эпохи, в которых Чехов «или маленький Толстой, или, напротив, великий и могучий – своего рода начальство, вот только рассказы писал небольшие. А все потому, что формулу придумал: «Краткость – сестра таланта»» [\[6, с. 14\]](#). Автор статьи приводит из «неплохого, в общем, учебника В.И. Кулешова» цитаты, которые, как она отмечает, «коррозированы языковыми штампами, которые... не дают возможности увидеть и почувствовать Чехова» [\[6, с. 14\]](#). Формулировки, приводимые автором статьи, косноязычны или наивны, и потому смешны: ««Чехов отдал дань развлекательной литературе»; «Какою же мыслью руководствовался Чехов, решив посетить Сахалин?»; «Отыскиваемая Чеховым общая идея вела к народу»; «Чехов решительно выступил против народнического преклонения перед мужиком»; «В Чайке много любви, т.е. показано, как заполонило это могучее чувство всех героев»; «Чехов не дожил до появления романа Горького «Мать»» и т.п.» [\[6, с. 14\]](#). Другая проблема, которую поднимает О.М. Скибина – проблема доступности хороших учебников в провинциальных школах, вузах и библиотеках: так, хороший, по мнению автора статьи, учебник Н.Н. Скатова, раздел о Чехове в котором написан Г.А. Бялым (для второго издания переработан В.М. Марковичем), изданный «в смутное время» рубежа 1980-х–1990-х гг. «просто не дошел, по крайней мере, до провинции» [\[6, с. 14–15\]](#). Учебник, главу о Чехове для которого написал П.Н. Долженков, О.М. Скибина в целом оценивает высоко, однако отмечает, что, вероятно, в силу неясности адресата учебника, автор главы пошел по пути упрощения материала, «по проторенному пути пересказа чеховских произведений скучным языком, полным тех же стилистических штампов, что и у его предшественников» [\[6, с. 15\]](#). В основном критикуется стиль, в котором написана глава. Говоря о главе, написанной В.Б. Катаевым, О.М. Скибина особо отмечает полноту характеристики «периода многописания» (1884–1888), который в «старых учебниках» «либо не освещался, либо упоминался вскользь... и, в представлении студентов, Чехов «осколочный», написав «Степь», сразу становился Чеховым «области серьезы»» [\[6, с. 17–18\]](#). Также О.М. Скибина отмечает внимание В.Б. Катаева к сложной, но важной связи литературного творчества А.П. Чехова с его медицинским образованием и практикой [\[6, с. 18\]](#). Отмечает автор статьи и «столь малый тираж» и этого учебника, который «вновь не дойдет до провинциальных филологов и нефилологов» [там же]. Высоко оценивает О.М. Скибина главу, написанную Р.Б. Ахметшиным, отмечая лишь «мелкие стилистические недочеты, относящиеся в большей степени к редакторской правке» и вновь сожалеет о труднодоступности новых учебников в силу небольшого тиража [\[6, с. 19–20\]](#).

Как видим, в начале 2000-х гг. проблема создания адекватного времени описания жизни и творчества А.П. Чехова в учебной литературе отчасти была решена – новые учебники, пусть и весьма разные, появились, однако само их появление не могло радикально изменить практику преподавания.

В 2006 году коллективными усилиями ученых-чеховедов была организована первая (затем она станет проводиться регулярно) Летняя школа «Читаем Чехова» для учителей

литературы. Занятия для 18 преподавателей городских и сельских школ провели чеховеды Р.Б. Ахметшин, Л.Е. Бушканец, Ю.В. Доманский, О.М. Скибина, Л.И. Соболев. Е статья в «Чеховском вестнике» (2006, № 19) И.Е. Гитович подробно описала этот первый опыт. Она начинает статью с утверждения, что к концу 20-го – началу 21-го вв. А.П. Чехов «выпал из круга активного чтения. Впрочем, не только он, но и вся русская классика XIX века» [\[10, с. 117\]](#). Как видим, частная тема – преподавание Чехова в школе – связывается здесь с более широкой темой бытования классической русской литературы в современном российском обществе. Другая волнующая И.Е. Гитович тема – связь между научным чеховедением и школьным: исследовательница задается вопросом, нужны ли школе – «и доходят ли до нее – те филологические истины, которые мы [ученые-чеховеды] по крупицам в меру сил своих добываем, или суждено нам оставаться чем-то вроде средневекового ордена?» [\[10, с. 119\]](#). Перед началом Летней школы учителей попросили заполнить ознакомительную анонимную анкету с вопросами, касающимися преподавания А.П. Чехова в школе. Как отмечает И.Е. Гитович, ответы были «выдержаны в стилистике клише учебных и методических пособий сорока-тридцатилетней давности» [\[10, с. 120\]](#). Это привело исследовательницу к выводу о том, что учителей и учеников, «как правило, разделяет язык, который составляют имеющиеся у тех и других понятия и представления. Он [язык] у них разный» [\[10, с. 122\]](#). Разным оказался и язык школьных учителей и ученых-чеховедов: как пишет автор статьи, учителя ждали «методических образцов, которые можно без особых усилий перенести в свой класс», чеховеды рассчитывали на «готовность слушателей к профессиональному диалогу и хотя бы некоторую общность профессионального языка» [\[10, с. 126\]](#). Тем не менее Летняя школа была проведена, а после нее И.Е. Гитович собрала и представила в статье обратную связь от лекторов. Лейтмотивы этих отзывов, если их обобщить, таковы: 1) ситуация с преподаванием творчества А.П. Чехова (и шире – литературы) в школе напрямую связано с «культурным состоянием», культурным уровнем общества, и решение частной проблемы возможно лишь при решении проблемы общей; 2) между научным чеховедением и изучением жизни и творчества А.П. Чехова в школе существует значительный разрыв, сокращение которого, опять же, возможно только в случае повышения общего уровня школьного образования, а также усиления в обществе запроса на научную картину мира (в т.ч. литературы).

В 2015 году была проведена уже пятая Летняя школа «Читаем Чехова», в том же году в «Чеховском вестнике» (№ 31) была опубликована статья о ней Л.Е. Бушканец. Многие тезисы статьи повторяют то, что уже высказывалось ранее О.М. Скибиной и И.Е. Гитович: нехватка времени на изучение творчества А.П. Чехова, распространенность среди учителей штампов и клише о писателе. Любопытно замечание автора статьи о том, что творчество Чехова, «кажется, не соответствует задачам школьного литературного образования, которое неизбежно строится на нормативных нравственных и эстетических представлениях, нуждается в удобных для слова учителя, для сочинений и экзаменов формулировках» [\[11, с. 92\]](#). (Имеется в виду отсутствие в чеховских произведениях явной дидактики и явно выраженной авторской оценки описанного). Вновь возникает и тема разрыва между академическим и школьным чеховедением: литературоведение «резко ушло вперед от того, каким оно было в своем массовом варианте еще несколько десятилетий назад», чеховедение «стало кардинально разрушать слащавые или социологизированные, упрощенные представления о писателе. А «ермиловщина» возрождается сама по себе в школе, как феникс из пепла!» [\[11, с. 93\]](#). Заканчивается статья призывом: «...как литературоведение не должно существовать без школы – иначе наши открытия нужны только нам самим – так и школьный предмет не должен

развиваться без движения современной мысли о литературе, без свежих открытий, наконец» [\[11, с. 95\]](#).

В 2018 году в итоговом сборнике статей И.Е. Гитович «Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении» была опубликована ее статья «О проблемах чтения и «школьной литературе»», ставшая итоговым высказыванием исследовательницы на эту тему. И.Е. Гитович начинает с утверждения, уже высказывавшегося ранее и ей, и другими участниками дискуссии, о том, что «школьный Чехов, как и школьный Пушкин и школьный Булгаков, – это лишь часть общего вопроса о том, что до́лжно делать в школе с литературой» [\[12, с. 359\]](#). На наш взгляд, это можно считать промежуточным итогом дискуссии о Чехове в постсоветской школе и постсоветских вузах. Снова подчеркивается важнейшая роль языкового (культурного) фактора в этой проблеме: современный ребенок «с младенчества вброшен в *принципиально другой язык*, чем тот, который был привычен для старших. <...> к чтению классики сегодняшний школьник приходит с совершенно *другим* чувственным опытом, чем прежде... с опытом других игр, с *другим* словарем... <...> между ним [школьником] и классикой, которую он должен изучать в школе, стоит главная преграда – *разность языков*. <...> Вот с чего надо начинать любой разговор о судьбе школьной литературы. О том, как эту разность языков пытаться преодолеть, необходимо всерьез думать каждому учителю. Вряд ли тут способны помочь методические пособия, на которые его ориентируют» [\[12, с. 362–363\]](#). Как кажется, в конце 2010-х эта проблема стала ощущаться как еще более острая, чем в начале и середине 2000-х. Широкое распространение интернета в конце 2000-х – 2010-е усилило межпоколенческий культурный (в частности языковой) разрыв. Мгновенная доступность практически любой информации и унификация образовательных программ (введение ФГОС и единых рабочих программ по литературе) привели к тому, что «живя как будто бы в свободном мире, сегодняшний среднестатистический школьник за школьные годы не только не успевает дорасти до *своих* вопросов, но отучается вообще их задавать. Зато школа и окружающая жизнь приучают его к *чужим* ответам на *чужие* вопросы» [\[12, с. 362\]](#). Вновь высказывается суждение, что «учителю-словеснику прежде всего нужно честно отрефлексировать собственный читательский опыт и грамотно задействовать эту рефлексию в личных методических стратегиях», поскольку проблема школьной литературы – это «проблема не только ученика, не желающего ее изучать, но и учителя, забывшего или тоже не знающего, как ее читать» [\[12, с. 364\]](#). И вновь звучит уже звучавший ранее вывод о том, что ««дать детям другую среду, другую реальность, к сожалению, никто из нас не может. Она изменится, когда поднимется общая культура общества» [\[12, с. 370\]](#). Возможный путь выхода (хотя бы частичного) из кризиса И.Е. Гитович видит в преподавании русского языка и литература не изолированно друг от друга, как два самостоятельных предмета, а в рамках единого курса русской словесности.

Начавшаяся в «Чеховском вестнике» в начале 2000-х гг. активная дискуссия о проблеме преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветской школе и постсоветских вузах показывает, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пыталось ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х появление новых учебников (не во всем совершенных, но всё же в целом выполнявших задачу создания адекватного времени представления жизни и творчества А.П. Чехова) в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х отчасти решило эту проблему, однако создало

новую: на смену недоступности качественной информации в качестве главной проблемы пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и, зачастую, у учителей/преподавателей. Снижение общего культурного уровня приводит к усилению разрыва между академическим литературоведением и школьной практикой и усилению межпоколенческого культурного разрыва, попытки ученых-чеховедов влиять на школьное изучение Чехова и вообще русской литературы сталкиваются с проблемой непопулярности, невостребованности научного гуманитарного знания в обществе.

Библиография

1. Катаев В.Б. Антон Павлович Чехов / История русской литературы XIX века. 70—90-е годы: Учебник/ Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 551–613.
2. Rayfield, D. *Anton Chekhov. A life*. London: Harper Collins, 1997.
3. Долженков П.Н. Творчество А.П. Чехова (1860–1904) / История русской литературы XI–XIX вв./ Под редакцией В.И. Коровина, Н.И. Якушина Учебное пособие для вузов. М.: Русское слово, 2001. С. 551–584.
4. Ахметшин Р.Б. Антон Павлович Чехов (1860–1904) / Русская литература XIX века. 10 класс: Учебник для школ и классов гуманитарного профиля.: В 2 ч. Ч. 2. М., Московский лицей, 2003. С. 393–511.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1974—1983.
6. Скибина О. Размышления провинциального педагога на полях столичных учебников // Чеховский вестник. М., 2003. № 12. С. 12–20.
7. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие / Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Филология». М.: Изд-во МГУ, 1997.
8. Тихомиров С.В. А.П. Чехов / Русская литература XIX века. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2 / В.И. Коровин, Н.Л. Вершинина, Л.А. Капитанова и др.; Под ред. В.И. Коровина. М.: Просвещение, 2001. С. 282–317.
9. Архангельский А.Н. А.П. Чехов / Русская литература XIX века. 10 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 2. / А.Н. Архангельский и др.; Под ред. А.Н. Архангельского. 3-е изд., перераб. М.: Дрофа, 2002. С. 400–444.
10. Гитович И. Читаем Чехова. Заметки о Летней школе для учителей литературы // Чеховский вестник. М., 2006. № 19. С. 117–151.
11. Бушканец Л. Можно ли читать Чехова в школе без литературоведа? // Чеховский вестник. М., 2015. № 31. С. 91–95.
12. Гитович И.Е. О проблемах чтения и «школьной литературе» / Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении / Сост. Л.Е. Бушканец, Н.Ф. Иванова, Э.Д. Орлов. М.: Литературный музей, 2018. 359–374.
13. Chekhov, A. (1998). *The Comic Stories* / Pitcher, H. (Ed.). London: André Deutsch.
14. Gilman, R. (1995). *Chekhov's Plays: An Opening into Eternity*. London: Yale university press, New Haven.
15. *Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture*. (1997). N.Y.: Peter Lang.
16. Gottlieb V., Allain P. (Ed.). (2000). *The Cambridge Companion to Chekhov*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Kataev, V., Pitcher H. (Ed.) (2002). *"If Only We Could Know!" An Interpretation of Chekhov*. Chicago: Ivan R. Dee.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Методика изучения литературы, как правило, должна несколько видоизменяться с течением исторического времени. Нуждается в корректировке и формат подачи материала, и т.н. набор авторов, и принципы оценки художественных текстов. На сегодня работ связанных с указанной научной проблематикой не так много, хотя дискуссии ведутся, да и научное сообщество понимает важность подобных перемен. Не исключается в данном случае преемственность, компилятив. Рецензируемая статья касается оценки вопроса преподавания наследия А.П. Чехова в школьной и вузовской практике 2000-х – 2010-х годов (на материале «Чеховского вестника»). Считаю, что указанная проблема достаточно интересна и достойна рассмотрения в рамках научной работы. Автор использует принцип хронологии, что вполне закономерно, ценз объективности выдерживается на протяжении всего сочинения: например, «в 1990-е гг. в России возникла потребность в новом освещении жизни и творчества А.П. Чехова (как и всей истории русской литературы) в учебной литературе для студентов и школьников и в методической литературе для преподавателей. Связано это было, во-первых, с распадом СССР и отказом от прежних идеологических догм, а во-вторых, с необходимостью учесть значительнейшие достижения отечественного чеховедения в 1970-е–1980-е гг. (издание ПССП, исследования З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой, А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, И.Н. Сухих и др.)», или «в 2003 году был опубликован учебник по истории русской литературы XIX века для 10 классов гуманитарного профиля с главой о Чехове, подготовленной Р.Б. Ахметшиным. Важная особенность, отличающая этот учебник от многих других, состоит в том, что вопросы для размышления, предлагаемые в конце каждого параграфа, предполагают не пересказ (обобщение) только что прочитанного, как это принято в такого рода изданиях, а действительно размышление: прямых ответов на эти вопросы в тексте главы нет. Некоторые вопросы весьма сложны, предполагают высокий уровень филологической подготовки и просто высокий культурный уровень школьника...» и т.д. Анализ учебников, учебных пособий на уровне «изучение А.П. Чехова» обстоятелен, серьезен и концептуален. Автору удается выделить в анализируемых «учебниках» как положительные моменты, что явно есть, так и фактически неточные, что тоже имеется. Причем оценка дается с позиций жесткой аргументации; примеров по ходу оценки достаточно, даны и точечные отсылки / цитации. Например, «В параграфе «Формирование стиля» автор высказывает некоторые общие суждения о стиле А.П. Чехова, но практически не подкрепляет их конкретными примерами, из-за чего они могут остаться для школьника «абстракциями» («импрессионизм», «натурализм» Чехова и т.д.) [4, с. 424–428]. Не вполне ясно, почему, по мнению автора главы, рассказ «Студент» может быть понят как «свидетельство полного равнодушия автора к изображаемым героям и идеям, хотя автор сам упоминал его в качестве доказательства своего глубокого интереса к изображаемому, интереса к жизни и т.д.» [4, с. 429]», или «В изложении биографии А.П. Чехова встречаются некоторые неточности: автор главы пишет, что первые признаки чахотки появились в 1888 году [4, с. 413], однако первое кровохарканье произошло четырьмя годами ранее, о чем Чехов писал в письмах в декабре 1884-го (Н.А. Лейкину от 10 декабря, П.А. Сергеенко от 17 декабря); о семье Чеховых: «...пятеро детей, а надеждой, утешением родителям всегда был только Антон» [4, с. 402] – детей в семье было шестеро (Александр, Николай, Антон, Иван, Мария, Михаил)» и т.д. Статья имеет

определенно научный тип наррации, основные требования издания учтены; материал явно практически ориентирован. Считаю, что критические «наблюдения» автора о том, как рассмотрен вопрос преподавания творчества А.П. Чехова могут стать подспорьем при написании статей подобной тематической (!) направленности. Обзор, на мой взгляд, полновесен, целостен, информация приводится объективно и выверено. Считаю, что цель работы планомерно достигается, поставленные задачи решены. Итогом автор теззирует, что «начавшаяся в «Чеховском вестнике» в начале 2000-х гг. активная дискуссия о проблеме преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветской школе и постсоветских вузах показывает, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пытались ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х появление новых учебников (не во всем совершенных, но всё же в целом выполнявших задачу создания адекватного времени представления жизни и творчества А.П. Чехова) в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х отчасти решило эту проблему, однако создало новую: на смену недоступности качественной информации в качестве главной проблемы пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и, зачастую, у учителей/преподавателей...» и т.д. Материал имеет завершённый вид, авторская позиция понятна, доступна; основные критерии научного изыскания выдержаны. Рекомендую статью «А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Ц. Перевод безэквивалентной лексики в китайской политической речи на русский язык // Litera. 2024. № 8.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71478 EDN: ODLREK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71478

Перевод безэквивалентной лексики в китайской политической речи на русский язык

Ли Цзюань

аспирант; Высшая школа перевода; Московский Государственный Университет имени
М.В.Ломоносова

119571, Россия, г. Москва, ул. Академика Анохина, 11к1, кв. 230

✉ 475851797@qq.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71478

EDN:

ODLREK

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2024

Дата публикации:

29-08-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу способов перевода безэквивалентной лексики в речи китайского политического лидера на русский язык. Основное внимание автор концентрирует на передаче китайскоязычных лексем с глубоким культурным смыслом средствами русского языка в переводе речей политического лидера Китая. В результате исследования были описаны способы перевода неологизмов, специфических понятий, национальных реалий, имен собственных в речах китайского политического лидера на русский язык. С увеличением контактов между Китаем и Россией в политической сфере возросла потребность на выполнение китайско-русских переводов, в том числе речей политических лидеров. Они воплощают в себе черты национального политического дискурса, выступают примером языковой реализации основных политических принципов и государственной идеологии. На русский язык может быть переведена вся безэквивалентная лексика в политической речи китайского лидера, при этом выбор

способа перевода определяет степень переводческой эквивалентности. Изучение русского перевода безэквивалентной лексики в китайской политической речи было проведено поэтапно с помощью сравнительного анализа, семантического компонентного анализа, с помощью которого были отобраны лексемы, содержащие культурную информацию, анализа переводческих соответствий. Также была проведена оценка эквивалентности перевода и оригинального текста на конкретных примерах, выявлены предпочитаемые способы перевода безэквивалентной лексики. В исследовании были описаны способы перевода неологизмов, специфических понятий, национальных реалий (в том числе паремий), имен собственных в речах китайского политического лидера на русский язык. Обнаружено, что при передаче имен собственных (в виде транскрипции), специфических понятий, образы которых могут быть понятны для получателя распространено использование прямого перевода, который позволяет достичь эквивалентности содержания. При передаче неологизмов и национально-специфических реалий, идиом, пословиц, поговорок, а также специфических понятий, в основе которых образы не соответствуют русской языковой картине мира, используется описательный перевод, который позволяет достичь прежде всего функциональной эквивалентности. Вся безэквивалентная лексика в политической речи китайского лидера может быть переведена на русский язык, при этом выбор способа перевода определяет степень переводческой эквивалентности.

Ключевые слова:

политическая речь, перевод, безэквивалентная лексика, эквивалентность, китайский язык, русский язык, методы перевода, языковые средства, политический перевод, теория перевода

Введение

В настоящее время с увеличением контактов между Китаем и Россией в политической сфере возросла потребность на выполнение китайско-русских переводов, в том числе речей политических лидеров. Они воплощают в себе черты национального политического дискурса, выступают примером языковой реализации основных политических принципов и государственной идеологии.

В силу особенностей исторического и культурного развития стран, люди, говоря на разных языках, по-разному выражают реальность в словах. Одни и те же явления окружающей действительности – конкретные или абстрактные – могут изображаться с помощью разных языковых средств. Поэтому для переводчика важной задачей выступает выражение смысла языковыми средствами, наиболее подходящими в конкретном контексте и в конкретной ситуации общения [Яковлев, 2017]. При ненадлежащем выполнении этой задачи нередко возможны случаи неточного перевода, среди основных последствий которого можно выделить нанесение вреда имиджу политика, негативное влияние на принятие решений о сотрудничестве и даже возникновение политических конфликтов [Зуборева, 2018]. В связи с этим, переводчик в китайско-русском политическом переводе играет важную стратегическую роль, выступая «мостом» коммуникации Китая и России. Его задача по выполнению качественного перевода становится еще более сложной, когда в оригинальном тексте речи политик использует лексические средства, наполненные глубоким национально-культурным смыслом, и не имеющие тождественных понятий в языке перевода.

Проблема перевода лексики с национально-культурной спецификой в политической речи с китайского на русский язык приобрела актуальность относительно недавно. Это обусловлено несколькими причинами, прежде всего возрастающим интересом к изучению перевода в языковой паре китайский-русский, а также повышением спроса на выполнение качественных переводов на фоне увеличения контактов между Китаем и Россией на политическом уровне.

В настоящее время, проблема передачи лингвистических и культурологических особенностей в переводе с китайского на русский язык изучена наиболее подробно для текстов художественной литературы и СМИ, в то время как на эмпирическом материале текстов общественно-политической тематики данный вопрос не получил должного рассмотрения. В то же время, некоторые сложности лингвокультурного характера, с которыми переводчик сталкивается в процессе передачи текстов политического дискурса с китайского на русский язык все же были изучены. Перевод фразеологических оборотов и идиом чэньюй в политическом дискурсе с китайского на русский язык изучался В.В. Кругловым (2020), А.А. Митиной (2023), политических терминов с китайской спецификой Ян Линьлинь и Ши Сючжэнь (2022), выразительных средств, а также грамматических конструкций С.Г. Коровиной и О.А. Айрапетян (2017). Перевод метафор в китайском политическом дискурсе является одной из наиболее распространенных проблем, рассматриваемых в исследованиях многих авторов [史顺良, 赵斐, 2021, 杨海英, 周密, 2021]. Относительно подробно и системно русский перевод разных видов метафор в докладе 19-го съезда КПК с использованием различных способов перевода был рассмотрен в научной работе Мо Ифань, который выделил перевод с сохранением исходной концептуальной метафоры, замену, перевод сравнением, снятие концептуальной метафоры [莫逸凡, 2021]. На фоне недостаточного изучения вопросов перевода лингвокультурных явлений в политических речах с китайского на русский язык, современными авторами также отмечается необходимость обучения студентов-переводчиков переводу фразеологических единиц, цитат и других лексических явлений с национально-культурной спецификой [Дубцова, Ли Цзяньлян, 2018]. При этом, исследования, которые вносят вклад в решение вопроса передачи лингвокультурных явлений в китайских политических речах средствами русского языка, проводятся не только в переводоведении и лингвистике, а также политологами. Например, в исследовании политолога Сун Чжихао (2023) с точки зрения глубинного смысла подробно рассмотрены варианты перевода основных концепций с компонентом «дао» (путь). Несмотря на то, что статья написана в русле политологической науки, ее результаты обладают практической полезностью для переводчиков с китайского на русский язык, поскольку вносят ясность в способы перевода некоторых сложных безэквивалентных понятий политической сферы с китайской спецификой.

В результате можно сделать вывод о существовании противоречия. С одной стороны, исследования лингвокультурных сложностей в политических речах китайских лидеров и их передача средствами русского языка изучены недостаточно, а, с другой стороны, при обучении переводчиков данному виду перевода существует крайняя необходимость в систематизации и более подробном описании способов перевода такой лексики.

В связи с необходимостью проведения такого исследования, в статье поставлены задачи – определить и проанализировать лингвистические и культурологические трудности перевода речи политического лидера Китая, изучить способы перевода такой лексики на русский язык и сформулировать рекомендации относительно наиболее эффективных способов перевода. Соответственно, научная новизна определяется результатами проведенного исследования и сводится к подробному рассмотрению вопроса передачи

лингвокультурных трудностей речи политического лидера Китая в переводе на русский язык.

Материалы и методы.

Для достижения целей исследования представляется необходимым проведение сравнительного лингвистического анализа оригинального текста речи политического лидера КНР и его перевода на русский язык с целью выявления и отбора единиц безэквивалентной лексики и вариантов ее перевода на русский язык и проведения последующего анализа. В качестве эмпирического материала выступают тексты программной речи председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия Делового форума БРИКС (22 июня 2022 г.), Саммите «Китай – Центральная Азия» (19 мая 2023 г.), выступления на 23-м заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (4 июля 2023 г.). Выбор данных текстов речей случайный, обусловлен направленностью на международную (в том числе русскую) аудиторию и наличием официального русскоязычного перевода. С помощью сплошного метода отбора были собраны единицы, в которых содержится культурная информация, которые объединены в исследовательскую выборку.

Следующим после формирования выборки этапом стало проведение классификационного анализа и выделение видов безэквивалентных единиц из оригинальных текстов речей политического лидера на китайском языке. Далее проведен поиск переводов этих единиц в тексте перевода и выполнен качественный анализ способов их передачи, выявлены наиболее предпочитаемые переводчиками способы передачи китайских труднопереводимых лексических единиц с культурным смыслом средствами русского языка.

Литературный обзор.

Китайский политический дискурс в лингвокультурологическом свете

«Политика осуществляется через язык, и, как следствие, через политический дискурс» [Зуборева, 2018, с. 201]. Китайский политический дискурс обладает рядом собственных черт, отличающих его от политического дискурса других стран. В последние годы на фоне роста интереса ко всему «с китайской спецификой», возросло число исследований дискурсивной системы социализма с китайской спецификой [刘成盼, 刘东亮, 2021]. Лексика с китайской спецификой – это широко используемые слова, созданные китайским народом в процессе длительной общественной практики, обладающие ярко выраженными национально-культурными характеристиками и воплощающие в себе особенности времени. Как правило, источниками появления этой лексики служат общественные события, мифы и легенды. Лексика с китайской спецификой несет в себе богатую культурную информацию и глубокий смысл, отражая уникальную жизненную позицию и образ мышления китайского народа [王斌华, 2006]. При этом отмечается тесная связь языка с идеологией в китайском политическом дискурсе, что позволяет с помощью лингвистических средств отражать ценности, мораль и идеи политики страны. В китайском политическом дискурсе присутствуют сокращения и аббревиации, которые имеют устойчивые соответствия в русском языке, которые были введены в обиход с помощью общепринятого варианта транслитерации. Также в китайском политическом дискурсе содержится множество терминов, которые распространены во всем мире, а поэтому их перевод также может быть выполнен за счет подбора общепринятых эквивалентов. В нашей статье не рассматривается вопрос перевода таких терминов и аббревиатур, а прежде всего уделяется внимание специфическим понятиям и оборотам,

которые отражают национально-культурные реалии, философские идеи, историко-социальные ценности и другие компоненты смысла, не имеющие эквивалентного понимания в русской языковой картине мира.

Многие китайские концепции, функционирующие в политическом дискурсе, включают в себе глубокие философские идеи, уходящие корнями в древние учения конфуцианства, даосизма, легизма и других школ традиционной китайской мысли. Для переводчика это создает дополнительные трудности при выполнении качественного перевода, поскольку при наличии эквивалента китайского термина в русском языке прямая передача не позволит выразить весь глубокий смысл, скрытый в понятии, обозначаемом иероглифом. В качестве примера таких слов можно привести концепт «путь» (дао), а также его разновидности «путь добродетельного правителя» (вандао), «путь силы и принуждения» (бадао), и «конфигурация силы» (ши), которые подробно рассмотрены в исследовании Сун Чжихао (2023) с точки зрения их глубинного смысла.

Культурная специфика выступает важнейшей характеристикой политического дискурса, поскольку он насыщен культурнозначимой информацией, а также фиксирует и отражает общие и специфические особенности функционирования национальных языков и культур [Югай, 2019, с. 81]. Для точной передачи политической речи необходимо освоение особенностей политического дискурса на обоих языках [Чудинов, 2006, с. 41]. Это требует более подробного изучения вопроса передачи культурно-насыщенной лексики в политическом дискурсе и поиска оптимальных способов перевода, учитывающих культурные особенности и общие черты двух стран.

Вопрос «эквивалентности» перевода безэквивалентной лексики

Вопрос «эквивалентности» в переводоведении, пожалуй, является одним из наиболее классических и фундаментальных, как и вопрос о сущности перевода. Тем не менее, ответы на него различаются и в силу принадлежности к разным школам перевода исследователи предлагают различные способы интерпретации понятия «эквивалентность». В рамках настоящей статьи не стоит задача предложить авторское определение данного термина, а поэтому автор статьи руководствуется имеющимися подходами и в качестве рабочего использует следующее определение данного термина: *«В русском языке слово эквивалентность обозначает свойство по значению прилагательного эквивалентный, т.е. являющийся эквивалентом, равноценный, равнозначный, равносильный, полностью заменяющий что-либо в каком-либо отношении. Соответственно эквивалент — это нечто равноценное, равнозначащее, равносильное другому, полностью заменяющее его»* [Гарбовский, 2004, с. 265]. Эквивалентность перевода и верность перевода – разные понятия. «Верность» переводов, как пишет итальянский писатель У. Эко, не является критерием, который заставляет признать единственно приемлемый перевод, а лишь подтверждает ту мысль, что «перевод всегда возможен», вопрос лишь о том, какой из смыслов оригинала переводчик выносит на перевод [Эко, 2015]. Следовательно, решение проблемы эквивалентности – вопрос компетентности и субъективного видения вариантов решения переводческих задач.

Однако, в процессе перевода нередко переводчик сталкивается с проблемой отсутствия прямого соответствия лексической единицы в языке перевода. Такая лексика носит название «безэквивалентной». Наличие такой лексики связано с отсутствием в языке перевода понятий, названных в оригинальном тексте, по причине различий в культурах, истории и ценностях двух стран.

Безэквивалентная лексика – лексические единицы исходного языка или диалекта, не

имеющие регулярных (полных или частичных) словарных соответствий в языке перевода. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров определяют слой безэквивалентной лексики как «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 56].

По словам В.Н. Комиссарова, наиболее часто в переводе безэквивалентными являются неологизмы, специфические понятия и национальные реалии, а также имена собственные [Комиссаров, 2013, с. 148]. Мы полагаем, что термин «безэквивалентная лексика» может быть использован лишь по отношению к словам, не имеющим соответствия в лексике другого языка. Понимание безэквивалентной лексики как единиц, которые невозможно перевести, представляется необоснованным, поскольку каждый язык может выразить любое понятие [Смаровидло, 2016]. Следовательно, если понятие, переводимое с одного языка на другой, не имеет лексикографически фиксированного эквивалента, оно может быть выражено с помощью других средств. Так или иначе перевести безэквивалентную лексику можно, а поэтому здесь в качестве исследовательского вопроса выступает проблема выбора оптимального способа перевода такой лексики. Это также позволяет нам поставить исследовательскую гипотезу: *перевод безэквивалентной лексики в китайских политических речах на русский язык возможен всегда, способ перевода такой лексики влияет на степень эквивалентности оригинального текста речи переводному.*

Связывая данную гипотезу с названием статьи, отметим, что безэквивалентная лексика понимается здесь как лексические единицы, обладающие лингвокультурной спецификой и содержащие в себе исторические, культурные, социальные компоненты смысла, делающие их национально специфическими для конкретной языковой системы и не имеющие соответствия в понятийной системе языка перевода. Прямой перевод такой лексики возможен, но он будет не совсем корректен в виду отсутствия глубинного смысла оригинального слова в языке перевода. Поэтому для передачи такой лексики в оригинальных политических речах средствами русского языка прямой перевод встречается очень редко, распространены способы описательного перевода, замены функциональным эквивалентом.

Результаты.

Соглашаясь с В.Н. Комиссаровым, мы провели классификацию изучаемой безэквивалентной лексики на группы неологизмы, специфические понятия, национальные реалии (включающие паремии), имена собственные.

1. Перевод неологизмов в китайских политических речах на русский язык

В анализируемых текстах неологизмы включают в свой состав наименования политических явлений, идей и принципов, которые были выдвинуты с начала периода становления Председателем КНР Си Цзиньпина в 2012 г. Рассмотрим примеры их перевода.

Оригинальный текст: 10年来, 人类命运共同体理念得到国际社会广泛认同和支持, 正在从理念转化为行动、从愿景转变为现实。

Перевод: За 10 лет идея о формировании сообщества единой судьбы человечества, получив признание и широкую поддержку международного сообщества, переходит от концепции на практикую плоскость, от видения к реальности (Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на 23-м заседании Совета глав государств-членов ШОС).

Переводческий комментарий: В данном примере неологизм 人类命运共同体 *rénlèi mìngyùn gòngtóngtǐ*, который получает все большее распространение в политическом дискурсе Китая, обозначает одну из ключевых концепций современного внешнеполитического курса страны, выступающую основой теории мирного развития и построения гармоничного мира Китая. В русскоязычных текстах политической тематики концепция переводится как «сообщество единой судьбы человечества», при этом иногда последнее слово опускается, а «единой» заменяется на «общей». Прямой перевод данной концепции имеет непривычный порядок слов для носителя русского языка как «человечество судьба общее сообщество», дословно 人类 *rénlèi* человечество, 命运 *mìngyùn* судьба, 共同 *gòngtóng* общее, 体 *tǐ* сообщество. Как видим, прямой перевод то не соответствует синтаксису русского языка. При этом прямой русский перевод выражения «сообщество единой судьбы человечества» на китайский язык звучит как сообщество 体 *tǐ*, единой судьбы 同样命运的 *tóngyàng mìngyùn de*, человечества 人类的 *rénlèi de*, и в совокупности 体同样命运的人类的 *tóngyàng mìngyùn de rénlèi de* так же не соответствует синтаксису китайского языка. С точки зрения грамматики в русском языке за определяемым словом следуют определяющие слова в родительном падеже, в то время как в китайском языке представлен обратный порядок, а определяющие слова расположены перед определяемым. Это наиболее часто встречающееся синтаксическое различие между китайским и русским языками. Поэтому в приведенном выше примере использование описательного перевода хоть и не позволяет сохранить эквивалентный порядок слов, но позволяет точно передать смысл понятия.

2. Перевод специфических безэквивалентных понятий в китайских политических речах на русский язык

Специфические понятия, которые были обнаружены в политических речах китайского лидера, в большинстве своем основываются на метафоре. В словаре Д.Н. Ушакова метафора определяется как «троп, оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-н. аналогии, сходства, напр. (из Пушкина): говор волн; змеи сердечной угрызенья» [Ушаков, 1940]. И.В. Арнольд определяет метафору как «скрытое сравнение, осуществляемое путём применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [Арнольд, 1981]. Рассмотрим несколько примеров.

Оригинальный текст: 我们维护国际公平正义, 反对霸权霸道霸凌行径, 扩大本组织“朋友圈”, 构建起对话不对抗、结伴不结盟的伙伴关系, 壮大了维护世界和平稳定的进步力量。

Перевод: Мы стоим на страже международной справедливости, выступаем против гегемонии, деспотизма и травли, расширяем «круг друзей» ШОС, формируем отношения диалога и партнерства, носящие неконфронтационный и внеблоковый характер, что значительно способствует росту прогрессивных сил в защиту мира и стабильности во всем мире.

Переводческий комментарий: в данном примере специфическим понятием с культурным смыслом является метафора 朋友圈 *réngyǒuquān* круг друзей, которое передано с помощью прямого перевода. В контексте использование прямого перевода вполне оправданно, поскольку в русской культуре также существует функционально тождественное понятие круга друзей как дружных между собой людей. С точки зрения синтаксической структуры порядок слов метафоры 朋友圈 *réngyǒuquān* соответствует 朋友 *réngyǒu* друг и 圈 *quān* круг. Если перевести метафору в соответствии с китайским порядком слов с использованием прямого перевода, то получим «друг круг». Как видим в выше приведенном примере, в связи с различием синтаксических структур в китайском

и русском языках, порядок расположения слов в переводе обратен оригиналу.

Однако не всегда использование прямого перевода при передаче специфических понятий китайской политики может быть оправдано. Например:

Оригинальный текст: 要提升本组织安全合作水平, 持续开展联合行动, 严厉打击“东突”等“三股势力”、毒品走私、网络和跨国有组织犯罪。

Перевод: Важно повышать уровень взаимодействия ШОС в области безопасности, регулярно проводить совместные операции, беспощадно бороться с тремя силами зла, в том числе террористическими силами «Восточного Туркестана», незаконным оборотом наркотиков, киберпреступностью и транснациональной организованной преступностью.

Переводческий комментарий: в примере специфическим понятием является лексема 三股势力 sāngǔ shìlì три силы зла, которые включают в себя терроризм, экстремизм, сепаратизм. Рассматривая пословно данное выражение можно обнаружить, что слово 股 gǔ, являясь специфическим для китайского слова счётным словом, не имеет семантического эквивалента в русском языке. Отдельно отметим, что подобных счётных слов в китайском языке существует множество (например, 个 gè в сочетании 两个人 liǎng gèrén два человека или 台 tái в 三台电脑 sān tái diànnǎo три компьютера). Каждое существительное в китайском языке сопровождается соответствующим счётным словом, в то время как в русском языке такие слова хоть и встречаются, но достаточн редко. 势力 shìlì в китайском языке имеет значение власть или политическая, экономическая или военная сила. В примере выше оно переводится как сила зла / злая сила. Здесь перевод выполнен с помощью функциональной заменой метафорой «злая сила», прежде всего не как физического силового воздействия, а как незаконного действия.

Оригинальный текст: 西安古称长安, 是中华文明和中华民族的重要发祥地之一, 也是古丝绸之路的东方起点。

Перевод: Сиань в древние времена назывался Чанъань, был местом зарождения китайской цивилизации и колыбелью китайской нации, считался восточной отправной точкой Великого Шелкового пути.

Переводческий комментарий: в примере наше внимание обращено к обороту 中华民族的重要发祥地 zhōnghuá mínzú de zhòngyào fāxiángdì, в котором выражение 发祥地 fāxiángdì восходит к политическому деятелю Вэй Юаню из династии Цин, написавшему в первом томе «Шэнву цзи»: 惟盛京稍东之兴京, 则肇、兴、景、显四祖及太祖发祥之地 (перевод автора: Однако Синцзин, расположенный немного восточнее Шэнцзина, является местом рождения четырех предков Чжао, Син, Цзин и Сянь) [Вэй Юань, 1984]. Здесь 发祥地 fāxiángdì исторически указывает на место происхождения императора, а 祥地 xiángdì дословно переводится как счастливая земля. В настоящее время 发祥地 fāxiángdì понимается как место происхождения народа, культуры. В переводе содержится слово «колыбель», которое в прямом смысле означает род небольшой кровати для укачивания ребенка, а в переносном смысле является местом возникновения чего-либо. В переводе хоть и невозможно передать весь глубинный смысл того, что город Чанъань был «счастливой» и «императорской землей» происхождения всей китайской нации, но то, что это город, где возник китайский народ, передается в используемом переводчиком понятии «колыбель».

3. Перевод национальных реалий китайских политических речей на русский язык

К числу национальных реалий были отнесены паремии, включающие идиомы,

фразеологические обороты, пословицы и поговорки, используемые в речи китайского лидера. Для их передачи на русский язык часто используется описательный способ. Рассмотрим примеры.

Оригинальный текст. 中国唐代诗人李白曾有过“长安复携手，再顾重千金”的诗句。

Перевод. Ли Бо, китайский поэт династии Тан, написал: «Новая встреча и добрая беседа бесценна».

Переводческий комментарий: в данном примере Председатель КНР цитирует отрывок из известного китайского древнего стихотворения «Стихами отвечаю историографу Цюю» Ли Бо 长安复携手 cháng'ān fù xiéshǒu «Новая встреча и добрая беседа бесценна». Выражение в контексте речи политического деятеля имеет значение, что саммит в Сиане, призван продолжить тысячелетние традиции дружбы и открыть новые перспективы. Первая часть выражения дословно переводится как «Чанъань снова взялся за руки» (长安 cháng'ān Чанъань, 复 fù снова, 携手 xiéshǒu взялся за руки). Используя описательный перевод, переводчик не передает использование названия города Чанъань в оригинальном тексте, переводя лишь общий смысл данной строки стихотворения. В связи с различиями в древнем стихотворении и современном языке Китая, для русского читателя строки древнекитайского стихотворения могут быть непонятны, а поэтому их описательный перевод является наиболее оптимальным способом передачи смысла.

Оригинальный текст: 中国陕西有句农谚，“只要功夫深，土里出黄金”。

Перевод: В народе провинции Шэньси говорят: Упорный труд позволит извлечь золото из земли.

Переводческий комментарий: как следует из оригинала, в провинции Шэньси существует сельскохозяйственная пословица, содержание которой дословно сводится к «только нужны серьезные усилия (кунг-фу), из земли достанешь золото». В китайском языке 功夫 gōng fu обычно значит единоборство, при этом имеется эквивалент в русском языке как кунг-фу. Данное слово так же может также означать компетентность, затраченное время и усилия и т.д. В приведенном примере понятие 功夫 gōng fu кунг-фу не имеет связи с единоборствами, поскольку из контекста известно о том, что пословица функционирует в речи сельских жителей. А поэтому переводчик существительное «труд» для передачи смысла слова, в незначительной степени отдаляясь от исходного смысла данного слова, переводимого также как «умение, мастерство, навык». Используемый описательный перевод позволяет лишь в незначительной степени сохранить эквивалентность содержания, но в целом функционально соответствует значению высказывания.

Оригинальный текст: 中国人讲“烈火见真金”。

Перевод: В Китае говорят: «Золото испытывается огнём».

Переводческий комментарий: для перевода поговорки переводчик использует перевод с помощью функционального эквивалента, поскольку прямой перевод высказывания был бы непривычен для носителя русского языка и звучал бы как «бушующий огонь встречает настоящее золото», дословно 烈火 lièhuǒ бушующий огонь, 见 jiàn встречает, 真金 zhēn jīn настоящее золото. В переводе прилагательные бушующий и настоящее опущены, а слово встречает заменяется на «испытывается». В то время библейский функциональный эквивалент «золото огнем испытывается» может ввести в заблуждение

получателя перевода и не соответствует прямому эквиваленту в китайском языке как 金子要经过火的考验 jīnzi yào jīngguò huǒ de kǎoyàn. Возможно здесь использование описательного перевода и сохранение исходной формы поговорки смогло бы более точно передать национально-культурную специфику оригинального текста в переводе.

4. Перевод имен собственных из китайских политических речей на русский язык

Реже встречаются имена собственные, которые включают фамилии и имена поэтов, общественно-политических деятелей, поступки и высказывания которых упоминаются в речи китайского лидера. Для их перевода чаще всего используется транскрипция по системе Палладия. Например, в речи на Саммите Китай – Центральная Азия Председатель КНР упоминает 张骞 zhāng qiān Чжан Цянь (имя китайского путешественника и дипломата древности), 李白 lǐ bái Ли Бай, Ли Бо (известный китайский поэт династии Тан), а также топонимы – названия городов 西安 xī'ān Сиань, 长安 cháng'ān Чанъань, 东突 dōngtū Восточный Туркестан (историческое название региона в Средней Азии, совпадающего в настоящее время с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР).

Обсуждение.

В результате проведенного анализа можно обнаружить, что для использования разных видов безэквивалентной лексики, наполненной глубоким культурным смыслом, могут использоваться разные способы перевода. При этом использование тех или иных способов перевода позволяет в большей или меньшей степени достичь эквивалентности оригинального и переводного текстов.

Использование прямого перевода возможно при передаче имен собственных (в виде транскрипции), специфических понятий, образы которых могут быть понятны для получателя. В случае использования этого метода перевода удастся достичь высокой эквивалентности содержания. Функциональной равноценности с помощью прямого перевода достичь сложно.

Транскрипция является основным способом передачи имен собственных, особенно антропонимов. Здесь же стоит отметить, что Китай имеет многотысячелетнюю историю, а поэтому с исторических имен здесь известно множество великих общественно-политических деятелей, поэтов, мыслителей, а поэтому добавление к транскрипции уточнения рода занятий человека по профессии позволило бы внести точность в перевод и здесь его более понятным для русского получателя.

Специфические понятия, в основе которых лежат схожие для китайской и русской языковой картины мира образы, могут быть переданы на русский язык с использованием прямого метода пословного перевода. Здесь же следует отметить некоторые грамматические трансформации, обусловленные спецификой морфологических и синтаксических норм русского языка, которые иногда приводят к перестановке компонентов в сочетании слов.

Использование описательного перевода позволяет достичь функциональной эквивалентности, однако не сохраняется эквивалентность содержательная. Данный способ распространен в переводе безэквивалентной лексики китайских политических речей на русский язык, в том числе при передаче неологизмов и национально-специфических реалий, идиом, пословиц, поговорок.

Исходя из результатов исследования можно рекомендовать при переводе специфический

явлений (со схожими для русской лингвокультуры образами) и имен собственных в политической речи китайского лидера на русский язык использовать прямой перевод, при переводе неологизмов и реалий, а также специфических понятий (с отличными от русской лингвокультуры образами) придерживаться использования описательного способа. Также по возможности необходимо осуществлять поиск функциональных эквивалентов, которые позволили бы сохранить стилистический оттенок оригинала с одновременной передачей смысла исходного текста.

Отдельно отметим, что в ходе исследования не было обнаружено фрагментов, где безэквивалентная лексика из оригинальных текстов политической речи переводилась бы с помощью замены или удаления. Это подчеркивает то, что каждое слово в речи политического деятеля требует перевода и категорически не может быть опущено в переводном тексте. Предполагаем, что способ опущения данной лексики в тексте перевода для политической речи является абсолютно неприемлемым и не может быть использован на практике. Это в свою очередь подтверждает нашу гипотезу, что не существует безэквивалентной лексики, перевод которой невозможно было бы выполнить. Абсолютно вся лексика оригинального текста политической речи может быть переведена на русский язык с использованием двух основных способов перевода – прямого и описательного, при этом прямой перевод позволяет достичь эквивалентности содержания, в то время как описательный перевод служит для достижения функциональной эквивалентности.

Заключение.

Таким образом, особенности политического дискурса обуславливают его насыщенности культурнозначимой информацией, которая часто обладает национальной спецификой и в аспекте перевода носит название безэквивалентной, поскольку в языке перевода отсутствуют лексикографически зафиксированные эквиваленты данной лексики или компоненты значений одного и того же слова не тождественны. Такая асимметрия ставит сложную задачу перед переводчиком, который должен перевести каждое слово из речи политического лидера Китая на русский язык.

Проведенное исследование позволило обнаружить, что любая безэквивалентная лексика политической речи, будь то неологизмы, названия национальных реалий, паремии и идиомы и так далее, может быть переведена на русский язык. При этом, выбор способа перевода лексики определяет возможную степень эквивалентности или точности соответствия оригинального текста его переводу. При выполнении перевода политической речи переводчику следует с особым вниманием отнестись к выбору способа перевода безэквивалентной национально-специфической лексики, создающей культурные трудности. Выбор оптимального способа позволит сделать перевод более качественным, что определенно важно для осуществления эффективного политического взаимодействия Китая и России.

Библиография

1. Айрапетян О.А., Коровина С.Г. Структурно-стилистические особенности и проблемы перевода политических терминов в публицистических текстах СКЯ // Наука в современном информационном обществе. Материалы XIII международной научно-практической конференции. Том 3. н.-и. ц. «Академический». – North Charleston, USA: CreateSpace 2017. – С. 55-60.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Ленинград: Просвещение, 1981. 200 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Н. Язык и культура: лингвострановедение в

- преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. - 544 с.
5. Дубцова О.В., Ли Цзяньлян. Обучение устному переводу: политический дискурс // Актуальные вопросы образования. 2018. №2. С. 161-165.
6. Зуборева А.А. Переводческий аспект изучения политического дискурса // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. – С. 200-205.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013. 250 с.
8. Круглов В.В. Проблемы перевода политических речей Си Цзиньпина и синтаксические особенности использования фразеологических оборотов на примере чэньюя традиции и цина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2020. №10-2. С. 76-83.
9. Митина А.А. Четырёхсложные идиомы в политической речи и их перевод на русский язык // Вестник науки. 2023. №6 (63). С. 845-848.
10. Сморовидло А.А. Виды и трудности перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский // Проблемы Науки. 2016. №30 (72). С. 76-78.
11. Сун Чжихао. Новый этап современной внешней политики Китая сквозь призму концептов «путь» (дао) и «конфигурации силы» (ши) // Мировая экономика и международные отношения. 2023. №67 (2). С. 78-92. DOI:10.20542/0131-2227-2023-67-2-78-92.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка (1935-1940) [Электронный ресурс]. Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/13/us219707.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.10.2023).
13. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006. 256 с.
14. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М, 2015. 733 с.
15. Югай Е.Р. Политический дискурс и перевод // Общество. 2019. №2 (13). С. 81-87.
16. Яковлев А.А. Перевод и межкультурное взаимодействие. Красноярск, 2017. 236 с.
17. Ян Линьлинь, Ши Сючжэнь. Перевод политической терминологии с китайского на русский язык // Политическая лингвистика. 2022. №6 (96). С. 211-218.
18. 王斌华. 口译:理论、技巧、实践(Ван Биньхуа. Интерпретация: теория, техника, практика) // 武汉:武汉大学出版社 (Ухань: Издательство Уханьского университета). 2006. №2. С. 78-79.
19. 刘成盼,刘东亮. 中国特色政治语篇中的隐喻架构—以精准扶贫和人类命运共同体为例 (Лю Чэнпань, Лю Дунлян Метафорическая структура в политическом дискурсе с китайской спецификой – на примере целенаправленного сокращения бедности и сообщества с общим будущим для человечества) // 海外英语 (Английский за рубежом). 2021. №1. С. 260-261.
20. 史顺良,赵斐. 政治语篇中的概念隐喻及其翻译策略 (Ши Шуньлян, Чжао Фэй. Концептуальная метафора в политическом дискурсе и стратегии ее перевода) // 阜阳师范大学学报(社会科学版) (Журнал Фуянского педагогического университета (издание по общественным наукам)). 2021. №3. С. 42-47. DOI:10.14096/j.cnki.cn34-1333/c.2021.03.07
21. 魏源,清代. 圣武记 (Вэй Юань из династии Цин. Шэнву цзи). Пекин: Китайское книжное издательство, 1984. 567 с.
22. 杨海英,周密. 政治语篇中的概念隐喻及英译研究 (Ян Хайин, Чжоу Ми. Исследование концептуальной метафоры в политическом дискурсе и ее перевод на английский язык) // 湖北经济学院学报(人文社会科学版) (Журнал Хубэйского экономического университета (издание гуманитарных и социальных наук)). 2021. №2. С. 117-120.
23. 莫逸凡. 中俄政治话语中的隐喻翻译 (Мо Ифань. Перевод метафор в китайском и русском политическом дискурсе) / 武汉大学 (Уханьский университет), 2018. 107 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Основная трудность перевода заключается в том, что текст-оригинал должен быть представлен на ином языке не только в режиме чистой информации, но и с учетом контекста и ассоциативного ряда. Следовательно, работы, в которых осуществлена попытка объяснить сложности, причины затруднений, а также в которых намечена попытка усовершенствовать методы перевода важны и необходимы. Предметная область рецензируемого труда вполне конкретна, цель и задачи ясны и прозрачны. Текст обладает должной научной значимостью, на мой взгляд, новизна также верифицирована. В начале сочинения автор отмечает, что «в настоящее время с увеличением контактов между Китаем и Россией в политической сфере возросла потребность на выполнение китайско-русских переводов, в том числе речей политических лидеров. Они воплощают в себе черты национального политического дискурса, выступают примером языковой реализации основных политических принципов и государственной идеологии», «для переводчика важной задачей выступает выражение смысла языковыми средствами, наиболее подходящими в конкретном контексте и в конкретной ситуации общения», «проблема перевода лексики с национально-культурной спецификой в политической речи с китайского на русский язык приобрела актуальность относительно недавно. Это обусловлено несколькими причинами, прежде всего возрастающим интересом к изучению перевода в языковой паре китайский-русский, а также повышением спроса на выполнение качественных переводов на фоне увеличения контактов между Китаем и Россией на политическом уровне». Считаю, что вариант манифестации проблемы конструктивен, исследователю удастся прописать важность и значимость исследования, отчасти и заинтересовать потенциального читателя. Методы анализа современны, тенденция к компаративному типу оправдана: «для достижения целей исследования представляется необходимым проведение сравнительного лингвистического анализа оригинального текста речи политического лидера КНР и его перевода на русский язык с целью выявления и отбора единиц безэквивалентной лексики и вариантов ее перевода на русский язык и проведения последующего анализа. В качестве эмпирического материала выступают тексты программной речи председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия Делового форума БРИКС (22 июня 2022 г.), Саммите «Китай – Центральная Азия» (19 мая 2023 г.), выступления на 23-м заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (4 июля 2023 г.)». Формат работы соотносится с научным изысканием, смысловые части / блоки соразмерны, дифференциация текста оправдана. Считаю, что в работе соблюдается логика внутренних переходов: теория – практика – пример – выводы и т.д. Стиль ориентирован на научный тип: например, «Лексика с китайской спецификой – это широко используемые слова, созданные китайским народом в процессе длительной общественной практики, обладающие ярко выраженными национально-культурными характеристиками и воплощающие в себе особенности времени. Как правило, источниками появления этой лексики служат общественные события, мифы и легенды. Лексика с китайской спецификой несет в себе богатую культурную информацию и глубокий смысл, отражая уникальную жизненную позицию и образ мышления китайского народа [王斌华, 2006]. При этом отмечается тесная связь языка с идеологией в китайском политическом дискурсе, что позволяет с помощью лингвистических средств отражать ценности, мораль и идеи политики страны», или «Вопрос «эквивалентности» в переводоведении, пожалуй, является одним из наиболее классических и фундаментальных, как и вопрос о сущности перевода. Тем не менее,

ответы на него различаются и в силу принадлежности к разным школам перевода исследователи предлагают различные способы интерпретации понятия «эквивалентность», или «Эквивалентность перевода и верность перевода – разные понятия. «Верность» переводов, как пишет итальянский писатель У. Эко, не является критерием, который заставляет признать единственно приемлемый перевод, а лишь подтверждает ту мысль, что «перевод всегда возможен», вопрос лишь о том, какой из смыслов оригинала переводчик выносит на перевод [Эко, 2015]. Следовательно, решение проблемы эквивалентности – вопрос компетентности и субъективного видения вариантов решения переводческих задач» и т.д. Суждения по ходу работы объективны, автор часто допускает цитации, отсылки, при этом им дается должная критическая оценка. Нет в работе и серьезных фактических нарушений, общее впечатление от разверстки темы явно положительное. Автор явно заинтересован предметом изучения, нетривиально выстраивается и блок оценочных / аналитических суждений, должным образом сконфигурирован и т.н. диалог с читателем. Уверен, что материал найдет применение в практике перевода на уровне высшего образования. Приведу также пример действительно механизма объяснения конкретной ситуации: «прямой перевод данной концепции имеет непривычный порядок слов для носителя русского языка как «человечество судьба общее сообщество», дословно 人类 rénlei человечество, 命运 mìngyùn судьба, 共同 gòngtóng общее, 体 tǐ сообщество. Как видим, прямой перевод то не соответствует синтаксису русского языка. При этом прямой русский перевод выражения «сообщество единой судьбы человечества» на китайский язык звучит как сообщество 体 tǐ, единой судьбы 同样命运的 tóngyàng mìngyùn de, человечества 人类的 rénlei de, и в совокупности 体同样命运的人类的 tóngyàng mìngyùn de rénlei de так же не соответствует синтаксису китайского языка. С точки зрения грамматики в русском языке за определяемым словом следуют определяющие слова в родительном падеже, в то время как в китайском языке представлен обратный порядок, а определяющие слова расположены перед определяемым». Принцип разверстки ситуации, на мой взгляд, выверен – «оригинальный текст – перевод – переводческий комментарий». Примеров в работе достаточно, достаточно и наличного текста для раскрытия темы. Еще раз отмечу, что статья полновесна, целостна, конструктивна. В итоге автор приходит к выводу, что «проведенное исследование позволило обнаружить, что любая безэквивалентная лексика политической речи, будь то неологизмы, названия национальных реалий, паремии и идиомы и так далее, может быть переведена на русский язык. При этом, выбор способа перевода лексики определяет возможную степень эквивалентности или точности соответствия оригинального текста его переводу. При выполнении перевода политической речи переводчику следует с особым вниманием отнестись к выбору способа перевода безэквивалентной национально-специфической лексики, создающей культурные трудности. Выбор оптимального способа позволит сделать перевод более качественным, что определено важно для осуществления эффективного политического взаимодействия Китая и России». Созвучие с основным блоком безусловно, фактические нюансы учтены, формальный грейд выдержан. Рекомендую статью «Перевод безэквивалентной лексики в китайской политической речи на русский язык» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лин Ц. Влияние цикла «Донские рассказы» М. А. Шолохова на Мо Яня // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71569 EDN: RQPTQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71569

Влияние цикла «Донские рассказы» М. А. Шолохова на Мо Яня

Лин Цзе

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов

150000, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, Д.15

✉ lj3046013268@gmail.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.8.71569

EDN:

RQPTQN

Дата направления статьи в редакцию:

24-08-2024

Дата публикации:

01-09-2024

Аннотация: Статья посвящена влиянию «Донских рассказов» на литературное творчество Мо Яня. Автор рассуждает об эволюции переводов «Донских рассказов» в Китае и кратко анализирует фольклорные мотивы в цикле. Особое внимание уделяется выявлению и анализу типологических связей романа Шолохова и китайских произведений, в частности «Красный гаолян» (1986) Мо Яня, и доказывается, что, несмотря на различия в национальной принадлежности и историческом контексте, оба автора решают схожие идейные задачи с помощью фольклорных элементов. Анализируется типологическое сходство в использовании пословиц, поговорок, устной поэзии и обычаев в произведениях Мо Яня и М.А. Шолохова. На основе теории сравнительного литературоведения А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского исследуются наиболее известные работы авторов, фокусируясь на сравнении функций, образов и символов фольклора в их произведениях. Автором проведено сравнение

фольклорных элементов, их функций и образов в произведениях Мо Яня и М.А.Шолохова, а также изучение конкретных примеров пословиц, песен, легенд и обычаев в текстах произведений. Анализ фольклорных элементов в «Красном гаоляне» и «Донских рассказах» позволяет сделать следующие выводы: 1. Оба автора используют фольклор как мощное художественное средство для передачи духовного мира героев и атмосферы эпохи. 2. Фольклор служит для создания аутентичности, глубины и эмоциональной выразительности их произведений. 3. Несмотря на различный культурный и исторический опыт, оба романиста решают одни и те же идейно-содержательные задачи с помощью фольклора, отражая темы свободы, любви, войны, смерти и жизненных ценностей. 4. «Донские рассказы» М.А. Шолохова оказали значительное влияние на китайского писателя Мо Яня. 5. Русская классическая литература продолжает влиять на литературу континентального и островного Китая. Также можно сделать вывод, что советская литература играет важную роль в становлении современной китайской литературы.

Ключевые слова:

Шолохов Михаил Александрович, Мо Янь, фольклор, казачьи песни, Шаньдунская народная песня, пословица, поговорки, Донские рассказы, Красный гаолян, типология

М. А. Шолохов – признанный классик литературы мирового масштаба. Его творчество оказало влияние как на западную, так и на восточную литературу, в частности, на китайскую ^[14]. Обращение к Шолохову обширно и многогранно; хронологически оно выходит за рамки двадцатого столетия. В разные периоды китайские литераторы и литературоведы по-разному трактовали и перенимали его традиции. На это влияли социальные изменения в стране, столкновения прогрессивных и консервативных общественных течений.

Творчество Шолохова всегда являлось объектом постоянного и пристального внимания исследователей ^[15, с.106]. «Донские рассказы», в частности, в монографической работе И. Г. Лежнева о Шолохове, как и в статье В. В. Гуры, они рассматривались как идейная и художественная предыстория романа «Тихий Дон» ^[16] — центрального произведения всего наследия писателя.

Начиная с 30-х прошлого века в Китае переводят и распространяют произведения М. А. Шолохова. В 1933 году шанхайская типография «Ляньюй» опубликовала один рассказ из цикла — «Семейный человек», переведённый с немецкого языка китайским писателем Лу Синь, как «рассказ пролетарского писателя», и включённый в книгу «Дневной труд». В книге также рассказывалось о жизни Шолохова и подчеркивался трагический характер его произведений [20. с. 95].

В 1959 году в Шанхайском издательстве литературы и искусства вышел цикл «Донские рассказы» в литературном переводе Цао Ина ^[21]. 1960-е и 1970-е годы можно назвать периодом стагнации для исследовательской деятельности, связанной с творчеством Шолохова. Из-за ухудшения китайско-советских отношений Шолохов подвергался критике, а его произведения — искажениям и превратным толкованиям. Критические статьи отражали, в том числе, и субъективное отношение исследователей, и политические тенденции того времени. Подводя итог, можно сказать, что на данном этапе исследования цикла «Донские рассказы» не углублялись в суть творчества автора,

носили поверхностный характер ^[22].

К концу XX века ситуация стала меняться. Уже после 1980-х годов появилось множество монографий и статей, посвящённых ранним романам Шолохова. Всего опубликовано 8 монографий, 7 статей и 5 магистерских диссертаций, большинство из которых посвящены художественным, эстетическим и тематическим особенностям его романов.

С самого своего появления в Китае, русская литература оказывала значительное влияние на творчество китайских писателей. В том числе и Шолохов, как Нобелевский лауреат, стал примером для многих китайских авторов ^[1, с. 86]. Его произведения затрагивают глубокие нравственные и социальные темы, вдохновляющие китайских писателей на создание собственных литературных шедевров, которые отражают уникальный культурный контекст Китая.

М.А. Шолохов и Мо Янь являются ключевыми представителями русской и китайской литературы соответственно ^[12, с. 56]. В романе Мо Яня «Красный гаолян» и в цикле «Донские рассказы» М. А. Шолохова можно обнаружить множество общих черт в их творческих подходах.

Сравнительное литературоведение, или литературоведческая компаративистика, является одним из ведущих направлений современной филологической науки ^[2]. В центре сравнительных исследований находится выявление межлитературных контактов и взаимодействий, анализ влияния одного писателя на другого, а также школ и направлений. В. М. Жирмунский, как основатель теории сравнительного литературоведения, обращал внимание на значимость изучения фольклора как фундамента литературного творчества ^[3]. Он рассматривал фольклор как живое отражение национальной культуры и исторической памяти, подчеркивая его роль в формировании литературных жанров и тем. Такой подход способствовал выявлению взаимосвязей между устными народными традициями и литературным творчеством, что расширило понимание культурных контекстов в художественных произведениях.

Исследование роли фольклора в формировании эстетического отношения к действительности писателей, его влияния на художественную систему (язык, сюжет, образный ряд, жанр) является одним из приоритетных направлений отечественного литературоведения. Устное народное творчество характеризуется как основа поэтики творчества мастеров художественной словесности, как неисчерпаемый источник национальной самобытности, народного мировоззрения ^[4]. Важной частью любого устного народного творчества являются пословицы. Пословица — жанр фольклора, афористически сжатое, образно, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом в ритмической форме ^[5].

Как только цикл «Донские рассказы» вышел в свет, он сразу привлек внимание и писателей, и читателей, и исследователей, поскольку цикл богат народными песнями, пословицами, поговорками и описаниями казачьих обычаев. Эти элементы фольклора обогащают цикл, придавая ему культурный контекст и углубляя понимание персонажей и ситуаций.

Вот примеры самых выразительных пословиц, встречающихся в рассказах цикла:

1. «Черта с два догонят» («Судьба человека») ^[10.с.127].

В рассказе «Судьба человека» Михаила Шолохова один из ключевых фольклорных мотивов — это мотив противостояния человека судьбе и невзгодам. Выражение «черта с два догонит» отражает фаталистическое отношение к судьбе, где человек не сдаётся перед лицом трудностей и сохраняет свое достоинство, даже когда оказывается в безвыходной ситуации. Этот мотив также можно трактовать как метафору борьбы за выживание и сохранение человеческого облика в условиях жестоких реалий войны и лишений.

2. *«Кто мира не слушает, тот Богу противник» («Смертный враг»)* [10.с.230].

Фольклорный мотив в данном высказывании связан с конфликтом между духовными и мирскими ценностями. Образ противника Богу может символизировать отсутствие гармонии с окружающим миром и игнорирование его законов. Эта концепция также отражает идеи о том, что важно осознавать ценность мирного и спокойного времени, чтобы избежать противоречий с высшими силами и не заслужить наказание за неблагодарность.

3. *«С лица тебе не воду пить» («Кривая стежка»)* [10.с.204].

Выражение «с лица тебе не воду пить» из «Кривой стежки» содержит фольклорный мотив, связанный с темой внешности и внутреннего мира. Оно подчеркивает, что истинная ценность человека не определяется его внешней красотой. Моральные качества и уровень интеллектуального развития важнее, чем привлекательный внешний вид. А потому, насколько бы не была отталкивающей внешность человека, всегда нужно помнить, что мнение о человеке в целом нужно составлять, ориентируясь на его поступки и отношение к окружающим.

4. *«Голому одеться — только подпоясаться» («Алешкино сердце»)* [10.с.137].

Выражение «голому одеться — только подпоясаться» из «Алешкиного сердца» является фольклорным мотивом, который указывает с одной стороны, на крайнюю степень бедности персонажа, а с другой описывает его как человека легкого на подъем, готового на любую авантюру. В случае с Алешкой это также подчеркивает необдуманность его решений, приведших к тому, что он стал работником жестокого Ивана Алексеева. Для такого бедного человека нет смысла слишком долго обдумывать свои действия, ведь ему в любом случае нечего терять. Такая характеристика персонажа подчеркивает жестокость системы, при которой человек становится жертвой обстоятельств.

5. *«Кому счастье, а кому и счастьеце.» («Двухмужняя»)* [10.с.211].

Выражение «кому счастье, а кому и счастьеце» из «Двухмужней» отражает фольклорный мотив, связанный с неравенством восприятия счастья. Оно подчеркивает, что для разных людей счастье может быть представлено в различных формах. Это выражение акцентирует внимание на индивидуальности человеческих переживаний и показывает, что каждый человек воспринимает счастье по-своему, в зависимости от своих обстоятельств, целей в жизни и особенностей характера.

Для пословицы, как жанра фольклора, важна не только литературная форма, но и та часть народной культуры, средством передачи которой эта пословица служит ^[6].

В романе Мо Яня «Красное просо» можно встретить множество народных пословиц и

выражений, насыщенных местным колоритом ^[7]. Эти пословицы не только культурно обогащают текста, но и отражают обычаи и ценности региона, в котором разворачиваются события. Вот некоторые распространенные примеры:

1. *«Как говорится, курица следует за петухом, а сука — за кобелём»* [11.с.456].

Мотив соподчинения и следования в фольклоре часто выражает иерархические отношения мужчин и женщин в обществе. В данном выражении подчеркивается традиционная динамика в парах, где одна сторона следует за другой, что может отражать старые социальные нормы и гендерные роли.

2. *«Люди гибнут за богатство, как птицы за еду.»* [11.с.142]

Пословица отражает распространенный в фольклорном творчестве мотив людской жадности. Сравнение людей и птиц носит иронический характер, так как драки птиц воспринимаются как что-то мелочное, склочное и немного комическое, а потому люди, дерущиеся за богатство, предстают как нечто жалкое в народном сознании. Кроме того, не случайно противопоставление «богатства» и «еды»: птицы гибнут, ради того, что им необходимо, а люди уподобляются им даже не ради денег, а именно ради богатства, т.е. чего-то заведомо избыточного, без чего можно обойтись.

3. *«Поспешишь — не отведаешь горячей каши!»* [11.с.8]

Фольклорный мотив данной пословицы заключается в предостережении против спешки и необдуманных действий. Если стремиться к быстрой награде или результату, можно упустить что-то важное и так и не достичь цели. Часто в народной мудрости акцентируется необходимость терпения и вдумчивого подхода к делу для достижения успешного результата.

4. *«Легко пригласить божество, да сложно его выпроводить.»* [11.с.188]

Фольклорный мотив данной пословицы касается опасностей и последствий неосторожных действий. Она показывает, что легко начать что-то не подумав, но гораздо сложнее избавиться от нежелательных последствий своих действий. Как мы видим, народная культура часто обращается к теме разума, необходимости быть осторожным и осмотрительным.

5. *«Даже среди ублюдков рождаются удалцы, а девять из десяти ни на что не годны.»* [11.с.12]

Фольклорный мотив этой пословицы акцентирует внимание на том, что даже в неблагоприятных условиях или среди не самых достойных людей могут быть исключения — особенные и талантливые личности. Мудрость в этой пословице заключается в том, что не стоит недооценивать возможности отдельных людей. Даже если они происходят из социальных групп, на которые принято смотреть с пренебрежением, не стоит делать поспешных выводов.

Пословицы и поговорки в романе «Красный гаолян» — это не просто мудрые изречения, а важный элемент сюжета, который позволяет понять менталитет героев и культуру шаньдунской деревни. Они отражают традиционные ценности, моральные принципы и практические навыки китайского крестьянства.

Народная песня, как явление народной культуры, может восприниматься в качестве

документа эпохи. По мнению В. Л. Гошовского и др, устная поэзия для М. А. Шолохова представляет собой источник творчества [8.с.94]. Её наличие – один из признаков выразительных средств фольклора, а также литературной эстетики. Казацкие песни действительно играют важную роль в творчестве Михаила Шолохова, особенно в его «Донских рассказах».

Ой, Михаил, Михалё, Михалётко ты мое!

Не ходи ты на войну, нехай батько иде,

Батько – старенький, на свити нажився...

А ты – молоденький, тай ще не женився... («Нахаленок») [10.с.177].

В этом рассказе описываются тяжелые времена гражданской войны. Именно поэтому в нем звучат печальные песни о войне, о потерях, о разлуке с родными, о тяжелых мыслях. Песня передает чувства матери к сыну и ее тревогу за его судьбу, усиливая эмоциональную нагрузку текста. Именно через песни автор раскрывает особенности донской культуры, демонстрируя передачу музыки и слов из поколения в поколение. Песня отражает семейные ценности и общественные ожидания, показывая влияние войны на жизнь обычных людей.

Ехали казаченьки

Да со службы домой.

И огрубелые от ветра и стужи голоса подхватывали:

На плечах погонники,

На грудях кресты-ы-ы... («Обида») [10.с.246].

Эта песня отражает стиль жизни казаков, их традиции, испытания и дружеские связи. Описание «огрубелых от ветра и стужи голосов» подчеркивает тяжёлые условия службы, их физическое и эмоциональное состояние. Погоны и кресты, упоминаемые в песне, символизируют честь, службу и верность своему долгу, а также связь с духовными традициями. Музыка и пение в данном контексте подчеркивают единство и сплоченность казаков, их общие переживания и воспоминания.

А мы бьем, не портим боевой порядок.

Слушаем один да приказ.

И что нам прикажут отцы-командиры,

Мы туда идем – рубим, колем, бьем!.. («Чужая кровь») [10.с.286].

В этом рассказе описана история любви и предательства. Строки снова подчеркивают казачью культуру, традиции и народное самосознание, что помогает сохранить историческую память и коллективную идентичность нации.

Издавна военные песни служили для поднятия настроения и мотивации у солдат. Они создают атмосферу единства, и поднимают боевой дух. Они выражают связанные с войной чувства, такие как гордость, патриотизм и готовность к борьбе, что важно для формирования эмоционального фона в среде воинов. Песня – это облеченное в

поэтическую форму представление человека об окружающем мире ^[13]. В ней в образной народной памяти отражены социально-исторические условия формирования казачества, проявляется своеобразный историзм и реализм [9.с.5].

В романе Мо Яня «Красный гаолян» песни играют важную роль, не только как элемент сюжета, но и как отражение культурных ценностей, эмоций и судеб персонажей.

Долгий плач в гаоляновом поле перемежался со словами через запинку: «Небо чистое-е, небо сине-е-е, небо пёстрое-е-е, братик мой родной, братик мой дурной, преставился-я, небо для сестрёнки обрушилось-я-я». [11. с.35.]

Песня показывает противоречивую природу утраты. С одной стороны, это трагедия, которая разрушает мир и оставляет глубокую рану в душе. С другой стороны, это момент осознания ценности жизни и прощания с тем, кто был дорог. В целом, это песня о любви, горе, о тяжёлом пути прощания с ушедшим человеком и о той силе, которая помогает жить дальше, несмотря на боль.

Жэнь учил солдат песне: *«Гаолян заалел, гаолян покраснел, псы японские тут как тут, и творят беспредел, и страну они рвут, наши родичи толпами мрут! Ты, товарищ, вставай, будем бить мы врагов, охранять наш родимый край!»* [11.с.43] Эта песня — является примером антивоенного и патриотического творчества, характерного для определенного исторического периода. Она призывает к сопротивлению врагу и защите родной земли. В данном контексте «гаолян» может быть понято как символ красоты и покоя, который осквернен врагом, а «псы японские» — это пренебрежительное обозначение вражеских солдат, действующих жестоко и незаконно.

Эй сестрёнка, не бойся(ах), смело ступай вперёд! (ах)

Зубы мои железные, кости – сталь! (ах)

К небу дорога в девять тысяч ли ведёт. Ты не бойся, смело шагай вдаль! (ах)

Из высокого алого терема,

Вышитый красный мяч бросай,

Эй, прямо в голову целься мне,

И тогда мы с тобой растворимся В гаоляновом алом вине! [11.с. 118]

В пении не только использованы местные шандунские оперы Лиуци и Маоци, но также добавлены методы исполнения Циньцзяна и Хуачаня. Мелодия также включает материалы из песен «да ханг». Слова, использующие вставные слова «эй», «а», явно заимствованы из элементов народной оперной музыки.

Следует отметить, что в романе многократно появляется народная песня Гаоми. Переводчик дословно переводит народную песню, сохраняет её форму и рифму, чем передаёт её изысканность.

Благодаря заимствованиям из русской литературы, китайская литература стала уникальным явлением в истории литературоведения ^[18, с. 23]. Распространение русской литературы в Китае оказало беспрецедентное влияние на развитие китайской литературы, не только послужив поучительным примером для китайских писателей, но и повлияв на формирование ценностей китайского читателя ^[19, с. 21].

Михаил Шолохов и Мо Ян, два выдающихся писателя, несмотря на различия в культуре и эпохе, демонстрируют множество сходств в своем творчестве. Оба используют народные песни, пословицы и поговорки, что придает их произведениям яркую национальную окраску. Писатели акцентируют внимание на жизни в сельской местности, глубоко исследуя крестьянскую жизнь, их чувства и роль в общественных изменениях.

Таким образом, глубокое понимание родной культуры обусловило включение фольклора в литературные работы Мо Яня и Шолохова, что привело к созданию произведений, насыщенных фольклорными мотивами и глубоким идейно-эстетическим смыслом.

Библиография

1. Пчёлкина, С.Ю., Шнейдер. М.Е. и Лю Вэньфэй: особенности китайского понимания русской классической литературы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2019. №. 3 (49). С. 85–91.
2. Бекметов Р.Ф. Литературная компаративистика как методологическая проблема: к эскизу научной стратегии в ракурсах новейших исканий // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 4 (22). С. 197–203.
3. Жирмунский В.М. Веселовский и сравнительное литературоведение // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Избранные труды. Л.: Наука, 1979.
4. Киреева Н. В. Роль фольклорного начала в прозе Гульчеры Быковой [Электронный ресурс]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_2-1_26.pdf (дата обращения: 30.04.2015).
5. Даля.В.И. Пословицы русского народа. // Художественная литература, 1984.
6. Махмутов Х.Ш. Афористические жанры татарского фольклора. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Казань, 1995
7. 微. 莫言小说中的民俗记忆研究.[D].上海:上海师范大学, 2022, 66页. Ху Вэй. Исследование народной памяти в романах Мо Яня. Дис. маг. Филол. наук:10.01.01. 2022. 23с. Шанхай: Шанхайский нормальный университет, 2022, 66 с.
8. С. В. Адаменко. Народная песня как основа музыкального фольклора// Культурная жизнь Юга России. № 1 (48), 2013.С.93-96.
9. 刘娜. 肖洛霍夫与莫言作品中的故乡主题—《静静的顿河》和《丰乳肥臀》为例[D].济南:山东大学, 2014年. 75页. Лю На. Тема малой родины в произведениях М.А. Шолохова и Мо Яня-на примере «Тихий Дон» и «Большая грудь, широкий зад» Дис. маг. Филол. наук:10.01.01 – Шандунский университет, 2014. 5 с.
10. Шолохов, М. А. Донские рассказы. // М.: «Эксмо», 2014.-680 с.
11. 莫言.红高粱.兰州: 作家出版社, 2018年, 512页. (Мо Янь. «Красный гаолян», Ланчжоу: // Издательство «Писатели»,2018. – 512 с.)
12. 吴越. 百余年来俄罗斯文学在中国的传播与影响.山东:临沂大学学报. 2017.56-57页(Ху Хэцин. О стремлении Мо Яня к красоте личности и восточных культурных традициях // Вестник Современная литературная мысль, 1987.-№5.-С.56-57.)
13. Кузина Т.Р. Занимательная педагогика народов России. – М.: Школа Пресс, 2001. – 142 с. – (Б-ка журн. «Воспитание школьников». Вып. 24)
14. Цао Ин. Цикле сочинений Шолохова в 8т.Т.1. Пекин.: «Народная литература», 2000.500с. 草婴. 肖洛霍夫文集(第一卷)[M]. 北京:人民文学出版社, 2000年. 500页.
15. Дмитрива, А.В., Осипова Т.О. «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы»: Шолоховские чтения – 2022 (ст. Вешенская, 7–9 сентября 2022 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 106–108.
16. Кузнецова, Н. Т. Михаил Шолохов – летопись жизни и творчества (материалы к

биографии). М.: «Галерия», 2005. 506 с.

17. Лашук, О.Р. К 110-летию русской литературы в Китае. // Мир русского слова. 2013, № 3. С. 53.

18. Минъюэ. Влияние русской литературы на китайскую. Хэйлунцзян: Суйхуа // Вестник Суйхуаский колледж иностранных языков, 2013. С. 21-38. 马明月. 浅谈俄罗斯文学对中国文学的影响. 黑龙江: 绥化, 绥化学院外国语学院, 2013, 21页.

19. Ван Инцюань. Исследование гуманитарной мысли в произведениях Шолохова. Дис. Маг. филол. техн. наук / Ван Инцюань Цилиньский университет, 2013. 57 с. 王英权. 肖洛霍夫作品中的人道主义思想研究. 吉林: 长春: 吉林大学, 硕士论文, 2013年, 57页.

20. Пэн Яцзин, Хэ Юньбо. Перевод Шолохова в Китае. // Журнал Сянганского университета: издание по философии и социальным наукам, 2002. № 6. С. 95-98. 彭亚静, 何云波. 肖洛霍夫在中国的译介[J]. 湘潭大学学报: 哲学社会科学版, 2002(6). с. 95-98

21. Сунь Мэйлин. Шолоховедение. Пекин.: Издательство по преподаванию и изучению иностранных языков. 1982. 512 с.

22. 孙美玲. 肖洛霍夫研究[M]. 北京: 外语教学与研究出版社. 1982. 512 с. Синь Шоукуй. Биография Шолохова. Пекин: Издательство народной литературы, 2011. 684 с. 辛守魁. 肖洛霍夫传[M]. 北京: 人民文学出版社, 2011. 684

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи является творчество М. Шолохова и Мо Яня. Автор ориентирован на вероятное определение влияния русского классика на творчество Мо Яня. Считаю, что работа имеет конструктивный характер, она филологически выдержана, методически оправдана. В целом теме подходит одной из рубрик издания, общие требования учтены, материал содержателен, практически ориентирован. Формулировки и базовые тезисы выверены: например, «сравнительное литературоведение, или литературоведческая компаративистика, является одним из ведущих направлений современной филологической науки [2]. В центре сравнительных исследований находится выявление межлитературных контактов и взаимодействий, анализ влияния одного писателя на другого, а также школ и направлений», или «К концу XX века ситуация стала меняться. Уже после 1980-х годов появилось множество монографий и статей, посвящённых ранним романам Шолохова. Всего опубликовано 8 монографий, 7 статей и 5 магистерских диссертаций, большинство из которых посвящены художественным, эстетическим и тематическим особенностям его романов», или «М.А. Шолохов и Мо Янь являются ключевыми представителями русской и китайской литературы соответственно [12, с. 56]. В романе Мо Яня «Красный гаолян» и в цикле «Донские рассказы» М. А. Шолохова можно обнаружить множество общих черт в их творческих подходах» и т.д. Стиль статьи соотносится с научным типом, термины / понятия используются в режиме унификации значений. На мой взгляд, основная цель исследования достигается по ходу разверстки научной наррации, решается и спектр поставленных задач. Аналитический вариации полновесны, целостны: например, «вот примеры самых выразительных пословиц, встречающихся в рассказах цикла: 1. «Черта с два догонят» («Судьба человека») [10.с.127]. В рассказе «Судьба человека» Михаила Шолохова один из ключевых фольклорных мотивов — это мотив противостояния человека судьбе и невзгодам. Выражение «черта с два догонит» отражает фаталистическое отношение к судьбе, где человек не сдаётся перед лицом трудностей и сохраняет свое достоинство, даже когда оказывается в безвыходной ситуации. Этот

мотив также можно трактовать как метафору борьбы за выживание и сохранение человеческого облика в условиях жестоких реалий войны и лишений...» и т.д. Вариант оценки текстов Мо Яня также выверен, серьезен: «пословицы и поговорки в романе «Красный гаолян» — это не просто мудрые изречения, а важный элемент сюжета, который позволяет понять менталитет героев и культуру шаньдунской деревни. Они отражают традиционные ценности, моральные принципы и практические навыки китайского крестьянства», или «в романе Мо Яня «Красный гаолян» песни играют важную роль, не только как элемент сюжета, но и как отражение культурных ценностей, эмоций и судеб персонажей. Долгий плач в гаоляновом поле перемежался со словами через запинку: «Небо чистое-е-е, небо сине-е-е, небо пёстрое-е-е, братик мой родной, братик мой дурной, представился-я-я, небо для сестрёнки обрушилось-я-я». [11. с.35.]» и т.д. Материал имеет законченный вид, его целесообразно использовать в рамках изучения китайской литературы, советской культуры в режиме сопоставления с рядом мировых, и, безусловно, творчества Мо Яня. Выводы по тексту целесообразны, серьезных фактических нарушений не выявлено. Текст оригинален, актуален, предметно нов; список источников достаточен, правка излишня. Рекомендую статью «Влияние цикла «Донские рассказы» М. А. Шолохова на Мо Яня» к публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Орлова М.В. Глагольно-именные дескрипции в современной устной русской речи: опыт анализа // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71624 EDN: SLHVKY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71624

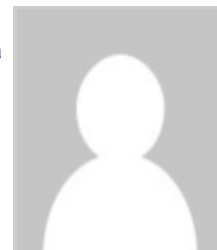
Глагольно-именные дескрипции в современной устной русской речи: опыт анализа

Орлова Мария Владимировна

аспирант, филологический факультет, Московский Государственный Университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, кв. 10

✉ mriaorlova@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71624

EDN:

SLHVKY

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2024

Дата публикации:

04-09-2024

Аннотация: В статье на материале 100 выпусков подкастов (звуковых передач, распространяющихся в интернете), записанных в 20-х гг. XXI в., анализируется использование глагольно-именных дескрипций (сочетаний десемантизированного глагола типа *делать/сделать*, *давать/дать*, *вести/провести* и др. с называющими действие существительными типа *шаг*, *действие*, *ответ* и др.) в современной русской устной речи. Ставится под сомнение распространенное представление об исключительной принадлежности таких конструкций книжной разновидности литературного языка. Исследуются причины, по которым говорящие отдают предпочтение описательным названиям действия: в частности, выделяются дескрипции, не имеющие коррелятивного глагола; дескрипции с определением или кванторным словом при имени; дескрипции с неопределенным значением. Отдельно анализируются

случаи, когда предложение с описательным оборотом может быть трансформировано при помощи однословного коррелята (глагола). В подкастах разговорного жанра, предполагающих свободный диалог нескольких собеседников и различающихся по числу, полу и возрасту ведущих, отмечается и анализируется использование глагольно-именных дескрипций. В статье впервые рассматриваются глагольно-именные дескрипции на материале современной спонтанной устной речи, что позволяет делать выводы о реальном использовании таких конструкций носителями русского языка. Делается вывод о том, что дескрипции регулярно используются в современной устной речи при необходимости дать дополнительные характеристики называемой ситуации, описать ее количественный характер или элиминировать из описания ситуации ряд участников, например объект. Кроме того, в статье впервые предлагается шкала акциональности предикатов, которая может использоваться для описания различных способов обозначения ситуации с точки зрения ее процессуальности или «предметности» — в зависимости от коммуникативного намерения говорящего. Эта шкала также позволяет оценить вероятность использования глагольно-именной дескрипции в некотором данном высказывании.

Ключевые слова:

глагольно-именные дескрипции, десемантизированные глаголы, грамматикализация, девербативы, акциональность, грамматическая семантика, неизосемичные слова, кванторные слова, таксономические категории глагола, синтаксис

1. Введение

Известно, что в русском языке наряду с глагольными лексемами активно используются неоднословные конструкции, которые в отечественной лингвистической традиции принято называть описательными предикатами или глагольно-именными дескрипциями (именно этот термин будет использоваться в настоящей работе), — сочетания вида *глагол ослабленного лексического значения* [1: 43], *называемый экспликатором* [2: 42], *компенсатором* [3: 158] или *интерпретатором* [4: 11]^[1], + «отвлеченное имя действия, состояния, качества» [2: 72]: см. *сделать шаг, дать совет, принять решение* и т.д. Исследователями неоднократно отмечалось частое употребление дескрипций в языке XVII-XIX вв. (см.^[5]), а также в текстах официально-делового стиля на протяжении всей истории русского литературного языка. В литературе регулярно подчеркивается стилистическая маркированность таких конструкций: согласно распространенной точке зрения, дескрипция, употребленная вместо однословного коррелята, служит его «стилистическим вариантом книжной окраски, [...] связанным с профессионально-деловыми особенностями речи» [2: 73].

В результате сложившегося представления о стилистической специфике таких оборотов их роль в устной речи оказывается практически неизученной. В связи с этим кажется крайне актуальной задача исследования дескрипций, которые воспроизводятся или производятся в неподготовленной устной речи, и сопоставления этих сочетаний с точки зрения их состава, семантики и функций с оборотами, характерными для письменных текстов.

В качестве материала для исследования были выбраны 10 русскоязычных подкастов^[2] (звуковых передач, распространяющихся в интернете), записанных в 2020 г. Наиболее адекватным задаче изучения функционирования дескрипций в неподготовленной

разговорной речи представляется формат разговорного жанра, предполагающий свободный диалог двух или более собеседников. Подкасты различаются по числу ведущих (от двух до пяти), а также по их возрасту (от 20 до 45 лет) и полу (ведущие — только женщины, только мужчины или смешанные группы). В ходе исследования было проанализировано 10 выпусков каждого из подкастов (т. е. всего 100 выпусков). В статье будут изложены результаты анализа этого материала с точки зрения употребления говорящими глагольно-именных дескрипций с вербализаторами *делать/сделать, давать/дать, проводить/провести, вести* как наиболее частотными глаголами в составе дескрипций, способными сочетаться с широким кругом имен действия.

Центральным предметом анализа является предполагаемое основание употребления дескрипции вместо коррелятивного глагола. Поскольку такие сочетания зачастую характеризуются в литературе как конструкции, характерные для книжной, письменной речи, тогда как для устной речи постулируется соблюдение принципа экономии речевых усилий и использование упрощенных способов выражения мысли, важной задачей представляется выяснить, действительно ли дескрипции нехарактерны для разговорной речи и какие функции они могут в ней выполнять.

2. Дескрипции, не имеющие коррелятивного глагола

Очевидной причиной для использования дескрипции представляется отсутствие в языке глагола, на который этот оборот можно было бы заменить. Зачастую в качестве субстантивных компонентов в составе таких сочетаний выступают заимствованные слова, от которых в русском языке не были образованы глаголы:

(1) Я **сделала декомпозицию**, значит, своего заработка, чтобы понять, сколько мне брать за сессию... («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020)

(2) Я не пытаюсь, там, **делать комплименты** продавцам в «Пятерочке» или соседям... («Мы расстались», выпуск от 23.06.2020)

(3) Давай **сделаем паузу** в путешествиях и позвоним в «Альфа-Банк». («Деньги пришли», выпуск от 28.08.2020)

Отдельного упоминания заслуживают также сочетания, в которых позицию субстантивного компонента занимает заимствованное в последние годы имя, в большей или меньшей степени освоенное русским языком. Такие существительные как лексемы русского языка не являются девербативами и, более того, обычно не выступают в качестве производящих для новых глаголов, вследствие чего приобретают способность выражать акциональную семантику, только присоединяясь к вербализатору:

(4) Нас также не учили, как себя преподносить, как **делать нетворкинг**... («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020)

(5) ^[1] Я подумал, что я пять лет делал подкаст и... ^[2] И ноль лет **делал промоушен**. («Blitz and Chips», выпуск от 13.02.2020)

(6) [Нужно] подумать, что тебе важно, **сделать реассесмент** своей жизни, то есть написать, что ты сделал за свою жизнь... («Давай по чесноку», выпуск от 05.08.2020)

(7) Так вот, когда я **делал ресерч** этого и, ну, все что нашел в интернете, до чего мог — дотянулся... («Поэпизодный клан», выпуск от 15.10.2020)

(8) Я придумала реалити-шоу, можно я в прямом эфире сейчас **питч** реалити-шоу

проведу? («Blitz and Chips», выпуск от 19.03.2020)

Характерно, что заимствованные из английского языка именные лексемы сочетаются с различными вербализаторами (*делать/сделать, провести, вести*) и образованные с их помощью дескрипции выражают различные оттенки акциональной семантики, что свойственно и сочетаниям с исконно русскими или давно освоенными русским языком существительными. Так, в примере (8) выражаются типичные значения сочетаний с глаголами перемещения (*вести, провести, проводить*), такие как «способность длиться во времени», «динамичность», «контролируемость» [6: 127], позволяющие отнести такие дескрипции к таксономической категории «деятельностей» (ср. нормативные сочетания *вести работу, вести торговлю, вести борьбу, вести беседу*) — о «гомогенности», «бесперспективности» как важных признаках действий, называемых такими конструкциями, см. также [7: 12].

Отдельно следует остановиться на двух типах оборотов с заимствованными существительными, которые представляется возможным выделить в соответствии с их основными функциями. В составе дескрипций первого типа употребляются существительные, которые, как кажется, уже в достаточной мере освоены русским языком: даже если эти лексемы пока не зафиксированы в словарях, они употребляются крайне часто, поскольку называют явления, которые не имеют обозначения среди исконно русских лексем. Это такие слова, как *дисклеймер, каминг-аут, скриншот, питч(инг), флешмоб, хэштег*. Эти существительные в такой же мере требуют транспозиции в функцию сказуемого, что и исконно русские лексемы, и, не имея типичной морфемной структуры русского существительного, с большим трудом становятся производящими для глаголов, вследствие чего транспозиция происходит за счет включения их в состав дескрипции.

Конструкции второго типа отличаются от охарактеризованных выше тем, что в роли их именного компонента выступают окказиональные заимствования, не освоенные русским языком и не обозначающие какую-то принципиально новую реалию, для которой необходимо особое название. Для таких существительных, как правило, можно подобрать эквиваленты среди исконно русских имен или давно освоенных языком заимствований, а для сочетаний с ними — однословные глагольные корреляты или близкие по значению сочетания, ср. *делать дьютис* 'выполнять обязанности; делать домашние дела', *делать нетворкинг* 'завязывать связи', *делать промоушен* 'продвигать; заниматься продвижением', *сделать реассесмент* 'пересмотреть, переоценить', *сделать резолюшен* 'принять решение', *делать ресерч* 'исследовать', *дать фидбэк* 'дать обратную связь'.

Представляется, что причины возникновения таких сочетаний могут быть различными. В некоторых случаях они отражают личные предпочтения говорящего, влияние, которое на его идиолект оказывает активное взаимодействие с английским языком. В частности, представляется, что частое столкновение с соответствующими лексемами в англоязычных текстах, в первую очередь во вполне определенных контекстах и конкретных устойчивых сочетаниях (см. *household duties* и *domestic duties* 'домашние дела', *New Year's resolutions* 'решения, принимаемые в преддверии нового года'), может привести к более быстрой активизации этих лексем при подборе нужного слова в речи.

К контекстам такого рода относится и единственное среди проанализированного материала вхождение дескрипции с английским существительным, которое говорящий произносит в соответствии с правилами английской фонетики, не адаптируя его к закономерностям русского произношения (в примере оно передается латиницей):

(9) Я еще с прошлой недели **сделала** большой **effort** снизить сильно свое экранное время... («Давай по чесноку», выпуск от 23.09.2020)

Как представляется, в этом примере лексему *effort* вполне возможно без потери смысла заменить на русское существительное *усилие*, которое также формирует дескрипцию с тем же глагольным компонентом. В этом случае действительно можно говорить только о специфическом идиолекте говорящего, который при отборе лексем в своей речи черпает параллельно из словарей двух языков.

В то же время при употреблении сочетаний такого рода можно предположить и осознанную стратегию говорящего, для которого употребляемое в составе дескрипции имя и коррелятивное русское существительное не выступают как полные синонимы. Так, значение существительного *нетворкинг* 'завязывание знакомств, формирование связей' может быть только частично уподоблено семантике соответствующих русских сочетаний, поскольку его значение уже: оно всегда имплицитно идею полезности завязываемых отношений для продвижения по карьерной или социальной лестнице.

Семантика лексемы *ресерч* также не в полной мере совпадает со значением русского существительного *исследование* (значение которого формулируется в [8] через отсылку к толкованиям глагола *исследовать* — 'подвергнуть (подвергать) научному рассмотрению в целях познания, выяснения чего-л.' и 'тщательно осмотреть (осматривать) кого-, что-л., внимательно ознакомиться (знакомиться) с чем-л. для установления, выяснения чего-л.'). Употребление существительного *ресерч*, во-первых, не предполагает контекста академической деятельности субъекта, а во-вторых, ослабляет семантический компонент углубленного, тщательного, длительного рассмотрения вопроса.

Характерно также, что в сочетаниях с исконным и заимствованным существительными используются, по всей видимости, разные вербализаторы. Функцию адаптации заимствованного слова к русскому синтаксису часто выполняет наиболее широкозначный глагол, «прототипический» вербализатор *делать*, сочетание с которым и представлено в контексте (7). В составе дескрипции с русским существительным *исследование* используется позволяющий более нюансированно описать ситуацию вербализатор *проводить*, актуализирующий представление о длительной деятельности субъекта в соответствии с некоторым заранее определенным планом:

(10) Столько **исследований**, которые сейчас **проводят** про телефоны, разве что про коронавирус только **проводят** теперь. («Так вышло», выпуск от 30.10.2020)

В других случаях в составе дескрипции используется исконное существительное, не имеющее в лексике русского языка соотносительного глагола (в том числе утратившее его в ходе развития русского языка, ср. *речь* и др.-рус. *рещи*):

(11) В какой-то глубинке России, в общем, собрались шаманы и решили **провести обряд** против коронавируса... («Кульминация», выпуск от 01.09.2020)

(12) Это как раз тут о ресурсе семьи я **веду речь**. («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020)

В ряде случаев формально соотносительный глагол для субстантивного компонента дескрипции существует, но выражает принципиально другое значение, в связи с чем замена дескрипции на однословный коррелят невозможна, ср. *заметить* и *сделать замечание*, *наблюдать* и *делать наблюдения*, *переговариваться* и *вести переговоры*:

(13) То есть для того, чтоб мы **сделали** реально какое-то такое **замечание** детям,

нужно, чтобы они, не знаю, просто орали там, хохотали... («Сперва роди», выпуск от 25.02.2020)

(14) *Мне кажется, что вообще каникулы — это именно время таких тонких **наблюдений**, **которые** ты, может быть, в другое время не **делаешь**.* («Сперва роди», выпуск от 21.01.2020)

(15) *Мы неделю **вели переговоры**, на каких условиях мы съезжаемся.* («Мы расстались», выпуск от 02.06.2020)

В некоторых случаях семантика существительного в принципе тождественна семантике производящего или производного глагола, но существительное гораздо более узואально, чем малоупотребительный глагол. Так, глагол *ревизовать* в современном языке употребляется преимущественно в прямом смысле и не переосмысливается как обозначение бытовой ситуации, в отличие от существительного *ревизия*:

(16) *Потому что, реально, если бы я **провел ревизию** своей квартиры, я бы собрал бы очень много вещей и решил бы их продать...* («Деньги пришли», выпуск от 09.10.2020)

В некоторых случаях употребление дескрипции вместо глагольной лексемы приводит к своеобразной «терминологичности» номинации действия, ср. глагол *жать* и сочетание из спортивного жаргона *делать жим ногами*, глагол *переснимать* и сочетание из киножаргона *делать пересъемку*, глагол *осложнять* и сочетание с медицинским термином *давать осложнения*:

(17) *Были такие две долбанушки, которые: так, так, блин, у меня тренировка, я опаздываю, мне срочно нужно съесть творожок из контейнера, а ты **делала жим ногами**, а ты вот это с гантелями делала?* («Дико скузате», выпуск от 07.06.2020)

(18) *Ему же разрешили делать режиссерскую версию, но запретили **делать пересъемки**...* («Кульминация», выпуск от 26.05.2020)

(19) *Надо понимать, что дети могут быть источником инфекции, переносить инфекцию бессимптомно и распространять ее в семье, где есть пожилые люди, люди с хроническими сердечно-сосудистыми заболеваниями, для которых, в принципе, эта инфекция может **давать осложнения**, протекать довольно тяжело...* («Сперва роди», выпуск от 17.03.2020)

С примерами выше отчасти соотносится устойчивое сочетание *сделать предложение*, в котором элиминация актанта содержания предполагает однозначную трактовку — интерпретацию ситуации как предложения руки и сердца:

(20) *Но этот коммитмент происходит в традиционной форме предложения руки и сердца, ну, литералли, то есть, как бы, ты просто должен **сделать предложение**.* («Blitz and Chips», выпуск от 19.03.2020)

3. Дескрипции с распространителем при имени

Одной из наиболее часто упоминаемых в литературе причин выбора неоднословного выражения акционального значения является необходимость распространения при помощи числительного (или другого кванторного слова) или согласованного определения, которое неспособно вступать в подчинительную связь с глагольной лексемой, но может образовать сочетание с существительным (см. об этом, например, [9: 90] и [2: 447]). В этом отношении коммуникативная значимость дескрипций

представляется крайне высокой, так как сочетания с адъективным распространителем при имени позволяют говорящему охарактеризовать ситуацию в тех ее аспектах, которые не могут получить отражение в высказывании с глагольной лексемой.

В части примеров подобного рода в роли определения при имени используется качественное прилагательное, которое подчеркивает тот или иной аспект ситуации, выражает ее оценку говорящим:

(21) ^[1] *То есть [...] не мозг телу передает сигналы, а тело передает мозгу... ^[2] Нет, мозг обратно **дает** ущербные **команды**.* («Мы расстались», выпуск от 09.06.2020)

(22) *Вован, ты же [...] вообще чуть что — гуглишь и не любишь **давать** просто необдуманных **ответов**.* («Сперва роди», выпуск от 11.02.2020)

(23) *Вообще мне кажется, что за эти восемь дней мы не **провели** ни одной осмысленной **беседы**.* («Деньги пришли», выпуск от 28.08.2020)

В других случаях прилагательное относит обозначаемый именем процесс или действие к определенному классу ситуаций, сужает круг возможных денотатов имени:

(24) ^[1] *Так ты, может... тебе нужно... стоит поменять протокол просто тогда? Замерить время, необходимое на сборы каждого ребенка... ^[2] Слепое рандомизированное **исследование сделать**.* («Сперва роди», выпуск от 28.01.2020)

(25) *Мы не даем советов в принципе, а медицинских **советов** мы не **даем** втройне.* («Сперва роди», выпуск от 04.02.2020)

Особый интерес представляет следующий контекст, в котором отражен результат нетипичной трансформации:

(26) *Я просто сравниваю вот это чувство, когда ты убралась и выкинула много чего из шкафа, например... например, **сделала раз-в-сезонный разбор** гардероба [...], то дышать становится легче.* («Давай по чесноку», выпуск от 02.09.2020)

Если в основной массе контекстов выражение с определением при имени можно трансформировать в конструкцию с обстоятельством при глаголе только с потерей смысла или же трансформация в принципе невозможна, то в этом примере можно наблюдать обратную ситуацию: обстоятельство *раз в сезон* представляется абсолютно нормативным, тогда как определение *раз-в-сезонный* — окказиональным. Можно предположить, что решающим фактором для употребления дескрипции становится аспектуальная характеристика ситуации: выражающее идею повторяемости обстоятельство *раз в сезон* употребляется с глаголами НСВ (*разбирать раз в сезон, приезжать раз в сезон* и т.д.), тогда как в контексте (26) говорящему требуется обозначить однократное действие и отнести его к определенному типу ситуаций.

Следует также отдельно отметить дескрипции, которые, как правило, не употребляются без определения при субстантивном компоненте, такие, как *вести жизнь* и *вести образ жизни*. Несмотря на коррелятивность этих сочетаний с глаголом *жить*, дескрипции всегда употребляются в высказываниях, задача которых — дать некую качественную характеристику существованию субъекта:

(27) *Поэтому мы надеемся, что вы тоже поржете с наших прекрасных историй про то, как мы пытаемся **вести красивую жизнь**.* («Дико скузате», выпуск от 29.08.2020)

(28) Он же начал **вести**, такой, разгильдяйский, короче, **образ жизни**, там, пил, курил... («Кульминация», выпуск от 01.09.2020)

Кроме того, именной компонент может также распространяться при помощи определительного придаточного, вводимого относительным местоимением *который*:

(29) Самый клевый **подарок**, который вы или вы с друзьями **делали** кому-либо? («Blitz and Chips», выпуск от 23.01.2020)

(30) Я обычно такие **разговоры**, даже которые касаются насущного, **веду** очень обобщая, очень как-то глобально... («Сперва роди», выпуск от 17.03.2020)

Способность распространяться присловным определительным придаточным сближает акциональные существительные с предметными и способствует «реификации» обозначаемой ситуации. Представляется, что в предложениях такого типа явление «опредмечивания» ситуации реализуется более ярко, чем в сочетаниях с прилагательным, поскольку словосочетание вида существительное + прилагательное может быть (по крайней мере теоретически) поставлено в соотношение со словосочетанием вида глагол + наречие, ср. *вести красивую жизнь* в контексте (27) и *жить красиво*. Предложения с определительным придаточным при имени в составе дескрипции, напротив, не могут быть трансформированы в предложения с глаголом, что подчеркивает особый статус такой конструкции и ее отличие от однословных коррелятов.

Кроме того, в некоторых случаях в качестве определения, способствующего «реификации» обозначаемой именем ситуации выступает и сам глагол, который составляет дескрипцию вместе с существительным, в форме страдательного причастия. В этом случае синтаксическая зависимость между компонентами дескрипции меняется, и подчиненным элементом становится уже глагольная форма:

(31) Эта история всех поразила, ну, потому что это в некотором смысле просто **изнасилование, сделанное** ради расследования, которое, как мы предполагаем, можно было сделать гораздо более простыми средствами. («Так вышло», выпуск от 05.11.2020 «Где заканчиваются границы моего тела?», 2:08)

Дескрипции с числительными и другими обозначениями количества также выполняют важнейшую коммуникативную функцию, поскольку позволяют квантифицировать действие, представить его как точку на временной оси в ряду других:

(32) Меня страшно торкает от «харио», и я не могу допить ту порцию, которую предлагают, то есть, если мне наливают сколько-то, в общем, я **делаю**, там, несколько **глотков**, и, как бы, сорян... («Blitz and Chips», выпуск от 27.02.2020)

(33) Ты понимаешь, что протез — это по сути стакан, который надевается на руку [...], и он может **делать** всего два **движения**... («Поэпизодный клан», выпуск от 15.10.2020)

(34) Короче, я вот щас уже, когда время прошло, [...] я понимаю, что я очень много **сделала ошибок**. («Дико скузате», выпуск от 11.08.2020)

Представляется, что явление «реификации», «опредмечивания» акциональной ситуации при использовании дескрипции с числительным реализуется особенно интенсивно, поскольку сама сущность грамматического значения акциональности предполагает принципиальную неисчислимость в отличие от грамматической предметности как категориальной семантики существительного. Сочетания с числительным при имени можно охарактеризовать как следующую ступень квантификации акциональной ситуации

после количественных способов глагольного действия (при употреблении которых «действие уточняется в отношении одноактности или кратности его совершения» или «представлено как неограниченно-длительное, кратно повторяющееся» [10: 596]). Во втором случае акциональная специфика ситуации по-прежнему отражается в высказывании, хотя она и получает количественную оценку, в первом же ситуация приобретает грамматические характеристики предмета.

4. Дескрипции с предметным значением (случаи неполной грамматики)

Характерна также группа контекстов с вербализаторами из видовой пары *делать/сделать*, в которых актуализируется фоновая семантика создания объекта, присущая глаголам в их номинативном значении. Имя в этом случае воплощает значение процессуальности, работы над некоторым материалом, и в то же время обозначает результат этого действия:

(35) *Все равно, прежде чем любой человек, даже самый классный, начнет **делать дизайн**, мне нужно рассказать, что делать и как.* («Давай по чесноку», выпуск от 27.08.2020)^[3]

(36) *Мы **сделали ремонт** на кухне, мы покрасили стены...* («Мы расстались», выпуск от 12.05.2020)

Иными словами, при номинации ситуации с помощью глагольной лексики в качестве подразумеваемого материального результата действий субъекта выступает некоторый отдельный (отремонтированный) предмет, при использовании дескрипции — новое состояние пространства. Это наблюдение позволяет в очередной раз заключить, что коммуникативная значимость дескрипций состоит в том числе в их способности создавать принципиально иное по сравнению с глаголом представление о ситуации, в которой она утрачивает часть своих временных характеристик, но приобретает пространственное измерение и вполне может быть сопоставлена с материальными объектами.

Представляется, что в контекстах с сочетаниями, включающими в свой состав глаголы *делать/сделать* и обозначения письменных текстов, может происходить нейтрализация противопоставления действия и его результата. В некоторых случаях многозначность снимается благодаря элементам контекста, в других она является коммуникативно незначимой и поэтому сохраняется. Так, ситуацию, называемую в контексте (37), в котором употребляется две дескрипции с глаголом *делать*, можно представить как в процессуальном, так и в результативном аспекте:

(37) *У него был блокнот заветный, в котором он **делал пометки, заметки**, как бы он смонтировал этот фильм.*^[4] («Кульминация», выпуск от 05.06.2020)

Особенного внимания заслуживают контексты, в которых субстантивный компонент дескрипции традиционно не обозначает жанр текста и имеет акциональную семантику. Фигурирующие в этих высказываниях существительные *выступление, обзор, расследование, сравнение* представляются как чистые синтаксические дериваты от глаголов *выступить, обозреть, расследовать, сравнить*:

(38) *Я **делал выступление** как раз для саммита зумеров про вот это вот размывание нормы...* («Поп-культурное оружие», выпуск от 16.09.2020)

(39) *Я просто перелопатила недавно, как раз когда **делала обзор** на ее альбом последний, и еще там раскапывала...* («Поп-культурное оружие», выпуск от 16.09.2020)

(40) Журналисты издания «Проект» **сделали** большое **расследование**, поговорили с кучей людей, сделали подкаст [...] про людей, к которым он приставал. («Так вышло», выпуск от 04.11.2020)

(41) Не совсем правильно, если на длинном горизонте такие **сравнения делать**... («Деньги пришли», выпуск от 08.09.2020)

В то же время представляется возможным говорить об актуализации в контекстах (38-41) также и предметной семантики имени, которая, как кажется, и является ключевым фактором, обуславливающим употребление в высказывании оборота с глаголами *делать/сделать*. В современной действительности существительные *обзор* и *расследование* обозначают жанр текста (поджанр статьи) или его аналог в формате видео [5], ср. употребление одной из этих лексем в контексте, где ею управляет глагол *написать*: *У некоторых есть фантазия, а у некоторых нет. Но мы все хотим **написать** интересный **обзор**, который поможет людям, которые хотят купить игру.* (Как правильно написать интересный обзор. 02.12.2017. <https://steamcommunity.com/sharedfiles/filedetails/?id=879388504>)

Специфика значения существительного *расследование* в примере (40) наглядно выявляется в сравнении с употреблением той же лексики в составе дескрипции с глаголом *проводить*:

(42) В смысле ты имеешь в виду, что банки на самом деле сами **проводят** подобные **расследования**? («Деньги пришли», выпуск от 25.09.2020 «Телефонные мошенники! Почему этого стало так много?», 16:58)

Очевидно, что вербализатор *проводить* имеет ярко выраженную семантику процессуальности и лишен семантики создания материального объекта, которая нехарактерна для него и в номинативном, неграмматикализованном, употреблении. В контексте (42) существительное *расследование*, как представляется, должно рассматриваться именно как типичный синтаксический дериват от глагола *расследовать*, и можно предположить, что номинация действия при помощи дескрипции связана в первую очередь с необходимостью употребления в высказывании согласованного определения — анафорического местоименного прилагательного *подобный*.

В качестве крайне характерного маркера предметной семантики имени выступает такое словообразовательное явление, как уменьшительный суффикс. В своем основном значении используя для номинации предмета меньшего размера, диминутивы дополнительно «реифицируют» действие, представляют его как объект реальной действительности:

(43) Я вот тут **делаю** домашние **делишки** в деревне. («Дико скузате», выпуск от 11.08.2020)

(44) Да, **сделаем** опять **оговорочку**, что мы будем вставлять английские фразы и переводить его вам. («Поп-культурное оружие», выпуск от 30.09.2020)

Можно отметить, что экспрессивные суффиксы в целом менее характерны для морфемного состава акциональных существительных, чем для структуры имен с предметным значением. Так, в разделе, посвященном оценочным наименованиям в [11], приводится 10 суффиксов, способных образовывать дериваты с соответствующей окраской, и все они используются преимущественно для образования предметных имен, ср. *деталька, наборчик, плакатик, картоха* (при наличии, впрочем, и таких менее

типичных дериватов, как *перекурчик* и *объедуха*) [11: 68]. Можно предположить, что отношение говорящего к предмету действительно чаще оказывается более личным, субъективным, чем отношение к действию, представленному как факт, — с одной стороны, отвлеченному от своей акциональности, с другой стороны, не обладающему достаточной степенью предметности. Акциональные имена с уменьшительными или другими эмоционально окрашенными суффиксами в составе дескрипций действительно редки, и их появление безусловно свидетельствует о представлении действия как особого рода «предмета».

5. Дескрипции, в которых выражается значение неопределенности

Появление целого ряда глагольно-именных дескрипций в современной устной речи представляется обусловленным предпочтительностью абсолютного употребления предикатного слова, поскольку основной смысл контекста непосредственно связан с идеей гипотетического и, как следствие, неопределенного характера действия, нереферентного употребления сказуемого — по аналогии с нереферентным употреблением предметных именных групп, «которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов» [12: 94]. В некоторых случаях это дополнительно подчеркивается маркером нереферентного статуса предиката — кванторным словом, согласуемым с именным компонентом ОП:

(45) *В этой ситуации, как бы, ты не можешь сделать вид, что ничего не произошло, и какой-то должен **сделать выбор**.* («Так вышло», выпуск от 15.10.2020)

(46) *То есть к нему должен являться какой-то голос, видимо, и говорить ему какие-то задания... ну, то есть, **давать** ему какие-то **приказы, поручения**, скажем так.* («Поэпизодный клан», выпуск от 05.11.2020)

В других контекстах идея неконкретности содержания действия, ее неизвестности для говорящего и собеседника и потенциальной отнесенности к совершенно разнородным ситуациям не эксплицируется в контексте, но очевидно подразумевается:

(46) *Мне кажется, что это вообще очень связанные вещи, принять решение **сделать выбор** — это смелость.* («Так вышло», выпуск от 15.10.2020)

(47) *Если его в действительности это заинтересует, он потом проверит и скажет: «Мам, ну ты... вообще чушь какую-то мне сказала», но моя задача — **дать ответ**...* («Так вышло», выпуск от 09.10.2020)

Очевидно, что нереферентное употребление оборота становится возможным в силу того, что при обозначении действия с помощью дескрипции становится возможной элиминация обязательных семантических валентностей предиката (о «редуцированной диатезе» таких конструкций в сравнении с коррелятивными глаголами см. [13: 46]). Кроме того, элиминация актанта из высказывания и «безобъектное» представление ситуации может дополнительно подчеркиваться страдательной формой глагола. В этом случае ситуация оказывается представленной максимально абстрактно, в отвлечении от всех основных ее участников:

(48) *Там не просто **были съемки проведены**, а то, что создатели фильма [...] в титрах они буквально там красивеньким шрифтом такие: благодарим Уйгурский автономный округ...* («Поп-культурное оружие», выпуск от 23.09.2020)

Пассивное употребление дескрипции позволяет максимально обособить представление о действии как таковом от реальных контекстов его осуществления. В высказывании, таким

образом, указывается только сам факт акциональности некоторой ситуации (при помощи вербализатора) и характер конкретного действия (при помощи существительного).

Возможность абсолютного употребления конструкции становится особенно важной в случае, когда требуется назвать максимально обобщенную ситуацию (о «более обобщенном значении» дескрипции по сравнению с глаголом см. [14: 90]), использовать предикат, принадлежащий к Т-классу «деятельность». В таком случае в качестве субстантивного компонента дескрипции используется существительное в форме мн.ч. (49-50) или несчетное имя (51):

(49) Я по совету Кати **делал** регулярные **пожертвования** в пять фондов. («Деньги пришли», выпуск от 04.09.2020)

(50) Поэтому для того чтобы **делать прогнозы** на тридцатый — тридцать пятый, короче говоря, нужно исходить из инфляции четыре процента в год... («Деньги пришли», выпуск от 08.09)

(51) Мы просто эффективно очень **делаем рекламу**, мне кажется. («Деньги пришли», выпуск от 25.09.2020)

В таких случаях соотношение между глагольной лексемой и коррелирующей с ней дескрипцией можно условно представить следующим образом: совокупность действий, называемых полнозначным глаголом и направленных на различные объекты, получает единую номинацию при помощи дескрипции с субстантивным компонентом, производным от соответствующего глагола и употребляемого абсолютно.

Представляется, что форма мн.ч. именного компонента дескрипции может указывать на неконкретную референцию существительного и в тех случаях, когда в контексте обозначается не постоянная деятельность субъекта, а некоторые дискретные ситуации:

(52) И да, я вычитала в книжке [...] про Вильнюс, что есть улица, по которой если ты ходишь, она **дает** тебе **ответы** на твои вопросы. («Дико скузате», выпуск от 26.07.2020)

(53) И выкристаллизовалась такая вот интересная для них ниша, когда это такие чуваки, которые **дают** главному герою [...] **советы**, делятся мудростью... («Blitz and Chips», выпуск от 29.01.2020)

Числовая форма именного компонента представляется крайне значимой для общей семантики конструкции: как представляется, при использовании в составе дескрипции имени во множественном числе «существительное утрачивает свой отвлеченный характер и обозначает уже не действие в абстрагированном виде, а результат действия или его содержание, сущность действия, т.е. значение существительного становится более «опредмеченным» [15: 60]. Тот факт, что дескрипции «неравнозначны по объему семантической информации с однокорневыми с ними глаголами, поскольку опредмеченная форма процессов, состояний, фактов, качеств и т.п. несет, как правило, дополнительные сведения, характеризующие их в результативном аспекте» [16: 139], неоднократно отмечался в литературе. Способность формы множественного числа имплицировать идею большей материальности результата действия кажется вполне объяснимой: очевидно, что прототипическое предикатное имя, выражая семантику акциональности, которая не имеет свойственных предметности числовых характеристик, не должно быть счетным.

6. Дескрипции, эквивалентные глаголу

Отдельно следует отметить немногочисленные случаи, в которых трансформация предложения с дескрипцией в синонимичное предложение с глагольной лексемой все же возможна. В качестве таких примеров представляется правомерным рассматривать случаи, когда сохраняются все компоненты исходного предложения и при этом заполнены все семантические валентности полнозначительного глагола (или отмечается узуальный эллипсис, не приводящий к искажению смысла высказывания — в таких контекстах глагол выделен подчеркиванием). При трансформации падежная форма актантов при предикате, как правило, меняется, что связано с различным управлением глагола и дескрипции: ср. *сделать экранизацию чего* и *экранизировать что*, *давать вдохновение кому* и *вдохновлять кого*, *проводить операцию кому* и *оперировать кого* и т.д. Всего в исследуемом материале было обнаружено 14 таких контекстов, представленных 11 разными сочетаниями:

(54) *Мы должны сейчас **сделать звонок** в «Альфа-Банк».* («Деньги пришли», выпуск от 09.10.2020) ® *Мы должны сейчас **позвонить** в «Альфа-Банк».*

(55) *Да, мы тоже **делаем ошибки**, естественно, мы первые **делаем ошибки** и потом обсуждаем.* («Давай по чесноку», выпуск от 16.09.2020) ® *Да, мы тоже **ошибаемся**...* [6]

(56) *Смотрю, например, человек **делает рекламу** своему курсу и через две сторис платную рекламу пускает...* («Давай по чесноку», выпуск от 16.09.2020) ® *Смотрю, например, человек **рекламирует** свой курс...*

(57) *И если вы не **делаете тренировки** каждый день, это тоже нормально.* («Дико скузате», выпуск от 07.06.2020) ® *И если вы не **тренируетесь** каждый день...*

(58) *Да мне кажется, можно просто **сделать экранизацию** «Жмурок» в Нижнем Новгороде и там все сделать.* («Blitz and Chips», выпуск от 12.03.2020) ® *Да мне кажется, можно просто **экранизировать** «Жмурки» в Нижнем Новгороде...*

(59) *Я не только мама, мне, вот, настолько это **дает** именно **вдохновение** — то, что я на самом деле делаю это для своей семьи.* («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020) ® *Я не только мама, меня, вот, настолько это именно **вдохновляет**...* [7]

(60) *Никто не **дает** вам **гарантию** того, то, что ваш партнер услышит вас.* («Мы расстались», выпуск от 11.05.2020) ® *Никто не **гарантирует** вам того, то, что ваш партнер услышит вас.*

(61) *Я себе пообещала, я прям **дала** себе **клятву**, что больше никаких вторых работ.* («Дико скузате», выпуск от 11.08.2020) ® *Я себе пообещала, я прям себе **покаялась**, что больше никаких вторых работ.*

(62) *Все думали, что, окей, прокатят если даже со сценарием совсем, но, возможно, **дадут** хотя бы просто Люпите **номинацию**, потому что, ну, реально...* («Поп-культурное оружие», выпуск от 12.08.2020) ® *... возможно, **номинаруют** хотя бы просто Люпиту...*

(63) *Если партнер реагирует, как бы, агрессивно, [...], то это повод вообще-то задуматься, тому ли я **дала обещание** любить.* («Мы расстались», выпуск от 02.06.2020) ® *... это повод вообще-то задуматься, тому ли я **обещала** любить.*

(64) *Девочки, девушки, женщины [...] постоянно сталкиваются с тем, что люди вокруг считают должным оценить их внешность, а соответственно, **дать оценку** им самим как людям.* («Blitz and Chips», выпуск от 13.02.2020) ® *... люди вокруг считают должным оценить их внешность, а соответственно, **оценить** их самих как людей.*

(65) ^[1] Мы даже вообще никаких не **дадим рекомендаций**? Живите как хотите? ^[2] А какие **рекомендации** мы можем **дать**? («Мы расстались», выпуск от 12.05.2020) ® Мы вообще ничего не **порекомендуем**? [...] А что мы можем **порекомендовать**?

(66) Помнишь, мы недавно обсуждали случай мусульманской пары, которые хотели, чтобы женщине **проводили операцию** женщины-врачи? («Так вышло», выпуск от 05.11.2020) ® Помнишь, мы недавно обсуждали случай мусульманской пары, которые хотели, чтобы женщину **оперировали** женщины-врачи?

Давая суммарную оценку контекстам типа (54)-(66), представляется особенно важным ответить на вопрос, какие факторы обуславливают появление в этих предложениях дескрипций, несмотря на теоретическую возможность заменить оборот на глагольную лексику. Здесь, как кажется, можно выделить два ключевых аспекта: семантические модификации, которые вносит в предложение, с одной стороны, именной компонент дескрипции, с другой стороны — вербализатор. Как уже отмечалось выше, глаголы-вербализаторы актуализируют в составе дескрипции определенные компоненты своего номинативного значения, что придает сочетанию фоновый характер метафоры (о «скрытом сравнении», предполагаемом внутренней формой дескрипций, см. [7: 17]). К примеру, в сочетаниях *делать рекламу* и *делать экранизацию* реализуется значение создания материального объекта, в дескрипции *дать номинацию* (ср. еще более «предметное» *дать премию*) и *дать обещание* — идея передачи объекта, подарка (в этом смысле очень характерно употребление этой дескрипции в контексте рассуждения о романтических отношениях).

Говоря о влиянии имени действия на общую семантику высказывания, следует отметить способность к «реификации», «опредмечиванию» акциональной ситуации, которую существительные способны реализовать в сочетании с вербализатором. При использовании дескрипции вместо глагола на линии времени выделяется определенная ситуация, как бы «изымаясь» из потока событий и рассматриваясь обособленно, будучи представленной как своего рода объект. Так, в контексте (54) *звонок* упоминается как одна из составляющих выпуска, его обособленная часть, в примере (61) *клятва* понимается как некоторый внутренне произносимый и далее «высеченный в камне» текст, в контексте (64) существительное *оценка* обозначает некое сложившееся мнение, устойчивый стереотип относительно другого человека и т.д. Таким образом, дескрипция, сохраняя свою акциональность, оказывается на «шкале акциональности» ближе к значению предметности.

Под «шкалой акциональности» мы понимаем некоторую условную градацию акциональной vs. предметной концептуализации денотативной ситуации, которая позволяет говорящему представить ситуацию в большей степени как процесс, для которого определяющей характеристикой является способность разворачиваться во времени, либо как своего рода «предмет», свершившийся факт или набор фактов, близкий по своей завершенности, «непроницаемости» и ограниченности к денотатам предметных имен. Шкала акциональности, на наш взгляд, могла бы выглядеть следующим образом:

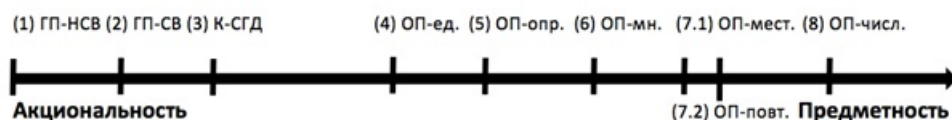

Рис. 1. Шкала акциональности предикатов

Комментарии к обозначениям на шкале акциональности предикатов:

(1) ГП-НСВ (глагольный предикат несовершенного вида): Он **шагает** вперед.

(2) ГП-СВ (глагольный предикат совершенного вида): Он **зашагал** вперед.

(3) К-СГД (количественные способы глагольного действия): Он **шагнул** вперед.

(4) ОП-ед. (описания с субстантивным компонентом в форме ед.ч.): Он **сделал шаг** вперед.

(5) ОП-опр. (описания с определением при субстантивном компоненте): Он **сделал уверенный шаг** вперед.

(6) ОП-мн. (описания с субстантивным компонентом в форме мн.ч.): Он **делал шаги** в нашу сторону.

(7.1) ОП-мест. (описания с личным или относительным местоимением, замещающим позицию имени; описания с именем, замещаемым местоимением в дальнейшем контексте): Шаг вперед, **который он сделал**, был уверенным. Он **сделал шаг** вперед, который показался мне уверенным.

(7.2) ОП-повт. (описания с субстантивным компонентом, который употребляется самостоятельно в дальнейшем контексте): Он **сделал шаг** вперед, и этот шаг показался мне уверенным.

(8) ОП-числ. (описания с числительным или другим кванторным словом при субстантивном компоненте): Он **сделал два шага** вперед.

Безусловно, предлагаемая градация акциональности предикатов представляется условной, может оспариваться и дорабатываться, однако общий принцип, положенный в ее основу, едва ли можно поставить под сомнение. Чем ближе к левому полюсу шкалы находится некоторая форма предиката, тем безусловнее утверждается акциональный характер называемой ею ситуации, чем дальше она сдвигается от этого полюса вправо — тем больше стираются, утрачиваются для коммуникантов акциональные параметры ситуации и ярче подчеркивается ее переосмысление как своего рода «предмета».

Помимо разного рода показателей количественного значения^[8] (видовых форм глагола, форм числа существительного, лексики с количественной семантикой) представлению акциональной ситуации как проявления чистой длительности препятствуют также и некоторые контекстуальные факторы, актуализирующие фоновую идею «пространственности», наблюдаемости ситуации как некоторого заключенного в определенных границах предмета. К числу таких средств контекста относятся определения при имени, особенно такие, которые приложимы к предметной лексике (и в меньшей степени — те, которые употребляются преимущественно при именах с абстрактным значением), а также соотнесенность существительного с употребленным в предшествующем или дальнейшем тексте местоимением, основная функция которого — замещать в высказывании слово с предметной категориальной семантикой.

Возвращаясь к предложенной на Рис. 1 схеме, можно увидеть, что ее крайнему левому полюсу соответствует предикат, выраженный глаголом в форме НСВ. Известно, что основным значением этой видовой формы является неопределенность, то есть несвязанность значения «ни с реальным, ни с потенциальным пределом» [19: 60]. Принципиальное отсутствие у действия предела, невозможность вычлени у него

начальную или конечную границу позволяют увидеть связь между грамматическим значением НСВ и понятием чистой длительности. Ограниченность же действия пределом, характерная для глаголов СВ, напротив, способствует «опредмечиванию» действия, его вычленению на «линии времени» (то есть в некотором метафорическом пространстве) и рассмотрению как некоторого самостоятельного факта.

В еще большей степени количественное значение выражается при употреблении глаголов, представляющих собой различные количественные способы глагольного действия: одноактный, многократный, прерывисто-смягчительный и т.д. [9] Количественная характеристика ситуации в таком случае конкретизируется, действие становится объектом своеобразного исчисления или измерения — операций, которым недоступна чистая длительность.

Конструкции, ставшие объектом нашего исследования в этой работе, — глагольно-именные дескрипции (4) — представляют собой результат еще более существенного «опредмечивания» акциональной ситуации в речи говорящего, поскольку в качестве их смыслового компонента употребляется слово части речи, категориальным значением которой является предметность. Вычленимость ситуации на линии времени, представление ее как счетного объекта наблюдения может подчеркиваться употреблением при имени определения (5), формой множественного числа имени (6), употреблением в контексте местоимения (7.1) или повторным употреблением того же имени не в составе дескрипции (7.2), а также использованием кванторных слов (8).

7. Заключение

Степень значимости того или иного фактора для восприятия ситуации как наблюдаемого объекта, вероятно, невозможно достоверно измерить, но представляется, что разного рода психолингвистические эксперименты могли бы быть полезны в этом отношении. Очевидно также, что указанные на шкале случаи могут пересекаться: так, субстантивный компонент дескрипции, имеющий форму мн.ч. или употребленный с кванторным словом, может распространяться при помощи определения и замещаться местоимением или повторяться в дальнейшем тексте, ср. *Он **сделал два уверенных шага** вперед, и звук этих шагов разнесся по всему залу.* Следует, таким образом, еще раз повторить, что предложенная схема представляет собой условность, методологический инструмент, который позволяет оценивать концептуализацию называемой ситуации в терминах акциональности vs. предметности.

Представляется чрезмерным утверждать, что говорящие, употребляющие в своей речи дескрипции, отдают себе отчет в способности имени «опредмечивать» называемую ситуацию и руководствуются при построении высказывания именно этим соображением. Вернее, по всей видимости, было бы отметить, что описанная выше особенность дескрипций может пониматься и как причина выбора в пользу дескрипции при оформлении акционального значения (но причина не вполне осознанная и внутренне не артикулируемая самим говорящим — своего рода речевая интуиция, привычка, сложившаяся в результате языкового опыта, порождения и восприятия текстов на естественном языке), и как его следствие, семантический эффект, производимый дескрипцией (считываемый слушающим и упрощающий коммуникацию, но, вероятно, не осознаваемый им отчетливо — так же, как и говорящим).

Так или иначе, в результате проведенного анализа представляется возможным заключить, что выбор глагольно-именной дескрипции как особого способа обозначения действия не только регулярно встречается в устной речи, но и не является случайным.

Анализ приведенных выше контекстов демонстрирует функционально-семантическую специфику таких сочетаний и высокую коммуникативную значимость, которую не следует недооценивать, рассматривая их исключительно как черту официально-делового или книжного стиля.

[1] В настоящей работе будет использоваться наиболее, на наш взгляд, прозрачный термин «вербализатор», дающий однозначное представление о функциях, выполняемых глаголом в составе дескрипции.

[2] Подкасты «Давай по чесноку», «Деньги пришли», «Дико скузате», «Кульминация», «Мы расстались», «Поп-культурное оружие», «Поэпизодный клан», «Сперва роди», «Так вышло», «Blitz&Chips».

[3] См., однако, окказиональный глагол *задизайнить*, который появляется в том числе на схеме московского метро: <https://www.artlebedev.ru/metro/map4/>

[4] Ср. возможные ответные реплики: *И это отнимало у него много времени? vs. И потом он ими воспользовался?*

[5] Представляется вероятным, что в связи с распространенностью видеоформата разного рода конференций, круглых столов, публичных лекций и т.д. лексема *выступление* в примере (14) также выражает в том числе значение конечного результата работы, то есть некоторого готового продукта. Об этом же свидетельствует и смена валентности предиката: ср. *выступить где* (валентность места) и *делать выступление для чего* (валентность цели).

[6] Представляется, что второй случай употребления той же дескрипции в этом предложении слабее подвергается трансформации, поскольку при однородном сказуемом *обсуждаем* явно предполагается эллиптированное дополнение с объектным значением, замещающее существительное *ошибки*: **мы первые ошибаемся и потом обсуждаем (их)*.

[7] Против возможности произвести предлагаемую трансформацию свидетельствует употребление при именном компоненте дескрипции частицы *именно*, с помощью которой делается акцент на существительном: ср. *дает именно вдохновение, а не просто радость*. Впрочем, поскольку эта частица в устной речи может иметь в значительной степени десемантизированное употребление, а трансформированное предложение выглядит вполне правильным, представляется возможным рассматривать предложения как синонимы.

[8] Под количественностью в данном случае подразумевается, конечно, не грамматическая категория числа, которой прототипические предикативные лексемы — глаголы — в принципе не обладают, а функциональная категория в понимании А.В. Бондарко и его последователей, находящая выражение на различных уровнях языка. Количественность как «совокупность свойств, указывающих на величину вещи, на ее размер; объективная определенность предмета, в силу которой его можно разделить на однородные части» [17: 218], а также «аналогичные свойства совокупностей вещей, которые рассматриваются как однородные» [18: 162], является неотъемлемым свойством предметности: наблюдаемые объекты возможно посчитать, измерить, сравнить их между собой по различным количественным параметрам.

[9] Полный список количественно-временных СГД представлен в [7]. Классификация

способов глагольного действия по типу выражаемых ими значений впоследствии критиковалась в работах по аспектологии (см., например [20: 104]), однако для нашего исследования конкретная классификация не имеет принципиального значения: существенным представляется способность глагольной формы характеризовать ситуацию в количественном аспекте.

Библиография

1. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. — М.: «Высш. школа», 1976.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 2004.
4. Воробьева Г.К. Функционально-коммуникативная типология устойчивых глагольных словосочетаний русского языка. — М.: «ВЕДАС», 1994.
5. Филиппова В.М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке 18 века. // Русская литературная речь в 18 веке. — М.: Наука, 1968. С. 3-161.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
7. Макович Г.В. Описательный способ выражения семантического предиката со значением активного действия в современном русском языке [докт. дисс.]. — Челябинск, 1997.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
9. Мордвилко А.П. Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты). — М.: Издательство «Просвещение», 1964.
10. Русская грамматика. / Под ред. Н.Ю. Шведовой и др. — М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005. Т.1.
11. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. — М.: Издательство ЛКИ, 2010.
13. Падучева Е.В. О производных диатезах отглагольных имен в русском языке. // Статьи разных лет. — М.: Языки славянских культур, 2009.
14. Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта. // Синтаксис и стилистика. — М.: Наука, 1976.
15. Розанова В.В. Синонимия устойчивых глагольно-именных сочетаний в современном русском языке. // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. — М.-Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1966.
16. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М.: Наука, 1981.
17. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. — М.: Наука, 1975.
18. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. / Под ред. А.В. Бондарко и др. — СПб.: Наука, 1996.
19. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. / Под ред. А.В. Бондарко и др. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
20. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи касается глагольно-именной дескрипции в современной устной русской речи. В начале труда автор отмечает, что «в русском языке наряду с глагольными лексемами активно используются неоднословные конструкции, которые в отечественной лингвистической традиции принято называть описательными предикатами или глагольно-именными дескрипциями (именно этот термин будет использоваться в настоящей работе)», «представления о стилистической специфике таких оборотов их роль в устной речи оказывается практически неизученной. В связи с этим кажется крайне актуальной задача исследования дескрипций, которые воспроизводятся или производятся в неподготовленной устной речи, и сопоставления этих сочетаний с точки зрения их состава, семантики и функций с оборотами, характерными для письменных текстов». Таким образом, материал в принципе актуален, дискуссионен, по-своему нов; думается, что работа отчасти может стать импульсом для формирования новых научных изысканий. В качестве рабочего материала «были выбраны 10 русскоязычных подкастов[2] (звуковых передач, распространяющихся в интернете), записанных в 2020 г. Наиболее адекватным задаче изучения функционирования дескрипций в неподготовленной разговорной речи представляется формат разговорного жанра, предполагающий свободный диалог двух или более собеседников. Подкасты различаются по числу ведущих (от двух до пяти), а также по их возрасту (от 20 до 45 лет) и полу (ведущие — только женщины, только мужчины или смешанные группы). В ходе исследования было проанализировано 10 выпусков каждого из подкастов (т. е. всего 100 выпусков)». Думаю, что открытость данных также является явным плюсом, да и иллюстративный фон не такой часто используемый; отмечу, что методы исследования актуальны, они соотносятся с оценкой лингвистических вопросов, ценз аналитики выдержан на протяжении всей работы. В вводной части указано, что «в статье изложены результаты анализа речи с вербализаторами делать / сделать, давать / дать, проводить / провести, вести как наиболее частотными глаголами в составе дескрипций, способными сочетаться с широким кругом имен действия». Текст дробится на т.н. смысловые блоки, это удобно для полновесной разверстки вопроса, здесь же решается проблема соотнесенности «теории» и «практики». Примеров по ходу работы достаточно, они яркие, точны, ситуативны: например, «очевидной причиной для использования дескрипции представляется отсутствие в языке глагола, на который этот оборот можно было бы заменить. Зачастую в качестве субстантивных компонентов в составе таких сочетаний выступают заимствованные слова, от которых в русском языке не были образованы глаголы: (1) Я сделала декомпозицию, значит, своего заработка, чтобы понять, сколько мне брать за сессию... («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020). (2) Я не пытаюсь, там, делать комплименты продавцам в «Пятерочке» или соседям... («Мы расстались», выпуск от 23.06.2020). (3) Давай сделаем паузу в путешествиях и позвоним в «Альфа-Банк». («Деньги пришли», выпуск от 28.08.2020)» и т.д. Считаю, что разговорная (устная) речь, которая является «объектом» изучения данной статьи, оценивается полновесно, а главное в рамках актуальных «оборотов», «номинаций»: например, «семантика лексемы ресерч также не в полной мере совпадает со значением русского существительного исследование (значение которого формулируется в [8] через отсылку к толкованиям глагола исследовать — 'подвергнуть (подвергать) научному рассмотрению в целях познания, выяснения чего-л.' и 'тщательно осмотреть (осматривать) кого-, что-л., внимательно ознакомиться (знакомиться) с чем-л. для установления, выяснения чего-л.'). Употребление существительного ресерч, во-

первых, не предполагает контекста академической деятельности субъекта, а во-вторых, ослабляет семантический компонент углубленного, тщательного, длительного рассмотрения вопроса». Ссылки даются по ходу всего сочинения, в принципе они верны, правка излишня. Как уже было отмечено, новизна данной работы в нетривиальном выборе материала, который мало еще изучен, исследован в массе критических источников. Стиль соразмерен научному типу; термины / понятия используются в режиме универсальных коннотаций: например, «Одной из наиболее часто упоминаемых в литературе причин выбора неоднословного выражения акционального значения является необходимость распространения при помощи числительного (или другого кванторного слова) или согласованного определения, которое неспособно вступать в подчинительную связь с глагольной лексемой, но может образовать сочетание с существительным (см. об этом, например, [9: 90] и [2: 447]). В этом отношении коммуникативная значимость дескрипций представляется крайне высокой, так как сочетания с адъективным распространителем при имени позволяют говорящему охарактеризовать ситуацию в тех ее аспектах, которые не могут получить отражение в высказывании с глагольной лексемой» и т.д. Логика переходов регулируется т.н. «языковыми связками»: «Можно отметить, что экспрессивные суффиксы в целом менее характерны для морфемного состава акциональных существительных, чем для структуры имен с предметным значением. Так, в разделе, посвященном оценочным наименованиям в [11], приводится 10 суффиксов, способных образовывать дериваты с соответствующей окраской, и все они используются преимущественно для образования предметных имен, ср. деталька, наборчик, плакатик, картоха (при наличии, впрочем, и таких менее типичных дериватов, как перекурчик и объедуха) [11: 68]. Можно предположить, что отношение говорящего к предмету действительно чаще оказывается более личным, субъективным, чем отношение к действию, представленному как факт, — с одной стороны, отвлеченному от своей акциональности, с другой стороны, не обладающему достаточной степенью предметности». На мой взгляд, «оживили» бы работу ссылки на статьи, монографии, исследования последних двух-трех лет, источники классического типа не исключаю, однако новые наработки также желательны. Автор в финале отмечает, что «в результате проведенного анализа представляется возможным заключить, что выбор глагольно-именной дескрипции как особого способа обозначения действия не только регулярно встречается в устной речи, но и не является случайным. Анализ приведенных выше контекстов демонстрирует функционально-семантическую специфику таких сочетаний и высокую коммуникативную значимость, которую не следует недооценивать, рассматривая их исключительно как черту официально-делового или книжного стиля». Материал может быть интересен профильной читательской аудитории, либо исследователям которые занимаются изучением современной устной русской речи, частично информационные блоки исследования можно использовать в вузовской практике. В целом же: общие требования издания учтены, цель достигнута, фактические нарушения не выявлены; работа самостоятельна, оригинальна, интересна. Рекомендую статью «Глагольно-именные дескрипции в современной устной русской речи: опыт анализа» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мусаева А.М. Символика желтого цвета в современной русской поэзии // Litera. 2024. № 8. DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71615 EDN: SVLMPO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71615

Символика желтого цвета в современной русской поэзии

Мусаева Айлин Магомедовнааспирант, филологический факультет, Московский государственный университет имени МВ.
Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ alina-musavi@yandex.ru[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.8.71615

EDN:

SVLMPO

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2024

Дата публикации:

04-09-2024

Аннотация: Целью данной статьи является анализ природы символа в художественном произведении. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: найти и проанализировать символику желтого цвета в лирических текстах авторов XX – XXI вв., сравнить данную символику в поэзии современных поэтов с символикой в текстах русских поэтов начала XX века. Объект исследования – природа символа, анализ и интерпретация в поэтических текстах XX – XXI вв. Автор подробно рассматривает такие темы, как: поиск, анализ и интерпретация символа в художественных произведениях; полифонию и дуализм символа; сравнительный анализ символики желтого цвета и его оттенков в разных произведениях. Данный цвет – один из самых противоречивых, может иметь как положительное значение, так и отрицательное. Исследование основано на синтезирующем, компаративистском методах, также на анализе художественного текста с элементами сравнительно – типологического анализа. Научная новизна состоит в том, что в нем анализируется природа символа в русской поэзии XX – XXI вв. на основе

символики желтого цвета. Основными выводами проведенного исследования являются: природа символа и дуалистична, и полифонична. Дуализм символа заключается в том, что он состоит из двух компонентов: материального и духовного. За материальным предметом, явлением, состоянием скрывается абстрактное понятие, которое не всегда связано со значением самого предмета. Полифоничность символа состоит в том, что он может приобретать разное звучание, значение в каждом художественном тексте, изобразительно – выразительные средства помогают читателю интерпретировать тот или иной символ. Он может выполнять несколько функций в художественном произведении, в каждом контексте может иметь разные значения.

Ключевые слова:

символ, символизм, Серебряный век, современная русская поэзия, цветовая символика, лирический герой, лирика, дуализм, полифония, желтый цвет

Данная статья посвящена выявлению и изучению символики желтого цвета, а также его оттенков в лирике современных поэтов. Символами народы мира пользовались в течение всего существования на Земле. Ими насыщены не только художественные тексты, но и весь мир. «Вся наша жизнь полна символов», - подметил К. Ясперс в «Смысле и назначении истории» [\[1, с. 231\]](#). Ими пронизаны все науки, символ по праву можно считать универсальным языком Вселенной. Цель данной статьи: на материале лирических текстов поэтов XX – начала XXI вв. выявить, проанализировать и сравнить символику желтого цвета в разных поэтических текстах. Цветовая символика, а именно использование желтого цвета в лирике современных поэтов исследуется впервые.

Символ – многоплановое понятие, он одновременно и дуалистичен, и полифоничен. Дуализм символа заключается в том, что он состоит из двух компонентов: материального и духовного. За конкретным, материальным предметом, явлением, состоянием скрывается абстрактное понятие, которое не всегда связано со значением самого предмета. Полифоничность символа состоит в том, что он может приобретать разное звучание, значение в каждом художественном тексте, он не ограничен рамками, имеет «бесконечное количество значений» [\[2, с. 130\]](#). Благодаря данному свойству в том числе, символ предстает многомерным понятием. Каждое из значений, в том числе антонимические, являются равноправными, и имеют место быть. Контекст позволяет верно истолковать символ, «смысловое поле... трансформируется контекстуально» [\[3, с. 5\]](#). Тропы предстают инструментами, помогающими читателю обнаружить символ и истолковать его. Художественная литература невозможна без символов, «язык художественной литературы – язык символов» [\[3, с. 4-5\]](#). Символичными могут быть не только конкретные образы, но и цвета, числа. Цвет в искусстве имел и имеет почти всегда символическое значение. В зависимости от яркости красок, которыми пользуется для выражения своих чувств автор, создавалась и создается мажорная или минорная картина бытия лирического героя, его чувств, мыслей. Свет и цвет связаны друг с другом, об их взаимосвязи о влиянии последнего на сознание человека, а также о роли цветовой символики в мировой культуре пишет М. Голубева: «цвет позволил овеществовать, сделать более близкими и понятными абстракции, не имеющие конкретных чувственных образов: страх, смерть, ярость, жизнь, страсть» [\[4, с. 89\]](#). П. Райан делит цветовую символику на первичную и вторичную. К первой относит наиболее частотные цвета в художественной литературе: белый, черный, красный, ко второй – остальные

цвета [\[5\]](#). Наиболее неоднозначным в цветовой символике является желтый. Он один из самых противоречивых цветовых символов, который может иметь разные толкования в художественных текстах, начиная от позитивного и заканчивая негативным: символ счастья, радости, однако желтый может означать разлуку, обман или предательство. Желтый – цвет солнца, золота. И с ним связана, как радостная жизнеутверждающая мелодия всего живого, так и мрачное утробное низменное звучание голоса человеческой алчности, способной совершить невероятно подлые поступки ради овладения вожаемым желтым металлом. Понимание и использование цвета человеком дуалистично, как философское – борьба добра и зла. В художественных текстах желтый цвет имеет также двоякое значение. А. Ф. Лосев отмечает, что у Гете он лишен отрицательной коннотации, олицетворяя свет, радость. Когда говорим о желтом цвете в текстах того или иного поэта, мы исходим из контекста произведения. В произведениях Ф. М. Достоевского зачастую он обладает негативным значением. Так, в романе «Преступление и наказание» желтый цвет, «желтоватый», «темно-желтый», «грязно-желтый» символизирует безысходность, нищету, упадок [\[6\]](#).

Желтый цвет встречается также у многих поэтов – символистов. Чаще всех его использует И.Ф. Анненский, как отмечает Л. Ю. Парамонова «этот цвет в стихотворениях Анненского наиболее содержателен и частотен из всех цветообозначений» [\[7, с. 39\]](#). В стихотворении «Петербург» символ «желтый цвет» характеризует город, с эпитетов начинается стихотворение: «Желтый пар петербургской зимы, / Желтый снег, облипающий плиты...» [\[8, с. 60\]](#) «Это, в первую очередь, Петербург, каким его видел Достоевский», – подчеркивает Л. Ю. Парамонова [\[7, с. 39\]](#). Желтый цвет города символизирует мрачный и загрязненный Петербург. В стихотворении «Сирень на камне», насыщенном разными цветами, отсутствует желтый, однако для передачи этого цвета поэт использует неологизм «пожелкли», созвучное словам «поблекли», «пожухли», «пожелтели», символизирует смерть, уход. Примечательно, что золотой цвет в стихотворениях И. Ф. Анненского включает в себе положительную коннотацию, хотя является оттенком желтого цвета, символизирует радость, надежду («лампаде золотой», «просвет зелено-золотистый»). Желтый цвет в лирике В. Брюсова символизирует богатство, также разлуку. («Желтым шелком, желтым шелком / По атласу голубому / Шьют невидимые руки. / К горизонту золотому / Ярко-пламенным осколком / Сходит солнце в час разлуки») [\[9\]](#). М. Вахтель, исследователь славянских языков и литератур, говоря о роли символов в лирике В. Я. Брюсова, отмечает, что «мистическое понятие» символ позволяет установить «органическую связь» с реальностью [\[10, с. 64\]](#). Золотой цвет – цвет солнца, небес и истины, напротив, также лишен негативного значения («солнце сквозь деревья / сыплет пылью золотой»). Желтый цвет в поэзии французских символистов, в особенности в лирике С. Малларме – цвет Добра, Света, противопоставлен тьме «И желтоватый свет пусть уничтожит тьма» (досл. «угасающее солнце желтое на горизонте») [\[11\]](#). Положительное значение золотого цвета подметил Дж. Тресиддер в «Словаре символов»: «золото повсеместно связывается с солнцем, поэтому обозначает просветление, свет, власть» [\[12, с. 401\]](#).

В стихотворении Ходасевича «Перед зеркалом» желтый цвет не использован самостоятельно, а вместе с другими словоформами: «желто – серый», «желторотый». Начало стихотворения довольно экспрессивно, что достигается путем использования риторических восклицаний и риторического вопроса «Я, я, я! Что за дикое слово! / Неужели вон тот – это я? / Разве мама любила такого, / Желто – серого, полуседого / И всезнающего, как змея?» [\[13, с. 163\]](#). Желтый цвет не является самостоятельным

символом, акцент смещен на «серый цвет», желтый входит в состав перифразы. «Желто-серый» - цвет блеклости, увядания, предтеча старости, немощи. Имена прилагательные «желтого – серого», «полуседого», символизируя закат жизни, старость, образуют единое семантическое поле. Ходасевич подчеркивает это, выделяя их в отдельную строку. Примечательно, что автор выбирает для описания лирического героя сложные имена прилагательные и причастие, которые, идя друг за другом, образуют градацию. Ключевое слово содержится в сравнении «как змея». В контексте содержит положительную коннотацию, являясь символом мудрости, что подтверждается эпитет «всезнающего». Невозможно не процитировать одного из лучших современных специалистов по изучению символов в творчестве поэтов Серебряного века, О. А. Клинга: «символистское «золото» Андрея Белого («Золото в лазури») у Ходасевича «превращается в ироничную золотую желчь <...> болезненность». Здесь автобиографический подтекст, связанный с болезнью автора знаменитого стихотворения «Перед зеркалом» [\[14, с. 255\]](#). Желтый цвет встречается в эпитете «желторотый», не являясь самостоятельным символом, он помогает охарактеризовать других персонажей стихотворения, служит для обозначения их незрелости. Инверсия акцентирует внимание на слове «желторотый». Лирический герой противопоставляет себя «желторотым поэтам», незрелым: «Это я, тот кто каждым ответом / Желторотым внушает поэтам / Отвращение, злобу и страх?» [\[13, с. 163\]](#) Стихотворение проникнуто мотивом одиночества, тоски «только есть одиночество – в раме / говорящего правду стекла». В другом стихотворении Ходасевича «Золото» представлен золотой цвет, который является символом. О вечной силе настоящего искусства пишет поэт Серебряного века. Стихотворение начинается с императива «иди» и метонимических рядов «вот уже золото кладем в уста твои, / уже мак и мед кладем тебе в руки». Золото воплощает поэтический дар. Все истлеет в могильном сумраке, но только не драгоценный металл, который символизирует у поэта его поэзию. Потомки найдут в неизменном виде золото его слов «пришелец неведомый откроет мой скелет, / и в черном черепе, что заступом разбит, / тяжелая монета загремит - / и золото сверкнет среди костей, как солнце малое, как след души моей» [\[13, с. 60\]](#). В стихотворении звучат отсылки к древнему миру. Лирический герой не хочет быть сожженным после кончины, как древний римлянин и исчезнуть навек. Желания его выше и масштабнее: он хочет «в земле вкусить утробный сон, / хочу весенним злаком прорасти, / кружась по древнему, по звездному пути» [\[13, с. 60\]](#). Лирический герой замахнулся на вечность. Потомкам предназначено открыть его золотой поэтический клад.

В лирике современных авторов встречается этот цвет, также трактуется двояко. В поэзии С. Соколкина желтый символизирует одиночество, старость, обман («желтеет все / ржавеет все»; «желтый волос по ветру / так похожа лицом на жену») [\[15\]](#). Стихотворение «Твои губы во тьме различаю...» желтый цвет несет двойную смысловую нагрузку: яркая деталь, описывающая героиню, и символ. Строка, где он используется, необычна «приходи, - желтый волос по ветру», синтаксически, пунктуационно, морфологически, интонационно делится на две смысловые части. Если все стихотворение написано трехстопным анапестом, то здесь он нарушается. Анапест сохраняется в слове «приходи», благодаря ему, оно звучит протяжно, призывно, но резко обрывается дактилем «желтый волос». Таким образом, автор выделяет два слова: «приходи», «желтый». Ведь волосы возлюбленной оттенка желтого, это яркая деталь ее портрета, в то же время символ, несущий смысловую нагрузку. Лирический герой ищет свою жену, однако вместо нее встречает лишь ее тень, «отражение в ночи». Строка третьего катрена начинается с императива «приходи». Лирический герой не просит, а призывает свою возлюбленную прийти, но вместо нее всего лишь «отражение». Ему кажется, что перед

ним любимая «так похожа лицом на жену», но это обман, злая шутка воображения. Риторический вопрос «Что тебе, неземная, угодно, / чтоб – не только во сне – ты была?» показывает, что герою это снится, все что происходит с ним, нереально, сон. Стихотворение проникнуто мотивом одиночества, разлуки. Благодаря инверсии «одинок я», интонационно выделяется в смысловом отношении слово «одинок», синтаксический параллелизм и сравнения подчеркивают это «одинок я, / как пение птицы, / и свободен, как мысль дурака...» [\[16, с. 467\]](#).

«Желтый» цвет в поэзии А. Абдурашидовой, напротив, лишен негативной коннотации, олицетворяет свет, счастье, любовь, красоту: «в карете Солнце золотистое вновь», «вновь желтые цветы / полны любви», «в каждой пряди волос золотистых лучей», «золотая струна души» [\[17\]](#). Лирика А. Абдурашидовой символична, и богата разными изобразительно – выразительными средствами. Удивительное по силе вложенных чувств стихотворение дагестанской поэтессы, пишущей на даргинском и русском языках, заставляет задуматься над мироощущением: так ли я гармонично живу в обществе, не заперт ли в тесной камерке своих предрассудков не зашорен ли мой разум, способен ли он воспринять, понять и органично взаимодействовать с чудесным миром, сотворенным Богом. В стихотворении «Из комнаты невзрачной, как тюрьма» присутствует золотой цвет в разных словоформах: «золотистый», «озолоченный», также в перифразе «солнца свет». Они выполняют несколько функций: являются эпитетом «ароматом золотистым», метафорой «росы озолоченной», перифразой, входящей в метафору «посею солнца свет», передают настроение, действия лирической героини, описывают природу, в то же время являются символами. В стихотворении много и других символов, красноречиво повествующих о состоянии лирической героини, перенесшей горе («темная комната», «посею солнца свет», «цветущий сад» и др.) Лирическая героиня сильная, способная бороться с тьмой, где бы она ни была. Она по духу, по делам созидатель. Все препятствия преодолевает. Лирическая героиня сумела взрастить радость в своем сердце. Образ сеятеля, который преобразует мир, взращивая из солнца света ароматный золотистый пьянящий цвет. У поэтессы «золотистый» цвет не только звучит мелодией счастья, но и источает аромат любви. Любви ко всему миру, созданному Богом. Многомерное пространство стихотворения расширяет горизонты читателя, снимает шоры. Любовь ко всему божественному творению дает лирической героине почувствовать, что она способна творить лучший мир, вернуться в эдемский сад и излучать свет глазами, душой своей. «посею солнца свет - / на землю ляжет он дождем лучистым, / из капли каждой зародится цвет, / пьянящий ароматом золотистым» [\[17, с. 45\]](#). Другое стихотворение А. Абдурашидовой «Вновь заблестела / радуга над лугом» пропитано чувствами радости, счастья, насыщено яркими красками, источает аромат весны. Примечательна метафора «вновь желтые цветы / полны любви» [\[17, с. 192\]](#). Общепринято мнение, что желтые цветы символизируют разлуку, их не принято дарить. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» главный герой во время первой встречи с Маргаритой видит у нее в руках букет желтых цветов, которые чуть позже выкидывает [\[18\]](#). Эпитеты «отвратительные», «тревожные» наделяют данный символ отрицательным значением: разлукой, безысходностью. Помнится, в детстве бабушка ругала нас, детей, за то, что приносим домой букет желтых цветов, сорванных в поле. Она объяснила, что никогда нельзя вносить в дом желтые цветы. Желтый цвет, по ее словам, лишает «бараката» - благосостояния дом. В стихотворении А. Абдурашидовой «желтый букет цветов» является воплощением любви, счастья. Наполненные любовью «желтые цветы» сравниваются с драгоценным металлом, «золотом», являющимся символом богатства, достатка.

В лирике А. Проханова чаще всего встречаются оттенки желтого: золотой, огненный, янтарный. Золотой олицетворяет красоту «где золото на ветряной воде», «золотые синицы», «золотой фонарь»; янтарь (янтарный) символизирует любовь «моей любви оплавленный янтарь». Стихи А. Проханова раскрываются, как цветы – розы, давая насладиться ароматом бесподобного слова, неповторимой метафоры, если вчитываться в них, зная значение символов, применяемых автором. Слой за слоем открываются краски, услаждающие духовное зрение истинного ценителя прекрасного. Высоты смыслов, на которые поднимается поэт, открывают перед читателем потрясающие панорамы. Читатель проникается настроением автора, слышит его посыл. Стихотворение «В мой сад влетели вещие синицы» емкое, небольшое по объему, наполнено глубоким, философским смыслом. Начало произведения динамичное «в мой сад влетели вещие синицы» [\[19, с. 332\]](#). Сад символизирует внутренний мир лирического героя. Это место, где человек счастлив, спокоен. Это его личный рай. Образ синиц часто встречается в лирике А. Проханова, символизируя радость, счастье. Эпитет «вещие» раскрывает данный образ. Это не просто маленькие пестрые птицы из семейства воробьиных, а вестницы будущего, пророческие, несущие новую информацию, новые знания. Метафора «железный век свой совершил прыжок» показывает, насколько стремительно движется технократическое время. С приходом «железного века» все изменилось. Сад – эдем покинут. Христос распят. Он принес себя в жертву ради спасения человечества. Стихотворение заканчивается строкой «Твое лицо на белой плащанице / С моим лицом, как огненный ожог» [\[19, с. 332\]](#). Поэт неслучайно выбирает слово «плащаница», заключающее в себе глубокий смысл, связывающее в смысловом поле лирического героя и Христа. Лирический герой, обожженный стремительно мчащимся временем, пожертвовавший своим личным счастьем ради светлой идеи, ассоциирует себя с тем, кто принес себя в жертву ради спасения всех. Религиозные символы подчеркивают драматичность судьбы лирического героя, и он принимает свою судьбу. В стихотворении сравнение «огненный ожог» символизирует предназначение, крест судьбы, который должен нести лирический герой.

В стихотворении В. Скобцова «Плывет серебряной строкой» использован желтый цвет «и желтый лист над головой, / и жизнь, что катится с пригорка» [\[20, с. 131\]](#). Он не является отдельным символом, а в сочетании «желтый лист» символизирует быстротечность времени. Автор проводит параллель, сравнивая желтый лист с жизнью. Начало стихотворения отсылает к стихотворению «Журавли» Р. Гамзатова. Об этом пишет Минералова И. Г.: «и небо синее России / меж облаков течет рекой», «Журавлиный клин» напоят о «Журавлях» поэта Расула Гамзатова (перевод Наума Гребнева) и композитора Яна Френкеля, другие образы соединят сегодняшний день с державинским и заставят мыслить в тютчевской системе координат» [\[20, с. 132\]](#). В стихотворениях В.Ф. Кирюшина также встречается символика желтого цвета, в особенности ее оттенок, золотой. Примечательно, что золотой цвет употребляется в семантической связке с белым цветом. В стихотворении «Ранний снег» рефреном звучит в каждой строфе метонимия «белым по золоту»: «белым по золоту пишутся строки», «белым по золоту - / света полны», «белым по золоту - / не наглядеться!» [\[21, с. 209\]](#)

Поэзия Ю. Кузнецова наполнена символами, как культурно – историческими, так и авторскими. Среди цветовой символики гораздо реже встречается желтый цвет, однако присутствует золотой: «золотая гора», золотой век», «золотая рыбка», «золотая стрела Аполлона», «золотые слова» и др. Он символизирует красоту, радость. В стихотворении «Ты зачем полюбила поэта» рефреном повторяется эпитет «золотые слова». Самым главным и важным инструментом поэта является слово. Чем талантливее поэт, тем

ценнее его слово. «Золотое слово» символизирует, прежде всего, истину, талант, знания. Однако поэтическое слово не всегда несет радость, счастье. В стихотворении лирический герой обращается к возлюбленной: «Ты зачем полюбила поэта / За его золотые слова?» [22, с. 174] Любовь к поэту не сделала героиню счастливой «от высокого лунного света / Закружилась твоя голова», «ты лишилась земли и опоры», «он сумел небесами измерить / Свой полет и паденье твое» [22, с. 174]. Лунный свет – эфемерный, как и звучание слова. Они заливают светом и звуками мир. Простор не заполняется тем, кто ощущает хоть и «легкую», но все же «тягу в стопе». Обладатель золотых слов только и может «измерить свой полет и паденье твое». Ценности лирического героя и той, к кому он обращается несколько разные. Он полюбил его за поэзию, лишилась «земли и опоры», метафора «он хотел свою думу развеять, / Дорогое стряхнуть забытие» раскрывает мотивы лирического героя. Он недостижим, как лунный свет. Стихотворение заканчивается метафорой «ты заплачешь, а он отзовется / На свои золотые слова». Она земная, он не от мира сего, обладатель «золотых слов», что сродни высокому лунному слову.

Таким образом, анализ цветовой символики на примере желтого цвета показал, что смысл символа раскрывается в пределах заданного контекста, он может обладать как негативной, так и положительной коннотацией. Эпитеты, метафоры и другие тропы помогают читателю находить и интерпретировать символ. В стихотворениях поэтов конца XX – начала XXI вв. преобладает золотой оттенок желтого цвета. Он выполняет несколько функций: может быть самостоятельным символом, быть деталью, характеризующей предмет, или же срачиваться с другим символом и составлять с ним единую смысловую символическую конструкцию.

Библиография

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991. 231 с.
2. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., Искусство, 1976, с. 4, с.18
3. Антонов В.И. Символ, наука, культура: монография. Москва - Улан – Удэ: Российская академия управления. Восточно – сибирский технологический институт: 1995, с. 5, 51
4. Голубева М. Главное в истории цвета. Искусство, мифология и история от первобытных ритуалов до Института цвета Pantone. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023, с. 89
5. Pauline M. Ryan. Color Symbolism in Hausa Literature. Journal of anthropological research., 1976, Т. 32, № 2. doi: 10.1086/jar.32.2.3629660
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Эксмо, 2020, 592 с.
7. Парамонова Л. Ю. Мучительная жажда красоты и амбивалентность цвета в книге И. Анненского «Кипарисовый ларец». Вестник Томского государственного университета. 2015, № 397, с. 38 – 43. DOI: 10.17223/15617793/397/7
8. Анненский И. Посмертные стихи: с портретом и 2 факсимиле. Под ред. В. Кривича. Петербург: Картонный домик, 1923, с. 46
9. Брюсов В. Я. Хвала человеку. М.: Эксмо, 2023, 192 с.
10. Wachtel M. Russian symbolism and literary tradition: Goethe, Novalis, and the poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison: The University of Wisconsin Press, 1994. P. 64
11. Малларме С. Избранные стихотворения. 1898. Эл. рес.: http://az.lib.ru/m/mallarme_s/text_1898_stihi.shtml, 23.07.2024.
12. Тресиддер Дж. Словарь символов. Пер. с англ. С. Палько. – М.: Фаир – Пресс. 1999, с. 401
13. Ходасевич В. Ф. Европейская ночь. Стихотворения. Воспоминания. М.: Эксмо, 2013,

с. 60, с. 163

14. Клинг О. А. Поэтика промежутка как научная проблема. Русская литература. №4, 2021, с. 255. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-254-255
15. Соколкин С. Ю. Возопившие камни. Избранное (стихи, поэмы, художественные переводы). М.: Российский писатель. 2013, с. 218-226.
16. Соколкин С. Ю. Стеклянноглазая: роман. М.: Вече, 2023, с. 467.
17. Абдурашидова А. А. Честь выше жизни (переводы с даргинского языка). – М.: Белые журавли России. 2018, с. 45, с. 192.
18. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: Родина, 2024, 512 с.
19. Проханов А. Оплавленный янтарь: ЦДЛ, роман, стихи. – М.: Вече; Наше Завтра, 2021
20. Минералова И. Г. Ангел с горящим мечом. Современная гражданская поэзия: традиция, синтез жанров, герой: монография. Москва – Ярославль, 2023, с. 131.
21. Дорога к небу. Поэзия и прозы лауреатов и номинантов Патриаршей литературной премии. М.: Лепта Книга, 2024.
22. Кузнецов Ю. П. Стихи. М.: Советская Россия, 1978, с. 174.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена выявлению и изучению символики желтого цвета в лирике современных поэтов. Стоит отметить, что цвет в принципе играет важную роль в художественной литературе, он маркирует некое настроение героев, отчасти выражает и позицию автора, помогает предать эмоциональное состояние. Замечу, что работ в смежной тематической направленности довольно много, есть работы фундаментального порядка, есть частные / точечные исследования. Работа имеет достаточно завершённый вид, авторские суждения по ходу текста объективны, суждение выверены: например, «символ – многоплановое понятие, он одновременно и дуалистичен, и полифоничен. Дуализм символа заключается в том, что он состоит из двух компонентов: материального и духовного. За конкретным, материальным предметом, явлением, состоянием скрывается абстрактное понятие, которое не всегда связано со значением самого предмета. Полифоничность символа состоит в том, что он может приобретать разное звучание, значение в каждом художественном тексте, он не ограничен рамками, имеет «бесконечное количество значений», или «художественная литература невозможна без символов, «язык художественной литературы – язык символов» [3, с. 4-5]. Символическими могут быть не только конкретные образы, но и цвета, числа. Цвет в искусстве имел и имеет почти всегда символическое значение. В зависимости от яркости красок, которыми пользуется для выражения своих чувств автор, создавалась и создается мажорная или минорная картина бытия лирического героя, его чувств, мыслей. Свет и цвет связаны друг с другом...» и т.д. Формальные требования издания учтены, ссылки в большинстве своем не нуждаются в серьезной коррективе. Можно согласиться, что «именно желтый» цвет в текстах объемно представлен: причем спектр от наихудшего к наилучшему вариантивен. Не очень понятна позиция автора статьи относительно реализации «цвета» и в прозе, и в поэзии. Если уж говорить о лирике, видимо, не стоит так активно / открыто ссылаться на тексты Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова. Работе присуща должная аналитика, методы оценки значимости «цвета» в стихах выверены: например, «В стихотворении Ходасевича «Перед зеркалом» желтый цвет не использован самостоятельно, а вместе с другими словоформами: «желто – серый», «желторотый». Начало стихотворения довольно экспрессивно, что достигается

путем использования риторических восклицаний и риторического вопроса «Я, я, я! Что за дикое слово! / Неужели вон тот – это я? / Разве мама любила такого, / Желто – серого, полуседого / И всезнающего, как змея?» [13, с. 163]. Желтый цвет не является самостоятельным символом, акцент смещен на «серый цвет», желтый входит в состав перифразы. «Желто-серый» – цвет блеклости, увядания, предтеча старости, немощи. Имена прилагательные «желтого – серого», «полуседого», символизируя закат жизни, старость, образуют единое семантическое поле» и т.д. Сами тексты / первоисточники можно было бы оформить традиционно, вид, порой, играет значение, да и восприятия материала все же лучше. Фактические ошибки отсутствуют, неточности не выявлены. Терминологический блок отвечает требованиям: «лирический герой противопоставляет себя «желторотым поэтам», незрелым: «Это я, тот кто каждым ответом / Желторотым внушает поэтам / Отвращение, злобу и страх?» [13, с. 163] Стихотворение проникнуто мотивом одиночества, тоски «только есть одиночество – в раме / говорящего правду стекла». В другом стихотворении Ходасевича «Золото» представлен золотой цвет, который является символом», или «В лирике А. Проханова чаще всего встречаются оттенки желтого: золотой, огненный, янтарный. Золотой олицетворяет красоту «где золото на ветряной воде», «золотые синицы», «золотой фонарь»; янтарь (янтарный) символизирует любовь «моей любви оплавленный янтарь». Стихи А. Проханова раскрываются, как цветы – розы, давая насладиться ароматом бесподобного слова, неповторимой метафоры, если вчитываться в них, зная значение символов, применяемых автором. Слой за слоем открываются краски, услаждающие духовное зрение истинного ценителя прекрасного». Как таковой контекст и современный, и классический, в работе представлен, только выбор авторов не мотивирован, желательно это оговаривать. Автор в финале приходит к выводу, что «анализ цветовой символики на примере желтого цвета показал, что смысл символа раскрывается в пределах заданного контекста, он может обладать как негативной, так и положительной коннотацией. Эпитеты, метафоры и другие тропы помогают читателю находить и интерпретировать символ. В стихотворениях поэтов конца XX – начала XXI вв. преобладает золотой оттенок желтого цвета. Он выполняет несколько функций: может быть самостоятельным символом, быть деталью, характеризующей предмет, или же срачиваться с другим символом и составлять с ним единую смысловую символическую конструкцию». Итог вполне объективен, он соотносится с основной частью. Материал можно использовать в школьной, вузовской практике, при дешифровке роли цвета в литературном произведении. Список источников оформлен в соответствии с требованиями издания. Рецензируемая статья «Символика желтого цвета в современной русской поэзии» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Славин Б.Ф., Заровный Д.А. Журналистский идеал в контексте теорий повестки дня // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71382 EDN: URQFQS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71382

Журналистский идеал в контексте теорий повестки дня

Славин Борис Федорович

доктор философских наук

профессор; институт Журналистики, коммуникаций и медиаобразования; Московский педагогический государственный университет

109240, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16-18

✉ nivals@inbox.ru

Заровный Денис Андреевич

аспирант; институт Журналистики, коммуникаций и медиаобразования; Московский педагогический государственный университет

109240, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16-18

✉ deniszarovny@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71382

EDN:

URQFQS

Дата направления статьи в редакцию:

02-08-2024

Аннотация: В статье поднимается вопрос об идеале журналистики в момент, когда научное сообщество всё чаще прибегает к теориям «производства» информационной повестки дня. Как эти идеи и новые взгляды на понимание потребления информации сегодня меняют журналистские принципы работы и идеал журналистики? Возможно ли сегодня говорить о журналистских идеалах в контексте теорий повестки дня, где равная роль в построении информационного экстерьера отводится также аудитории и государству? Авторы статьи обращаются к корням теорий повестки дня, их основным положениям, роли СМИ, которую теоретики отводят в своих гипотезах, и основным представлениям о журналистском идеале, сформировавшимся за всё время

исследований. Данная тема актуальна в рамках набирающей популярности теории Agenda-setting, Agenda-building, теории «эхо-камер», а также возникающих проблемах информационного детерминизма, как философского взгляда на роль журналистики. Методами исследования выступили сравнительно-содержательный анализ научных источников; сравнительный анализ развития взгляда ученых на вопросы повестки дня и журналистского идеала; систематизация и синтез данных. Новизна исследования формируется из подхода к рассмотрению вопроса идеала журналистики в системе «Государство – СМИ – Реципиент». Вопрос о журналистском идеале в таком контексте ставится впервые. Апологетика теорий повестки дня и, в частности, вопрос о роли журналиста в жизни государства и общества, невольно разрезают спор об идеале на объективную и субъективную стороны. В статье комплексно рассматриваются эти две ветви журналистского идеала и выделяются их ключевые особенности. Основным выводом данной статьи становится тезис о том, что теория повестки, изменившийся медиаландшафт и развитие информационных технологий реформирует взгляд на идеал журналистики. Вместе с тем, несмотря на то, что объективность остается профессиональной нормой в восприятии информации, роль субъективного в журналистике растет. Но это не должно порицаться сообществом и исследователями. Только осознанный симбиоз этих двух ветвей идеала сможет привести профессионального журналиста не только к эффективной профессиональной работе, но и доверю аудитории.

Ключевые слова:

Повестка дня, идеал, журналистика, agenda-setting, agenda-building, эхо-камеры, субъективизм, объективность, информационный детерминизм, журналистский идеал

Введение

Научное изучение журналистики сегодня всё чаще формулирует вопросы о роли профессионала в формировании информационного пейзажа. С одной стороны, Е.Л. Вартанова фиксирует важную роль журналистики, как драйвера социальных развития и двигателя демократических идей [\[1, с. 24\]](#). С другой же стороны, положение журналистики как «двигателя» общественных изменений нивелируется целым рядом процессов, который рассматривают в новых исследованиях теорий повестки дня. Е.Г. Дьякова в рамках взгляда на теорию Agenda-setting обращает внимание, что СМИ не способны насаждать свои идеи обществу, ограничивая внимание массмедиа только выстраиванием структуры важности новостей и событий [\[2, с. 9\]](#).

В рамках взгляда на медиасферу, где у каждого звена цепи (Государство — СМИ — Общество) есть возможность формулировать собственную повестку дня (Политическая повестка — Медиаповестка — Публичная повестка) [\[3, с. 556\]](#) мы сталкиваемся с конфликтом, в котором функциональная роль журналистики трансформируется. И как следствие ее ценностные и идеологические ориентиры уже не способны нести то же сущностное влияние, которое приписывали СМИ еще в начале XXI века.

На фоне хоть и не декларируемого, но очевидного заочного противопоставления этих двух взглядов можно увидеть, как взгляд на журналистику как объект научного познания и профессиональной рефлексии обретает когнитивный разрыв, не укладывающийся в сложившийся теоретический базис, где СМИ несут в себе монополию на информацию и взаимодействие с обществом в рамках формирования информационной

картины. Здесь важно и представить альтернативный идеологический паттерн для журналиста, а также понять, что движет современным журналистом в его профессиональной деятельности.

Роль журналиста и СМИ в системе теорий повестки дня

Одним из определяющих факторов популярности теорий повестки дня, представленных во второй половине XX века, стало прописываемое положение СМИ в отношениях с обществом и государством. Влияние, описываемое исследователями, не дает внутриредакционного представления о деятельности, однако при этом фиксирует ведущую роль во влиянии журналиста на общественное мнение и деятельность государства. При этом каждая из теорий обращает внимание на свои отдельные аспекты формирования повестки дня, что резонирует и с колеблющейся самоидентификацией журналиста: СМИ не готовы приписывать себе ведущую роль как в формировании государством собственной политической деятельности, так и в положении реального влияния на общество, где информирование может привести не только к положительным моментам (образование, просвещение, вовлечение в низовую активистскую деятельность), но и к негативным (развитие радикализма, появление экстремистских и террористических ячеек).

М. Маккомбс и Д. Шоу в своих трудах, посвященных теории Agenda-setting, ставят СМИ во главу угла представления повестки дня общественности. В рамках гипотезы журналистский коллектив наделяется властью над выстраиванием информационной картины дня, где редакция, самостоятельно определяя важность событий, происходящих за определенный период. Выстраивая «парадигму важности» в рамках формата (полосность газеты, верстка программы на ТВ или радио, главная страница интернет-ресурса) СМИ, ориентируясь на собственные принципы, идеалы и политические воззрения, направляют реципиента в сторону своих собственных идеологических приоритетов. По мнению Маккомбса и Шоу, журналисты таким образом формируют представление о том, на что действительно надо обращать внимание в жизни общества и государства, а что можно проигнорировать.

Доверие к СМИ в таком случае выстраивается из нескольких факторов: политической ангажированности индивида, заинтересованности в информации по конкретной теме, недоступность обывателя к информации «особого порядка», которая мистифицирует тему (это может выражаться в особой информации, которую представляют СМИ, как, например, инсайды и информация от неназванных источников). Маккомбс выделяет третий аспект в отдельный феномен — представление важности атрибутов, где атрибут играет роль особой информации, сочетающейся с психологическим положением аудитории. Маккомбс подчеркивает манипулятивность этого фактора. Атрибуты повестки дня строятся на стереотипах, страхах, ассоциациях. Роль атрибутов самим Маккомбсом возводится в особый статус, где их эффективность напрямую взаимосвязана с неразрывностью связей между СМИ и обществом, умением «читать» запрос.

В рамках представления о журналистике как бизнес-деятельности можно определить, что такой элемент выстраивания повестки дня выражается в эксплуатации общественного интереса к темам, что ведет к увеличению внимания к средству массовой информации. Однако вместе с тем СМИ рискует начать фабриковать информацию и попасть в собственную информационную воронку. Очень показательным в этом контексте становится исследование агентства «Палиндром»: по мнению аналитиков, современные российские СМИ стали чаще обращаться к «поисковому трафику», то есть делать новости и материалы с ориентацией под конкретный тематический поиск аудиторией [\[4\]](#). Другим

демонстративным фактором можно назвать альтернативное исследование «Интерфакс Скан», которое представило итоги информационной картины в России 2022 года [\[5\]](#). В год начала СВО и роста военной тематики в материалах общее число новостей, выпущенных в течение года российскими СМИ, снизилось на 7%. Особенно выделяют падение количества материалов по экономическим и деловым новостям — сокращение гораздо сильнее.

С альтернативной точки зрения существует и иной взгляд на повестку дня, которая выражается в теории Agenda-building. Гипотеза была предложена в 1971 году Роджером Коббом и Чарльзом Элдером. Выйдя за год до работы Маккомбса и Шоу, теория «построения повестки дня» имплементирует общественное мнение в политическую реальность. В отличие от Agenda-setting авторы больше заботятся о запросе граждан на озвучивание их проблем, подводя под аргументацию парадигму демократичности политики. Элдер и Кобб используют термин «повестка дня» в собственной трактовке: для обозначения общего набора политических разногласий, которые будут рассматриваться как входящие в диапазон законных проблем, заслуживающих внимания политики. Авторы выделяют системную и институциональные повести дня, в том числе противопоставляя их друг другу.

В разрезе этой теории СМИ можно назвать элементом государственного контроля. В том месте, где в рамках теории Agenda-setting массмедиа обладают полнотой контроля за информационными потоками, в теории Agenda-building журналист направляет свой профессионализм, который может выражаться в умелом общении с обществом за счет специализированного инструментария, в помощь власти и реализацию контактов между социумом и политическими акторами. СМИ в этой системе теряют свою субъектность. Они отдаляются от классического демократического понимания средств массовой информации как «четвертой ветви власти», срастаясь с реальным политическим руководством. С одной стороны, это способно негативно сказаться на перспективах профессии, чья роль ужимается до администрирования сайтов, телеканалов или газет. Вместе с тем мы можем обратить внимание на то, что реализация подобного подхода нейтрализует и реальную возможность манипуляции обществом со стороны недобросовестных СМИ.

В 1988 году Э. Роджерс и Дж. Диаринг выделяют три вида «повесток дня» [\[3, с. 556\]](#). Представляя в собственной системе политическую (или государственную), общественную и медиаповестку, исследователи подводят всю теорию о повестке дня к максимально дифференцированному виду, где каждый актор отношений способен формулировать собственную картину дня. В этой системе журналистика приобретает особую роль, которую можно сравнить с положением СМИ в теории Agenda-setting, однако при этом наличие альтернативных ветвей повестки дня журналист потенциально не может абстрагироваться от общества и государства.

Иной ролью журналиста награждает и теория «эхо-камер», которая фиксирует особую специфику выстраивания отношений в обществе по принципу информационной ангажированности. Подразумевая, что группы людей способны самостоятельно обособляться в отдельные сообщества по принципу «свой-чужой», мы видим новую форму культуры потребления информации. Само событие, если представлять это по теории повестки дня, становится не механизмом выстраивания парадигмы важности, а скорее инструментом отсева альтернативного мнения, не подходящее под представление отдельной группы в отношении того или иного жизненного аспекта. Роль журналиста в этом отношении меняется кардинально: из «объективного рассказчика», которым его

представляют в классической теории, работник СМИ становится или вольным слугой запроса аудитории, требующей если не информации с конкретным смысловым направлением, то как минимум четко разделяющую идеологические принципы отдельного сообщества. При этом важным фактором в отношении работы с такими группами аудитории становится конкуренция профессионала с алгоритмами и механиками социальных сетей.

На этом фоне важный тренд обозначает Mediascop, который фиксирует переход за 2022 год аудитории, потребляющей новости, из телевидения в соцсети, а конкретно в Telegram [\[6\]](#), [\[7\]](#). Если больше 20% телесмотрения выпадает на сериалы, то современные мессенджеры для многих все чаще становятся источником ежедневных новостей. Так уже в мае 2023 года Mediascop фиксирует, что 41% аудитории мессенджера ежедневно заходит в Telegram. Особенно на это повлияло изменение медиаландшафта после начала СВО: если среднесуточный охват Telegram к февралю 2022 года составлял 22%, то уже к марту 2023 года этот показатель вырос до 42%. Важным в этом аспекте становится тренд на персонализированность телеграм-каналов. Анализ рынка показывает, что большинство каналов собирают вокруг себя аудиторию, которая так или иначе заинтересована в информации от персон (в том-30 каналов по итогам первого квартала 2023 года входят каналы журналистов Юрия Подоляки, Владимира Соловьева, Анатолия Шария, военков Евгения Поддубного, Семена Пегова и Александра Сладкова, а также военных аналитиков) [\[8\]](#).

Эта тенденция подчеркивает реальность возникновения эффекта «эхо-камер» в рамках современного медиаполя. В том числе это подчеркивается и функционалом мессенджеров, которые уже заняли свое место на рынке информации. Однако при этом важным становится и вопрос об изменяющихся идеалах журналиста сегодня. Должен ли журналист объединять вокруг своей персоны общественность и аудиторию? Какую идею он может транслировать обществу? Как может раскрываться роль журналиста во взаимоотношениях с государством? И как трансформирует идеал журналиста в новых реалиях?

Идеал в журналистике: объективизм, субъективизм и мораль

Тенденция к спорам вокруг субъективного и объективного в журналистике растет с появлением новых контекстов. Это отражается как в мнениях профессионалов, так и исследователей, которые ставят вопрос об идеале в журналистике. Одной из самых распространенных идей об журналистском идеале можно назвать представление объективности, свободы слова и ответственного подхода к работе с информацией — именно это представляют студентам на российских журфаках как эталон. Кроме этого, Т. Н. Владимирова и В. А. Славина представляют среди важных черт, которые приближают журналиста к идеалу, гуманность, высокие моральные принципы и демократические ценности [\[9\]](#). Однако в противопоставление этому пониманию идеала встает концепция субъективности журналистики. Представленные выше тренды на развитие социальных сетей как инструмента персонализации информационного пространства говорят о тенденциозности этого явления, а вместе с тем и преследующими последствиями. Об этом характере современных медиа говорит и Е.Л. Вартанова, подчеркивая, что с появлением соцсетей журналист потерял монополию на информацию [\[10\]](#).

Представленные в статье тенденции современных медиа (как, например, ориентация на поисковой трафик и привлечение аудитории через агрегаторы и альтернативные площадки) лишь раз подчеркивают важность и актуальность этого явления. В этой

системе найти возможность реализовывать объективную работу с информацией уже становится не просто идеалом, а профессиональным качеством СМИ, ее главной отличительной чертой в сравнении с непрофессиональными ресурсами, которые чаще всего представляют собой сообщества или группы в мессенджерах и социальных сетях. Если обратиться к профессиональному мнению об современном идеале журналиста, то можно заметить оценки, которые пересекаются с мнением академическим. Заместитель главного редактора ИД «Коммерсантъ» Дмитрий Бутрин называет современным идеалом журналиста «речь перед смертью» или эмоциональное высказывание, отбрасывающее любую ответственность и социальные условности — в Древней Греции такую речь называли парресией [\[11\]](#). В пример самим Бутриным приводится гонзо-журналистика, как явление субъективного взгляда на событие и, как следствие, работу в рамках журналистских жанров, но «от первого лица».

Важно заметить, что подобная дискуссия и тенденции, демонстрирующие серьезный сдвиг в вопросе идеалов, не сводят представителей профессии и ученых с пути классического понимания журналистики. Якобы рост роли субъективного в профессии хоть и заметен, тем не менее моральные принципы и профессионализм, которые предписывают журналисту быть по-прежнему обстоятельным в работе с источниками и новостями, всё так же работают. Вместе с тем отрицать то, что субъективизм сегодня всё чаще выходит на первый план в работе журналиста, уже сложно.

Идеал субъективности в журналистике рассматривает на примере философских взглядов С. Стинсен. В частности, на основе работ Канта, Фуко, Сартра, Маркса и многих других философов он фиксирует корреляцию жанров в отношении философских идей. Например, разделяя субъективность на моральную, политическую, экзистенциальную и фрагментарную он распределяет не только журналистские материалы, но и специфические черты подхода к журнализму как профессиональной деятельности. Важность этой дифференциации можно заключить в очевидный вывод: субъективизм журналиста не является чем-то сверхординарным, что необходимо отрицать на уровне профессии. Личное мнение или моральные принципы отдельного автора не должны порицаться, а скорее наоборот. Стинсен заключает, что журналисты, редакторы и журналистские институты, возможно, должны лучше осознавать, как они сами видят мир и как это влияет на их репортажи, а также больше общаться со своими источниками и аудиторией, чтобы полностью понять, что важно для аудитории и источников [\[12, с. 44\]](#). В том числе этот вывод делается на основе другого измышления: что субъективное является неотъемлемой частью объективного взгляда на происходящее. Автор, ссылаясь на мысли Э. Сэйера, фиксирует, что игнорирование субъективности путем принятия объективной и, следовательно, отстраненной позиции — нетронутой эмоциями и ценностями — означает, что автор упускает важные аспекты реальности, о которой хочет что-то сказать [\[12, с. 41\]](#).

Важной частью размышлений Стинсена является поиск нужной для современной журналистики модели субъективизма. Поскольку субъектностью обладает не только журналист, но и источники, аудитория, государство, исследователь считает, что современному автору необходимо стремиться к мезоуниверсализму, то есть развитие групповой субъективности, в соответствии с идеями Маркса и Гейгеля [\[12, с. 44\]](#). В противопоставление этому он ставит идею макроуниверсализма Канта, как мысль, которая теряет актуальность на фоне развития соцсетей и интернет-сообществ.

Заключение

Стоит зафиксировать очевидное пересечение между идеями теорий повестки дня (Agenda-setting и Agenda-building) и идеалов журналистики, представленными как в российском, так и в западном дискурсе.

Проблематика субъективного в журналистике не мешает выстраивать логичные принципы работы современных массмедиа, однако происходит серьезный слом «классического» понимания журналистского творчества. Представление о профессиональном авторе в СМИ как об объективном наблюдателе столкнулось с серьезным противоречием, которое внес технологический прогресс и развитие интернета. Децентрализация информационного потока, потеря монополии на информацию и таблоидизация за счет упора на эмоции в новостях, свойственная непрофессиональным СМИ и желтой прессе, диктуют свои правила в сфере большой конкуренции медиаресурсов (в том числе с точки зрения коммерции).

Как решение этой проблемы для журналиста исследователи с разных сторон предлагают схожие механизмы представления о профессионализме. С точки зрения теоретиков повестки дня журналист представляется главным коммуникационным узлом между государством и обществом. Идеи же ученых, исследующих журналистский идеал, концентрируют внимание на морализации журналистики, а также сокращении влияния субъективного на реализацию профессиональной деятельности.

Фиксируя общий нарратив этих двух течений, можно сформулировать общий взгляд на журналистику, как, прежде всего, важную общественную деятельность, главной точкой ориентации в которой становится реакция социума на работу СМИ. Эффективность работы медиа может быть выражена в очевидных метриках самого СМИ (цитируемость, внимание общественности и альтернативных средств массовой информации), так и в персонализированных (популярность конкретных спикеров и авторов, чей медиаобраз связан с конкретным СМИ). Успех медиапродукта влечет за собой возможность «устанавливать» повестку дня, а за ней и развитие мезоуниверсальных идей, способных объединять зрителей в настоящее сообщество. Это работает и на реализацию идеального вида журналиста, способного реализовывать ведущую профессиональную цель, — освещение проблем и важных событий — и на укрепление собственной роли связующего звена между обществом и государством в соответствии с теориями повестки дня.

Важным вопросом, который стоит внести на рассмотрение научным сообществом в рамках этого дискурса, является ответственность СМИ или конкретного журналиста за свою аудиторию, о чем уже сегодня думают исследователи теории повестки дня. В этом контексте можно смело сказать, что тема связи журналистского идеала и вопросов повестки дня — серьезная междисциплинарная тема, способная не только увидеть совершенно новый уровень проблемы современной журналистики, но и предложить неожиданные методы для ее решения.

Библиография

1. Вартанова Е. Л. О необходимости модернизации концепции журналистики и СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2012. – No 1. – С. 7-2.
2. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. «... И все подумали хором»: Средства массовой информации и установка повестки дня // Повестка дня и информационное общество: социологические очерки – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 7-40.
3. Rogers, E.M., & Dearing, J.W. Agenda-setting research: Where has it been? Where is it going? In: Anderson, J.A. (Ed.). Communication yearbook 11 (555-594). Newbury Park, CA: Sage. 1988.

4. media-research.palindrome.media [Электронный ресурс]: Исследование рынка бренд-медиа. 2023 edition // ООО «Палиндром». URL: <http://www.media-research.palindrome.media/2023> (дата обращения: 12.12.2023)
5. group.interfax.ru [Электронный ресурс]: Число новостей в российских СМИ в 2022 году сократилось на 7% // Интерфакс. URL: <https://group.interfax.ru/interfax/about/smi/chislo-novostey-v-rossiyskikh-smi-v-2022-godu-sokratilos-na-7/#> (дата обращения: 12.12.2023)
6. mediascope.net [Электронный ресурс]: Медиапотребление в 2022 году // Ксения Ачкасова; Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkri4ngauf1t1stsr0877w3jn5/CSTB_медиапотребление.pdf (дата обращения: 15.12.2023)
7. mediascope.net [Электронный ресурс]: Медиа 2022: главные тренды // Ксения Ачкасова; Mediascope. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/1f6/8ha9kkrstxq4eed12mn3p8s6k5sglgnn/Медиа%202022%20День%20Бренда%20Ксения%20Ачкасова.pdf> (дата обращения: 15.12.2023)
8. mediascope.net [Электронный ресурс]: Аудитория Telegram: Отчет по данным Mediascope // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/9fb/3nfdyfloew36u7oqs3fip8loz14yad4g/Telegram_Otchet_Mediascope.pdf (дата обращения: 15.12.2023)
9. Владимирова Т. Н. Проблема идеала в журналистике / Т. Н. Владимирова, В. А. Славина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 320–329. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(3).320-329.
10. mediamax.am [Электронный ресурс]: Елена Вартанова: «Журналистика – всегда продукт своего народа» // Лусин Мкртчян; Медиамакс URL: <https://mediamax.am/ru/news/interviews/32759/> (дата обращения: 22.12.2023)
11. economics.hse.ru [Электронный ресурс]: «Журналист зарабатывает очень много очков в тот момент, когда он отбрасывает условности» // Серкебаева Милена; Высшая школа экономики. URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/695248538.html> (дата обращения: 22.12.2023)
12. S. Steense Subjectivity as a Journalistic Ideal // Putting a Face on it: Individual Exposure and Subjectivity in Journalism, 2017. С. 25-47.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый материал касается оценки деятельности СМИ. Вопросы, связанные с массовой информацией, формами и типами транслирования новостей достаточно актуальны, интересны, злободневны. В начале труда отмечено, что «научное изучение журналистики сегодня всё чаще формулирует вопросы о роли профессионала в формировании информационного пейзажа. С одной стороны, Е.Л. Вартанова фиксирует важную роль журналистики, как драйвера социальных развития и двигателя демократических идей [1, с. 24]. С другой же стороны, положение журналистики как «двигателя» общественных изменений нивелируется целым рядом процессов, который рассматривают в новых исследованиях теории повестки дня». Материал выдержан в рамках научного изыскания, структура выверена, стиль и язык наукообразны: например, «выстраивая «парадигму важности» в рамках формата (полосность газеты, верстка программы на ТВ или радио, главная страница интернет-ресурса) СМИ, ориентируясь на собственные принципы, идеалы и политические воззрения, направляют реципиента в сторону своих собственных идеологических приоритетов. По мнению Маккомбса и Шоу,

журналисты таким образом формируют представление о том, на что действительно надо обращать внимание в жизни общества и государства, а что можно проигнорировать», или «в рамках представления о журналистике как бизнес-деятельности можно определить, что такой элемент выстраивания повестки дня выражается в эксплуатации общественного интереса к темам, что ведет к увеличению внимания к средству массовой информации. Однако вместе с тем СМИ рискует начать фабриковать информацию и попасть в собственную информационную воронку» и т.д. Считаю, что работа может быть импульсом для изучения смежных тематических областей; удачно, на мой взгляд, сочетается в текста теоретический базис и практическая основа. Примеры по ходу работы актуальны и новы: «Другим демонстративным фактором можно назвать альтернативное исследование «Интерфакс Скан», которое представило итоги информационной картины в России 2022 года [5]. В год начала СВО и роста военной тематики в материалах общее число новостей, выпущенных в течение года российскими СМИ, снизилось на 7%. Особенно выделяют падение количества материалов по экономическим и деловым новостям — сокращение гораздо сильнее» и т.д. Базовые требования издания учтены, тексты не нуждаются в серьезной правке и коррективе. Должные отсылки на труды фундаментального порядка, а также критические работы сделаны верно: например, «в 1988 году Э. Роджерс и Дж. Диаринг выделяют три вида «повесток дня» [3, с. 556]. Представляя в собственной системе политическую (или государственную), общественную и медиаповестку, исследователи подводят всю теорию о повестке дня к максимально дифференцированному виду, где каждый актор отношений способен формулировать собственную картину дня. В этом системе журналистика приобретает особую роль, которую можно сравнить с положением СМИ в теории Agenda-setting, однако при этом наличие альтернативных ветвей повестки дня журналист потенциально не может абстрагироваться от общества и государства». Тема как таковая в работе раскрыта, хотя новые изыскания в данной области возможны. Автор отмечает, что «идеал субъективности в журналистике рассматривает на примере философских взглядов С. Стинсен. В частности, на основе работ Канта, Фуко, Сартра, Маркса и многих других философов он фиксирует корреляцию жанров в отношении философских идей. Например, разделяя субъективность на моральную, политическую, экзистенциальную и фрагментарную он распределяет не только журналистские материалы, но и специфические черты подхода к журнализму как профессиональной деятельности. Важность этой дифференциации можно заключить в очевидный вывод: субъективизм журналиста не является чем-то сверхординарным, что необходимо отрицать на уровне профессии. Личное мнение или моральные принципы отдельного автора не должны порицаться, а скорее наоборот». Заключительный блок выверен, итоги подведены. Автор формирует в финале, пожалуй, даже эффект пролонгации изучения темы, а это явно хорошо: «важным вопросом, который стоит внести на рассмотрение научным сообществом в рамках этого дискурса, является ответственность СМИ или конкретного журналиста за свою аудиторию, о чем уже сегодня думают исследователи теории повестки дня. В этом контексте можно смело сказать, что тема связи журналистского идеала и вопросов повестки дня — серьезная междисциплинарная тема, способная не только увидеть совершенно новый уровень проблемы современной журналистики, но и предложить неожиданные методы для ее решения». Библиографический список достаточен; общий спектр задач в работе решен. Рекомендую статью «Журналистский идеал в контексте теорий повестки дня» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Неренц Д.В. Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.44025 EDN: UUYSOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44025

Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве

Неренц Дарья Валерьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра журналистики, Российский государственный гуманитарный университет

125993, Россия, Московская область, г. Москва, Мусская площадь, 6, ауд. 525

✉ ya.newlevel@yandex.ru[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.8.44025

EDN:

UUYSOS

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2023

Аннотация: В 2023 году с новой силой разгорелись споры и дискуссии относительно применения искусственного интеллекта (ИИ) в разных сферах жизнедеятельности. В качестве неоспоримых достоинств применения автоматизированных систем и алгоритмов в медиа указываются эффективность (способность быстро и точно осуществлять поиск информации, создавать шаблонные тексты, осуществлять проверку данных), всесторонность (способность анализировать любую тему, работать с любым направлением деятельности), удобство (при грамотной настройке не требуется лишних усилий со стороны медиаспециалиста), обучение (способность быстро усваивать новые знания и анализировать запросы и потребности аудитории). В качестве недостатков отмечается заметное количество ошибок и неточностей, опасения сокращения рабочих мест (особенно работников новостных отделов), ограничения в общении, отсутствие законодательного регулирования деятельности ИИ, зависимость от технологий, этический аспект работы. Научные и профессиональные сообщества все чаще обращают внимание на серьезные угрозы, связанные с применением нейросетей и компьютерных алгоритмов. В статье поднимаются вопросы, связанные с рисками и вызовами

применения искусственного интеллекта, анализируются его возможности касательно угроз медиабезопасности (как создание фейков и дипфейков, так и разоблачение подобного контента). Особое внимание уделено способам применения нейросетей в медиапространстве, что представляется особенно актуальным на современном этапе, когда IT-разработки стали одной из центральных тем обсуждения на многих площадках международного уровня. В качестве выводов представлены возможные варианты дальнейшего применения этих технологий в ближайшем будущем и последствия этого применения.

Ключевые слова:

медиа, искусственный интеллект, С М И, ф е й к, нейросеть, медиабезопасность, медиаконтент, аудитория, алгоритм, журналистика

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Медиабезопасность в эпоху цифровых трансформаций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

В 2023 году тема применения искусственного интеллекта и его последствия все более актуальна. Нейросети по типу ChatGPT-4 становятся способны заменить человека при подготовке текстовых материалов, создавать фотоиллюстрации по любой теме, превратить одного человека в другого в видеороликах с помощью технологии дипфейка. Все это требует глубокого осмысления для понимания последствий дальнейшего развития ИИ и его влияния на жизнь людей.

Самый важный кластер данных, способный оказать как серьезное положительное влияние, так и стать крайне опасной информационной угрозой, – данные о людях. Для высокой точности прогнозов и выводов от алгоритмов распознавания образов, требуются огромные объемы данных. Чем более открыта страна в плане сбора персональных данных и чем слабее требования к защите неприкосновенности частной жизни граждан, тем более высока вероятность создания эффективных алгоритмов, способных с предельной точностью угадывать интересы, предпочтения, привычки, желания каждого пользователя цифровых технологий. Активному сбору таких данных помогают звонки, покупки онлайн, посты с фотографиями или видео, отметки геолокаций в социальных сетях, использование «умных» часов, мобильных приложений и пр. Все это используют крупные IT-гиганты, способные благодаря такому неисчерпаемому ресурсу повлиять на мировоззрение, жизненные ценности человека, изменить образ жизни и привычки пользователя и способствовать формированию общественного мнения.

Искусственный интеллект так резко развивается, что становится все менее заметен для человека. Личные данные анализируются, уточняются все менее очевидно для самих пользователей, а человеческая способность понимать, каким способом автономные системы принимают решения, снижается. Таким образом, в 2023 году можно с уверенностью утверждать, что большая часть аудитории не в состоянии понять, каким образом ИИ влияет на нашу жизнь, и этот разрыв продолжает расти.

Положительные и отрицательные стороны использования ИИ стали предметом оживленных дискуссий благодаря осознанию того, что «машины» уже не просто помощники в решении простейших задач, а серьезные инструменты, которые используют во всех сферах жизнедеятельности. На основе ИИ работают:

- личные ассистенты (Siri от Apple, Google Assistant от Google, Алиса от Яндекса или

Маруся от Mail.ru), которые способны обрабатывать голосовые команды, отвечать на вопросы, управлять устройствами «умного дома» и пр.;

- рекомендательные системы (YouTube или Ozon используют алгоритмы ИИ для анализа предпочтений клиентов или пользователей для составления персональных рекомендаций фильмов, музыки, товаров, услуг);
- автономные автомобили (Tesla) с помощью ИИ все лучше способны передвигаться в любых дорожных условиях с соблюдением всех правил ПДД;
- медицинская диагностика (ИИ способен диагностировать заболевание с помощью снимков КТ, МРТ или рентгена);
- системы машинного перевода (Google Переводчик или DeepL с помощью ИИ могут переводить тексты с высокой точностью на множество языков);
- социальные сети (ИИ способен персонализировать рекомендации, фильтровать контент, как предотвращать, так и молниеносно распространять нежелательную информацию);
- системы распознавания речи (текстовая транскрипция аудио- и видеофайлов);
- системы распознавания лиц (ИИ способен сравнивать изображения лиц с огромной базой данных фотографий, например, для идентификации преступников).

Сферы, где ИИ занимает одну из важных позиций, можно перечислять еще долго. Это и сельское хозяйство (мониторинг заболевания растений, улучшение урожайности, контроль за оборудованием), и метеорология (прогноз погоды), и спорт (анализ статистики игр, разработка стратегии, прогноз исхода матча и т.д.), и финансы (прогнозирование рыночных тенденций, анализ финансовых активов компаний и пр.), и юриспруденция (систематизация и анализ определенных судебных дел, ведение стандартной отчетности).

Несмотря на явные преимущества, важно понимать, что ИИ кардинально меняет жизнь людей, делая одни действия проще и доступнее, а другие труднее и непонятнее. Такой скачок в развитии нейросетей не позволяет человечеству осознать и обдумать происходящее, заставляя осваивать и усваивать все буквально на ходу (чего только стоит первая книга, написанная ChatGPT-4, под названием «Автобиография нейросети», которая была целиком написана ИИ с помощью тех данных, которые были в него заложены). Все это делает современного пользователя уязвимым с точки зрения медиабезопасности, ведь человеческое сознание не успевает отгородиться от всех нововведений, которыми активно пользуются манипуляторы.

ИИ способен создавать настолько качественные фейки, что они неотличимы от оригинала. В будущем такие технологии из-за создания ложного видеоролика или фотоизображения могут не только испортить жизнь одному человеку, но привести к массовым беспорядкам, митингам и даже военным столкновениям.

Нашумевшим примером таких возможностей стала фейковая фотография Папы Римского, одетого в модный пуховик и гулящего по улицам Нью-Йорка, которая была сделана с помощью нейросети Midjourney (Гостева А. Вирусное фото папы римского в стильном пуховике оказалось фейком // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/27/the pope1>). Или фотографии с арестом Д. Трампа, которого якобы насильно сажают в полицейскую машину (Макарычев М. В Сети появились фейковые снимки «силового ареста» Трампа полицейскими // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/v-seti-poiavilis->

fejkovye-snimki-silovogo-aresta-trampa-policejskimi.html).

Особенно опасными в этом контексте стали так называемые дипфейки (deepfakes) [\[5, с. 74\]](#). Искусственный интеллект объединяет большое количество фотоизображений и делает из них видеозапись. Программа может с высокой точностью определить, как человек будет реагировать и себя вести в определенной ситуации. Иными словами, суть технологии заключается в том, что часть алгоритма детально изучает изображение объекта и пытается его воссоздать, пока другая часть не перестает различать реальное изображение и созданное нейросетью. Дипфейки практически невозможно распознать, поскольку видео как правило отличается высокой степенью реалистичности [\[4, с. 35\]](#).

Нередкими становятся случаи, когда ИИ используется для модуляции голоса и создания поддельного номера телефона, что позволяет обмануть доверчивых граждан и выманить у них большие суммы денег.

Подобные примеры демонстрируют серьезные угрозы для неподготовленной аудитории со стороны ИИ. Этим «оружием» могут умело пользоваться манипуляторы и мошенники, преследующие свои цели. Особенно остро этот вопрос встал с созданием нейросети ChatGPT-4, тексты, фотографии, видео которой порой невозможно распознать и выявить генерацию. В Российской Федерации к развитию ИИ относятся осторожно, не стремясь внедрить его во всех сферы производства резко и оперативно.

Однако особенно большое развитие эта практика получила в период пандемии Covid-19. В декабре 2020 года президент РФ В.В. Путин во время выступления на международной конференции по будущему искусственного интеллекта отметил необходимость проведения цифровой трансформации по всей России в ближайшее десятилетие. Более того, он подчеркнул, что благодаря использованию алгоритмов в сфере государственных услуг в скором времени станет возможным решать каждую проблему граждан индивидуально (Важные заявления сделал Владимир Путин на международной конференции по искусственному интеллекту // Первый канал. URL: https://1tv-tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2020-12-04/397930-vazhnye_zayavleniya_sdelal_vladimir_putin_na_mezhdunarodnoy_konferentsii_po_iskusstvennomu_intellektu). С 2019 года применение ИИ стало обсуждаться более предметно, чему во многом способствовало появление Указа Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946>).

В медиа применение искусственного интеллекта на современном этапе вызывает у журналистов и других работников индустрии неоднозначную реакцию. Непрозрачность и непредсказуемость многих из этих технологий вызвали широкую озабоченность касательно их применения в самых разных социальных сферах – от системы правосудия до медиакommunikаций [\[13, п. 14-15\]](#). В ответ на это IT-специалисты, специалисты по этике, социологи и политики ищут способы сделать алгоритмические системы доступными, т.е. способными к осмысленному пониманию, в том числе для обеспечения прозрачности и объективности. Это важные ценности для журналистики, которая стремится к точности, беспристрастности и объективности для завоевания доверия аудитории и поддержания легитимности в обществе. Однако вопрос о том, что значит для ИИ и алгоритмов быть понятными в журналистском контексте, еще не до конца решен. Значительный массив исследований свидетельствует о том, что эти технологии меняют медиапрактики и процессы и перестраивают представление о том, что значит

создавать и потреблять новости [\[3; 7; 9; 10; 12; 14\]](#).

На перспективность внедрения ИИ в медиаотрасль указывает ряд российских (В.Н. Богатырева [\[1\]](#), А.О. Третьяков, О.Г. Филатова, Д.В. Жук [\[8\]](#), А.Д. Иванов [\[4\]](#), Д.В. Неренц [\[6\]](#)) и зарубежных исследователей (Р. Замит [\[16\]](#), С. Льюис и М. Логан [\[11\]](#), Дж. Стрей [\[15\]](#)), которые отмечают мгновенный поиск запрашиваемых сведений по всему интернет-пространству, скрупулезную и точную проверку фактической информации, создание «шаблонных» новостных текстов, мониторинг постов в социальных сетях, анализ данных любого объема, идентификация фото- и видеоматериалов. Так можно отметить такие положительные аспекты, как экономия временных затрат, облегчение процесса работы с поиском информации и фактчекингом, сокращение финансовых затрат (в перспективе).

Проведенное сотрудниками факультета журналистики РГГУ исследование в рамках научного проекта «Медиабезопасность в эпоху цифровых трансформаций» основывается на сплошной выборке материалов российских СМИ (как федерального, так и регионального уровня) в период 2021–2023 гг., обозначенных самими авторами как тексты или видеозаписи, созданные с помощью ИИ или машинного обучения. Всего было проанализировано 53 публикации. Кроме того, было проведено 10 глубинных интервью с представителями редакций, использующими в своей работе ИИ (РБК, Интерфакс, «Рифей ТВ», «360»), с целью определить положительные и отрицательные стороны этой деятельности.

Результаты позволяют говорить, что в качестве положительных нюансов журналистами отмечается возможность уйти от рутинных задач, таких как поиск и обработка информации, подборка изображений, составление справочной информации и т.п. В качестве негативных последствий возникают опасения касательно сокращения репортеров и новостных журналистов, большой объем финансирования, который может не окупиться, постоянное наличие специалистов, работу которых тоже необходимо оплачивать, а также оплата обучения самих работников медиапредприятия. Кроме того, нет регулирования деятельности ИИ в медиа ни с законодательной, ни с этической стороны, что также делает подобную деятельность рискованной.

В 2022–2023 гг. сразу несколько региональных телеканалов запустили ведущих, созданных нейросетями. 23 марта 2023 года появилась новость о том, что телеканал «360» запустил прогноз погоды от искусственного интеллекта. Технология GPT-4 генерирует прогноз на день, а бот «Максим» воспроизводит получившиеся данные вслух (Искусственный интеллект вытеснит метеорологов? // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/03/22/iskusstvennyj-intellekt-vytesnit-meteorologov.html>).

Таким образом, сначала свой прогноз озвучивают метеорологи, а затем транслируют версию от нейросети. А на ставропольском телеканале «Свое ТВ» у виртуальной ведущей есть уже сложившийся образ. Ее зовут Снежана Туманова, и она ежедневно рассказывает о прогнозе погоды на телеканале. Над ее обликом работает сразу несколько нейросетей: одна отвечает за внешний вид, вторая – за мимику, третья генерирует текст («Я не болею, не хожу в отпуск»: девушка, созданная нейросетями, стала ведущей на российском ТВ. Как она выглядит? // NGS24.ru. URL: <https://ngs24.ru/text/entertainment/2023/03/23/72158123>). Такую же практику начали и на «ДОН 24», запустив виртуальную ведущую Аксинью для озвучивания прогноза погоды в эфире телеканала.

Буквально на следующий день пермский телеканал «Рифей-ТВ» использовал в качестве ведущего новостной программы «Вечер на Рифее» виртуальный образ. Он озвучил одну

из новостей (Нейросеть стала ведущим новостей на пермском телеканале «Рифей-ТВ» // Рифей. URL: https://rifey.ru/news/list/id_122380). Спустя несколько дней появилась новость о том, что на телеканале «Прима» в Красноярске появилась виртуальная ведущая по имени Дарья, которая поделилась в эфире новостями, а также задала несколько вопросов зрителям. Текст для нее также был сгенерирован нейросетью (Девушка, созданная нейросетями, стала ведущей на красноярском ТВ // NGS24.ru. URL: <https://ngs24.ru/text/job/2023/03/25/72164072>).

При этом, помимо ведения телепроектов, на российском телевидении ИИ применяют для создания заставок («Хабаровск»), оформления постеров на основе синопсисов проектов («Ю»), монтажа новостных дайджестов («Ямал-Медиа»).

Однако ИИ применяют не только на телевидении, но и в интернет-изданиях, а также в прессе. Примечателен пример РБК, выпустившего номер газеты (№ 61 от 28.04.2023 г.) совместно с GigaChat, нейросетью, созданной Сбербанком (РБК Газета. Выпуск № 61 (3731) от 28.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/04/28>). Все материалы так или иначе относятся к применению новых технологий в различных областях и сферах деятельности, помимо «традиционного», написанного журналистом текста, отдельной вставкой на светло-зеленом фоне опубликованы материалы от GigaChat. В основном это саммари (резюме) к написанным статьям или справочная информация, а также сгенерированные иллюстрации.

А «Русская медиагруппа» запустила радиостанцию под названием Neuro Flow, созданную нейросетью Mubert. Нейросеть написала уже около 200 треков в формате танцевального хауса (Игнатьев Д. «Русская медиагруппа» запустила в интернете созданную ИИ радиостанцию // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2023/03/28/968350-russkaya-mediagruppa-zapustila-v-internete-sozdannuyu-ii-radiostantsiyu>).

Однако эксперименты с внедрением ИИ в медиасреду начались еще несколько лет назад. Так, еще в 2017 году медиахолдинг Hearst Shkulev Media стал использовать алгоритм Дженни для создания журналистских текстов (Холина А. Секс-машина: с кем лучше в постели — с роботом или человеком? // Elle. URL: <https://www.elle.ru/otnosheniya/lubov-i-seks/seks-mashina-s-kem-luchshe-v-posteli-s-robotom-ili-chelovekom>). Несмотря на то, что первые эксперименты были не очень успешны, примерно через год в журнале Elle (прекратил издаваться на территории РФ) уверенно начали публиковать материалы, написанные «роботом». А в 2018 году отечественный телеканал ТНТ4, ориентированный на развлекательный контент, начал использовать нейросеть с целью исследования зрительских интересов и предпочтений в рамках телепросмотра.

Более того, на сегодняшний день ИИ стал действительно важным инструментом для дата-журналистов, работающих с Big data. Обработка больших наборов данных, систематизация, агрегация, обобщение, сведение данных в одну таблицу по заданным параметрам – лишь немногие задачи, которые способны выполнять компьютерные алгоритмы.

Анализ медиатекстов, созданных с помощью ИИ, демонстрирует, что современный этап характеризуется рядом возможностей его применения:

- создание автоматизированных (однотипных) текстов новостного и рекламного характера и справочных материалов без ошибок и опечаток;

- мониторинг новостей (или отслеживание данных по конкретной теме);
- сбор и агрегирование данных (в том числе Big data);
- анализ постов или фотоизображений (видеороликов), твитов, комментариев в социальных сетях;
- коммуникация с аудиторией через чат-боты;
- создание алгоритмов и специальных кодов в рамках анализа информации (в особенности финансового характера);
- фактчекинг (проверка статистических показателей, дат, имен и пр.).

Указанные выше преимущества являются прямым свидетельством того, что грамотное использование IT-технологий способно не только облегчить, но и повысить эффективность рабочего процесса в любой медиасфере.

Результатом проведенных интервью стали выводы касательно нюансов применения ИИ в редакциях. В настоящее время существует множество возможностей применения искусственного интеллекта в медиасекторе. Некоторые системы ИИ огромны и способны осуществлять большое количество вычислений, другие – узки и предназначены для решения всего одной задачи.

8 из 10 опрошенных журналистов указали, что в их редакциях используются небольшие по своей мощности нейросети, способные выполнять ряд рутинных, не требующих значительных энергозатрат и данных операций.

При этом в качестве серьезных рисков для аудитории с позиции использования ИИ в медиа является создание фейкового контента, преднамеренно или по неосторожности. Социальные сети и блогерский контент является источником информации не только для молодежной аудитории, но и для многих журналистов, которые в погоне за трафиком и популярностью стремятся не столько проверить новость, сколько стать первым и опубликовать «эксклюзив» (9 из 10 интервьюируемых назвали это одной из главных проблем). Благодаря ИИ фейки (а еще чаще дипфейки) становятся неотличимы от настоящего контента, чем и пользуются недоброжелатели, обманывая даже опытных репортеров.

Другой вариант – когда сама нейросеть ошибается, неверно прочитав обозначения (например, вместо 1–7% указывая 17% или вместо 1925 г. говоря о 2025 г.). Такие фактические ошибки в рамках новостей о котировках акций или финансовых сделках могут привести к глобальным последствиям. В текстах, созданных нейросетью, может отсутствовать контекст происходящего, что также приведет читателя к неверному выводу. Об этом заявили 7 из 10 опрошенных журналистов.

Еще одним важным с этической точки зрения аспектом является отсутствие указания, когда материал опубликован ИИ, а когда – реальным журналистом. Например, новостная лента во многих интернет-изданиях построена по принципу отсутствия авторства, что не позволяет читателю увидеть, кто и каким способом написал этот текст. Например, спортивное издание Sports.ru применяет ИИ при ведении спортивной хроники и генерации различных заголовков, которые иногда имеют ошибки и неточности. И тут уже встает следующий вопрос: кто несет ответственность за неточности, фактические ошибки, неверную интерпретацию данных или комментариев? Согласна ли аудитория читать тексты, сгенерированные нейросетями или смотреть новости с виртуальными

ведущими?

Недоверие аудитории к нейросетям и компьютерным алгоритмам может стать существенной преградой на пути к развитию ИИ в медиасфере в целом. Согласно исследованию ВЦИОМ, в 2022 году более трети опрошенных (32%) россиян не доверяют технологиям ИИ. Самыми сильными страхами названы утечка собираемых им данных, использование в корыстных целях и риск принятия решений, за которые никто не несет ответственности (Россияне назвали свои главные страхи перед искусственным интеллектом // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/12/2022/63ab45de9a7947664c3ef893>). Помимо названного, респонденты считают, что ИИ приведет к деградации населения (что, в целом, может быть близко к истине, учитывая последние тенденции в сфере образования, когда студенты считают приемлемым сдавать сгенерированный нейросетями текст в качестве реферата, курсового проекта и даже ВКР), а также слишком велики риски систематических сбоев и ошибок в работе.

Важным является и недостаток квалифицированных кадров для настройки и управления таким программным обеспечением (эту проблему назвали 6 из 10 интервьюируемых). Это не позволяет редакции углубляться и изучать все возможности нейросети, а, что называется, идти «по верхам», используя только доступные и понятные всем функции. Подобный подход приводит к низкому качеству создаваемого контента и негативному отношению аудитории к подобным опытам. А редакция в результате теряет большие деньги и не может продолжать свои эксперименты.

Значительной сложностью является отсутствие полной картины мира (алгоритмы создают «информационный пузырь»), когда именно ИИ решает за пользователя, что главное, а что второстепенно и может быть проигнорировано, тем самым, не позволяя человеку увидеть все происходящее вокруг, а сосредоточиться только на маленькой части. В результате, это приводит к ограниченности восприятия, а журналистские тексты с таким подходом не могут претендовать на качественный, полноценный медиапродукт.

Перевешивают ли плюсы использования ИИ минусы пока определенно сказать невозможно. Но в противовес негативным последствиям можно отметить и позитивные мероприятия. Например, в Роскомнадзоре обсуждается перспектива использования искусственного интеллекта для борьбы с дезинформацией в интернете. ИИ сможет выявлять дипфейки, определять контекст происходящего на видео и проверять факты. Его внедрение может произойти в срок от 3 до 5 лет (Гуреева Ю. Роскомнадзор использует искусственный интеллект в борьбе с интернет-фейками // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/04/24/roskomnadzor-ispolzuet-iskusstvennyj-intellekt-v-borbe-s-internet-fejkami.html>).

Можно отметить, что проведенное исследование позволяет говорить о значительной временной и финансовой экономии при использовании в медиа технологий искусственного интеллекта. Именно этот фактор назвали все 10 интервьюируемых сотрудников медиасферы. Кроме того, все также отметили упрощение работы журналистов за счет выполнения «машиной» рутинных задач, что в свою очередь повышает производительность.

ИИ способен распознавать закономерности и быстро принимать решения, находить закономерности в больших наборах данных и делать точные предсказания. Искусственный интеллект эволюционировал от простой программы по помощи в поиске информации к сложной системе, способной создавать аналитические тексты с

последующей минимальной редактурой со стороны человека.

Отрицательные последствия заключаются прежде всего в том, что ИИ может представлять неточную или неполную информацию (для полных данных необходимо постоянно пополнять базу данных), неправильно интерпретировать контекст, усиливать существующие стереотипы и предубеждения. Кроме того, краткосрочная память ограничивает нейросети в способности обрабатывать большие по объему тексты, а также не позволяет понимать эмоции и чувства, чтобы выразить их в материале в дальнейшем.

Корпус проанализированных публикаций демонстрирует четкую разницу между виртуальными и реальными авторами, которая заключается в богатстве используемых выражений, эмоциональной окраске представляемых данных, правильной интерпретации происходящих событий. ИИ способен представить фактическую информацию, краткую справку, озвучить подготовленный текст, не более того. При этом непрерывное совершенствование нейросетей позволяет предположить в ближайшем будущем возможности создания аналитических материалов, созданных с помощью ИИ, который станет способен выявлять причинно-следственные связи, делать выводы, создавать точные прогнозы на основе загруженной в него системы данных (такое будущее видят 7 из 10 опрошенных представителей СМИ).

При этом есть опасения, что аудитория пока не готова увидеть виртуальных ведущих и роботов вместо реальных журналистов. Социологические исследования последних двух лет показывают, что россияне скорее негативно воспринимают ИИ в качестве создателя медиаконтента, относясь к машинным текстам скептически и крайне настороженно. Открытыми остаются и вопросы юридической ответственности за недостоверные данные и этическое регулирование работы нейросетей в качестве авторов или телеведущих. Все эти важные факторы свидетельствуют о научном потенциале данной темы и перспективах дальнейшего обсуждения.

Библиография

1. Богатырева В.Н. Искусственный интеллект в журналистике как современный медиатренд // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. Август. С. 26–29.
2. Галяшина Е.И. и др. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие. М.: Блок-Принт, 2023.
3. Замков А.В. Новостной медиаробот: теоретические аспекты интеллектуальной системы генерации контента // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 2. С. 260–273.
4. Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак. Проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). С. 32–40.
5. Колесникова Е.В. Технология deepfake в журналистике // Мир современных медиа: новые возможности и перспективы: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.В. Неренц. М.: Знание-М, 2022. С. 74–77.
6. Неренц Д.В. Способы применения искусственного интеллекта в журналистской деятельности // «MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность»: материалы V Международной научной конференции (Челябинск, 24–25 ноября 2020 года): Часть 1 / под ред. А. А. Морозовой. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2020. С. 334–341.
7. Социальные факторы риска возникновения интернет-зависимости: монография / Т.Н. Светличная, Е.А. Смирнова, А.П. Суходолов [и др.]; под ред. Г.А. Ковалевой, А.А. Меховой. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2018.

8. Третьяков А.О., Филатова О.Г., Жук Д.В. и др. Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т.6, № 12. С. 54–60.
9. Beckett Ch. New Powers, New Responsibilities – a Global Survey of Journalism and Artificial Intelligence, A global survey of journalism and artificial intelligence // LSE Polis Report, 2019.
10. Diakopoulos N. Automating the News: How Algorithms Are Rewriting the Media. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
11. Lewis S., Logan M. A Decade of Research on Social Media and Journalism: Assumptions, Blind Spots, and a Way Forward // Media and Communication. 2018. No 6 (4). P. 11–23.
12. Marconi F. Newsmakers: Artificial Intelligence and the Future of Journalism. New York: Columbia University Press, 2020.
13. Pasquale F. The Black Box Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.
14. Porlezza C., Ferri G. The Missing Piece: Ethics and the Ontological Boundaries of Automated Journalism // #ISOJ Journal. 2022. No 12(1). P. 71–98.
15. Stray J. Making Artificial Intelligence Work for Investigative Journalism // Digital Journalism. 2019. No 7 (8). P. 1076–1097.
16. Zamith R. Algorithms and Journalism / In Oxford Encyclopedia of Journalism Studies; ed. by Henrik Ornebring. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду того, что в 2023 году тема применения искусственного интеллекта и его последствия становится все более востребованной, ввиду того, что технологии нейросети все больше входят в нашу жизнь и способны заменить человека при подготовке текста, иллюстраций и т.п.

С учетом развития искусственного интеллекта необходимо осмысление тех возможностей, которые мы получаем и последствий неразумного применения системы. Автор в статье анализирует возможности искусственного интеллекта и риски и последствия его использования. Особо ценным является проецирование проблематики на профессиональную сферу – журналистику.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа.

Вопросы возникают по практическому корпусу исследования, на каком материале проводил исследование автор?

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор

разработанности проблематики в науке. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. К сожалению, в работе отсутствуют убедительные данные, полученные в ходе исследования, описание методики работы с корпусом, удобные для восприятия информации читателем таблицы и диаграммы, содержащие результаты работы.

Библиография статьи насчитывает 6 источников, среди которых теоретические работы представлены исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Кроме того, в тексте статьи даны библиографические данные источников, а они должны быть оформлены ссылками на библиографию.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения корректив, а именно: 1) оформления корректной библиографии, 2) усиления теоретической составляющей исследования и выводов, 3) приведение доказательной базы, например, убедительных статистических данных доказывающих выводы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации текст затрагивает остроактуальную проблему современной науки, причем синкретический характер статьи, что и хорошо, просматривается и в названии, и содержательном блоке, и ряде точечных позиций, выраженных автором. Стоит признать, что искусственный интеллект на данный момент задача не вполне решаемая. Перспектива создания т.н. искусственного разума по оценки специалистов долгосрочна; элементарно, не изучен полновесно и целостно тот или иной естественный язык, который является базисом-алгоритмом для претворения в жизнь ИИ. Однако оценка опасности / безопасности, роли / значимости, анализ результатов деятельности ИИ в научном пространстве манифестируется часто. Данное исследование ориентировано на анализ специфика применения искусственного интеллекта в медиапространстве. Сфера, которая взята в качестве базовой, на мой взгляд, претерпевает сейчас особое влияние продуктов ИИ, насколько удачно – это уже момент дискуссионный. Следовательно, предметно работа оправдана, ее направленность конструктивна, выводы, в большей части, объективны. Стиль сочинения ориентирован на научный тип речи, логика наррации поддерживается на протяжении всего труда.

Например, «в 2023 году тема применения искусственного интеллекта и его последствия все более актуальна. Нейросети по типу ChatGPT-4 становятся способны заменить человека при подготовке текстовых материалов, создавать фотоиллюстрации по любой теме, превратить одного человека в другого в видеороликах с помощью технологии дипфейка. Все это требует глубокого осмысления для понимания последствий дальнейшего развития ИИ и его влияния на жизнь людей», или «искусственный интеллект так резко развивается, что становится все менее заметен для человека. Личные данные анализируются, уточняются все менее очевидно для самих пользователей, а человеческая способность понимать, каким способом автономные системы принимают решения, снижается. Таким образом, в 2023 году можно с уверенностью утверждать, что большая часть аудитории не в состоянии понять, каким образом ИИ влияет на нашу жизнь, и этот разрыв продолжает расти. Положительные и отрицательные стороны использования ИИ стали предметом оживленных дискуссий благодаря осознанию того, что «машины» уже не просто помощники в решении простейших задач, а серьезные инструменты, которые используют во всех сферах жизнедеятельности...» и т.д. Импонирует в работе удачная врезка т.н. дискуссионных фрагментов, автор т.о. старается сформировать эффект диалога как с потенциально заинтересованным читателем, так и научным пространством. Видим это, допустим, в следующей части статьи: «в ответ на это IT-специалисты, специалисты по этике, социологи и политики ищут способы сделать алгоритмические системы доступными, т.е. способными к осмысленному пониманию, в том числе для обеспечения прозрачности и объективности. Это важные ценности для журналистики, которая стремится к точности, беспристрастности и объективности для завоевания доверия аудитории и поддержания легитимности в обществе. Однако вопрос о том, что значит для ИИ и алгоритмов быть понятными в журналистском контексте, еще не до конца решен. Значительный массив исследований свидетельствует о том, что эти технологии меняют медиапрактики и процессы и перестраивают представление о том, что значит создавать и потреблять новости...». Объективность данных не вызывает серьезных нареканий, должная отсылка верифицирована: «на основе ИИ работают: - личные ассистенты (Siri от Apple, Google Assistant от Google, Алиса от Яндекса или Маруся от Mail.ru), которые способны обрабатывать голосовые команды, отвечать на вопросы, управлять устройствами «умного дома» и пр.; - рекомендательные системы (YouTube или Ozon используют алгоритмы ИИ для анализа предпочтений клиентов или пользователей для составления персональных рекомендаций фильмов, музыки, товаров, услуг); - автономные автомобили (Tesla) с помощью ИИ все лучше способны передвигаться в любых дорожных условиях с соблюдением всех правил ПДД; - медицинская диагностика (ИИ способен диагностировать заболевание с помощью снимков КТ, МРТ или рентгена); - системы машинного перевода (Google Переводчик или DeepL с помощью ИИ могут переводить тексты с высокой точностью на множество языков); - социальные сети (ИИ способен персонализировать рекомендации, фильтровать контент, как предотвращать, так и молниеносно распространять нежелательную информацию); - системы распознавания речи (текстовая транскрипция аудио- и видеофайлов); - системы распознавания лиц (ИИ способен сравнивать изображения лиц с огромной базой данных фотографий, например, для идентификации преступников)». Материал имеет как чисто практический характер, так и может стать импульсом для дальнейших теоретических разработок. Иллюстративный фон достаточен, формальные требования учтены: «нашумевшим примером таких возможностей стала фейковая фотография Папы Римского, одетого в модный пуховик и гуляющего по улицам Нью-Йорка, которая была сделана с помощью нейросети Midjourney (Гостева А. Вирусное фото папы римского в стильном пуховике оказалось фейком // Lenta.ru. URL:

<https://lenta.ru/news/2023/03/27/thepope1>). Или фотографии с арестом Д. Трампа, которого якобы насильно сажают в полицейскую машину (Макарычев М. В Сети появились фейковые снимки «силового ареста» Трампа полицейскими // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/v-seti-poiavilis-fejkovye-snimki-silovogo-aresta-trampa-policejskimi.html>)», или «Однако особенно большое развитие эта практика получила в период пандемии Covid-19. В декабре 2020 года президент РФ В.В. Путин во время выступления на международной конференции по будущему искусственного интеллекта отметил необходимость проведения цифровой трансформации по всей России в ближайшее десятилетие. Более того, он подчеркнул, что благодаря использованию алгоритмов в сфере государственных услуг в скором времени станет возможным решать каждую проблему граждан индивидуально (Важные заявления сделал Владимир Путин на международной конференции по искусственному интеллекту // Первый канал. URL: https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2020-12-04/397930-vazhnye_zayavleniya_sdelal_vladimir_putin_na_mezhdunarodnoy_konferentsii_po_iskusstvennomu_intellektu). С 2019 года применение ИИ стало обсуждаться более предметно, чему во многом способствовало появление Указа Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946>)». Работа интересна, структурно верна, думается, что материал можно использовать как в формате освоения технических дисциплин, так и гуманитарных. Автор аргументировано позиционирует собственный взгляд на проблему, аналитика и оценка находятся на должном уровне. Например, «анализ медиатекстов, созданных с помощью ИИ, демонстрирует, что современный этап характеризуется рядом возможностей его применения: - создание автоматизированных (однотипных) текстов новостного и рекламного характера и справочных материалов без ошибок и опечаток; - мониторинг новостей (или отслеживание данных по конкретной теме); - сбор и агрегирование данных (в том числе Big data)...», «указанные выше преимущества являются прямым свидетельством того, что грамотное использование IT-технологий способно не только облегчить, но и повысить эффективность рабочего процесса в любой медиасфере» и т.д. Статья полновесна, целостна, общие принципы и требования издания учтены, расширять текст не имеет смысла. Считаю, что цель работы достигнута, задачи по ходу работы решены. Итогом автор тезизирует, что «есть опасения, что аудитория пока не готова увидеть виртуальных ведущих и роботов вместо реальных журналистов. Социологические исследования последних двух лет показывают, что россияне скорее негативно воспринимают ИИ в качестве создателя медиаконтента, относясь к машинным текстам скептически и крайне настороженно. Открытыми остаются и вопросы юридической ответственности за недостоверные данные и этическое регулирование работы нейросетей в качестве авторов или телеведущих. Все эти важные факторы свидетельствуют о научном потенциале данной темы и перспективах дальнейшего обсуждения». Таким образом, вектор исследования и оценки результатов активных действий ИИ задан, видимо, стоит ждать хороших наработок, крупных, конструктивных решений этой непростой задачи. Статья «Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Булгарова Б.А., Чинённая Т.Ю., Зюкина З.С., Козловская Е.С. Междисциплинарные цифровые способы исследования политического медиадискурса // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71346 EDN: WWGCDU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71346

Междисциплинарные цифровые способы исследования политического медиадискурса

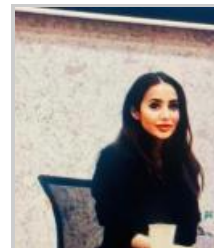
Булгарова Белла Ахмедовна

ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru**Чинённая Тамара Юрьевна**

ORCID: 0000-0002-2621-6606

кандидат филологических наук

доцент, кафедра национальных и федеративных отношений; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр.1.

✉ t.chinnennaya@mail.ru**Зюкина Зульфира Салиховна**

ORCID: 0000-0002-1583-9576

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра Русского языка и лингвокультурологии; РУДН им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ zyukina_zs@pfur.ru**Козловская Екатерина Станиславовна**

ORCID: 0000-0002-6308-725X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Русского языка №5; РУДН им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kozlovskaya_es@pfur.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71346

EDN:

WWGCDU

WWGCDU

Дата направления статьи в редакцию:

26-07-2024

Аннотация: Цифровые способы исследования политического дискурса позволяют расширить спектр данных о статистике и репликации упоминания той или иной проблематики в медиапространстве, популярности лексических единиц либо иного контента, распространенных как посредством средств массовой информации, так и в рядах читательской аудитории с помощью комментариев и постов на страницах личных аккаунтов, как итог, определить специфику репрезентации определенных политических процессов в масс-медиа. Объектом настоящего исследования выступают различные методы и инструменты цифрового изучения политического медиадискурса, а также соответствующее программное обеспечение. Предметом являются результаты контент-анализа политической коммуникации, полученные зарубежными (Я.-М. Эберл, П. Толочко, П. Йост, Т. Хайденрайх, Х.Г. Бумгаарден) и российскими (Е.И. Бегловой и О.Ю. Шмелевой) специалистами. Цель работы – компаративным путем изучения ручного и автоматизированного методов контент-анализа выявить наиболее эффективный способ работы с медиаматериалом. Основным методом исследования в статье послужил комплексный сравнительный анализ проведенных исследований: от ручного контент-анализа до цифрового с применением математических алгоритмов и метода "цифрового следа", теоретический анализ научной литературы по обозначенной проблематике, описательный и сопоставительный методы, интерпретация полученных результатов. Научная новизна статьи состоит в обращении к сравнению разного рода цифровых способов контент-анализа. Выявление их сильных и слабых сторон и перспективы применения цифровых способов контент-анализа в медиаиндустрии в российской науке имеют малоизученный характер и нуждаются в разработке. Новые цифровые методы контент-анализа являются более объективными, оперативными, структурированными, разнообразными и верифицируемыми в отличие от ручных; стремительное развитие технологий искусственного интеллекта вносит свои коррективы в методику анализа политического медиадискурса; междисциплинарные цифровые способы и инструменты исследования политической коммуникации расширяют спектр возможностей корпусного, критического и контент-анализа взаимокорреляции дискурса и власти, тенденций и перспектив политических процессов и действий верховного руководства.

Ключевые слова:

цифровые способы, политический медиадискурс, контент-анализ, социальные сети, коммуникация, метод, применение, стратегии, результаты, исследование

Введение. В политике язык может использоваться не только в качестве инструмента, но и в роли объекта исследования. Политический медиадискурс – это междисциплинарный предмет, находящийся на стыке лингвистических наук, средств массовой информации (далее – СМИ), политики и современных цифровых технологий [\[2\]](#).

Цифровые методы и инструменты исследования политического дискурса помогают ученым выявлять и анализировать особенности семантической организации политического текста (включая цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции) между разными его видами, способы репрезентации и конституирования тех или иных политических процессов или их интерпретации и т.д.

Обзор литературы. Согласно результатам исследований С. Блассник (Blassnig 2022), количественный контент-анализ (ручной, автоматизированный или полуавтоматизированный) продолжает оставаться доминирующим методом исследования политического медиадискурса [\[10\]](#). При этом качественный и критический контент-анализы также актуальны на сегодняшний день, что подтверждается работой Р. Водака, М. Хосравиник (Wodak, KhosraviNik 2013) [\[19\]](#). Более того, Т.Н. Лобанова (2020) подчеркивает, что практически все исследуемые ей «медиаплатформы и интернет-порталы позволяют в автоматическом режиме производить контент-анализ по ключевым словам» [\[5, с. 30\]](#). М.М. Аббаси (2022) описывает системы, разработанные для анализа текста и эмоций [\[1, с. 4\]](#), которые способствуют раскрытию авторских интенций при анализе дискурса в автоматическом режиме [\[1\]](#). В коллективной монографии, написанной под научной редакцией И. П. Кужелевой-Саган (2017) делается акцент на релевантности анализа повседневных дискурсивных практик сетевых платформ, подчеркивается, что такой способ «помогает проследить, каким образом новый когнитивный стиль жизненного мира социальных медиа трансформирует этническую виртуальную коммуникацию» [\[8, с. 21\]](#), что доказывает актуальность междисциплинарных цифровых способов исследования медиадискурса.

Методы. В статье использовались следующие методы: теоретический анализ научной литературы по обозначенной проблематике, описательный и сопоставительный методы, контент-анализ, интерпретация полученных результатов. Основным методом исследования в статье послужил комплексный компаративный анализ.

Ход исследования. Цифровые способы анализа медиадискурса расширяют границы изучения корпусной лингвистики и других смежных с ней дисциплин. Если ранее эмпирические исследования чаще освещали законы построения и распространения одного канала коммуникации или платформы, например, политической речи, пресс-релизов, партийных манифестов, ток-шоу, рекламы, веб-сайтов или социальных сетей, то рост инструментов программного обеспечения и искусственного интеллекта позволяет в короткие сроки выполнять анализ дискурса сразу больших объемов текстов из разного контента.

Междисциплинарный аспект исследования политического медиадискурса заключается в попытке ученых изучать данную проблематику в контексте и взаимосвязи таких наук, как:

1 . Лингвистика – статистические данные о количестве дефиниций, связанных с политикой, помогают данной науке определять степень родства языков, присутствие устаревших слов и выражений или неологизмов в политическом тексте, а также дифференцировать соответствующую терминологию, что позволяет создавать корпуса текстов с целью дополнения и совершенствования словарей, глоссариев, тезаурусов, ГОСТов и т.д., для чего используются такие программы, как Sketch Engine, TermoStat [\[6, с. 73\]](#) и др.

2 . Психолингвистика – цифровые программы, сконцентрированные на изучении

языкового поведения и исследовании принципов интерпретации и верификативности концептуальных компонентов политического дискурса, способствуют раскрытию «языковой личности» политиков и массовых настроений. Например, результаты психолингвистического контент-анализа медиадискурса помогают формировать общественное сознание посредством релевантного выбора адресантом речевых способов «построения текста в соответствии с ожиданиями целевых аудиторий (адресатов)» [7, с. 2] и, как следствие, бороться за власть. В том числе, количественный и качественный анализы частотности репликации ключевых слов способствуют раскрытию имплицитного характера анализируемого дискурса через «выявление закономерностей в его структуре и... оценку частотного распределения языковых единиц» [4, с. 223].

3 . Социолингвистика – исследование политического медиадискурса позволяет определять, как меняется язык между социальными группами, в зависимости от возраста, при миграции населения и между сообществами [12] под воздействием определенной политической обстановки в стране и мире, а также проводить конверсационный анализ социального и политического взаимодействий сквозь призму вербального поведения политических лидеров [4, с. 226]. Исследования политического дискурса можно выполнять с помощью такого ПО, как: Nvivo Leading Qualitative Data Analysis Software (QDAS); ATLAS.ti^[4] – The №1 Software for Qualitative Data Analysis; Quirkos – Qualitative Data Analysis Software made simple и т.д.

4. Философия и история – центральными темами для исследователей являются развитие и изменения языка политиков [12], свидетельствующие о политических реалиях определенного времени (символизации и ценностных парадигмах), позиционировании и самопрезентации политических лидеров и их установок, становлении определенного мировидения и миропонимания верховного руководства, которые отражаются в трудах философов, историков и историографов и цитируются современными политиками в масс-медиа. Исследования вышеобозначенных проблематик проводится посредством такого ПО, как Nvivo Leading Qualitative Data Analysis Software (QDAS); ATLAS.ti^[4], аналитики T-LAB и т.д.

5 . Педагогика – изучение политического медиадискурса помогает психологам, педагогам, лингвистам и издателям, изучающим процесс чтения и формирования познавательной активности будущих политологов, дифференцировать и анализировать язык и его явления, на котором читают и пишут обучающиеся, а также определять, какие словари актуальны для них [12] (толковые, информационно-поисковые, словари цитат политиков, двуязычные словари политической терминологии и т.д.). Такое ПО, как, например, Sketch Engine, помогает изучать и материалы на политические темы, созданные для студентов и школьников, и сочинения, написанные самими слушателями учебного курса, представленные в медиапространстве. Анализ дискурса в академических кругах и в учебных целях политологов проводится с целью определения установок, соотношений сил и перспектив участников политических дебатов; причин роста или снижения числа мигрантов или миграции беженцев; как данные коллизии представлены на новостных сайтах; как распространяется такой контент через блоги и т.д. [12].

6. Цифровая лингвистика – изучение интернет-корпуса языков пользователей позволяет определять общественные настроения, преобладающие в социальных сетях, мессенджерах и на других виртуальных платформах, а также определять преобладающий

контент СМИ на политические темы. Например, с помощью программного обеспечения (далее – ПО) Provalis Research Text Analytics Software, основными инструментами которого являются QDA Miner, WordStat, можно выполнять анализ числовых и текстовых данных, управление текстовым контентом, анализ кодирования, опросов, имиджа, настроений и мнений аудитории, а также анализ медиафрейминга [\[13\]](#).

Таблица 1 – Методы и инструменты исследования политического медиадискурса [\[1\]](#)

Наименование цифрового инструмента	Метод и методология исследования	Сфера использования и цели исследования
Sketch Engine [16] (ПО, выполненное по образцу поисковой системы Google) – предлагает множество готовых к использованию корпусов и инструментов для создания, загрузки и установки пользователями своих собственных корпусов [12] ; для работы с данными используются специально созданные словари.	В отличие от статистического анализа, в методе используются «модели вероятностей и визуального отображения данных для охвата различных социальных моделей поведения пользователей» [9, с. 140] . В основу цифрового инструмента входят количественная и комбинированная вычислительные методологии анализа большого массива онлайн и офлайн-источников.	Sketch Engine является ведущим корпусным инструментом, широко используемым в лексикографии, его принципы работы ориентированы на: формирование корпусной лингвистики, анализ аутентичных текстов, получение данных о сочетаемости слов, создание перечня семантически связанных лексем, извлечение ключевых дефиниций («слов с очень высокой частотностью репликации в одном или нескольких текстах» [9, с. 139]) и терминов [16; 6, с. 73] .
ПО TermoStat [17] помогает выполнять «анализ политического мышления и выстраивания логической методологии понимания основных социальных действий, моделирования политического процесса, поиск соответствий между языковой структурой дискурса и когнитивной	Используется методология, путем которой можно проводить количественный анализ терминов и ключевых слов, свидетельствующих о политической ситуации в стране или мире, освещаемой и обсуждаемой в медиапространстве; исследование выполняется на основе текстов политического дискурса. Гибридным	TermoStat – онлайн-экстрактор для работы с корпусами текстов. Цель использования данного цифрового инструмента – принятие политических решений на основе статистических данных о дискурсе, освещающего политическую ситуацию, полученных преимущественно с помощью анализа

структурой мышления автора дискурса» [9, с. 140]).	методом (статистическим и лингвистическим) можно «получать статистическую информацию об извлеченных терминах, список биграмм, список семантически связанных слов» [6, с. 76] .	медиа-текстов.
Компьютерный дискурс-анализ с использованием искусственного интеллекта (ИИ) (Computer-mediated Discourse Analysis, CMDA)		
ПО для текстовой аналитики: Nvivo Leading Qualitative Data Analysis Software (QDAS); ATLAS.ti [4] – The №1 Software for Qualitative Data Analysis; Quirkos – Qualitative Data Analysis Software made simple; HyperRESEARCH [4, с. 228] и другие кроссплатформенные программные продукты для исследователей, занимающихся качественным анализом.	Используются количественный, качественный и смешанный методы контент-анализа данных медиадискурса, визуализация полученных результатов в виде различных диаграмм, интеллектуальных карт, дендрограмм (кластерных деревьев). В том числе, с помощью ПО можно генерировать комментарии и аннотации, создавать ссылки на цитаты и т.д. [4, с. 228]	Сфера применения в политическом дискурсе: изучение национальных концептов, общественных мнений, идеологии, массовых движений, коннотативно-оценочных компонентов текстов исследуемой тематики. Интеллектуальные карты ориентированы на определение имплицитных интенций политических деятелей, отражаемые в дискурсе адресанта, интерпретацию и понимание им политической реальности; возможность прогнозирования потенциальных действий и поведений политика (преимущественно в экстраординарных ситуациях) [9, с. 141] .
Критический анализ дискурса посредством аналитики T-LAB выполняется с помощью таких инструментов, как ИИ, социальные сети и анализ социальных медиа, которые можно использовать в	ПО представляет из себя универсальный набор лингвистических, статистических и графических инструментов. T-LAB позволяет выполнять интеллектуальный анализ дискурса, выявлять значимые	Этапы предварительной обработки T-LAB включают в себя следующие действия: сегментацию текста, автоматическую лемматизацию (объединение слов с одним и тем же корнем или леммой) или

синтезе или по-отдельности – в зависимости от наборов данных и аналитических потребностей [15; 18]. В том числе, медиадискурс анализируется с помощью идеограмм.	корреляции слов и тем в больших объемах текстовых данных. ПО способно сканировать различные массивы информации, определять в них частотность использования дефиниций и их тематические тенденции, а также проводить сравнительный анализ текстовых документов. Метод позволяет определять «взаимосвязи между языком, властью и идеологией, глубже изучать внутреннюю связь между дискурсом и властью» [9, с. 141].	обобщение, определение нескольких дефиниций и стоп-слов, выбор ключевого термина. Можно анализировать многие типы текстов: стенограммы выступлений политиков, газетные статьи на соответствующую проблематику, ответы на открытые опросы, сообщения в социальных сетях и мессенджерах, стенограммы интервью и фокус-групп, законодательные тексты, патенты, документы компаний, книги и т.д. [18].
Provalis Research Text Analytics Software – ПО для текстовой аналитики, представляющий собой набор инструментов, которые позволяют пользователям исследовать, анализировать и соотносить как структурированные, так и неструктурированные данные, выполнять обработку текста и одновременный поиск и анализ репликации ключевых слов [9].	В портфолио решений ПО входят количественные, качественные и смешанные методы, ориентированные на корпусной анализ. Основными инструментами текстовой аналитики ПО являются QDA Miner, WordStat и SimStat. QDA Miner – пакет ПО для качественного анализа данных, выполняемого с помощью компьютера (CAQDAS) с целью ручного кодирования, аннотирования, извлечения и анализа небольших или объемных текстовых файлов и изображений. WordStat – модуль анализа текстов для QDA Miner, сочетающий в себе контент-анализ и методы интеллектуального анализа текста. SimStat	ПО Provalis Research Text Analytics Software создано для анализа текстов. Помогает получать более детальное представление о взаимокорреляции медиадискурса политических лидеров и их политической практикой [9, с. 141].

	– ПО для статистического анализа [13]. Анализ текстовых файлов и изображений является мультимодальным методом, позволяющим определять «интеграцию различных символических ресурсов и модальных каналов восприятия информации с особой ролью визуализации» [9, с. 142].	

Такие методы как количественный, качественный и смешанный контент-анализ, исходя из таблицы 1, предельно популярны в цифровом пространстве – для проведения анализа медиадискурса разработчики включают в программное обеспечение алгоритмы, работающие наподобие информационно-поисковых систем Google.

Контент-анализ часто проводится в конгломерации с экспертными опросами или интервью с политическими деятелями, что позволяет изучать мотивы или стратегии их самопрезентационной коммуникации. Кроме того, этот вид исследования сочетается с данными панельных или кросс-секционных опросов, тем самым, помогая анализировать влияние коммуникации, например, на формирование общественных мнений или установок.

В последнее время ученые применяют контент-анализ к данным «цифровых следов», например, с целью изучения влияния специфического содержания коммуникации или элементов стиля постов в социальных сетях на реакцию пользователей в виде сигналов популярности.

Импонирование исследователей такому методу изучения политического медиадискурса как контент-анализ, обусловил целесообразность сравнения результатов трудов ученых, обратившихся к разным инструментам: Е.И. Бегловой, О.Ю. Шмелевой (2015), использовавших ручную выборку и качественный контент-анализ, объектом исследования которых стала речь политического лидера на выступлениях за 2012-2015 гг.; и Я.-М. Эберл, П. Толочко, П. Йост, Т. Хайденрайх, Х.Г. Бумгаарден (Eberl, Tolochko, Jost, Heidenreich, Boomgaarden 2020), выполнивших автоматизированный контент-анализ постов Facebook, включая анализ «цифровых следов».

Объектом исследования Е.И. Бегловой и О.Ю. Шмелевой (2015) стала речь В.В. Путина на девяти выступлениях, в результате чего было проанализировано порядка ста сорока лингвистических единиц. Кроме того, перед исследователями были поставлены следующие задачи: выявить те средства языка, что обеспечивают взаимодействие между государственным аппаратом и гражданами России; специфические приемы информационной подачи; способы эффективной коммуникации власти и граждан; установить наличие или отсутствие корреляционной связи между речью президента и официальными документами. В результате проведенного исследования Е.И. Бегловой и О.Ю. Шмелевой (2015) были сделаны следующие выводы: глава государства пейоративно оценивает деятельность других демократических государств; президент

большое внимание уделяет важности традиционных ценностей; политический лидер России использует «контрасты» и «оппозицию» в качестве преобладающих речевых стратегий [\[3\]](#).

Я.-М. Эберл, П. Толочко, П. Йост, Т. Хайденрайх, Х.Г. Бумгаарден (Eberl, Tolochko, Jost, Heidenreich, Boomgaarden 2020) посредством ПО Microsoft Graph API провели анализ «цифровых следов» пользователей социальных сетей и данных опросов избирателей в рамках многоуровневого подхода отрицательной биномиальной регрессии. Объектом исследования выступили шесть политических партий, принимавших участие в Законодательных выборах в Австрии в 2017 году: "Зеленые", "Список Питера Пильц", NEOS, социал-демократы (SPÖ), ребрендинговая Новая народная партия (ÖVP) и «правая» Партия свободы (FPÖ). Авторы проанализировали порядка 51000 сообщений пользователей социальных сетей и около 315 аккаунтов с целью выявить, в каком контексте люди упоминают названия политических партий, с какими темами их связывают [\[11\]](#).

Преимущества и недостатки каждого из методов (ручного и автоматизированного) двух вышеупомянутых исследований следует дифференцировать по следующим критериям: верифицируемость полученных результатов; объективность; количество объектов исследования. В процессе анализа работ получены следующие результаты:

- выводы Е.И. Бегловой и О.Ю. Шмелевой (2015) [\[3\]](#) демонстрируют характер субъективности и низкой верифицируемости по следующим основаниям. Во-первых, если дать исходные данные другому исследователю, то результаты могут быть совершенно противоположными тем, что получили лингвисты, так как они носят субъективный характер. Кроме того, анализ включает в себя лишь один объект. Кроме того, выводы авторов не соответствуют в полной мере поставленным задачам, так как, например, не выявлены языковые средства, обеспечивающие эффективное взаимодействие между гражданами РФ и государственным аппаратом. Причина этого заключается в том, что работа не включает в себя обратную связь с населением. Иначе говоря, отсутствует принципиально важная детерминанта, которая позволяла бы делать долгосрочные выводы;

- Я.-М. Эберл, П. Толочко, П. Йост, Т. Хайденрайх, Х.Г. Бумгаарден (Eberl, Tolochko, Jost, Heidenreich, Boomgaarden 2020) [\[11\]](#) анализируют более крупный массив данных (51000 сообщений в социальных сетях) и применяют математические модели (находят отражение в использованных формулах), в результате чего эмпирическое исследование может повторить другой ученый и получить аналогичные результаты. Кроме того, авторы делают выводы исходя из анализа шести объектов (шести политических партий), в то время как Е.И. Беглова и О.Ю. Шмелева (2015) проводили контент-анализ дискурса одного объекта (политического лидера России – В.В. Путина) – ввиду того, что ручной метод выборки не позволяет проанализировать большое количество материала, как автоматизированный метод, он дает меньшую верифицируемость полученных результатов, в отличие от цифрового способа обработки данных.

Выводы. Методы и инструменты исследования политического медиадискурса интегрируются в цифровые технологии. Среди популярного программного обеспечения, используемого для анализа лингвистического корпуса, следует выделить следующее: Sketch Engine, TermoStat, Nvivo Leading Qualitative Data Analysis Software (QDAS); ATLAS.ti, T-LAB, Provalis Research Text Analytics Software.

Методы и инструменты исследования политического медиадискурса включают в себя:

количественный, качественный и смешанный методы контент-анализа; лингвистические, статистические, математические и графические инструменты. Количественный контент-анализ дифференцируется на ручной, автоматизированный или полуавтоматизированный.

Новые цифровые методы контент-анализа являются в большей степени объективными, структурированными и верифицируемыми, ввиду чего ручной метод контент-анализа перестает активно использоваться. На смену ему приходят новые цифровые технологии и инструменты с интегрированным искусственным интеллектом, уже активно применяемым не только в методах анализа и систематизации политического медиаконтента, но и в его генерации, как текстовой, так и визуальной.

Согласно концепции работы современных поисковых систем и программного обеспечения, цифровая обработка интернет-текста выполняется преимущественно по ключевым-словам – дефинициям, составляющим семантическое ядро высказывания или статьи.

Библиография

1. Аббаси М.М. Лингвистический интерфейс с эмоциональным анализом текста в компьютерных системах: автореферат дис. ... кандидата технических наук: 2.3.1. / Аббаси Мохсин Маншад; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова»], Ижевск: 2022.
2. Багга-Гупта С., Апрамея Р. Языкотворчество в цифровых глобальных пространствах Юга и Севера в XXI веке: медиа, язык и идентичность в политическом дискурсе // Бандунг: Journal of the Global South. 2018. № 5 (3). С. 20-28.
3. Беглова Е.И., Шмелёва О.Ю. «Языковой код» политической коммуникации (на материале выступлений президента России В. В. Путина 2012-2015 гг.) // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 12-16.
4. Данилова А.Г., Митина О.В. Компьютеризированный качественный анализ текста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. №1. С. 220-240. URL: <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.09>. Date: 23.02.2024.
5. Лобанова Т.Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса: структура, характеристики и дискурсивные практики: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Лобанова Татьяна Николаевна; [Место защиты: Московский государственный областной университет]. Мытищи: 2020.
6. Новикова А. А. Сравнение инструментов Sketch Engine и TermoStat для извлечения терминологии // International Journal of Open Information Technologies. 2020. №11. С. 73-79.
7. Равочкин Н.Н. Автор в политическом дискурсе с позиции психолингвистики // Studia Humanitatis. 2019. № 1. 14 с.
8. Социальная сеть как пространство дискурса идентичности и квазиинститут этничности центральноазиатских мигрантов = Social network as a space for identity discourse and an ethnicity quasi-institution of migrants from Central Asia [Текст]: коллективная монография / под науч. ред. И.П. Кужелевой-Саган; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.
9. Юе Сюе. Методы исследования политического дискурса в контексте цифровизации гуманитарных наук // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 136-143. URL: https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_01_15.
10. Блассниг С. Контент-анализ в исследовательском поле политической коммуникации: The Self-Presentation of Political Actors // In book: Standardisierte Inhaltsanalyse in der

- Kommunikationswissenschaft - Стандартизированный контент-анализ в исследованиях коммуникации (pp.301-312). URL: https://doi.org/10.1007/978-3-658-36179-2_26
11. Эберль Ж.-М., Толочко П., Йост П., Хайденрайх Т., Бумгаарден Х.Г. Что в посте? Как настроение и значимость вопроса влияют на эмоциональные реакции пользователей Facebook // Journal of Information Technology & Politics. 2020. № 17 (1). С. 48-65.
 12. Kilgariff A., Baisa V., Bušta J., Jakubiček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V. The Sketch Engine: ten years on // Lexicography ASIALEX. 2014. Vol. 1. Pp. 7-36.
 13. Программное обеспечение для текстовой аналитики Provalis Research. URL: <https://www.predictiveanalyticstoday.com/provalis-research-text-analytics-software/>. Date: 17.08.2024.
 14. Quirkos - программное обеспечение для качественного анализа данных. URL: <https://www.quirkos.com/>. Date: 17.08.2024.
 15. Скотт Х. Критический дискурс-анализ: Искусственный интеллект, социальные сети и анализ социальных медиа // SESYNC. 2023. URL: <https://www.sesync.org/resources/critical-discourse-analysis-artificial-intelligence-social-network-social-media-analysis>. Date: 17.08.2024.
 16. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/>. Date: 23.02.2024.
 17. TermoStat. URL: <http://termostat.ling.umontreal.ca/index.php>. Date: 23.02.2024.
 18. T-LAB: Tools for Text Analysis. URL: <https://www.tlab.it/features/#what>. Date: 17.08.2024.
 19. Водак Р., Хосравиник М. Динамика дискурса и политики в правом популизме в Европе и за ее пределами: An introduction // In: Wodak R, KhosraviNik M, Mral B (eds) Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse. London: Bloomsbury, 2013. С. 27-28.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Междисциплинарные цифровые способы исследования политического медиадискурса», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду того, что вопросы исследования медиадискурса и вербального воздействия на собеседника находятся в центре современных исследований в парадигме человекоцентричной лингвистики.

В рамках настоящего исследования автор ставит цель сравнить два метода контент-анализа: ручной метод, объектом исследования в котором является речь политического деятеля на девяти выступлениях; автоматизированный метод контент-анализа, включающий в себя анализ «цифровых следов» и др.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Методологией исследования явился статистический метод, метод сплошной выборки, герменевтическая интерпретация текста.

Однако, после знакомства с текстом статьи, возникает ощущение неполноты работы, части текста слабо коррелируются друг с другом, отсутствуют логические переходы. Суммарный объем текста статьи около 7000 знаков с пробелами, хотя в требованиях к статьям, публикуемым в данном научном издании заявлено минимальное требование 12 000 (https://nbpublish.com/e_fil/info_106.html).

Также отметим, что автор не указал объем корпуса анализируемых текстов. Было ли проведено автором собственно научное исследование или анализу подверглись результаты, полученные другими исследователями?

Структурно статья должна состоять из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы.

Вводная часть состоит из разрозненных абзацев, знакомясь с которыми, выделить основную мысль автора не представляется возможным. Основная часть исследования не содержит научную составляющую и не может быть идентифицирована как работа, способствующая приращению научного знания.

В заключении не представлено собственно приращение научного знания. При прочтении статьи остается впечатление незавершенности труда. Библиография статьи насчитывает всего 5 источников, в которые включены отечественные и зарубежные труды.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным языком для читателя, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой работы отрицательное, статья «Междисциплинарные цифровые способы исследования политического медиадискурса» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК после редакции, а именно: 1) увеличить объем текста до рекомендованных минимальных 12 000 знаков, 2) структурировать введение, обозначить цель и задачи исследования, 3) сократить компиляцию и представить, собственно, свое оригинальное исследование, развивающее идеи упомянутых лингвистов, 4) увеличить библиографический список.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Типов и способов исследования политического медиадискурса в принципе достаточно. Но и обобщение, и выработка новых – вопрос актуальный, причем, если магистраль имеет синкретический или междисциплинарный характер. Автор в начале труда отмечает, что «политический медиадискурс – это междисциплинарный предмет, находящийся на стыке лингвистических наук, средств массовой информации (далее – СМИ), политики и современных цифровых технологий [2]. Цифровые методы и инструменты исследования политического дискурса помогают ученым выявлять и анализировать особенности семантической организации политического текста (включая цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции) между разными его видами, способы репрезентации и конституирования тех или иных политических процессов или их интерпретации и т.д.». Работа дробится на смысловые блоки, они, на мой взгляд, цельны, интересны, выверены. Например, блок «Обзор литературы», или «Методы»; они полновесны, при этом ориентированы на логически верную разверстку темы. Стиль работы имеет очевидные приметы научного типа; автор внимателен к понятиям и терминам, они в свою очередь объективируются и вводятся научную нарративацию корректно. Например, «результаты психолингвистического контент-анализа медиадискурса помогают формировать общественное сознание посредством релевантного выбора адресантом речевых способов «построения текста в соответствии с ожиданиями целевых аудиторий (адресатов)» [7, с. 2] и, как следствие, бороться за власть. В том числе, количественный и качественный анализы частотности репликации ключевых слов способствуют раскрытию имплицитного характера анализируемого дискурса через «выявление закономерностей в его структуре и... оценку частотного

распределения языковых единиц», или «цифровая лингвистика – изучение интернет-корпуса языков пользователей позволяет определять общественные настроения, преобладающие в социальных сетях, мессенджерах и на других виртуальных платформах, а также определять преобладающий контент СМИ на политические темы. Например, с помощью программного обеспечения (далее – ПО) Provalis Research Text Analytics Software, основными инструментами которого являются QDA Miner, WordStat, можно выполнять анализ числовых и текстовых данных, управление текстовым контентом, анализ кодирования, опросов, имиджа, настроений и мнений аудитории, а также анализ медиафрейминга ...» и т.д. Обобщение данных дано в табличном виде, подобный тип, на мой взгляд, есть открытая и прямая визуализация, что вполне уместно для работ лингвистического толка. Представленный набор методов критически оценивается автором, уточнено, что «преимущества и недостатки каждого из методов ... следует дифференцировать по следующим критериям: верифицируемость полученных результатов; объективность; количество объектов исследования». В выводах по работе отмечено, что «новые цифровые методы контент-анализа являются в большей степени объективными, структурированными и верифицируемыми, ввиду чего ручной метод контент-анализа перестает активно использоваться. На смену ему приходят новые цифровые технологии и инструменты с интегрированным искусственным интеллектом, уже активно применяемым не только в методах анализа и систематизации политического медиаконтента, но и в его генерации, как текстовой, так и визуальной». Считаю, что позиция автора в работе открыта, аргументация дана полновесно, серьезные нарушения и ошибки не выявлены. Библиографический список состоит из работ разного порядка, да и временные рубежи дистантны, что стоит оценить только положительно. Материал может быть полезен тем, кто занимается изучением форм и типов политического дискурса, а также его реализации в СМИ. Рекомендую рецензируемую статью «Междисциплинарные цифровые способы исследования политического медиадискурса» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пак Л.Е. К вопросу о гендерной специфике спортивного новостного нарратива // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71281 EDN: WXWMOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71281

К вопросу о гендерной специфике спортивного новостного нарратива

Пак Леонид Евгеньевич

ORCID: 0000-0003-2181-0259

кандидат филологических наук

доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения; Владивостокский государственный университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 51, кв. 230

✉ leonid.pak@wsu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71281

EDN:

WXWMOG

Дата направления статьи в редакцию:

18-07-2024

Аннотация: Целью работы является выявление гендерной специфики спортивного новостного нарратива. Объектом исследования выступает спортивный новостной нарратив. Предметом исследования является гендерный аспект спортивного новостного нарратива. Актуальность настоящей работы обуславливается несколькими причинами. Во-первых, тема исследования соответствует методологии современной науки о языке, так как научный инструментарий нарратологии позволяет с высокой степенью эффективности применить категории нарративной интриги, картины мира и события, выявить их соотносительность. Во-вторых, в эпоху глобализации и участия значительного количества людей в спортивных событиях, трансляции спортивных новостных выпусков с места событий и публикации новостных статей в сети интернет изучение специфики коммуникации в сфере спорта представляется весьма своевременным. В-третьих, применительно к гендерному анализу спортивный новостной нарратив позволяет выявить фемининную и маскулинную специфику вербального поведения в разных культурах. Методология исследования базируется на интегрированном сочетании

лингвонарративного, дискурсивного и гендерного подходов. Основные методы настоящей работы: дискурс-анализ, лингвонарративный анализ и дескриптивно-сопоставительный метод и количественный метод. Новизна данной работы заключается в том, что впервые проводится сопоставительный гендерный анализ особенностей спортивного новостного нарратива. разработана двухступенчатая методика выявления гендерных особенностей текстов спортивного новостного нарратива. Выводы: Общими чертами фемининного и маскулинного спортивного новостного нарратива являются диегетическая нарративная стратегия, усеченная нарративная последовательность. В фемининном новостном спортивном нарративе, авторы-женщины располагают элементы высказывания так, что последующая часть становится выразительнее, насыщеннее и более впечатляющей, чем предыдущая (климакс). Авторы-мужчины включают в текст внефабульные элементы, задерживающие развитие образа события, стимулируя любопытство читателей (ретардация). Авторы-женщины реализуют обличительно-эмотивную направленность. Реализуя свои коммуникативные установки, они стремятся дать оценку происходящих событий, заявляют о своих чувствах и эмоциях, стремятся привлечь адресата к сопереживанию. Маскулинный спортивный нарратив несет провокационно-ироническую направленность, авторы-мужчины стремятся к установлению и поддержанию контакта с адресатами, речь характеризуется разнообразным набором ярких лексических и образных средств, которые могут носить и парадоксальный оттенок, отмечается стремление создать интересный и творческий образ для активизации внимания читателей.

Ключевые слова:

спортивный нарратив, новостной нарратив, нарратология, нарратологическая стратегия, нарратологическая последовательность, направленность спортивного нарратива, гендерная специфика, фемининность, маскулинность, лингвонарративный метод

Настоящее исследование посвящено изучению гендерной специфики спортивного новостного нарратива.

Обзор теоретических работ по теме исследования логично представляется начать с определения нарратологии как науки. Нарратология как самостоятельная научная дисциплина впервые сформировалась в трудах Ц. Тодорова, который и выдвинул термин «нарратология» (наука о повествовании) [\[1\]](#). Новая, в то время, междисциплинарная наука стала основой для различных исследований на всех уровнях.

В работах классика советской лингвистики и литературоведения М. М. Бахтина нарратив предстает с социально-философской точки зрения, как отражающая диалогичную природу человека метафора [\[2\]](#).

В рамках когнитивной лингвистики, изучающей способы отражения особенностей восприятия и познания окружающего мира в языке, по-новому высвечивается специфика нарратива как когнитивного стиля, позволяющего структурировать и переосмыслить накопленный жизненный опыт [\[3\]](#).

Структурно-системная парадигма рассматривает нарратив как особый тип текста, соединяющий фокализацию (точку зрения) и событие [\[4\]](#).

В свете коммуникативной точки зрения на исследование нарратива подразумевается

структура с *нарратором* (рассказчиком), который декодирует содержание *истории* в соответствии со своим субъективным восприятием для *зрителя-читателя*, который тоже понимает сюжетную форму истории по-своему. Коммуникативная парадигма находит отражение в работах по типологии повествований [\[5\]](#).

Современная нарратология продолжает свое развитие в работах В. И. Тюпы, в которых реконструируется влияние исследований известных лингвистов на появление проблематики и формирование научного аппарата «постклассической нарратологии» [\[6, 7\]](#).

Таким образом, современная наука о языке под нарративом понимает различные типы текстов, которые основаны на движении сюжета от завязки, через кульминацию к развязке, имеющие в основе авторскую точку зрения [\[8\]](#).

Лингвистика нарратива характеризуется необходимостью классификации многочисленных типов и видов повествовательных текстов. Существуют исследования, посвященные определению понятия мультимедийного журналистского медианарратива [\[9\]](#), особенностям и характерным признакам иронического нарратива [\[10\]](#), лингвокультурной специфике национальных нарративов в рамках дихотомии «Запад-Восток» [\[11\]](#).

Кроме перечисленных выше видов нарративов в отдельную категорию был выделен и новостной нарратив. Нарратологический взгляд на новостной дискурс был сформирован Т. А. ван Дейком. Сообщение нового событийно, следовательно, является нарративным актом [\[12\]](#). В современной лингвистике новостному дискурсу уделяется весьма пристальное внимание. Проводятся корпусные исследования проблемы семантических сдвигов в современном русском языке на материале новостного медиадискурса [\[13\]](#). Изучаются метанарративы в интернет коммуникации на примере социальной сети вконтакте [\[14\]](#), а также, сетевой политекстовый нарратив сквозь призму функционирования гипертекстовых переходов [\[15\]](#).

Гендерные особенности нарратива выявляются в статье А. А. Рябухиной о жестовом поведении мужчин и женщин в рамках спонтанного устного нарратива [\[16\]](#).

Спортивный нарратив не становился объектом специального изучения в работах отечественных ученых-лингвистов, среди теоретических работ, которые приближаются к описанной проблематике, можно отметить исследование метафорических моделей в современном спортивном дискурсе [\[17\]](#) и изучение спортивной лексики в предвыборном дискурсе на английском языке [\[18\]](#).

Актуальность настоящей работы обуславливается несколькими причинами. Во-первых, тема исследования соответствует методологии современной науки о языке, так как научный инструментарий нарратологии позволяет с высокой степенью эффективности применить категории нарративной интриги, картины мира и события, выявить их соотношенность. Во-вторых, в эпоху глобализации и участия значительного количества людей в спортивных событиях, трансляции спортивных новостных выпусков с места событий и публикации новостных статей в сети интернет, изучение специфики коммуникации в сфере спорта представляется весьма своевременным. В-третьих, применительно к гендерному анализу спортивный новостной нарратив позволяет выявить фемининную и маскулинную специфику вербального поведения в разных культурах.

Следует отметить, что гендерный аспект нарратива любого типа практически не был исследован ни в отечественных, ни в зарубежных научных работах.

Новизна данной работы заключается в том, что впервые проводится сопоставительный гендерный анализ особенностей спортивного новостного нарратива, разработана двухступенчатая методика выявления гендерных особенностей текстов спортивного новостного нарратива.

Целью работы является выявление гендерной специфики спортивного новостного нарратива.

В качестве *материала* для исследования были отобраны новостные сообщения на английском (Daily Mail, Le Monde, Reuters, BBC, The Guardian, Aljazeera) и русском языках (Спорт-Экспресс, Матч ТВ, DW, Euro News, Чемпионат, Forbes Sport) электронных периодических изданий и новостных спортивных сайтов. Отобраны статьи авторства журналистов-мужчин Адама Шерголда, Фернандо Калласа, Сэма Джонса, Артема Никулина, Сергея Ромашенко, Кирилла Закатченко, также изучены тексты журналистов-женщин: Изабель Пике, Вики Вонг, Джеммы Солер, Ксении Ермаковой, Надежды Дряминой, Кармен Эрдниевой. Всего было проанализировано 48 новостных статей, по 24 статьи на каждую гендерную группу (4 статьи на один ресурс/издание).

Объектом исследования выступает спортивный новостной нарратив.

Предметом исследования является гендерный аспект спортивного новостного нарратива.

Методология исследования базируется на междисциплинарном сочетании лингвонарративного, дискурсивного и гендерного подходов. Основные *методы* настоящей работы: дискурс-анализ, лингвонарративный анализ и дескриптивно-сопоставительный метод. Также используется количественный метод и статистические данные для подтверждения объективности результатов.

Для достижения поставленной цели была разработана *двухступенчатая методика* выявления гендерных особенностей текстов спортивного новостного нарратива. На первом этапе были проанализированы общие показатели, присущие текстам новостных сообщений: конфигурация новостного материала: креолизованность/поликодовость (сочетание нескольких семиотических систем – текстовой, визуальной, аудиальной); степень вовлеченности адресатов (эффективность подаваемой информации: количество комментариев и отметок «нравится»); динамичность или статичность (фактографичность) заголовка и вставки (лида). На втором этапе производился анализ гендерных особенностей новостных текстов с точки зрения нарративной стратегии, нарративной последовательности и нарративной направленности.

Результаты исследования.

Конфигурация текстов в рамках спортивного новостного нарратива может быть охарактеризована как креолизованная, либо поликодовая. Креолизованные материалы представлены на страницах таких сайтов и электронных сетевых изданий как Daily Mail, Спорт-Экспресс, DW, Чемпионат, Le Monde, BBC. Новостные заметки и сообщения данных ресурсов представляют собой тексты, фактура которых состоит из разнородных элементов, вербальных (сам текст) и невербальных (иллюстрации, карикатуры, плакатные вставки). Поликодовые новостные сообщения размещались на страницах таких сетевых интернет СМИ как Reuters, The Guardian, Aljazeera, Матч ТВ, Euro News, Forbes Sport. Материалы перечисленных ранее изданий характеризуются сочетанием

нескольких семиотических систем – текстовой, визуальной, аудиальной. В новостных сообщениях присутствуют видео или аудио-фрагменты, которые может посмотреть или прослушать читатель. Следует отметить, что материалы всех перечисленных источников содержат кликабельные ссылки, отсылающие к дополнительной информации, связанной с темой повествуемого события.

Таким образом, одной из основных черт современного новостного спортивного нарратива является выстраивание интерактивного дискурса, который сочетает различные знаковые системы, что придает материалу аттрактивность в глазах адресата.

В ходе дальнейшего исследования были проанализированы заголовки и вводки (при наличии) новостных статей с точки зрения подачи материала: динамичной или статичной (фактографической).

Заголовки или заголовочные комплексы (заголовок + вводка) 8 из 12 изданий (Спорт-Экспресс, DW, Чемпионат, Le Monde, BBC, Aljazeera, Матч ТВ, Euro News) характеризуются динамичной подачей материала:

«Заголовок: *Последствия скандала с Рубиалесом. Ушел из-за давления УЕФА, футболистки отказываются приезжать в сборную»* [\[19\]](#).

«Вводка: *Hermoso was questioned by a judge in Madrid on January 2. The magistrate, who is investigating the behavior of the former president of the Spanish Football Association after the World Cup final on August 20, is nearing the end of his investigations* [Перевод: Эрмосо была допрошена судьей в Мадриде 2го января. Магистрат, который расследовал дело о поведении бывшего президента испанской футбольной ассоциации после финала чемпионата мира 20го августа, близок к завершению своей работы]» [\[20\]](#).

«Вводка: *Spanish prosecutors want the ex-head of the country's football federation to be jailed for two-and-a-half years, after he kissed a female footballer against her will at Spain's World Cup victory* [Перевод: Испанская прокуратура требует, чтобы экс-глава федерации футбола страны был заключен в тюрьму на два с половиной года за то, что он поцеловал футболистку против ее воли после победы Испании на чемпионате мира]» [\[21\]](#).

Данные материалы характеризуются динамичностью, текст представлен в развитии («футболистки отказываются приезжать в сборную», («*Spanish prosecutors want the ex-head of the country's football federation to be jailed for two-and-a-half years*»), содержит интригу и обещает продолжение в последующих новостных сообщениях («*The magistrate <...> is nearing the end of his investigations*»).

В 4 сетевых СМИ (Daily Mail, Reuters, The Guardian, Forbes Sport) подача материала статична, рассмотрим некоторые примеры:

«Заголовок: *Shamed former Spanish football president Luis Rubiales banned by FIFA for three years* [Перевод: ФИФА дисквалифицировала бывшего президента Испании по футболу Луиса Рубьялеса на три года]» [\[22\]](#).

«Заголовок: *Luis Rubiales quits in wake of World Cup kiss scandal* [Луис Рубиалес уходит в отставку из-за скандала с поцелуем на Чемпионате мира]» [\[23\]](#).

«Заголовок: *ФИФА отстранила Рубиалеса от футбола на три года после скандала с поцелуем на ЧМ»* [\[24\]](#).

Информация, приведенная в заголовках подана фактографично, новость просто констатируется, факты, поданные в тексте, не организуются как события («*Luis Rubiales banned by FIFA*», «*ФИФА отстранила Рубиалеса от футбола*»).

Вовлеченность аудитории является одной из значимых характеристик спортивного новостного сообщения. Коэффициент вовлеченности (engagement rate) демонстрирует уровень активности читателей на странице определённого СМИ. Формула представляет собой соотношение реакций пользователей (отметки «нравится»/«не нравится»; комментарии; количество пользователей, поделившихся данной новостью в социальных сетях) к количеству подписчиков ресурса.

$$ER = (\text{реакции пользователей})/(\text{количество подписчиков})\cdot 100.$$

Расчет производился для каждой конкретной публикации (4 новостных сообщения от источника) на каждом электронном СМИ, далее выводилось среднее арифметическое. Количественные данные проведенных вычислений приведены в таблице 1.

В результате анализа вовлеченности аудитории, можно сделать вывод об активности пользователей на страницах СМИ, отобранных в качестве источников материала. Размещение качественного контента способствует повышению коммуникативной эффективности, стимулирует устойчивый интерес адресата, поощряет потреблять информацию, размещенную на конкретном ресурсе.

Таблица 1. Количественные данные анализа основных показателей текстов, рамках спортивного новостного нарратива

Изданиесайт	Поликодовость	Ссылки	Динамичность	Статичность	Коэффициент вовлеченности (ER)
Daily Mail	Креолизированный текст, без аудио-видео ряда	+	-	+	18,75%
Reuters	+	+	-	+	19,65%
The Guardian	+	+	-	+	18,88%
Спорт-Экспресс	Креолизированный текст, без аудио-видео ряда	+	+	-	22,56%
DW	Креолизированный текст, без аудио-видео ряда	+	+	-	17,8%
Чемпионат	Креолизированный текст, без аудио-видео ряда	+	+	-	19,76%
Le Monde	Креолизированный текст, без аудио-видео ряда	-	+	-	16,45%

BBC	Креолизованный текст, без аудио-видео ряда	+	+	-	31,65%
Aljazeera	+	+	+	-	16,33%
Матч ТВ	+	+	+	-	15,54%
Euro News	+	-	+	-	17,97%
Forbes Sport	+	+	-	+	11,16%

Анализ гендерных особенностей текстов спортивного новостного нарратива мы начнем с характера нарративной стратегии. Новость о спортивном событии может быть подана при помощи двух типов стратегий: экстрадиегетической (автор представляется «всеведущим» повествователем, но не участвует в происходящих событиях), либо интрадиегетической (автор является участником событий, рассказывает с позиции участника).

Текст сообщений, проанализированных в ходе исследования характеризуется наличием основного «диегетического» текста и дополнительных (вторичных-третичных) текстов. Было отмечено, что новость подается посредством экстрадиегетической стратегии как в рамках фемининного спортивного нарратива, так и в рамках маскулинного:

«Spanish football boss forcibly kissed Jenni Hermoso after the final and had previously refused to step down [Перевод: Испанский футбольный босс насильно поцеловал Дженни Эрмосо после финала и ранее отказывался уйти в отставку]» – Сэм Джонс [\[23\]](#).

«Президент Королевской испанской футбольной федерации заявил, что он не может продолжать работу на своем посту. Ранее Рубиалес извинился за поцелуй испанской футболистки Эрмосо в губы при награждении» – Сергей Ромашенко [\[25\]](#).

«A few days after the incident in Sydney, the federation had issued a statement according to which Hermoso had spoken of a "mutual and spontaneous gesture" and claimed that she maintained an "excellent relationship" with Rubiales [Перевод: Через несколько дней после инцидента в Сиднее федерация распространила заявление, согласно которому Эрмосо говорила о «взаимном и спонтанном жесте» и утверждала, что поддерживает «прекрасные отношения» с Рубиалесом]» – Изабель Пике [\[20\]](#).

«Дисциплинарный комитет Международной федерации футбола (ФИФА) отстранил бывшего президента Королевской испанской футбольной федерации (RFEF) Луиса Рубиалеса от футбольной деятельности на три года» – Кармен Эрдниева [\[24\]](#).

Таким образом, стратегия повествования спортивного новостного нарратива не обнаруживает гендерных отличий, и авторы-мужчины, и авторы-женщины описывают образ события с позиции стороннего наблюдателя. Текстовый материал всегда сопровождается фотографиями или аудио-видео интервью, что усиливает образность повествования.

Далее рассмотрим гендерные особенности нарративной последовательности. Каноническая схема нарративной последовательности, по мнению У. Лабова, подчиняется следующей иерархии: 1) описание исходной ситуации; 2) осложнение; 3) кульминация; 4) развязка; 5) описание финальной ситуации [\[26\]](#). Следует отметить, что в проанализированном корпусе новостных статей спортивного нарратива, ни в одном материале не обнаруживается полноценная последовательность всех элементов, движение сюжета обеспечивается за счет усеченной нарративной последовательности.

При этом мы отметили, что повествование в рамках маскулинного спортивного нарратива характеризуется ретардацией – задержкой развития сюжета лирическими отступлениями. Рассказывая о событиях, связанных с громким скандалом в футбольной сфере (президент Королевской испанской футбольной федерации Луис Рубиалес поцеловал футболистку без ее согласия), автор делает отступление от описываемого предмета к ситуации с матерью и коллегами героя статьи:

«After the initial outcry his mother went on hunger strike in his name. Ángeles Béjar had locked herself in a church in her home town of Motril, southern Spain, for several days to protest against the treatment of her son [Перевод: После первоначального протеста его мать объявила голодовку в защиту сына. Анхелес Бехар на несколько дней заперлась в церкви в своем родном городе Мотриль на юге Испании в знак протеста против того, как обращаются с ее сыном]» – Sam Jones [\[23\]](#).

«It [FIFA] also sacked the Spanish coach, Jorge Vilda, who was one of many officials who had applauded a defiant speech Rubiales made... [Перевод: Она [ФИФА] также уволила испанского тренера Хорхе Вильду, который был одним из многих чиновников, которые аплодировали вызывающей речи Рубиалеса...]» – Sam Jones [\[23\]](#).

В то же время, авторы-женщины склонны выстраивать текст повествования усиливая напряжение (прием - климакс):

«Суд в Мадриде расследует дело экс-главы Королевской испанской футбольной федерации Луиса Рубиалеса о принуждении к поцелую».

«Футболистка сборной Испании Дженнифер Эрмосо дала показания в суде в Мадриде».

«Обвиняемого вынудили уйти с поста главы федерации. ФИФА отстранила его на от футбола на три года».

«Она [Дженнифер Эрмосо] также заявила, что Рубиалес и его помощники пытались оказать давление на неё и её семью» – Надежда Дрямина [\[27\]](#).

Отметим, что в фемининном новостном спортивном нарративе, авторы-женщины располагают элементы высказывания так, что последующая часть становится выразительнее, насыщеннее и более впечатляющей, чем предыдущая. Авторы-мужчины включают в текст внефабульные элементы, задерживающие развитие образа события, стимулируя любопытство читателей. Таким образом, представители разных гендерных групп используют разные приемы с целью достижения одинаковых целей, а именно создания яркого, убедительного рассказа о важном событии в сфере спорта.

Кроме того, гендерная специфика спортивного нарратива прослеживается в направленности. В ходе проведенного анализа мы выявили, что фемининный спортивный новостной нарратив характеризуется обличительно-эмотивной направленностью:

*«The **scandal overshadowed a historic moment** for Spain's women's team, which at the time was celebrating its first ever World Cup win [Перевод: Скандал затмил исторический момент для женской сборной Испании, которая в то время праздновала свою первую победу на чемпионате мира]»* – Вики Вонг [\[21\]](#).

*«The incident set off a wave of **global anger** at **sexism** at **the highest levels** of women's sport and led to **boycotts** of the national team by Spain's players as they called for changes*

to be made to women's football in the country [Перевод: Инцидент вызвал волну глобального недовольства сексизмом на высшем уровне женского спорта и привел к бойкоту национальной сборной со стороны игроков Испании, призывавших внести изменения в женский футбол в стране]» – Вики Вонг [21].

«*Spain won a **historic victory** at the Women's World Cup, the first time the women's team brought home the trophy. But in the weeks since, there's been nothing but **controversy***» [Перевод: Испания одержала историческую победу на женском чемпионате мира, впервые женская сборная привезла домой трофей. Но в последующие недели не происходило ничего, кроме споров]» – Джемма Солер [28].

«*Now, **with all eyes on Spanish football**, how much further can Spain's female football players get to **scoring proper treatment**?*» [Перевод: Теперь, когда все внимание сосредоточено на испанском футболе, насколько далеко смогут продвинуться испанские футболистки на пути к надлежащему обращению?]» – Джемма Солер [28].

«Это действие [поцелуй] посчитали **харрасментом**. Главный аргумент – чиновник держал девушку во время всего процесса. Получился **далеко не осенний поцелуй после жаркого лета**» – Ксения Ермакова [29].

Авторы-женщины стремятся к установлению и поддержанию контакта с опосредованным адресатом, пытаются привлечь его размышлению, заставить сопереживать. Данные интенции реализуются при помощи лексических средств: эмоционально-оценочной лексики («*global anger*», «*the highest levels*», «*historic victory*»), идеологически-модальной лексики («*харрасмент*», «*sexism*», «*boycotts*», «*scoring proper treatment*»); образных средств («*all eyes on Spanish football*»). Кроме того, присутствует интертекстуальное включение («*далеко не осенний поцелуй после жаркого лета*»), которое реализует фатическую (контактоустанавливающую) функцию. Интертекстуальные включения обеспечивают диалогичность текстов спортивного новостного нарратива, а также приращение смысла, заданное автором.

Во данном проведенного сопоставительного изучения было выявлено, что маскулинный спортивный новостной нарратив имеет провокационно-эмотивную направленность:

«*На прошлой неделе от Луиса Рубиалеса **отмежевалась** и мужская сборная Испании по футболу <...> Похоже, что **дни** Рубиалеса на посту президента федерации всё-таки **сочтены** <...> «Эспаньол» и «Барселона» **выкатили** заявления, в которых осудили поведение Рубиалеса*» – Сергей Ромашенко [25].

«*Глава испанского футбола **в л и п** в очередной скандал <...> Чиновник **явно переборщил** с эмоциями после финала женского чемпионата мира. Он **радовался как ребёнок**, обнимал каждую футболистку <...> Кроме того, Рубиалес **отметился** в ложе почётных гостей: держал себя за пах, находясь рядом с королевой Испании и её дочерью. В общем, **собрал комбо***» – Кирилл Закатченко [30].

«*Испанские **дамы-чиновницы** не стеснялись в оценках эпизода <...> Мимо **скандального эпизода** не прошёл и председатель правительства Испании*» – Артем Никулин [19].

«*He grabbed and kissed the midfielder Jenni Hermoso during the celebrations of the country's victory in the Women's World Cup, **sparking fury, incredulity** and a national and **international debate on sexism***» [Перевод: Он схватил и поцеловал полузащитницу Дженни

Эрмосо во время празднования победы страны на женском чемпионате мира, вызвав ярость, недоверие и национальные и международные дебаты о сексизме]» – Sam Jones [23].

«*The **fight** is however not over* [Перевод: Однако битва еще не окончена]» – Фернадно Калласс [31].

Общая провокационно-ироническая тональность текстов выражается соотношением разнообразных средств: лексических (эмоционально-оценочные слова «скандального эпизода», «*sparking fury*»; жаргонизмы «отмежевалась», «выкатили», «влип», «отметился», «переборщил»; сленговые выражения «собрал комбо»; феминитивы «дамы-чиновницы»), синтаксических сравнительных конструкций («радовался как ребенок»), образных («*the fight is not over*», «дни сочтены»). Образы сражения («*fight*») и смерти («дни сочтены»), которые актуализируются в приведенных выше контекстах, легко считаются адресатами. Использование приведенных образов характеризует маскулинный спортивный новостной нарратив через призму аксиологических и когнитивных постулатов авторов: восприятие скандала в спортивной сфере при помощи ценностей соперничества или устранения конкурентов.

Заключение.

В ходе данного исследования была выявлена гендерная специфика спортивного новостного нарратива. Материалом исследования послужили заметки и новостные сообщения различных сетевых СМИ.

Одним из значимых результатов исследования является разработка двухступенчатой методики анализа гендерных особенностей текстов спортивного новостного нарратива. Общими показателями, которые свойственны текстам новостных сообщений являются способ конфигурации новости (креолизованность/поликодовость), динамичность или статичность подачи материала и степень вовлеченности аудитории.

Общими чертами фемининного и маскулинного спортивного новостного нарратива являются диегетическая нарративная стратегия, усеченная нарративная последовательность.

При этом в фемининном новостном спортивном нарративе, авторы-женщины располагают элементы высказывания так, что последующая часть становится выразительнее, насыщеннее и более впечатляющей, чем предыдущая (климакс). Авторы-мужчины включают в текст внефабульные элементы, задерживающие развитие образа события, стимулируя любопытство читателей (ретардация).

Отличия выявлены и на уровне нарративной направленности, которая характеризуется сложной спецификой, что находит отражение в языковых особенностях речи. Авторы-женщины реализуют обличительно-эмотивную направленность. Реализуя свои коммуникативные установки, они стремятся дать оценку происходящих событий, заявляют о своих чувствах и эмоциях, стремятся привлечь адресата к сопереживанию. Маскулинный спортивный нарратив несет провокационно-ироническую направленность, авторы-мужчины стремятся к установлению и поддержанию контакта с адресатами, речь характеризуется разнообразным набором ярких лексических и образных средств, которые могут носить и парадоксальный оттенок, отмечается стремление создать интересный и творческий образ для активизации внимания читателей.

Перспектива проведенного исследования видится в проведении комплексного изучения

особенностей нарративов различной тематики, с применением междисциплинарного сочетания гендерного, лингвокультурного и дискурсивного подходов.

Библиография

1. Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. – 1975. – С. 37–114.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1975. – 504 с.
3. Herman, D. (2009). Basic elements of narrative (272 p.). Chichester: Wiley-Blackwell.
4. Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт. – М.: Азбука, 1998. – 944 с.
5. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
6. Тюпа, В. И. Бахтин и нарратология / В. И. Тюпа // Литературоведческий журнал. – 2021. – №54. – С. 120–133.
7. Тюпа, В. И. Ю. М. Лотман и современная нарратология / В. И. Тюпа // Филологический класс. – 2022. – №1. – С. 55–62.
8. Моштылева, Е. С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ, дисс. канд. филол. наук. / Моштылева Екатерина Сергеевна [Место защиты: Нижний Новгород], 2021. – 190 с.
9. Качанов, Д. Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия / Д. Г. Качанов // Медиальманах. – 2021. – № 3 (104). – С. 20–29.
10. Булатая, Е. В. Особенности иронического нарратива Н. В. Гоголя / Е. В. Булатая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2023. – №3. – С. 36–47.
11. Николаева, О. В. Медианарратив «Азиатский век» сквозь призму национальных нарративов Востока и Запада / О. В. Николаева // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – №4. – С. 73–86.
12. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
13. Беляков, М. В. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса / М. В. Беляков, О. И. Максименко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – №1. – С. 174–194.
14. Дунас, Д. В. Отражение метанарративов в молодежных онлайн-сообществах (на примере VK и Telegram) / Д. В. Дунас, Д. А. Бабына, О. А. Бойко, С. А. Вартанов, Д. М. Вьюгина, А. Н. Гуреева, А. А. Гладкова, Е. А. Салихова, А. В. Толоконникова, Г. С. Филаткина // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2023. – №12. – С. 2285–2297.
15. Парамонова, М. И. Функционирование гипертекстовых переходов в сетевом новостном политекстовом нарративе (на материале веб-версий англоязычных газет) / М. И. Парамонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №6. – С. 1927–1934.
16. Рябухина, А. А. Жестовое поведение при порождении иронического высказывания: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – №5 (873). – С. 100–106.
17. Гриценко, А. Н. Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе / А. Н. Гриценко, П. В. Морослин // Научный диалог. – 2022. – №5. – С. 211–225.
18. Рогозин, А. Ю. Спортивная лексика в англоязычном предвыборном дискурсе / А. Ю. Рогозин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – №5 (110). – С. 164–174.
19. Спорт-экспресс. URL: <https://www.sport-express.ru/football/> (дата обращения:

06.06.2024).

20. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/en/sports/article/> (дата обращения: 01.04.2024).

21. BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/> (дата обращения: 08.03.2024).

22. Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 01.02.2024).

23. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/> (дата обращения: 03.02.2024).

24. Forbes Sport. URL: <https://www.forbes.ru/sport/> (дата обращения: 03.04.2024).

25. DW. URL: <https://www.dw.com/> (дата обращения: 03.03.2024).

26. Labov, W. (2001) Uncovering the event structure of narrative. Georgetown University Round Table (Pp. 63–83). Georgetown: Georgetown University.

27. Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/> (дата обращения: 05.02.2024).

28. Aljazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/> (дата обращения: 11.02.2024).

29. Матч ТВ. URL: <https://matchtv.ru/> (дата обращения: 21.02.2024).

30. Чемпионат. URL: <https://www.championat.com/> (дата обращения: 05.03.2024).

31. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/sports/> (дата обращения: 06.03.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «К вопросу о гендерной специфике спортивного новостного нарратива», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», посвящена изучению новостных текстов спортивной тематики в свете обнаружения в них гендерной специфики комментирования. Материалом исследования послужили заметки и новостные сообщения, главным образом, об одном событии в футбольном мире, которое было освещено разными сетевыми СМИ (всего проанализировано 48 новостных статей, по 24 статьи на каждую гендерную группу) с привлечением сочетания нескольких семиотических систем – текстовой, визуальной, аудиальной.

Исследователь в начале статьи дает характеристику понятию нарратива, описывает историю его изучения в теоретической литературе, дает представление о месте новостного нарратива среди других видов нарративов, обосновывает отнесенность новостного сообщения к нарративному речевому акту ввиду наличия событийности.

Далее автор выстраивает собственную методику выявления гендерных особенностей текстов спортивного новостного нарратива, которая представляет собой двухступенчатый анализ материала. На первом этапе анализируются общие показатели, присущие текстам новостных сообщений. К ним относится оценка конфигурации новостного материала, в процессе которой прослеживается креолизованность/поликодовость текста через выявление использования текстовой, визуальной, аудиальной семиотических систем, их наличия и сочетания. Изучается степень вовлеченности адресатов, при котором основное внимание уделяется анализу эффективности подаваемой информации, при этом учитывается количество комментариев и отметок «нравится» в сетевых изданиях. Проводится оценка динамичности или статичности заголовка и вкладки.

На втором этапе применения методики автор производит «анализ гендерных особенностей новостных текстов с точки зрения нарративной стратегии, нарративной последовательности и нарративной направленности». С позиции характера нарративной стратегии автор отмечает отсутствие гендерных отличий, поскольку все авторы «описывают образ события с позиции стороннего наблюдателя». Изучение гендерных особенностей с точки зрения типичной нарративной последовательности в новостном

тексте приводит автора к выводам о том, что в исследуемых сообщениях не прослеживается полноценная последовательность всех элементов (описание исходной ситуации; осложнение; кульминация; развязка; описание финальной ситуации), «движение сюжета обеспечивается за счет усеченной нарративной последовательности», при этом выявляются отличительные моменты: «авторы-женщины располагают элементы высказывания так, что последующая часть становится выразительнее, насыщеннее и более впечатляющей, чем предыдущая», а «авторы-мужчины включают в текст внефабульные элементы, задерживающие развитие образа события, стимулируя любопытство читателей».

На уровне нарративной направленности автор также обнаруживает гендерную специфику представления текста, которая проявляется, по утверждению исследователя, в языковых особенностях речи: «авторы-женщины реализуют обличительно-эмотивную направленность», стремясь дать «оценку происходящих событий, заявляют о своих чувствах и эмоциях, стремятся привлечь адресата к сопереживанию». Статьи авторов-мужчин носят «провокационно-ироническую направленность», нацеленную «к установлению и поддержанию контакта с адресатами», что проявляется в использовании в речи ярких лексических и образных средств, привлекающих внимание читателя.

Таким образом, в исследовании предметом исследования стал материал, не получивший до этого должного внимания. Перспективы применения разработанной автором методики широкие, в первую очередь, за счет привлечения количественно большего материала, на основе чего можно будет прийти к бесспорным выводам. Однако и первое приближение, которое представлено в настоящей статье, дает возможность оценить положительно примененную методику.

Работа снабжена таблицей, иллюстрирующей основные выводы, правда, без ранжирования показателей по определенным критериям. (см. Таблицу 1).

Ошибки замечены в предложениях при использовании оборота «такой (,) как», при записи дат и чисел (2го января, 20го августа, в 4 сетевых СМИ). Отмечаются пунктуационные ошибки («Информация, приведенная в заголовках(,) подана фактографично...», «Текст сообщений, проанализированных в ходе исследования(,) характеризуется...», «В результате анализа вовлеченности аудитории(,) можно сделать вывод об активности...», «В то же время (,) авторы-женщины склонны выстраивать текст повествования (,) усиливая напряжение», «Общими показателями, которые свойственны текстам новостных сообщений(,) являются...»). В некоторых случаях отсутствуют предлоги («Количественные данные анализа основных показателей текстов, рамках спортивного новостного нарратива», «пытаются привлечь его размышлению»). Имеются опечатки (соевой, «Во данным проведенного сопоставительного изучения»).

В целом, представленная на рассмотрение статья «К вопросу о гендерной специфике спортивного новостного нарратива», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Акашева Т.В., Жаркова А.Д. Современные литературные музеи: от экспоната до визуализации (на примере Московского дома Достоевского) // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.43980 EDN: WVIFCM
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43980

Современные литературные музеи: от экспоната до визуализации (на примере Московского дома Достоевского)

Акашева Татьяна Валентиновна

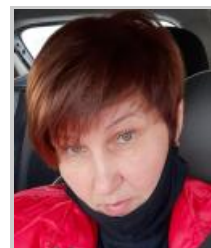
ORCID: 0000-0002-2695-5070

кандидат филологических наук

доцент, кафедра лингвистики и перевода, Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова

455006, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 26, каб. 455006

✉ akasheva.tv@yandex.ru

Жаркова Александра Дмитриевна

студент, кафедра Лечебное дело, ФГБОУ ВО Самарский медицинский университет

455006, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Заветная, 22

✉ alexa_04-04@list.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.43980

EDN:

WVIFCM

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2023

Аннотация: Данная статья посвящена новым формам репрезентативности культурно-исторических ценностей литературного музея на примере «Московского дома Достоевского». Современная концепция музейных комплексов предлагает не просто сохранение и демонстрацию выставочных экспонатов, но и возможность совместного участия, сотрудничества и эмоционального взаимодействия. Целью работы является

рассмотрение значения визуализации как тренда развития музеев для создания абсолютно нового музейного продукта и привлечения молодежи. Актуальным на сегодняшний день является поиск новых форматов экспозиций в литературных музеях с целью не только сохранения наследия, но и для приобщения большего количества людей к книге, литературе и духовности. Сегодня «Московский дом Достоевского», открывшийся 15 ноября 2021 г. после реставрации, представляет собой интегрированный комплекс, объединяющий все виды восприятия. Новизна работы заключается в описании современных тенденций развития музеев и поиске их отражения в музее Ф.М. Достоевского. В ходе исследования использовались поисковый метод, анализ и наблюдение. Эмпирический материал базируется на личных впечатлениях авторов о посещении Московского Дома Достоевского. Результатом работы является описание современной экспозиции музея с элементами визуализации и соучастия посетителей. Авторы пришли к выводу о том, что данный музей может служить успешным примером реализации проекта по сохранению наследия русского писателя Ф.М. Достоевского и привлечению большего количества посетителей на государственном и профессиональном уровне.

Ключевые слова:

визуализация, литературный музей, литературное наследие, экспонат, музейное дело, современная концепция, Московский дом Достоевского, сохранение наследия, русская литература, проект

Современная концепция музейных комплексов предлагает не просто сохранение и демонстрацию выставочных экспонатов, но и возможность совместного участия, сотрудничества и эмоционального взаимодействия. Представление о музее, как о месте собрания экспонатов, уходит в прошлое, на его место приходят интегрированные комплексы, объединяющие все виды восприятия. Данное исследование посвящено одному из таких аспектов – визуальности. Целью статьи является рассмотрение концепций современного литературного музея и значения визуализации на примере Московского Дома Ф.М. Достоевского.

Сегодня музей играет важную роль в культурной жизни страны, оказывая влияние на формирование нашей мировоззренческой позиции, сохранение культурно-исторического наследия, патриотизм и духовную составляющую. Литературные музеи имеют особое значение для нашего исследования, так как литература в России всегда отражала дух гражданского общества. Следовательно, анализ литературных музеев как феномена современной культуры, изучение факторов, влияющих на его развитие, а также исследование эволюции его форм и типологии в широком историческом и социокультурном контексте являются приоритетной задачей современной гуманитарной науки [\[3, 5\]](#). Необходимость модернизации музеев с целью привлечения молодежи представлена в работах Ересовой Е.Е., Никоновой А.А. и др. [\[2,9\]](#), поиск новых смыслов и интерпретация в музееведении широко обсуждается музеологами Мастеницей Е.Н., Некрасовым С.М., Пияк С.А. Сундиевой А.А. [\[6,8,10,11\]](#), новым литературным музеям посвящены труды Ермолина Е.А., Климова Л. [\[3,4\]](#).

В начале нашего исследования представим обзор общих тенденций изменений, которые происходят в современных музеях. Развитие технологий, используемых в музеях, привело к тому, что посетители стали активнее вовлекаться в процесс интерпретации: «...

во всех определениях музейного предмета подчеркивается его важнейшая характеристика – способность служить первоисточником знаний и эмоций» [\[11, с.8\]](#). Для интерпретации культурного наследия роль аудитории в культурно-образовательном процессе направлена на «культуру участия» (participatory culture) [\[6, с. 94\]](#). Как отмечают современные музеологи, «...главное для посетителя в музее – это впечатления, они же являются основным музейным продуктом, в то время как ранее музей представлялся в первую очередь как образовательный и научный центр, и приобретение новых знаний имело первостепенное значение» [\[6, с. 93\]](#). Таким образом, современный музей сегодня ставит в приоритет удовлетворение потребностей посетителей и учитывает их психологию в большей степени, чем сохранение экспонатов. Экспозиции часто являются продуктом высоких технологий, которые воздействуют на все органы чувств посетителя. Они предлагают широкую палитру впечатлений, связанных с сохраняемым и интерпретируемым наследием. Способы интерпретации экспонатов связаны с различными органами чувств, но эта типология, по мнению С.А. Пиляк, условна, так как на деле восприятие любого предмета будет комбинированным [\[10\]](#).

В настоящее время передача вкусовых ощущений и ароматов музейных предметов является самым новым подходом. Примерами могут послужить музей пастилы и музей калача в Коломне, в одном из которых посетителям предлагают попробовать традиционные рецепты пастилы, в другом – испечь кулич и насладиться неповторимым ароматом свежей выпечки. При этом здесь также проводятся исторические костюмированные представления. Высокая посещаемость и необходимость бронировать билеты заранее подтверждают популярность такой концепции. Следующий способ – звучание музейного экспоната отработан в музеях уже давно. Широко известны звонницы Золотого кольца России со 2 половины XX в., исполнение музыкальных произведений на подлинных инструментах. Также можно услышать звучание как отдельных экспонатов, так и целых экспозиций. Например, в литературном музее Вены можно услышать голос писателя, который читает свое произведение, подойдя к его полке с книгами. Кроме того, существует формат экскурсии "рассказ с показом", а также популярные аудиогиды на разных языках со множеством функций. При этом наблюдение показывает, что старшее поколение все еще предпочитает "живых" экскурсоводов, в то время как молодежь использует портативные наушники смартфона, считывающие Q-коды при входе в зал или у каждой витрины с экспонатами. Тем не менее, до сих пор не утратила своей ценности древнейшая практика ощущения музейных экспонатов через физический контакт. Здесь приобщение к наследию сочетается с верой в чудеса и языческой традицией, проявляющееся через трение до блеска или прикосновение к конкретным деталям объектов, включая носы, руки, ботинки, пальцы и т. д.

С самых ранних времен визуальное восприятие остается основным и наиболее распространенным чувством в музейной деятельности. Согласно мнению А. Никоновой, для музейных предметов особенно важны информативность, экспрессивность, аттрактивность, репрезентативность и ассоциативность [\[9, с. 12-13\]](#), и они, в первую очередь, связаны с внешним видом, а не звучанием, запахом или свойствами поверхности предмета. Стоит отметить, что и научное описание музейных предметов также часто фокусируется на их облике. Музейные предметы могут быть визуально восприняты разными способами, например, путем непосредственного рассмотрения в зале музея, изображений в фото- и видеоформатах, К особому виду репрезентации культурного наследия относится изображение музейных артефактов на сувенирной продукции, что также способствует расширению аудитории музеев. Таким образом, комбинирование различных способов восприятия позволяет представить культурное

наследие максимально доступно широкой аудитории.

Как мы уже сказали выше, современный литературный музей – это особый музей, рассмотрим его более подробно. Изначально предшественниками литературных музеев были хранилища рукописей, находившиеся в монастырях, храмах и государственных или частных библиотеках [6]. Первые музеи, которые позднее стали называться литературными, были созданы с целью сохранения памяти о великих писателях, однако в России это произошло значительно позднее. Например, Biblioteka Pushkiniana при Императорском Александровском лицее (1879), ставшая через десять лет музеем была открыта спустя полвека после гибели А. С. Пушкина в 1937 г. Первые литературные музеи конца XIX – начала XX в. были единичны, но могли служить подтверждением процесса мемориализации [6]. Изначально она не была связана напрямую с созданием музеев, а выражалась через издание материалов о биографии и творчестве писателей, обозначение их особых мест (кабинет, уголок), собирание "памятных предметов" и установку памятников и мемориальных досок.

Первое десятилетие советской власти положило начало развитию литературных музеев, которые стали культурными институциями и способствовали формированию сети таких музеев в России. Так были открыты государственные музеи И. С. Тургенева в Орле (1918), Н. Г. Чернышевского в Саратове (1920), А. П. Чехова в Ялте (1921), музей-квартира Ф. М. Достоевского в Москве (1928); музеи-усадьбы: С.Т. Аксакова (Абрамцево под Москвой, 1918), Ф. И. Тютчева в Мураново под Москвой (1920), Л.Н. Толстого в Москве (1920) и Ясной Поляне (1921), А.С. Пушкина в Михайловском (1922) и др. [7]. Несмотря на критику "вещизма", как мещанского признака в советской идеологии, предметы всегда имели особое значение в литературе, и музеи сохраняли обстановку и личные вещи писателей с благоговейной и возвышенной атмосферой. В таком музее была невозможна ирония и недопустима игра. Т.е. литературный музей начала советской эпохи ничем не отличался от мемориального музея любого другого великого человека: художника, ученого или политического деятеля и назывался «музей писательского быта». Однако в 1960–1980-е гг. стали временем бурного развития литературных музеев в России. Они становились все более популярными, и музейные формы репрезентации и интерпретации литературного наследия стали эволюционировать. Музей-заповедник становится формой сохранения и представления широкого спектра историко-культурных и природных объектов, обширных территорий, связанных с местами пребывания писателя и вдохновлявших его на творческие откровения. В начале XXI века произошло значимое изменение, и литературные музеи перестали быть только хранилищами материалов и стали использовать новые технологии для перевода наследия в другое пространственное измерение, чтобы уйти от засилья бумаги и плоскостного материала и перевести наследие в другое пространственное измерение. Музей стал чаще всего восприниматься как метафора.

Музеи, посвященные литературным героям и произведениям, стали следующим шагом в этом направлении. Россия занимает лидирующее место в мире по их количеству. В качестве примеров можно привести Музей Козьмы Пруткова в Брянском литературном музее и Музей произведения А. Толстого «Золотой ключик» в Самарском литературном музее. Государственный литературный музей выступил инициатором создания энциклопедии «Литературные музеи России», которая получила поддержку сообщества литературных музеев и специалистов. Этот проект, по мнению Е. Н. Мастеницы, «нацелен не только на устранение лакун в истории развития литературных музеев, но и призван раскрыть значение литературного музея как явления культуры разных эпох, включая современность». Это одна из попыток на государственном и профессиональном уровнях

изменить ситуацию на фоне спада интереса к литературе, кризиса писательского статуса и кризиса литературных музеев и привлечь посетителей [\[7\]](#).

Далее мы более подробно рассмотрим Музей Достоевского, как пример современного литературного музея. Мы считаем, что он включает в себя все этапы развития литературного музея, от классического хранилища экспонатов до инновационного музея с современными технологиями и уникальным дизайном интерьера, который идеально подходит для уединения и полного погружения в творческий мир писателя через визуальные, звуковые, цветовые и другие аспекты. Место Ф.М. Достоевского как самого русского писателя в мировой литературе трудно переоценить, поэтому необходимость сохранения наследия автора очевидно [\[1, с.13\]](#). Первый в мире музей Достоевского и один из первых литературных музеев Москвы был открыт 11 ноября 1928 года, ко дню рождения писателя. В 1940-х годах он вошел в состав Государственного литературного музея. Музей расположен в северном флигеле бывшей Мариинской больницы для бедных, построенной в 1806 году И. Жиларди и А. Михайловым по проекту Д. Кваренги в стиле позднего русского классицизма. Именно здесь занимала небольшую квартиру семья лекаря М. А. Достоевского, отца будущего писателя. Интересно, что помещение сохранило свой исторический интерьер с неизменными стенами, печами и перекрытиями из времени жизни писателя. Этот интерьер был воссоздан в 1980 году на основе мемуаров младшего брата Ф. М. Достоевского, которые подробно описывали его детскую квартиру вместе с чертежами и схемами. Среди множества мемориальных экспонатов на выставке можно увидеть оригинальные предметы семьи Достоевских, такие как диван, купленный Федором Михайловичем во время его пребывания в Москве в 1866 году, письменный стол из последней квартиры писателя, чернильный прибор, очки, Евангелие, подаренное женами декабристов в 1850 году, визитные карточки писателя, коробку с гильзами для папирос, книги по инженерному делу и механике с пометками писателя на полях. Кроме того, музей содержит копии интерьерных элементов, например книжный шкаф, изготовленный по заказу А.Г. Достоевской для «Музея памяти Ф.М. Достоевского» в 1913 году.

Таким образом, в настоящее время музей состоит из двух частей: в мемориальной части, как было сказано выше, можно увидеть предметы из семьи Достоевских, познакомиться с бытом, нравственным укладом и детской обстановкой в жизни семьи, в том числе с читательскими, театральными, духовными впечатлениями Ф.М. Достоевского и их отражением в его письмах, воспоминаниях и других произведениях. В историко-литературной части экспозиции присутствуют оригинальные вещи писателя и коллекция иллюстраций, относящихся к его произведениям из собрания музея.

Другая часть – это рецепция творчества писателя. Особого внимания заслуживает авторская инсталляция М. Шемякина, «Сновидения Достоевского», посвященная роману «Преступление и наказание». Посетитель музея будто бы переносится в душный и пыльный Петербург, проходит по мостовой к дому старухи-процентщицы. Здесь мы можем ощутить физически мучения и сомнения, которые испытывает Раскольников, стоящий перед ее дверью. Посетители не упускают возможности позвонить в колокольчик, висящий над дверью, и на его звон выбегает смотрительница музея. Удивителен также кинозал, выполненный в черном цвете, где на нескольких экранах одновременно проходит показ фильмов, снятых по роману или мотивам романа «Преступление и наказание», включая зарубежные фильмы с субтитрами. Это фильмы, снятые начиная с 1925 года, и заканчивая современным прочтением. Есть даже чернокожий Раскольников. Удивительно наблюдать за разными лицами героя, которые разделяют эпохи и границы. Есть также комната, посвященная роману «Игрок», стены которой состоят из фрагментов

текста этого романа.

Есть галерея картин, написанных о жизни Ф.М. Достоевского, о местах, где он бывал. Полотна представлены друг напротив друга, посетитель мгновенно переносится в эпоху писателя, создается полное ощущение прогулки по бульвару или аллее, например, в Баден-Бадене. По окончании экспозиции гость сможет запечатлеть свои эмоции, создав собственную картину в зале с мольбертами. Также стоит отметить, что, став победителем конкурса грантов «Без исключения» Благотворительного фонда «Свет» в 2022 году, проект «Покажи Достоевского» позволяет людям с ограниченными возможностями получить доступ к литературному музею. Он включает серию экскурсий на жестовом языке для детей, подростков и взрослых в «Московском доме Достоевского», реализуемых совместно с Ассоциацией деятелей инклюзивных искусств (АДИИ) Театром неслышащих актеров «Недослов». Этот проект становится отличным примером расширяющего свои границы современного литературного музея.

Современные изменения в развитии музейных институций, где они от хранилища экспонатов перерастают в продукты высокотехнологичного уровня, охватывают все чувства и эмоции посетителей. В результате своего исследования мы делаем вывод о том, что литературный музей в настоящее время представляет собой не просто здание для чтения произведений и собрания вещей писателя, а является намного более значимым инструментом в понимании индивидуальности автора, литературного творчества и его интерпретации в современном мире. Эти изменения соответствуют общим тенденциям музейного мира и института музейного дела в целом. Только объединив традиции сохранения культурных ценностей и современные технологии репрезентативности, включая визуализацию, можно говорить о значении такой важной институции, как литературный музей в развитии духовности граждан. Отсюда понятно желание и попытки литературного музея измениться и выйти в центр культурной жизни и живого культурного общения, поскольку «лучший способ сохранить культурную память: „не хранить, а расточать“» ^[6]. Всем этим тенденциям в полной мере соответствует «Московский дом Достоевского».

Библиография

1. Власкин А. П., Рудакова С. В. Сквозной мотив «офицерства» в творчестве Ф. М. Достоевского // Libri Magistri. 2022. № 4 (22). С. 13–27.
2. Ересова В.В. Модернизация музейной коммуникации в условиях общества потребления // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 92–96.
3. Ермолин Е. А. Литературный музей как проект гражданского общества // Литературный музей на пороге XXI в.: проблемы выживания и развития: материалы конференции литературных музеев России, 10–13 сент. 2002 г., г. Пятигорск. М.:Материк, 2003. С. 57.
4. Климов Л. «Набоков – это стул...» // Музей. 2010. № 7. С. 29.
5. Купцова О. Н. Первые русские литературные музеи: опыт мемориализации // Дом-музей писателя: опыт и современность: 11-е Гоголевские чтения: сб. ст. по мат.междунар. науч. конф., Москва 1–3 апр., 2011 г. / под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2011. С. 36.
6. Мастеница Е. Н. Литературный музей как модус современной культуры // ВЕСТНИК Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. № 3(32), 2017. С. 88–90.
7. Мастеница Е. Н. Литературные музеи России: генезис и эволюция URL: [https://vestnik.spbgik.ru/vestnic_jurnal/340268---22203044_2017_-_2\(31\)/0108-0111_Мастеница.pdf](https://vestnik.spbgik.ru/vestnic_jurnal/340268---22203044_2017_-_2(31)/0108-0111_Мастеница.pdf) (дата обращения 7.09.2023)

8. Некрасов С. М. Три эпохи музея. СПб., 2000. С. 5–15.
9. Никонова А.А. Музейная эвристика: pro et contra // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 3 (24). С. 9–16.
10. Пияк С.А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351.
11. Сундиева А.А. О базовых понятиях музейной науки // Музей. 2009. № 5. С. 4–9.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования, по всей вероятности, является процесс модернизации современного литературного музея в России. Несмотря на то, что в заголовке статьи («Современные литературные музеи: от экспоната до визуализации (на примере Московского дома Достоевского)» и во введении предмет исследования конкретно не формализован, логика изложения результатов исследования подчеркивает внимание автора к новейшим средствам усиления социокультурной функции современного литературного музея за счет модернизации выставочных практик.

Автор уместно обращается к анализу передового опыта отдельных музеев по привлечению посетителей к активному участию в выставке, включая иммерсивные практики перформанса, театрализации, визуализации, дегустации и озонирования экспонатов. Внимание музеев к включению посетителя в процесс экспозиции, как вполне уместно отмечает автор, существенно изменяет сущность музейно-выставочной работы. Смещение акцента с сохранения и консервации артефактов к активизации их экспонирования, безусловно без потери качества первой составляющей, как верно отмечает автор составляет ведущую тенденцию модернизации музейной деятельности.

Методология исследования базируется на анализе и обобщении передовых практик музейной работы, включая анализ работы отдельного музея («Московский дом Достоевского»). Ценность представляет обращение к эмпирическому опыту конкретного музея в контексте общих тенденций модернизации музейно-выставочной деятельности.

Актуальность поднятой темы автор поясняет тем, что «современная концепция музейных комплексов предлагает не просто сохранение и демонстрацию выставочных экспонатов, но и возможность совместного участия, сотрудничества и эмоционального взаимодействия; представление о музее, как о месте собрания экспонатов, уходит в прошлое, на его место приходят интегрированные комплексы, объединяющие все виды восприятия». Безусловно, следует согласиться с данным аргументом, добавив, быть может, что прототипом современного музея остается античный музей, храм муз (например, Александрийская библиотека), синкретично аккумулировавший не только практики сохранения ценных артефактов, но и пропаганды знаний. В том числе и европейский университет вырос из монастырских музеев (библиотек), коллекционировавших и сохранявших артефакты, доказывавшие божественное присутствие. Поэтому возврат литературного музея к практикам активной социокультурной деятельности, представляет собой актуальную задачу возврата музею его исконной социальной функции. Особенно значимым, по мнению рецензента, представляется акцент автора на необходимости внедрения в музейные практики современных технологических решений, расширяющих за счет визуализации и иммерсивности степень просветительского воздействия экспонируемых культурных артефактов.

Научная новизна представленной на рецензирование статьи состоит, прежде всего, в

экспликации в теоретический дискурс эмпирического опыта экспозиции объектов хранения конкретного литературного музея («Московский дом Достоевского»), а также в обобщении основных тенденций модернизации экспозиционной деятельности музеев России. Новизна представленных результатов не вызывает сомнений, выводы автора хорошо аргументированы и заслуживают доверия.

Стиль текста статьи выдержан научный, хотя автор и не следует редакционным рекомендациям по сокращению упомянутых дат и исторических периодов. Структура текста хорошо отражает логику изложения результатов научного исследования.

Библиография односторонне отражает проблемное поле исследования (нет анализа зарубежной специальной литературы).

Апелляция к оппонентам вполне уместна и корректна, хотя автор избегает дискуссий с коллегами.

Рецензент считает, что статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Litera» и может быть рекомендована к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гурушкин П.Ю., Дружкова В.И. Медиатизация корпоративного конфликта в условиях цифровизации // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71335 EDN: WVMRVT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71335

Медиатизация корпоративного конфликта в условиях цифровизации

Гурушкин Павел Юрьевич

кандидат политических наук

доцент, кафедра Менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Дружкова Валерия Игоревна

магистр; Институт "Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций"; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, ауд. 709

✉ st110165@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71335

EDN:

WVMRVT

Дата направления статьи в редакцию:

24-07-2024

Аннотация: В рамках исследования была проанализирована роль интернет-СМИ, социальных сетей и других онлайн-платформ в формировании и распространении информации о конфликте, а также его влияние на взаимодействие между коммерческими компаниями и ее клиентами. Объектом исследования является непосредственно процесс медиатизации, который играет существенную роль в корпоративных конфликтах, оказывая значительное влияние на общественное мнение, имидж компании, определение хода и последствий конфликта. С развитием

информационных технологий, цифровизацией и распространением интернета медиатизация корпоративных конфликтов приобретает особое значение. Предметом исследования является система коммуникационных практик крупной коммерческой компании в период медиатизированного кризиса. Корпоративный конфликт рассмотрен в качестве важного аспекта в процессе принятия решений в управлении брендом и репутацией организации. Основными методами исследования являются: опрос – сбор и анализ данных от участников конфликта, а также кейс-стади-метод, который позволил детально рассмотреть конкретный случай через аналитику ключевой проблемы, факторов влияния на конфликт и принятых управленческих решений. Исследование феномена медиатизации корпоративных конфликтов позволило выявить новые аспекты и тенденции в развитии сложнорегулируемых противоречий в интернет-пространстве. Кроме того, было изучено влияние медиатизации на управление репутацией коммерческих компаний в условиях корпоративного конфликта. Сам процесс медиатизации корпоративных конфликтов был рассмотрен как многомерное явление, включающее в себя не только использование медиаресурсов для освещения конфликтных ситуаций в организациях, но и трансформацию природы самого конфликта под влиянием средств массовой информации. Результаты исследования показали, что медиатизация способствует ускорению эскалации конфликта за счет мгновенного распространения информации. В то же время грамотно организованное взаимодействие с медиа позволяет компаниям контролировать информационные потоки, минимизировать ущерб и управлять общественным мнением.

Ключевые слова:

медиатизация, корпоративный конфликт, социальный конфликт, цифровизация, медиа, управление конфликтами, репутационный менеджмент, антикризисные коммуникации, маркетплейс, менеджмент

В современном информационном обществе понятие медиатизации занимает особое место, поскольку медиа становятся одним из ключевых инструментов воздействия на общественное мнение и формирования публичного дискурса. Впервые термин «медиатизация» был использован английским социологом и исследователем Дж. Б. Томпсоном в его работе «Media and modernity» [\[2\]](#), чтобы описать роль медиа как организованных институциональных структур, которые не только передают информацию, но и формируют образцы культуры, влияющие на современное общество на протяжении последних веков.

Медиатизация – ключевой процесс современной культуры. Как замечает С. Хьярвард, медиатизацию «следует рассматривать как двусторонний процесс развитой современности, в котором медиа, с одной стороны, выделяются как независимый институт с собственной логикой, к которой другие социальные институты должны подстроиться. С другой стороны, медиа одновременно становятся неотъемлемой частью других институтов, таких, как политика, работа, семья, религия. То есть, «медиатизация – это двусторонний социальный процесс, с помощью которого социум насыщается средствами массовой информации в такой мере, что СМИ могут рассматриваться лишь в контексте общественных институтов. Сами по себе медийные технологии не являются причиной социокультурной динамики, однако погружение человека в информационный поток при условии формирования определенных социальных, политических, экономических, культурных реалий с помощью новых технологий дает мощный толчок

для воздействия на общественное сознание» [\[1\]](#).

Стоит отметить, что медиатизация это не только процесс переноса конфликтов в медиа-пространство, но и взаимопроникновение медийной логики в сам ход развертывания конфликта. Данный феномен отражает влияние медийных технологий, ценностей и норм на динамику и форму конфликтной ситуации, а также на способы и принципы управления конфликтом.

Исследования в области медиатизации конфликтов и влияния медиа-логики всё больше привлекают внимание исследователей и практиков в современном информационном обществе. Медиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения, переплетая реальные события с их визуализацией и интерпретацией. Процесс медиатизации конфликтов сопровождается активным воздействием факторов медийной логики, оказывающих значительное влияние на восприятие событий и участников конфликта. Конфликты, освещаемые в средствах массовой информации, становятся глобальными и доступными для огромной аудитории. Медиа-логика влияет на то, какие конфликты и события приобретают наибольшую актуальность и как они интерпретируются. Мощное воздействие медиа направлено на формирование определенного образа событий и участников конфликтов, повышение внимания к определенным проблемам и линии поведения. Однако при этом существует опасность искажения реальности и усиления напряженности ситуации за счет манипуляций и введения в заблуждение широкой аудитории.

В контексте данного исследования термин «корпоративный конфликт» интерпретируется не как столкновение интересов двух крупных корпораций, а как противоречие, возникающее между корпорациями и их целевыми группами. Под целевыми группами в данном контексте подразумеваются различные социальные субъекты, такие как потребители, работники, акционеры, государственные органы и другие заинтересованные стороны, чьи интересы могут вступать в противоречие с интересами корпорации. В данной работе основное внимание уделяется исследованию этого типа корпоративных конфликтов и влиянию медиатизации на них.

Е. И. Коваленко [\[3\]](#) понимает корпоративный конфликт как некое разногласие, которое возникает в организации между акционерами, инвесторами и самим обществом. Такой конфликт есть осознанное действие, совершенное участниками корпоративных отношений и предусматривающие борьбу за власть в компании.

Конфликт между корпорациями и их целевыми группами представляет собой особый феномен в современном бизнесе, требующий более пристального внимания не только со стороны участников, но и объективного научного сообщества. Данное явление проявляется в противоречиях между выгодой корпораций и ожиданиями их клиентов, сотрудников, инвесторов и других заинтересованных сторон. Конфликты могут возникать из-за разнообразных причин, таких как несоответствие качества продукции или услуг заявленным стандартам, проблемы с обслуживанием клиентов, неэффективное управление или недостаточная прозрачность в деятельности компании.

Для эффективного управления конфликтами с целевыми группами компании могут применять различные стратегии, такие как улучшение коммуникации, адаптация продуктов и услуг к потребностям клиентов, участие заинтересованных сторон в процессе принятия решений. Важно также предоставлять стейкхолдерам возможность высказать свои мнения и предложения, а также активно взаимодействовать с ними для построения взаимовыгодных отношений.

Механизмы возникновения корпоративных конфликтов могут быть разнообразными. Это могут быть разногласия при принятии стратегических решений, конкуренция за власть и ресурсы, непонимание целей и задач компании, а также недостаточно продуктивное управление конфликтами. Неразрешенные проблемы между сотрудниками или структурными подразделениями могут привести к накоплению напряжения и обострению ситуации. Для предотвращения корпоративных конфликтов необходимо проводить системную работу по улучшению «горизонтальной» и «вертикальной» коммуникации внутри компании, установлению четких правил взаимодействия и решения возникающих проблем на ранних стадиях. Также важно создать механизмы для урегулирования конфликтов и поощрять конструктивное поведение участников организации.

Анализ социальных последствий медиатизации и ее влияния на исход конфликта – важная задача, требующая особой исследовательской стратегии. Медиатизация конфликта, то есть активное освещение конфликта в СМИ, оказывает значительное влияние на широкую общественность, формирует восприятие сторон конфликта и может повлиять на его исход. Социальные последствия медиатизации конфликтов могут выражаться в изменении общественного мнения о компании, ее репутации и доверия со стороны потребителей, партнеров и других заинтересованных сторон. Прозрачность коммуникаций, адекватная реакция на информацию в СМИ и умение эффективно работать с общественностью – все это играет важную роль в формировании позиции компании в конфликте и смягчении его негативных последствий.

Для более полного и точного определения последствий корпоративного конфликта был проведен опрос клиентов и покупателей компании «Вайлдберриз» – крупнейшего представителя marketplace в России. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ) оборот «Вайлдберриз» на российском рынке онлайн-продаж к 2023 году превысил 2,5 трлн рублей, что является 38 % всего российского рынка в данном сегменте. При проведении опроса были учтены не только фактические изменения в отношении клиентов к компании, но и их взгляды на причины и характер конфликта, их ожидания от компании в будущем и фактическое влияние инцидента на их решение о покупке продукции или предоставляемых услуг.

Общее число респондентов (выборочная совокупность) составило 357 человек, что в свою очередь позволяет оценить статистическую значимость результатов опроса. Выборка для опроса случайная, механическая. Опрос проведен в период с июня по август 2023 года. Результаты опроса показывают, что до конфликта вокруг компании «Вайлдберриз» большинство респондентов (57,1%) оценивали свое отношение как «скорее положительное», 28,6% – как «положительное» и только 14,3% – как «скорее нейтральное». Однако после получения информации о конфликте внутри компании 85,7 % участников опроса заявили, что их мнение изменилось.

Очевидно, что репутация продавца имеет большое значение для покупателя, однако не любой конфликт внутри компании влечет за собой неминуемое снижение доверия. Медиатизированный конфликт может привлечь внимание аудитории, вернуть интерес и отразиться, таким образом, в росте продаж или партнерских предложений. Интересно, что после возникновения конфликта с ПВЗ «Вайлдберриз» в марте 2023 года абсолютное большинство респондентов (85,7 %) выразили желание узнать больше о его причинах и обстоятельствах, что свидетельствует о повышенном интересе к событию и его влиянию на репутацию компании. Однако, согласно результатам опроса, большинство участников не стали бы рекомендовать продукты и услуги компании своим друзьям и близким после конфликта. Медиатизация конфликта привела к тому, что позиция компании широко обсуждалась в социальных сетях, новостных статьях и телепередачах, информация

довольно быстро вышла за рамки целевой аудитории. 18% опрошенных не является клиентами данного маркетплейса, половина из них посчитала, что не готова на данный момент пользоваться услугами данной компании.

Важно отметить, что для компании ООО «Вайлдберриз» было необходимо активно взаимодействовать с журналистами, излагать свою точку зрения на события и информировать общественность о своих действиях и планах, чего они, в свою очередь, не сделали.

Рост информированности населения о конфликте и непродуманные действия руководства привели к формированию негативного общественного имиджа компании. В результате сотрудники солидаризировались с руководством и стали использовать общие каналы коммуникации для обсуждения происходящих в компании изменений. Общение с коллегами стало способом выражения недовольства и поиска поддержки, что могло привести к новым конфликтам внутри компании. Важно подчеркнуть важность медиатизации в данном контексте, поскольку она привлекла внимание государственного регулятора, который взял компанию под особое наблюдение. Вмешательство государственных органов может повлиять на дальнейшее развитие компании, ограничив ее автономию и потребовав дополнительной прозрачности.

Повышенное внимание общественности и официальных лиц к конфликтным ситуациям подчеркивает важность грамотного управления конфликтами, умения слушать сотрудников и активно взаимодействовать с заинтересованными сторонами. Таким образом, анализ социальных последствий медиатизации и их влияния на исход конфликта – важная задача для любой коммерческой компании, требующая комплексного подхода, включающего стратегическое планирование, управление репутацией, эффективную коммуникацию и мониторинг общественного мнения.

Выход конфликтной ситуации, в центре которой крупный игрок на рынке интернет продаж в общедоступное информационное пространство позволяет сделать ряд выводов о его возможных последствиях. Во-первых, процесс медиатизации корпоративных конфликтов можно рассматривать как многомерное явление, включающее в себя не только использование медиаресурсов для освещения конфликтных ситуаций в организациях, но и трансформацию природы самого конфликта под влиянием СМИ. Это влечет за собой изменения в стратегиях управления и разрешения конфликтов и требует от компаний развития новых навыков и методов в области корпоративных коммуникаций и связей с общественностью.

Во-вторых, медиатизация корпоративных конфликтов оказывает значительное влияние на корпоративную репутацию. Освещение конфликтов в СМИ и социальных сетях может как негативно повлиять на имидж организации, так и послужить инструментом восстановления доверия и лояльности общества при условии правильного управления информационными потоками и коммуникационными стратегиями.

Третий ключевой вывод заключается в том, что медиатизация корпоративных конфликтов подчеркивает необходимость прозрачности и открытости компаний. Открытая и честная коммуникация с заинтересованными сторонами, включая сотрудников, клиентов, партнеров и общественность, становится ключевым фактором успешного управления конфликтами и предотвращения их эскалации.

Последовательное внедрение рекомендаций о включении кризисных коммуникаций в систему управления, поддержании деловых отношений с журналистами, прозрачности и открытости в коммуникативном процессе играют ключевую роль в создании

благоприятной репутации компании. Следование указанным принципам и рекомендациям позволит не только обеспечить стабильные доходы и эффективное управление конфликтами, но и укрепить свою репутацию как надежного и ответственного участника деловой среды. Обладая хорошим реноме, компания может привлекать больше клиентов, удерживать лояльную аудиторию, привлекать инвестиции и нанимать высококвалифицированных специалистов. В условиях глобальной цифровизации соблюдение рекомендаций по управлению медиатизацией корпоративных конфликтов становится важным стратегическим шагом для любой коммерческой организации, который не только способствует повышению ее финансовой стабильности, но и обеспечивает устойчивое развитие и улучшение ее деловой репутации в современной информационной среде.

Информационный шум, созданный медиатизацией, привлекает широкую аудиторию и провоцирует стороны конфликта пересмотреть стратегию и тактику взаимоотношений. Критика и дискуссии в социальных сетях, статьи в сетевых изданиях, видеоблоги оказывают давление на стороны конфликта, обнажая их слабые стороны. В случае с маркетплейсом «Вайлдберриз» медиатизация конфликта привела к тому, что руководство вынуждено было публично ответить на обвинения и претензии владельцев пунктов выдачи заказов и использовать СМИ в качестве платформы для коммуникации. В то же время понимание реакции общественности и принятие мер по урегулированию конфликта стали важными для успешного выхода из проблемной ситуации. Освещение данного конфликта в средствах массовой информации не только усугубило ситуацию для компании, но и продемонстрировало важность эффективного управления общественными коммуникациями в условиях цифровизации. Такие ситуации подчеркнули важность прозрачности, готовности к диалогу и ответственного корпоративного поведения в контексте посреднических конфликтов. Посредничество в урегулировании конфликта привлекло внимание различных медиаплатформ, от традиционных СМИ до социальных сетей и блогов. Этот процесс способствовал быстрому распространению информации и формированию общественного мнения о конфликте.

Таким образом, медиатизация конфликта не только затронула интересы его участников, но и подняла важные вопросы о влиянии СМИ на бизнес-процессы, необходимости тщательного планирования публичных коммуникаций и важности прозрачности в отношениях между компаниями и их партнерами. Медиатизация конфликта стала неотъемлемой частью современного бизнес-процесса, в котором публичные коммуникации могут играть решающую роль.

В заключение следует отметить, что медиатизация корпоративных конфликтов - сложный процесс, требующий от компаний адаптации к меняющемуся медиаландшафту, развития цифровой грамотности и навыков критического мышления, а также применения инновационных подходов к корпоративным коммуникациям и управлению репутацией. В этом контексте будущие исследования должны быть направлены на разработку эффективных методов и инструментов диагностики, предотвращения и разрешения медиатизированных корпоративных конфликтов с учетом постоянно меняющейся медиасреды и динамики социально-экономических процессов.

Библиография

1. Hjarvard, S. The mediatization of society: a theory of the media as agents of social and cultural change, 2008. Pp. 107-128.
2. Thompson J. B. The media and modernity: A social theory of the media. – Stanford University Press, 1995. Pp. 30-37.

3. Коваленко Е.И. Добросовестность и разумность как факторы снижения риска возникновения корпоративного конфликта // Безопасность бизнеса. 2014. М 2. С. 17-19.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Варианты оценки цифрового общества все чаще становятся предметом точечного анализа в работах научного формата. Не случайно автор рецензируемой статьи обращается к проблеме медиатизации корпоративного конфликта в условиях цифровизации. В начале труда отмечено, что «в современном информационном обществе понятие медиатизации занимает особое место, поскольку медиа становятся одним из ключевых инструментов воздействия на общественное мнение и формирования публичного дискурса. Впервые термин «медиатизация» был использован английским социологом и исследователем Дж. Б. Томпсоном в его работе «Media and modernity» [2], чтобы описать роль медиа как организованных институциональных структур, которые не только передают информацию, но и формируют образцы культуры, влияющие на современное общество на протяжении последних веков». Считаю, предмет исследования актуален, достаточно нов, интересен для читателей. Общий план изыскания прозрачен и объективен, точка зрения автора является максимально открытой; считаю, что и суждения по ходу текста выверены: например, «медиатизация это не только процесс переноса конфликтов в медиа-пространство, но и взаимопроникновение медийной логики в сам ход разворачивания конфликта. Данный феномен отражает влияние медийных технологий, ценностей и норм на динамику и форму конфликтной ситуации, а также на способы и принципы управления конфликтом», или «медиа-логика влияет на то, какие конфликты и события приобретают наибольшую актуальность и как они интерпретируются. Мощное воздействие медиа направлено на формирование определенного образа событий и участников конфликтов, повышение внимания к определенным проблемам и линии поведения. Однако при этом существует опасность искажения реальности и усиления напряженности ситуации за счет манипуляций и введения в заблуждение широкой аудитории», или «механизмы возникновения корпоративных конфликтов могут быть разнообразными. Это могут быть разногласия при принятии стратегических решений, конкуренция за власть и ресурсы, непонимание целей и задач компании, а также недостаточно продуктивное управление конфликтами. Неразрешенные проблемы между сотрудниками или структурными подразделениями могут привести к накоплению напряжения и обострению ситуации. Для предотвращения корпоративных конфликтов необходимо проводить системную работу по улучшению «горизонтальной» и «вертикальной» коммуникации внутри компании, установлению четких правил взаимодействия и решения возникающих проблем на ранних стадиях. Также важно создать механизмы для урегулирования конфликтов и поощрять конструктивное поведение участников организации» и т.д. Как видно стиль соотносится с собственно научным типом, термины и понятия вводятся в работу с учетом коннотаций. Для усложнения и объективации наблюдений автор вводит статистические данные: «общее число респондентов (выборочная совокупность) составило 357 человек, что в свою очередь позволяет оценить статистическую значимость результатов опроса. Выборка для опроса случайная, механическая. Опрос проведен в период с июня по август 2023 года. Результаты опроса показывают, что до конфликта вокруг компании «Вайлдберриз» большинство респондентов (57,1%) оценивали свое отношение как «скорее положительное», 28,6% - как «положительное» и только 14,3% - как

«скорее нейтральное». Однако после получения информации о конфликте внутри компании 85,7 % участников опроса заявили, что их мнение изменилось». Формат удобен, но можно было систематизировать полученные наработки в таблицы, схемы; графическая верификация более удобна для восприятия. Думаю, что в пределах работы автор смог раскрыть тему, актуализировать вопрос. Материал можно использовать в вузовской практике, при освоении дисциплин гуманитарного толка. Автор приходит к выводу, что «медиатизация корпоративных конфликтов - сложный процесс, требующий от компаний адаптации к меняющемуся медиаландшафту, развития цифровой грамотности и навыков критического мышления, а также применения инновационных подходов к корпоративным коммуникациям и управлению репутацией. В этом контексте будущие исследования должны быть направлены на разработку эффективных методов и инструментов диагностики, предотвращения и разрешения медиатизированных корпоративных конфликтов с учетом постоянно меняющейся медиасреды и динамики социально-экономических процессов». Основные требования издания учтены, но список источников (цитации и ссылки нужно обязательно увеличить). После правки / доработки статья «Медиатизация корпоративного конфликта в условиях цифровизации» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Uryupina A.D. Functioning and translation of English and Russian architectural terms in academic discourse // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71385 EDN: WVWHGP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71385

Functioning and translation of English and Russian architectural terms in academic discourse / Функционирование и перевод англоязычных и русскоязычных архитектурных терминов в академическом дискурсе

Урюпина Анна Дмитриевна

ORCID: 0000-0002-8475-615X

ассистент; кафедра иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ uryupina_ad@pfur.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71385

EDN:

WVWHGP

Дата направления статьи в редакцию:

02-08-2024

Аннотация: Исследование посвящено анализу архитектурной терминологии на английском и русском языках в академическом дискурсе. Объектом исследования является терминологическая система архитектуры. Предметом исследования выступает специфика использования, функционирования и перевода англоязычной и русскоязычной архитектурной терминологии в академическом дискурсе. Рассматриваются вопросы классификации и систематизации архитектурных терминов, их иерархическую структуру и функциональные типы в академических текстах. Кроме того, подчеркивается междисциплинарный характер архитектурного подязыка, в котором прослеживается взаимодействие терминов из таких областей, как инженерия, архитектура, строительство, искусство и дизайн. Также в работе выявляются существующие трудности и проблемы, которые возникают при переводе англоязычных и

русскоязычных терминов архитектуры, включая различия языкового строя языков, семантическую неоднозначность определенных терминов, необходимость высокой степени специализации переводчика для правильного выбора и толкования термина, использование идиоматического и образного языка для описания некоторых архитектурных терминов и т.д. В исследовании применяется комплексная методология, включающая методы сопоставительного и компонентного анализа, а также методы корпусной лингвистики, используемые для исследования семантических полей, иерархических отношений и функциональных типов терминов. Полученные результаты подчеркивают важность стандартизации архитектурной терминологии, понимания культурных и исторических особенностей, под влиянием которых формировались архитектурные термины, а также владения техническими знаниями для обеспечения эффективной коммуникации в мировом архитектурном сообществе. Анализируя корпус текстов, включая словари, архитектурные обзоры и научные статьи, автор объясняет, как конкретные термины функционируют в академическом дискурсе. Данное исследование вносит особый вклад в развитие лингвистических исследований в области архитектуры, предлагая глубокий анализ семантических полей и их роль в структуризации архитектурной лексики. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению функционирования и перевода архитектурных терминов, что позволяет выявить сложности, связанные с многоаспектностью и междисциплинарностью данной терминологии. Результаты исследования будут полезны не только для преподавателей и переводчиков, но и для международных специалистов в области архитектуры.

Ключевые слова:

термин, терминология, архитектура, архитектурная терминология, академический дискурс, Я С Ц, систематизация терминологии, перевод, англоязычная терминология, русскоязычная терминология

Introduction

The study of architectural terminology in both English and Russian languages is crucial for understanding the nuances and specificities in academic discourse related to architecture. The increasing globalization and the integration of different architectural styles and practices require a thorough examination of terminological usage in various languages. This paper focuses on the functioning of English and Russian architectural terms within academic discourse, highlighting their classification, systematization, and existing challenges in their translation between the languages.

The significance of this study lies in the growing interest of scholars in Language for Specific Purposes (LSP) and the need to streamline architectural terminology for better communication and understanding in the field. LSP involves the teaching and research of a language that is tailored to the communicative needs of speakers in specific workplace, academic or professional contexts. This includes specialized vocabulary, discourse practices, and linguistic features used by target groups [\[1\]](#). The field has evolved from an early focus on written language products like terminology and text types to a broader interest in communicative processes and their psychological and sociological dimensions. This shift includes understanding spoken discourse and its interplay with written communication [\[2, P.115\]](#). LSP is critical for designing effective language courses that meet specific needs. This

involves course planning, implementation, assessment, and professional development for educators. Additionally, it addresses issues of pedagogy and classroom management specific to LSP settings [\[3\]](#).

Academic discourse of architecture is a specialized form of communication that encompasses unique linguistic, structural, and multimodal features that meet the needs and practices of the architectural field. Architectural discourse relies heavily on visual and spatial cognition, utilising visual means to support and enhance textual information. This includes the extensive use of drawings, plans, and 3D models that are crucial for comprehending spatial relationships and design concepts.

Architectural language, combining both artistic and technical elements, presents unique challenges and opportunities for researchers and practitioners. The history of architectural vocabulary, which dates back to the Renaissance, involves numerous borrowings and adaptations from languages such as French, Dutch, and German, reflecting the evolution and development of construction techniques and materials [\[4\]](#).

The comparative analysis of English and Russian architectural terms helps in identifying both common and different aspects in their usage and classification. This study also explores the interdisciplinary nature of architectural terminology, which intersects with various fields such as engineering, building construction, art, and design. This interdisciplinary aspect leads to the incorporation of terms from various domains, necessitating a comprehensive understanding of their usage within specific contexts [\[5, P. 14\]](#). With examining the semantic fields and the hierarchical relationships of terms, this research aims to provide a comprehensive understanding of how architectural vocabulary functions in academic discourse.

Methodology

This study employs a rigorous combination of quantitative research methods to analyse the usage of architectural terms in English and Russian academic discourse. The research is based on a corpus of texts, consisting of dictionaries, reviews, and articles from reputable journals within the field of architecture.

Firstly, a component analysis of lexical meaning was conducted. This approach involved deconstructing the meanings of architectural terms to identify their constituent components and their interconnections within the semantic field. Moreover, the method facilitated the elicitation of core and peripheral terms in the architectural vocabulary, providing a nuanced understanding of term structures and usage contexts.

Secondly, a comparative analysis was employed to identify the similarities and differences in the usage and classification of architectural terms in English and Russian. This comparative approach highlighted the historical and cultural influences on the evolution of architectural terminology in both languages, offering insights into the unique linguistic landscapes shaped by these factors.

Additionally, the study utilized corpus linguistics techniques, compiling a comprehensive corpus of texts to examine the frequency and contextual usage of architectural terms, ensuring a broad representation of academic discourse. The systematic classification of terms based on their semantic fields, hierarchical relationships, and functional types was also performed. This classification provided a detailed insight into the organization and structure of architectural vocabulary in both languages.

Moreover, an interdisciplinary approach was utilised to consider the multifaceted nature of architectural terminology, examining its usage across related fields such as engineering, building construction, art, and design. This holistic approach provided a comprehensive overview of the terminological landscape in architecture, emphasizing the interconnections of various disciplines and the shared terminological frameworks.

Thus, all methods used in the study contribute to a detailed and robust analysis of the functioning and translation of English and Russian architectural terms in academic discourse, advancing the field of linguistic research and offering practical insights for professionals in architecture, linguistics, and related disciplines.

Results

The classification of architectural terms within academic discourse is a multifaceted phenomenon that reflects the complexity and interdisciplinary nature of architecture. This section reviews the existing classifications of architectural terms, emphasizing the distinctions and overlaps between different terminological frameworks in English and Russian.

Architectural terminology is generally classified based on semantic fields, hierarchical relationships, and functional types. These classifications are essential for understanding the systematic organization and usage of terms in professional and academic settings.

1.1. Semantic Fields

Architectural terms are often grouped into semantic fields, which are collections of words related to each other in meaning. Common semantic fields in architecture include building types, materials, processes and techniques, design elements, and structural components. For instance, within the semantic field of building materials, core terms may include «timber», «metals», «stone», «plastics», «ceramics», «concrete», «additive», «adhesives» [6], etc., while peripheral terms encompass more specific materials like «cold setting adhesive» [6, P. 6], «bonding admixture» [6, P. 7], «polymer modified concrete» [6, P. 89], and «sawn timber» [6, P. 385]. Furthermore, in the semantic field of components and finishes, key terminology may contain «windows», «doors», «roofing», and «hardware» [6, P. 7], while peripheral terminology includes such units as «aluminium sheet roofing» [6, P. 13], «door hardware» [6, P. 120], «bow window» [6, P. 46], etc. This categorisation assists in the systematic learning and teaching of architectural terminology, providing a structured approach to vocabulary acquisition.

1.2. Hierarchical Relationships

Hierarchical classification organizes terms based on their level of generality or specificity. This involves distinguishing between broad categories and their subcategories. For example, the term «building» is a broad category that can be subdivided into more specific types such as «skyscraper» [6, P. 346], «corridor block» [6, P. 98], «low-rise building» [6, P. 225], and «cellar» [6, P. 66]. Similarly, «construction materials» can be categorized into general groups like «natural materials» and «synthetic materials», which can be further divided into more specific terms such as «granite» [6, P. 175] or «polyurethane» [6, P. 287]. This hierarchical approach facilitates precise communication and understanding within the field.

1.3. Functional Types

Functional classification focuses on the specific roles or functions that architectural terms denote. This includes classifications based on the purpose of a building (e.g., residential, commercial, office, retail, industrial, educational, religious, etc.), the type of structure (e.g., «loadbearing structure» [\[6, P. 222\]](#), «reinforced-concrete structure» [\[6, P. 91\]](#), «frame structure» [\[6, P. 162\]](#), «air-supported structure» [\[6, P. 101\]](#), etc.), or the function of a design element (e.g., decorative, structural, chemical, supporting, heating, etc.). For instance, terms related to residential buildings may include «private house» [\[6, P. 295\]](#), «apartment block» [\[6, P. 19\]](#), «villa» [\[7, P. 479\]](#) and «mansion» [\[6, P. 229\]](#) each denoting a specific type of residential structure, while terms related to decorative elements may contain such units as «false window» [\[6, P. 144\]](#), «knop» [\[6, P. 211\]](#), «diglyph» [\[6, P. 115\]](#), «finial» [\[7, P. 154\]](#), etc. This type of classification is particularly useful in architectural design and planning, where understanding the function and purpose of each element is crucial.

1.4. Interdisciplinary Classifications

Given the interdisciplinary nature of architecture, terminological classifications often overlap with related fields such as engineering, building construction, art, and design. Terms from these fields are integrated into the architectural lexicon, reflecting the dual and multifaceted nature of architectural projects. For example, civil engineering terms like «load-bearing / non-bearing wall» [\[7, P. 254, P. 282\]](#), «cantilever» [\[7, P. 67\]](#), «valve» [\[7, P. 473\]](#) are commonly used in architectural discourse, as are design terms like «layout» [\[6, P. 216\]](#), «alignment» [\[6, P. 11\]](#), «negative space», «saturation», and «color palette». This interdisciplinary approach enriches the architectural vocabulary and contributes to a more holistic understanding of the field.

2. Historical and Cultural Influence. Borrowed and Adapted Terms

Architectural terminology also reflects historical and cultural influences, with terms evolving alongside advancements in construction techniques and changes in architectural styles. Many English architectural terms have origins in French, Latin, Dutch, and German, reflecting historical periods of architectural innovation and cultural exchange. For instance, a large amount of terms used today have Latin roots, indicating the traditions dating back to antiquity. Examples of such terms are «capital» [\[8, P. 47\]](#) (from Latin «capitellum» - small head), «frieze» [\[8, P. 131\]](#) (from Latin «phrygium» - decoration), «pilaster» [\[8, P. 227\]](#) (from Latin «pilaster» - column), etc. These terms entered the English language through Latin texts and treatises that were used in the practice and training of architects.

French, as a language of international communication and culture during the Middle Ages and Renaissance, also had a significant influence on architectural vocabulary. During the Norman Conquest of England in 1066, French became the official language of the English court, which led to the enrichment of the English language with French terms. In architecture, this was reflected in the borrowing of such words as «arcade» [\[6, P. 20\]](#), «portico» [\[6, P. 289\]](#), «façade» [\[6, P. 143\]](#), «mansard» [\[6, P. 229\]](#). The terms not only gained a foothold in the English language, but also became an integral part of architectural discourse, reflecting the influence of French architectural thought. Understanding these historical and cultural contexts is essential for comprehending the evolution and current usage of architectural terms.

The adaptation of borrowed terms is another significant aspect of architectural terminology. Borrowed terms often change significantly during their assimilation into another language,

influenced by phonetic, morphological, and semantic factors. For example, the Russian term «арка» («arch») [\[9, P. 7\]](#) is borrowed from the Latin «arcus» reflecting the historical influence of classical architecture. These borrowed terms often retain their original meanings while adapting to the phonological and morphological rules of the borrowing language.

Thus, the classification of architectural terms in academic discourse involves a complex interaction of semantic, hierarchical, functional, interdisciplinary, historical, and cultural factors. These classifications provide a structured framework for understanding and using architectural terminology, facilitating easier communication and better comprehension in both academic and professional contexts. By systematically categorizing these terms, scholars and practitioners can navigate the rich and intricate landscape of architectural discourse more effectively.

3. Difficulties and Challenges in Translating Architectural Terms

M. Thelen differentiates between theory-oriented terminology, which focuses on concept formation and standardization, and translation-oriented terminology, which is more pragmatic and focused on solving translation problems [\[10, P. 348-349\]](#). In architectural discourse, translation-oriented terminology is particularly relevant as it addresses the need for practical equivalence in multilingual contexts.

Translating architectural terms between English and Russian presents several challenges due to the intricacies of the languages and the specialized nature of the terminology. These challenges stem from linguistic, cultural, and technical differences between the two languages and can significantly impact the clarity and accuracy of translation. Understanding these difficulties is crucial for achieving precise and effective communication in the field of architecture.

One of the primary challenges in translating architectural terminology lies in the fundamental differences in linguistic structure between English and Russian. English, being a Germanic language, and Russian, a Slavic language, possess distinct phonetic, grammatical, and syntactical structures, which do not have direct equivalents. For instance, Russian utilizes grammatical cases to convey meaning that in English might be indicated by prepositions. This structural difference can complicate the translation of phrases describing spatial relationships or functional attributes, which are common in architectural discourse. Another example refers to English compound nouns such as «load-bearing wall» [\[7, P. 254\]](#) which need to be thoroughly translated to ensure the structural and semantic integrity in Russian, which may use a different construction like «несущая стена» [\[11, P. 117\]](#). The misalignment in grammatical categories, such as gender and case, further complicates direct translations and requires a thorough understanding of the grammatical framework of both languages.

Another key difficulty in architectural terminology translation refers to semantic ambiguity. Architectural terms often denote specific meanings that can be lost or misinterpreted. Some English terms may have no direct equivalents in Russian, leading to semantic gaps. For instance, the term «parlour» may not have exact Russian counterpart, requiring descriptive translation like «скромная гостиная», «отдельный кабинет в ресторане» or «холл в гостинице», while the translation of the term «parapet» («парапет», «парапетное ограждение» or «парапетная стенка») assumes the adoption of borrowed terms [\[9, P. 141\]](#). Conversely, Russian architectural terms like «свод» can refer to various types of vaulted structures («concave», «cope», «cove», «dome», «pen», «vaulting», «vault», «arch») [\[9, P.](#)

[1881](#), requiring exact contextual interpretation to choose the appropriate English term.

Furthermore, cultural differences play a significant role in translating architectural terms. The historical and cultural contexts in which architectural concepts developed can influence how terms are understood and used. For example, the concept of a «cottage» in English-speaking countries typically refers to a small, cozy dwelling, often located in rural area. In Russian, «коттедж» denotes a more modern, often luxurious suburban house. Such cultural connotations must be taken into account in order to avoid misinterpretations.

The high degree of specificity required in translation of architectural terms also provides complexity to translation. Translators must have a deep understanding of technical vocabulary of both source and target languages. Misinterpretations or inappropriate term selections can lead to misunderstandings that might affect the construction processes. Accurate translation requires not only language proficiency but also a solid grasp of architectural concepts and practices.

The lack of standardization in terminology across different regions or practices can further complicate translation. Different countries or regions might use the same term to refer to different concepts or might have developed unique terminologies based on local regulatory frameworks or construction practices. For example, the English term «mansard» can be translated into Russian as «мансарда» [\[9, P. 122\]](#), but the specific design and functional requirements might vary depending on different contexts, leading to potential inaccuracies in translation.

Architectural discourse sometimes employs idiomatic or figurative language to convey certain concepts or aesthetics, which can be particularly challenging to translate. For instance, R. Caballero states in her paper that metaphors help bridge the gap between abstract architectural ideas and their tangible manifestations [\[12, P. 1876\]](#). This usage outlines the multimodal character of architectural discourse, where visual and verbal elements are intertwined to communicate design intentions effectively. One of the examples illustrating how architects use figurative language to convey deeper meanings and provide a more vivid description of architectural concepts and aesthetics can be found in the following statement: «The windows are the eyes of architecture. Through the windows enters the light and shadow that creates spaces» [\[13\]](#). The literal meaning of this phrase denotes that the windows look like eyes. However, the figurative meaning might state that the windows offer views and connect the interior with the exterior, providing light and perspective.

The figurative language is essential for articulating architectural concepts and evaluations, reflecting both objective descriptions and subjective preferences. However, idioms and metaphors may not have direct equivalents in the target language, requiring translators to find innovative ways to convey the same meaning without losing the term's connotative meaning.

Consequently, translating architectural terms between English and Russian involves navigating complex linguistic, cultural, and technical landscapes. Overcoming these challenges requires not only linguistic competence but also a comprehensive understanding of architectural practices and the cultural contexts of both languages. By addressing these difficulties, translators can enhance communication and collaboration across linguistic and cultural boundaries, supporting the global exchange of architectural knowledge and practices.

Discussion

The study of architectural terminology in English and Russian within the context of academic discourse reveals several critical insights into the complexities and nuances of this specialized vocabulary. Through a detailed examination of terminological classifications, translation challenges, and the interdisciplinary nature of architectural terms, this research highlights the intricate interplay between language, culture, and technical specificity in architecture.

One of the primary findings of this study is the significant role that semantic fields play in organizing architectural terminology. By categorizing terms based on their meanings and functional relationships, one can achieve a more structured and systematic understanding of architectural vocabulary. This approach not only facilitates more effective teaching and learning of architectural terms but also supports more precise communication among professionals. The identification of core and peripheral terms within semantic fields, such as building materials, underscores the hierarchical nature of architectural terminology, where terms range from broad, encompassing categories, to highly specific items.

The comparative analysis of English and Russian architectural terms highlights both the similarities and differences shaped by historical, cultural, and linguistic factors. While both languages share a substantial number of terms due to historical borrowings and global architectural practices, the specific usages and connotations of these terms can vary significantly. This variation requires thorough consideration in translation to preserve the intended meaning of terms and context. The study's exploration of borrowed terms, such as those from French, Latin, etc. in English, and their Russian equivalents, reflects the dynamic evolution of architectural vocabulary influenced by cultural exchanges and technological advancements.

The challenges in translating architectural terms between English and Russian further emphasize the importance of linguistic and cultural proficiency. The structural differences between the two languages (such as grammatical cases in Russian and the use of articles in English) pose significant difficulties in achieving accurate translations. Additionally, the lack of exact equivalents for certain terms requires translators to employ creative strategies, such as descriptive phrases or the adoption of foreign terms, each with its potential challenges. These challenges are compounded by the need for technical accuracy, where even minor misinterpretations can lead to significant practical implications in architectural projects.

Cultural and contextual differences also contribute to a further difficulty in the translation process. Architectural terms often carry cultural and historical meanings that may not have direct parallels in the target language. For example, traditional Russian architectural elements may not have direct equivalents in English, requiring detailed explanations to convey their full meaning. This emphasizes the importance of cultural awareness and contextual knowledge in translation, ensuring that the translated terms accurately reflect the original concepts and practices.

Moreover, the interdisciplinary nature of architectural terminology highlights the need for a holistic approach to both classification and translation. Architectural terms frequently intersect with related fields such as engineering, building construction, art, and design, therefore requiring a comprehensive understanding of these disciplines. The integration of terms from these fields into the architectural lexicon enriches the vocabulary and fosters a more cohesive understanding of architectural concepts. Such an interdisciplinary approach is

crucial for addressing the multifaceted challenges in architectural practice and education.

Standardization issues also play a critical role in the effective use and translation of architectural terms. Lack of uniformity in terminological standards across different regions and practices can lead to inconsistency and misunderstanding. Establishing standardized terminological frameworks can significantly enhance clarity and consistency in architectural discourse, supporting more effective communication and collaboration between scholars and professionals from different linguistic and cultural backgrounds.

In conclusion, the study of English and Russian architectural terms in academic discourse reveals a complex landscape shaped by linguistic, cultural, and technical factors. By addressing the challenges in classification and translation, this research contributes to a better understanding of architectural terminology and its role in facilitating global communication and collaboration in the field of architecture. The findings of the research emphasize the importance of interdisciplinary approaches, cultural awareness, and technical proficiency in navigating the intricacies of architectural vocabulary, which ultimately contributes to the advancement of knowledge and practice in architecture and related disciplines.

Библиография

1. Coxhead A. Vocabulary and Language for Specific Purposes // The Encyclopedia of Applied Linguistics. Edinburgh: Blackwell Publishing Ltd., 2012. P. 1-6.
2. Gunnarsson B-L. Language for Special Purposes // Encyclopedia of Language and Education. Dordrecht: Springer, 1977. – P. 105-117.
3. Gollin-Kies S., Hall D.R., Moore S. H. Language for specific purposes. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
4. Sakaeva L.R., Bazarova L., Kalinina A., Makayeva G., Gulkanyan M. English and Russian architectural and construction terminology: approaches to classification and systematization of terms // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. № 890 (1).
5. Fernandez T., Florez de la Colina M. A., Peters P. Terminology and terminography for architecture and building construction // Teaching and Learning Terminology. 2008. № 15 (1). P. 10-36.
6. Davies N., Jokiniemi E. Dictionary of Architecture and Building Construction. Oxford: Architectural Press, 2008.
7. Gorse C., Johnston D. A Dictionary of Construction, Surveying and Civil Engineering. Oxford: Oxford University Press, 2012.
8. Cowan J. H., Smith P. Dictionary of architectural and building technology. New York: The Taylor and Francis e-Library, 2005.
9. Широкова Л. Н. Новый англо-русский и русско-английский словарь по архитектуре, строительству и недвижимости: свыше 100000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. Москва: Живой язык, 2009.
10. Thelen M. The interaction between terminology and translation or where terminology and translation meet // Trans-kom. 2015. № 8 (2). P. 347-381.
11. Белогуб В.Д., Чуров Ю.В. Краткий англо-русский архитектурный иллюстрированный словарь. Харьков, 2003.
12. Caballero R. Re-Viewing Space: Figurative Language in Architects' Assessment of Built Space // Journal of Pragmatics. 2009. № 41. P. 1874-1877.
13. ArchiWindow: A Glimpse Through the Eyes of Architecture. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archdaily.com/556587/archiwindow-a-glimpse-through-the-eyes-of-architecture> (дата обращения: 05.06.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Функционирование и перевод англоязычных и русскоязычных архитектурных терминов в академическом дискурсе», предлагаемой к публикации в научном журнале «Litera» на английском языке, несомненно рассматривается актуальная тема как теории языка, а также для общей теории лексикологии и перевода. Данная статья посвящена функционированию английских и русских архитектурных терминов в академическом дискурсе, освещая их классификацию, систематизацию и существующие проблемы при их переводе между языками.

Автор представляет интересный материал с научной точки зрения, который имеет весомое значение для теории языка, так и лексикологии, и лексикографии. Важным является профессиональная ориентация исследования на область архитектуры, что делает его прикладным. Настоящее исследование направлено на изучение специфики профессионально-ориентированного перевода пар русский-английский, относящихся к архитектурной терминосистеме.

Важность этого исследования заключается в растущем интересе ученых к языку для специальных целей (LSP) и необходимости упорядочить архитектурную терминологию для лучшей коммуникации и понимания в данной области.

Материалом исследования послужил корпус текстов, состоящий из словарей, обзоров и статей из авторитетных журналов в области архитектуры. Однако автор не приводит конкретных данных об объеме корпуса и принципах его формирования.

Методологией исследования послужили комбинация количественных методов исследования для анализа использования архитектурных терминов в английском и русском академическом дискурсе, а именно компонентный анализ, сравнительный анализ, методы корпусной лингвистики и др.

Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Исследование выполнено в русле современных лингвистических подходов. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Постулируемое автором иллюстрируется практическим языковым материалом. Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулировали логично и отражают содержание работы. Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Приведенные замечания нисколько не умаляют огромной работы, проведенной автором и не ухудшают общего положительного впечатления от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, лингвистам, студентам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Функционирование и перевод англоязычных и русскоязычных архитектурных терминов в академическом

дискурсе» положительное, работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Нефедова О.И. Мотив предопределения в романе «Бойня номер пять» Курта Воннегута // Litera. 2024. № 8.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71081 EDN: WREBRS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71081

Мотив предопределения в романе «Бойня номер пять» Курта Воннегута

Нефедова Ольга Игоревна

ORCID: 0000-0002-4400-819X

кандидат филологических наук

доцент; институт иностранных языков; Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, Малый Казённый пер., 5Б, ауд. 254

✉ olgonaftik@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71081

EDN:

WREBRS

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Аннотация: Американская литература и культура имеет свои корни в том числе в религиозных воззрениях первых поселенцев, поэтому многие темы и мотивы, важные для христианства, затрагиваются и заново переосмысляются писателями в современных им реалиях. Предметом данного исследования являются особенности реализации мотива предопределения в романе Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969). Американский писатель рассматривает предопределение как отношение ко времени и жизненную философию и пытается выявить актуальность подобного видения судьбы людьми в рамках контекста общества потребления после Второй мировой войны. Целью статьи является выявить с помощью анализа образов персонажей, символов и аллюзий сущность мотива предопределение в романе «Бойня номер пять». Выражением данного мотива являются образы инопланетян-роботов с планеты Тральфамадор и Билли Пилигрима, пережившего травматичный опыт на войне. Методология включает в себя комплексное сочетание сравнительно-исторического, культурно-исторического, структурного и биографического методов с элементами

мотивного анализа и психологического подхода. Национальные мотивы часто отражают стержневые основы культуры, системный анализ которых в диахронии является одной из важных проблем и представляет собой научную новизну данного исследования. В результате исследователь приходит к выводу, что вера персонажей в предопределение и в то, что ничего нельзя изменить, позволяет в определённой степени игнорировать негативные эмоции, которые стимулируют неконтролируемые путешествия по временной петле воспоминаний, однако не может избавить от них полностью. При этом избегание как защитный механизм психики не даёт быть вовлечённым в свою жизнь и позволяет совершаться жестокости. К. Воннегут не соглашается с таким подходом, предлагает вернуться в настоящий момент и установить границы того, что возможно изменить, а что нет, с опорой на гуманистические ценности.

Ключевые слова:

мотив, предопределение, травма, ПТСР, война, агентность, память, избегание, постмодернизм, время

Основная тема творчества американского писателя Курта Воннегута (Kurt Vonnegut Jr., 1922-2007) касается дихотомии проблемы предопределения и свободы воли. В романах писателя, как правило, речь идет о героях, которые борются с осознанием того, что они не могут в полной мере контролировать свою судьбу. Представление о том, что жизнь предопределена, и её нельзя изменить, не является новым и, в частности, характерна для мифологического сознания. Однако в романе «Бойня номера пять» (*Slaughterhouse-Five, or, The Children's Crusade: A Duty-Dance with Death*, 1969) мотив предопределения является одним из способов человеческой психики справиться с осознанием и принятием опыта болезненного прошлого. В своём романе Курт Воннегут предпринимает попытку проанализировать, является ли предопределение целесообразной жизненной философией и какие ей могут быть предложены альтернативы. Не все подходы к тому, как личность интерпретирует реальность, являются эффективными для процветания человечества. Именно поэтому, например, «в рамках постмодернизма понимание интертекстуальности трансформируется в приём построения художественного текста» [\[16, с. 574\]](#), чтобы отразить разные трактовки рассматриваемых в тексте феноменов и точек зрения на проблему.

Роман «Бойня номер пять» общепризнанно является эталонным произведением постмодернистской и антивоенной прозы [\[7, с. 180-181\]](#) и рассказывает о солдате Второй мировой войны Билли Пилигриме (Billy Pilgrim), который попадает в плен к нацистам и едва выживает после бомбардировки Дрездена союзниками (*Bombing of Dresden*, 1945). Спустя годы Билли-оптометриста в возрасте 45 лет похищает летающая тарелка и доставляет на планету Тральфамадор (*Tralfamadore*), где его помещают в зоопарк для развлечения пришельцев, способных воспринимать весь пространственно-временной континуум одновременно. Однако американский писатель начинает свой роман о Дрездене не с точки зрения своего персонажа, а сам как рассказчик своей истории и основывает сюжет на собственном опыте военного времени. Как и Билли, Воннегута призвали на Вторую мировую войну. Так он оказался в Европе и попал в плен после наступления в Арденнах (*Battle of the Bulge*, декабрь 1944 – январь 1945) на юго-западе Бельгии. В качестве пленника он был брошен в подземную скотобойню в Дрездене. Его заключение в нечеловеческих условиях позволило ему выжить во время бомбардировки. Попытка описания реакции автора на данные события становится отправной точкой

написания романа.

Главные герои Курта Воннегута обычно являются прямыми проекциями какой-то части его психики, что позволяет ему исследовать собственные внутренние конфликты, а второстепенные персонажи часто воплощают другие разнообразные фрагменты его личности: «Vonnegut's main characters are usually straightforward projections of some part of his psyche, and they let him work out his inner conflicts; minor characters often embody other fragments of his personality» [5, p. 177]. Анализируемый текст представляет собой историю о Билли Пилигриме, которая разворачивается внутри воспоминания рассказчика, которое находится в романе под авторством Курта Воннегута: «a story within a memory within a novel» [3, p. 233]. Всё это отражает сложную многослойную структуру психики, которая создаёт персонажей-проекции и пытается защитить себя от болезненных воспоминаний, но, тем не менее, каким-то образом рассказать о них.

Данный текст показывает психологическое воздействие времени, смерти и неопределенности на главного героя, а точнее на рассказчика Курта Воннегута: «the psychological impact of time, death, and uncertainty on its main character» [3, p. 228]. Один голос не способен одновременно функционировать в трех режимах, необходимых для воссоздания всех аспектов катастрофы: 1. аналитическое и художественное описание; 2. сопереживание страданиям, пережитым жертвами; и 3. личная реакция, а именно психологическое разрушение, свидетельствующее о том влиянии, которое оказывает наблюдение за зверствами на чувствительного и гуманного человека [5, p. 179]. Критики зачастую воспринимают реакцию Билли как реакцию Воннегута. Более точным подходом будет рассматривать систему персонажей романа «Бойня номер пять» в качестве составляющих единой психики. Вместе они создают сложную и противоречивую реакцию одного разума на дрезденский опыт. Такое сочетание перспектив позволяет Воннегуту представить Дрезден в многомерном ключе. При этом именно Билли Пилигрим рассматривает все события в жизни как предопределённые, а, следовательно, именно через образ данного персонажа проявляется мотив предопределения в романе.

В рамках американской культуры и литературы предопределение играет важную роль. Известно, что «на протяжении всего XVII в. вера в предопределение была абсолютной для жителей североамериканских колоний. В то время колонисты полностью отрицали любую случайность происходящего. Однако с течением времени идея провиденциальности начинает ослабевать» [10, с. 8-9]. Из-за отказа от теологической парадигмы и переориентации на человека как центра вселенной, интерес к субъективному восприятию реальности характерен для представителей модернизма и постмодернизма. В частности, предопределение часто является фокусом внимания научно-фантастической литературы. Исследователи отмечают, что «значимыми аспектами доктрины предопределения являются наказание и спасение человечества, вмешательство Высших сил, избранность некоторых людей по сравнению с другими, греховность и праведность. Они нередко встречаются в произведениях фантастики, <...> поскольку их персонажи, традиционно помещенные в условия катастрофы или конца света, пытаются выжить и освоиться в новой действительности» [11, с. 9]. Писатель тесно связывает предопределение с категорией времени. Так, образы инопланетян с планеты Тральфамадор впервые появляются в романе писателя «Сирены Титана» (The Sirens of Titan, 1959) и развивают эту тему на протяжении всего творчества автора. Писатель противопоставляет альтернативное, нелинейное понимание времени обычному, линейному, связанному с научным развитием и прогрессом. Согласно тральфамадорцам, время не линейно, а синхронно. Все, что произошло или произойдет, существует в

вечном настоящем. Как утверждают тральфамадорцы, история – это череда случайных событий, не имеющая конечного смысла. Четырёхмерное восприятие времени тральфамадорцами похоже на интерпретацию Ф. Аквинским дихотомии предопределения и свободы воли. То, что происходит с людьми в разное время, для Бога является настоящим. Следовательно, событие, которое может произойти, является не будущим, а происходит сейчас. Таким образом, Бог не обладает предвидением в том смысле, в каком его определяют люди, а скорее обладает знанием о так называемом неизменном настоящем. Если заменить «тральфамадорцев» на «Бога» в рассуждениях Ф. Аквинского по этому вопросу, смысл будет таким же. Вещи, которые происходят в разное время для людей, для тральфамадорцев находятся в настоящем, точно так же, как Ф. Аквинский утверждал, что Господь воспринимает все одновременно, сразу, а не в будущем.

Главный герой «Бойни номер пять» приходит к принятию предопределённости бытия через некое «откровение» о природе времени, что связано в романе «с полным отрицанием категории времени, поскольку отвергается возможность изменения, взаимодействия, сопоставления» [17, с. 201]. Концепция циклической истории не нова, как и путешествия во времени в фантастике в целом, но их соединение и хаотичное случайное движение во времени – это собственный вклад Воннегута в литературу. То, что создает Воннегут, в определённой степени отражением идей французского философа Анри Бергсона (1859-1941). Человек не только волен произвольно перемещаться во времени, но его внутренние структуры психики формируются под воздействием внешнего мира через память, в которой, по мнению Бергсона, пребывает время. Бергсон выдвигает гипотезу о том, что сознание может охватить множество событий, широко разнесенных в пространстве, в одном мгновенном восприятии [2, p. 45]. Однако, в отличие от размышлений древних философов, здесь имеется в виду восприятие времени именно психикой человека. В некоторой степени похожим образом Билли Пилигрим отрицает существование хронологического порядка – и прошлое, и будущее уже наступили, и поэтому парадоксальным образом судьбы не существует.

Роман «Бойня номер пять» представляет собой исследование двух подходов к жизни, которые Пилигрим хранит в своем сознании, – тральфамадорианство и христианство: «an inquiry into the two opposed philosophies that Pilgrim holds in his mind — Tralfamadorianism and Christianity» [8, p. 47]. Обе точки зрения на время по-разному отрицают свободу воли и возможность людьми изменить свою судьбу, т.к. она уже предопределена, а значит, человечество бессильно повлиять на ход событий. Инопланетяне позволяют своему лётчику-испытателю нажать на кнопку, хотя знают, что это уничтожит вселенную. По этой логике, бомбардировка Дрездена была неизбежна, независимо от того, по воле ли Бога разрушен Дрезден, или, как это интерпретируют инопланетяне, момент просто «так структурирован»: «“We blow it up, experimenting with new fuels for our flying saucers. A Tralfamadorian test pilot presses a starter button, and the whole Universe disappears. So it goes. “If you know this,” said Billy, “isn’t there some way you can prevent it? Can’t you keep the pilot from pressing the button?” “He has always pressed it, and he always will. We always let him and we always will let him. The moment is structured that way”» [9, p. 149]. Такое объяснение происходит от того, что «крайняя рационализация времени создает настолько жесткую и чистую структуру пространства, что, по мысли Билли Пилигрима, в нем невозможна свободная воля» [14, с. 182]. А эта структура определяется через место и время. Тральфамадорцы являются причиной гибели вселенной, но «рацио не видит себя в пространственной структуре, которую создает методом исключения себя в положение внаходимости. Причиной скорее оказывается сама структура» [14, с. 182]. Они как бы «отключены» от места и времени и

поэтому с помощью художественного приёма остранения занимают позицию наблюдателя, которая предлагает возможность эмоциональной отстранённости и анализа своей судьбы персонажем как чистой структуры вне пространственно-временного континуума и контекста. Так, мотив предопределения связан с отчуждением от своих воспоминаний и эмоций персонажей, что рождает ощущение бессмысленности любых решений или действий.

В таком ключе встреча с инопланетянами и «путешествия во времени <...> можно трактовать в качестве его защитного механизма против длительного деструктивного влияния воспоминаний о бомбардировке Дрездена и пребывании в концлагере» [17, с. 200]. Билли, очевидно, страдает от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Как отмечают исследователи В.Е. Беляева и Г.В. Стрельцова, «то, что ранее рассматривалось в рамках эстетики постмодернизма: эклектичность образов, фрагментированное повествование, осцилляция напряжения сюжета, знаменитые эксперименты с пространством и временем, ирония и богатая смыслами интертекстуальность – в современном состоянии литературоведческой науки может в полной мере служить обоснованием иного подхода к изучению своеобразного авторского метода: с позиций теории травмы» [12, с. 78]. Как известно, людям, страдающим от ПТСР, трудно избегать психологических стимулов – как внутренних, так и внешних факторов, вызывающих реакцию и связанных с травмой. Определённые триггеры вызывают появление произвольных навязчивых воспоминаний тревожного характера. Человек ощущает, как будто событие прошлого происходит снова, иногда до полной потери осознания окружающей действительности (Справочник MSD. Профессиональная версия. URL: <https://www.msdmanuals.com/>). Все перемещения во времени и пространстве Билли Пилигрима связаны с определенными инцидентами в его жизни, в особенности на войне, что и составляет те самые стимулы. Так, Курт Воннегут как будто выстраивает разные моменты из жизни главного героя вокруг одного ориентира или стимула, создавая более сложную структуру опыта персонажа и тем самым также повествования. Всё это напоминает то, как в действительности работает память.

Билли живет в бергсоновском мире чистом внутреннем времени или длительности (*durée*), а внешние стимулы лишь вызывают отклик в его памяти [6, p. 70]. Например, первый скачок во времени происходит, когда он находится в поезде в Германии. Этот поезд был отмечен полосатым знаменем оранжевого и черного цветов: «a striped banner of orange and black» [9, p. 88], означающее, что в нём везут военнопленных. Цвета как стимул вызывают отклик в памяти Билли, и он через них перемещается в день свадьбы своей дочери под полосатым шатром таких же цветов [9, p. 91]. Эта же реакция прослеживается при описании Билли спящих заключенных, его и его жены и тел мёртвых американцев («*nestled like spoons*» [9, p. 90, 91, 161, 183]). Подобные повторяющиеся детали являются ориентирами, которые позволяют читателю следить за ходом повествования и выстраивать вокруг них разрозненные фрагменты жизни Билли.

Произошедшее на войне преследует Билли даже больше, чем собственная смерть, которую он также видит несколько раз. В романах Воннегута жизнь – это состояние постепенного, но вечного разрушения. Это видно по различным повторяющимся элементам, которыми пронизан текст. Например, автор ассоциирует смерть со льдом (*ice*), замерзшей водой (*frozen water*), с запахом иприта и роз (*mustard gas and roses*), цветами голубым и слоновой кости (*blue and ivory*), указывающими на смерть и смертность. Время, которое неизбежно ведет к смерти, является настоящим врагом

Воннегута-персонажа (а значит и в том числе ощущение предопределённости бытия). Смерть кажется слишком реальной, чтобы исключить ее из переосмысленного мироздания, но, изменив природу времени, Воннегут лишает смерть ее жала: «Time since it leads inevitably to death—is the real enemy of Vonnegut-as-character. Death seems too real for Vonnegut to omit from his reinvented cosmos, but by reinventing the nature of time, Vonnegut deprives death of its sting» [\[3, p. 238\]](#). Рассказывание своей истории Воннегутом-персонажем является попыткой автора справиться со своим травматичным опытом, ощущениями по поводу смерти и неопределённости жизни с помощью манипуляций со временем, которые меняют отношение к смерти и судьбе. Для этого писатель прибегает к фрагментации времени, структурирует жизнь главного героя так, чтобы представить абсурдность войны и её негативное влияние на психику человека.

Под руководством тральфамадорцев Билли пытается справиться с воспоминаниями о своём дрезденском опыте. На Тральфамадоре главный герой учится, что все моменты прошлого, настоящего и будущего всегда существовали, всегда будут существовать, а значит, когда человек умирает, он только кажется умершим, потому что он все еще жив в своём прошлом. Он мёртв в этот конкретный момент, но прекрасно себя чувствует во множество других моментов времени: «“The most important thing I learned on Tralfamadore,” says Billy, “was that when a person dies he only appears to die. He is still very much alive in the past, so it is very silly for people to cry at his funeral. All moments past, present, and future, always have existed, always will exist <...> When a Tralfamadorian sees a corpse, all he thinks is that the dead person is in bad condition in that particular moment, but that the same person is just fine in plenty of other moments”» [\[9, p. 33-34\]](#). С помощью такого подхода к судьбе и избегания как способа психологической защиты персонажи снижают личную вовлеченность и эмоциональную реакцию по отношению к любым её событиям, счастливым или трагичным. В этом случае, трагедия не доставляет такой сильной боли, но и счастье – радости. Так, догматы тральфамадорианства содержат средства для ухода от боли и страданий.

Однако рассказчик Воннегут пишет книгу не для того, чтобы избежать воспоминаний о прошлом, а наоборот рассказать о нём. Своеобразное путешествие в прошлое означает для Воннегута встречу с самым эмоционально заряженным для него событием – бомбардировкой Дрездена. Дрезден как точка во времени и пространстве олицетворяет для Воннегута неизбежность и вездесущность смерти, поэтому он является событием, вокруг которого все строится в тексте. Американский исследователь П. К. Олкен (P. K. Alkon) отмечает, что американцы были и остаются более склонными, чем европейцы, отождествлять географическое положение со временем и, следовательно, пространственное путешествие с временным. Американцы, пересекающие Атлантический океан на восток, в Европу также фактически посещают свое коллективное прошлое: «Americans crossing the Atlantic eastward to Europe <...> are also in effect visiting their collective past» [\[1, p. 120\]](#). Следовательно, герой романа «Бойня номер пять» также совершает путешествие как по своей индивидуальной памяти, так и внутри коллективной, пересматривая заново уже устоявшиеся представления о прошлом.

Детерминистский образ мышления часто встречается и применяется в качестве инструмента во время войны. Общественная привлекательность тральфамадорианства очевидна: оно освобождает человечество от ответственности и моральных действий. Если все предопределено, если нет смысла что-либо менять, то никто ни за что не может нести ответственность. Тральфамадорианская идея о том, что мы ничего не можем сделать, полностью оправдывает апатию Билли. Тральфамадор символизирует собой коллективное забвение Второй мировой войны, которому способствовало ускоренное

развитие культуры потребления в Соединенных Штатах. Инопланетяне фактически излагают послевоенную философию потребления: следует сосредоточиться на хороших событиях и забыть о плохих, что и предлагает посетитель тральфамадорского зоопарка. Инопланетяне ничего не могут поделать со своими ужасными войнами, поэтому они просто выбирают игнорировать их и проводят вечность, созерцая приятные моменты: «we have wars as horrible as any you've ever seen or read about. There isn't anything we can do about them, so we simply don't look at them. We ignore them. We spend eternity looking at pleasant moments-like today at the zoo» [9, p. 150]. Разбогатевший Билли-оптометрист, очевидно, считает, что обладание предметами и привлекательными женщинами заставит его забыть свое прошлое и стать счастливым. Однако весь сюжет романа держится на том, что Билли не может забыть войну и её ужасы. Его беззаботная жизнь, кажется, не дает ему ни настоящего утешения, ни спасения. Несмотря на материальный комфорт, Билли постоянно погружается в свое неприятное прошлое.

На протяжении всего романа автор ассоциирует своего персонажа с «Путешествием Пилигрима» (1678, 1684) Джона Баньяна (John Bunyan, 1628-1688) и с историей о жертве Иисуса Христа: «Now his snoozing became shallower as he heard a man and a woman speaking German in pitying tones. The speakers were commiserating with somebody lyrically. Before Billy opened his eyes, it seemed to him that the tones might have been those used by the friends of Jesus when they took His ruined body down from His cross» [9, p. 250]. В приведённом отрывке тело Билли сравнивается с телом Христа, которое снимают с креста, что символично означает то, что герой также невинен и, тем не менее, проходит через боль и страдания. После похищения же в 1967 году тральфамадорцами Билли-оптометрист берет на себя роль мессии: «He was doing nothing less now, he thought, than prescribing corrective lenses for earthling souls. So many of those souls were lost and wretched, Billy believed, because they could not see as well as his little green friends on Tralfamadore» [9, p. 36]. Он назначает теперь «корректирующие очки» для душ землян и пытается сменить их фокус внимания и взгляд на мир, чтобы спасти от боли и страданий.

Воннегут создал пародийного Христа, чье евангелие – тральфамадорское. Когда Билли проповедует эту догму, он оказывает большую услугу уже апатичным людям, подтверждая их позицию и обеспечивая философскую базу для их безразличия. Всепоглощающее чувство собственной беспомощности Билли – это то, что современные американцы продолжают оправдывать: «Billy's overwhelming sense of his own helplessness is something contemporary Americans continue to validate» [8, p. 48]. В «Бойне номер пять» очень мало различий между волей Бога и волей случая. Для Воннегута слепая вера во всемогущего Творца, участвующего в руководстве человеческой историей, привела к большим бедам: принятию войны как Божьей воли и что Бог, безусловно, на стороне американцев, а значит, происходящая жестокость неизбежна и предопределена. Отраженная таким способом концепция американской исключительности имеет свои истоки во взглядах пуритан раннеколониального периода, которые во многом легли в основу культуры США в целом, что легко находит отклик у американцев.

Проблема Билли в том, что травмированность прошлым не позволяет персонажу отделить прошлое от настоящего и будущего, поэтому он болезненно реагирует на любые триггеры связанные с этими воспоминаниями, о которых он не готов говорить. Более того, «категория времени лишена для Билли семантического содержания, поскольку он не может достоверно соотнести свой жизненный опыт в темпоральной плоскости. Герой

не ощущает логическую связь между событиями, упорядоченность между ними» [\[18, с. 2021\]](#), что порождает его эмоциональную нестабильность и одновременно подсвечивает абсурдность реальности, в которой он существует. Всё это соотносится с тем, что «абсурдизм стал если не ответом, то попыткой осмысления ужасов Второй мировой войны, которая обнажила переменчивость ценностей и бессмысленность человеческого существования» [\[15, с. 135\]](#). Литература и искусство отражают, как целое поколение людей ощущает похожие интенсивные эмоциональные переживания, что влияет и на последующие поколения. «Межпоколенческая передача психической травмы обусловлена отчуждением, утратой корней, разрывом семейных связей, и, как следствие, жизнью в новое время, где иллюзия благополучия вдруг оборачивается одиночеством и чувством вины» [\[13, с. 128\]](#). Отношения Билли с его собственными детьми Барбарой (Barbara) и Робертом (Robert) характеризуются похожим образом. И, несмотря на то, что война основательно пошатнула состояние Билли, он не проявляет достаточной решительности и рефлексии, чтобы осудить ее или отговорить собственного сына от участия в войне во Вьетнаме.

Стоит добавить, что память, по Бергсону, сохраняет прошлое и допускает различие в настоящем опыте. К примеру, мы можем переживать похожие события, но обстоятельства могут быть другие, или же мы можем реагировать на них иначе. Это различие обеспечивает свободу, с помощью которой мы можем иметь выбор и творить, чего не понимает Билли Пилигрим. Таким образом, можно заключить, что главный герой романа находится в необычной временной петле, перемещение по которой он никак не контролирует, однако этот взгляд на мир позволяет ему избегать болезненных эмоций и осознания бессмысленности, что он воспринимает как благо, которое нужно распространять среди других людей. И это мнимое спокойствие является безразличием к моральным проблемам, что в конечном итоге является причиной таких событий, как бомбардировка Дрездена.

Для того, чтобы решить эту проблему, нужно сменить позицию с безразличного наблюдателя на того, кто верит в возможность свободы воли и готов преобразовывать реальность вокруг себя. «Опыт «всебытия» равнозначен потерянности: Билли Пилигрим видел много раз свое рождение и свою смерть, но он не знает, кто он "на самом деле"» [\[14, с. 183\]](#). Он не знает, молодой он или старый, солдат или оптометрист, потому что не понимает, что на самом деле составляет его настоящее, из-за того, что его постоянно относит в прошлое или будущее. Как следует из его имени, Билли обречен на вечное паломничество к тем моментам, которые определяют его. Он, как призрак, становится свидетелем смерти снова и снова. Однако Билли не воспринимает ни один пережитый опыт как свой, а как просто «существующий», поэтому он чувствует внутреннюю пустоту: «He had supposed for years that he had no secrets from himself. Here was proof that he had a great big secret somewhere inside, and he could not imagine what it was» [\[9, p. 221\]](#). Когда опыт отрицается человеком, для него эти события не составляют его идентичность, но если всё отрицается в одинаковой степени, человек для себя превращается в ничто и как бы «умирает», перестаёт существовать.

Однако американский автор также предлагает альтернативу для человечества. Индийские учёные называют подход К. Воннегута «библейским гуманизмом» (biblical humanism), основанным на личных и индивидуализированных актах любви и милосердия: «personal and individualised acts of love and charity» [\[4, p. 88\]](#). В исследуемом романе через использование в тексте молитвы (the Serenity Prayer) предлагается ещё одна жизненная философия:

«GOD GRANT ME
THE SERENITY TO ACCEPT
THE THINGS I CANNOT CHANGE
COURAGE
TO CHANGE THE THINGS I CAN,
AND WISDOM ALWAYS
TO TELL THE
DIFFERENCE»

[\[9, p. 77\]](#).

Воннегут осознает, что люди должны спокойно принимать те вещи, которые они не могут изменить – прошлое, линейное время, старение, смерть, природные силы. В определённом смысле данный подход схож с философией буддизма, в которой самым главным аспектом является принятие того факта, что страдание является естественной частью нашей жизни. Страдания происходят от того, что люди слишком сильно привязываются к чувственным удовольствиям и недолговечным вещам внешнего мира, которые им неподвластны, но не ценят при этом то, что уже имеют прямо сейчас. В приведённой молитве также утверждается, что есть вещи, которые можно изменить с помощью морального мужества, но этого качества лишено тральфамадорское видение мира. В то время как Билли верит, что он не может изменить прошлое, настоящее или будущее, Воннегут утверждает, что на арене огромного настоящего мы можем, проявив мужество, добиться перемен: «And I asked myself about the present: how wide it was, how deep it was, how much was mine to keep» [\[9, p. 23\]](#). Воннегут-персонаж сравнивает здесь настоящее с рекой (в противопоставление недвижимому льду прошлого) и задаётся вопросами о том, насколько река настоящего момента широка, глубока и какая её часть принадлежит ему – какова его степень ответственности за те события поступки, которые совершаются здесь и сейчас. Так он пытается очертить границы между неподконтрольной реальностью и собой, с помощью чего обрести мудрость и понять, кто же он такой на самом деле и за что он должен быть ответственен.

Мужество заключается в том, что перед лицом хаоса, смерти и неопределённости, человек способен реагировать и прилагать усилия к разрешению событий и ситуаций, которые остальные склонны игнорировать или забывать. Для того, чтобы знать, что возможно изменить, нужно лучше знать реальность вокруг и самого себя. «Обращение персонажей к своей внутренней сущности становится началом как духовной перемены, так и их внутреннего роста» [\[18, с. 1372\]](#). Так, ощущение агентности (возможности действовать) важно для жизнестойкости индивидов. Иначе вера в предопределение ведёт к потере уверенности в своих силах и возможностях, восприимчивости к манипуляциям, неспособности брать ответственность за свои действия и уничтожению человеческой личности как таковой.

Таким образом, мотив «предопределение» в романе К. Воннегута «Бойня номер пять» представляет собой реакцию травмированной войной и другими болезненными событиями психики человека, который путешествует по временной петле своих воспоминаний и не может контролировать данный процесс, в том числе в связи с

сильным принятием смерти. Способом справиться с этим является философия инопланетян с планеты Тральфамадор, которые делают себя наблюдателями происходящих событий вне времени и пространства и поддерживают веру главного героя в то, что никто не может ничего изменить, что ведёт к притуплению чувств, пассивности и безразличию. Однако этому противостоит Воннегут-персонаж, который пытается принять своё собственное прошлое. В аспекте субъективного восприятия процесс поиска своего истинного «я» по Воннегуту предполагает различение прошлого, настоящего и будущего и принятие ответственности за то, что человек способен контролировать.

Библиография

1. Alkon P. K. *Science Fiction Before 1900: Imagination Discovers Technology*. NY: Twayne Publishers. 1994.
2. Bergson H. *Duration and Simultaneity*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965.
3. Harris C. B. Time, uncertainty, and Kurt Vonnegut, Jr.: a reading of 'Slaughterhouse-Five' // *The Centennial Review*, vol. 20, No. 3, 1976. Pp. 228-243.
4. Herbert J. X., Frederick S. Love and Charity: A Biblical Humanistic Study of Kurt Vonnegut's *God Bless You Mr. Rosewater* // *World Journal of English Language*. Vol 12, No 5, 2022. Pp. 83-89.
5. Hume K. Vonnegut's Self-Projections: Symbolic Characters and Symbolic Fiction // *The Journal of Narrative Technique*. vol. 12, No. 3, 1982. Pp. 177-190.
6. Rubens P. M. 'Nothing's Ever Final': Vonnegut's Concept of Time // *College Literature*. Vol. 6, No. 1. 1979, Pp. 64-72.
7. Savinich S.S. Rethinking of the Category of Genre and Genre Interaction in the Novel by K. Vonnegut "Galápagos" // *Теория жанра и метод в зарубежной литературе: история и современность. Сборник научных трудов по литературоведению. Материалы участников международного литературного colloquiuma*. Москва: МГПУ, 2023. С. 180-185.
8. Vanderwerken D. L. Kurt Vonnegut's *Slaughterhouse-Five* at Forty: Billy Pilgrim – Even More a Man of Our Times, Critique: *Studies in Contemporary Fiction*. 54:1, 2013. Pp. 46-55.
9. Vonnegut K. *Slaughterhouse-Five, or, The Children's Crusade: A Duty-Dance with Death*. New York: Dial Press, 2005.
10. Баранова К.М., Афанасьева О.В. Мотив предопределение в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера» // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. № 3 (23), 2016. С. 8-17.
11. Баранова К.М., Федоренко О.Я. Мотив «предопределение» в повести С. Кинга «Туман» // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. № 2 (46), 2022. С. 7-17.
12. Беляева В.Е., Стрельцова Г.В. Творчество К. Воннегута как отражение личной травмы // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. № 1, 2023. С. 77-86.
13. Любеева С.В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы в дебютных произведениях К. Исигуро // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. № 4 (44), 2021. С. 123-129.
14. Петров А.В. Время как пространство: моделирование опыта в романе Курта Воннегута «Бойня номер пять» // *Американские исследования в Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири»*. Вып. 8. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 176-184.
15. Томская Н.Н. Предпосылки возникновения драматургии театра абсурда // *Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по*

лингвистике и литературоведению. Московский городской педагогический университет. Москва, 2021. С. 132-137.

16. Тропина Н.А. Интертекстуальные элементы в пьесе Марка Равенхилла «Shopping & F***ing» // Научный старт-2022. Москва: МГПУ, 2022. С. 573-578.

17. Чередникова Е. А., Абраменко Е. В., Тарасова Ю. В. Путешествие во времени как следствие травматических воспоминаний героя (на материале романа К. Воннегута "Бойня номер пять") / Е. А. Чередникова, Е. В. Абраменко, Ю. В. Тарасова // Балтийский гуманитарный журнал Т. 8. № 4 (29), 2019. С. 199-202.

18. Шалимова Н.С., Могий А.А. Репрезентация «непроеденной инициации» в постмодернистской литературе в романе Дж. Апдайк «Бразилия» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. № 5, 2023. С. 1371-1374.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Курта Воннегута находится в фокусе внимания российских исследователей: защищены диссертации, в которых рассматриваются проблематика и особенности поэтики его произведений, своеобразие публицистики, специфика фантастики, категории «метатекст» и «время» и пр. Статья «Мотив предопределения в романе «Бойня номер пять» Курта Воннегута» органично вписывается в уже имеющуюся традицию, учитывает накопленный опыт научного изучения творчества писателя.

В центре внимания автора статьи – один, но знаковый роман Курта Воннегута «Бойня номер пять», который «общепризнанно является эталонным произведением постмодернистской и антивоенной прозы». Автор статьи выделяет мотив предопределения как принципиально важный для авторской концепции времени, показывает, что он «является одним из способов человеческой психики справиться с осознанием и принятием опыта болезненного прошлого». Таким образом, роман Воннегута воспринимается как роман о влиянии травматического опыта на судьбу человека, его мироотношение, его восприятие времени. А художественную задачу Курта Воннегута автор статьи видит в том, что писатель «предпринимает попытку проанализировать, является ли предопределение целесообразной жизненной философией и какие ей могут быть предложены альтернативы». В статье рассматриваются такие вопросы, как психологическое воздействие времени на человека, страх смерти и неопределенности, структура повествования, сочетание реально-исторического (бомбардировка Дрездена) и фантастического (пребывание на планете Тральфамадор), философия времени, символика имени главного героя. В статье много важных и продуктивных наблюдений и выводов. Это и анализ системы персонажей романа «Бойня номер пять», когда главные и второстепенные персонажи воспринимаются как составляющие единой психики. И обозначение философского контекста романа: в статье выявлены идеи Ф. Аквинского, Анри Бергсона, что выводит на авторскую концепцию времени, которое Воннегут в романе показывает не как линейное, а как синхронное. Как показывает автор статьи, тема времени на протяжении всего творческого пути определяется следующей формулой: «Все, что произошло или произойдет, существует в вечном настоящем». Именно этот тезис и актуализирует мотив предопределения как центральный и принципиальный для раскрытия темы памяти и травматического опыта в романе.

Автор статьи напрямую не формулирует цель своего исследования, но она «считывается» - пропускает через структуру работы, систему аргументов, анализ

произведения. Таким образом, изначальный замысел реализован. Однако есть один затрудняющий восприятие статьи фактор – это авторский стиль. В работе встречаются речевые неточности, фразы, которые можно было бы сформулировать проще (в этом случае сама мысль была бы выражена точнее и отчетливее), есть логические нестыковки.

На основании вышеизложенного можно рекомендовать статью к публикации в журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гун А. Коан и его реализация в прозе В. Пелевина // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71565
EDN: WRKELV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71565

Коан и его реализация в прозе В. Пелевина

Гун Аньпин

аспирант; кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11В

✉ gap0921liza@yandex.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.8.71565

EDN:

WRKELV

Дата направления статьи в редакцию:

24-08-2024

Аннотация: Философская мысль дзен-буддизма широко используется в творчестве Виктора Пелевина, она становится неотъемлемым элементом его ранних произведений. Наиболее важной и типичной особенностью дзен-буддизма является использование «коан» для понимания философской мысли дзен-буддизма. Первоначальное значение слова «коан» – это судебный документ древнекитайского правительства. Позже термин «коан» был заимствован дзен-буддизмом, и его содержанием обычно является рассказ о мастере дзен, диалог между мастером и его учениками, вопросы и намеки мастера. В данной статье рассматривается реализация коанов в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Объектом исследования является поэтика творчества В. Пелевина, предмет исследования – коан и его реализация в прозе писателя. В рамках данной работы соединяются сравнительно-типологический, культурно-исторический, структурно-поэтический методы. Теоретической и методологической основой исследования стали труды по методологии интертекстуальности, религиоведению и нарратологии. Новизна работы заключается в том, что в ней показан и проанализирован процесс художественной реализации дзен-буддийских коанов в прозе Виктора Пелевина. Существующие исследования были больше сосредоточены на интерпретации концепции и философской мысли дзен-буддизма в произведениях Пелевина, в них отсутствует

изучение реализации и адаптации дзен-буддийских коанов в прозе писателя, также игнорируются идеологические различия между разными школами дзен. Показано, что эти коаны реализуются в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» через диалог и поведение героев. Сюжет романа следует за последовательностью процесса просветления в коане мастера дзен Цинъюань Синси. Опыт практики дзен главного героя Петра Пустоты – это постоянно совершенствующаяся игра, а стандартом оценки в игре является степень понимания коана.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, коан, дзен-буддизм, Чапаев и Пустота, просветление, философия, Сутра сердца, школа Линьцзи, Сон бабочки, коллективное бессознательное

Дзен-буддизм — одно из направлений китайского буддизма, которое началось с Бодхидхармы, расцвело при шестом патриархе Хуэйнэне и стало господствующим направлением буддизма в Китае в середине и конце правления династии Тан. В течение сотен лет после шестого патриарха Хуэйнэна дзен-буддизм постепенно ослабевал. Чтобы сохранить жизненную силу дзен, мастера предложили экстремальный метод, который мог бы способствовать монахам в просветлении — использование коанов. Первоначальное значение слова «коан» — это судебный документ древнекитайского правительства. Позже термин «коан» был заимствован дзен-буддизмом, и его содержанием обычно является рассказ о мастере дзен, диалог между мастером и его учениками или вопросы и разного рода намеки мастера. Коан обладает двумя примечательными свойствами: гибкостью и иррациональностью. Другими словами, в коане мастера дзен дают объяснения различных ситуаций из жизни своих учеников, но их слова и поступки нелогичны и несовместимы с общепринятыми.

Философия дзен-буддизма занимает очень важное место в прозе В. Пелевина. Роман «Чапаев и Пустота» — это дзен-буддистский роман, в котором рассказывается о полном процессе просветления главного героя — Петра Пустоты. Один коан в древнекитайском сборнике коанов «У дэй хуэй юань» (1252) не только показывает три этапа практики дзен, но и становится главной идейной основой в романе Пелевина «Чапаев и Пустота»: «Пока ты не знаком с учением дзен, горы — это горы, реки — это реки; когда ты изучаешь дзен, горы перестают быть горами, а реки — реками; но после того, как ты достиг просветления, горы — это снова горы, а реки — это снова реки» [\[3, с. 105\]](#). Этот коан представляет собой процесс просветления, описанный Цинъюань Синси, мастером дзен из династии Сун. Первая стадия: до изучения дзен все, что люди видят, является его видимостью, и люди верят, что мир существует в соответствии с установленными правилами. Вторая стадия: после практики и медитации мастер дзен чувствует, что все в этом физическом мире есть иллюзия. Как сказано в «Алмазной сутре»: «Когда есть образ, то есть и заблуждение» [\[1, с. 125\]](#). Третья стадия: мастер дзен поддерживает собственное сознание, в этой стадии реальность является продуктом личного сознания.

В романе «Чапаев и Пустота» Чапаев и Черный барон — просвещенные герои, которые находятся в революционном мире Москвы. Они выступают в роли мастеров дзен, подражая или создавая коаны, чтобы вдохновить Петра. Первая задача мастеров дзен — заставить Петра осознать концепцию «не-я» и отказаться от дуализма. Согласно идее дзен, люди ошибочно думают, что «я» — это совершенно независимая сущность, но, если есть «я», то будут отвлекающие мысли, поэтому наилучший метод духовного

совершенствования — действовать без намеренных усилий или целеполагания [\[8, с. 382\]](#). Когда Петр впервые соприкасается с дзен, Чапаев обсуждает с ним проблему «не-я». Подобно традиционным мастерам дзен, он не дает ответов на вопросы напрямую. Однако он берет на себя инициативу задавать вопросы, чтобы направить Петра к размышлению. Но традиционный мастер дзен уделяет больше внимания активности учеников, поэтому в коанах ученики обычно задают вопросы учителю. Диалог между Чапаевым и Пустотой об индивидуальном сознании выглядит следующим образом:

«...Ведь «мы» — это сложнее, чем «я», правда?

— Правда, — сказал я.

— Что ты называешь «я»?

— Видимо, себя.

— Ты можешь мне сказать, кто ты?

— Петр Пустота.

— Это твое имя. А кто тот, кто это имя носит?

— Ну, — сказал я, — можно сказать, что я — это психическая личность. Совокупность привычек, опыта... Ну знаний там, вкусов.

... — А какие привычки бывают у привычек?» [\[7, с. 153\]](#).

Тема «не-я» часто обсуждается в коанах. Например, в первом коане древнекитайского сборника «Речения с лазурного утеса» Правитель У-ди задает Бодхидхарме три вопроса: «я строил храмы для поклонения Будде всю свою жизнь и обеспечивал монахов едой и удобствами, каковы мои заслуги и добродетели; в чем заключается высший смысл священной истины; кто же стоит пред моими очами» [\[6, с. 559\]](#). Три вопроса Правителя У-ди на самом деле являются одной проблемой: у Правителя У-ди все еще есть навязчивые идеи. Он строил храмы и угощал монахов, потому что хотел или славы, или богатства или награды. Мастер Бодхидхарма дал ему отрицательный ответ: нет высшей истины и нет «я». В то время Правитель У-ди и Петр Пустота были людьми, которые совсем не понимали сути дзен, они не осознавали, что «я» — это всего лишь кодовое имя, и они не должны ставить никаких целей в своем сознании.

Главный герой романа «Чапаев и Пустота» Петр Пустота находится одновременно в двух периодах: в 1918–1919 гг. и в середине 1990-х. В революционной Москве он был политруком Чапаева и поэтом-модернистом из Петербурга, а в современной России — пациентом психбольницы. Автор романа ставит перед Петром вопрос: какой из этих миров реален? Как неоднократно подчеркивал Дайсэцу Судзуки, «возвращение дуализма — фундаментальная ошибка, от которой следует обязательно избавиться на первых же этапах пути к состоянию самоосуществления» [\[8, с. 107\]](#). Подумав над проблемой «не-я», Петр не только начинает сомневаться в собственном образе мышления, но и переосмысливает действующий механизм всего мира: «Можно было бы сказать, думал я, что мир, с одной стороны, существует во мне, а, с другой стороны, я существую в этом мире, и это просто полюса одного смыслового магнита, но фокус был в том, что этот магнит, эту диалектическую диаду негде было повесить» [\[7, с. 162\]](#). К этому моменту Петр уже скептически относится к дуализму, но на самом деле не отказывается от него.

Из слов Черного барона в седьмой главе мы можем узнать следующее: Петр считает, что мир сна (то есть мир, где находится психиатрическая больница) менее реален, чем то пространство, где он пьянствует с Чапаевым в баньке. Чтобы избавиться от этой дуалистической идеи, Чапаев цитирует и адаптирует китайский даосский философский рассказ «Сон бабочки». Чапаев говорит, что он знал одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан, которому всегда снилось, что он красная бабочка, летящая среди траве. Когда Чжуан Цзе просыпался, то не знал, бабочка он или подпольщик. Эта даосская история восходит к книге философа Чжуан-цзы «Ци у лунь»: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу» [\[10, с. 73\]](#). В этой истории обыгрывается философская мысль о «единении человека с космосом» китайского даосизма. Чжуан-цзы верит, что феноменальный мир не имеет реальности, и даже не знает, живет ли он во сне бабочки. Пелевин использовал прием пародии, чтобы адаптировать даосскую историю к коану, произнесенному мастером дзен. Его цель при создании этого коана состоит в том, чтобы с его помощью объяснить Петру, что такое сон и настоящее пробуждение. Пелевин написал концовку для рассказа Чжуан Цзе: после допроса у Черного барона последний проснулся от того, что его поставили к стене и разбудили, а затем полетел дальше [\[7, с. 221\]](#). Возможно, Чжуан Цзе всего-то навсего попадет из одного сна в другой. Настоящее пробуждение происходит именно так, как сказал Чапаев: «Но если ты поймешь, что абсолютно все, происходящее с тобой — это просто сон, тогда будет совершенно неважно, что тебе приснится» [\[7, с. 222\]](#). Таким образом, точка зрения, которой Чапаев хочет научить, звучит так: «Жизнь подобна сну, мир — это пустота».

Однако философская аллюзия на «Сон бабочки» не вызвала у Петра прозрения, поэтому Чапаев попросил Черного барона взять Петра с собой, чтобы тот хоть раз оказался в месте, которое не имеет никакого отношения ни к кошмарам о доме умалишенных, ни к кошмарам о Чапаеве [\[7, с. 236\]](#). В коане мастера дзен также могут отвечать ученикам без слов, они используют практические действия в качестве ответов на их вопросы. Введение роли барона Юнгера имеет две функции: 1) барон дает Петру практическое представление об истинной структуре вселенной, 2) барон вводит понятие «Внутренняя Монголия» и разъясняет конечную цель дзен-практики Петра. Дворец барона Валгалла был для Петра «третьим» миром, когда он покинул этот мир, то увидел и почувствовал простое и глупое устройство вселенной: «Словно бы одну декорацию сдвинули, а другую не успели сразу установить на ее место, и целую секунду я глядел в просвет между ними» [\[7, с. 242\]](#). Метод показа нереальности мира у Пелевина слишком прямолинеен, но в то же время он является самым простым и действенным. Петр полностью отверг дуализм и признал нереальность мира. В этот момент он оставил первую стадию практики дзен и перешел на вторую.

Вернувшись в мир революционной Москвы, Петр стал думать о возможности пережитого и начал задавать Чапаеву вопросы о вечности. Чапаев ответил: «Этот момент, Петя, и есть вечность». Эти события, лично пережитые Петром, могут показаться мистическими, но смысл третьей стадии практики дзен как раз и состоит в их объяснении. Для лучшего понимания третьей стадии барон Юнгрен впервые предлагает концепцию «коллективной визуализации»: «Когда множество верующих начинает молиться какому-нибудь богу, он действительно возникает, причем именно в той форме, в которой его представляют... Мир, где мы живем — просто коллективная визуализация, делать которую нас обучают с

рождения» [\[7, с. 251\]](#). Понятие «коллективная визуализация» происходит из теории «коллективного бессознательного», предложенной швейцарским психологом К. Г. Юнгом. По мнению Юнга, коллективное бессознательное — это врожденный глубокий слой бессознательного, содержание же коллективного бессознательного составляют так называемые архетипы. Основными выражением архетипа являются мифы, сказки, религиозные учения [\[11, с. 158-161\]](#). «Коллективное бессознательное» или «коллективная визуализация» позволяет миру, культуре и обществу продолжать и поддерживать одинаковость бессознательным образом. Однако в дзен-буддизме считается, что люди всегда ограничены логикой и языком и не могут проникнуть в истину.

«Не имея ничего в руках, я держу лопату.

Я иду пешком и я еду на буйволе-водовозе» [\[12, с. 58\]](#) —

эти две строки стихотворения Мастера Шанхуэя, кажется, бросают вызов логике и здравому смыслу. Дайсэцу Судзуки считает, что надо отбросить слова и вернуться к фактам, и что в кажущихся неразумными вещах тоже есть своя логика. Мастера дзен могут обладать силой слова: например, лопату можно не называть мотыгой. Итак, третья стадия практики дзен заключается в том, чтобы сосредоточить медитирующего на его сознании, а не на логике, словах, предрассудках и видимостях, которые дает коллективная визуализация. А реальность есть не что иное, как отражение личного сознания, как сказал барон Юнгрен: «что существовало бы, что называется, на самом деле. Все зависит от того, кто на это смотрит... Но какие бы формы ни были нам предписаны прошлым, каждый из нас все равно видит в жизни только отражение своего собственного духа» [\[7, с. 251\]](#). Поэтому все переживания, весь мир являются продуктами сознания Петра, возможно, что и сны, происходящие в одно мгновение, — также являются продуктом медитации Петра. Третью и заключительную стадию практики дзен барон Юнгрен и Чапаев называют «Внутренней Монголией».

После того как Петр отправился во дворец барона Валгаллу и успешно продвинулся еще на один шаг к просветлению, реализация коанов в романе следует следующей структуре: рассказ о коане сопровождается его переживанием на практике. Сочетание коана и практики может помочь Петру быстро достичь конечной цели дзен. Например, Чапаев использовал глиняный пулемет, чтобы превратить все в небытие, а затем рассказал Петру коан «Будда Анагама и глиняный пулемет». Задолго до того, как в мир пришли будда Дипанкара и будда Шакьямуни, жил будда Анагама. Анагама просто указывал на вещи мизинцем своей левой руки, и сразу же после этого проявлялась их истинная природа. Когда он указал на гору и реку, они исчезли, и, наконец, этот мизинец указал на него самого, с тех пор он исчез. Глиняный пулемет и есть этот кусок глины с мизинцем Будды Анагамы [\[7, с. 321-322\]](#). Идеи дзен-буддизма, выраженные в этом коане, близки идеям школы Линьцзи. Школа Линьцзи была сформирована во времена поздней династии Тан, ее стиль дзен славится своей прямоотой и интенсивностью. Один коан, написанный наставником Линьцзи Исюанем, основателем школы Линьцзи, не только считается классикой у многих японских самураев и писателей, но и является идеологической основой коана «Анагама и глиняный пулемет» в романе Пелевина. Центральная идея этого коана такова: «Последователи Дао! Если вы хотите обрести взгляд, соответствующий Дхарме, то не поддавайтесь заблуждениям других. С чем бы вы ни столкнулись внутри или снаружи — убивайте это. Встретите Будду — убивайте Будду, встретите Патриарха — убивайте Патриарха, встретите архата — убивайте архата, встретите родителей — убивайте родителей, встретите родственников — убивайте родственников. Только тогда вы обретете освобождение от уз» [\[4, с. 125\]](#).

Убийство в коане Линьци относится не к настоящему убийству, а к отказу от авторитета и эмоций в процессе практики. Самоубийство авторитетного Будды изложено в коане Будды Анагамы, который представляет самую важную мысль дзен-буддизма секты Линьци: не поклоняйтесь классике и авторитету, нет Будды вне сознания практикующего. Глиняный пулемет — это шарира Будды Анагамы, то есть результат практики Будды. Шарира может относиться как к практике и заслугам будды или выдающихся монахов, так и к материальным или нематериальным телам. Пелевин совмещает эти две интерпретации: когда Анна стреляла из глиняного пулемета, Чапаев крикнул: «Огонь! Вода! Земля! Пространство! Воздух!» [7, с. 321]. Использование глиняного пулемета не требует заклинаний, Чапаев объяснил суть глиняного пулемета. Так, с древних времен индийцы рассматривали тело человека как микрокосм, повторяющий в миниатюре вселенную, образуемую пятью элементами. Его кости сделаны из земли, дыхания из ветра, флегма и другие гуморы — из воды, жар — из огня, сердце, желудок и ушные раковины заполнены акашей (эфиром, пространством) [5]. Таким образом, глиняный пулемет, представляющий собой микрокосм вселенной, состоящий из пяти элементов, может выявлять истинную природу вещей. И всякая вещь, на которую он указывает, исчезает, отражая еще одну фразу Чапаева: «Любая форма — это пустота. Пустота — это любая форма» [7, с. 324]. В «Сутре Сердца» есть похожее выражение: «Чувственно воспринимаемое — это и есть пустота. Пустота — это и есть чувственно воспринимаемое» [2, с. 252-267]. Коан «Будда Анагама и глиняный пулемет» сочетает в себе идеи Школы Линьци, «Сутры Сердца» и понятие шариры; он появляется в романе двумя способами: языковым и с помощью описания практики.

В романе «Чапаев и Пустота» коан используется не только как средство просветления, но и как первопричина формирования сложной структуры пространства романа. Путь Петра к просветлению полностью пассивен, его практика дзен ближе к программе или компьютерной игре, а ключом к тому, сможет ли он пройти уровень, является его сознание. Два нарративных пространства, в которых живет Петр, являются установками уровня «дуализм», и если его сознание избавится от дуализма, то эти пространства соединятся. Каждое продвижение сюжета является проверкой понимания коана: Петр выступает как игрок в этой дзен-игре, в то время как дзен-мастер Чапаев и черный барон — неигровые персонажи. Параллели с игрой особенно явственны, когда Петр вступает в третью стадию дзен. После того как глиняный пулемет превратил все в небытие, Чапаев открыл следующий уровень. Рассказав об идее дзен-буддизма о «пустоте», Чапаев попросил Петра закрыть глаза, а затем открыть их, чтобы увидеть реку Урал. Правило этого уровня игры состоит в том, чтобы понять смысл коана «Глиняный пулемет» и идею «Любая форма — это пустота». Только тогда вы сможете перейти реку Урал, что символизирует третий этап практики дзен. Но Петр не был готов, поэтому ему не удалось пройти этот уровень. Другими словами, понимание коана является правилом игры дзен, но сама установка игрового уровня также составляет коан.

Итак, в романе «Чапаев и Пустота» В. Пелевина коан — это инструмент, используемый для выражения идей дзен-буддизма. В романе цитируются существующие древнекитайские коаны, создаются новые, и даже тексты других философских школ также превращаются в коаны. Эти коаны реализуются в тексте через диалог и поведение героев, есть несколько способов их реализации: герои рассказывают коан; диалог героев составляет коан; поведение героев заменяет ответ, образуя коан. Кроме того, сюжет романа следует за последовательностью процесса просветления в коане мастера дзен Цинъюань Синси. Опыт практики дзен главного героя Петра Пустоты — это

постоянно совершенствующаяся игра, а стандартом оценки в игре является степень понимания коана.

Библиография

1. Ваджраччхедика праджняпарамита-сутра / Алмазная Сутра / Пер. Е. А. Торчинова // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986. С. 34–45. 2-е изд. Новосибирск: Наука, 1991.
2. Древний Восток. Сутра сердца. Праджня-парамиты / Пер. Е. А. Торчинова // Введение в буддологию: Курс лекций. СПб: Санкт-Петербургск. философск. общество, 2000. С. 252–267.
3. Капра Ф. Дао физики: исследование параллелей между современной физикой и восточной философией. СПб.: ОРИС; ЯНА-ПРИНТ, 1994. 304 с.
4. Линь-цзи Лу / Вступ. ст., пер. с кит., коммент. и граммат. очерк И. С. Гуревич. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 272 с.
5. Лысенко В. Г. Шарира. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b12915c2274839b541a> (дата обращения: 28. 07. 2022 г.).
6. Маслов А. А. Письмена на воде: первые наставники чань в Китае. М.: Сфера, 2000. 604 с.
7. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022. 352 с.
8. Судзуки Д. Т. Очерки о дзэн-буддизме. Ч. 1. СПб.: Наука, 2002. 472 с.
9. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.
10. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.
11. Юнг К. Г. История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX века). М.: Изд-во Московск. ун-та, 1986. 344 с.
12. Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. New York.: Evergreen Black Cat Book, 1964. 132 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тексты Виктора Пелевина интересны не только в формате чтения, но и в рамках серьезных научных изысканий. Уже накоплен должный критический опыт, написаны монографические исследования, представлены разборы конструктивного типа. И все же к текстам В.О. Пелевина, так или иначе, возвращаются, выдвигают новые оценочные суждения, погружаются в поэтику Пелевина как одного из ярких представителей русского постмодернизма. Автор рецензируемого труда вначале обозначает, что «философия дзен-буддизма занимает очень важное место в прозе В. Пелевина. Роман «Чапаев и Пустота» — это дзен-буддистский роман, в котором рассказывается о полном процессе просветления главного героя — Петра Пустоты. Один коан в древнекитайском сборнике коанов «У дэй хуэй юань» (1252) не только показывает три этапа практики дзен, но и становится главной идейной основой в романе Пелевина «Чапаев и Пустота»: «Пока ты не знаком с учением дзен, горы — это горы, реки — это реки; когда ты изучаешь дзен, горы перестают быть горами, а реки — реками; но после того, как ты достиг просветления, горы — это снова горы, а реки — это снова реки» [3, с. 105]. Этот коан представляет собой процесс просветления, описанный Цинъюань Синси, мастером

дзен из династии Сун», и «в романе «Чапаев и Пустота» Чапаев и Черный барон — просвещенные герои, которые находятся в революционном мире Москвы. Они выступают в роли мастеров дзен, подражая или создавая коаны, чтобы вдохновить Петра. Первая задача мастеров дзен — заставить Петра осознать концепцию «не-я» и отказаться от дуализма. Согласно идее дзен, люди ошибочно думают, что «я» — это совершенно независимая сущность, но, если есть «я», то будут отвлекающие мысли, поэтому наилучший метод духовного совершенствования — действовать без намеренных усилий или целеполагания...». Работа имеет законченный вид, авторская точка зрения вполне объективна; материал практико-ориентирован, его целесообразно использовать при изучении курсов по изучению истории русской литературы, творчества Виктора Пелевина. Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке, но его необходимо вычитать. Фактических данных достаточно, цитации выверены и введены верно: например, «Из слов Черного барона в седьмой главе мы можем узнать следующее: Петр считает, что мир сна (то есть мир, где находится психиатрическая больница) менее реален, чем то пространство, где он пьянствует с Чапаевым в баньке. Чтобы избавиться от этой дуалистической идеи, Чапаев цитирует и адаптирует китайский даосский философский рассказ «Сон бабочки». Чапаев говорит, что он знал одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан, которому всегда снилось, что он красная бабочка, летящая среди трав. Когда Чжуан Цзе проснулся, то не знал, бабочка он или подпольщик. Эта даосская история восходит к книге философа Чжуан-цзы «Ци у лунь»: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветов в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу» и т.д. Умело вводятся в текст т.н. промежуточные выводы, они отчасти являются и скрепами, поддерживающими логику научной наррации: типа, «таким образом, глиняный пулемет, представляющий собой микрокосм вселенной, состоящий из пяти элементов, может выявлять истинную природу вещей. И всякая вещь, на которую он указывает, исчезает, отражая еще одну фразу Чапаева: «Любая форма — это пустота. Пустота — это любая форма» [7, с. 324]. В «Сутре Сердца» есть похожее выражение: «Чувственно воспринимаемое — это и есть пустота. Пустота — это и есть чувственно воспринимаемое» [2, с. 252-267]. Коан «Будда Анагама и глиняный пулемет» сочетает в себе идеи Школы Линьцзи, «Сутры Сердца» и понятие шарир; он появляется в романе двумя способами: языковым и с помощью описания практики». Автор приходит к выводу, что «в романе «Чапаев и Пустота» В. Пелевина коан — это инструмент, используемый для выражения идей дзен-буддизма. В романе цитируются существующие древнекитайские коаны, создаются новые, и даже тексты других философских школ также превращаются в коаны. Эти коаны реализуются в тексте через диалог и поведение героев, есть несколько способов их реализации: герои рассказывают коан; диалог героев составляет коан; поведение героев заменяет ответ, образуя коан». Т.н. «дзен-коан» в текстах Виктора Пелевина, конечно же, путь к просветлению, это некая форма (не исключаем и режим эстетики) постижения себя (себя как читателя). Думаю, что работы грамотно сформирована, в ней есть должный научный ценз, есть и объективация проблемы, темы исследования. Удачно в тексты статьи манифестирован вопрос влияния дзен-буддизма на творчество В.О. Пелевина, удачно предложена и парадигма рассмотрения проблемы. Базис исследования объективен, существенные аргументы внесены. Статью «Коан и его реализация в прозе В. Пелевина» рекомендую к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Серёда Д.М. Префикс от-: семантический класс «Лишение функций» в русском языке XI-XVII вв. // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71598 EDN: XCEZJU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71598

Префикс от-: семантический класс «Лишение функций» в русском языке XI-XVII вв.

Серёда Дмитрий Михайлович

ORCID: 0009-0003-8674-7008

старший преподаватель; Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации;
Южный федеральный университет

344052, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Пушкинская, А, 150

✉ dsereda@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71598

EDN:

XCEZJU

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2024

Аннотация: Предлагаемая статья посвящена вопросам формирования и развития семантического класса «Лишение функций» глаголов с приставкой от- в истории русского языка донационального периода. Объект исследования – дериваты с приставкой от-, имеющие значение 'лишение функций'. Предметом исследования являются механизмы развития полиситуативности в анализируемых лексемах. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как исторические процессы зарождения семантического класса «Лишение функций» в древнерусском языке, а также его дальнейшее развитие в старорусский период, где в зависимости от характера негативного воздействия и особенностей денотативной структуры он делится на три подкласса: 1) «воздействие негативного состояния» (отвязаться, отняться, отзябнуть, отсохнуть), 2) «каузативное воздействие» (отбити, отдавити, отнять, оттоптать, отшибить) и 3) «негативное воздействие по отношению к самому себе» (отпитаться, отбить, отшибить). Особое внимание уделяется анализу денотативного и словообразовательного уровня рассматриваемых глаголов. Исследования префиксальной глагольной

деривации в рамках когнитивной лингвистики являются актуальным направлением современного словообразования. Для анализа семантики глагольных лексем предлагается метод полиситуативного анализа, разработанный Н. Б. Лебедевой. При таком подходе денотативная структура глагола рассматривается в качестве отдельных пропозиций (ситуаций), которые связаны друг с другом различными пространственными, временными или логическими отношениями. Новизна исследования заключается в определении основных компонентов, составляющих денотативную структуру дериватов семантического класса «Лишение функций», анализе их трансформации в истории русского языка и выявлении возможных вариантов, представленных в трёх подклассах: «воздействие негативного состояния», «каузативное воздействие», «негативное воздействие по отношению к самому себе». Определяется словообразовательная специфика анализируемых дериватов. Так, префикс *от-* в сочетании с основами, указывающими на причину или результат негативного воздействия, выражает значения отделительности (Субъекта от нормального состояния или повреждаемой части тела от Субъекта) и результативности негативного воздействия. Встречающийся в отдельных случаях постфикс *-ся* обозначает замкнутость негативного процесса в самом Субъекте (отняться, отвязаться) или направленность действия Субъекта на самого себя (отпиться).

Ключевые слова:

когнитивная лингвистика, глагольное словообразование, семантическая сеть, семантический класс, глагольный префикс *от-*, метод полиситуативного анализа, денотативная структура, ситуатема, древнерусский язык, старорусский язык

Предлагаемая статья посвящена вопросам глагольного словообразования, а именно возникновению и развитию в донациональный период (XI-XVII вв.) семантического класса «Лишение функций» глаголов с приставкой *от-* (дериваты типа *отдавить*, *отсохнуть*), а также анализу его денотативной структуры. Исследования, касающиеся данной проблематики, относятся как к области синхронии [1–3], так и к области диахронии [4–7].

Термин «семантический класс», используемый в работах по формальному описанию глагольных приставок русского языка [1, 3, 8], обозначает совокупность дериватов, характеризующихся единой морфемной структурой, объединённых одним значением и являющихся элементом более широкого понятия семантической сети. В свою очередь, *семантическая сеть* представляет собой нелинейную структуру, охватывающую все значения приставки, а также устанавливающую связи между ними по степени семантической близости друг с другом. Именно вхождение в состав более широкой структуры, определяющей связи между всеми значениями одного словообразовательного форманта, отличает термин «семантический класс» от традиционно используемого в работах по дериватологии термина «словообразовательный тип», под которым понимается схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении» [9, с. 133].

Одним из актуальных методов исследования глагольной семантики, возникшем в рамках когнитивного подхода, является метод полиситуативного анализа, разработанный Н. Б.

Лебедевой [\[10\]](#), который рассматривает денотативную структуру глагола как состоящую из отдельных ситуаций, связанных друг с другом пространственными, временными или логическими (причинно-следственными, условными) отношениями.

Для определения специфики семантического класса «Лишение функций» выявим его денотативную структуру, применяя метод полиситуативного анализа на синхронно-диахронном уровне. Обозначим основные термины, используемые при таком анализе: «*ситуатема* – открытая единица плана содержания со сложной архитектурой, включающей ряд ситуаций (событий, пропозиций), маркированных лексическими и морфемно-derivационными элементами плана выражения глагола» [\[10, с. 6\]](#), *Субъект* – одушевлённый участник ситуации, *Каузатор* – создатель ситуации, *Пациент* – актант объектного типа, существующий до наступления ситуации (презумпция существования) и подвергающийся изменению, *Результатив* – актант объектного типа (предмет, образ, текст, состояние, ситуация и пр.), появляющийся в результате осуществления ситуации (отсутствует презумпция существования), может быть и в виде нового «положения вещей», *Объект Ущерба* – Незаинтересованный Адресат, который оказывается в каком-либо (психологическом, социальном, информативном и пр.) проигрыше [\[10, с. 66-67, 69-70\]](#).

В современном русском языке, по данным АГ-80, у префикса *от-* выделяется среди прочих значение «довести до нежелательного состояния (повреждения, утомления) в результате действия, названного мотивирующим глаголом» [\[9, с. 362-363\]](#). В качестве примеров называются следующие «derivаты: *отлежать* (утомить лежанием (о какой-л. части тела)), *отдавить*, *отплясать* (ноги), *отсидеть*, *отстоять*, *оттоптать*, *отходить* (все – разг.)» [\[9, с. 363\]](#). Отмечается, что этот словообразовательный тип является непродуктивным, а все глаголы – переходными, управляющими именем, которое обозначает то, что повреждается, утомляется.

В свою очередь, М. А. Кронгауз среди прочих значений префикса *от-* выделяет значение «Лишение функций», которое делит на три части в зависимости от характера мотивирующего глагола: 1) непереходные мотивирующие глаголы, обозначающие положение тела в пространстве, когда речь идёт о повреждении собственной части тела в результате длительного статичного воздействия (*отлежать*, *отсидеть*, *отстоять*); 2) глаголы, обозначающие чрезмерно интенсивное действие, совершаемое с помощью части тела и приводящее его в «негодность» (*отбить себе руку*, *отходить себе ноги*); 3) глаголы, действие которых направлено в отношении другого лица, получающего повреждение части тела (*оттоптать/отдавать кому-либо ноги*) [\[1, с. 101-102\]](#).

Таким образом, при выделении и анализе дериватов семантического класса «Лишение функций» в донациональный период нами рассматриваются как лексемы, называющие случаи повреждения собственной части тела, так и лексемы, обозначающие негативное воздействие в отношении другого лица.

В общем виде ситуатему семантического класса «Лишение функций» можно представить следующим образом: на физиологическую сторону или конкретно какую-либо часть тела Субъекта, выступающую в функции Пациента, оказывается негативное воздействие со стороны него самого или Каузатора, в результате чего Субъект становится Объектом Ущерба.

Рассмотрим историю появления и развития семантического класса «Лишение функций» в русском языке донационального периода XI-XVII вв., опираясь на данные Словаря древнерусского языка (XI-XIV вв.) и Словаря русского языка XI-XVII вв.

По-видимому, начало формирования этого семантического класса относится ещё к древнерусскому периоду, когда фиксируются две лексемы: *отънемагати(ся)* – ‘терять силы, изнемогать’ и *отнятися* – ‘отняться, перестать действовать’.

Лексема *отънемагати(ся)*, имеющая варианты *отънемогати(ся)*, *отънемочи(-щи)*, *отънемочися(-щися)*, хронологически является наиболее древней и означает ‘терять силы, изнемогать’, например, вследствие болезни или голода. Она впервые фиксируется в «Изборнике» 1073 года: *Сего ради в вась мнози немощьни и недужьни и мертви суть мнози, рекъше **отънемагаются** и умирають*. Изб. Св. 1073 г., 52. [11, с. 280]. В данном отрывке из «Первого послания к Коринфянам» апостола Павла речь идёт о тех, «кто ест и пьёт недостойно», вследствие чего они становятся «немощны и больны» [12].

На денотативном уровне ситуатема деривата *отънемагатися* имеет следующие компоненты: Участники (Субъект; Пациенс – физиологическая сторона Субъекта, Ресурс здоровья как Объект утраты; компонент ‘орудие-причина негативного состояния Субъекта’) и Результатив – состояние потери сил и здоровья Субъекта.

Так как Субъект является одушевлённым, то он имеет скрытную объектность (физиологическую сторону). Компонент ‘орудие-причина негативного состояния Субъекта’ – это некий внутренний отрицательный фактор (болезнь, голод и т. д.), воздействующий на его физиологическую сторону, лексически не выраженную. Этот компонент не включён в коммуникативный фокус, находится в смежной, нелексикализованной ситуации, является нецеленаправленным. Его можно также считать отдельной пропозицией. Именно физиологическая сторона, подвергающаяся негативному воздействию, выполняет функцию Пациенса, а сам Субъект становится Объектом Ущерба. В Результативе возникает новая ситуация: с истощением Ресурса здоровья наступает болезнь (при частичном истощении) или смерть Субъекта (при полном истощении).

Практически в это же время фиксируется и беспостфиксная форма *отънемагати*, ср.: *Якоже бо тужить тѣло и **отънемагаетъ** пиштя лишяемо, тако дш~а мол~твѣныя сладости лишяема на раслабление и умъртвие умъное приближается*. Изб. Св. 1076 г., 248 [11, с. 280]. Особенностью ситуатемы этого глагола является то, что в качестве подлежащего выступает не Субъект, а Пациенс, значение которого конкретизируется: это не физиологическая сторона вообще, а именно *тело*. На синтаксическом уровне Пациенс может быть выражен также формой твор. п., ср.: *И тридесяте лѣтъ пребы (Анфим) въ нѣи (келии) на старость быс<ть> раслаблень, блаженни же Сава, видя его **плотью отнемогъша** [вар.: видя его състарѣвшася и недугомъ велиимъ одръжима] моляше его близъ ц~ркве възяти келию, да буде бес труда кому служити ему*. Ж. Сав. Осв., 229. XIII в. [11, с. 280]. В подобных контекстах, где есть чёткое обозначение физиологической стороны Субъекта, подвергающейся негативному воздействию, происходит постепенное формирование семантического класса «Лишение функций».

В большинстве же случаев в ситуатемах беспостфиксного деривата *отънемагати* подлежащим является Субъект (личное местоимение в роли подлежащего может быть опущено), а в качестве Пациенса, не выраженного лексически, выступает его физиологическая сторона, ср.: *Ты же ко сил(н)е **ѿнеможе**. зане противл~хс~. поставити мене*. ГБ к. XIV, 211 б [13, с. 262]; *и начаша лю(д)ѣ на моисѣя глше. въскую изведе ны и||зъ югюпта. се бо **ѿнемогохомъ** на пути*. Пал 1406, 143а-б [13, с. 262].

Лексема *отнемагати(ся)* в значении ‘потерять силы, обессилеть’ отмечается также в

памятниках старорусского периода, ср.: *И реч<е> к неи [Даниле] Сапсонъ: аще свяжут мя седмию тетивъ мокрыми и не истлѣвшими, и **отнемогу** и буду яко единъ от чѣлкѣ (□σθενήσω).* (Суд. XVI, 7) Библия. Генн. 1499 г. [\[11, с. 280\]](#); *Поясом мужскы крѣпости бѣжаи препоясанъ будеши пр<и>сно, да не **отнемогся силою** впадешис<я> в руцѣ врагии.* Корм. Балаш., 421. XVI в. [\[11, с. 280\]](#). Отметим, что в последнем примере обстоятельство в форме твор. п. (*силою*) обозначает Ресурс, которого лишается Субъект.

Этот дериват является калькой форм греческого глагола □σθεν□ω – ‘быть слабым, немощным’: префикс □-, которому в древнерусском глаголе соответствует сочетание приставок *отне-*, выражает семантику отсутствия (□ *privativum*), а корень σθ□ω, для перевода которого была взята основа *магаться* (*могаться*) / *мочиться*, означает ‘быть в силах, в состоянии, мочь’.

По данным этимологических словарей, др.-русс. *могу, мочи* ‘быть в состоянии, в силах (делать что-л.), быть здоровым’ восходит к праслав. *mogo, *mogt’i (se) [\[14, с. 635; 15, с. 339; 16, с. 110–111\]](#). «Ближе всего гот. mag ‘я могу, в состоянии’, инф. magan; далее сближают с лит. mągulas ‘многий’ (Буга, РФВ 72, 192), magus ‘желанный’, mēgstu, mēgti ‘мне нравится’, лтш. mēgt ‘мочь, иметь обыкновение’ (Эндзелин, RS 11, 37)» [\[14, с. 635\]](#). А. С. Мельчук, исследуя приставочные образования типа *вымогать, перемогать, помогать*, связывает семантику праслав. *mogt’i с исходным значением ‘тянуть’ [\[16, с. 110–111\]](#).

В истории русского языка также отмечены схожие дериваты без префикса *от-*: а) глагол *немагати* – ‘быть больным, болеть’, встречающийся только с приставкой *не-* и зафиксированный в памятнике XV в., являющемся, однако, списком более раннего источника XI в.: *Иродъ же тогда бысть въ Дамасцѣ **немагаа**. Единъ же Фасаиль бил ся съ Олигомъ, и одолѣ ему Олигъ.* Флавий. Полон. Иерус. I, 36. XV в. ~ XI в. [\[17, с. 167\]](#); б) глагол *немагаться* – ‘ослабевать’, относящийся к XIV в.: *Напитаи мя от варенья пшениц(и) сея, яко **немагаюся** (□κλε□πω).* (Быт. XXV, 30) Пятикн., 25 об. XIV в. [\[17, с. 167\]](#), где этот дериват употреблён в качестве семантического эквивалента греческого глагола □κλε□πω – *оставлять, лишаться*, в котором приставка □к- выражает результирующее значение ‘завершения’, а корень λε□πω означает *истощаться; недоставать*. В отличие от лексем с префиксом *от-* эти глаголы выражают некое болезненное состояние Субъекта, не приводящее к полной потере сил и смерти. Именно с присоединением приставки в семантике дериватов появляется как идея отделительности от нормального физиологического состояния, так и значение результирующей, указывающее на полное исчерпание сил и ресурсов Субъекта.

Таким образом, лексема *отнемагаться* возникает в переводных текстах, где форма *магати* является имперфективом глагола *мочь* с чередованием в основе гласных *о* и *а*. В памятниках древнерусской и старорусской письменности эта форма зафиксирована только в сочетании с префиксом *не-*, вместе с которым приобретает деструктивное значение ‘быть больным, не иметь сил’. Субъект, находясь в болезненном состоянии, лишается внутренних ресурсов для борьбы с болезнью, не имеет сил «тянуть свою жизнь» далее.

Исходя из времени фиксации в памятниках письменности рассматриваемых дериватов, можно предположить, что на словообразовательном уровне лексема *отнемагаться* исторически могла быть образована либо постфиксальным способом от глагола *отнемагати*, либо префиксально-постфиксальным способом от глагола *немагати*, причём основа *немагати* маркирует результат негативного воздействия.

Постфикс *-ся* выражает общевозвратное значение, подчёркивая замкнутость негативного действия в самом Субъекте, в результате чего он становится Объектом Ущерба. Вместе с тем наблюдается вариативность в употреблении как постфиксальной, так и беспостфиксной форм этого деривата.

Вторым дериватом древнерусского периода со значением негативного физического состояния является глагол *отнѣтисѣ*, имеющий основу со значением обладания (связанный корень *нѣ-/нѣм-*). Изначально с присоединением префикса *от-* с семантикой отделительности беспостфиксная лексема *отнѣти* означала 'взять силой, отнять', а прямое дополнение указывало на отнимаемый предмет, ср.: *Се азъ вл(д)ка моисѣи. даль □ смь юуаѣгльѣ. □ стому георгию. а кто въсхоче(т) ѡнѣти □ стого георгиа. буди проклѣ(т).* Ев ок. 1363, 1656, а (зап.) [\[13, с. 265\]](#).

В контекстах, где основа маркировала связь субъекта с повреждаемым органом чувств или частью тела, у постфиксального деривата *отнѣтисѣ* развивается семантика негативного физического состояния ср.: *дхъ неприѣзнихъ идѣше к ѡмоу. въ ѡбразѣ ѡблака тьмна и мрачна. и възложисѣ ѡко и клобоукъ на главоу □го. и въз□сѣѣ(т) □го и оумъ ѡго ѡнаса.* Пр 1313, 36. [\[13, с. 265\]](#).

Подобное значение фиксируется у этой лексики и в старорусский период. В переносных употреблениях, синтаксически построенных по типу пассивной конструкции, подвергаемый негативному воздействию одушевлённый Субъект обычно выражен формой род. п. с предлогом *у*, тогда как Пациенс является подлежащим, ср.: *сѣѣтъ отнѣлся* (у кого-л.) – о потере зрения: *И у того де черемисина сѣѣтъ отнѣлся, и того жъ дни черемисинъ учаль опять видѣтъ, потому что молился со слезами.* АИ IV, 52. 1647 г. [\[11, с. 286\]](#), *умъ отнѣлся* (у кого-л.) – о потере рассудка: *И тако, сидя на древе, повыше от нея поднялся, а от боязни едва у него и ум не отнѣлся.* Сказ. о куре и лисице, 209. XVIII в. ~ XVII в. [\[11, с. 286\]](#).

Вместе с этим в старорусский период происходит конкретизация повреждаемой части тела Субъекта, с которой он теряет функциональную связь, ср.: *Измѣнникъ государевъ Иванъ Рамановъ разболѣлся... ѣзыкъ сѣ отнѣлъ, лежить при концѣ.* АИИ, 45. 1602. [\[11, с. 285\]](#); *На Дону де въ нижнемъ городкѣ Чиру присталь онъ богу помолитца въ Чировскомъ монастырѣ, для того, что у него отнѣлись руки, да правая нога.* ДАИ X, 432. 1683 г. [\[11, с. 285–286\]](#). Отметим, что в первом примере частица *сѣ* представляет собой энклитическую форму вин. п. возвратного местоимения себя, по функции уже равную будущему постфиксу, однако в препозиции и раздельном от глагола употреблении.

На денотативном уровне ситуатема деривата *отнѣтисѣ* состоит из следующих компонентов: Участники (Субъект; Пациенс – часть тела Субъекта, подвергающаяся негативному воздействию; компонент 'орудие-причина негативного состояния повреждаемой части тела' – нецеленаправленный компонент, находящийся в смежной нелексикализованной ситуации) и Результатив – потеря Субъектом функциональной связи с частью тела, вследствие чего он становится Объектом Ущерба. В отличие от ситуатемы глагола *отнемагитисѣ* в роли Пациенса оказывается не физиологическая сторона Субъекта в целом, а орган чувств (зрение), мышления (ум) или же конкретная часть его тела (язык, рука, нога), поэтому в Результативе Субъект лишается не Ресурса здоровья вообще, а функциональной связи с повреждаемым органом.

Схожую денотативную структуру имеет беспостфиксная лексема *отнѣти*, отмечаемая в значении 'повредиться, перестать действовать' с XVII в. и употребляемая в безличной

конструкции, связанной по происхождению с пассивной. Здесь Пациенс, повреждаемая часть тела, выступает в роли прямого дополнения ср.: *Ноги у меня **отняло***. Х. Вас. Гаг., 8. 1637 г. [\[11, с. 285\]](#).

Подобная семантика фиксируется в старорусский период и у беспостфиксной лексики *отняти* в активном значении, также управляющей прямым дополнением, обозначающим повреждаемую часть тела. В результате образовывались устойчивые словосочетания, ср.: ***отняти очи*** – ‘лишить зрения’: *И потом на него прииде божие посѣщение: **отня** богъ **очи** его, и блиско год былъ без очей*. Аз. пов. (особ.), 31. XVII в. [\[11, с. 285\]](#); ***отняти умъ*** – ‘лишить разума’: *А у меня у грѣшнаго, по моимъ многимъ грѣхомъ, **отнялъ** богъ **умъ***. Ник. лет. X, 225. [\[11, с. 285\]](#); [Патриарх Никон у царя] ***умъ отнялъ** у милова, у нынѣшнево, какъ близъ ево былъ*. Ав. Кн. толк., 458. XVII–XVIII вв. ~ 1677 г. [\[11, с. 285\]](#). Особенностью ситуатемы этого деривата является то, что вместо компонента ‘орудие-причина негативного физического состояния повреждаемой части тела’ появляется лексически выраженный целенаправленный Каузатор в форме имен. п. В подобных контекстах, где лексема *отняти* встречается в переносном, метонимическом значении, Субъект испытывает негативное воздействие по воле Божией («*прииде божие посѣщение: **отня** богъ **очи** его*»), а в примере, где Каузатором является патриарх Никон, такую отрицательную характеристику действия патриарха даёт протопоп Аввакум, бывший противником церковной реформы: «Протопоп Аввакум говорит: «*Никон ум **отнял** у милова (т. е. царя), у нынешнего, как близъ его был. Я ведь тут тогда был, все ведаю*» [\[18, с. 4\]](#).

В старорусский период семантический класс «Лишение функций» пополняется ещё 9 дериватами, а именно 5 каузативами: *отбити* – ‘повредить ударами, отбить’, *отдавити* – ‘отдавить’, *отзнобити* – ‘отморозить’, *оттоптати* – ‘изувечить, изуродовать, топча ногами’ и *отшибити (отшибнути)* – ‘ушибить’, а также 4 некаузативными глаголами: *отвязатися* – ‘ослабнуть’, *отзябнути* – ‘отмерзнуть, быть отмороженным’, *отпитися (ума)* – ‘лишиться ума из-за опьянения’, *отсохнути* – ‘перестать действовать вследствие болезни (о частях тела).

В зависимости от денотативной структуры и характера негативного воздействия эти дериваты делятся на три подкласса.

1. К подклассу «воздействие негативного состояния» относятся лексемы *отвязатися*, *отзябнути* и *отсохнути* (а также рассмотренная выше лексема *отнятися*). Негативное воздействие может носить как внутренний (болезненное состояние Субъекта – ситуатемы глаголов *отвязатися*, *отнятися*, *отсохнути*), так и внешний характер (повреждение от холода – ситуатема глагола *отзябнуть*).

Лексема *отвязатися* входит в состав образного выражения и не *отвяжутся руки ваши* – ‘пусть не ослабнут ваши руки’, ср.: *Въ время то не будет миръ исходящи и входящи: но сѣтрсти отвсюду на всѣхъ обитающихъ на земли... вы бо укрѣпитесь: и не **отвяжутся** руки ваши, будетъ бо мзда дѣла вашего (dissolvantur)*. (2 Парал. XV, 5–7) Библ. Генн. 1499 г. [\[11, с. 213\]](#). Она образована постфиксальным способом от глагола со значением отделения *отвязати* и является калькой формы страдательного залога латинского глагола *dissolvantur*, в котором префикс *dis-* означает разделение, разъединение, а основа *solvo* переводится как ‘отвязывать, развязывать’. Постфикс *-ся*, как и у глагола *отнятися*, имеет общевозвратное значение.

Дериваты *отзябнути* и *отсохнути* образованы префиксальным способом от основ со

значением физиологического состояния (*зябнути* – ‘замерзнуть, погибнуть от холода’ [19, с. 73]) или некоего болезненного состояния (*сохнути* – ‘терять жизненные силы, болеть, чахнуть, сохнуть’ [20, с. 256]), ср.: *Азь же мнѣх, что **ногы** у меня по лодышки **отзябли** да и отпали.* Ж. Павла Обн., 97. XVII в. ~ XVI в. [11, с. 241]; *И у того окаянного [митрополита] прежде смерти **ноги отсохли** по афедронъ, яко не право стоявша въ вѣрѣ.* (О казни бож. Фед. Ив.) Суб. Мат. VI, 251. 1666 г. [21, с. 31].

Основы этих дериватов маркируют связь Субъекта с повреждаемой частью тела (корни *ня-/ним-* и *вязати*), а также причину (*зябнути*) или результат (*сохнути*) негативного состояния.

Особенностью ситуатем этого подкласса является длительное негативное воздействие, в результате которого страдает пациенсная сторона Субъекта – повреждаемая часть тела. Это воздействие вынесено за рамки лексикализованной ситуации, нецеленаправленно. В Результативе Субъект лишается функциональной связи с Пациентом и становится Объектом Ущерба.

На синтаксическом уровне Пациент является подлежащим (*руки, ноги*), а Субъект – дополнением в форме род. п. с предлогом *у* (однако иногда может отсутствовать) (*у меня, у того окаянного*).

К этому подклассу примыкает дериват *отзнобити*, образованный префиксальным способом от основы со значением физиологического состояния (*знобити* – ‘подвергать действию холода, заставлять мёрзнуть’ [19, с. 52]), ср.: *Шел [Степанко] до зимов<ь>я Васил<ь>я Курочкина и идучи познобил ноги по лодыжек да **нос отзнобил** и отвалился проч<ь>.* Якут, а., карт. 4, N 12, сст. 12. 1642 г. [11, с. 241]. Отметим, что по отношению к объекту «ноги» используется глагол *познобил*, а по отношению к объекту «нос» – *отзнобил*, из чего можно сделать вывод, что префикс *от-* указывает на более сильное проявление негативного воздействия, нежели префикс *по-*, при этом также актуализируется его семантика отделительности, так как в итоге нос «отвалился проч<ь>».

Ситуатема этого деривата аналогична ситуатемам других лексем подкласса «воздействие негативного состояния», однако на синтаксическом уровне Субъект является подлежащим (*Степанко*), а Пациент – прямым дополнением (*нос*), на которое направлено действие, выраженное глагольной основой и маркирующее причину повреждения Пациента.

2. Подкласс «каузативное воздействие» составляют, помимо рассмотренного выше глагола *отняти*, лексемы *отбити*, *отдавити*, *оттоптати* и *отшибити*, образованные префиксальным способом и мотивированные основами со значением нанесения удара и давления, ср.: *И взяли меня онѣ стрелцы изъ Архангельскаго монастыря... и **животъ** мнѣ дорогою **оттоптали** и **отбили**, и лицо збили.* АХУ III, 345. 1680 г. [11, с. 184]; *Какъ въ субботу вышелъ [патриарх] съ огнемъ отъ гроба Христова, и тамо миромъ его угнѣтаху и **ногу**, сказываютъ, **отдавили**.* Арс. Сух. Проскинитарий, 88. 1653 г. [11, с. 221]; *И пришедъ тотъ Семень учаль меня бить полѣномъ и топтунами топталъ, и руки и ноги обломаль, и **животъ оттопталъ**, и ножемъ хотѣлъ зарѣзать.* АХУ III, 129. 1632 г. [21, с. 50–51]; *Ударилъ его Ивашка деревом и **отшибла** у него **руки** невѣдомо за что.* Олон. а., карт. V, сст. 3. 1664 г. [21, с. 68].

Основы этих дериватов маркируют причину потери функциональной связи Субъекта с

Пациенсом. На денотативном уровне обязательным компонентом является лексически выраженный активный Каузатор, который целенаправленно воздействует на часть тела Субъекта, оказывающегося в результате Объектом Ущерба.

Синтаксически Каузатор является подлежащим (*стрелцы; Семень*), Субъект – косвенным дополнением в дат. п. или род. п. с предлогом *у* (*мнѣ; у него*), а Пациенс – прямым дополнением (*животь, руки и ноги*).

3. К подклассу «негативное воздействие по отношению к самому себе» относятся рассмотренные выше беспостфиксные глаголы *отбити* и *отшибити*, а также постфиксальный глагол *отпитися*.

Лексема *отпитися* образована префиксально-постфиксальным способом от глагола со значением физиологического действия (*пити* – ‘употреблять хмельные напитки’ [22, с. 61]), а её основа маркирует причину негативного состояния Пациенса. Постфикс *-ся* имеет собственно-возвратное значение: Субъект совершает действие в отношении самого себя.

Этот дериват входит в словосочетание ***отпитися ума*** – ‘лишиться ума из-за опьянения’, где Субъект в результате чрезмерного употребления алкоголя оказывает негативное воздействие на собственную физиологическую сторону (Пациенс – *ум*): *Говориль я, богомолецъ твой, пьянь, отпився ума своего, за собою твое государево слово, а я, богомолецъ твой, за собою твоего государева слова и за людьми никакого не вѣдаю*. Сл. и д. I, 564. 1649 г. [11, с. 302].

Ср. также примеры употребления лексем *отбити* и *отшибити* в составе подкласса «негативное воздействие по отношению к самому себе»: *Бѣлки ловить, ношки отбить*. Сим. Послов., 80. XVII в. [11, с. 184]; *Прикладывати [серу с воском] кто ноготь сломить или отшибеть*. Травник, 113. XVII в. [21, с. 68].

Ситуатема этого подкласса включает Субъекта, который также выступает в роли нецеленаправленного Каузатора, оказывающего негативное воздействие в отношении самого себя (это может быть или длительный интенсивный процесс – *пить, бить*, или чрезмерное по силе воздействие на собственную часть тела – *шибить*). В Результативе Субъект теряет функциональную связь с Пациенсом, становясь Объектом Ущерба.

На синтаксическом уровне Субъект-Каузатор – подлежащее (*я, кто*), Пациенс – прямое дополнение (*ума, ношки, ноготь*).

Таким образом, впервые в рамках метода пропозиционального анализа представлен анализ денотативной структуры семантического класса «Лишение функций» в диахронии, в донациональный период русского языка. Уже в древнерусский период в контекстах, где обязательным компонентом является одушевлённый Субъект, а основа глагола имеет семантику деструктивного воздействия, начинает формироваться семантический класс «Лишение функций». При этом «непосредственно объектную функцию выполняет физическая субстанция предмета, а в пациенсной роли оказываются, кроме нее, и другие его субстанции» [10, с. 157]. Деструктивное воздействие направлено на физиологическую сторону Субъекта, являющуюся Пациенсом, которая «изменяется в силу наличия внутренней динамики процесса с элементом деструктивности» [10, с. 168]. Именно такую деструктивную семантику выражает лексема *отнемагати(ся)*, которая фиксируется ранее других в подобном значении. Она указывает на негативное воздействие, направленное на физиологическую сторону Субъекта в целом (*немоштьни и недужьни <...> отнемагаются и умирають; ты же жо сил(н)е ѿнеможе*),

конкретизация же повреждаемой части тела происходит позднее. Сначала в контекстах с переносным значением в роли повреждаемой части тела выступали органы чувств и мышления (*оумь □го ѿнаса; отня богъ очи его*), а позднее, уже в старорусский период, в качестве Пациенса выступает конкретная часть тела Субъекта (*ноги отсохли; нос отзнобил; животь оттопталъ*). Именно с этого момента, уже в старорусский период, происходит окончательное формирование семантического класса «Лишение функций».

Дериваты, составляющие этот семантический класс, делятся в зависимости от причины и характера негативного воздействия на три подкласса: 1) «воздействие негативного состояния» (*отвязатися, отнятися, отзябнути, отсохнути*), 2) «каузативное воздействие» (*отбити, отдавити, отняти, оттоптати, отшибити*) и 3) «негативное воздействие по отношению к самому себе» (*отпитися, отбити, отшибити*). В первом случае выделяется нецеленаправленный компонент 'орудие-причина негативного физического состояния', во втором случае – целенаправленный Каузатор, а в третьем случае – Субъект, одновременно являющийся нецеленаправленным Каузатором.

Мотивирующие основы обозначают неопредельные процессы агентивной и неагентивной деятельности, которые маркируют в производном слове результат (*немагати, сохнути, вязяти*, корень *ня-/ним-* со значением обладания) или причину деструктивного воздействия (*бити, давити, пити, топтати, шибити, знобити, зябнути*).

На словообразовательном уровне префикс *от-* имеет как семантику отделительности (Субъекта от нормального состояния или повреждаемой части тела от Субъекта), так и результативности обозначаемого процесса. В свою очередь, постфикс *-ся* выражает либо собственно-возвратное значение, указывая на совмещение функций Субъекта и Каузатора в одном лице (*отпитися ума, ношки отбить*), либо общевозвратное значение, когда негативное воздействие замыкается в сфере Субъекта, вследствие чего исчерпывается Ресурс его здоровья или нарушается функциональная связь с повреждаемыми частями тела (*и не отвязутся руки ваши, умъ отнялся*).

Библиография

1. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. 288 с.
2. Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. – М.: «Русские словари», 2001. 270 с.
3. Плунгян В. А. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. – Т. 5. – № 1. Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. – М., 2001. С. 95–124.
4. Джемакулова Э. М., Сигалов П. С. История русских финитивных глаголов // Труды по русской и славянской филологии. XXV. – Тарту, 1975. (Учен. зап. / Тарт. гос. ун-т. Серия лингвистич. Вып. 375). С. 41–59.
5. Нефедьев М. В. Семантическая эволюция глагольных приставок *на-* и *об-* в истории русского языка XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. – М., 1994. № 4. С. 73–83.
6. Дмитриева О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2005. 224 с.
7. Табаченко Л. В. *Под-*приставочные глаголы в значении 'тайное получение информации' в истории русского языка // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. – СПб.: МАПРЯЛ, 2024. С. 341–346.
8. Пайар Д. Формальное представление приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. – М.: Русские словари, 1997. С. 87–112.

9. АГ-80 – Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. I–II. 709 с.
10. Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики / Отв. ред. О. И. Блинова. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 192 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. – М.: Наука, 1987. 316 с.
12. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?1Cor.11&r~с> Дата доступа: 27.08.2024.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. – М.: Изд-во «Азбуковник», 1988. 608 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. 672 с.
15. Этимологический словарь русского языка. Вып. 10: под общей редакцией А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 2007. 400 с.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19 (*męs(,)aгъ – *morzakъ): под редакцией академика РАН О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1992. 254 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. – М.: Наука, 1986. 457 с.
18. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. – Сергиев-Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1912. 617 с.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. – М.: Наука, 1979. 361 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. – М.: Наука, 2002. 281 с.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. – М.: Наука, 1988. 311 с.
22. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. – М.: Наука, 1989. 288 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предлагаемая к публикации статья посвящена вопросам глагольного словообразования, а «именно возникновению и развитию в донациональный период (XI–XVII вв.) семантического класса «Лишение функций» глаголов с приставкой от- (дериваты типа отдавить, отсохнуть), а также анализу его денотативной структуры». Автор отмечает, что «исследования, касающиеся данной проблематики, относятся как к области синхронии, так и к области диахронии». Методы исследования указываются конкретно со ссылкой на тип и вид анализа: «одним из актуальных методов исследования глагольной семантики, возникшем в рамках когнитивного подхода, является метод полиситуативного анализа, разработанный Н. Б. Лебедевой [10], который рассматривает денотативную структуру глагола как состоящую из отдельных ситуаций, связанных друг с другом пространственными, временными или логическими (причинно-следственными, условными) отношениями». Думаю, что выбранный вектор для работы подходит, он дает возможность объективировать вопрос, решить поставленный спектр задач. Ссылки / цитации на ряд научных трудов оправдан, автору удастся теоретический базис совместить с практическими наработками. Варианты ссылок не нуждаются в серьезной коррективе: «в свою очередь, М. А. Кронгауз среди прочих значений префикса от- выделяет значение «Лишение функций», которое делит на три части в зависимости от характера мотивирующего глагола: 1) непереходные мотивирующие глаголы, обозначающие положение тела в пространстве, когда речь идет о повреждении собственной части тела в результате длительного статичного воздействия (отлежать, отсидеть, отстоять); 2) глаголы, обозначающие чрезмерно интенсивное действие, совершаемое с помощью части тела и приводящее его в «негодность» (отбить себе руку,

отходить себе ноги); 3) глаголы, действие которых направлено в отношении другого лица, получающего повреждение части тела (оттоптать/отдавать кому-либо ноги) [1, с. 101–102]» и т.д. Примеры рассматриваются аналитически верно, автор аргументирован, последователен, точен: например, «лексема отънемагати(ся), имеющая варианты отънемогати(ся), отънемочи(-щи), отънемочися(-щися), хронологически является наиболее древней и означает 'терять силы, изнемогать', например, вследствие болезни или голода. Она впервые фиксируется в «Изборнике» 1073 года: Сего ради в васъ мнози немощьни и недужьни и мертви суть мнози, рекъше отънемагаются и умирають. Изб. Св. 1073 г., 52. [11, с. 280]. В данном отрывке из «Первого послания к Коринфянам» апостола Павла речь идёт о тех, «кто ест и пьёт недостойно», вследствие чего они становятся «немощны и больны» [12]». Материал обладает определенной научной новизной, его целесообразно использовать в вузовской практике, при формировании и написании новых работ смежной направленности. Стиль работы соотносится с научным типом, разночтений в использовании терминов и понятий не выявлено. Например, «Дериваты отзябнути и отсохнути образованы префиксальным способом от основ со значением физиологического состояния (зябнути – 'замерзнуть, погибнуть от холода' [19, с. 73]) или некоего болезненного состояния (сохнути – 'терять жизненные силы, болеть, чахнуть, сохнуть' [20, с. 256]), ср.: Азь же мнѣх, что ноги у меня по лодышки отзябли да и отпали. Ж. Павла Обн., 97. XVII в. ~ XVI в. [11, с. 241]; И у того окаянного [митрополита] прежде смерти ноги отсохли по афедронъ, яко не право стоявша въ вѣрѣ. (О казни бож. Фед. Ив.) Суб. Мат. VI, 251. 1666 г. [21, с. 31]. Основы этих дериватов маркируют связь Субъекта с повреждаемой частью тела (корни ня-/ним- и вязати), а также причину (зябнути) или результат (сохнути) негативного состояния» и т.д. В итоге работы автор отмечает, что «впервые в рамках метода пропозиционального анализа представлен анализ денотативной структуры семантического класса «Лишение функций» в диахронии, в донациональный период русского языка. Уже в древнерусский период в контекстах, где обязательным компонентом является одушевлённый Субъект, а основа глагола имеет семантику деструктивного воздействия, начинает формироваться семантический класс «Лишение функций» и т.д. Работа информативна, содержательна, можно констатировать, что ценз научного порядка выдержан. Статья «Префикс от-: семантический класс «Лишение функций» в русском языке XI-XVII вв.» может быть допущена к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Л. Свет в прозе В. Г. Распутина // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71366 EDN: XBTTDS
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71366

Свет в прозе В. Г. Распутина

Чжан Лэй

аспирант, кафедра филологии и методики; Иркутский государственный университет

664000, Россия, г. Иркутск, Университетский, 70

✉ 634883618@qq.com

[Статья из рубрики "Символизм"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.8.71366

EDN:

XBTTDS

Дата направления статьи в редакцию:

30-07-2024

Аннотация: Предметом исследования являются особенности употребления и значение слов, обозначающих свет и его оттенки в творчестве В. Г. Распутина, как отражение специфики мировидения писателя. Объектом исследования являются свет и оттенки, связанные с освещением, которые являются важной частью художественного мира. В прозе В. Г. Распутина это свет, искры, блеск, сияние, сверкание и мерцание. Материалом исследования послужили рассказы и повести разных лет: «Василий и Василиса» (1966), «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Уроки французского» (1973), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976), «Наташа» (1981), «Что передать вороне?» (1981), «Пожар» (1985), «Женский разговор» (1994), «В ту же землю...» (1995), «Нежданно-негаданно» (1997), «Новая профессия» (1998), «Изба» (1999), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). В работе применяются методы структурно-семиотического анализа с использованием элементов культурологического анализа, также используется метод интерпретации отдельного текста, анализ отдельных стилистических элементов. Методологическую базу составляют труды по изучению художественного мира прозы В. Г. Распутина (Н. В. Ковтун), отдельных аспектов поэтики цвета (Кошеренкова О. В., Чжан В.). Новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены и описаны особенности светообозначений в творчестве В. Г.

Распутина. В результате были сделаны следующие выводы. Свет в произведениях В. Г. Распутина несут солнце, луна, звезды, часто встречается электрический свет. Отсутствие света становится символическим и воплощает обреченность, безнадежность, потерянность. Свет в пейзажах контрастирует с состоянием героя. В портрете светлые детали внешности маркируют положительных персонажей, однако светлая одежда зачастую прикрывает темную душу отрицательных героев. В описаниях деталей свет подчеркивает красоту произведений человеческого труда. Блеск, искрение, мерцание и сияние подчеркивают красоту природы, при этом стиливой особенностью произведений В. Г. Распутина является одновременное сочетание нескольких световых оттенков при описании картин природы, их использование в метафорическом значении для описания состояния героев. В целом блеск в портрете персонажей, сияние – в описании деталей вещного мира связаны с негативной авторской оценкой персонажа или ситуации.

Ключевые слова:

Творчество Валентина Распутина, Повести и рассказы, Поэтика произведений, Художественный мир произведения, Стил писателя, Оттенки света, Светопись в литературе, Индивидуально-авторское значение света, Портрет и пейзаж, Детали вещного мира

Введение

В художественном произведении свет как способ восприятия мира имеет важное значение, так как отражает специфику мировидения писателя. Свет и цвет создают индивидуальный творческий мир автора, исходящего из восприятия видимого цвета вещей и одновременно субъективного восприятия, а также выражение эстетических принципов писателя [\[18, с. 112-113\]](#). Оттенки цвета в живописи напрямую зависят от освещения, поэтому как художник слова и как человек, тонко чувствующий природу, В. Г. Распутин использовал оттенки света в своих произведениях.

Цель и методы

Целью статьи является анализ особенностей использования света и его оттенков в творчестве В. Г. Распутина на материале рассказов и повестей «Василий и Василиса» (1966), «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Уроки французского» (1973), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976), «Наташа» (1981), «Что передать вороне?» (1981), «Пожар» (1985), «Женский разговор» (1994), «В ту же землю...» (1995), «Нежданно-негаданно» (1997), «Новая профессия» (1998), «Изба» (1999), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). На основании выборочного анализа было установлено, что в список дополнительных характеристик цвета, передающих оттенки света, в произведениях В. Г. Распутина входят сверкание, сияние, блеск, свет, мерцание, искрение. В работе использованы методы структурно-семиотического анализа с использованием элементов культурологического анализа, а также метод интерпретации текста, анализ отдельных стилистических элементов.

Результаты

В прозе В. Г. Распутина свет имеет разное значение, слова с корнем «свет» используются писателем в различных целях, прежде всего, для описания различных видов освещения интерьера и пейзажа.

В произведениях очень много солнечного света. Солнце является символом вечной радости и мудрости природы в повести «Последний срок», где с помощью света подчеркивается суэта и бесчувственность занятых собой детей умирающей Анны, которая через тепло и свет трепетно ощущает каждую минуту своей уходящей жизни («На полу рядом со старухой играло солнце <...> и когда солнце... принялось гладить и пригревать косточки, ей стало совсем хорошо...» [\[14, с. 221\]](#)). Размышляя о своей смерти, Анна воспринимает ее, как уход с земли на солнце: «...если она упадет, то упадет на солнце и пристанет к нему» [там же]. В последние дни жизни героиня не может оторвать от него взгляд: «ее завораживало солнце <...> старуха, напрягаясь, искала в нем что то, помимо тепла и света...» [там же].

Радостный солнечный свет оживляет природу: «Утро...высветилось до дня, заиграло, заходило», «...на глазах у старухи взошло солнце, и земля счастливо, преданно озарилась» [\[14, с. 275\]](#) («Последний срок»). Солнечный день украшает праздник Победы для уставших от войны людей: «накрепло, разгорелось солнышко, осияв все под собой веселым и торжественным светом» [\[8, с.150\]](#) («Живи и помни»). В дни зимних праздников освещенная солнцем природа дает Анатолию, герою повести «Дочь Ивана, мать Ивана», надежду на будущее («...было много солнца,... деревья стояли в куржаке и ярко переливались на солнце брызжащими искрами...» [\[6, с. 216\]](#)).

Со светом солнца связывает писатель печаль и надежду героев в «Прощании с Матёрой», когда люди нетерпеливо переживали дождь в последние дни уборки урожая перед затоплением острова. Ожидание передано через описание постепенно проявляющего себя солнца. Сначала оно было «бледное, усталое, с великим трудом продравшееся сквозь тучи» [\[15, с.279\]](#). Затем к вечеру оно, «объявляя свое освобождение, зазвенело, засияло, обещая, что только зайдет на ночь, а утром выйдет и примется за работу» [там же]. И далее наступает солнечный день: «К обеду небо... засияло и в радостном нетерпении как бы заходило, закружилось над землей» [там же]. Дождавшись солнечного дня, люди радостно отдавали свои силы тяжелому труду, хотя и понимали, что все это в последний раз.

Слабое пятно солнечного света («легкое и тонкое, как высохший лист» [\[5, с. 50\]](#)) символически связано с такой же слабой надеждой Кузьмы найти деньги для Марии в одноименной повести.

Если солнечный свет угасает, то это дурной знак. В рассказе «В ту же землю» отсутствие света – признак мертвого пространства города, где вся жизнь ограничена бюрократическими рамками, а людское горе – средство наживы. Писатель подчеркивает это описаниями, сопровождающими главную героиню, Пашуту, на протяжении ее горестных дел («Рассвело мутным болезненным светом» [\[4, с. 279\]](#), «А его уже и не было, света-то... В окне стоял полумрак» [\[4, с. 288\]](#), «Рассвело мутно, день опять обещал быть слепым» [\[4, с. 294\]](#)). В мертвом сером городе нет места для последнего пристанища матери Пашуты, которая была светлым человеком, выросла и прожила в труде на родной земле. И только сколоченный для Аксины Егоровны гроб был наполнен светом: «высокий и просторный, солнечный» [\[4, с. 292\]](#). И местом последнего упокоения стала светлая поляна в лесу, наполненная солнцем: «веселая и приветливая при свете и солнце» [\[4, с. 295\]](#), где «вокруг такой простор под солнцемходом, что лежи не тужи» [там же].

Кроме солнечного света в произведениях Распутина распространен лунный свет,

который тревожит героев с беспокойной совестью и освещает их во время беспокойного бодрствования. Так, с досадой просыпается от света луны Василий («Василий и Василиса»): он «не любит лунный свет, ему кажется, что от луны несет холодом» [3, с. 391]. Беспокойно в лунные ночи герою повести «Живи и помни», Андрею, который дезертировал с фронта («И чем ярче сияла луна, тем беспокойней, удушливей ему было...» [8, с. 141]).

В повести «Прощание с Матёрой» ночью под лунным светом беспокойно чувствует себя Дарья, приютившая Катерину после пожара («Стало еще светлей и беспокойней ... Полнограды было залито ярким и полным лунным светом...» [15, с. 302]). Только Дарье нечего стыдиться за свою жизнь, она честно трудилась на родной земле, не причиняя вреда ни людям, ни природе. Сердце Дарьи болит и чувствует вину вместо тех, кто принял решение погубить Матёру для экономической выгоды («Что виноватая, я знаю, а сказал бы кто, в чем виноватая, в чем каяться мне, многогрешливой?» [15, с. 303]). Глубоко ощущаемое Дарьей чувство «без вины виноватой» – это голос ее совести, ее ответственность за могилы предков, за родную землю, которая не только кормила, но и радовала своей красотой, а теперь обречена на гибель.

Электрический свет в произведениях Распутина имеет двойственный характер. Слепит свет фар и не дает сна Кузьме, герою повести «Деньги для Марии», но во сне того же Кузьмы этот же свет указывает на те дома, где могут помочь. В повести «Живи и помни» во сне дезертира Андрея слепящим и горячим предстает свет прожектора, который освещает героя, когда его ведут на расстрел.

Если это свет в окне, он говорит о присутствии жизни человека. Огни в доме – это признак того, что в деревне еще есть жизнь: «Весь нижний край деревни будто вымер, ... лишь в нескольких избах слабо мерцал старушечий свет» [8, с. 63] («Живи и помни»). Свет в окнах домов, мелькавших, как огоньки, из окна поезда, – это свет надежды, способ преодоления тьмы, «.. и опять надо ждать следующий огонек..., потому что без них как-то не по себе» [5, с. 89] («Деньги для Марии»).

Отдельно следует отметить отсутствие электрического света в «Прощании с Матёрой». Само слово «электричество», ради которого Матёра будет погублена, внук Дарьи, Андрей, в разговоре употребляет несколько раз таким образом, что читатель без труда угадывает равнодушие героя и видит речевую аналогию с выражениями «пойдет на мясо», «пустить в расход»: «Наша Матёра на электричество пойдет» [15, с. 255]. И ночуя в последний раз на Матёре со своими товарищами по несчастью, не найдя ни свечи, ни лампы, остается Дарья с ними во тьме («Спохватились зажечь свет, а нет: у Богодула, как у таракана, светить нечем...» [15, с. 335]).

Часто в произведениях писателя электрический свет наполнен тревогой, печалью утраты. Так, в рассказе «Василий и Василиса» после того, как сын Петр провел в амбар Василию электричество («свет»), «ласточки почему-то перестали вить гнезда над дверью амбара и куда-то переселились» [3, с. 392]. В «Последнем сроке» яркий свет резко отделяет сон от яви, в которой дочь Анны, Танчора, так и не приехала. И осознание того, что день жизни подошел к концу, а любимая дочь не успеет попрощаться, тоже приходит к Анне под ясным электрическим освещением, которое, в сопоставлении со светом дня, придает ситуации безысходность: «..напомнил ей о свете, в который не уложила Танчора и который уже не вернуть и не добыть никаким электричеством» [14, с. 251].

В поздних произведениях Распутина свет в окнах домов ночью – признак беды, например, в рассказе «В ту же землю»: «...два одиноко светящихся окна...ничего, кроме тревоги, вызвать не могли... в эту пору без беды или болезни не поднимаются» [4, с. 264]. Слишком яркое сияние электричества мешает Сене в рассказе «Нежданно-негаданно» разглядеть поближе внутренний мир девочки Кати, которую герой попытался спасти. Свет лампочки подчеркивает неустроенность жизни Савелия в последний вечер перед переездом из деревни («Изба») и подчеркивает пронзительность и безысходность одиночества, гнавшего героя из новой, своими руками собранной уютной избы, на другое место, предвещая и там неустроенность и никому не нужную смерть («Ярко светила голая лампочка под потолком, освещая пустые углы» [9, с. 324]).

В страшную пору 1990-х годов, когда ломались жизни и судьбы, свет в окне остается признаком бодрствования человека, но темнота в душах и в окнах уже не дает надежды на помощь и выход из тупика в повести «Дочь Ивана, мать Ивана»: «деревянные дома лежали в темноте....; в каменных, этажных домах освещенных окон было больше, но попробуй достучись, доберись до них...» [6, с. 12]. Свет фар машины, на которой ищут пропавшую Светлану, «вспарывает перед собой фарами черную плоть» [6, с. 12]; «зернистый» свет электролампочки дорожного столба придает коже Светланы, мертвенный холодный «отблеск панцирной неподвижности» [6, с. 160]. Фары чужой машины ослепляют Тамару («окатили светом» [6, с. 229]); и как ни ищет, не может героиня отыскать в небе над городом звезд, а видит только «радужно-гнилое свечение от электрического разлива города» [6, с. 11]. И как в «Прощании с Матёрой» и в рассказах «Изба», «Нежданно-негаданно», в повести тоже многое видится героям и понимается ими в неясном, казалось бы, ненадежном освещении керосиновой лампы.

Нечасто встречается в произведениях свет звезд, который в прозе Распутина связан с мотивом судьбы, вечности, предопределенности. Так, умирающая Анна ночью слушает дыхание избы, которая освещена «колдовским, томным светом звезд» [14, с. 265] («Последний срок»); звездный свет Настена замечает на берегу реки, когда уже приняла неотвратимое решение («за день худо-бедно прояснило и теперь на небе мигали, пробиваясь, звездочки» [8, с. 201] («Живи и помни»). Больше всего недолгого звездного света в «Прощании с Матёрой». Не видит света взошедших и скоро погасших звезд Хозяин Матёры, обреченной на затопление. И в оставшиеся последние недели отъезда прощальный звездопад наблюдают жители деревни: «ярко, блескуче горели звезды <...> при виде которых что-то тревожно обрывалось и в душе» [15, с. 285]. До самого неба поднимаются искры сожженного Петрухой родного дома и «теряются в звездах». Близость к Богу означают звезды для старухи Дарьи в ее сне. Сразу три света одновременно – солнечный, лунный, звездный, – наблюдает героиня рассказа «Изба» Агафья: она вышла во двор и увидела как «мелконько, притушенно мигали звезды... А над ее, Агафьиной, избой висело тонкое, прозрачное зарево из солнечного и лунного света» [9, с. 319].

В целом в поздних произведениях Распутина часто подчеркивается отсутствие света. Свет звезд почти исчезает: нет его в рассказе «В ту же землю», тщетно пытается и не может отыскать звезды на небе Тамара («Дочь Ивана, мать Ивана»), а в рассказе «Нежданно-негаданно» звездный свет есть только в короткой Сениной сказке, которую он рассказывает приемышу Кате, чтоб пробудить ее детскую чуткую душу. В лихое время не получилось взлететь к свету и счастью Сене, и такой же светлой, но короткой сказкой

становится жизнь девочки Кати в ненадолго обретенной, а потом вновь потерянной семье.

Метафору света В. Г. Распутин использует в описании природы, в портрете героев и в описании их состояния, а также в описаниях деталей вещного мира – произведений человеческого труда.

Светлые картины природы, связанные с солнцем, зачастую представляют собой контраст состоянию героя, как, например, в повести «Живи и помни»: Андрей видит, как за осинками «светилась круглая веселая поляна» [\[8, с. 55\]](#) и задумывается о ней как о хорошем месте для своей могилы. В «Прощании с Матёрой» свет в пейзажах связан с описаниями последней для жителей острова осени на своей родине. Это дождь, который «падал ...светло и тихо» [\[15, с. 303\]](#); наступающий вечер, который «пал теплый и тихий, со светленькой синевой в небе...» [\[15, с. 328\]](#); осеннее утро, то яркое («под звонким, ярким солнцем с раннего утра все кругом звенело и сияло...» [\[15, с. 218\]](#)), то «позднее и тихое», когда «свет за окнами казался вялым» [\[15, с. 192\]](#).

При использовании света для описания внешности персонажей можно говорить о том, что герои, приносящие несчастье, или отрицательные персонажи одеты в светлую одежду, которая контрастирует с негативной ролью героя в сюжете: в повести «Деньги для Марии» ревизор, обнаруживший недостачу, – это «мужик лет сорока... в светлом плаще» [\[5, с. 361\]](#), а в «Прощании с Матёрой» Петруха после поджога родного дома вернулся из города «в новом, но уже изрядно помызганном светлом костюме...» [\[15, с. 286\]](#).

В портрете персонажей свет дважды используется для описания цвета волос положительных, в буквальном смысле, светлых персонажей: это добрый и работающий Витя из повести «Живи и помни» (со светлым чубчиком) и пятнадцатилетняя Таня «с непокрытыми льняными волосами, как-то особенно чисто и грустно светившимися в пасмури дня» [\[4, с. 283\]](#) – внучка Пашуты («В ту же землю»), с приездом которой у героини «посветлела жизнь».

Сложно объяснить свет в портрете выпившего «заполошного» Ильи – сына старухи Анны: «...голова его розово, жарко светилась, распространяя вокруг сияние, глаза вспыхивали внезапной, отчаянной веселостью» [\[14, с. 279\]](#) («Последний срок»). Повтор близких по значению слов со значением света (светилась, вспыхивали), а также сияние, как у святого, противоречиво характеризуют образ разбитного жителя Севера, который, приехав на похороны матери, пьет с братом водку, постоянно шутит и в конце повести почти кощунственно зовет умирающую Анну в цирк. Поступки Ильи в прошлом тоже обнаруживают странности. По воспоминаниям матери, сын при полном огороде «лез в чужой, самым есть нечего, а он единственный кусок отдавал первому встречному» [\[14, с. 266\]](#). Тем не менее, мать, вспоминая, как покидали ее дети, обращается к тому дню, когда Илья уходил на войну и принял ее благословение, это увидела это мать по глазам сына, «которые дрогнули и на миг засветились надеждой» [\[14, с. 267\]](#). В настоящем старшая сестра прилюдно над ним смеется, приводя унижительные воспоминания о том, как брат собирал траву, сверху немного накидывая грибов, а Илья в этом с удовольствием признается. Такая реакция на публичную насмешку не является нормой, она не характерна для обычного человека. Все описанные признаки: «совмещение несовместимого, игра, разрушение нормы...отделение себя от круга жизни прочего

общества...» [\[19, с. 30\]](#), а также пьянство героя, оставление им дома, «потеря лица» (Н. В. Ковтун) – позволяют говорить, что В. Г. Распутин создает сложный, двойственный образ. Изначально это архетип дурачка, который мог стать юродивым (способность отдать последнее, свет в образе, незлобивость, жалкий облик). Но Илья становится шутом, а по определению Н. В. Ковтун и В. А. Степановой – воплощением архетипа «архаровца, отступника рода» [\[1, с. 11\]](#). И свет надежды в его глазах, бережно хранимый в воспоминаниях матери, превращается в бесовские огни («в его глазах загорелись бесноватые огоньки» [\[14, с. 237\]](#)).

Свет в портрете героев часто связан с глазами – «зеркалом души». «Посветлели» глаза Анны с приходом ее подруги, Мироники («Последний срок»); Кузьма видит в своих думах жену, которая, по его мысли, смотрит, как на чудо, на добравшийся до деревни снег «засветившимися в надежде глазами» [\[5, с. 126\]](#) и считает его добрым предзнаменованием («Деньги для Марии»); во время сна у Настены «круглое лицо обмякло и светилось сквозь сон вольной улыбкой» [\[8, с. 44\]](#), потому что она живет по совести и не боится людской молвы («Живи и помни»). При добрых мыслях и хороших воспоминаниях у героев светлеют лица. Просветлело лицо у Дарьи, когда она вдруг, прервав мрачные размышления, видит над Ангарой показавшееся после долгого ненастья солнце, обещающее хороший для покоса день; от своей любви к женатому Алексею «светилась и обмирала от радости» [\[15, с. 276\]](#) Катерина («Прощание с Матёрой»). «Светлела» Анна, повторяющая про себя обращение из писем дочки Таньчоры («Последний срок»). Необычное метафорическое выражение используется в описании состояния дезертира Гуськова («Живи и помни»): его «засветили воспоминания» [\[8, с. 124\]](#) о довоенной молотбе муки на мельнице. В рассказе «Наташа», когда улыбается героиня, «ее широкое, с крупными чертами лицо озаряется светом удивительного согласия с собой» [\[10, с. 394\]](#).

В необычном контексте используется свет в описании внешности героев в поздних произведениях Распутина. Так, в рассказе «В ту же землю» Таня, внучка Пашуты, настолько много понимает, глядя в лицо прабабушки «в раме гроба, успокоенное, освещенное нездешним светом, обращенное к ней одной, что чувствительная душа девчонки опалилась» [\[4, с. 293\]](#). В рассказе «Нежданно-негаданно» Сеня пытается отогреть душу девочки-приемыша Кати. И неожиданно заметив, как меняется лицо девочки в волшебном свете керосиновой лампы, он внезапно «просветлел вдруг сам: да кто сказал ему, что у нее недвижимое, холодное лицо..?» [\[11, с. 364\]](#).

Метафора внутреннего света также используется в прозе В. Г. Распутина для передачи радостного воодушевления, умиротворенного состояния героев. Например, это появляющееся в опаленной душе дезертира Гуськова недолгое ощущение радости жизни («немудренное, светленькое, как окошко, чувство: я есть...» [\[8, с. 141\]](#) («Живи и помни»)). Внутренний свет – это уверенность в своей правоте, в правильности своих действий для Дарьи («Прощание с Матёрой»): прибирая и украшая избу, она чувствовала, что делала все правильно, потому что «ее не оставляло светлое, истайна берущееся настроение, когда чудилось, что кто-то за ней постоянно следит, кто-то ею руководит» [\[15, с. 364\]](#).

Обыгрывая метафору света, Распутин показывает осознание героями произведений истинного положения вещей. Так, Анна понимает, что последняя встреча с подругой Миронихой дала ей «чувство полной, ясной и светлой законченности и убранности этой давней и верной дружбы» [\[14, с. 279\]](#) («Последний срок»); столпившиеся у горящего дома

Катерины жители осознают, что такая судьба ждет всех и что пламенем этого первого пожара «ярко... осветилась ...судьба каждого из них...» [\[15, с. 265\]](#) («Прощание с Матёрой»). И позже приходит к жителям Матёры осознание того, что «ворованное на прощанье» время дружной совместной уборки урожая, совместных вечерних посиделок и простых песен «запомнится надолго и останется в душе незакатым светом и радостью» [\[15, с. 298\]](#). Перед отъездом Дарьи и Настасьи, оставляющих самое дорогое, душевная боль передана через эпитет, подчеркивающий горечь утраты: «видеть невыносимо, как ... в окна льется уже никому не нужный свет» [\[15, с. 257\]](#). В повести «Пожар» свет используется для характеристики зарева, которое освещает складские постройки, и пламени, которое «крутым светом высветило весь двор» [\[13, с. 390\]](#).

Свет встречается единично в описании предметов, сделанных руками человека. В рассказе «Изба» последние работы в постройке дома Агафьи – покрытие крыши – преображают его: «будто свет заструился над избой» [\[8, с. 318\]](#), светящимся показан и искусно сделанный Савелием буфет, «аккуратный, ладный, светящийся отшлифованной белой доской» [\[9, с. 324\]](#).

Кроме света в прозе В. Г. Распутина есть такие световые оттенки, как искры, блеск, сияние, сверкание и мерцание. Особенностью описания пейзажа и его деталей в произведениях В. Г. Распутина является сочетание нескольких световых оттенков при описании картин природы, например, искрение и сияние: Люся, приехав из города попрощаться с матерью, утром видит из окна как «река искрилась... Повсюду было тихое, спокойное сияние» [\[14, с. 176\]](#) («Последний срок»). В «Живи и помни» глазами Настены показан необычный вид реки ночью, соединяющий мерцание, блеск, свечение: «...от реки поднималось серое, исподнее мерцание, в котором взблескивала и терялась вода... Выше его за мерклой прокладкой виделось полосами другое, более мутное и слабое свечение» [\[8, с. 192\]](#). В «Прощании с Матёрой» в день отъезда Егора и Настасьи праздничные и яркие картины родной природы, которую навсегда вынужденно оставляют старики, составляют резкий контраст с их настроением: «Вовсю разгорелось солнце,... сквозь воду сочно сияли на дне камни. Горячими, сверкающими полосами вспыхивала, играя, Ангара, в них со свистом бросались с лету и терялись в искрении стрижи» [\[15, с. 260\]](#).

При изучении такого светового оттенка как искрение, искристость можно говорить о том, что он встречается редко и используется, преимущественно, в описании красоты воды и снега. В «Последнем сроке» ранним утром невестка Анны смотрит на неяркое еще солнце и замечает, что роса «горящими, заманчивыми искрами блестела повсюду» [\[14, с. 276\]](#). После ночи с женой Гуськов в повести «Живи и помни» смягчается, успокаивается, в душе его ненадолго наступает умиротворение и ему кажется, что «снег пыхал, искрился» [\[8, с. 45\]](#). В «Прощании с Матёрой» из окна избы Дарья видит Ангору, ее «искрящееся, жаркое на солнце течение...» [\[15, с. 218\]](#). В рассказе «Женский разговор» искрилось ночное небо, «искристо играли» [\[7, с. 286\]](#) снега.

Единично представлены искры в описании предмета («Изба») и в портрете героини («Нежданно-негаданно»). Так, воспоминания Агафьи о детстве оживляют в ее памяти картину, когда «жгли лучину и полуночидали возле камелька, как трещало, брызгая искрами, смолье» [\[9, с. 307\]](#) («Изба»). В рассказе «Нежданно-негаданно» Сеня, наблюдая за Катей видит, как во время игры со светом керосиновой лампы в девочке оживала душа: «Она то прибавляла, то убавляла фитиль, по лицу ее ходили блики, глаза

искрились» [\[11, с. 364\]](#).

На общем фоне изображения красоты искрящихся предметов или деталей пейзажа среди произведений Распутина выделяется «Дочь Ивана, мать Ивана», где искрение связано с негативной оценкой героя или ситуации. Так, мать Тамары, Степанида Петровна, была вспыльчивой, поэтому, давая ей характеристику, Распутин пишет, что «от нее «летели искры» [\[6, с. 37\]](#). Забирая вечером после работы детей, со злостью женщины спорят в детском саду и желают противнице даже не влюбиться, а «втрескаться так, чтоб из глаз искры сыпались» [\[6, с.27\]](#). Для Тамары, главной героини рассказа, искры ассоциируется с физической болью. Заснув около прокуратуры, Тамара видит тяжелый сон, в котором каждый камень, на который она смотрит «...начинает до боли в глазах искриться» [\[6, с.107\]](#). Описывая попытку побега после суда, писатель использует необычный метафорический оборот для передачи состояния аффекта героини, которая совершала свои действия «в ярком, брызжущем искрами, беспамятстве» [\[6, с. 111\]](#).

На третьем месте по частотности оттенков света в произведениях В. Г. Распутина находится блеск. В целом, этот оттенок света используется при описании красоты природы. «Холодно поблескивает на листьях роса» [\[14, с. 276\]](#) ранним утром; в воспоминаниях Анны в один из светлых дней молодости после закончившегося дождя «все чисто и азартно блестит» [\[14, с. 268\]](#) («Последний срок»). Настену, пришедшую в зимовье к дезертиру-мужу в «Живи и помни» пугает «не тронутый ничьим следом, блестящий на солнце снег за окном» [\[8, с. 42\]](#). Героиня видит, как вечером «ярко, слепя глаза, играла блестками...» [\[8, с. 163\]](#) вода в реке. В мае, после окончания войны, Настена на острове видит, как «под низким боковым солнцем блестела в деревьях ранняя паутина.... оборвалась бабочка и долго не могла вылететь, тычась в плотный кустарник» [\[8, с. 173\]](#). И эта картина передает растерянное состояние героини, которая заблудилась как бабочка, и вот-вот окажется в паутине, потому что запуталась и не знает, как ей теперь быть.

Много блеска (как и сияния, и света) в пейзажах повести «Прощание с Матёрой», как будто писатель снова и снова подчеркивает красоту природы, которая будет сожжена, а потом затоплена для экономической выгоды. Дарья, заблудившись, оглядывается, осматривается по сторонам и видит, свою Матёру, которая соединяется с другой деревней, «и лишь у самого его краешка проблескивала полоска воды» [\[15, с. 236\]](#). Хозяин Матёры смотрит с берега Ангары, «как в распаханном просторе слоисто мерцали темные дали; стеклянно взблескивала и стеклянно же позванивала на нижнем перекате вода» [\[15, с.251\]](#). Здесь также писатель использует несколько световых оттенков в одном ряду.

Отличается блеск осенней воды в рассказе «Нежданно-негаданно», где оттенок света передает не красоту, а угрозу: Сеня как будто предчувствует, что скоро бандиты заберут из его семьи Катю, которая только обрела детство и к которой они с женой привязались («по воде ходили волны, взблескивая загибающимися остриями белых барашков, вся земля гудела и стонала» [\[11, с. 362\]](#)). «Леденисто взблескивали» [\[7, с. 290\]](#) шапки снега в рассказе «Женский разговор».

При описании природных явлений единично встречается блеск в метафорическом сравнении грозного волчьего воя около убежища Андрея Гуськова с угрожающим жизни блестящим клинком ножа у горла («..тонким режущим лезвием, взблескивая в темноте,

подступал этот голос к горлу» [\[8, с. 57\]](#)).

В двух случаях блеск используется в характеристике источника света – это угли, которые «взблескивали» в самоваре Дарьи в повести «Прощание с Матёрой», и пламя, которое «широкими взмахами отблесков» [\[13, с. 363\]](#) освещало крыши в повести «Пожар».

Двойственную роль играет блеск в портретных деталях героев произведений В. Г. Распутина. В большинстве случаев блеск в описании внешности персонажей играет негативную роль. Например, в рассказе «Василий и Василиса» блеск свидетельствует о физической боли: у Василия блестит поясница, да так, что на его измученном лице в рыжей щетине блестят капли пота. Или блеск в описании деталей портрета может придавать внешности вид неодушевленного предмета, намекая на утрату души, как в портрете Ильи, у которого «голова, как яйцо, оголилась и в хорошую погоду блестела, будто надраенная» [\[14, с. 135\]](#) («Последний срок»). У его сестры Варвары, которая сама себя старит до срока, седина не означает мудрости возраста. Это писатель подчеркивает описательным оборотом «в голове появились блески» [\[14, с. 158\]](#), характеризуя внешность еще не старой женщины.

Нежелание Степаниды помочь Кузьме деньгами для Марии в одноименной повести и фальшь ее сочувственных слов выдает сравнение глаз с пуговицами в описании жеста: «вытирала подолом глаза, будто надраивала их, как пуговицы, чтобы они наконец заблестели» [\[5, с. 88\]](#). Порочность Егоровны, героини повести «Дочь Ивана, мать Ивана», любовницы Демина, выдает сложное описание блеска глаз: «Круглое лицо с блестящими, искристо просверкивающими глазами....лоснилось у Егорьевны и от печного жара, и от плотской сытости» [\[6, с. 130\]](#); круглые глаза выставляются пленчатым блеском целомудренной наивности и грубых желаний» [\[6, с. 137\]](#).

Блеск глаз у положительных героинь встречается только в произведениях «Деньги для Марии» и «В ту же землю». Так, в ответ на замечание Кузьмы, что смерть сейчас бесплатная, глаза старой тетки Натальи «слабо блеснули» – она решительно озвучивает свое желание, ни на кого не надеясь, самостоятельно обеспечить все расходы на собственные похороны. В рассказе «В ту же землю», в описании молодой поры Пашуты, когда она еще была Пашенькой, два раза упоминается блеск ее глаз («с тонкой талией и блестящими глазами» [\[4, с. 265\]](#).... и в возраст вошла – была миловидна с блеском больших карих глаз» [\[4, с. 271\]](#)).

Единично встречается блеск глаз для выражения эмоций, когда «блеснули удивлением» глаза Дуси, младшей внучки отца Тамары, Ивана Савельевича, при виде собравшейся вокруг деда семьи и слушающей внимательно его воспоминания о прошлом. Также интересной видится единичная формулировка, которая содержит неправильное сочетание («взблеснувшая головенка») и помогает донести до читателя боль утраты и подсказывает трагическую судьбу незащитной Кати среди тех, кто увез ее силой и будет распоряжаться ее судьбой («Девочку стремительно оторвали от Сени,... он увидел ее взблеснувшую белую головенку уже в пасти теплохода» [\[11, с. 368\]](#)).

Использование блеска встречается единично в метафорическом описании психологического состояния семьи Тамары во время ужина после приключившейся беды, когда, желая поддержать дочь, мать купила торт («горе-горькое тоже любит взблеснуть чем-нибудь таким, вроде жемчужного зерна» [\[6, с. 99\]](#)).

В прозе В. Г. Распутина блеском, в отличие от света, наделены преимущественно

предметы с негативными свойствами. Это новые, с «упругим блеском», бутылки с водкой в повести «Последний срок», приготовленные на похороны Анны, найденные и затем выпитые ее непутевыми сыновьями, и бутылки, «взблескивающие под огнем как электрические фонарики» [\[13, с. 384\]](#), из которых тут же выпивали люди, спасающие товары из пожара в одноименной повести. Это «блестящие хромовые сапоги полковника» [\[5, с. 57\]](#) в купе поезда, рядом с которыми стесняется поставить свои простые сапоги Кузьма («Деньги для Марии»). Также это необычные для Настены наручные часы («что-то круглое и блестящее, со светлеющими, как глазки, точками» [\[8, с. 51\]](#)), снятые как трофей с немца ее мужем-дезертиром («Живи и помни»). Здесь же можно упомянуть «взблескивающую на солнце шайбу» [\[16, с. 304\]](#) – битую для игры в чикку, которую в рассказе «Уроки французского» видит главный герой и снова начинает играть, потому что нужны деньги на еду. Метафорически с помощью блеска глазами главной героини повести «Дочь Ивана, мать Ивана» показан задымленный город и потоки машин на его улицах: «в серой... дымке нагромождением руин, среди которых сливалась в разные стороны в тяжелом металлическом блеске лава» [\[6, с. 226\]](#).

На третьем месте по частотности в прозе В. Г. Распутина находится сияние, которое, так же как другие оттенки света (блеск, свет, искрение и др.) и в сочетании с ними используется в описаниях природы. Отдельно сияние также может быть включено в описание внешности и / или состояния человека, в описание предметов.

В описании объектов природы сияние используется для создания следующих образов:

ночи («ясное, холодное сияние» [\[14, с. 270\]](#), «звездное завораживающее сияние проходит сквозь стены» [\[14, с. 265\]](#) («Последний срок»), «мертвым сиянием дробился мутный воздух» [\[15, с. 334\]](#) («Прощание с Матёрой»);

неба («изнемогал от его осиянной беспредельной пустоты» [\[8, с. 141\]](#) («Живи и помни»), «небо полностью освободилось, засияло» [\[15, с. 316\]](#) («Прощание с Матёрой»);

солнца («огненный шар...сиял в небе» [\[14, с. 221\]](#) («Последний срок»), «...объявляя свое освобождение, зазвенело, засияло» [\[15, с. 315\]](#), «светило закатным сиянием» [\[15, с. 349\]](#) («Прощание с Матёрой»);

замерзшего льда (Гуськов был остановлен «сиянием чистого, зеленого стекольного льда» [\[8, с. 125\]](#) («Живи и помни»)),

ясного дня («Дни стояли сияющие» [\[11, с. 359\]](#) («Нежданно-негаданно») или наступающего вечера («осиянность вечеряющего дня» [\[17, с. 370\]](#)).

Отдельно следует сказать об использовании сияния (и его синонима – горения) в повести «Прощание с Матёрой» в метафорическом описании пышных лесов Матёры «сияющая / горящая зелень». Это описание как характеризует природное богатство острова («...в лесах, полях, на берегах, буйной зеленью горел остров» [\[15, с. 254\]](#)), так и подчеркивает нежелание людей мириться с горькой необходимостью и своей судьбой («...так густо и свежо сияла перед глазами зелень... и так все казалось прочным, вечным, что ни во что не верилось – ни в переезд, ни в затопление, ни в расставание» [\[15, с. 213\]](#)).

Интересный случай употребления оттенка есть в «Последнем сроке», когда Люся, старшая дочь Анны, чувствует себя в лесу неуютно, она отвыкла от пребывания на природе и ощущает страх («одна среди чужого затаившегося безмолвия, где все сияние и внимание направлены только на нее» [\[14, с. 213\]](#)).

В описании внешности героев и их психологического состояния в позднем творчестве сияние используется, преимущественно, как маркер положительности образа. Единичными являются случаи употребления сияния в негативной оценке персонажей. Так, в повести «Деньги для Марии» попутчик Кузьмы, Геннадий Иванович, нехорошо подтрунивает и иронизирует над своим деревенским попутчиком, при этом у него на лице «сияет довольная улыбка» [\[5, с. 56\]](#). В рассказе «Что передать вороне?» плутоватость «сияла» в лице шофера.

Сияние для описания положительных эмоций в повести «Живи и помни» встречается один раз, когда после возвращения мужа с войны для описания безграничной радости Лизы Распутин повторяет оттенок света «сияние» семь раз в небольшом отрывке («Лиза сияла – сияло ее лицо, обычно бледное, унылое, сияли, захлебываясь от радости, глаза, сияла под голубенькой кофточкой прогнувшаяся грудь – сияло все, сияла вся, сияла вовсю» [\[8, с. 64\]](#)).

Наибольшее количество употреблений сияния как положительного маркера, связанного с позитивными эмоциями героев, отмечено в повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Так, по воспоминаниям матери, Светлана в детстве вся превращалась «в восторженное сияние» [\[6, с. 61\]](#), когда пела с бабушкой песню о любви. Во время тяжелого вечера после беды, случившейся с дочерью Светланой, приготовившийся к тяжелому разговору Анатолий, услышав по телефону голос матери, «вдруг просиял» [\[5, с. 98\]](#). Позже любителю Анатолий красивой одноклассницей сына, которая забежала к Ивану, «веселая, сияющая, звенящая» [\[6, с. 217\]](#). Единичным случаем, когда сияние употребляется в повести в негативном контексте, является описание скинхеда на дискотеке, куда пришел Иван, здесь сравнение приравнивает скинхеда к миру предметов («с огромной, сияющей, как шаровой светильник, бритой головой» [\[6, с. 180\]](#)).

Сияние предметов – деталей вещного мира, так же как и блеск, применяется в прозе Распутина при описании ситуаций, оцениваемых автором негативно. Так, умирающая Анна вспоминает отъезд старшей дочери Люси солнечным днем, когда «солнце ударило в спину, превращая пароход в сияющую игрушку» [\[14, с. 268\]](#) («Последний срок»). Хозяин Матёры наблюдает зловещее сияние пожара в доме Катерины, «как замерцала изнутри изба, сначала прерывистым, слабым сиянием...» [\[15, с. 267\]](#), «...далеко кругом озарено было этим жарким недобрым сиянием...» [\[15, с. 265\]](#) («Прощание с Матёрой»). Столики для свадебных подарков в рассказе «Новая профессия» «сияют полировкой» [\[12, с. 317\]](#). Кошунственным оксюмороном предстает описание машины, «блестящей небесным лазурным сиянием» [\[6, с. 125\]](#), на которой приезжают запугивать Анатолия представители криминального мира, обманчивое «радужное сияние рассыпного южного изобилия» [\[6, с. 176\]](#) видит на рынке безымянная героиня, уже не раз обманутая торговцами («Дочь Ивана, мать Ивана»). Единично сияние связано с описанием новой избы Савелия, в которой «сияли гладкой упругой белизной свежие половицы» [\[9, с. 310\]](#) («Изба»).

Мерцание и сверкание немногочисленны в произведениях Распутина, и так же как искрение, в основном встречаются в сочетании с другими оттенками света. Без

сочетания мерцание используется для описания воды в ночное время («Далеко-далеко изнутри шло мерцание, как из жуткой красивой сказки...» [8, с. 203] («Живи и помни»)); во время тумана («...с трудом, будто из глубокого и темного колодца, пробивалось смутное мерцание воды» [15, с.384] («Прощание с Матёрой»)). Мерцают месяц («серпик месяца мерцал при бледном солнце со злой напористостью» [8, с. 133]) и небо («в темном небе со стороны горы мерцали прогляди» [8, с. 197]) в повести «Живи и помни», а также в повести «Прощание с Матёрой» («в распахнутом просторе слоисто мерцали темные дали» [15, с. 251]). Также мерцание используется в описании туманного утра («в тусклом размытом мерцании проносятся мимо... большие и лохматые, похожие на тучи очертания» [15, с. 388] («Прощание с Матёрой»)) и ясного вечера («мерцал под ранним месяцем ранний вечер» [7, с. 286]).

В жилище героев мерцает огонь и отсвечивает на окна («окно... занялось прерывистым алым мерцанием» [8, с. 110] («Живи и помни»)). Настена из повести «Живи и помни» видит мужа «в слабом мерцании» света из окна [8, с. 17]. «Леденисто мерцали окна» [15, с. 331] в избе Дарьи («Прощание с Матёрой»). Как в старину, при свете керосиновой лампы, «при ее красноватом и тусклом мерцании» [15, с. 364], обряжает Дарья свою избу пихтой, готовя ее к смерти, как человека.

Единично используется мерцание для описания внешности или состояния персонажей: в портрете Богодула («Из дремучих зарослей на лице ...мерцали красные, налитые кровью глаза» [15, с. 226] («Прощание с Матёрой»)) и в описании тревоги Настены («тайна, которой она должна была владеть одна, замерцала, похоже, сегодня перед другими глазами» [8, с. 134] («Живи и помни»)).

Сверкание в портрете персонажей произведений Распутина связано с глазами и помогает выразить различные эмоции. Например, в повести «Деньги для Марии» это скрытый гнев («на шум выглянула проводница, сверкнула глазами» [5, с. 116]); в «Последнем сроке» – радость («засверкали слезы» у умирающей Анны [14, с. 214], когда она обрадовалась приходу подруги); усталость – в «Прощании с Матёрой» (когда Дарья с трудом белит избу, у ней кружится голова, «перед глазами протягивались сверкающие огнистые полосы» [15, с. 359]). В рассказе «В ту же землю» обнаружен неологизм, который использует В. Г. Распутин для описания характера любимого в прошлом человека Пашуты, Стаса Николаевича, который в новое время потерял цель («И загас в глазах знаменитый выскерк, вспыхивавший неожиданно и ярко, как молния, который умел сразить наповал» [4, с. 280]).

Единично сверкание используется для описания пробуждения реки весной в повести «Прощание с Матёрой» («Ангара освобожденно открылась, вытянувшись в могучую сверкающую течь» [15, с. 208]).

Выводы

Таким образом, несмотря на остроту проблематики большинства произведений В. Г. Распутина, в целом можно говорить о том, что в его произведениях много света. Свет и его оттенки писатель использует в пейзажах, в портрете героев и в описании их состояния, а также в описаниях деталей вещного мира – произведений человеческого труда. В метафорических формулировках оттенки света углубляют психологизм, зачастую за счет контраста внутреннего состояния героя и природного света, а также с помощью

его противопоставления электричеству. Солнечный свет сопровождает героев в радостные минуты, лунный – в ситуациях тревоги и беспокойства. Метафора света также используется в прозе В. Г. Распутина для передачи радостного воодушевления, умиротворенного состояния или осознания героями произведений истинного положения вещей. Индивидуальной стилевой особенностью произведений В.Г. Распутина можно считать сочетание нескольких оттенков света в описаниях, особенно в пейзажных зарисовках, и использование различных оттенков света для описания состояния персонажа.

Библиография

1. Ковтун Н. В., Степанова В. А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина: дуализм психически-интеллектуальных доминанта // Филологический класс. 2014. № 2. С. 7-28.
2. Кошеренкова О. В. Символика цвета в литературе // Аналитика культурологии. 2015. №2 (32). С. 163-169.
3. Распутин В. Г. Василий и Василиса // Избранные произведения: [в 2 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 2. 1984. С. 390-413.
4. Распутин В. Г. В ту же землю... // В поисках берега: Повести, рассказы, статьи. М.: Русский миръ: Московские учебники, 2008. С. 264-298.
5. Распутин В. Г. Деньги для Марии // Избранные произведения: [в 2 т.]. Т. 1. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 29-126.
6. Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть, рассказы. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 5-232.
7. Распутин В. Г. Женский разговор // Нежданно-негаданно: повесть и рассказы. М.: Дет. лит., 2008. С. 285-300.
8. Распутин В. Г. Живи и помни // Избранные произведения: [в 2 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 2. 1984. С. 5-206.
9. Распутин В. Г. Изба // В поисках берега: Повести, рассказы, статьи. М.: Русский миръ: Московские учебники, 2008. С. 299-330.
10. Распутин В. Г. Наташа // Избранные произведения: [в 2 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 1. 1984. С. 388-397.
11. Распутин В. Г. Нежданно-негаданно // В поисках берега: Повести, рассказы, статьи. М.: Русский миръ: Московские учебники, 2008. С. 331-368.
12. Распутин В. Г. Новая профессия // Собрание сочинений: [в 4 т.]. Иркутск: Издатель Сапронов, Т. 4. 2007. С. 308-355.
13. Распутин В. Г. Пожар // Собрание сочинений: [в 3 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 2. 1994. С. 355-415.
14. Распутин В. Г. Последний срок // Избранные произведения: [2 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 1. 1984. – С. 127-289.
15. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой // Избранные произведения: [в 2 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 2. 1984. С. 205-389.
16. Распутин В. Г. Уроки французского // Избранные произведения: [в 2 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 1. 1984. С. 290-317.
17. Распутин В. Г. Что передать вороне? // Избранные произведения: [в 2 т.]. М.: Молодая гвардия, Т. 1. 1984. С. 369-387.
18. Чжан В. Исследование ассоциативного значения слов, обозначающих цвет = 张伟伟 颜色词联想意义的初步研究 // Обучение языкам и исследования. 1988. № 3. С. 112-121.
19. Юрков С. Е. Культурно семиотические функции православного юродства // Известия Тульского госуниверситета. 2008. № 1. С. 30-38.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Англоязычные метаданные

On the topic of the beginning of existential prose by M. Yu. Lermontov

Moskvin Georgy Vladimirovich

PhD in Philology

Associate professor, Department of History of Russian Literature, M. V. Lomonosov Moscow State University

119992, Russia, g. Moscow, ul. Leninskie Gory, 1, str. 51

✉ georgii_moskvin@mail.ru

Abstract. This article is devoted to study of M.Yu. Lermontov's existential prose. Considering the issues of the formation of the existential paradigm in the first decades of the 19th century Russian literature, the author refers to Pushkin's poem "A Vain Gift, an Accidental Gift" as an exemplary work expressing the problematic of modern literature, which is characterized by ideological and stylistic diversity as a result of the interaction of different intellectual systems in Russian artistic thinking (the ideology of late romanticism, the philosophy of objective idealism for Hegel and the existentialist concepts of Kierkegaard, and other thinkers). The development of the existential theme is found in Lermontov's lyrics and prose ("Princess Ligovskaya" and "A Hero of Our Time"). The main research methods used in this article are comparative, hermeneutic, axiological, and literary-historical. The novelty of the article is explained by the fact that the author formulates the main provisions of existential literature and clarifies their manifestations in the literature of the 1820s–1949s in Russian literature, compares aesthetic practices with modern, primarily Lermontov's literature. Focusing on the demonic theme, the author argues that in the early period of Lermontov's work (1829–1836), two trends in the evolution of this theme are observed: the first is called the demonization of the hero, ending in the mature period of Lermontov's work; the second is characterized by overcoming the demon in oneself. It begins with the first editions of the poem "Demon" (the work turned out to be decisive in the transition to the main theme of existential prose in Lermontov's work), and reaches its culmination in "A Hero of Our Time" (1837–1841).

Keywords: demonic theme, demonize the hero, human, life, the Russian literature, Kierkegaard, faith, Lermontov, existential, A Hero of our time

References (transliterated)

1. Al'tshuller M. G. Diptikh Pushkina i psevdopalinodemiya mitropolita Filareta // V knige «Mezhdu dvukh tsarei». SPb: Akademicheskii proekt 2003. – 352 s.
2. Lermontov M. Yu. Sochineniya: V 6 t. / AN SSSR. In-t rus. literatury (Pushkin. dom). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T. 6. – 900 s.
3. Lermontov M. Yu. Sochineniya: V 6 t. / AN SSSR. In-t rus. literatury (Pushkin. dom). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. T. 5. – 757 s.
4. Kiseleva I.A. O smyslovoi tsel'nosti definitivnogo teksta poemy M.Yu. Lermontova «Demon» (1839) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2019. T. 17. № 4. S. 91-106.
5. Dashkevich N. P. Stat'i po novoi russkoi literature. Petrograd: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1914. – 696 s.
6. Bugorskaya V. V. Obrazy angelov v tvorchestve M.Yu. Lermontova // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorii i filologii. 2020. T. 30. № 2. S. 296-302.

7. Shestov L. I. Kirgegard i ekzistentsial'naya filosofiya. M.: Progress. Gnozis, 1992. – 304 s.
8. Il'in I. A. Prorocheskoe prizvanie Pushkina // Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: Konets XIX – pervaya polovina XX v. M.: Kniga, 1990. S. 328-355.
9. Voropaev V. A. Trebovanie N.V. Gogolya na polyakh Biblii // Russkaya rech'. 2018. № 3. S. 77-81.
10. Shuvalov S. V. Religiya Lermontova // Venok Lermontovu / Yubileinyi sbornik. M.-Pg.: Izd. t-va "V.V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh, 1914. S. 135-164.
11. Moskvina G. V. Izmena // M. Yu. Lermontov. Entsiklopedicheskii slovar'. M.: Indrik, 2014. S. 179-180.

Business letter in the system of modern interpersonal communication (based on Russian and Arabic business correspondence)

Al-Anbagi Shaymaa Thamer Hasan

Postgraduate student, Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ shaimatamerhasan@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the features of modern business correspondence in Russian and Arabic; the subject of the study is the place of modern Russian and Arabic business documents in the system of interpersonal communication, the features of expressing the author's personality in a modern business letter. Attention is drawn to those transformation processes that are found in modern business writing in accordance with the change in the degree of manifestation of the author's personality in it. Strengthening the personal element in a business letter is associated with the processes of democratization of communication, humanization of society, informatization of the communicative space. The scientific novelty of the study lies in revealing the specificity of the author's image in modern business letters, reflecting the linguocultural characteristics of native speakers of Russian and Arabic.

The research was carried out on the basis of general scientific methods of observation and description, analysis and synthesis using special linguistic methods (structural, typological, comparative, method of component analysis), as well as functional and psycholinguistic approaches.

As a result of the study, it was revealed that in Russian and Arabic business letters the tendency to enhance the personal nature of correspondence manifests itself to varying degrees. Modern Russian business letters use a whole range of linguistic means, including the syntactic level, with the help of which the correspondence is given a personal, informal character. These are incentive, exclamatory and interrogative sentences, introductory words, definitely personal and two-part sentences. In Arabic business writing, the personal element is shown by authors occupying high positions, while the rest try to compose business letters in an impersonal manner. A conclusion is drawn about the connection of the observed features with Arab cultural traditions, with the predominance of the collective over the personal in Arab culture.

Keywords: addressee, author, interpersonal communication, Arabic language, Russian

language, business correspondence, business letter, official business style, personal character, email

References (transliterated)

1. Shaklein V. M. Differentsiatsiya russkogo yazyka v usloviyakh razvitiya novykh informatsionnykh tekhnologii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2011. № 1. S. 52–55.
2. Kirillova O. N. Sredstva rechevogo etiketa elektronnoy delovoy pis'ma // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 45. S. 1605–1612.
3. Satuchina T. Yu. Faktor sotsial'noi distantsii, determiniruyushchii variativnost' delovoi internet-kommunikatsii (na materiale elektronnykh pisem) // Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti. 2023. T. 2. № 2. S. 76–79. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-2-76-79.
4. Litvyakova T. A. Evolyutsiya etiketnykh ramok v russkom delovom pis'me (na primere obrashcheniya) // Nauka i obrazovanie transportu. 2021. № 2. S. 332–334.
5. Litvyakova T. A. Emotsional'naya nasyshchennost' kak vazhnyi element pis'mennoi kommunikatsii (na primere delovoy pis'ma) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2022. T. 8. № 3. S. 103–112.
6. Novikov D. A. Elementy ekspressivnosti v ofitsial'no-delovykh pis'makh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti // Rossiiskii lingvisticheskii byulleten'. 2021. № 2 (26). S. 50–54. DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.21.
7. Cho Y. E. Usilenie lichnostnogo nachala v sovremennoi russkoi delovoi perepiske: polozhitel'nye i otritsatel'nye momenty // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. 2016. № 1. S. 53–60.
8. Selezneva L. V. Rechevye formuly delovoi perepiski kak indikatory kommunikativnoi kompetentnosti avtora // Aktual'nye problemy stilistiki. 2018. № 4. S. 204–209.
9. Selezneva L. V. «Svoi sredi chuzhikh, chuzhoi sredi svoikh»: vliyaniye faktora adresata na stil' delovoi korrespondentsii // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. 2022. № 7. S. 335–338.
10. D'yachenko M. P. Mezhpersonal'nost' v pis'mennoi delovoi kommunikatsii: mezhkul'turnaya biznes-sreda // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2021. № 3 (43). S. 130–135. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.13.
11. Tortunova I. A. Lingvisticheskii «obraz» sovremennoi delovoi perepiski // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2016. № 2. S. 80–86.
12. Chelovek v sotsiokul'turnom izmerenii: monografiya / I. V. Glushko, T. M. Zueva, M. N. Krylova, I. M. Lavrukhina, A. V. Yarovoi. Zernograd: AChII, 2022. 222 s.
13. Krylova M. N. Tipichnye oshibki v yazyke delovykh bumag // Sovremennye nauchnye issledovaniya: problemy i perspektivy: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M.: Pero, 2019. S. 172–179.

Principles of cyclization in the collection of A.V. Ilichevsky "Dew Point"

Doctor of Philology

Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines and History of Law, Yury Luzhkov Moscow
Metropolitan Governance University

107045, Russia, Moscow, Sretenka str., 28

✉ marselem78@yandex.ru

Abstract. The object of the research is the poetics of cyclization of epic texts in modern literature. The subject of the study is the structural and semantic aspects of the cyclization of small and medium prose. The collection "Dew Point" by Alexander Viktorovich Ilichevsky was chosen as the research material. The author of the article examines in detail such aspects of the topic as the way of expressing the author's position through the image of the narrator synthesizing the action, the spatial and temporal organization that ensures the unity of perception of the sections of the collection, and the leitmotif structure that semantically binds the epic text of different genres.

Special attention is paid in the article to the title-nominative complex of the collection, which reflects the main techniques of cyclization, and the autobiography of the narrative, which determines the selection of spatial images, plot structure, value orientations and determines all the substantive aspects of cyclization. The author turns to the geosophical foundations of the collection in order to reveal the dependence of the ideological content of key spatial images on the spiritual quest of the narrator. Intercultural interrelationships are considered as an important tool of cyclization, which are conveyed by the author through literary allusions and a cross-cultural approach to reflecting the modern world. The research is based on a systematic and holistic analysis of a literary text with elements of structural and comparative typological analysis. The cycle is considered by the author of the article as a supra-genre unity, the techniques of cyclization of a structural and meaningful nature are revealed. The main conclusions of the conducted research are the revealed principles of cyclization, including the principle of autobiography, the principle of parallelism of states of nature and the inner world of the individual, the principle of intercultural interrelationships, the principle of leitmotifism.

The author's special contribution to the research of the topic is to clarify the principles of cyclization of the epic text in modern literature. The author conducted a systematic and holistic analysis of the poetics of the epic cycle in the works of Alexander Ilichevsky on the example of the collection "Dew Point", revealed the compositional and ideological and semantic foundations for the synthesis of various genres of epic texts into a single work of art.

The scientific novelty of the research lies in the development of a methodology for the study of the poetics of the epic cycle in modern literature; in the development of a methodology for the study of the poetics of the epic cycle as a supra-genre education; in identifying the basic techniques of cyclization of A.V. Ilichevsky's prose based on the collection "Dew Point", in systematizing the artistic foundations of the epic cycle, including leitmotifs, ways of expressing the author's position, spatial and temporal structure.

Keywords: locus, leitmotif, narrator, autobiography, headline-nominative complex, cyclization, cycle, spatial images, supranational unity, cross-cultural relationships

References (transliterated)

1. Abasheva M.P., Kurilenko M.V. Poetika tsiklizatsii v proze Yuriya Buidy // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2020. T. 12. Vyp. 2. S. 72-80. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-2-72-80

2. Barkovskaya N.V., Verina U.Yu., Gutrina L.D. Kniga stikhov kak teoreticheskaya problema // *Filologicheskii klass*. 2014. № 1 (35). S. 20-29.
3. Belousova O.O., Dashevskaya O.A. Poetika tsikla i knigi v sovremennom literaturovedenii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 389. S. 6-14.
4. Bol'shakova A.Yu. Srednevekovaya traditsiya v proze V. P. Astaf'eva: zhanr i tsikl // *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2020. T. 18. № 1. S. 342-366. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7282
5. Burmistrova Yu.D. «Stikhotvoreniya v proze» I.S. Turgeneva i problema tsikloobrazovaniya // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2018. № 4. S. 72-80.
6. Darvin M.N. Tsikl // *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy: Ucheb. posobie / Pod red. L. V. Chernets. M.: Vyssh. shk.; Akademiya*, 1999. S. 329-338.
7. Darvin M.N., Tyupa V.I. Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya. Novosibirsk: Nauka, 2001.
8. Evropeiskii liricheskii tsikl. Istoricheskoe i sravnitel'noe izuchenie: materialy mezhdunar. nauch. konf. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2003.
9. Ilichevskii A.V. Soldaty Apsheronskogo polka: Matiss. Pers. Matematik. Anarkhisty: romany. M.: AST, 2013. 1082 s.
10. Ilichevskii A.V. Tochka rosy: povesti i rasskazy. M.: Al'pina non-fikshn, 2022. 428 s.
11. Malygina N.M. Elementy syuzheta i motivy romana «Chevengur» v rasskaze Platonova «Reka Potudan'» // *Filologicheskii klass*. 2021. T. 26, № 1. S. 44-55. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-03
12. Miroshnikova O.V. Liricheskaya kniga: arkhitektonika i poetika (na materiale poezii poslednei treti XIX veka): uch. posobie. Omsk, 2002. 140 s.
13. Pivovarova E.L. Printsip tsiklizatsii kak eksperiment v proze v nachale KhKh veka: k postanovke voprosa // *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya, zhurnalistika*. 2018. № 1. S. 40-43.
14. Ponomareva E.V. Tsiklizatsiya i seriinost' maloi prozy kak yavleniya literaturnogo protsessa XX–XXI vv. // *Literaturovedcheskii zhurnal*. 2014. № 1. S. 100-118.
15. Rybal'chenko T.L. Roman A. Ilichevskogo «Matiss» v kontekste romana A. Platonova «Schastlivaya Moskva»: antropologicheskii aspekt // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2016. №3 (41).
16. Selemeneva M.V. Printsipy tsiklizatsii «gorodskikh» rasskazov Yu.V. Trifonova // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2008. № 10(34). S. 181-184.
17. Selemeneva M.V. Svoeobrazie Moskovskogo teksta Aleksandra Ilichevskogo // *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2017. Vyp. 22. № 4. S. 627-639. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639
18. Sizykh O.V. Prostranstvennaya model' kontseptual'noi metafory v sbornike A.V. Ilichevskogo «Oslinaya chelyust'» // *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*. 2013. Vyp. 8. S. 168-175.
19. Tomilova N.A. Istoricheskaya travma v romane A. Ilichevskogo «Matiss» // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2014. № 6. S. 99-103.
20. Tyutelova L.G., Sidorenko L.S. Rol' gorodskogo prostranstva v romane A. Ilichevskogo

Archetypal and modern in studying grandparents in Y. Kuznetsova's books about Varya and Olya

Oktyabr'skaya Ol'ga Svyatoslavovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, M. V. Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, office 967

✉ svyatolga@yandex.ru

Abstract. The article explores the archetypal nature and the author's content of images of grandparents using the example of modern books for children and adolescents written in the 2020s. The article is based on Yulia Kuznetsova's trilogy about Varya and Olya. The different psychological types of the older heroes of the trilogy are revealed, their manifestation and influence on the child heroes, as well as the ratio of the archetypes of older relatives with the specific realization of the character of each of the heroes in Kuznetsova's books. The psychological characteristics of this age group, as well as their individual nature, are revealed. In this work, the topics of communication in the family, friendly team, neighborhood relations, as well as problems related to overcoming old grievances and restoring friendly ties are updated. A rather original typology of the characters of grandparents, relevant to modern reality, is presented. The significance and timeliness of this article is due to the importance of the problems posed, as well as modern and practically unexplored research material, which are the works of Yu. Kuznetsova, only included in scientific circulation. To understand these aspects, the following research methods are used in the article: comparative, hermeneutical and comparative typological methods. With the help of a systematic approach, an analytical study of the ways of communication between older adults and grandparents with grandchildren and their friends is provided. The main result of this work was the study of different types of characters of grandparents, ways of their interaction with each other and with the younger generation and ways of their self-realization. The research of practically new and little-studied artistic material, which arouses genuine interest among both the addressee's peer and the adult reader, becomes relevant in this article. At the same time, the following tasks were solved: identification of archetypal, individual personal characteristics of images of grandparents; analysis of friendly relationships, friendships and enmity-competition in Y. Kuznetsova's stories about Varya and Olya; identification of the features of the development of the main storylines and the figurative system of the analyzed stories, as well as the genre originality of the works under study. The key aspects of the article were questions about the typology of the characters of older adults and the peculiarity of their influence on the generation of grandchildren.

Keywords: developmental psychology, children's psychological story, modern children's story, typology of characters, grandmother archetypes, growing up of a child, Children's literature, visual, personality types, mentor-educator

References (transliterated)

1. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze. – L.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. – 443 s.

2. Spiridonova G.S. O psikhologizme detskoi literatury (na primere russkoi literaturnoi skazki) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 2 (75). 2019. S. 438-441.
3. Bakhtin M.M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2003. S. 69-263.
4. Meletinskii E.M. O literaturnykh arkhetyпах. – M.: RGGU, 1994. 136 s.
5. Shevchugova E.I. Arkhetip babushki v proizvedeniyakh I. A. Goncharova, M. Gor'kogo i V. P. Astaf'eva: traditsii i avtorskaya interpretatsiya // Sibirskii filologicheskii forum. 2018. № 4 (4). S. 31-36.
6. Shastina E.M., Shatunova O.V., Gizetdinova D.F. Vliyanie starshikh roditel'ei na formirovanie vnukov v detskoj literature XX–XXI vekov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. Gramota. 2018. № 8 (86). Ch. 1. S. 61-64.
7. Savkina I.L. U nas uzhe nikogda ne budet etikh babushek? // Voprosy literatury. 2011. № 2. S. 109-135.
8. Gaponova Zh.K., Nikkareva E.V. Reprezentatsiya obrazov babushki i dedushki v sovremennoj detskoj literature // Filologicheskii klass. 2022. T. 27. № 4. S. 141-153.
9. Gaponova Zh.K., Nikkareva E.V. «Privivka» ot bespamyatstva: reprezentatsiya obraza babushki v literature dlya detei i podrostkov // «Nezhdannyi, kak tsvetok nad bezdnoi, ochag semeinyi i uyut...»: semeinyi diskurs russkoi i mirovoi literatury. Kollektivnaya monografiya. Yaroslavl', 2020. 271 s. C. 58-69.
10. Bozhkova, G. N. , Gizetdinova D.F. Obraz dedushek i babushek v detskoj literature KhKh–KhKhI vekov // Development of the creative potential of a person and society : Materials of the VI international scientific conference, Prague, 17–18 yanvarya 2018 goda / Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – S. 56–60.
11. Kuznetsova Yu. Varya i Olya – podruzhki navek. – M.: Pyat' chetvertei, 2021. 452 s.

The image of the court of Amour in Martin Le Franc's "Champion of Ladies": courtly space and Christian love.

Demakhina Alla

Postgraduate student; Department of the History of Foreign Literature; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ aldem94@mail.ru

Abstract. The paper examines the features of the image of a typical courtly space (the court of Amour) in the context of the Christian concept of love (charity) expressed by Martin Le Franc in his poem "The Champion of Ladies" (c. 1441–1442). The court of Amour (an allegorical figure representing courtly love) was usually described as a garden. However, Martin, a cleric, prefers Christian values to courtly ones; love for him is a symbol of harmony, an absolute ideal. The purpose of the study is to identify differences in the description of the court of Amour in this poem from traditional medieval allegorical poems descriptions; determine the basic principles of organizing the space in the text and their connection with the author's views on love; explain the role of this episode. Methods of comprehensive and contextual text analysis, as well as descriptive and cultural-historical research methods are used in this paper. The scientific novelty lies in the fact that the analysis of space in "The Champion of Ladies" is carried out sequentially for the first time. Also, this French allegorical poem has not been studied in Russian literary criticism. The analysis reveals the following features: the

space of the court of Amour becomes more complex; the court of Amour has its double in Venus's domain; the contrast between these spaces is based on a number of oppositions (top-bottom, light-dark, etc.). Space gets a moral characteristic, there are more Christian motifs, the images of the described locations reflect the images of Amour and Venus and refer to two sides of love (ideal, Christian and deceiving, sensual love). A typically courteous episode serves to attract the attention of the public, as Martin seeks to convey his views to a wide range of readers from the aristocratic environment.

Keywords: Amour, ideal space, charity, courtly love, allegorical poem, allegory, medieval French literature, Martin Le Franc, Venus, querelle des femmes

References (transliterated)

1. Mühlethaler J.-C. Amour et identité politique: le Champion des dames de Martin Le Franc // Music and Culture in the Age of the Council of Basel. Turnhout: Brepols, 2013. P. 73-84.
2. Strubel A. «Grant senefiance a». Allégorie et littérature au Moyen Âge. Paris: Champion, 2002.
3. Corbellari A. Retour sur l'amour courtois // Cahiers de Recherches Médiévales. 2009. № 17. P. 375-385.
4. Brook L. Les personnages allégoriques dans Le Champion des Dames: analyse des préliminaires d'un conflit moral et historique // Le moyen français. 2007. № 60-61. P. 107-115.
5. Strubel A. L'allégorisation du verger courtois // Vergers et jardins dans l'univers médiéval. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 1990. P. 343-357.
6. Golikova A.A. Izobrazhenie prostranstva v srednevekovoi allegoricheskoi poeme: «Psikhomakhiya» Prudentsiya i «Roman o Roze» Giioma de Lorrise i Zhana de Mena / diss. ... kand. filol. nauk. M., 2012.
7. Kurtsius E.R. Evropeiskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e: Tom 1. / Per., komment. D.S. Kolchigina; pod red. F.B. Uspenskogo. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2021.
8. Buzon C. de Le songe allégorique de L'hôpital d'amour d'Achille Caulier (vers 1440) // Lieux d'hospitalité: hospices, hôpital, hostellerie. Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Biais Pascal, 2001. P. 383-397.
9. Zababurova N. V. Srednevekovyi frantsuzskii «Roman o Roze»: ego istoriya i sud'ba // Literaturnye shedevry Srednikh vekov / per. N. V. Zababurovoi; sost. Yu. I. Gubatov. Rostov-na-Donu: Donskoi izdatel'skii dom, 2014. S. 5-25.
10. Martin Le Franc Le champion des dames. Éd. publiée par R. Deschaux, 5 t. Paris: Honoré Champion, 1999.
11. Poirion D. Le poète et le prince: l'évolution du lyrisme courtois de Guillaume de Machaut à Charles d'Orléans. Paris: Presses universitaires de France, 1965.

Media coverage of migration issues in the context of Chinese ideology

ZHAO QINGSONG

PhD in Politics

postgraduate student; faculty of journalism

190000, Russia, Saint Petersburg, Nakhimov str., 3k2, sq. 102

✉ qingsongzhao666@gmail.com

Abstract. The main purpose of the study is to analyze the influence of Chinese ideology on the presentation of migration issues in the media. As part of the work, a content analysis of 40 texts of Chinese news publications for the period 2004-2024 was carried out. The main topics are highlighted, such as emigration from China, outflow of talent, immigration to China, illegal immigration and emigration of elites. The analysis showed that the coverage of migration in the Chinese media is closely linked to the state ideology based on Marxism with Chinese characteristics, collectivism and absolute subordination to the leadership of the Communist Party of China. The new Chinese nationalism also plays an important role, including within the framework of the concept of the "Chinese Dream". The articles show a tendency to present Chinese emigrants not as traitors, but as part of the Chinese nation. The study reveals the unique features of Chinese media policy in the context of migration and allows us to compare it with international approaches. General scientific methods such as analysis, synthesis, induction and deduction were used. We can identify several areas of media work that journalists need to pay attention to when publishing materials about migration. Firstly, with the growing popularity of self-media (new media distributed on social media platforms) and the increasing complexity of migration problems under the influence of multiculturalism, the mechanism for verifying media reports on immigration based on Chinese ideology needs to be significantly optimized. This will make it possible to further promote aspects such as the power of the CCP, Marxism, collectivism, Chinese nationalism and the "Chinese Dream" in media materials, providing readers with reliable and ideologically verified information about migration processes in the country, thereby regulating a sensitive topic for the country, allowing to avoid unplanned shifts in public opinion.

Keywords: trend, PDA, policy, Chinese dream, Chinese media, ideology, media, China, migration, social attitude

References (transliterated)

1. Chen' Syutsin. Sovremennye kharakteristiki i vyzovy ideologicheskoi bezopasnosti nashei strany // Sotsiolog. 2024. №1. С. 173-181.
2. Natsional'naya immigratsionnaya administratsiya provela press-konferentsiyu, posvyashchennuyu osnovnoi informatsionnoi seti immigratsionnogo upravleniya v pervom kvartale 2024 goda // Veb-sait Natsional'noi immigratsionnoi administratsii, 18.04.2024
3. E Tsykun. Issledovanie mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sovremennom global'nom upravlenii migratsiei. Narodnyi universitet obshchestvennoi bezopasnosti Kitaya, 2023.
4. Khan' Syaofen. Dubaiskii gorod drakonov: novyi landshaft kitaiskogo obshchestva zarubezhnykh immigrantov. Pedagogicheskii universitet Shen'si, 2022 g.
5. Li Khaifen. Novye vozmozhnosti v rabote s khuatsyao, otkryvshiesya posle 17 s"ezda KPK // China Review News. 12.10.2007.
6. Anokhina E. S. Kitaiskie diaspori SShA i Kanady i «Novaya» kitaiskaya migratsiya. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №355. S 51-54.
7. Akademiya sotsial'nykh nauk vnesla utochnenie: srednii pokazatel' immigratsii za

- poslednie tri goda sostavil vsego 190 000 chelovek // People's Day. 19.06.2014.
8. Bogatye sprovotsirovali volnu immigratsii, opasayas' krakha ekonomiki Kitaya. URL: szhgh.com. 02.11.2011.
 9. SMI zadavali voprosy o "tret'ei volne immigratsii" dlya zhizni i immigratsii dlya detei // Gazeta CPPCC uchastvovala vo vzaimodeistvii. 31.12.2012. URL: <https://www.chinanews.com/hr/2012/12-31/4450083.shtml> (data obrashcheniya: 10.07.2024 g.).
 10. Upravlenie v"ezda-vyezda Ministerstva obshchestvennoi bezopasnosti predstavlyaet tri kharakteristiki nyneshnikh nelegal'nykh immigrantov // Sin'khua. 21.11.2005 // Gazeta CPPCC uchastvovala vo vzaimodeistvii. 31.12.2012. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2005-11/21/content_104900.htm (data obrashcheniya: 10.07.2024 g.).
 11. V deyatel'nosti nelegal'noi immigratsii nametilis' novye tendentsii, i predstavitel' Natsional'noi immigratsionnoi administratsii vystupil s zayavleniem // Aktual'nye novosti. 07.02.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1803472807760014547&wfr=spider&for=pc> (data obrashcheniya: 10.07.2024 g.).
 12. Kuznetsov, D. V. Kitaiskii natsionalizm i vneshnepoliticheskaya sostavlyayushchaya massovogo soznaniya zhitelei KNR // Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Blagoveshchensk-Kheikhe-Kharbin, 14–19 maya 2014 goda. 2014. S. 455-468.
 13. Van Yuzhan'. Sredstva massovoi informatsii imeyut ogranichennoe vliyanie na obshchestvennoe mnenie, svyazannoe s immigratsiei // Kitaiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2021. №4.
 14. E Baikhe. Russkaya liliya. Kriticheskii diskursivnyi analiz novostnykh soobshchenii ob "immigratsionnom krizise" v britanskikh SMI. Universitet Lan'chzhou Tszyaoton, 2021.

Chinese text in the short stories "The Concrete Ones" and "Lu" by Vladimir Sorokin

Yu Linghong

Ph.D. student of Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ yu_linghong@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the identification and analysis of Sinoisms and other markers of Chinese culture in Vladimir Sorokin's short stories "The Concrete Ones" and "Lu", from the collection "Feast" in 2001. The author examines in detail the Chinese motives in the above-mentioned stories, as well as analyzes the perception of the image of China in the socio-cultural context in Russia. Recall that in the previous novel "Blue Lard" the author's interest in China is already evident. The influence of Chinese culture on Sorokin's work is also noticeable in the stories "The Concrete Ones" and "Lu". Based on the Rabelaisian gastronomic hyperboles, the writer continues his linguistic experiment, based on the idea of Russian-Chinese symbiosis in the futurological world. It is important to note that Sorokin always kept up with the times, "absorbing" the spirit of the era. Thus, his work reflects the geopolitical idea of Dugin's "neo-Eurasianism" of the 1990s, as well as the growing interest of Russians in Chinese culture. Adhering to a postmodern aesthetic, Sorokin in his texts deconstructs the historical process itself, hinting at a possible "Chinese hegemony" in the future. In addition,

Sorokin's interest in Chinese philosophy is evident in both stories. For example, the Taoist idea of the transition of opposites into each other can be correlated with the opposition in Sorokin's work of the aesthetics of the ugly to the beautiful. The analysis of the writer's works using structural-semiotic and cultural-historical methods that allow a deeper understanding of Chinese motifs reflected in Sorokin's work. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the Chinese "elements" in the mentioned stories, which, on the one hand, allows us to illustrate the features of the creation of the "New Russian" language by Sorokin, his creative method, on the other hand, reflects those socio—cultural trends that were not uninteresting to the author and were reflected in his work. Using the gastronomic hyperbole of the Rabelaisian type and typical postmodern techniques as a stylistic dominant, Sorokin deconstructs history and predicts "Chinese hegemony" in *The Feast*. As a result, it is shown that Chinese culture plays an important role in Sorokin's work and consciousness: the writer depicts a clash and dialogue between different cultural civilizations, trying to find a way out for Russia through an "alchemical marriage" with China.

Keywords: postmodernism, totalitarianism, image of China, taoism, transculturalism, Chinese text, Chinese borrowings, Lu, Vladimir Sorokin, *The Concrete Ones*

References (transliterated)

1. Sokolov B. V. *Moya kniga o Vladimire Sorokine*. – M.: AIRO-KhKhI, 2015. S. 131.
2. Sokolov B. V. *Moya kniga o Vladimire Sorokine*. – M.: AIRO-KhKhI, 2015. S. 37.
3. Sorokin V.G. Dialog o ede / besedoval I. Smirnov // *Sovremennaya russkaya literatura*. 2001. Rezhim dostupa: <http://www.guelman.ru/slava/texts/eda.htm>
4. Sokolov B. Zhrat' «Pir» Vladimira Sorokina. 2001. Rezhim dostupa: <https://srkn.ru/criticism/sokolov3.shtml>
5. Lipovetskii M. N. Sorokin-trop: karnalizatsiya // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013. № 120. S. 234.
6. Sorokin V. G. Sobach'e serdtse / besedoval I. Kormil'tsev // *Rolling Stone*. 2006. № 11. S. 38-42.
7. Sorokin V.G. Dialog o ede / besedoval I. Smirnov // *Sovremennaya russkaya literatura* s V. Kuritsynym. 2001. Rezhim dostupa: <http://www.guelman.ru/slava/texts/eda.htm>
8. Sorokin V. G. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh*. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 363.
9. Sokolov B. V. *Moya kniga o Vladimire Sorokine*. – M.: AIRO-KhKhI, 2015. S. 36.
10. Sorokin V. G. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh*. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 363.
11. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30-ti tomakh*. – Leningrad: Nauka, 1981. T. 23. S. 423.
12. Marusenkov M. P. Absurdopediya russkoi zhizni Vladimira Sorokina. Zaum', grotesk i absurd. – SPb.: Aleteiya, 2012. S. 128.
13. Sorokin V. G. Sobach'e serdtse / besedoval I. Kormil'tsev // *Rolling Stone*. 2006. № 11. S. 38-42.
14. Sorokin V. G. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh*. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 351.
15. Bondareva V. V. Politicheskaya oppozitsiya Mao Tszeduna v seredine 1960-kh gg.: kurs na «Kul'turnuyu revolyutsiyu» // *Nauchnyi dialog*. 2015. № 8 (44). S. 76.
16. Ivanov G. Kitaiskii Stalin. Pochemu Mao Tszeduna chasto sravnivayut s sovetskim

- vozhdem? // Argumenty i fakty. 2012. Rezhim dostupa: https://aif.ru/society/history/kitayskiy_stalin_pochemu_mao_czeduna_chasto_sravniva_yut_s_sovetskim_vozhdyom
17. Orlik I. I. Evraziiskaya ideya: vzniknoenie i evolyutsiya // Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2010. № 4. S. 9.
 18. Filimonova T. «Chinese Russia: Imperial Consciousness in Vladimir Sorokin's Writing» // Region. 2014. Vol. 3. № 2. Pp. 228.
 19. Sokolov B. V. Moya kniga o Vladimire Sorokine. – M.: AIRO-KhKhI, 2015. S. 37.
 20. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 430.
 21. Sorokin V. G. Rossiya khranit zoloty zapasy mrakobesiya / besedoval A. Arkhangel'skii // Ogonek. №10. 2017. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3235600>
 22. Khabibulina M.N. Kulinarnaya vs kul'turnaya transgressiya v rasskaze V. Sorokina «Yu» // Russkaya i belorusskaya literatura na rubezhe KhKh-KhKhI vekov. – Minsk: RIVSh, 2014. S. 182-188.
 23. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 446.
 24. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 446.
 25. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 449.
 26. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 445.
 27. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 448.
 28. 郑永旺. 当代俄罗斯文化软实力与文学关系研究. [M].北京:中国社会科学出版社, 2023年. 261页.
(Chzhen Yunvan. Issledovanie vzaimosvyazi mezhdu myagkoi siloi i literaturoi v sovremennoi rossiiskoi kul'ture – Pekin: Izd-vo Kitai. akad. obshchestv. nauk, 2023. S. 261.)
 29. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 449.
 30. Lao Tszy. Kniga o Puti zhizni (Dao-De tszin): s kommentariyami i ob'yasneniyami/ per. s kit., sost., predisl., komment. V. Malyavina. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018. S. 101.
 31. Lao Tszy. Kniga o Puti zhizni (Dao-De tszin): s kommentariyami i ob'yasneniyami/ per. s kit., sost., predisl., komment. V. Malyavina. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018. S. 21.
 32. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 440.
 33. Lao Tszy. Kniga o Puti zhizni (Dao-De tszin): s kommentariyami i ob'yasneniyami / Per. s kit., sost., predisl., komment. V. Malyavina. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018. S. 70.
 34. Fen Yu-lan'. Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii. – SPb.: Evraziya, 1998. S. 122.
 35. Sorokin V. G. Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh. – M.: Ad Marginem, 2002. T. 3. S. 440.
 36. Sokolov B. V. Moya kniga o Vladimire Sorokine. – M.: AIRO-KhKhI, 2015. S. 57.
 37. Sorokin V.G. Samoe skuchnoe – eto zdorovye pisateli / besedoval S. Shapoval // Stolitsa. 1994. № 42 (204). S. 44.

38. Sorokin V. G. Doktor Sorokin / besedoval I. Gavrikov. 2005. Rezhim dostupa: <https://srkn.ru/interview/gavrikov.shtm>

Verbal-representative characteristics of «Civil War» conceptual field as a linguistic analysis (textual level)

Bystrov Nikita Aleksandrovich

Postgraduate student; Department of English Linguistics; Lomonosov Moscow State University

121615, Russia, Moscow, Rublevskoe, 18k1

✉ nikbyst.notabene@yandex.ru

Abstract. Political discourse is an extremely dynamic and constantly changing phenomenon, the main purpose of which is to convince the recipient of his own rightness, as well as to create a system of emotional images in addressee's mind that affects the interpretation of the surrounding world and, accordingly, his or her behavior. These images are hidden behind conceptual structures, which, interacting with each other within the framework of discourse, create conceptual complexes aimed at solving a common conceptual problem. This discourse's feature actualizes the task of studying the communicative and pragmatic parameters of conceptual structures verbal representation. The purpose of this work is to analyze the verbal-representative characteristics of the "Civil War" concept verbalization at textual level in contemporary American political discourse, utilizing methods of discursive, contextual, conceptual and definitional analysis to identify the features of the context given and to analyze conceptual structures functioning within this context. The study demonstrated that concepts can find their representation in separate structural and substantive elements of a text aimed at achieving a single communicative and pragmatic task to influence the process of interpretation by the addressee of such a text. The novelty of the research is due to the involvement of conceptual analysis elements in the study of the communicative and pragmatic potential of the text and an attempt to consider the textual whole as a representative of the content area of the concept. The further development of linguopragmatic and conceptual approaches to the study of national political discourses is the theoretical significance of the study. The results of the research can also be used in the development of textbooks on text linguistics for philology students, as well as specialized language learning manuals for students of translation and political science profiles.

Keywords: discursive analysis, conceptual analysis, conceptual sphere, interpretation, Civil War concept, communicative and pragmatic task, coherence of the text, cohesion of the text, text pragmatics, political discourse

References (transliterated)

1. Cutting J. Pragmatics and Discourse. London, N.Y.: Routledge, 2002.
2. Velichko M.A. Kogeziya i kogerentnost': osobennosti razgranicheniya i opredeleniya ponyatii // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Filologiya i iskusstvovedenie. 2016. №2 (177). С. 39-43.
3. Morris C. W. Foundations of the theory of signs. Chicago: Chicago University Press, 1938.
4. Vishnyakova O. D., Lipgart A. A., Martyushova N. O. Problema issledovaniya pamyati v

- lingvistike: mezhdistsiplinaryi podkhod // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2022. №4. С. 700-706.
5. Austin J. L. How to do things with words. Oxford: At the Clarendon Press, 1962.
 6. Searle J. R. Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
 7. Kotorova, E. G. Pragmatika v krugu lingvisticheskikh distsiplin: problemy definitsii i klassifikatsii // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. 2019. №1. S. 98-115.
 8. Susov I.P. K predmetu pragmalingvistiki // Soderzhatel'nye aspekty predlozheniya i teksta. Kalinin: Kalininskii gos. un-t. 1983. S. 3-15.
 9. Mey J. L. Pragmatics: An introduction. Oxford: Blackwell, 2001.
 10. Alba-Juez L. Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation // Russian Journal of Linguistics. 2016. No. 20 (4). Pp. 43-55.
 11. Alba-Juez L., Larina T. Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives // Russian Journal of Linguistics. 2018. No. 22(1). Pp. 9-37.
 12. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1997.
 13. Makashova V.V. Aksiologicheskii aspekt lingvokul'turnogo kontsepta UChENIE v kitaiskikh idiomakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. №10. С. 3324-3329.
 14. Gadzhieva A.A., Magomedova S.M. Lingvokul'turnyi kontsept TOLERANTNOST' v sovremennom angloyazychnom mediadiskurse // Nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2021. № 8. S. 95-102.
 15. Belikov S.V. Rol' assotsiativnogo eksperimenta v formirovanii lingvokul'turnogo kontsepta «KhARBIN» // Filologiya i chelovek. 2023. № 2. S. 122-135.
 16. Bakhramova M.M., Tashtemirova Z.S. O ponyatii «kontseptosfera» v sovremennoi lingvistike // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2024. № 5. S. 755-759.
 17. Karasik V.I. Shchedrost' kak tsennost' russkoi lingvokul'tury // Obshchaya i russkaya lingvoaksikologiya: monografiya / M.S. Milovanova (otv. red.). M., Yaroslavl': Kantsler, 2022. С. 14-39.
 18. Pimenov E.A. Issledovanie kontsepta Trauer «pechal'» posredstvom sinonimicheskogo ryada // Ethnohermeneutik und Antropologie. Landau: Empirische Pädagogik; Kemerovo: Grafika. 2004. № 10. S. 89-94.
 19. Fairclough N. Critical discourse analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis. Gee J. P., Handford M. (eds.). London, N.Y.: Routledge, 2012. Pp. 9-20.
 20. Murzubraimova D.U., Moldotashova T.S., Kudaiberdieva G.G., Kulubekova A.O. Kontsept i kontseptosfera v issledovaniyakh uchenykh-lingvistov // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2022. № 12-4. S. 148-152.
 21. Safaraliev L.A., Perfil'eva N.V. Modelirovanie mnogomernogo lingvokul'turnogo kontsepta na materiale kontsepta STAROST' // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. № 4. S. 1211-1234.
 22. Shagbanova Kh.S. Lingvokul'turnaya priroda kontsepta «patriotizm» // Litera. 2023. № 4. S. 11-19.
 23. Vishnyakova O.D. Yazyk i kontseptual'noe prostranstvo / na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka: monografiya. M.: MAKSS Press. 2002.

Traditions of the 19th century ballads in the songs of the band

"The King and the Jester"

Lochmelis Elizaveta Romanovna

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ dostfm182181@mail.ru

Abstract. This article deals with those features of the literary ballad genre, which are reflected in such songs of the group "King and Jester" (Andrei Kniazev is the lyricist) as "Fred", "Faithful Wife", "The Forester", "The Hunter", "The Bear", "The Men Were Eating Meat", "The Widow and the Hunchback", "Necromancer", "Reflection", "The Master of the Forest". The purpose of the article is to prove that "King and Jester" rely on genre tradition and classical examples, which means that their texts can be considered as an experience in reconstruction of ballad forms. Methodological basis: the work of the punk group "King and Jester" is examined using literary methodology (the author analyzes the lyrics of songs, identifies genre features that allow them to be classified as literary ballads). The author comes to the following conclusions: the rock poet turns to the romantic ballad due to the crisis of his worldview, since this genre, in addition to narrative and fantasy, carries an elegiac tonality, as well as a motif of the tragic insolvability of life's collisions, the fatal doom of the hero who finds himself internally congenial to the world of the "scary fairy tale", from which he appears on stage. The scientific novelty of the article is associated, first of all, with the subject of the study: it is shown that punk rock does not break with tradition, but, on the contrary, relies on it and preserves the constant features of the ballad genre, reveals a hidden craving for cultural dialogue and integrates into tradition. The article contributes to the study of Russian rock poetry as a phenomenon of modernity, and also deepens the understanding of the mechanisms of the ideological, thematic and cultural dialogue into which the rock poet enters with the classical tradition that precedes him.

Keywords: romantic ballad, literary ballad, inversion, rites of passage, rock poetry, punk rock, genre characteristics, genre transformation, romanticism, ballad

References (transliterated)

1. Borovskaya A. A. Evolyutsiya zhanrovyykh form v russkoi poezii pervoi treti XX v. Astrakhan': Izd. dom «Astrakhanskii universitet», 2009. 210 s.
2. Merzlyakov A. F. Pis'mo iz Sibiri // Literaturnaya kritika 1800–1820-kh godov. M., 1980. S. 187–188.
3. Henderson T. F. The ballad in literature. Cambridge [Eng.]: The University Press; New York, G.P. Putnam's Sons, 1912. IX, 128 p.
4. Kompan'on A. Demon teorii: Literatura i zdavnyi smysl. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyykh, 2001. 333 s.
5. Atkinson D. The Anglo-Scottish ballad and its imaginary contexts. Cambridge: OpenBook Publishers, 2014. XV, 207 p.
6. Prozorov Yu. M. «Zanyalsya ot strakha dukh...»: «uzhasnoe» v estetike i poezii V. A. Zhukovskogo // Russkaya literatura. 2016. No 2. S. 19–50.
7. Borovskaya A. A. Zhanrovyye transformatsii v russkoi poezii pervoi treti KhKh veka. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Astrakhan', 2009. 47 s.

8. Borovskaya A. A. Dialogizatsiya ballady v russkoi literature kontsa XIX – nachala KhKh vv. // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 3 (69). S. 101–107.
9. Borovskaya A. A. Rolevye ballady v russkoi poezii pervoi treti KhKh v. // Gumanitarnye issledovaniya. 2008. № 4 (28). S. 102–110.
10. Mukhina Z. I. Russkaya literaturnaya ballada 1830-kh – 1850-kh godov: istoriya i poetika zhanra. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2000. 19 s.
11. Knyazev A. Korol' i Shut. Staraya kniga. M.: Izdatel'stvo AST: Kladez', 2018. 280 s.
12. Propp V. Ya. Morfologiya skazki / Gos. in-t istorii iskusstv. L.: Academia, 1928. 152 s.
13. Zhukovskii V. A. Lyudmila // Zhukovskii V. A. Sobranie sochinenii: v 4 t. M.; L.: GIKhL, 1959. T. 2. Ballady. Poemy i povesti. S. 7–13.
14. Katenin P. A. Ol'ga // Katenin P. A. Izbrannye proizvedeniya. M.; L.: Sovetskii pisatel', 1965. S. 91–98.
15. Gummere, F. B. The popular ballad. New York: Houghton Mifflin, 1907. XIV, 360 p.
16. Knyazev A. C. «Fred» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/fred.html> Data dostupa: 19.07.24.
17. Golubeva E. V. Kolodtsy kak sakral'nyi prostranstvennyi lokus // Molodoi uchenyi. 2009. № 10 (10). S. 222–225. URL: <https://moluch.ru/archive/10/702/> Data dostupa: 19.07.24.
18. Ladygin M. B., Ladygina O. M. Kratkii mifologicheskii slovar'. M.: Izdatel'stvo NOU «Polyarnaya zvezda», 2003. 223 s.
19. Knyazev A. C. «Vernaya zhena» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vernaya-zhena.html> Data dostupa: 19.07.24.
20. Knyazev A. S. «Sadovnik» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-gardener-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.
21. Knyazev A. C. «Lesnik» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/lesnik.html> Data dostupa: 19.07.24.
22. Knyazev A. C. «Okhotnik» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/ohotnik.html> Data dostupa: 19.07.24.
23. Knyazev A. C. «Medved'» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/medved.html> Data dostupa: 19.07.24.
24. Knyazev A. C. «Vdova i gorbun» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/vdova-i-gorbun.html> Data dostupa: 19.07.24.
25. Knyazev A. C. «Eli myaso muzhiki» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-men-were-eating-meat-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.
26. Knyazev A. S. «Taina khozyaiki starinnykh chasov» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/204/> Data dostupa: 19.07.24.
27. Knyazev A. S. «Rybak» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-fisherman-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.
28. Alekseev E. («Rotten Toten») «Uzhin u vdovy» // URL: https://vk.com/topic-172324813_40190081 Data dostupa: 19.07.24.
29. «Spektakl' Dzhon» «Portret» // URL: <https://genius.com/Joes-theatre-portrait-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.
30. Knyazev A. S. «Ta, chto smotrit iz pruda» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-she-who-looks-out-of-the-pond-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.
31. Knyazev A. S. «Devushka i graf» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-girl-and-an-earl-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.

32. Knyazev A. S. «Ved'ma i osel» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-a-witch-and-a-donkey-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.
33. Knyazev A. S. «Kukla kolduna» // URL: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/666/> Data dostupa: 19.07.24.
34. Knyazev A. C. «Nekromant» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/nekromant.html> Data dostupa: 19.07.24.
35. Knyazev A. C., Gorshenev M. Yu. «Khozyain lesa» // URL: <https://korol-i-shut.su/songs/text/hozyain-lesa.html> Data dostupa: 19.07.24.
36. Knyazev A. C. «Otrazhenie» // URL: <https://genius.com/Korol-i-shut-reflection-lyrics> Data dostupa: 19.07.24.
37. Levchenko O. A. Russkaya romanticheskaya ballada 1820–30-kh godov: Materialy k bibliografii // Problemy sovremennogo pushkinovedeniya: Sbornik statei. Pskov, 1994. C. 191–217.
38. Verina U. Yu. Obnovlenie zhanra ballady v russkoi poezii rubezha KhKh–KhKhI vv. // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya. 2017. T. 27, vyp. 2. C. 229–239.

The "machine translation + post-machine translation editing" model on the YiCAT platform: using the example of the discipline "Stylistic post-machine text editing" for first-year graduate students of the Higher School of Translation of Moscow State University

Liu Jingpeng

PhD in Philology

Lecturer, Higher School of Translation; Lomonosov Moscow State University

108802, Russia, Moscow, Krasulinskaya str., 21, sq. 104

✉ ljpesti@mail.ru

Abstract. In this article, the author analyzes the process of machine translation and post-machine editing by Chinese students in classes on the discipline "Stylistic post-machine text editing" using the YiCAT translation platform, which uses a model of combining machine translation and post-machine editing in order to organize the educational process and allocate study time. In 2017, the Russian government approved the "Digital Economy Plan of the Russian Federation", as a result of which the digitalization process gradually penetrated into all scientific spheres. The author of the article concludes that Russian universities should pay more attention to teaching machine translation and post-machine translation editing. In addition, the article presents the idea that the translation departments of modern universities should focus on the introduction and application of translation technologies and the latest translation tools in the framework of teaching translation skills. There are only a few hundred articles in Russia dealing with the specifics of machine translation. Most of them are devoted to the study of existing limitations, development opportunities and ways to improve machine translation systems. At the same time, there are extremely few articles dealing with the features of post-machine editing of the translation text. The number of such articles does not exceed several dozen. Thus, there are many challenges in the field of post-machine translation editing research that should be addressed as soon as possible so that the field of post-machine translation editing can correspond to the era of artificial intelligence. At the same time, Russian universities should pay attention to the teaching of disciplines involving

machine translation tools and post-machine editing skills. Large translation faculties should actively use translation technologies and machine translation tools in the classroom, add new academic disciplines implying the familiarization and application of such technologies and tools by students, as well as integrate such disciplines into the framework of existing training programs for specialists in the field of translation. All this will allow universities to form a reliable basis for the education of modern and qualified specialists who meet the requirements of the new era.

Keywords: translation activities, learning translation skills, the era of artificial intelligence, Higher School of Translation, the new translation model, specialist training plan, translation platform, Chinese-Russian machine translation, post-machine translation editing, A new era

References (transliterated)

1. 肖志清, 金鸣. 国内机器翻译后编辑研究现状、问题与展望——基于中国知网数据库(1995—2022 年) [J]. 民族翻译, 2022(04):68-76. (Syao Chzhitsin, Tszin' Min. Sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy issledovaniy postmashinnogo redaktirovaniya perevoda v Kitae: na osnove bazy dannykh CNKI (1995–2022 gg.). Natsional'nyi perevod. 2022 (04): 68–76).
2. Garbovskii, N. K., Kostikova O. I. Intellect dlya perevoda: iskusnyi ili iskusstvennyi? // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda. 2019. №4. S. 3-25.
3. 王华树, 刘世界. 人工智能时代翻译技术转向研究[J]. 外语教学, 2021(05):42. (Van Khuashu, Lyu Shitsze. Izmeneniya v tekhnologii perevoda v epokhu iskusstvennogo intellekta. Obuchenie inostrannym yazykam. 2021 (05): 42).
4. 程维, 魏子杭. 翻译技术教学中的高阶思维培养 [J]. 上海翻译, 2021(3):39-44. (Chen Vei, Vei Tsykhan. Vospitanie razvitogo myshleniya v prepodavanii tekhnologiyam perevoda. Shankhaiskii perevod. 2021(3): 39-44).

Paths of genre evolution of the Constance Saga in the second half of the 14th century

Semenov Vadim Borisovich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Literary Theory, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., GSP-1, p. 51

✉ vadsemionov@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the evolution of the plot in historical perspective. The material is the unity of medieval Western European works with similar plots, known as the Constance Saga. The study involved its samples dating back to the second half of the 14th century. The aim of the study was to determine the evolution paths of the generalized plot of the Saga in the noted period relative to its state in previous periods. Along the way, the task of deriving a plot formula covering all the examples of the Saga with detailed specification in the form of selected motives was solved, which in turn are combined into two main plot situations and two motive complexes corresponding to these situations. Also, taking into account the derivation of a general formula of the Saga specific works of the indicated period were subsequently identified. The leading research method was motive analysis, and the methodology was historical poetics and literary comparative studies. These formulas of Sagas help to better understand the structure of plots, their similarities and differences, and they

also show in which direction the plot tends to change, for example, what genre elements can actively penetrate the original plot and give the event material a new coloring. Medieval literature is well formalized, like examples of folklore, and the technique of presenting plots in the form of formulas for a more visual comparison of various literary texts, what allows achieving significant results in comparative historical research. This is the novelty of the presented study, since until now the selected works were compared to search for individual motivic correspondences, but there were no attempts to derive a general formula for the entire set of works of this group.

Keywords: medieval romance, calumniated wife, accused queen, Lion de Bourges, Emare, the Constance Saga, lay, chanson de geste, motivational complex, plot situation

References (transliterated)

1. Gough A. B. The Constance Saga. Berlin: Mayer & Müller, 1902. 84 p.
2. Semenov V. B. «Saga o Konstantsii»: o parallelyakh iz srednevekovykh evropeiskikh literatur XIII v. k syuzhetu «Skazki o tsare Saltane» A. S. Pushkina // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 4. S. 186-193. DOI: 10.33979/1998-2720-2023-101-4-186-193
3. Suchier H. La Fille sans Mains // Romania. 1910. Tome 39. № 153. Pp. 61-76.
4. Spearing A. C. "Emaré": The Story and its Telling // Edwards, A. S. G. (ed.) Medieval Romance, Arthurian Literature: Essays in Honour of Elizabeth Archibald. Cambridge: D.S. Brewer, 2021. Pp. 61-76.
5. Donovan M. J. Middle English Emare and the Cloth Worthily Wrought // Benson, L. D. (ed.) The Learned and the Lewed: Studies in Chaucer and Medieval Literature. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1974. Pp. 337-342.
6. Jeay M. La Belle Hélène de Constantinople: Hybridation ou syncrétisme générique? // Gingras F., Doudet E. et Trachsler R. (eds.) Motifs merveilleux et poétique des genres au Moyen Âge. Paris: Classiques Garnier, 2016. Pp. 73-82.
7. Archibald E. Incest and the Medieval Imagination. Oxford: Clarendon Press, 2001. 295 p.
8. Semenov V.B. Poetika i topika srednevekovogo angliiskogo romana «Ser Izumbras» (XIV v.) // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2024. № 1 (75). S. 86-93. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-86-93
9. Kibler W. W., Picherit J.-L. Lion de Bourges (conclusion) // Olifant. 1975. Vol. 2. No. 4. Pp. 246-259.
10. Fenster T. S. Joïe Mêleée de Tristouse: The Maiden with the Cut-off Hand in Epic Adaptation // Neophilologus. 1981. № 65(3). Pp. 345-357.

Anton Chekhov in school and university teaching in the 2000s–2010s: discussion in the "Chekhov Herald"

Denisov Alexander Yuryevich

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; Lomonosov Moscow State University

1 Kolmogorova str., Moscow, 119991, Russia

✉ audenisov@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the features and main content of the discussion on the problems of teaching Chekhov's creativity in post-Soviet secondary and higher educational institutions presented on the pages of the information and bibliographic publication "Chekhov Herald" in the 2000s and 2010s. The problem of the need to create new educational and methodological manuals adequate to the post-Soviet socio-cultural situation, as well as the problem of spreading scientific knowledge about the life and work of A.P. Chekhov attracted the attention of leading modern Chekhov scholars, prompted them to create new educational materials, organize special conferences and, in general, to discuss this problem. The discussion allows us to judge both the latest problems and challenges of both academic Chekhov studies (and literary studies in general) and the school practice of teaching Chekhov's work and literature in general. The analysis of the materials presented on the pages of the information and bibliographic edition of the Chekhov Bulletin allows us to see the peculiarities of the dynamics of this discussion and modern Chekhov studies in general. The main conclusion of this analysis is that with the change in the socio-cultural situation from the turn of the 1990s–2000s to the end of the 2010s, the challenges that the community of Chekhov scholars tried to answer, also changed. At the beginning of the 2000s, the appearance of new textbooks at the same time was accompanied by the problem of their inaccessibility, especially in the provinces; the widespread use of the Internet by the end of the 2000s – early 2010s partially solved this problem, but created a new one: the inaccessibility of high-quality information as the main problem was replaced by a decrease in the level of culture of reading and critical thinking among schoolchildren/students and, often, teachers, a decrease in the general cultural level leads to a widening gap between academic literary studies and school practice and an intensification of the intergenerational cultural gap, attempts by Czech scholars to influence the school study of Chekhov and Russian literature in general face the problem of unpopularity, lack of demand for scientific humanitarian knowledge in society.

Keywords: education system, literary education, post-soviet Russia, reading, school literary canon, Russian classical literature, textbooks, teaching literature, Chekhov studies, Anton Chekhov

References (transliterated)

1. Kataev V.B. Anton Pavlovich Chekhov / Istoriya russkoi literatury XIX veka. 70–90-e gody: Uchebnik/ Pod red. V.N. Anoshkinoy, L.D. Gromovoi, V.B. Kataeva. M.: Izd-vo MGU, 2001. S. 551–613.
2. Rayfield, D. *Anton Chekhov. A life*. London: Harper Collins, 1997.
3. Dolzhenkov P.N. Tvorchestvo A.P. Chekhova (1860–1904) / Istoriya russkoi literatury XI–XIX vv./ Pod redaktsiei V.I. Korovina, N.I. Yakushina Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Russkoe slovo, 2001. S. 551–584.
4. Akhmetshin R.B. Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904) / Russkaya literatura XIX veka. 10 klass: Uchebnik dlya shkol i klassov gumanitarnogo profilya.: V 2 ch. Ch. 2. M., Moskovskii litsei, 2003. S. 393–511.
5. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomakh. M.: Nauka, 1974–1983.
6. Skibina O. Razmyshleniya provintsial'nogo pedagoga na polyakh stolichnykh uchebnikov // Chekhovskii vestnik. M., 2003. № 12. S. 12–20.
7. Kuleshov V.I. Istoriya russkoi literatury XIX veka: Uchebnoe posobie / Rekomendovano Ministerstvom obshchego i professional'nogo obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii v kachestve uchebnogo posobiya dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po napravleniyu i spetsial'nosti «Filologiya». M.: Izd-vo MGU,

1997.

8. Tikhomirov S.V. A.P. Chekhov / Russkaya literatura XIX veka. 10 kl. Ucheb. dlya obshcheobrazovat. Uchrezhdenii. V 2 ch. Ch. 2 / V.I. Korovin, N.L. Vershinina, L.A. Kapitanova i dr.; Pod red. V.I. Korovina. M.: Prosveshchenie, 2001. S. 282–317.
9. Arkhangel'skii A.N. A.P. Chekhov / Russkaya literatura XIX veka. 10 kl.: Ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii: v 2 ch. Ch. 2. / A.N. Arkhangel'skii i dr.; Pod red. A.N. Arkhangel'skogo. 3-e izd., pererab. M.: Drofa, 2002. S. 400–444.
10. Gitovich I. Chitaem Chekhova. Zametki o Letnei shkole dlya uchitelei literatury // Chekhovskii vestnik. M., 2006. № 19. S. 117–151.
11. Bushkanets L. Mozhno li chitat' Chekhova v shkole bez literaturoveda? // Chekhovskii vestnik. M., 2015. № 31. S. 91–95.
12. Gitovich I.E. O problemakh chteniya i «shkol'noi literature» / Itog kak novye problemy. Stat'i i retsenzii raznykh let ob A.P. Chekhove, ego vremeni, okruzhenii i chekhovedenii / Sost. L.E. Bushkanets, N.F. Ivanova, E.D. Orlov. M.: Literaturnyi muzei, 2018. 359–374.
13. Chekhov, A. (1998). *The Comic Stories* / Pitcher, H. (Ed.). London: André Deutsch.
14. Gilman, R. (1995). *Chekhov's Plays: An Opening into Eternity*. London: Yale university press, New Haven.
15. *Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture*. (1997). N.Y: Peter Lang.
16. Gottlieb V., Allain P. (Ed.). (2000). *The Cambridge Companion to Chekhov*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Kataev, V., Pitcher H. (Ed.) (2002). *"If Only We Could Know!" An Interpretation of Chekhov*. Chicago: Ivan R. Dee.

Translation of non-equivalent vocabulary in Chinese political speech into Russian

Li Juan

Postgraduate student; Faculty of Higher School of Translation; Lomonosov Moscow State University

119571, Russia, Moscow, Akademika Anokhina str., 11k1, sq. 230

✉ 475851797@qq.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of ways to translate the speech of the Chinese political leader into Russian. The author focuses on the transfer of Chinese-language lexemes with deep cultural meaning by means of the Russian language in the translation of speeches of the political leader of China. As a result of the research, the methods of translating neologisms, specific concepts, national realities, proper names in the speeches of the Chinese political leader into Russian were described. With the increase in contacts between China and Russia in the political sphere, the need for Chinese-Russian translations, including speeches by political leaders, has increased. They embody the features of national political discourse, serve as an example of the linguistic implementation of basic political principles and state ideology. All equivalent vocabulary in the political speech of the Chinese leader can be translated into Russian, while the choice of the translation method determines the degree of translation equivalence. The study of the Russian translation of non-equivalent vocabulary in Chinese political speech was carried out in stages using comparative analysis, semantic component analysis, with the help of which lexemes containing cultural information

were selected, and analysis of translation correspondences. The equivalence of the translation and the original text was also assessed using specific examples, and preferred ways of translating non-equivalent vocabulary were identified. The scientific novelty of the study described the ways of translating neologisms, specific concepts, national realities (including paroemias), proper names in speeches of the Chinese political leader into Russian. It was found that when transmitting proper names (in the form of transcription), specific concepts, the images of which can be understood by the recipient, the use of direct translation is widespread, which allows to achieve equivalence of content. When transmitting neologisms and nationally specific realities, idioms, proverbs, sayings, as well as specific concepts based on which images do not correspond to the Russian language picture of the world, descriptive translation is used, which allows achieving primarily functional equivalence. All the non-equivalent vocabulary in the Chinese leader's political speech can be translated into Russian, while the choice of the translation method determines the degree of translation equivalence.

Keywords: translation theory, political translation, language tools, translation methods, Russian language, Chinese language, equivalence, non-equivalent vocabulary, translation, political speech

References (transliterated)

1. Airapetyan O.A., Korovina S.G. Strukturno-stilisticheskie osobennosti i problemy perevoda politicheskikh terminov v publitsisticheskikh tekstakh SKYa // Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve. Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tom 3. n.-i. ts. «Akademicheskii». – North Charleston, USA: CreateSpace 2017. – S. 55-60.
2. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya). Leningrad: Prosveshchenie, 1981. 200 c.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.N. Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. M.: Russkii yazyk, 1990. 246 s.
4. Garbovskii N.K. Teoriya perevoda: Uchebnik. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. – 544 s.
5. Dubtsova O.V., Li Tszyan'lyan. Obuchenie ustnomu perevodu: politicheskii diskurs // Aktual'nye voprosy obrazovaniya. 2018. № 2. S. 161-165.
6. Zuboreva A.A. Perevodcheskii aspekt izucheniya politicheskogo diskursa // Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI, 2018. – S. 200-205.
7. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). M.: Al'yans, 2013. 250 s.
8. Kruglov V.V. Problemy perevoda politicheskikh rechei Si Tszin'pina i sintaksicheskie osobennosti ispol'zovaniya frazeologicheskikh oborotov na primere chen''yuya traditsii itszina // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. 2020. № 10-2. S. 76-83.
9. Mitina A.A. Chetyrekhslozhnye idiomy v politicheskoi rechi i ikh perevod na russkii yazyk // Vestnik nauki. 2023. № 6 (63). S. 845-848.
10. Smarovidlo A.A. Vidy i trudnosti perevoda bezekvivalentnoi leksiki s angliiskogo yazyka na russkii // Problemy Nauki. 2016. № 30 (72). C. 76-78.
11. Sun Chzhikhao. Novyi etap sovremennoi vneshnei politiki Kitaya skvoz' prizmu kontseptov «put'» (dao) i «konfiguratsii sily» (shi) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. №67 (2). S. 78-92. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-78-92.

12. Ushakov D. N. Tolkovy slovar' russkogo yazyka (1935-1940) [Elektronnyi resurs]. Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/13/us219707.htm?cmd=0&istext=1> (data obrashcheniya: 12.10.2023).
13. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. M., 2006. 256 s.
14. Eko U. Skazat' pochtu to zhe samoe. Opyty o perevode. M, 2015. 733 s.
15. Yugai E.R. Politicheskii diskurs i perevod // Obshchestvo. 2019. № 2 (13). S. 81-87.
16. Yakovlev A.A. Perevod i mezhkul'turnoe vzaimodeistvie. Krasnoyarsk, 2017. 236 s.
17. Yan Lin'lin', Shi Syuchzhen'. Perevod politicheskoi terminologii s kitaiskogo na russkii yazyk // Politicheskaya lingvistika. 2022. № 6 (96). S. 211-218.
18. 王斌华. 口译:理论、技巧、实践(Van Bin'khua. Interpretatsiya: teoriya, tekhnika, praktika) // 武汉:武汉大学出版社 (Ukhan': Izdatel'stvo Ukhan'skogo universiteta). 2006. № 2. S. 78-79.
19. 刘成盼,刘东亮. 中国特色政治语篇中的隐喻架构—以精准扶贫和人类命运共同体为例 (Lyu Chenpan', Lyu Dunlyan Metaforicheskaya struktura v politicheskom diskurse s kitaiskoi spetsifikoi – na primere tselenapravlenno sokrashcheniya bednosti i soobshchestva s obshchim budushchim dlya chelovechestva) // 海外英语 (Angliiskii za rubezhom). 2021. № 1. S. 260-261.
20. 史顺良,赵斐. 政治语篇中的概念隐喻及其翻译策略 (Shi Shun'lyan, Chzhao Fei. Kontseptual'naya metafora v politicheskom diskurse i strategii ee perevoda) // 阜阳师范大学学报(社会科学版) (Zhurnal Fuyanskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po obshchestvennym naukam). 2021. № 3. S. 42-47. DOI:10.14096/j.cnki.cn34-1333/c.2021.03.07
21. 魏源,清代. 圣武记 (Vei Yuan' iz dinastii Tsin. Shenvu tszi). Pekin: Kitaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 567 s.
22. 杨海英,周密. 政治语篇中的概念隐喻及英译研究 (Yan Khaiin, Chzhou Mi. Issledovanie kontseptual'noi metafory v politicheskom diskurse i ee perevod na angliiskii yazyk) // 湖北经济学院学报(人文社会科学版) (Zhurnal Khubeiskogo ekonomicheskogo universiteta (izdanie gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk)). 2021. № 2. S. 117-120.
23. 莫逸凡. 中俄政治话语中的隐喻翻译 (Mo Ifan'. Perevod metafor v kitaiskom i russkom politicheskom diskurse) / 武汉大学 (Ukhan'skii universitet), 2018. 107 s.

Influence of the Cycle "Don Stories" by M. A. Sholokhov on Mo Yan

Lin TSze

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature ; Peoples' Friendship University of Russia

15 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 150000, Russia

✉ lj3046013268@gmail.com

Abstract. The cycle "Don Stories" by M. A. Sholokhov was translated into Chinese in the first half of the 20th century. Since then, the stories have enjoyed great popularity among Chinese readers and have had a significant influence on a new generation of writers. This article is dedicated to the influence of "Don Stories" on the literary work of Mo Yan. The author discusses the evolution of the translations of "Don Stories" in China and briefly analyzes the folkloric motifs within the cycle. Special attention is given to identifying and analyzing the typological connections between Sholokhov's novel and Chinese works, particularly Mo Yan's

"Red Sorghum" (1986), demonstrating that despite differences in national identity and historical context, both authors address similar ideological tasks through folkloric elements. The typological similarities in the use of proverbs, sayings, oral poetry, and customs in the works of Mo Yan and M. A. Sholokhov are analyzed. Based on the theory of comparative literature by A. N. Veselovsky and V. M. Zhirmunsky, the most notable works of both authors are researched, focusing on the comparison of the functions, images, and symbols of folklore in their writings.

Keywords: Don stories, sayings, proverb, Shandong Folk Song, Cossack songs, folklore, Mo Yan, Mikhail Alexandrovich Sholokhov, Red Gaolian, typology

References (transliterated)

1. Pchelkina, S.Yu., Shneider. M.E. i Lyu Ven'fei: osobennosti kitaiskogo ponimaniya russkoi klassicheskoi literatury // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 2019. №. 3 (49). S. 85-91.
2. Bekmetov R.F. Literaturnaya komparativistika kak metodologicheskaya problema: k eskizu nauchnoi strategii v rakursakh noveishikh iskanii // Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 4 (22). S. 197-203.
3. Zhirmunskii V.M. Veselovskii i sravnitel'noe literaturovedenie // Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad. Izbrannye trudy. L.: Nauka, 1979.
4. Kireeva N. V. Rol' fol'klornogo nachala v proze Gul'chery Bykovoi [Elektronnyi resurs]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_2-1_26.pdf (data obrashcheniya: 30.04.2015).
5. Dalya.V.I. Poslovitsy russkogo naroda. // Khudozhestvennaya literatura, 1984.
6. Makhmutov Kh.Sh. Aforisticheskie zhanry tatarskogo fol'klora. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Kazan', 1995.
7. 微. 莫言小说中的民俗记忆研究.[D].上海:上海师范大学, 2022, 66页. Khu Vei. Issledovanie narodnoi pamyati v romanakh Mo Yanya. Dis. mag. Filol. nauk:10.01.01. 2022. 23c. Shankhai: Shankhaiskii normal'nyi universitet, 2022, 66 s.
8. S. V. Adamenko. Narodnaya pesnya kak osnova muzykal'nogo fol'klora// Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. № 1 (48), 2013. S.93-96.
9. 刘娜.肖洛霍夫与莫言作品中的故乡主题—《静静的顿河》和《丰乳肥臀》为例[D].济南:山东大学, 2014年. 75页. Lyu Na. Tema maloi rodiny v proizvedeniyakh M.A. Sholokhova i Mo Yanya-na primere «Tikhii Don» i «Bol'shaya grud', shirokii zad» Dis. mag. Filol. nauk:10.01.01 – Shandunskii universitet, 2014. 5 c.
10. Sholokhov, M. A. Donskie rasskazy. // M.: «Eksmo», 2014. 680 s.
11. 莫言.红高粱.兰州: 作家出版社, 2018年, 512页. (Mo Yan'. «Krasnyi gaolyan», Lanchzhou: // Izdatel'stvo «Pisateli»,2018. – 512 c.)
12. 吴越.百余年来俄罗斯文学在中国的传播与影响.山东:临沂大学学报. 2017.56-57页(Khu Khetsin. O stremlenii Mo Yanya k krasote lichnosti i vostochnykh kul'turnykh traditsiyakh // Vestnik Sovremennaya literaturnaya mysl', 1987. – №5. – S. 56-57.)
13. Kuzina T.R. Zanimatel'naya pedagogika narodov Rossii. – M.: Shkola Press, 2001. – 142 s. – (B-ka zhurn. «Vospitanie shkol'nikov». Vyp. 24)
14. Tsao In. Tsikle sochinenii Sholokhova v 8t.T.1. Pekin.: «Narodnaya literatura», 2000.500s. 草婴. 肖洛霍夫文集(第一卷)[M]. 北京:人民文学出版社, 2000年. 500页.
15. Dmitrova, A.V., Osipova T.O. «Izuchenie tvorchestva M.A. Sholokhova na sovremennom

- etape: problemy, kontseptsii, podkhody»: Sholokhovskie chteniya – 2022 (st. Veshenskaya, 7–9 sentyabrya 2022 g.) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2022. № 4. S. 106-108.
16. Kuznetsova, N. T. Mikhail Sholokhov – letopis' zhizni i tvorchestva (materialy k biografii). M.: «Galeriya», 2005. 506 s.
 17. Lashchuk, O.R. K 110-letniyu russkoi literatury v kitae. // Mir russkogo slova. 2013, № 3. S. 53.
 18. Min'yue. Vliyanie russkoi literatury na kitaiskuyu. Kheiluntszyan: Suikhua // Vestnik Suikhuaskii kolledzh inostrannykh yazykov, 2013. S. 21-38. 马明月. 浅谈俄罗斯文学对中国文学的影响. 黑龙江: 绥化, 绥化学院外国语学院, 2013, 21页.
 19. Van Intsyuan'. Issledovanie gumanitarnoi mysli v proizvedeniyakh Sholokhova. Dis. Mag. filol. tekhn. nauk / Van Intsyuan' Tszilin'skii universitet, 2013. 57c. 王英权. 肖洛霍夫作品中的人道主义思想研究. 吉林: 长春: 吉林大学, 硕士论文, 2013年, 57页.
 20. Pen Yatszin, Khe Yun'bo. Perevod Sholokhova v Kitae. // Zhurnal Syanganskogo universiteta: izdanie po filosofii i sotsial'nym naukam, 2002. № 6. S. 95-98. 彭亚静, 何云波. 肖洛霍夫在中国的译介[J]. 湘潭大学学报: 哲学社会科学版, 2002(6). C. 95-98.
 21. Sun' Meilin. Sholokhovedenie. Pekin.: Izdatel'stvo po prepodavaniiyu i izucheniiyu inostrannykh yazykov. 1982. 512 s.
 22. 孙美玲. 肖洛霍夫研究[M]. 北京: 外语教学与研究出版社. 1982. 512c. Sin' Shoukui. Biografiya Sholokhova. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 2011. 684 s. 辛守魁. 肖洛霍夫传[M]. 北京: 人民文学出版社, 2011. 684 s.

Verb-nominal descriptions in modern oral Russian speech: the experience of analysis

Orlova Mariia Vladimirovna

Postgraduate student; Faculty of Philology; Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, sq. 10

✉ mriaorlova@gmail.com

Abstract. The article analyzes the use of verb-nominal descriptions (combinations of a desemanticized verb such as do/do, give/give, lead/conduct, etc. with nouns such as step, action, response, etc., naming action, based on the material of 100 podcast releases (audio broadcasts distributed on the Internet) recorded in the 20s of the XXI century) in modern Russian oral speech. The widespread idea of the exclusive belonging of such constructions to the book variety of the literary language is questioned. The reasons why speakers prefer descriptive names of an action are investigated: in particular, descriptions that do not have a correlative verb are highlighted; descriptions with a definition or a quantifier word in the name; descriptions with an indefinite meaning. The cases when a sentence with a descriptive turn can be transformed using a one-word correlate (verb) are analyzed separately. In the podcasts of the conversational genre, which involve a free dialogue of several interlocutors and differ in the number, gender and age of the presenters, the use of verb-nominal descriptions is noted and analyzed. The article for the first time examines verb-nominal descriptions based on the material of modern spontaneous oral speech, which allows us to draw conclusions about the real use of such constructions by native speakers of the Russian language. It is concluded that descriptions are regularly used in modern oral speech, if necessary, to give additional characteristics of the so-called situation, to describe its

quantitative nature or to eliminate a number of participants from the description of the situation, for example, an object. In addition, the article for the first time proposes a scale of the actionality of predicates, which can be used to describe various ways of designating a situation in terms of its processality or "objectivity" — depending on the communicative intention of the speaker. This scale also allows to evaluate the probability of using a verb-nominal description in a given utterance.

Keywords: verb categories, quantifiers, non-isomorphic words, semantic grammar, actionality, deverbatives, grammaticalisation, light verbs, light verb constructions, syntax

References (transliterated)

1. Lekant P.A. Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke. – M.: «Vyssh. shkola», 1976.
2. Vsevolodova M.V. Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka. – M.: Izd-vo MGU, 2000.
3. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. – M.: Izd-vo MGU, 2004.
4. Vorob'eva G.K. Funktsional'no-kommunikativnaya tipologiya ustoichivyykh glagol'nykh slovosochetanii russkogo yazyka. – M.: «VEDAS», 1994.
5. Filippova V.M. Razvitie glagol'noi frazeologii v russkom literaturnom yazyke 18 veka. // Russkaya literaturnaya rech' v 18 veke. – M.: Nauka, 1968. S. 3-161.
6. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya. – M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996.
7. Makovich G.V. Opisatel'nyi sposob vyrazheniya semanticheskogo predikata so znacheniem aktivnogo deistviya v sovremennom russkom yazyke [dokt. diss.]. – Chelyabinsk, 1997.
8. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / Pod red. A.P. Evgen'evoi. M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999.
9. Mordvilko A.P. Ocherki po russkoi frazeologii (imennyye i glagol'nye frazeologicheskie oboroty). – M.: Izdatel'stvo «Prosveshchenie», 1964.
10. Russkaya grammatika. / Pod red. N.Yu. Shvedovoi i dr. – M.: Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova, 2005. T. 1.
11. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'. – M.: Nauka, 1992.
12. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: Refentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
13. Paducheva E.V. O proizvodnykh diatezakh otglagol'nykh imen v russkom yazyke. // Stat'i raznykh let. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009.
14. Gak V.G. Nominalizatsiya skazuemogo i ustranenie sub'ekta. // Sintaksis i stilistika. – M.: Nauka, 1976.
15. Rozanova V.V. Sinonimiya ustoichivyykh glagol'no-imennykh sochetanii v sovremennom russkom yazyke. // Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. – M.-L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1966.
16. Teliya V.N. Tipy yazykovykh znachenii. Svyazannoe znachenie slova v yazyke. – M.: Nauka, 1981.
17. Kondakov N. I. Logicheskii slovar'-spravochnik. – M.: Nauka, 1975.
18. Teoriya funktsional'noi grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'. / Pod red. A.V. Bondarko i dr. – SPb.: Nauka, 1996.

19. Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis. / Pod red. A.V. Bondarko i dr. – M.: Editorial URSS, 2001.
20. Zaliznyak Anna A., Shmelev A.D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.

The nature of the symbol, its role in a literary text (using the example of yellow color symbolism in poetry of the XX – XXI centuries)

Musaeva Ailin Magomedovna

Postgraduate student; Faculty of Philology; Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ alina-musavi@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the nature of the symbol in a work of art. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to study the theoretical foundations of the symbol, to consider this concept from different points of view, to determine the nature, signs of the symbol, to analyze the color symbolism in the lyrical texts of the authors of the XX – XXI centuries, using the example of yellow color. The object of research is the nature of the symbol, its role, and analysis in poetic texts of the XX – XXI centuries. He examines in detail such topics as: consideration of different points of view on the nature of the symbol; definition of the symbol, its properties in works of art; polyphony and dualism of the symbol; analysis and interpretation of color symbols in poetic texts of the XX – XXI centuries, using the example of yellow and its shades. The research is based on synthesizing, comparative methods, as well as on the analysis of a literary text with elements of comparative typological analysis. The scientific novelty lies in the fact that it analyzes the nature of the symbol in Russian poetry of the XX – XXI centuries on the basis of color symbols, namely yellow. The main conclusions of the study are: the symbol is closely related to the sign and the artistic image, but it is absolutely not identical to them, the symbol is multifaceted. The nature of the symbol is both dualistic and polyphonic. The dualism of the symbol lies in the fact that it consists of two components: material and spiritual. A material object, phenomenon, or condition hides an abstract concept that is not always related to the meaning of the object itself. The polyphony of a symbol consists in the fact that it can acquire a different sound and meaning in each artistic text, visual and expressive means help the reader to interpret a particular symbol. It can perform several functions in a work of art, and may have different meanings in each context.

Keywords: polyphony, yellow colour, dualism, lyrics, lyrical hero, colour symbolism, modern Russian poetry, symbolism, Silver Age, symbol

References (transliterated)

1. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. Per. s nem. – M.: Politizdat, 1991. 231 s.
2. Losev A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M., Iskusstvo, 1976, s. 4, s. 18.
3. Antonov V.I. Simvol, nauka, kul'tura: monografiya. Moskva – Ulan – Ude: Rossiiskaya akademiya upravleniya. Vostochno – sibirskii tekhnologicheskii institut: 1995, s. 5, 51.

4. Golubeva M. Glavnoe v istorii tsveta. Iskusstvo, mifologiya i istoriya ot pervobytnykh ritualov do Instituta tsveta Pantone. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2023, s. 89.
5. Pauline M. Ryan. Color Symbolism in Hausa Literature. Journal of anthropological research., 1976, T. 32, № 2. DOI: 10.1086/jar.32.2.3629660
6. Dostoevskii F. M. Prestuplenie i nakazanie. M.: Eksmo, 2020, 592 s.
7. Paramonova L. Yu. Muchitel'naya zhazhda krasoty i ambivalentnost' tsveta v knige I. Annenskogo «Kiparisovyi larets». Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015, № 397, s. 38-43. DOI: 10.17223/15617793/397/7
8. Annenskii I. Posmertnye stikhi: s portretom i 2 faksimile. Pod red. V. Krivicha. Peterburg: Kartonnyi domik, 1923, s. 46.
9. Bryusov V. Ya. Khvala cheloveku. M.: Eksmo, 2023, 192 s.
10. Wachtel M. Russian symbolism and literary tradition: Goethe, Novalis, and the poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison: The University of Wisconsin Press, 1994. P. 64.
11. Mallarme S. Izbrannye stikhotvoreniya. 1898. El. res.: http://az.lib.ru/m/mallarme_s/text_1898_stihi.shtml, 23.07.2024.
12. Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. Per. s angl. S. Pal'ko. – M.: Fair – Press. 1999, s. 401.
13. Khodasevich V. F. Evropeiskaya noch'. Stikhotvoreniya. Vospominaniya. M.: Eksmo, 2013, s. 60, s. 163.
14. Kling O. A. Poetika promezhutka kak nauchnaya problema. Russkaya literatura. № 4, 2021, s. 255. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-254-255
15. Sokolkin S. Yu. Vozopivshie kamni. Izbrannoe (stikhi, poemy, khudozhestvennye perevody). M.: Rossiiskii pisatel'. 2013, s. 218-226.
16. Sokolkin S. Yu. Steklyannoglazaya: roman. M.: Veche, 2023, s. 467.
17. Abdurashidova A. A. Chest' vyshe zhizni (perevody s darginskogo yazyka). – M.: Belye zhuravli Rossii. 2018, s. 45, s. 192.
18. Bulgakov M. Master i Margarita. M.: Rodina, 2024, 512 s.
19. Prokhanov A. Oplavlenniy yantar': TsDL, roman, stikhi. – M.: Veche; Nashe Zavtra, 2021.
20. Mineralova I. G. Angel s goryashchim mehom. Sovremennaya grazhdanskaya poeziya: traditsiya, sintez zhanrov, geroi: monografiya. Moskva – Yaroslavl', 2023, s. 131.
21. Doroga k nebu. Poeziya i prozy laureatov i nominantov Patriarshei literaturnoi premii. M.: Lepta Kniga, 2024.
22. Kuznetsov Yu. P. Stikhi. M.: Sovetskaya Rossiya, 1978, s. 174.

The journalistic ideal in the context of agenda theories

Slavin Boris Fedorovich

Doctor of Philosophy

Professor; Institute of Journalism, Communications and Media Education; Moscow State Pedagogical University

109240, Russia, Moscow, Verkhnyaya Radishchevskaya str., 16-18

✉ nivals@inbox.ru

Zarovniy Denis Andreevich

Postgraduate student; Institute of Journalism, Communications and Media Education; Moscow State Pedagogical University

109240, Russia, Moscow, Verkhnyaya Radishchevskaya str., 16-18

✉ deniszarovny@gmail.com

Abstract. This article raises the question of the ideal of journalism at a time when the scientific community is increasingly turning to theories of "producing" an information agenda. The authors of the article turn to the roots of agenda theories, their main provisions, the role of the media, which the theorists assign in their hypotheses, and the main ideas about the journalistic ideal that have developed over the course of the research. This topic is relevant within the framework of Agenda-setting theory, Agenda-building, the theory of "echo chambers" gaining popularity, as well as the emerging problems of information determinism as a philosophical view of the role of journalism. The methods of the research were comparative-content analysis of scientific sources, systematization and synthesis of data. The novelty of the study is formed from the approach to considering the issue of the ideal of journalism in the system "State – Mass Media – Recipient". The question of the journalistic ideal in such a context is raised for the first time. Apologetics of the agenda theories cuts the dispute about the ideal into objective and subjective sides. The article comprehensively examines these two branches of the journalistic ideal. The main conclusion of this article is the thesis that the agenda theory, the changed media landscape and the development of information technologies of the day are reforming the view of the ideal of journalism. At the same time, objectivity remains a professional norm in the perception of information, the role of the subjective in journalism is growing. But this should not be condemned by the community and researchers. Only a conscious symbiosis of these two branches of the ideal can lead a professional journalist not only to effective professional work, but also to trust the audience.

Keywords: information determinism, objectivity, subjectivism, echo chambers, agenda-building, agenda-setting, journalism, ideal, Agenda, journalistic ideal

References (transliterated)

1. Vartanova E. L. O neobkhodimosti modernizatsii kontseptsii zhurnalistiki i SMI // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. – 2012. – No 1. – С. 7-2.
2. D'yakova E.G., Trakhtenberg A.D. «... I vse podumali khorom»: Sredstva massovoi informatsii i ustanovka povestki dnya // Povestka dnya i informatsionnoe obshchestvo: sotsiologicheskie ocherki – Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2019. S. 7-40.
3. Rogers, E.M., & Dearing, J.W. Agenda-setting research: Where has it been? Where is it going? In: Anderson, J.A. (Ed.). Communication yearbook 11 (555-594). Newbury Park, CA: Sage. 1988.
4. media-research.palindrome.media [Elektronnyi resurs]: Issledovanie rynka brend-media. 2023 edition // ООО «Palindrom». URL: <http://www.media-research.palindrome.media/2023> (data obrashcheniya: 12.12.2023)
5. group.interfax.ru [Elektronnyi resurs]: Chislo novostei v rossiiskikh SMI v 2022 godu sokratilos' na 7% // Interfaks. URL: <https://group.interfax.ru/interfax/about/smi/chislo-novostey-v-rossiyskikh-smi-v-2022-godu-sokratilos-na-7/#> (data obrashcheniya: 12.12.2023)
6. mediascope.net [Elektronnyi resurs]: Mediapotreblenie v 2022 godu // Kseniya Achkasova; Mediascope. URL:

- https://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkri4ngauf1t1stsr0877w3jn5/CSTB_me diapotreblenie.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2023)
7. mediascope.net [Elektronnyi resurs]: Media 2022: glavnye trendy // Kseniya Achkasova; Mediascope. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/1f6/8ha9kkrtxq4eed12mn3p8s6k5sglgnn/Media%202022%20Den'%20Brenda%20Kseniya%20Achkasova.pdf> (data obrashcheniya: 15.12.2023)
 8. mediascope.net [Elektronnyi resurs]: Auditoriya Telegram: Otchet po dannym Mediascope // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/9fb/3nfdyfloew36u7oqs3fip8loz14yad4g/Telegram_Otchet_Mediascope.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2023)
 9. Vladimirova T. N. Problema ideala v zhurnalistike / T. N. Vladimirova, V. A. Slavina // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2017. – T. 6, № 3. – S. 320–329. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(3).320-329.
 10. mediamax.am [Elektronnyi resurs]: Elena Vartanova: «Zhurnalistika – vseгда produkt svoego naroda» // Lusin Mkrtchyan; Mediamaks URL: <https://mediamax.am/ru/news/interviews/32759/> (data obrashcheniya: 22.12.2023)
 11. economics.hse.ru [Elektronnyi resurs]: «Zhurnalist zarabatyvaet ochen' mnogo ochkov v tot moment, kogda on otrasyvaet uslovnosti» // Serkebaeva Milena; Vysshaya shkola ekonomiki. URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/695248538.html> (data obrashcheniya: 22.12.2023)
 12. S. Steense Subjectivity as a Journalistic Ideal // Putting a Face on it: Individual Exposure and Subjectivity in Journalism, 2017. S. 25-47.

Specifics of Artificial Intelligence Application in Modern Media Space

Nerents Daria Valer'evna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Journalism, Russian State University for the Humanities

125993, Russia, Mskovskaya oblast', g. Moscow, Muskaya ploshchad', 6, aud. 525

✉ ya.newlevel@yandex.ru

Abstract. In 2023 the disputes and discussions about the use of artificial intelligence (AI) in different spheres of life have flared up with renewed vigor. As the indisputable advantages of the use of automated systems and algorithms in the media are efficiency (the ability to quickly and accurately search for information, create template texts, check data), comprehensiveness (the ability to analyze any topic, to work with any direction), convenience (when properly configured does not require extra effort from the media specialist), learning (the ability to quickly absorb new knowledge and to analyze the needs and demands of the audience). The disadvantages are a noticeable number of errors and inaccuracies, fears of job cuts (especially in newsrooms), limitations in communication, lack of legislative regulation of AI, dependence on technology, the ethical aspect of work. The scientific and professional communities are increasingly drawing attention to the serious threats posed by the use of neural networks and computer algorithms. The article raises questions about the risks and challenges of using artificial intelligence, analyzes its capabilities regarding the threats to media safety (both the creation of fakes and deepfakes and the exposure of such content). Special attention is given to the methods of applying neural networks in the media space,

which seems especially relevant nowadays, when IT developments have become one of the central themes for discussions at many international venues. Possible options for the further use of these technologies in the near future and the consequences of this application are presented as conclusions.

Keywords: journalism, algorithm, audience, media content, media safety, fake, neural network, mass media, artificial intelligence, media

References (transliterated)

1. Bogatyreva V.N. Iskusstvennyi intellekt v zhurnalistike kak sovremenniy mediatrend // Skif. Voprosy studencheskoi nauki. 2019. Avgust. S. 26–29.
2. Galyashina E.I. i dr. Feikovizatsiya kak sredstvo informatsionnoi voyny v internet-media: nauchno-prakticheskoe posobie. M.: Blok-Print, 2023.
3. Zamkov A.V. Novostnoi mediarobot: teoreticheskie aspekty intellektual'noi sistemy generatsii kontenta // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2019. T. 8, № 2. S. 260–273.
4. Ivanov A.D. Robotizirovannaya zhurnalistika i pervye algoritmy na sluzhbe redaktsii mezhdunarodnykh SMI // Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2015. № 2 (16). S. 32–40.
5. Kolesnikova E.V. Tekhnologiya deepfake v zhurnalistike // Mir sovremennykh media: novye vozmozhnosti i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov / pod obshch. red. D.V. Nerents. M.: Znanie-M, 2022. S. 74–77.
6. Nerents D.V. Sposoby primeneniya iskusstvennogo intellekta v zhurnalisticheskoy deyatel'nosti // «MEDIAObrazovanie: media kak total'naya povsednevnost'»: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Chelyabinsk, 24–25 noyabrya 2020 goda): Chast' 1 / pod red. A. A. Morozovoi. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020. C. 334–341.
7. Sotsial'nye faktory riska vozniknoveniya internet-zavisimosti: monografiya / T.N. Svetlichnaya, E.A. Smirnova, A.P. Sukhodolov [i dr.]; pod red. G.A. Kovalevoi, A.A. Mekhovoi. Cherepovets: Izd-vo ChGU, 2018.
8. Tret'yakov A.O., Filatova O.G., Zhuk D.V. i dr. Metod opredeleniya russkoyazychnykh feikovykh novostei s ispol'zovaniem elementov iskusstvennogo intellekta // International Journal of Open Information Technologies. 2018. T.6, № 12. S. 54–60.
9. Beckett Ch. New Powers, New Responsibilities – a Global Survey of Journalism and Artificial Intelligence, A global survey of journalism and artificial intelligence // LSE Polis Report, 2019.
10. Diakopoulos N. Automating the News: How Algorithms Are Rewriting the Media. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
11. Lewis S., Logan M. A Decade of Research on Social Media and Journalism: Assumptions, Blind Spots, and a Way Forward // Media and Communication. 2018. No 6 (4). P. 11–23.
12. Marconi F. Newsmakers: Artificial Intelligence and the Future of Journalism. New York: Columbia University Press, 2020.
13. Pasquale F. The Black Box Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.
14. Porlezza C., Ferri G. The Missing Piece: Ethics and the Ontological Boundaries of Automated Journalism // #ISOJ Journal. 2022. No 12(1). P. 71–98.
15. Stray J. Making Artificial Intelligence Work for Investigative Journalism // Digital

Journalism. 2019. No 7 (8). P. 1076–1097.

16. Zamith R. Algorithms and Journalism / In Oxford Encyclopedia of Journalism Studies; ed. by Henrik Ornebring. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Interdisciplinary digital ways of researching political media discourse

Bulgarova Bella Akhmedovna

PhD in Philology

Associate professor of the Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str.6.

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Chinennaya Tamara Yurievna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of National and Federal Relations; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Ave., p. 1, Moscow, 119571, Russia.

✉ t.chinennaya@mail.ru

Zyukina Zulfira Salihovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Russian Language and Linguoculturology; RUDN named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ zyukina_zs@pfur.ru

Kozlovskaya Ekaterina Stanislavovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language No. 5; RUDN named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ kozlovskaya_es@pfur.ru

Abstract. Digital methods of political discourse research make it possible to expand the range of data on the statistics and replication of references to a particular issue in media space, the popularity of lexical units or other content disseminated both through the media and among the readership through comments and posts on personal accounts, and, as a result, to determine the specifics of the representation of certain political processes in mass media. The object of this study is various methods and tools of digital study of political media discourse, as well as relevant software. The subject is the results of content analysis of political communication obtained by foreign (J.-M. Eberle, P. Tolochko, P. Jost, T. Heidenreich, H.G. Boomgaarden) and Russian (E.I. Beglova and O.Y. Shmeleva) specialists. The aim of the paper is to identify the most effective way of working with media material by comparative study of manual and automated methods of content analysis. The main method of research in the article was a comprehensive comparative analysis of the conducted studies: from manual content analysis to digital content analysis with the use of mathematical algorithms and the method of 'digital footprint', theoretical analysis of scientific literature on the identified problems, descriptive and comparative methods, interpretation of the obtained results. The

scientific novelty of the article consists in the comparison of different digital methods of content analysis. The identification of their strengths and weaknesses and the prospects for the application of digital methods of content analysis in the media industry in Russian science are poorly studied and need to be developed. New digital methods of content analysis are more objective, operational, structured, diverse and verifiable, unlike manual ones; the rapid development of artificial intelligence technologies makes its own adjustments to the methodology of analyzing political media discourse.

Keywords: strategies, application, method, communication, social media, content analysis, political media discourse, digital modes, results, research

References (transliterated)

1. Abbasi M.M. Lingvisticheskii interfeis s emotsional'nym analizom teksta v komp'yuternykh sistemakh: avtoreferat dis. ... kandidata tekhnicheskikh nauk: 2.3.1. / Abbasi Mokhsin Manshad; [Mesto zashchity: FGBOU VO «Izhevskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni M.T. Kalashnikova»], Izhevsk: 2022.
2. Bagga-Gupta S., Aprameya R. Yazykotvorchestvo v tsifrovyykh global'nykh prostranstvakh Yuga i Severa v XXI veke: media, yazyk i identichnost' v politicheskom diskurse // Bandung: Journal of the Global South. 2018. № 5 (3). S. 20-28.
3. Beglova E.I., Shmeleva O.Yu. «Yazykovoi kod» politicheskoi kommunikatsii (na materiale vystuplenii prezidenta Rossii V. V. Putina 2012-2015 gg.) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 12-16.
4. Danilova A.G., Mitina O.V. Komp'yuterizirovannyi kachestvennyi analiz teksta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2021. №1. S. 220-240. URL: <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.09>. Date: 23.02.2024.
5. Lobanova T.N. Lingvisticheskii analiz kitaiskogo politicheskogo mediadiskursa: struktura, kharakteristiki i diskursivnye praktiki: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Lobanova Tat'yana Nikolaevna; [Mesto zashchity: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet]. Mytishchi: 2020.
6. Novikova A. A. Sravnenie instrumentov Sketch Engine i TermoStat dlya izvlecheniya terminologii // International Journal of Open Information Technologies. 2020. №11. S. 73-79.
7. Ravochkin N.N. Avtor v politicheskom diskurse s pozitsii psikholingvistiki // Studia Humanitatis. 2019. № 1. 14 s.
8. Sotsial'naya set' kak prostranstvo diskursa identichnosti i kvaziinstitut etnichnosti tsentral'noaziatskikh migrantov = Social network as a space for identity discourse and an ethnicity quasi-institution of migrants from Central Asia [Tekst]: kollektivnaya monografiya / pod nauch. red. I.P. Kuzhelevoi-Sagan; Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii, Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017.
9. Yue Syue. Metody issledovaniya politicheskogo diskursa v kontekste tsifrovizatsii gumanitarnykh nauk // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 1 (97). S. 136-143. URL: https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_01_15.
10. Blassnig S. Kontent-analiz v issledovatel'skom pole politicheskoi kommunikatsii: The Self-Presentation of Political Actors // In book: Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft - Standartizirovannyi kontent-analiz v issledovaniyakh kommunikatsii (pp.301-312). URL: https://doi.org/10.1007/978-3-658-36179-2_26

11. Eberl' Zh.-M., Tolochko P., Iost P., Khaidenraikh T., Bumgaarden Kh.G. Chto v poste? Kak nastroyenie i znachimost' voprosa vliyayut na emotsional'nye reaktsii pol'zovatelei Facebook // Journal of Information Technology & Politics. 2020. № 17 (1). S. 48-65.
12. Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V. The Sketch Engine: ten years on // Lexicography ASIALEX. 2014. Vol. 1. Pr. 7-36.
13. Programmnoe obespechenie dlya tekstovoi analitiki Provalis Research. URL: <https://www.predictiveanalyticstoday.com/provalis-research-text-analytics-software/>. Date: 17.08.2024.
14. Quirkos - programmnoe obespechenie dlya kachestvennogo analiza dannykh. URL: <https://www.quirkos.com/>. Date: 17.08.2024.
15. Skott Kh. Kriticheskii diskurs-analiz: Iskusstvennyi intellekt, sotsial'nye seti i analiz sotsial'nykh media // SESYNC. 2023. URL: <https://www.sesync.org/resources/critical-discourse-analysis-artificial-intelligence-social-network-social-media-analysis>. Date: 17.08.2024.
16. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/>. Date: 23.02.2024.
17. TermoStat. URL: <http://termostat.ling.umontreal.ca/index.php>. Date: 23.02.2024.
18. T-LAB: Tools for Text Analysis. URL: <https://www.tlab.it/features/#what>. Date: 17.08.2024.
19. Vodak R., Khosravinik M. Dinamika diskursa i politiki v pravom populizme v Evrope i za ee predelami: An introduction // In: Wodak R, KhosraviNik M, Mral B (eds) Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse. London: Bloomsbury, 2013. S. 27-28.

On the issue of the gender specificity of the sports news narrative

Pak Leonid Evgen'evich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Vladivostok State University

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Krasnoe Znamya ave., 51, sq. 230

✉ leonid.pak@wsu.ru

Abstract. The aim of the work is to identify the gender specificity of the sports news narrative. The object of the study is a sports news narrative. The subject of the study is the gender aspect of the sports news narrative. The relevance of this work is due to several reasons. Firstly, the research topic corresponds to the methodology of modern language science, since the scientific tools of narratology allow us to apply the categories of narrative intrigue, worldview and events with a high degree of effectiveness, to identify their correlation. Secondly, in the era of globalization and the participation of a significant number of people in sports events, the broadcast of sports news releases from the event site and the publication of news articles on the Internet, the study of the specifics of communication in the field of sports seems very timely. Thirdly, in relation to gender analysis, the sports news narrative makes it possible to identify the feminine and masculine specifics of verbal behavior in different cultures. The research methodology is based on an integrated combination of linguistic narrative, discursive and gender approaches. The main methods of this work are discourse analysis, linguistic narrative analysis and descriptive-comparative method and quantitative method. The novelty of this work lies in the fact that for the first time a

comparative gender analysis of the features of the sports news narrative is carried out. A two-stage methodology has been developed to identify the gender characteristics of sports news narrative texts. Conclusions: The common features of the feminine and masculine sports news narrative are a diegetic narrative strategy and a truncated narrative sequence. In the feminine sports news narrative, female authors arrange the elements of the statement so that the subsequent part becomes more expressive, richer and more impressive than the previous one (menopause). Male authors include extra-fictional elements in the text that delay the development of the image of the event, stimulating the curiosity of readers (retardation). Female authors implement an accusatory and emotive orientation. By implementing their communicative attitudes, they strive to assess the events taking place, declare their feelings and emotions, and strive to attract the addressee to empathy. The masculine sports narrative has a provocative and ironic orientation, male authors strive to establish and maintain contact with addressees, speech is characterized by a diverse set of vivid lexical and figurative means that can also have a paradoxical connotation, there is a desire to create an interesting and creative image to activate the attention of readers.

Keywords: gender specificity, focus of the sports narrative, narratological sequence, narratological strategy, narratology, news narrative, sports narrative, femininity, masculinity, linguo-narrative method

References (transliterated)

1. Todorov, Ts. Poetika / Ts. Todorov // Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. statei. – 1975. – S. 37–114.
2. Bakhtin, M. M. Voprosy literatury i estetiki / M. M. Bakhtin. – M.: Khud. lit., 1975. – 504 c.
3. Herman, D. (2009). Basic elements of narrative (272 p.). Chichester: Wiley-Blackwell.
4. Zhenett, Zh. Figury / Zh. Zhenett. – M.: Azbuka, 1998. – 944 s.
5. Shmid, V. Narratologiya / V. Shmid. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. – 312 s.
6. Tyupa, V. I. Bakhtin i narratologiya / V. I. Tyupa // Literaturovedcheskii zhurnal. – 2021. – №54. – S. 120–133.
7. Tyupa, V. I. Yu. M. Lotman i sovremennaya narratologiya / V. I. Tyupa // Filologicheskii klass. – 2022. – №1. – S. 55–62.
8. Moshtyleva, E. S. Modeli narratsii v sovremennoi russkoyazychnoi internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskii i lingvostilisticheskii analiz, diss. kand. filol. nauk. / Moshtyleva Ekaterina Sergeevna [Mesto zashchity: Nizhnii Novgorod], 2021. – 190 s.
9. Kachanov, D. G. Mul'timediinyi zhurnalistskii narrativ: k opredeleniyu ponyatiya / D. G. Kachanov // Medial'manakh. – 2021. – № 3 (104). – S. 20–29.
10. Bulataya, E. V. Osobennosti ironicheskogo narrativa N. V. Gogolya / E. V. Bulataya // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. – 2023. – №3. – S. 36–47.
11. Nikolaeva, O. V. Medianarrativ «Aziatskii vek» skvoz' prizmu natsional'nykh narrativov Vostoka i Zapada / O. V. Nikolaeva // Voprosy sovremennoi lingvistiki. – 2023. – №4. – S. 73–86.
12. Deik, van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / T. A. van Deik. – M.: Progress, 1989. – 310 s.
13. Belyakov, M. V. Problema semanticheskikh sdvigov v sovremennom russkom yazyke: korpusnoe issledovanie na primere novostnogo mediadiskursa / M. V. Belyakov, O. I.

- Maksimenko // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2024. – №1. – S. 174–194.
14. Dunas, D. V. Otrazhenie metanarrativov v molodezhnykh onlain-soobshchestvakh (na primere VK i Telegram) / D. V. Dunas, D. A. Babyna, O. A. Boiko, S. A. Vartanov, D. M. V'yugina, A. N. Gureeva, A. A. Gladkova, E. A. Salikhova, A. V. Tolokonnikova, G. S. Filatkina // Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki. – 2023. – №12. – S. 2285–2297.
 15. Paramonova, M. I. Funktsionirovanie gipertekstovykh perekhodov v setevom novostnom politekstovom narrative (na materiale veb-versii angloyazychnykh gazet) / M. I. Paramonova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2022. – №6. – S. 1927–1934.
 16. Ryabukhina, A. A. Zhestovoe povedenie pri porozhdenii ironicheskogo vyskazyvaniya: gendernyi aspekt // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2023. – №5 (873). – S. 100–106.
 17. Gritsenko, A. N. Novye metaforicheskie modeli v sovremennom sportivnom diskurse / A. N. Gritsenko, P. V. Moroslin // Nauchnyi dialog. – 2022. – №5. – S. 211–225.
 18. Rogozin, A. Yu. Sportivnaya leksika v angloyazychnom predvybornom diskurse / A. Yu. Rogozin // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – №5 (110). – S. 164–174.
 19. Sport-ekspress. URL: <https://www.sport-express.ru/football/> (data obrashcheniya: 06.06.2024).
 20. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/en/sports/article/> (data obrashcheniya: 01.04.2024).
 21. BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/> (data obrashcheniya: 08.03.2024).
 22. Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
 23. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/> (data obrashcheniya: 03.02.2024).
 24. Forbes Sport. URL: <https://www.forbes.ru/sport/> (data obrashcheniya: 03.04.2024).
 25. DW. URL: <https://www.dw.com/> (data obrashcheniya: 03.03.2024).
 26. Labov, W. (2001) Uncovering the event structure of narrative. Georgetown University Round Table (Pp. 63–83). Georgetown: Georgetown University.
 27. Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
 28. Aljazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
 29. Match TV. URL: <https://matchtv.ru/> (data obrashcheniya: 21.02.2024).
 30. Chempionat. URL: <https://www.championat.com/> (data obrashcheniya: 05.03.2024).
 31. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/sports/> (data obrashcheniya: 06.03.2024).

Modern literary museums: from an exhibit to visualization (using the example of the Moscow Dostoevsky house)

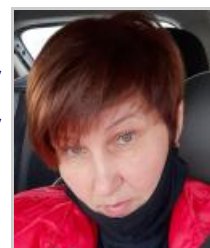
Akasheva Tatiana

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455006, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 26, office 455006

✉ akasheva.tv@yandex.ru

Zharkova Aleksandra

Zharkova Alexandra

455006, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Zavetnaya str., 22

✉ alexa_04-04@list.ru

Abstract. This article is devoted to new forms of representativeness of the cultural and historical values of a literary museum on the example of Dostoevsky's Moscow House. The modern concept of museum complexes offers not only the preservation and demonstration of exhibits, but also the possibility of joint participation, cooperation and emotional interaction. The aim of the work is to consider the importance of visualization as a trend in the development of museums to create a completely new museum product and attract young people. Relevant today is the search for new formats of expositions in literary museums in order not only to preserve the heritage, but also to introduce more people to books, literature and spirituality. Today "Moscow House of Dostoevsky", which opened on November 15, 2021 after restoration, is an integrated complex that combines all types of perception. The novelty of the work lies in the description of modern trends in the development of museums and the search for their reflection in the museum of F.M. Dostoevsky. The study used the search method, analysis and observation. The empirical material is based on the authors' personal impressions of visiting the Dostoevsky House in Moscow. The result of the work is a description of the modern exposition of the museum with elements of visualization and complicity of visitors. The authors came to the conclusion that this museum can serve as a successful example of a project to preserve the heritage of the Russian writer F.M. Dostoevsky and attract more visitors at the state and professional level.

Keywords: project, Russian literature, heritage preservation, Dostoevsky Moscow House, modern concept, museum business, exhibit, literary heritage, literary museum, visualization

References (transliterated)

1. Vlaskin A. P., Rudakova S. V. Skvoznoi motiv «ofitserstva» v tvorchestve F. M. Dostoevskogo // Libri Magistri. 2022. № 4 (22). S. 13–27.
2. Eresova V.V. Modernizatsiya muzeinoi kommunikatsii v usloviyakh obshchestva potrebleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2019. № 2 (39). S. 92–96.
3. Ermolin E. A. Literaturnyi muzei kak proekt grazhdanskogo obshchestva // Literaturnyi muzei na poroge KhKhI v.: problemy vyzhivaniya i razvitiya: materialy konferentsii literaturnykh muzeev Rossii, 10–13 sent. 2002 g., g. Pyatigorsk. M.:Materik, 2003. S. 57.
4. Klimov L. «Nabokov – eto stul...» // Muzei. 2010. № 7. S. 29.
5. Kuptsova O. N. Pervye russkie literaturnye muzei: opyt memorializatsii // Dom-muzei pisatelya: opyt i sovremennost': 11-e Gogolevskie chteniya: sb. st. po mat.mezhdunar. nauch. konf., Moskva 1–3 apr., 2011 g. / pod obshch. red. V. P. Vikulovoi. Novosibirsk: Novosib. izd. dom, 2011. S. 36.
6. Mastenitsa E. N. Literaturnyi muzei kak modus sovremennoi kul'tury // VESTNIK Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Nauchnyi zhurnal. № 3(32), 2017. S. 88–90.
7. Mastenitsa E. N. Literaturnye muzei Rossii: genesis i evolyutsiya URL: [https://vestnik.spbgik.ru/vestnic_jurnal/340268---22203044_2017_-_2\(31\)/0108-](https://vestnik.spbgik.ru/vestnic_jurnal/340268---22203044_2017_-_2(31)/0108-)

0111_Mastenitsa.pdf (data obrashcheniya 7.09.2023)

8. Nekrasov S. M. Tri epokhi muzeya. SPb., 2000. S. 5–15.
9. Nikonova A.A. Muzeinaya evristika: pro et contra // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury. 2016. № 3 (24). S. 9–16.
10. Pilyak S.A. Interpretatsiya material'nogo kul'turnogo naslediya v kontekste muzeya // Idei i idealy. 2020. T. 12, № 3, ch. 2. S. 337–351.
11. Sundieva A.A. O bazovykh ponyatiyakh muzeinoi nauki // Muzei. 2009. № 5. S. 4–9.

Mediatization of corporate conflict in the context of digitalization

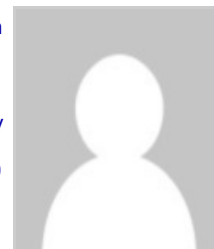
Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor, Department of Mass Communications Management, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

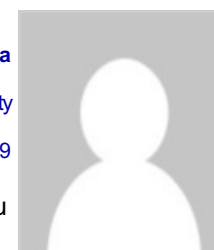

Druzhkova Valeriya Igorevna

Graduate student; 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9, room 709

✉ st110165@student.spbu.ru

Abstract. The study analyzed the role of online media, social networks and other online platforms in the formation and dissemination of information about the conflict, as well as its impact on the interaction between commercial companies and their customers. The object of the study is the process of mediatization itself, which plays a significant role in corporate conflicts, having a significant impact on public opinion, the image of the company, determining the course and consequences of the conflict. With the development of information technology, digitalization and the spread of the Internet, the mediatization of corporate conflicts is becoming particularly important. The subject of the study is the system of communication practices of a large commercial company during a period of mediatized crisis. Corporate conflict is considered as an important aspect in the decision-making process in the management of the brand and reputation of the organization. The main research methods are: survey – collection and analysis of data from participants in the conflict, as well as a case study method, which allowed us to consider a specific case in detail through analysis of the key problem, factors influencing the conflict and management decisions made. The study of the phenomenon of mediatization of corporate conflicts has revealed new aspects and trends in the development of complexly regulated contradictions in the Internet space. In addition, the impact of mediatization on the reputation management of commercial companies in the context of corporate conflict was studied.

The process of mediatization of corporate conflicts was considered as a multidimensional phenomenon, which includes not only the use of media resources to highlight conflict situations in organizations, but also the transformation of the nature of the conflict itself under the influence of the media.

The results of the study showed that mediatization helps to accelerate the escalation of conflict through the instant dissemination of information. At the same time, well-organized

interaction with the media allows companies to control information flows, minimize damage and manage public opinion.

Keywords: anti-crisis communications, reputation management, conflict management, media, digitalization, social conflict, corporate conflict, mediatization, marketplace, management

References (transliterated)

1. Hjarvard, S. The mediatization of society: a theory of the media as agents of social and cultural change, 2008. Pp. 107-128.
2. Thompson J. B. The media and modernity: A social theory of the media. – Stanford University Press, 1995. Pp. 30-37.
3. Kovalenko E.I. Dobrosovestnost' i razumnost' kak faktory snizheniya riska vozniknoveniya korporativnogo konflikta // Bezopasnost' biznesa. 2014. M 2. S. 17-19.

Functioning and translation of English and Russian architectural terms in academic discourse

Uryupina Anna Dmitrievna

Assistant, Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ uryupina_ad@pfur.ru

Abstract. The study provides the analysis of architectural terminology in English and Russian in academic discourse. The object of the study is the terminological system of architecture. The subject of the study is the specifics of the use, functioning and translation of English and Russian architectural terminology in academic discourse. The classification and systematization of architectural terms, their hierarchical structure and functional types in academic texts are considered. In addition, the interdisciplinary nature of the architectural sublanguage is emphasized, which intersects with terms from the fields such as engineering, architecture, construction, art and design. The paper also identifies existing difficulties and problems that arise when translating English and Russian-language architectural terms, including differences in the linguistic structure of languages, semantic ambiguity, the need for a high degree of specialization of the translator for the correct interpretation of the term, the use of idiomatic and figurative language to describe some architectural terms, etc. The study uses a comprehensive methodology, in particular, methods of comparative and component analysis, as well as methods of corpus linguistics used to study semantic fields, hierarchical relationships and functional types of terms. The research results emphasize the importance of standardization of architectural terminology, understanding of cultural and historical background, as well as technical knowledge to ensure effective communication in the global architectural community. Analyzing the corpus of texts, including dictionaries, architectural reviews and academic articles, the author explains how specific terms function in academic discourse. This study makes a special contribution to the development of linguistic research in the field of architecture, offering an in-depth analysis of semantic fields and their role in structuring architectural vocabulary. The novelty of the research lies in an integrated approach to the study of the functioning and translation of architectural terms, which allows to identify the difficulties associated with the interdisciplinary character of the terminology. The results of the study will be useful not only for teachers and translators, but also for international

experts in the field of architecture.

Keywords: English terminology, translation, terminology systematization, LSP, academic discourse, architectural terminology, architecture, terminology, term, Russian terminology

References (transliterated)

1. Coxhead A. Vocabulary and Language for Specific Purposes // The Encyclopedia of Applied Linguistics. Edinburgh: Blackwell Publishing Ltd., 2012. P. 1-6.
2. Gunnarsson B-L. Language for Special Purposes // Encyclopedia of Language and Education. Dordrecht: Springer, 1977. – P. 105-117.
3. Gollin-Kies S., Hall D.R., Moore S. H. Language for specific purposes. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
4. Sakaeva L.R., Bazarova L., Kalinina A., Makayeva G., Gulkanyan M. English and Russian architectural and construction terminology: approaches to classification and systematization of terms // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. № 890 (1).
5. Fernandez T., Florez de la Colina M. A., Peters P. Terminology and terminography for architecture and building construction // Teaching and Learning Terminology. 2008. № 15 (1). P. 10-36.
6. Davies N., Jokiniemi E. Dictionary of Architecture and Building Construction. Oxford: Architectural Press, 2008.
7. Gorse C., Johnston D. A Dictionary of Construction, Surveying and Civil Engineering. Oxford: Oxford University Press, 2012.
8. Cowan J. H., Smith P. Dictionary of architectural and building technology. New York: The Taylor and Francis e-Library, 2005.
9. Shirokova L. N. Novyi anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' po arkhitekture, stroitel'stvu i nedzhizhimosti: svyshe 100000 terminov, sochetanii, ekvivalentov i znacheniiyu. Moskva: Zhivoi yazyk, 2009.
10. Thelen M. The interaction between terminology and translation or where terminology and translation meet // Trans-kom. 2015. № 8 (2). P. 347-381.
11. Belogub V.D., Churov Yu.V. Kratkii anglo-russkii arkhitekturnyi illyustrirovannyi slovar'. Khar'kov, 2003.
12. Caballero R. Re-Viewing Space: Figurative Language in Architects' Assessment of Built Space // Journal of Pragmatics. 2009. № 41. P. 1874-1877.
13. ArchiWindow: A Glimpse Through the Eyes of Architecture. [elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.archdaily.com/556587/archiwindow-a-glimpse-through-the-eyes-of-architecture> (data obrashcheniya: 05.06.2024).

The Motif of Predestination in the Novel "Slaughterhouse-Five" by Kurt Vonnegut

Nefedova Olga Igorevna

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Foreign Languages; Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow, Maly Kazenny lane, 5B, room 254

✉ olgonaftik@yandex.ru

Abstract. American literature and culture has its roots, among other things, in the religious views of the early settlers, so that many themes and motifs important to Christianity are touched upon and reinterpreted by writers in their contemporary realities. Such national motifs often reflect the core foundations of culture, the systematic analysis of which in diachrony is one of the important problems and represents the scientific novelty of this study. The subject of this study is the peculiarities of the realization of the predestination motif in Kurt Vonnegut's novel "Slaughterhouse-Five", or, "The Children's Crusade" (1969). The American writer considers predestination as an attitude to time and life philosophy and tries to reveal the relevance of such a vision of fate of people within the context of consumer society after the Second World War. The aim of the article is to reveal, through the analysis of character images, symbols and allusions, the essence of the predestination motif in the novel "Slaughterhouse-Five". The methodology includes a complex combination of comparative-historical, cultural-historical, structural and biographical methods with elements of motive analysis and psychological approach. The images of robot aliens from the planet Tralfamador and Billy Pilgrim, who had a traumatic experience in the war, are the expression of this motif. As a result, the researcher concludes that the characters' belief in predestination and in the fact that nothing can be changed allows to a certain extent to ignore the negative emotions that stimulate uncontrolled travel through the time loop of memories, but cannot get rid of them completely. At the same time, avoidance as a defense mechanism of the psyche keeps one from being involved in one's life and allows cruelty to occur. K. Vonnegut does not agree with this approach and proposes to return to the present moment and set the boundaries of what is possible to change and what is not, relying on humanistic values.

Keywords: time, postmodernism, avoidance, memory, agency, war, PTSD, trauma, predestination, motif

References (transliterated)

1. Alkon P. K. Science Fiction Before 1900: Imagination Discovers Technology. NY: Twayne Publishers. 1994.
2. Bergson H. Duration and Simultaneity. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965.
3. Harris C. B. Time, uncertainty, and Kurt Vonnegut, Jr.: a reading of 'Slaughterhouse-Five' // The Centennial Review, vol. 20, No. 3, 1976. Pp. 228-243.
4. Herbert J. X., Frederick S. Love and Charity: A Biblical Humanistic Study of Kurt Vonnegut's God Bless You Mr. Rosewater // World Journal of English Language. Vol 12, No 5, 2022. Pp. 83-89.
5. Hume K. Vonnegut's Self-Projections: Symbolic Characters and Symbolic Fiction // The Journal of Narrative Technique. vol. 12, No. 3, 1982. Pp. 177-190.
6. Rubens P. M. 'Nothing's Ever Final': Vonnegut's Concept of Time // College Literature. Vol. 6, No. 1. 1979, Pp. 64-72.
7. Savinich S.S. Rethinking of the Category of Genre and Genre Interaction in the Novel by K. Vonnegut "Galápagos" // Teoriya zhanra i metod v zarubezhnoi literature: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov po literaturovedeniyu. Materialy uchastnikov mezhdunarodnogo literaturnogo kollokviuma. Moskva: MGPU, 2023. S. 180-185.
8. Vanderwerken D. L. Kurt Vonnegut's Slaughterhouse-Five at Forty: Billy Pilgrim – Even More a Man of Our Times, Critique: Studies in Contemporary Fiction. 54:1, 2013. Pp. 46-55.
9. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five, or, The Children's Crusade: A Duty-Dance with Death. New York: Dial Press, 2005.

10. Baranova K.M., Afanas'eva O.V. Motiv predopredelenie v romane Marka Tvena «Prikl'yucheniya Toma Soiera» // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. № 3 (23), 2016. C. 8-17.
11. Baranova K.M., Fedorenko O.Ya. Motiv «predopredelenie» v povesti C. Kinga «Tuman» // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. № 2 (46), 2022. C. 7-17.
12. Belyaeva V.E., Strel'tsova G.V. Tvorchestvo K. Vonneguta kak otrazhenie lichnoi travmy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. № 1, 2023. C. 77-86.
13. Lyubeeva S.V. Fenomen mezhpokolencheskoi peredachi psikhicheskoi travmy v debutnykh proizvedeniyakh K. Isiguro // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. № 4 (44), 2021. S. 123-129.
14. Petrov A.V. Vremya kak prostranstvo: modelirovanie opyta v romane Kurta Vonneguta «Boinya nomer pyat'» // Amerikanskii issledovaniya v Sibiri. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii vypusknikov Programmy Fulbraita «Amerikanskii idei v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri». Vyp. 8. Tomsk: Izd-vo TGU, 2005. S. 176-184.
15. Tomskaia N.N. Predposylki vozniknoveniya dramaturgii teatra absurda // Yazyk i literatura v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh trudov po lingvistike i literaturovedeniyu. Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet. Moskva, 2021. S. 132-137.
16. Tropina N.A. Intertekstual'nye elementy v p'ese Marka Ravenkhilla «Shopping & F***ing» // Nauchnyi start-2022. Moskva: MGPU, 2022. S. 573-578.
17. Cherednikova E. A., Abramenko E. V., Tarasova Yu. V. Puteshestvie vo vremeni kak sledstvie travmaticheskikh vospominanii geroya (na materiale romana K. Vonneguta "Boinya nomer pyat'") / E. A. Cherednikova, E. V. Abramenko, Yu. V. Tarasova // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal T. 8. № 4 (29), 2019. S. 199-202.
18. Shalimova N.S., Mogish A.A. Reprezentatsiya «neproidennoi initsiatsii» v postmodernistskoi literature v romane Dzh. Apdaika «Braziliya» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 16. № 5, 2023. S. 1371-1374.

Koan and its implementation in V. Pelevin's prose

Gong Anping

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9-11B

✉ gap0921liza@yandex.ru

Abstract. The philosophical thought of Zen Buddhism is widely used in the work of Victor Pelevin, it becomes an integral element of his early works. The most important and typical feature of Zen Buddhism is the use of "koan" to understand the philosophical thought of Zen Buddhism. The original meaning of the word "koan" is a judicial document of the ancient Chinese government. Later, the term "koan" was borrowed by Zen Buddhism, and its content is usually a story about a Zen master, a dialogue between the master and his disciples, questions and hints from the master. This article examines the implementation of koans in V. Pelevin's novel Chapaev and the Void. The object of the study is the poetics of V. Pelevin's work, the subject of the study is the koan and its implementation in the writer's prose. Within

the framework of this work, comparative typological, cultural-historical, structural-poetic methods are combined. The theoretical and methodological basis of the research is the works on the methodology of intertextuality, religious studies and narratology. The novelty of the work lies in the fact that it shows and analyzes the process of artistic realization of Zen Buddhist koans in Victor Pelevin's prose. Existing studies have focused more on the interpretation of the concept and philosophical thought of Zen Buddhism in Pelevin's works, they do not study the implementation and adaptation of Zen Buddhist koans in the writer's prose, and ideological differences between different Zen schools are also ignored. It is shown that these koans are realized in V. Pelevin's novel *Chapaev and the Void* through dialogue and the behavior of the characters. The plot of the novel follows the sequence of the enlightenment process in the koan of Zen master Qingyuan Xingxi. The Zen practice experience of the protagonist Peter the Void is a constantly improving game, and the standard of evaluation in the game is the degree of understanding of the koan.

Keywords: The Butterfly Dream, Linji school, Heart Sutra, philosophy, enlightenment, Chapayev and Void, zen buddhism, koan, Victor Pelevin, collective unconscious

References (transliterated)

1. Vадzhrachchkhedika prадzhnyaparamita-sutra / Almaznaya Sutra / Per. E. A. Torchinova // Psikhologicheskie aspekty buddizma. Novosibirsk, 1986. S. 34–45. 2-e izd. Novosibirsk: Nauka, 1991.
2. Drevnii Vostok. Sutra serdtsa. Pradzhnya-paramity / Per. E. A. Torchinova // Vvedenie v buddologiyu: Kurs lektsii. Spb: Sankt-Peterburgsk. filosofsk. obshchestvo, 2000. С. 252–267.
3. Kapra F. Dao fiziki: issledovanie parallelei mezhdru sovremennoi fizikoi i vostochnoi filosofiei. SPb.: ORIS; YaNA-PRINT, 1994. 304 s.
4. Lin'-tszi Lu / Vstup. st., per. s kit., komment. i grammat. ocherk I. S. Gurevich. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. 272 s.
5. Lysenko V. G. Sharira. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b12915c2274839b541a> (data obrashcheniya: 28. 07. 2022 g.).
6. Maslov A. A. Pis'mena na vode: pervye nastavniki chan' v Kitae. M.: Sfera, 2000. 604 s.
7. Pelevin V. O. Chapaev i Pustota. SPb.: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2022. 352 s.
8. Sudzuki D. T. Ocherki o dzen-buddizme. Ch. 1. SPb.: Nauka, 2002. 472 s.
9. Fen Yu-lan'. Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii / Per. s angl. R. V. Kotenko. SPb.: Evraziya, 1998. 376 s.
10. Chzhuan-tszy. Le-tszy / Per. s kit., vstup. st. i primech. V. V. Malyavina. M.: Mysl', 1995. 439 s.
11. Yung K. G. Istoriya zarubezhnoi psikhologii (30–60-e gg. XX veka). M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1986. 344 s.
12. Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. New York.: Evergreen Black Cat Book, 1964. 132 p.

Prefix ot: semantic class "Deprivation of functions" in the Russian language of the XI-XVII centuries.

Sereda Dmitrii Mihailovich

Senior Lecturer; Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication; Southern Federal University

344052, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Pushkinskaya str., A, 150

✉ dsereda@sfedu.ru

Abstract. The proposed article is devoted to the formation and development of the semantic class "Deprivation of functions" of verbs with the prefix *ot-* in the history of the Russian language of the pre-national period. The object of the study is derivatives with the prefix *ot-*, which have the meaning of 'deprivation of functions'. The subject of the study is the mechanisms of the development of polysituativity in the analyzed lexemes. The author examines in detail such aspects of the topic as the historical processes of the origin of the semantic class "Deprivation of functions" in the Old Russian language, as well as its further development in the Old Russian period, where, depending on the nature of the negative impact and the characteristics of the denotative structure, it is divided into three subclasses: 1) "the impact of a negative state", 2) "causative effect" and 3) "negative impact on oneself". Special attention is paid to the analysis of the denotative and word-formation level of the verbs under consideration. Studies of prefixal verb derivation in the framework of cognitive linguistics are an urgent area of modern word formation. To analyze the semantics of verbal lexemes, a method of polysituative analysis developed by N. B. Lebedeva is proposed. The denotative structure of the verb is considered as separate propositions (situations) that are related to each other by various spatial, temporal or logical relationships. The novelty of the research lies in determining the main components that make up the denotative structure of derivatives of the semantic class "Deprivation of functions", analyzing their transformation in the history of the Russian language and identifying possible options presented in three subclasses: "the impact of a negative state", "causative effect", "negative impact on oneself". The word-formation specificity of the analyzed derivatives is determined.

Keywords: denotative structure, the method of polysituative analysis, the verbal prefix *from-*, semantic class, semantic network, verbal word formation, Cognitive linguistics, The situation, the Old Russian language, Old Russian language

References (transliterated)

1. Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika*. – M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1998. 288 s.
2. Dobrushina E. R., Mellina E. A., Païar D. *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo*. – M.: «Russkie slovari», 2001. 270 s.
3. Plungyan V. A. *Pristavka pod-v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoi seti* // *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. – T. 5. – № 1. *Glagol'nye prefiksy i prefiksial'nye glagoly*. – M., 2001. S. 95–124.
4. Dzhemakulova E. M., Sigalov P. S. *Istoriya russkikh finitivnykh glagolov* // *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii*. XXV. – Tartu, 1975. (Uchen. zap. / Tart. gos. un-t. Seriya lingvistich. Vyp. 375). S. 41–59.
5. Nefed'ev M. V. *Semanticheskaya evolyutsiya glagol'nykh pristavok na-i ob-v istorii russkogo yazyka XI–XVIII vv.* // *Voprosy yazykoznaniiya*. – M., 1994. № 4. S. 73–83.
6. Dmitrieva O. I. *Dinamicheskaya model' russkoi vnutriglagol'noi prefiksatsii*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2005. 224 s.
7. Tabachenko L. V. *Pod-pristavochnye glagoly v znachenii 'tainoe poluchenie informatsii'*

- v istorii russkogo yazyka // XV Kongress MAPRYaL: Izbrannye doklady / redkol.: N. A. Bozhenkova, S. V. Vyatkina, V. N. Klimova i dr.; otv. red. M. S. Shishkov. – SPb.: MAPRYaL, 2024. S. 341–346.
8. Païar D. Formal'noe predstavlenie pristavki ot- // Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke. Sb. statei. – M.: Russkie slovari, 1997. S. 87–112.
 9. AG-80 – Russkaya grammatika. – M.: Nauka, 1980. – T. I–II. 709 s.
 10. Lebedeva N. B. Polisituativnyi analiz glagol'noi semantiki / Otv. red. O. I. Blinova. Izd. 3-e. – M.: LENAND, 2021. – 192 s.
 11. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 13. – M.: Nauka, 1987. 316 s.
 12. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta. // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?1Cor.11&r~c> Data dostupa: 27.08.2024.
 13. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. 6. – M.: Izd-vo «Azbukovnik», 1988. 608 s.
 14. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.: Per. s nem. – 2-e izd., stereotip. – M.: Progress, 1986. – T. 2. 672 s.
 15. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Vyp. 10: pod obshchei redaktsiei A. F. Zhuravleva i N. M. Shanskogo. – M.: Izd-vo MGU, 2007. 400 s.
 16. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond. Vyp. 19 (*męs(,)ar' – *morzak"): pod redaktsiei akademika RAN O. N. Trubacheva. – M.: Nauka, 1992. 254 s.
 17. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 11. – M.: Nauka, 1986. 457 s.
 18. Kapterev N. F. Patriarkh Nikon i tsar' Aleksei Mikhailovich. T. 2. – Sergiev-Posad: tip. Sv.-Troits. Sergievoi lavry, 1912. 617 s.
 19. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 6. – M.: Nauka, 1979. 361 s.
 20. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 26. – M.: Nauka, 2002. 281 s.
 21. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 14. – M.: Nauka, 1988. 311 s.
 22. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 15. – M.: Nauka, 1989. 288 s.

Light in Rasputin's prose

Zhang Lei

Postgraduate student; Department of Philology and Methodology, Irkutsk State University

664000, Russia, Irkutsk, Universitetskiy, 70

✉ 634883618@qq.com

Abstract. The subject of the study is the peculiarities of the use of words denoting light and its shades in the works of V. G. Rasputin.

The paper uses methods of structural-semiotic analysis using elements of cultural analysis, and also uses the method of interpreting an individual text and analyzing individual stylistic elements.

The methodological basis consists of the works of scientists on the study of the poetics of the work, and the artistic world of V. G. Rasputin's prose.

The novelty of the study lies in the fact that for the first time the features of light designations in the works of V. G. Rasputin have been identified and described.

Shades of color associated with lighting are an important part of the artistic world. In the prose of V. G. Rasputin, this is light, sparks, brilliance, radiance, sparkling and flickering. Light in the works of V. G. Rasputin is carried by the sun, moon, stars, and electric light. The

absence of light becomes symbolic and embodies doom, loss. Light is used in landscapes that contrast with the state of the character. In portrait descriptions, light details of appearance mark positive characters. In descriptions of the details of the material world, light emphasizes the beauty of works of human labor. Shine, sparkle, flicker and radiance emphasize the beauty of nature, while the stylistic feature of landscape descriptions and objects in the works of V. G. Rasputin is the simultaneous combination of several light shades when describing pictures of nature, as well as their use in a metaphorical meaning to describe states of the characters. Brilliance in the portrait of characters, and radiance in the description of the details of the material world, are associated with the author's negative assessment of the character or situation.

Keywords: Details of the material world, Portrait and landscape, Individual author's meaning of light shades, Light painting in literature, Light and its shades, Artistic world of the work, Writer's style, Poetics of the works, Short novels and stories, Creativity of V. G. Rasputin

References (transliterated)

1. Kovtun N. V., Stepanova V. A. Problema gendernoi identifikatsii muzhskikh obrazov v tvorchestve V. Rasputina: dualizm psikhicheski-intellektual'nykh dominanta // Filologicheskii klass. 2014. № 2. S. 7-28.
2. Kosherenkova O. V. Simvolika tsveta v literature // Analitika kul'turologii. 2015. №2 (32). S. 163-169.
3. Rasputin V. G. Vasilii i Vasilisa // Izbrannye proizvedeniya: [v 2 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 2. 1984. S. 390-413.
4. Rasputin V. G. V tu zhe zemlyu... // V poiskakh berega: Povesti, rasskazy, stat'i. M.: Russkii mir": Moskovskie uchebniki, 2008. S. 264-298.
5. Rasputin V. G. Den'gi dlya Marii // Izbrannye proizvedeniya: [v 2 t.]. T. 1. M.: Molodaya gvardiya, 1984. S. 29-126.
6. Rasputin V. G. Doch' Ivana, mat' Ivana // Doch' Ivana, mat' Ivana: Povest', rasskazy. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. S. 5-232.
7. Rasputin V. G. Zhenskii razgovor // Nezhdannno-negadanno: povest' i rasskazy. M.: Det. lit., 2008. S. 285-300.
8. Rasputin V. G. Zhivi i pomni // Izbrannye proizvedeniya: [v 2 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 2. 1984. S. 5-206.
9. Rasputin V. G. Izba // V poiskakh berega: Povesti, rasskazy, stat'i. M.: Russkii mir": Moskovskie uchebniki, 2008. S. 299-330.
10. Rasputin V. G. Natasha // Izbrannye proizvedeniya: [v 2 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 1. 1984. S. 388-397.
11. Rasputin V. G. Nezhdannno-negadanno // V poiskakh berega: Povesti, rasskazy, stat'i. M.: Russkii mir": Moskovskie uchebniki, 2008. S. 331-368.
12. Rasputin V. G. Novaya professiya // Sobranie sochinenii: [v 4 t.]. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, T. 4. 2007. S. 308-355.
13. Rasputin V. G. Pozhar // Sobranie sochinenii: [v 3 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 2. 1994. S. 355-415.
14. Rasputin V. G. Poslednii srok // Izbrannye proizvedeniya: [2 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 1. 1984. – S. 127-289.
15. Rasputin V. G. Proshchanie s Materoi // Izbrannye proizvedeniya: [v 2 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 2. 1984. S. 205-389.

16. Rasputin V. G. Uroki frantsuzskogo // Izbrannye proizvedeniya: [v 2 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 1. 1984. S. 290-317.
17. Rasputin V. G. Chto peredat' vorone? // Izbrannye proizvedeniya: [v 2 t.]. M.: Molodaya gvardiya, T. 1. 1984. S. 369-387.
18. Chzhan V. Issledovanie assotsiativnogo znacheniya slov, oboznachayushchikh tsvet = 张伟伟 颜色词联想意义的初步研究 // Obuchenie yazykam i issledovaniya. 1988. № 3. S. 112-121.
19. Yurkov S. E. Kul'turno semioticheskie funktsii pravoslavnogo yurodstva // Izvestiya Tul'skogo gosuniversiteta. 2008. № 1. S. 30-38.